КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени В.И. Вернадского
СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЧЕРНОМОРСКИЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ СЕРБСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИШТИНА-ЛЕПОСАВИЧ (СЕРБИЯ)
УНИВЕРСИТЕТ ДЖАВАХАРЛАЛА НЕРУ (ИНДИЯ)

«ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОТВЕТЫ»

Сборник научных трудов
XXXVII Международного Харакского форума

(Симферополь, 5-7 ноября 2020 г.)

В двух томах

Том 2

Под общей редакцией Т.А. Сенюшкиной

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2021

УДК 32 (31)
ББК 74.00
П 50

Сборник зарегистрирован в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Главный редактор:
Т.А. Сенюшкина, *доктор политических наук, профессор*

Научные редакторы:

Е.А. Сенюшкин, *кандидат политических наук, доцент;*
П.И. Пашковский, *кандидат политических наук, доцент.*

Рецензенты:
Драган Танчич, доктор политических наук, профессор;
Миодраг Гордич, доктор политических наук, профессор;
Прити Дас, доктор политических наук, профессор.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

П 50 **Политическое пространство и социальное время:** Глобальные вызовы и цивилизационные ответы. Сборник научных трудов XXXVII Международного Харакского форума 5–7 ноября 2020 г., г. Симферополь. В 2-х т. Т. 2 / Под общ. ред. Т.А. Сенюшкиной; [науч. ред.: Е.А. Сенюшкин, П.И. Пашковский] – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2021. – 520 с.
ISBN 978-5-907376-87-8
ISBN 978-5-907376-89-2 (т. 2)

В сборнике размещены материалы XXXVII Международного Харакского форума «Политическое пространство и социальное время: Глобальные вызовы и цивилизационные ответы», состоявшегося в г. Симферополь 5 – 7 ноября 2020 г. Раскрываются актуальные проблемы, связанные с новейшими глобальными вызовами, которые рассматриваются с точки зрения различных методологических подходов. Анализируются как теоретические, так и прикладные аспекты современной политики.

УДК 32 (31)
ББК 74.00

ISBN 978-5-907376-87-8
ISBN 978-5-907376-89-2 (т. 2)

© Сенюшкина Т.А., 2021
© ИТ «АРИАЛ»,
макет, оформление, 2021

Participation of persons with disabilities in politics: international and national standards and experiences

Ananiev Jovan
Doctor of Political Science
University Goce Delchev- Shtip, Republic of North Macedonia, Professor
E-mail jovan.ananiev@ugd.edu.mk

Denkova Jadranka
Doctor of Public Administration
University Goce Delchev- Shtip, Republic of North Macedonia, Associate Professor
E-mail jadranka.denkova@ugd.edu.mk

Abstract: *In almost all countries around the world, people with disabilities are insufficiently integrated into different spheres of society, including politics. Discrimination and violation of rights in politics. Persons with disabilities are not sufficiently represented in parliaments and the executive branch, the electoral process is not enough accessible (information, campaigning and voting) and not everyone with intellectual disabilities have right to vote. Also, there is lack of participationin parties and their bodies. The paper content an overview of the legal framework and standards, practices and main challenges.*

Key words: *disability, politics, election, political party, discrimination, political participation.*

Участие инвалидов в политической жизни: международные и национальные стандарты и опыт

Ананьев Йован
Доктор политических наук
Университет Гоче Делчев - Штип, Республика Северная Македония, профессор
E-mail: jovan.ananiev@ugd.edu.mk
Денкова Ядранка
Доктор государственного управления
Университет Гоче Делчев - Штип, Республика Северная Македония, доцент
E-mail: jadranka.denkova@ugd.edu.mk

Аннотация: *Практически во всех странах мира люди с ограниченными возможностями недостаточно интегрированы в различные сферы жизни общества, в том числе в политику. Наблюдается дискриминация и нарушение прав в политике. Инвалиды недостаточно представлены в парламентах и органах исполнительной власти, избирательный процесс недостаточно доступен (информация, агитация и голосование), и не все люди с ограниченными интеллектуальными возможностями имеют право голоса. Кроме того, отсутствует участие в партиях и их органах. В статье представлен обзор правовой базы и стандартов, практики и основных проблем.*

Ключевые слова: *инвалидность, политика, выборы, политическая партия, дискриминация, участие в политической жизни.*

Legal framework and standards

Article 29 of the CRPD guarantees the political rights of persons with disabilities. It notes that states should ensure the right of persons with disabilities to "stand for elections, to effectively hold office and perform all public functions at all levels of government, the use of assistive and new technologies where appropriate." Article 29 also specifies that states actively promote "an environment in which persons with disabilities can effectively and fully participate in the conduct of public affairs, without discrimination and on an equal basis with others, and encourage their participation in public affairs," including in "the activities and administration of political parties [5, p. 14].

The 25th anniversary of the Moscow Document took place in 2016. On this occasion, eight recommendations were developed, as follows:

1 OSCE participating States should create an accessible environment for the participation of persons with disabilities in political and public life;

2 OSCE participating States should remove legal and administrative barriers preventing the participation of persons with disabilities;

3 OSCE participating States should create legal, policy and institutional frameworks enabling the participation of persons with disabilities;

4 OSCE participating States should provide inclusive education, civic education and take measures to raise public awareness of participation of persons with disabilities;

5 OSCE participating States should make efforts to increase the visibility of persons with disabilities;

6 OSCE participating States and inter-governmental organizations should ensure broad coalitions and co- operation to guarantee progress;

7 OSCE participating States should collect data about the participation of persons with disabilities and monitor the progress achieved; and

8 OSCE executive structures should implement measures to become more accessible to persons with disabilities.

In 2018, the Berlin Declaration of the OSCE Parliamentary Assembly observed that persons with disabilities "remain widely under-represented in parliaments across the OSCE region" and urged all OSCE participating States to ensure "participatory processes for persons with disabilities in all phases of developing legislation or policies in the spheres of political and public life.

in January 2017, the Committee on Equality and Non-Discrimination of PACE issued a report "The political rights of persons with disabilities: a democratic issue," elaborating on the challenges and good practices in Council of Europe member. states. The report emphasizes that persons with disabilities are hardly visible on the political stage or taken into consideration in voting processes [2, p. 26].

Disabiliry persons as membars of parliaments

In seven Member States, data from official government sources reveal the existence of one or more members of parliament who publically identify as having a disability. Of these, Croatia was the Member State with the most reported members of parliament with a disability [7] followed by Poland and the United Kingdom (3 each). In addition, the Greek national parliament has received two requests from parliamentarians for accommodation measures due to disability since 1996, while information from the Portuguese parliament indicates that one member claimed reduced income tax due to disability. Conversely, in Cyprus and Luxembourg official data ndicates that no members of the current national parliaments identify as having a disability [4, p. 32]

The right to vote for all

The Convention says that everyone has the right to vote. This means that all people with disabilities, have the same right to vote as other citizens. However, in many countries, people with intellectual disabilities and mental health problems cannot vote.

This is because they are under guardianship. They do not have legal capacity. This means that the law does not allow them to make important decisions in their lives.This is discrimination. Discrimination is when you treated badly or unfairly because you are different from other people. For example, because you have a disability. This is against article 29 of the Convention. Laws should treat all people fairly. Therefore people with disabilities should have the same right to vote. No one should declare a person incapable of voting.

No one should test if a person with disability is able to vote. However, only in few countries like Austria and Canada, laws say that all people can vote. Some countries, like the Czech Republic are changing their laws to make sure everyone can vote

Accessible elections

People with disabilities often find it hard to take part in elections. For example:

- The polling station is hard to find and enter.
- People do not know about their right to vote or stand for elections.
- Information about elections and voting is difficult to understand.

The Convention says that governments must make sure that people with disabilities have access to elections. This means:

- Making sure that the ways of voting and the voting papers are easy to use and understand.
- Making sure people with disabilities can vote in secret as other citizens.
- Allowing a person with disability to choose someone to help them express their choice in elections, like an assistant.

Many countries try to make it easier for people with disabilities to take part in elections.

- Some countries train people who organise elections to support people with disabilities.
- Some countries make the polling stations accessible.
- Some countries allow people with disabilities to vote in other places.

It is important that these other places are only used when it is not possible or very difficult to vote normally.

All polling stations should be made accessible.

- Some countries, like Finland or France make the information about elections easy to use and understandable for all.
- Some countries have campaigns to tell people with disabilities about their right to vote.
- Most countries allow people with disabilities
- to choose someone to help them vote.
-
- But all countries must still make efforts allow people with disabilities to take part in elections [3, p. 6].

Political Party and persons with disability

Political parties are often referred to as the "gatekeepers" to participation in political life, including in national parliaments and municipal assemblies. To increase parties' outreach to persons with various types of disabilities, both as candidates and voters, first steps would include providing political party programmes, manifestos and other information in accessible formats, including in easy to read, audio, large- font formats, and by using sign language interpretation. Similarly, parliaments should be encouraged to lead by example, by making their committees and public sessions fully accessible and by providing reports and other information in accessible formats, both offline and online. In addition, discussions with political parties and national parliaments are crucial to increasing awareness of the importance of making their structures more inclusive for persons with various types of disabilities. Such initiatives should be organized together with persons with disabilities and their representative organizations [1, p. 7]. Finally, individual support mechanisms, including financial means to compensate for expenses associated with disability, should be provided to allow candidates with disabilities to run for public positions. At the same time, stronger co-operation among different members of parliament would ensure greater focus on disability issues. One example at the European Union level is the platform provided by the Disability Intergroup of the European Parliament.

Common reasons for non participation

- Outdated paternalistic approaches and prevailing social stereotypes;
- Lack of access (physical, linguistic and infrastructural, as well as to information);
- Legal and administrative barriers (including restrictions on legal capacity);
- Institutional segregation (in schools, workplaces and public institutions);
- Lack of quality inclusive education;
- Limited support and funding for participation;
- Poverty; and
- Lack of comparable data, disaggregated by disability,
- and lack of monitoring mechanisms at the national level. [1, p. 3].

Literature:

1. Persons with Disanilities and Ensuring their Right to Participate in Political and Private Life, OSCE ODIHR, 2013
2. Guidelines on Promoting the Political Participation of Persons with Disanility, OSCE ODIHR, 2018
3. Persons with Disabilities Taking Part in Politics, OHCHR, 2015
4. The right to political participation for persons with disabilities: human rights indicators, FRA, EU, 2014
5. Convention on the Rights of Persons with Disabilities, UN.

Интеллектуально-инновационные ресурсы человеческого капитала как основа формирования личности горного инженера

Лойко О. Т.
доктор философских наук
Томский политехнический университет,
профессор Школы базовой инженерной подготовки (ШБИП),
отделения социально-гуманитарных наук (ОСГТ)
E-mail: Loyko2011@yandex.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07350.

Аннотация*. Подготовка горных инженеров для угольной промышленности требует ответа на вопрос: насколько ресурсная и образовательная база подготовки специалистов именно этого направления, в рамках практико-ориентированного учебного процесса способствует формированию компетенций, направленных на успешную работу в горнодобывающей промышленности. Объектом исследования выступает анализ человеческого капитала как ресурса интеллектуально-инновационного развития личности горного инженера. Дается определение человеческого капитала и особенностей его развития в обществе знания. Выявляется динамика изменений характера труда в горнодобывающей промышленности. Предлагаются рекомендации по включению в образовательный процесс новых дисциплин по выбору обучающихся.*

Ключевые слова: *человеческий капитал, интеллектуально-инновационные ресурсы, личность горного инженера.*

Intellectual and innovative resources of human capital as the basis for the formation of the personality of a mining engineer

Loyko Olga T.,
Doctor of Philosophical Sciences,
Tomsk Polytechnic University
Professor at School of Core Engineering Education, Division for Social Sciences and Humanities
E-mail: Loyko2011@yandex.ru

Abstract: *Training of mining engineers for the coal industry requires an answer to the question: how much the resource and educational base for training specialists in this particular area, within the framework of a practice-oriented educational process, contributes to the formation of competencies aimed at successful work in the mining industry. The object of the research is the analysis of human capital as a resource of intellectual and innovative development of a mining engineer's personality. The definition of human capital and features of its development in the knowledge society is given. The dynamics of changes in the nature of labor in the mining industry is revealed. Recommendations for inclusion in the educational process of new disciplines of students ' choice are offered.*

Keywords: *human capital, intellectual and innovative resources, personality of a mining engineer.*

Общество знания предъявляет новые требования к работнику, включающие способности постоянно совершенствовать свои личностные компетенции, взращивать и преумножать человеческий капитал, ориентируясь на собственные интеллектуально-инновационные ресурсы. Сказанное выше в полной мере применимо к выпускнику современного университета, обучающемуся по специальности «Горное дело». В настоящей статье ставится задача проанализировать изменения, произошедшие в характере и сущности человеческого капитала и предложить варианты решения проблем подготовки кадров горных инженеров посредством развития интеллектуальных потенций его личности.

Причины, определившие объект исследования, следующие:

1. Возрастает значимость добычи полезных ископаемых, на что ориентирует постановление Правительства о развитии угольной промышленности России на период до 2030 года, в котором отмечается: «Угольная промышленность, обладая значительными разведанными и прогнозными запасами угля, имеет все возможности для эффективного их извлечения и использования в целях стабильного обеспечения

внутренних потребностей в угольной продукции и развития экспортных поставок»[1].

2. Падение престижа интеллектуального труда в угольной промышленности, слабая материальная и моральная заинтересованность, старение кадров, составляющих основу горнодобывающей промышленности. Недостаточное внимание к развитию интеллектуальных и инновационных ресурсов человеческого капитала, которое выразилось в падении уровня жизни населения, роста профессиональных и социальных заболеваний безработице, распространение криминала и т.п. [2, с. 90].

3. Снижение качества подготовки инженеров по направлению «Горное дело», не в полной мере ориентированное на развитие личности обучаемого, его интеллектуальных сущностных сил, составляющих основы человеческого капитала.

Рассмотрим социальные предпосылки формирования человеческого капитала, его особенности, и требования, предъявляемые к его носителю в современном обществе. Мы исходим из понимания взаимосвязи человеческого капитала и труда человека, формирующего все его сущностные силы. Каждая сущностная сила человека, подчеркивал Маркс, обладает свойством самоустремленности. Будучи самоустремленной, человеческая сила выступает уже как действительная, стало быть, действующая, направленная сила [3, с. 628]. Возвращение к идеям марксизма является одним из актуальных исследовательских трендов. В современном обществе знания труд приобретает интеллектуальными, обладающими всеми инновационными характеристиками, способствующими развитию, как самого человека, так и процесса его труда. Характеризуя сложнейший процесс труда, Маркс пишет: «Мы предполагаем труд в такой форме, в которой он составляет исключительное достояние человека. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю» [4, с. 188 – 189]. Исторически закономерная замена физического труда механизмами, а в новейшее время и информационными технологиями, не изменила отношения человека к труду, но преобразовала самого человека труда. Труд, как и сам человек, приобретают все интеллектуальные и инновационные

основания. Интеллектуальным можно считать труд, порождающий новые знания, которые составляют инновационные ресурсы труда и обладают постоянно растущим интеллектуальным потенциалом. Определим интеллектуальный потенциал как совокупность теоретических знаний, практического опыта и индивидуальных личности работника. Требования развития современной промышленности, особенно в горнодобывающем производстве требует работника с ярко выраженным интеллектуально-инновационным потенциалом. Именно такой человек будет способен не только принимать верные решения в критических ситуациях, но и модернизировать производство по мере возникающих проблемных ситуаций. Решающим фактором в этом контексте выступает интеллект как способность планировать, организовывать и контролировать свои действия по достижению цели с учетом совпадения идеала, истины и блага. Показателем развитости интеллекта является дивергентность субъекта внешними ограничениями (например, его способность увидеть возможности новых применений обычных предметов). Интеллект становится предельно востребованным в информационном социуме, где сама деятельность носит многоаспектный и прекариативный характер. Выделим основные принципы организации интеллекта, формирующие его инновационность. К ним можно отнести: внесение постоянно обновляющейся информации в информационное пространство; совершенствование способов ее воспроизводства эффективное и упорядоченное сохранение в логически организованной памяти. Каждый вид деятельности создает собственное интеллектуально-информационное пространство. В этом смысле информационное пространство выступает как пространство интеллектуальное, в котором латентно заложены принципы планирования, организации использования и поэтапного контроля для достижения целей, выступающих как идеал, истина и благо. Составляющими интеллекта выступают пытливость, глубина ума, гибкость и подвижность, логичность и доказательность, критичность прогностичность, способность к визуализации объекта исследования (ТРИЗ и/или работа с интеллект-картами).

Труд в горнодобывающей промышленности, постоянно требует принятия решений на основе стремительно меняющихся условий, зачастую в критической ситуации, что в свою очередь предъявляет иные требования к личности работающего, его человеческому капиталу, который способен наиболее полно раскрыться как интеллектуально - инновационный, который можно определить как ансамбль теоретических знаний, умений и навыков, реализуемых в нестандартных ситуациях, требующих ответственного и взвешенного

решения в условиях строгих временных рамок. Современные наукоемкие технологии представлены во всех сферах деятельности и направлены на эффективное функционирование системы народного хозяйства. Одновременно, ее развитие требует совершенствования системы подготовки, профессиональной переподготовки и повышения квалификации персонала для организаций угольной отрасли с ориентацией на инновационные качества личности. Интеллектуальный потенциал работника может совершенствоваться с помощью различных программ обучения, тренингов и семинаров; с их помощью удастся улучшить и развить необходимые знания, умения и навыки. Определяя пути повышения интеллектуального потенциала предприятия в условиях внедрения современных технологий, не следует забывать и том, что наукоемкие предприятия, обладают настолько уникальными технологиями и производственными процессами, что не могут воспользоваться специалистами, подготовленными на других предприятиях. Требования к качеству, особенности технологии производства таковы, что в большинстве подразделений могут работать только специалисты, подготовленные с опорой на постоянное творческое развитие интеллектуально-инновационного потенциала личности.

В настоящее время в 21 вузе России ведется подготовку кадров для угольной промышленности по направлению «горное дело» [5]. Подготовка специалистов по направлению: геология, разведка и разработка полезных ископаемых (21.06.01) формирует ядро знаний, в результате освоения которого инженер геолог должен знать «как сделать что-либо, иметь навыки и умения для осуществления определенных процессов, понимать процессы, технологии, работу схем, комплексов и систем, уметь обосновывать целесообразность действия» [5, с. 13]. Но инженер современного производства работает не только с материалами и оборудованием, но, в первую очередь, с людьми. Для этого необходимы занятия в форме деловых игр, тренингов, кейсов, направленные на развитие личности будущего горняка. С этой целью в образовательной программе инженерной школы природных ресурсов (ИШПР) Томского политехнического университета студентам предложены учебные курсы по деловой коммуникации, управлении эмоциональным интеллектом, проектные работы. Пока эти программы ведутся в тестовом режиме, но уже получили хорошие отзывы от студентов первого и второго курсов. Именно в режиме проектов, коммуникаций, формируются основы инновационного интеллекта студента, которые, в свою очередь, способны создавать капитал личностного роста специалиста горного дела XXI века.

Литература:

1. Об утверждении Программы развития угольной промышленности России на период до 2030 года (с изменениями на 5 апреля 2019 года http://docs.cntd.ru/document/420204008 [Дата обращения – 20.12.2019]
2. Соловенко И.С. Протестное движение шахтеров России в 1992 – 1999 гг.: монография. /И.С. Соловенко. - Изд-во Томского политехнического университета, 2019. – 343 с.
3. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних сочинений. М., 1956. – 689 с.
4. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. второе. Т. 23. М.: Изд-во полит.лит-ры, 1960. – 536 с.
5. Пучков Л.А., Петров В.Л., Хронин В.В., Скачков М.С., Коваленко В.С. О подготовке горных инженеров для обеспечения открытых горных работ в современных условиях //https://cyberleninka.ru/article/n/o-podgotovke-gornyh-inzhenerov-dlya-obespecheniya-otkrytyh-gornyh-rabot-v-sovremennyh-usloviyah (дата обращения – 11.12.2020).

Ценностно-смысловые ориентации студентов - первокурсников

Медведева С.А.
Кандидат психологических наук, доцент
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», доцент кафедры «Психология»
E-mail: snezhanna_med@mail.ru

Аннотация: *Проблема ценностей и ценностно-смысловых ориентаций молодежи является важной составляющей формирования каркаса жизненного мира человека. Подчеркнута особая значимость студенческого возраста для идентификации с выбранной профессиональной моделью и роль ценностно-смысловой сферы в этом процессе. Приводятся результаты эмпирического исследования ценностно-смысловых ориентаций студентов-психологов.*

Ключевые слова: *ценности, ценностные ориентации, самоотношение, студенты, первокурсники*

Value-semantic orientations of first-year students

Medvedeva S.A.
PhD (Psychology),
Sevastopol State University,
Associated Professor of the department «Psychology»
E-mail: snezhanna_med@mail.ru

Abstract: *The Problem of values and value-semantic orientations of youth is an important component of the formation of the frame of the human life world. The special significance of the student age for identification with the chosen professional model and the role of the value-semantic sphere in this process is emphasized. The results of an empirical study of value-semantic orientations of psychology students are presented.*

Keywords: *values, value orientations, self-attitude, students, first-year students*

Проблема ценностей, смысло-жизненных ориентаций выступает предметом изучения целого ряда наук о человеке и обществе, в частности, философии, социологии, психологии и педагогики, поскольку является важной составляющей формирования каркаса жизненного мира человека. В психологической науке считается, что ценностно-смысловой подход развития является базисным для становления личности обучающихся [1]. М.Р. Гинзбург объединяет ценностно-смысловое становление со значением собственной позиции по отношению к общественным ценностям, за счет принятия или отвержения ценностей сформировать собственную позицию [2]. С.Л. Рубинштейн отмечает, что особенностью осознанной человеческой жизни является выход на ценностно-смысловое определение жизни [цит. по: 3].

Л.С. Выготский считает, что ценностно-смысловая сфера личности находится на стыке двух больших предметных областей: мотивации и мировоззренческой структуры сознания. Ценностно-смысловая сфера является ядром личности с ее неповторимой картиной мира [цит. по: 3]. Анализ психологических источников позволяет выделить следующие составляющие ценностно-смысловой сферы личности:

- Ценностные ориентации – основания, сообразно которым человек «выстраивает» воспринимаемые объекты, субъекты, события по степени их значимости.

- Личностные смыслы – индивидуальное отображение реального отношения личности к тем объектам, ради которых развертывается ее активность, понимаемое как «значение – для – меня».

- Направленность личности – это совокупность установок, побуждений, характеризующих человека (что он хочет, к чему стремится, как понимает мир, общество).

Психологической основой ценностно-смысловых ориентаций личности является многообразная структура потребностей, мотивов, интересов, целей, идеалов, убеждений, мировоззрения, участвующих в создании направленности личности, выражающих социально детерминированные отношения личности к действительности.

Значимость ценностно – смысловой сферы личности в период студенчества сложно недооценить, так как в юношеском возрасте, во время обучения в вузе происходит идентификация себя с выбранной профессиональной моделью. Как отмечают разные исследователи профессионального развития (Э. Ф. Зеер, Б. Ливехуд, Г. Шихи др.), именно изменение «Я-концепции», смена (или перестройка) иерархии жизненных и профессиональных ценностей лежат в основе многих кризисов профессионального становления [4]. Зачастую студенты сопротивляются перспективе поменять уже устоявшееся мнение об окружающем мире, о свей профессии, о самом себе, о своей роли в мире и в выбранной профессии. Наилучшим средством защиты от такой перспективы является разочарование не в самом себе, а в окружающем мире, в том числе и разочарование в выбранной специальности, и в своем учебном заведении [1].

Изучение ценностно-смысловой сферы личности студентов первого курса в период кризиса профессионального выбора обусловлено потребностью определения направлений поиска личностных резервов для более успешной профессионализации молодых людей. Исследование проводилось на базе Гуманитарно-педагогического института ФГАУО ВО «Севастопольский Государственный Университет», в нём приняло участие 37 студентов-психологов первого курса (девушек – 32, юношей – 5). Возраст участников - 17-18 лет. Исследование проводилось в начале второго семестра.

В качестве диагностического инструментария было использовано: методика «Ценностные ориентации» М.Рокича, тест - опросник самоотношения В. В. Столина - С. Р. Пантелеева, анкетирование.

Анализ данных по методике В. В. Столина - С. Р. Пантелеева позволяет сделать вывод о том, что большинство опрошенных первокурсников имеют четкое представление о себе. Также присутствует готовность познавать себя, в частности присутствует

интерес к собственным мыслям и чувствам, и уверенность в своей интересности для других. Также следует отметить, что около половины студентов имеют тенденцию видеть в себе недостатки, и имеют недостаток веры в свои силы и способности, низкую способность контролировать собственную жизнь и быть самопоследовательными. Таким образом, эмоционально-ценностное отношение первокурсников к себе определяется достаточно высоким уровнем самооценки личностных свойств, высоким уровнем самопринятия и самоуважения.

Результаты диагностики ценностных ориентаций по методике М.Рокича интерпретировались согласно классам ценностей: терминальные (ценности-цели) и инструментальные (ценности-средства). Представленные в таблице 1 результаты показывают, что первое место в иерархии ценностей-целей студентов первого курса занимает такая ценность как здоровье, также доминируют такие ценности как: интересная работа (2 ранг), любовь (3 ранг), материально - обеспеченная жизнь (4 ранг) и развитие (5 ранг). На последние места отодвинуты такие ценности как: продуктивная жизнь, счастье других (что может говорить об ориентации испытуемых на себя), переживание прекрасного, развлечение и творчество (14-18 ранги).

Таблица 1 – Распределение терминальных ценностей по методике М. Рокича

Название ценности	Средний балл ценности	Рейтинг ценности (ранг)
активная деятельная жизнь	8,6	9
жизненная мудрость	7,6	7
здоровье	5,2	1
интересная работа	7,1	2
переживание прекрасного в природе и в искусстве	14,2	16
любовь	7,3	3
материально обеспеченная жизнь	7,4	4
наличие хороших и верных друзей	7,6	8
общественное признание	9,8	13

познание	9,8	12
продуктивная жизнь	10,7	14
развитие	7,4	5
развлечения	14,6	17
свобода	8,9	10
счастливая семейная жизнь	9,2	11
счастье других	13,6	15
творчество	14,6	18
уверенность в себе	7,5	6

Рассмотрим блок «Ценности профессиональной самореализации», который включают в себя такие ценности как: активная деятельная жизнь, интересная работа, общественное признание, продуктивная жизнь, развитие. У студентов в приоритете такие ценности как «интересная работа» и «материально - обеспеченная жизнь», но в конце рейтинга расположена такая ценность как «продуктивная жизнь» (т. е. создание результатов). Такая иерархия может свидетельствовать о том, что первокурсники готовы получать эмоции и материальные блага, но не готовы вкладываться, т.е. создавать какой-либо продукт.

Распределение результатов исследование по другому классу – инструментальных ценностей, характеризующих убеждения опрошенных в том, какой-то образ действий или свойство личности является предпочтительным в любой ситуации представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Распределение инструментальных ценностей по методике М. Рокича

Название ценности	Средний балл ценности	Рейтинг ценности (ранг)
аккуратность	6,3	4
воспитанность	5,2	1
высокие запросы	14,8	17
жизнерадостность	5,7	2

исполнительность	9,7	11
независимость	7,3	5
непримиримость к недостаткам в себе и другим	16	18
образованность	6,1	3
ответственность	8,1	7
рационализм	9,8	12
самоконтроль	8,2	8
смелость в отстаиваниях своего мнения, взглядов	8,9	9
твердая воля	11,6	13
терпимость	11,6	14
широта взглядов	11,7	15
честность	7,7	6
эффективность в делах	9,7	10
чуткость	12,5	16

Представленное распределение свидетельствуют о том, что первое место в иерархии ценностей-средств у первокурсников занимает такая ценность как воспитанность (1 ранг), далее у испытуемых в приоритете: жизнерадостность, образованность, аккуратность, независимость (2-5 ранги). На последние места отодвинуты такие ценности как: твердая воля, терпимость, широта взглядов, чуткость, высокие запросы, непримиримость к недостаткам к себе и других (13-18 ранги).

По результатам анкетирования можно судить о том, что большинство студентов имеют положительное мнение о профессиональных перспективах в профессии, многие студенты хотели бы работать по специальности, которую выбрали (75%). Лишь четверть опрошенных первокурсников (25%) не довольны выбором, и не видят себя в будущей профессии.

Характеризуя процесс обучения в вузе, подавляющее большинство первокурсников (85%) отметили положительное отношение и к обучению, и к выбранной специальности. Все опрошенные студенты интересуются и получают дополнительно знания по выбранной профессии: чтение книг по психологии является

ведущим источником дополнительных знаний, что является весьма характерным для начального периода обучения в вузе. Большинство первокурсников уверены в правильности выбранной профессии (75%), однако есть студенты, которые испытывают неуверенность в выборе специальности, которые, скорее всего, более явно переживают кризис профессионального выбора (25%).

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что ценностно-смысловую основу в построении каркаса мировоззрения первокурсников-психологов в первую очередь составляют конкретные ценности личной жизни (здоровье, работа, любовь) и профессиональной самореализации (интересная работа). Ведущими средствами достижения этих целей являются ценности межличностного общения (воспитанность, жизнерадостность). Эмоционально-ценностное отношение студентов к себе характеризуется достаточно высоким уровнем самопринятия и самоуважения. В практическом плане выявленные особенности ценностно-смысловых ориентаций могут быть использованы в качестве информационной основы при организации психолого-педагогической поддержки профессионального самоопределения будущих специалистов в вузе.

Литература:

1. Батаршев А.В. Учебно-профессиональная мотивация молодежи. М.: Академия, 2009. 192с.

2. Гинзбург М. Р. Личностное самоопределение как психологическая проблема // Вопросы психологии. 1988. №2. С.19-26. URL: http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=1547

3. Шкилев С. В. Смысложизненные ориентации как фактор социально-психологической адаптации студентов в процессе обучения в вузе: автореф. дисс. канд. психол. наук. Курск, 2006. 19 с.

4. Яницкий М.С. Ценн остные ориентации личности как динамическая система. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. 204 с. URL: https://www.liveinternet.ru/users/redhead_queen/post156792276/.

Современные демографические тенденции в моногородах Челябинской области

Мирязов Т.Р.

Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, младший научный сотрудник

E-mail: miryazov_timur@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00924 А.

Аннотация: *Моногорода Челябинской области в последние десятилетия столкнулись с серьезным ухудшением демографической ситуации. Проблемы социально-экономического развития и сложная экологическая ситуация приводят к выраженному оттоку населения. Города, выросшие на базе открывавшихся в прошлом столетии предприятий, сегодня находятся в кризисном положении. Проблемы узконаправленной специализации в условиях современной экономики создают риски для развития и ставят под угрозу существование самих поселений. В докладе рассматриваются основные демографические тренды моногородов Челябинской области. Дан анализ процессов естественной убыли населения, миграционного оттока. Рассмотрены причины сложившегося положения. Описаны проводимые мероприятия для улучшения социально-экономического положения рассматриваемых поселений. Представлена краткая характеристика возможных перспектив развития городов, последствий демографического кризиса. Оценены возможности для стабилизации численности населения и сокращения миграционной убыли.*

Ключевые слова: *моногород, монопоселение, демографическая ситуация, система расселения, миграция, естественная убыль, градообразующее предприятие.*

Modern demographic trends in monotowns of Chelyabinsk region

Miriazov T.R.
Institute of Socio-Political research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, junior researcher
E-mail: miryazov_timur@mail.ru

Abstract: *In recent decades monotowns in Chelyabinsk region have faced a serious deterioration in the demographic situation. The problems of socio-economic development and the difficult environmental situation lead to a marked outflow of population. Towns grew up on the basis of factories opened in the last century are in a crisis situation now. The problems of a narrow focus in the modern economy create risks for development and threaten the existence of settlements themselves. The report examines the main demographic trends of monotowns in the Chelyabinsk region. The*

analysis of the processes of natural population loss and migration outflow is given in it. The reasons for this situation are considered too. The measures taken to improve the socio-economic situation of the settlements under consideration are described. A brief description of possible prospects for urban development and the consequences of the demographic crisis presented. The possibilities for stabilizing the population and reducing migration loss were evaluated.

Keywords: *monotown, single-industry settlement, demographic situation, settlement system, migration, natural decline, city-forming enterprise.*

В последнее десятилетие в моногородах Челябинской области актуальной остается проблема сокращения численности населения.

Согласно распоряжению Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р О Перечне монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов) [5], в Челябинской области насчитывается 16 моногородов, общей численностью населения более 1,15 млн. человек. В это число входят следующие муниципальные образования:

1. Ашинское городское поселение
2. Верхнеуфалейский городской округ
3. Карабашский городской округ
4. Миасский городской округ
5. Нязепетровское городское поселение
6. Саткинское городское поселение
7. Снежинский городской округ
8. Усть-Катавский городской округ
9. Бакальское городское поселение
10. Златоустовский городской округ
11. Магнитогорский городской округ
12. Миньярское городское поселение
13. Озерский городской округ
14. Симское городское поселение
15. Трехгорный городской округ
16. Чебаркульский городской округ

Экономика Челябинской области обладает ярко выраженной специализацией (металлургия и машиностроение) и напрямую зависит

от развития моногородов, которые производят значительную часть продукции региона. Параллельно миграционному оттоку для большинства монопоселений характерен устойчивый процесс естественной убыли населения. Несмотря на то, что в целом по региону в период с 2012 г. по 2017 г. численность населения росла [6], число жителей моногородов постоянно сокращалось (исключение составили Магнитогорск и Миасс) [7].

В целом, демографические тренды, характерные для большей части страны, относятся и к рассматриваемым монопрофильным поселениям. Этап замедления процесса естественной убыли, вызванный высокой рождаемостью, к 2017 году был пройден. Сейчас в репродуктивный возраст вступает наиболее малочисленное поколение, родившихся в период с 1992 по 2001 гг. Характерной чертой можно считать и то, что несмотря на высокую рождаемость, сравнимую со средним значением по стране, моногородам Челябинской области свойственна крайне высокая смертность. В ряде населенных пунктов в 2011-2017 годах фиксировались показатели в 20‰ (среднее значение по России на 2017 г. – 12,4 [8]).

Процесс старения населения остается одним из самых сложных вопросов, стоящих перед моногородами. Учитывая специализацию региона, недостаток молодых специалистов может стать определяющим фактором в судьбе градообразующих предприятий и городов в целом. Увеличение числа лиц пенсионного возраста и высокая рождаемость, характерная для всей страны в последние десятилетия, провоцируют рост нагрузки на инфраструктуру и социальную сферу [1].

Для большинства рассматриваемых моногородов половозрастная структура (на 2017 г.) оказалась близкой к средним значениям по Челябинской области и России в целом. Наблюдается провал в возрастных пирамидах в районе 50-60 и 18-25 лет, вызванный военно-политическими потрясениями прошлого столетия. Между тем можно выделить несколько типов монопоселений, с характерной половозрастной структурой (Рисунок 1).

В первую группу моногородов можно отнести Магнитогорск, Миасс, Чебаркуль, Сатку и Златоуст. Для данного типа характерны относительно высокая доля трудоспособного населения (среднее значение по Челябинской области) и средняя доля населения младшей возрастной группы (до 16 лет). Сейчас эти города отличаются большим числом работающего населения, что позволяет более продуктивно вести работу по улучшению социально-экономического положения. Социальная нагрузка на население относительно небольшая.

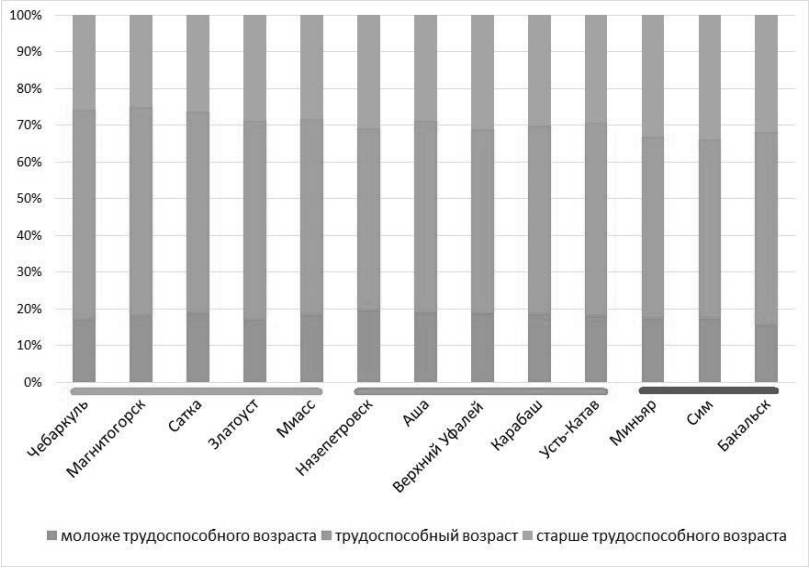


Рисунок 1. Возрастная структура моногородов Челябинской области, %

Во вторую группу вошли Нязепетровск, Аша, Верхний Уфалей, Карабаш и Усть-Катав. Этот тип моногородов определяется долей трудоспособного населения ниже чем в среднем по Челябинской области, при сохранении средней численности населения младше 16 лет. Доля пожилых людей здесь выше, чем в городах первой группы. Поселения, включенные во второй тип, уже сейчас имеют значительные проблемы с качеством инфраструктуры и развитием социальной сферы. Тем не менее, высокая рождаемость в последние десятилетия позволит в будущем рассчитывать на смягчение последствий демографического кризиса.

К третьему типу относятся города Миньяр, Сим и Бакал. Для них характерна значительная доля населения старше трудоспособного возраста (более 30%) при низкой доле младшей возрастной группы. Три этих города в данный момент наиболее ярко переживают последствия демографического кризиса и стагнации монопрофильных поселений. Процесс старения населения здесь наиболее выражен, а возможность пополнения трудовых ресурсов за счет молодого поколения ниже, чем для представителей двух первых групп.

Вместе с тем, миграционная ситуация в рассматриваемых городах также негативно сказывается на перспективах социально-

экономического развития и стабилизации демографического положения.

В период с 2012 г. по 2017 г. положительное сальдо миграции наблюдалось только в г. Магнитогорске и в г. Миассе. В целом, это подтверждает общую тенденцию к трансформации системы расселения России, когда население переезжает из малых городов в средние, далее в крупные и крупнейшие. Магнитогорск и Миасс являются наиболее крупными моногородами Челябинской области по численности населения (418,24 тыс. человек и 151,27 тыс. человек соответственно [9]).

Миграционная убыль составляет значительную долю от общих потерь в населении рассматриваемых населенных пунктов (в среднем около 75%). В миграционном обороте преобладает межрегиональный отток населения. В большинстве случаев жители Челябинской области переселяется в благополучные регионы с относительно благоприятным климатом (в первую очередь это Краснодарский край - 24,73 % от всех выбывших, Московский столичный регион – 23,65% и Санкт-Петербург – 20,48%). Причиной может быть низкая заработная плата и плохая экологическая обстановка на территории всей области (континентальный климат, высокая степень загрязнения воздуха, воды и почвы, низкооплачиваемый труд). В 2018 г. для большинства монопоселений (кроме Чебаркуля) сохранялось отрицательное сальдо миграции населения в трудоспособном возрасте.

В связи с тем, что большая часть моногородов Челябинской области представлена малыми и средними городами, миграционный отток в них выражен особенно ярко. Эта тенденция характерна для всех моногородов России, около 90% из них находятся в фазе устойчивого миграционного сжатия [2].

Вместе с близостью моногородов к крупным центрам, экономика которых может быть более диверсифицированной, наблюдается эффект маятниковых миграций. По мнению Н.Ю. Микрюкова «нахождение в зонах влияния более крупных городов может сглаживать риски монопрофильности вследствие расширения возможностей выбора мест приложения труда» [2, с. 14]. Помимо этого, заметная часть населения работает вахтовым методом и занята в теневой экономике. В целом, распространение альтернативных видов занятости способно смягчить проблемы, сложившееся на рынках труда, однако это не позволяет решить вопрос полностью.

В 2015 г. С.А. Тимонин проводил исследование, посвящённое анализу и прогнозированию демографической ситуации в кризисных монопоселениях России. В ходе работы было выделено семь основных

типов поселений по особенностям демографических процессов (данные за 2012 г.) (Таблица 2).

Тип 1	Города с положительной демографической динамикой в результате естественного и миграционного прироста населения
Тип 2	Города с положительной демографической динамикой, в которых естественный прирост компенсирует миграционную убыль
Тип 3	Города с положительной демографической динамикой, в которых миграционный прирост компенсирует естественную убыль
Тип 4	Города с негативной демографической динамикой, где естественная убыль превышает миграционный прирост
Тип 5	Города с негативной демографической динамикой, где миграционная убыль превышает естественный прирост
Тип 6	Города с негативной демографической динамикой в результате естественной и миграционной убыли населения
Тип 7	Города с ярко выраженной негативной демографической динамикой в результате высокой естественной и миграционной убыли населения

Таблица 2. Типы моногородов по особенностям демографических процессов [1, с. 103].

Из восьми рассмотренных в работе моногородов Челябинской области один был отнесен к седьмому типу (Карабаш), пять к шестому типу (Аша, Бакал, Верхний Уфалей, Нязепетровск и Усть-Катав), один к пятому (Сатка) и один к первому типу (Магнитогорск).

Таким образом, для описываемых городов наблюдается крайне слабая вероятность сохранения численности населения и замедления его оттока.

В последние десятилетия кризис моногородов стал проявляться более отчетливо. Вместе с проблемами, вызванными монопрофильностью, для населенных пунктов Челябинской области негативную роль играет также климатический и экологический факторы [3]. Несмотря на то, что часть предприятий продолжает свою работу и города в целом остаются важными промышленными центрами, население покидает их в поисках достойных условий труда и улучшения качества жизни.

На данный момент в Челябинской области развиваются альтернативные виды экономической деятельности. В первую очередь это относиться к рекреации и спортивному туризму. Географические особенности Южного Урала увеличивать расширять вклад горнолыжного спорта, скалолазания и пешеходного туризма в экономику региона. Кроме того, в городах стимулируется развитие инновационной деятельности с ориентацией на более глубокую переработку на предприятиях [4].

Особое внимание сегодня уделяется природоохранной деятельности. На территории закрытых производств ведется рекультивация и восстановление земель. Природоохранные мероприятия призваны улучшить экологическую обстановку в регионе.

Проводимая работа по социально-экономическому развитию моногородов Челябинской области не позволит сохранить население и улучшить демографическую ситуацию. Миграционный отток характерен для большей части городов России и является общегосударственной проблемой. Вторая волна демографического кризиса будет способствовать также и естественной убыли населения, а рассчитывать на международную иммиграцию моногородам региона не приходится уже сейчас.

Литература:

1. Тимонин С.А. Анализ и прогноз демографической ситуации в моногородах России // Современные производственные силы. 2015. № 1. С. 98-109.

2. Микрюков Н.Ю. Факторы, проблемы и модели развития моногородов России: Афтореф. дис. канд. географ. наук. - Москва, 2016. – 26 с.

3. Гундарев А.А, Моногорода Челябинской области: актуальные проблемы, потенциал и перспективы развития // Вестник ЮУрГУ. Серия «Строительство и архитектура. 2013. Том 13. № 1. С. 87-89.

4. Бухтиярова Т.И., Федоров В.В. Проблемы социально-экономического развития моногородов Челябинской области // Стратегия развития региона. 2011. № 24 (207). С. 2-11.

5. http://government.ru/docs/14051/.

6. https://www.gks.ru/folder/12781.

7. https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst75/DBInet.cgi#1.

8. https://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/rusfig/rus18.pdf.

9. https://chelstat.gks.ru/main_indicators.

Влияние полиэтничности на этническую традицию Косово и Метохии – влияние исторических обстоятельств на культурную ассимиляцию и диссимиляцию

Михайлович В.
Кандидат теории музыки
Институт сербской культуры Приштина / Лепосавич, Сербия,
Научный сотрудник отдела этномузыковедения
E-mail: vericamihajlovic86@gmail.com

***Аннотация**: Сосуществование двух доминирующих народов на территории Косово и Метохии, сербов и албанцев, влияет на трансформацию традиционной народной культуры у этих этносов. Взаимодействие отражается в виде аналогий некоторых элементов народной традиции, языка, а также обзщей культуры и менталитета. Однако исчезновение некоторых характеристик национального наследия является существенным явлением, общим для всех народов. Процессы модернизации приводят к глобальному преобразованию и редукции народных традиций во всем мире, что также ощущается у народов, населяющих Косово и Метохию. Кроме того, в некоторые моменты истории Косово и Метохии, из-за попыток выделить национальные различия, сербы или албанцы отказывались от некоторых традиционных элементов, общих для двух наций. Статья охватывает запись взаимных аналогий прошлого и настоящего, которые подтверждают тот факт, что любой политический или исторический конфликт не может отменить процесс объединения культур народов, которые сосуществуют в одной географически ограниченной области.*

***Ключевые слова:** народная традиция, культурная ассимиляция, сербы и албанцы, Косово и Метохия.*

The Impact of Multi-Ethnicity on the Ethnic Tradition of Kosovo and Metohija – the Impact of Historical Circumstances on Cultural Assimilation and Dissimilation

Mikhailovich V.
PhD in Music Theory
Institute of Serbian Culture Pristina / Leposavić, Serbia
Researcher, Department of Ethnomusicology
E-mail: vericamihajlovic86@gmail.com

***Abstract:** The coexistence of two dominant peoples in Kosovo and Metohija, Serbs and Albanians, affects the transformation of traditional folk*

culture in both nations. The interaction is reflected in the form of analogies of some elements of the folk tradition, language, as well as the general culture and mentality. However, the disappearance of some characteristics of the national heritage is an essential phenomenon common to all peoples. Modernization processes lead to a global transformation and reduction of folk traditions around the world, which is also felt among the peoples living in Kosovo and Metohija. In addition, at some points in the history of Kosovo and Metohija, due to attempts to highlight national differences, the Serbs or Albanians abandoned some of the traditional elements common to the two nations. The article covers the recording of mutual analogies of the past and the present, which confirm the fact that any political or historical conflict cannot cancel the process of uniting the cultures of peoples that coexist in one geographically limited area.

Keywords: *folk tradition, cultural assimilation, Serbs and Albanians, Kosovo and Metohija.*

В любой среде, где влияние нескольких народов наблюдается в географически ограниченном пространстве, мы являемся свидетелями ассимиляций, которые порождают конкретные смеси культурных элементов и которые сами становятся специфическими местными культурами. Территория Косово и Метохии характеризуется доминирующим влиянием двух народов, сербов и албанцев, что значительно влияет на различные аспекты этнической традиции двух народов, прежде всего в форме взаимных аналогий. Независимо от того, всегда ли существовали аналогичные элементы у сербов и албанцев, или они следствие их взаимного сосуществования, важно записать как можно больше этих характеристик, чтобы сохранить материальные и нематериальные свидетельства истории этих территорий.

Нет точных исторических данных, подтверждающих, что после битвы в Косово и миграции сербов на север началась миграция албанцев / арбанасов в косовско-метохийский район, что иногда необоснованно предполагается [1, с. 210]. Стабильная этническая граница сербов и албанцев в Косово и Метохии начала нарушаться в конце пятнадцатого века, а серьезные беспорядки произошли только в восемнадцатом и девятнадцатом веках. На основании этих данных, мы можем сделать вывод, что многочисленные аналогичные элементы между сербами и албанцами в Косово и Метохии являются результатом совместного приобретения восточных влияний из-за известных обстоятельств, которые потрясли этот район. Кроме того, существует взаимное влияние, которое имело место в двух видах: принятие и интегрирование элементов другой культуры в свою национальную

традицию, а также отказ от определенных элементов своей традиции с целью дифференциации, то есть подчеркивания национальной идентичности.

Начиная с пятнадцатого века в некоторых районах Косово и Метохии, где наблюдалась растущая концентрация арбанаского населения, происходила постепенная трансформация сербской культуры и перенятие арбанаских элементов. Под давлением «особенно с середины XVII века (...) Призрен, Печ, Джяковица постепенно приобретают турецкий и арнаутский характер» [3, с. 351–352]. Даже когда речь идет об аналогиях двух современных государств, Сербии и Албании, во всех нитях народной традиции есть множество сходств [2].

Одним из элементов, который больше всего сопротивлялся ассимиляции, был язык. Чорович отмечает, что «славянский элемент не вступал в такие процессы слияния с чужими элементами» и что он «сохранил свой этнолингвистический характер чистым» [3, с. 37]. Тем не менее, есть статьи, доказывающие перевод некоторых элементов сербского языка на албанский даже на территории современной Албании. Первая напечатанная на албанском языке книга *Мешари (Meshari*) Гена Бузуку (Gjon Buzuku) 1555 года вызывает многочисленные споры относительно включения славянского элемента в албанский язык посредством использования пяти кириллических символов для особых албанских звуков [4, с. 112]. Чорович у арбанасов также находит несколько терминов, взятых из славянского языка, в первую очередь это те термины, для которых они не имеют собственных слов [3, с. 43]. С другой стороны, влияние албанского языка на сербский язык наблюдается в несколько иной форме. Языковое сходство двух народов, с точки зрения использования одних и тех же слов, отражается в использовании одних и тех же названий для тех элементов, которые заимствованы преимущественно из восточной культуры. После освобождения Косово и Метохии в 1912 году сохранилось наследие «фонетических и других особенностей, возникающих в результате контактов с албанскими соседями» [4, с. 85]. В один период, в Косово и Метохии, «между двумя мировыми войнами взрослые мужчины, особенно, старшие люди, часто говорили по-арбанаски и между собой» [5, с. 109]. Все эти практики повлияли на определенную трансформацию сербского языка в Косово и Метохии, прежде всего в области фонетики и акцентуации. И сегодня среди пожилых людей, которые жили в районе Косово и Метохии, в тех местах, где была ярко выраженна концентрация албанского населения, существует заметная разница с речью жителей из тех районов, где было преимущественно сербское население. Эти элементы отражены в произношении определенных звуков (например, звука *ћ*) и

акцентировании определенных слов, как отметил Релич, утверждая, что «сужение территории, на которой слышен сербский язык, одновременно сопровождалось своего рода рурализацией сербского языка» [6, с. 89].

Результат ассимиляции народной культуры с точки зрения народного костюма можно проиллюстрировать на примере отдельного населенного пункта - Призрена. Важной частью народного костюма, которая указывает на четкие аналогии с восточной культурой, является представление шаровар/шальвар (alb. shallvare) в определенных частях Косово и Метохии, особенно в юго-западной части (Призрен, Джяковица, Печ), граничащих с Албанией. Тем не менее, следует отметить, что до двадцатых годов сербские женщины не носили шаровары [7, с. 165]. Хотя шаровары являются наследием восточной культуры, сопротивление сербок в Призрене, когда дело доходило до их одевания, указывает на то, что появление этой специфической одежды было прямым влиянием албанского населения, которое в тот период было очень сконцентрировано в районе Призрена. Если сравним фотографии, сделанные в начале двадцатого века в Призрене, можем увидить очень четкие аналогии народного костюма как у сербского, так и у албанского населения с большой степенью восточных элементов.

Gondxhe Bojadxhiu, 1926 г.

Евгения Димич, 1906 г.

Прилагаемые фотографии показывают аналогию народного костюма у албанки и у сербки в Призрене, выраженную как в частях костюма, так и в использованных узорах. На шароварах обоих костюмов присутствуют вертикальные полосы, а различия в мотивах могут быть вызваны хронологическим интервалом в два десятилетия между созданием этих двух фотографий, а также индустриализацией материала, появляющегося на костюме 1926 года. На жилете обоих костюмов заметны пуговицы из темной цветной нити (возможно, из меди или золота), широкий пояс, который связывается как внешний элемент костюма, а также особый воротник рубашки.

Детский гражданский костюм сербов в Призрене, 1925 г.

Призрен, албанский костюм Начало XX века

Две другие фотографии показывают ряд сходств костюмов, но стоит отметить один очень интересный феномен, который объявляет о процессах десимиляции, направленных на подчеркивание различий между двумя народами. На фотографии с народным костюмом сербов появляется религиозный символ (крест), как сознательный акцент на определении религиозной и национальной идентичности из-за огромного сходства костюмов с албанскими жителями Призрена.

В середине девятнадцатого века не было никакой разницы между сербскими и мусульманскими женщинами, но все женщины носили *терлик*, черное сатиновое платье с серебряными розетками на бедрах.

Турецкие женщины и мусульманки потом переходят на чадры, поэтому и сербские женщины носили их недолгое время. В конце девятнадцатого века православные женщины приняли *авалу*, большой платок из одного куска ткани, а католические женщины *дишему*, платок из двух кусков ткани [7, с. 205].

В отличие от женских костюмов, которые развивались более независимо, без влияния извне, так как женщины меньше двигались, мужские костюмы были в большей степени подвержены влиянию общественных событий и этнических движений в Косово и Метохии [8, с. 45]. Цвиич также отмечает это явление, заявляя, что «каждому будет легко узнать, пришел ли он к сербу, по крайней мере, он узнает это по хорошо сохранившемуся старому женскому народному костюму» [9, с. 441]. Цвиич замечает явление моральной мимикрии, особенно в районах, где жители живут в контакте с арбанасами, заявляя, что первым признаком «было восприятие арбанаского костюма» [9, с. 441]. Автор заявляет, что этим поступком защищалось население от пыток и насилия, но указывает, что внешняя мимикрия привела непосредственно к принятию ислама и обращению в арбанасов. Тем не менее, следует отметить, что Цвиич обнаружил только 140 семейств, обращённых в арбанасов в Косово и Метохии [10, с. 5], чем подчёркивается полное влияние албанской культуры, которая влияет на религиозные или национальные изменения сербов в Косово и Метохии. Даже сам Цвиич заявляет, что «для этнографических сдвигов между сербами и арбанасами (...) гораздо важнее вытеснение сербов и заселение арбанасов в их этнографической зоне, чем их обращение в арбанасов» [11, с. 176–177]. Хотя нельзя отрицать, что, в первую очередь мужчины в Косово и Метохии замаскировывались под арбанасов из-за численного превосходства в некоторых областях, следует также учитывать, что эти арбанаские костюмы были приняты только как костюм, используемый исключительно для выхода на улицу для смешивания с настоящими арбанасами. Это явление не должно восприниматься как доказательство того, что элементы народного костюма сербов в Косово и Метохии являются арбанаскими, поскольку гораздо более длинная история сербской народной традиции говорит об обратном.

Есть многочисленные противоречия, которые становятся все более актуальными на территории Косово и Метохии относительно происхождения определенных элементов народной традиции. Конечно, когда элементы традиции разных народов сливаются, происходит постепенное внутреннее представление, аналогично их собственному, и с учетом (преобладающей) биэтничности Косово и Метохии каждый из доминирующих этносов интерпретирует их как «свои», то есть

частью своей истории. Следует иметь в виду, что при первоначальной миграции на территорию Косово и Метохии арбанасы представляли меньшинство, поэтому их культура адаптировалась к коренным народам, принимая на себя ряд культурных элементов, закладывая основы для построения дальнейшего развития их культуры. Народный костюм арбанасов, безусловно, должен был быть изготовлен из материалов, используемых сербами, что также влияет на принятие элементов сербской традиции. Способ изготовления определенных предметов одежды, способ украшения - все это элементы, которыми обменивались два народа, которые жили в одном и том же пространстве. Когда речь идет о традиционных инструментах албанцев в Косово и Метохии (но также и в северной Албании), упоминается традиционный инструмент *lahutë,* который на самом деле является албанским названием гуслей. Этот инструмент каким-то образом представляется как албанский национальный инструмент, когда речь идет о специфической «музыке северной Албании (и албанцев в Черногории и Косово), характеризующейся исполнителями мужского пола, за которым следует струнный инструмент с длинной шеей, называемый *lahutë*»[12, с. 19]. Такие наблюдения опровергают давнюю гуслярскую традицию Сербии и представляют собой очень решительные попытки игнорировать исторические факты, свидетельствующие о том, что «южные славяне привезли гусли на Балканы со своей прежней родины во время их миграции в шестом веке» [13, с. 58]. Именно из-за этих и вышеупомянутых попыток присвоить сербские народные традиционные элементы, все-таки следует подчеркнуть тот факт, что влияние сербских элементов на албанскую традицию в Косово и Метохии нельзя отрицать.

Помомо принятия албанских элементов и их включения в свою национальную культуру, сербы, находясь под влиянием пробуждения национального самосознания, в определенный исторический момент отказались от некоторых элементов своей традиции, ради подчеркивания национальной идентичности [15] (Как мы могли заметить на фотографии детского гражданского костюма сербов в Призрене, подчеркивание православной религиозной принадлежности символом креста в виде украшения). В начале двадцатого века шаровары были отброшенны во всех косово-метохийских городах, кроме Призрена [7, с. 165], в то время как у албанцев они все еще остаются. Традиционный мужской костюм в девятнадцатом веке был изготовлен из валяной ткани белого цвета, а с 1912 года их стали изготавливать из ткани коричневого цвета [14, с. 38–41]. Учитывая, что белый мужской костюм является отличительной чертой албанского народного костюма, это явление можно толковать как попытку

отличать себя от албанцев. С первых десятилетий двадцатого века сербы использовали шайкачу в качестве признака этнической идентичности, в то время как у албанцев замечается растущая распространенность кече [8, с. 45–46].

Процесс глобализации и процессы модернизации приводят к новой культурной ассимиляции сербов и албанцев в Косово и Метохии. Современная мода полностью стирает все различия между двумя народами, европейские и модные бренды становятся новой одеждой для всех жителей Косово и Метохии, общее единообразие отражается в стирании национальных различий между сербами и албанцами. Однако интересное явление в одежде албанцев в Косово и Метохии может иметь другую причину. В районе Косово и Метохии, до абсолютного доминирования албанского населения и насильственного выселения сербов из некоторых частей провинции, албанский *кече* был неотъемлемой частью гардероба, особенно среди пожилых албанцев. В настоящее время, когда некоторые места полностью населены албанским населением без единой сербской души, эта деталь теряется. Причиной может быть отсутствие необходимости носить этот четкий национальный символ, поскольку больше нет сербов, в отношении которых следует подчеркивать своё отличие. Сегодняшнее время стирает некоторые отличительные элементы различий. Только в некоторых сельских районах есть остатки народной традиции в виде соблюдения некоторых традиционных обычаев и ритуалов. Общая глобализация влияет на интеграцию всех народов на Балканах с точки зрения народной культуры. Поэтому крайне важно изучить народную культуру Косово и Метохии, по крайней мере, для исследования памяти некоторых пожилых людей, которые жили в тех районах, которые в настоящее время полностью населены албанским населением.

Литература:

1.Краснићи М. Савремене друштвено-географске промене на Косову и Метохији. Приштина: Музеј Косова и Метохије, 1963. 341 с.

2.Михајловић В. Утицаји суседних балканских народа на народну традицију Косова и Метохије манифетсовани кроз елементе фолклора // Косово и Метохија у контексту балканских народа и држава (тематски зборник од водећег националног значаја). 2016. Књига 1. С.369–384.

3. Ћоровић В. Историја српског народа. Београд: «Ars Libri», 1997. 369 с.

4.Станишић 1991: Вања Станишић В. Из историје примене словенске писмености за албански језик // Баштина. Бр.1. С.112–119.

5. Урошевић А. Косово. Приштина: Јединство, 1990. 387 с.

6.Рељић М.М. Српски језик у ареалу Косова и Метохије: од надетичког до ’конфесионалногʻ» // Зборник радова Филозофског факултета. 2012. С.83–96.

7. Менковић М. М. Грађанска ношња Срба у Призрену у XIX и првој половини XX века: музејске колекције као извор за истраживање културе одевања. Београд: Етнографски музеј, 2013. 268 с.

8. Дармановић М. и Менковић М.М. Етнографско наслеђе Косова и Метохије (одевање и текстил и збирки Музеја у Приштини и Еногрфског музеја у Београду). Београд: Етнографски музеј у Београду; Приштина: Музеј у Приштини, 2013. 760 с.

9. Цвијић Ј. Балканско полуострво и јужнословенске земље: основи антропогеографије, књига 2. Београд: Завод за издавање уџбеника, 1966. 254 с.

10. Туцовић Д. Србија и Арбанија – Један прилог критици завојевачке политике српске буржоазије. Земун: «Мостарт», 2011. 127 с.

11. Цвијић Ј. Антропогеографски проблеми Балканскога полуострва. Београд: СКА. 1902. 237 с.

12.Gloyer G. Albania. Bradt Travel Guides, 2008. 304 c.

13. Duev R. Gusla: the origin and beyond // Жива Антика. 2008. Бр. 61. С.49–59.

14. Владић–Крстић Б. Народна култура Срба у XIX и XX веку: водич кроз сталну поставку. Београд: Етнографски Музеј, 2003. 393 с.

Сила и мощь – международно-правовые аспекты

Миятович Марина Д.
Институт сербской культуры Приштина - Лепосавич, младший научный сотрудник
E-mail: marina.mijatovicc@gmail.com

Аннотация: *В статье рассматриваются понятия силы и мощи, отмечается, что речь идет о конкуренции между государствами. Представляя свои взгляды на межгосударственные отношения, развитие технологии, науки, финансовое превосходство, каждая страна позиционирует себя с точки зрения силы. Основными понятиями в международно-правовых аспектах являются «сила» и «мощь». Чтобы понять, что такое сила, мы всегда начинаем с концепции мощи, как более широкого понятия. На протяжении всей истории в человеческом обществе присутствовали сила и мощь, также как и неизбежный разрыв между развитыми и слаборазвитыми*

странами. Сила и мощь чаще всего связаны с социальной системой и целями государства, за исключением явлений, которые нарушают или противодействуют контролю системы. Политика считается наиболее эффективным средством осуществления социальной мощи.

Ключевые слова: *сила, мощь, государство, политика, международно-правовые аспекты*

Force and power – international and legal aspects

Mijatović Marina D.
Institute for Serbian Culture Prishtina - Leposavic,
Junior researcher
E-mail: marina.mijatovicc@gmail.com

This paper is written for the purpose of the project «Materijalna i duhovna kultura Kosova i Metohije (record no. 178028) approved and financed by the Ministry of Education, Science and Technological Development Republic of Serbia». (In English: Material and Spiritual Culture in Kosovo and Metohija)

Abstract: *In this paper we will deal with the concept of force and power where it has recently been observed that this is all about a competition between states. In expressing own standpoints considering inter-state relations, through development of technology and science, the financial superiority distinguishes each country as stronger force in comparison with some other. The main concepts in international and legal aspects are force and power. Trying to understand what a force is we always start from the power concept as one broader frame.*

All the way through history force and power always existed in the mankind society as well as the inevitable gap between developed and undeveloped countries. Force and power are mostly linked with the social system and goals of the state excluding phenomena such as those violating the system control or opposing it. Politics is thought to be the most efficient possible instrument for the social power accomplishment.

Key words: *force, state, politics, international legal aspects.*

Looking back into the history we can see that development of human communities and states indicates increasing complexity within international relations, for it is inevitable to be conditioned and linked with political solutions and will due to mankind survival. Superiority between states has existed since eternity, and always was connected with territorial spread, while misunderstandings were measured by the financial and political

stability among the states. Misunderstanding is the mildest form of the conflict, while intensive one is likely to result in war.

International relations mostly depend on political decisions, dialogues, solutions and behaviour of the subjects through public and international activities. Different theoreticians through their analysis of the history course agree in one speculation: *Those who are strong do what they can, and weak accept what they must*, while we can conclude that skilful leadership in one state maintains its peace and nation survival. [3, p. 138] The power of certain state is reflected in its ability or apparatus to achieve own impact. Military apparatus of force represents the strongest element as reflection of social power of the state that can be applied for the military attacks due to accomplishment of own targets. Therefore, it is mandatory to encourage proportionality in the military force implementation regarding all risks of the human safety. Peaceful settlement of conflicts can be performed using diplomatic institutional means and before the international court. In such cases, it happens that there is no equality between parties making this to be believed disadvantage of such kind of conflict resolving. Military conflicts are not allowed, but they occur as result of long-term negotiations, regardless their legal, economic or any other nature. The Crimea conflict is one good example of long-lasting territorial aspirations with demonstration of force and power. Sovereign states are not always open to peaceful conflict solutions, as we can see in reality, primarily because of their independency and national benefits. [1, p. 5-7]

On the other hand, it is not mandatory the military force to be in collision with political power, and if we consider this historically, a few of states with lesser military force achieved to defend themselves against impact violating their peace, although diplomatic and military powers significantly depends on each other.

We also can discuss the concept of hard and soft power. Interdisciplinary, they support each other and affect behaviour of others. Initially, the manifestation of force was mirrored in military attacks, while today it is categorised as political, military and economic supremacy, including classification into diplomatic, scientific, legal, and information forces in order to achieve ultimate and desired result.

Regarding criminal and legal terms, the force is use of physical strength against other person in order to force such person to do something or not. The force can be absolute when a forced person is disabled to make decision about own actions, or is not able to act according to own wish. The force can be compulsive when a person have an option to make own decision, or to act differently than imposed but

using the force, so the acting is obtained under duress. The force can be direct or indirect. Direct force is focused to the person under oppression, and indirect force is fixed to third party while indirectly affects the person under oppression.

The law does not mean just norms protected by force, or norms regulating the use of force itself, but the force regulated by norms. [4, p. 428-429]

The international relations discourse differentiates non-armed and armed forms of force. The armed force is embedded in the military force, and it is the roughest form of such force implemented only as final solution during the international conflicts settlement.

Information force was developed simultaneously with information-communication technology and it significantly affected the modification of the way of dealing with conflicts. Informative supremacy is certain ability to enable undisturbed flow of information and simultaneously disable other, antagonist, party to do the same. [3, p. 142-148]

Political and law force is mirrored in the state performance, in creating conditions for achievement of national benefits. Social groups, similarly as international organizations, are guided by this type of force in order to impact the social courses and processes. Uncontrolled span of the force and power leads to its misuse. An example of the political and legal misuse we can see in termination of the criminal proceedings due to execution of war crimes, during the former SRY bombarding, against war criminals, presidents of the states – members of the NATO alliance. Long ago, in 2000, the district attorney city of Beograd pressed charge against Mr. Bil Clinton, Madeline Albright, William Cohen, Tony Blair, Robin Cook, George Roberts, Jacques Chirac, Iber Vedrin, Alan Richer, Gerhard Schroeder, Joseph Fisher, Rudolph Sharping, Xavier Solana, and Wesley Clark due to criminal activities motivating the aggressive war, war crimes against civilians, violations of territorial sovereignty, and during the criminal proceeding they were pronounced guilty for their activities and were charged with 20 years sentence for each of them. The aforementioned defendants appealed against the first instance convicting sentence, and the Supreme Court of Serbia has brought the decision on revoking the Supreme Court sentence and the file was returned back to the first instance court for repeated hearing. During the repeated file submission to the first instance court, the file was recorded under the new number. In September 2001 the District Court in Beograd brought decision on revoking the criminal proceeding against aforementioned persons for their all criminal activities they had been accused for, except

for the criminal act of the territorial sovereignty violation with explanation that exclusive jurisdiction for such violation holds the Military Court and the subject file was sent by the District Court in Beograd to the Military Court in Beograd, while the District Court was pronounced incompetent for the criminal act of the territorial sovereignty violation. In December 2004 the military courts were cancelled and the subject file should have been returned again to the District Court in Beograd, which did not happen, and until today no one knows why, although it is well-known that there is no expiring date for the war crime files. [4, p. 429-434]

Power is in the human nature, its various abilities, inequality, level of intellect and character, and the struggle for survival where everything originates. The political power and force should be reflexion of safety, security and achievement of geopolitical goals, while the better position implies threatening the others. However, the hardly achievable ideal means harmonious relations in the world. The state interests are reality, and they differentiate from state to state with permanently interfered benefits on behalf of others. Many states, economically and politically strong, try to establish the power over the fragile state. Superpowers, by their own assessment, select the circle of their interest and try to control the same. In the 21st century there are numerous mechanisms enabling such goal achievement using economic sanctions, imposing certain scientific and cultural forms, psychological models, political overthrows, and state coups. It is recognisable the reduced implementation of political hard power because the soft power results in better outcomes and it is more sophisticated way to achieve the goal. [2, p. 242-248] The less frequent term is power distance meaning acceptance of certain state authority at the higher level. This occurs due to different cultures and social values in states.

Force and power of the state spread into two directions, monopoly and power of authority. The state has the monopoly precedence when possesses resources in large quantities in comparison with other states having no such resources, or possess it in smaller quantities. The example comes from Russia with its immense natural resources.

The man possesses an instinct to survive, so the force and power will always keep its place in efforts achieving own or community goals.

Literature:

1. Dr. Sc. Muhamed Smajić, Dr. Sc. Marsela Bošnjić, *Odnos moći i prava – sredstva za mirno rešavanje sporova i(li) sukoba*, Časopis Univerziteta modernih znanosti – CKM, broj 3, Mostar, 2016.
2. Doc. Dr. Dragan Kolev, *Geopolitička moć: prilog određenju pojma*, Fakultet poslovne ekonomije, Panevropski univerzitet Apeiron, Banja Luka, 2013.
3. Institut za međunarodnu politiku i privredu, Tematski zbornik radova, *Upotreba sile u međunarodnim odnosima*, Beograd, 2018.
4. Pejin, R. Vojin, Zbornik radova sa tematskog XIII Međunarodnog naučnog skupa, *Zloupotreba moći*, Tara, 2014.

Языковая и культурно-образовательная ситуация в Крыму в условиях интеграции в социокультурное пространство России

Мохов А.В.,
Севастопольский государственный университет, доцент кафедры «Политология и международные отношения», Черноморский информационно-аналитический центр, директор
E-mail: chiac-92@bk.ru

Сенюшкина Т.А.
доктор политических наук
Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского,
профессор кафедры политических наук и международных отношений
E-mail: tsenyushkina@yandex.ru

Аннотация: *В статье рассматривается языковая и культурно-образовательная ситуация в Крыму в условиях интеграции республики Крым в социокультурное пространство России. Отмечается, что определяющее значение в развитии культурно-образовательных и языковых процессов на полуострове имеет конституционно-правовое обеспечение и государственное регулирование этой сферы. На основании анализа ситуации в образовательных организациях Республики Крым делается вывод о том, что для учащихся организовано изучение родных языков в различных формах (крымско-татарский, украинский, армянский, болгарский, греческий, немецкий). Подчёркивается, что одним из ключевых приоритетов*

государственной национальной политики в Крыму является развитие средств массовой информации на национальных языках. В целом ситуация с функционированием СМИ в Крыму сравнима с другими регионами России.

Ключевые слова: *языковая ситуация в Крыму, культурно-образовательная ситуация в Крыму, интеграция Крыма в социокультурное пространство России, языковая политика, государственное регулирование СМИ.*

Language and cultural and educational situation in the Crimea in the context of integration into the socio-cultural space of Russia

Mokhov A.V.,
Sevastopol State University,
Associate Professor of the Department of Political Science and International Relations,
Black Sea Information and Analytical Center,
Director
E-mail: chiac-92@bk.ru

Senyushkina T. A.
Doctor of Political Science
V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Professor of the Department of Political Science and International Relations
E-mail: tsenyushkina@yandex.ru

Abstract: *The article examines the linguistic and cultural-educational situation in the Crimea in the context of the integration of the Republic of Crimea into the socio-cultural space of Russia. It is noted that the constitutional and legal support and state regulation of this sphere are of decisive importance in the development of cultural, educational and linguistic processes on the peninsula. Based on the analysis of the situation in the educational organizations of the Republic of Crimea, it is concluded that the study of native languages in various forms (Crimean Tatar, Ukrainian, Armenian, Bulgarian, Greek, German) is organized for students. It is emphasized that one of the key priorities of the state national policy in Crimea is the development of mass media in national languages. In general, the situation with the functioning of the media in Crimea is comparable to other regions of Russia.*

Keywords: *language situation in Crimea, cultural and educational situation in Crimea, integration of Crimea into the socio-cultural space of Russia, language policy, state regulation of mass media.*

Статья выполнена в рамках поддержанного Минобрнауки России проекта № 28.12882.2018/12.3 «Мониторинг этноконфессиональной ситуации в полиэтничных регионах Российской Федерации на основе модели Распределённого научного центра межнациональных и религиозных проблем, анализ конфликтного и интеграционного потенциала межэтнических и миграционных отношений в Южном федеральном округе (Республика Крым и город федерального значения Севастополь»

Воссоединение Крыма с Россией и процесс интеграции в политико-экономическое, правовое и социокультурное пространство актуализирует вопрос о языковой и культурно-образовательной ситуации на полуострове. Согласно переписи населения, проведённой в Крымском Федеральном округе в 2014 году, в Крыму (вместе с Севастополем) проживает 2 млн 293,7 тыс. человек. При этом в этнической структуре населения представлено более 150 национальностей, а доминирующими по численности в Республике Крым являются три этнические группы: русские (1 млн 492 тыс. 078 чел.), украинцы (344 тыс. 515 чел.) и крымские татары (232 тыс. 340 чел.) [4, с. 121-124].

В соответствии со статьей 10 Конституции Республики Крым установлены три государственных языка, которые действуют на территории Республики – русский, украинский и крымско-татарский [5]. Данная правовая норма дополнена Законом «О функционировании государственных языков Республики Крым и иных языков в Республике Крым» [3], который был принят в первом чтении на заседании шестой сессии Государственного Совета РК первого созыва 24 мая 2017 г. Согласно закону, язык межнационального общения в РК – русский. В Республике признается равноправие русского, украинского и крымско-татарского языков, и «никто не в праве устанавливать ограничения или привилегии при использовании того или иного языка» [3]. При подготовке законопроекта разработчики постарались объединить положения федерального законодательства о языках народов РФ, практический опыт Республики Крым и других субъектов РФ. Во время подготовки проекта закона ко второму чтению планируется широкое общественное и экспертное обсуждение с целью обеспечения принятия максимально взвешенного закона [6].

Обучение на украинском и крымско-татарском языках, а также изучение родных языков осуществляется в школах Крыма на основании заявления родителей (законных представителей). Статья 19 Конституции Республики Крым регламентирует право каждого гражданина на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества [5].

На основе свободного, добровольного, информированного выбора языка преподавания и изучения каждая образовательная организация локальными нормативными актами определяет язык, языки образования на учебный год. В соответствии с частью 2 статьи 11 Закона Республики Крым от 06.07.2015 № 131-ЗРК/2015 «Об образовании в Республике Крым» реализация прав граждан на обучение на родном языке и изучение родных языков обеспечивается созданием необходимого числа соответствующих образовательных организаций, классов, групп, а также условий для их функционирования. Преподавание и изучение родного языка в рамках имеющих государственную аккредитацию образовательных программ осуществляются в соответствии с федеральным и государственными образовательными стандартами.

Вопросы обеспечения обучающихся учебниками и учебными пособиями, как в рамках освоения основных образовательных программ в соответствии с ФГОС, так и за его пределами, регулируются на уровне образовательной организации локальным актом в соответствии с нормой, закрепленной в п.2 Порядка формирования федерального перечня учебников, рекомендуемых к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования, утвержденного приказом Минобрнауки РФ от 18.07.2016 № 870.

Часть учебного плана, формируемая участниками образовательных отношений, обеспечивает реализацию индивидуальных потребностей учащихся и может использоваться для увеличения количества часов на изучение отдельных предметов, в том числе родных языков, организацию курсов по выбору, элективных курсов при наличии заявлений родителей, материально-технического, учебно-методического и кадрового обеспечения [1].

О состоянии образования на крымско-татарском, украинском языках и изучении родных языков в крымских школах можно судить по данным официального портала Правительства Республики Крым. Согласно данным министерства образования, науки и молодёжи Республики Крым в 2020/2021 учебном году в 547 общеобразовательных организациях Республики Крым обучалось

218974 тысяч учащихся. Из них получали образование на русском языке 96,9%, на крымскотатарском языке 3 %, при этом в 2020/2021 учебном году функционировало на 14 классов (344 учащихся) больше, чем в 2019/2020 учебном году, на украинском языке - 0,1 %. В Республике Крым функционирует 16 общеобразовательных организаций с крымскотатарским языком обучения (247 класса, 4861 учащихся). В 2020-2021 учебном году в 554 образовательных организациях Республики Крым, реализующих программы дошкольного образования, обучалось 73,9 тыс. детей, из них на русском языке – 98,3 %, на крымскотатарском – 1,6 %, на украинском – 0,1 %.

В Республике Крым функционирует 15 школ с крымско-татарским языком обучения (202 класса, 3753 учащийся), а также 1 школа с украинским языком обучения (9 классов, 146 учащихся, «Школа № 20» в г. Феодосии). Кроме того, на базе общеобразовательных учебных заведений с русским языком обучения открыты классы с крымско-татарским языком обучения – в 31 школе 133 класса и 1879 учащихся. На базе школ с русским языком обучения открыты классы с украинским языком обучения – в 7 школах 13 классов и 172 учащихся [7, с. 27]. Кроме этого, организовано изучение следующих родных языков в различных формах (как предмет, углубленно, факультативно, во внеурочной деятельности): крымскотатарский – 21,6 тыс. учащихся; украинский – 10,6 тыс. учащихся; армянский – 97 учащихся; болгарский – 73 учащихся; греческий – 343 учащихся (из них как родной изучают 94 чел., как второй иностранный – 249); - немецкий – 58 учащихся.

Министерство образования РК совместно с издательством «Просвещение» подготовили и издали 36 наименований оригинальных учебных изданий по крымско-татарскому языку и крымско-татарской литературе для учащихся 1 – 9 классов. Все издания подготовлены с учетом региональных и этнокультурных особенностей, в красочной мягкой обложке с иллюстрациями, разнообразными видами заданий, представленными на основе современных методик преподавания и требований федеральных государственных образовательных стандартов. Поставка крупной партии учебной литературы в Крым, которая была осуществлена в 2018 году, также как и возможность обучаться на любом из трех государственных языков, в очередной раз доказывает, что принятая 19 декабря 2017 г. Генассамблеей ООН резолюция, согласно которой в Крыму якобы не реализуется право крымчан на изучение родных языков, содержит неправдивую информацию [2].

Ситуацию с крымско-татарским языком обучения в системе высшего образования можно проиллюстрировать на примере двух

ВУЗов: Крымского федерального университета имени В.И.Вернадского (КФУ) и Крымского индустриально-педагогического университета (КИПУ). В КФУ имени В.И. Вернадского функционирует факультет крымско-татарской и восточной филологии, в составе которого две кафедры: восточной филологии и крымско-татарской филологии. На факультете осуществляется подготовка по специальностям: крымско-татарский язык и литература, арабский язык и литература, персидский язык и литература, турецкий язык и литература.

В КИПУ функционирует факультет истории, искусств, крымско-татарского языка и литературы, который объединяет 7 выпускающих кафедр. Приоритетной задачей факультета является образовательное и научно-исследовательское обеспечение сохранения и развития крымско-татарского языка; системное исследование крымско-татарской литературы – как в историческом аспекте, начиная с первых её памятников в Крыму, так и в теоретическом, включая использование всего современного научного литературоведческого аппарата и инструментария.

Подготовка педагогических кадров по образовательно-квалификационному уровню «бакалавр» ведется по сдвоенным специальностям: «Крымско-татарский язык и литература, русский язык и литература»; «Крымско-татарский язык и литература, английский язык и литература». На факультете функционирует «Центр тюркологических исследований», оснащенный по современными технологиями в целях качественной и практической подготовки будущих тюркологов. В Центре имеется научная библиотека, которая насчитывает более 4000 источников на турецком языке. Учебными планами предусмотрены разнообразные виды практик: фольклорно-диалектологическая, педагогическая, научная, переводческая, журналистская – учебно-ознакомительная и редакционно-производственная. Студенты проходят практику по всему Крыму и за его пределами. В Крымском индустриально-педагогическом университете функционирует также Научно-исследовательский центр крымско-татарского языка и литературы.

Одним из ключевых приоритетов государственной национальной политики в Крыму является развитие средств массовой информации на национальных языках. Ситуация с функционированием СМИ в Крыму сравнима с другими регионами России [7, с. 28].

По данным Роскомнадзора, почти 400 средств массовой информации зарегистрировано в Крыму. Лишь небольшая часть из общего количества СМИ представлены федеральными СМИ - на них выдано всего 34 свидетельства. В Крыму в общей сложности

зарегистрировано 50 СМИ на крымско-татарском языке. На вещание национальных телерадиоканалов выданы универсальные лицензии. Заявленные объемы вещания составляют 168 часов в неделю. Это означает, что фактически крымско-татарские вещатели готовы давать круглосуточный эфир [8].

При поддержке республиканских органов власти издаются газеты на родных языках народов Крыма: «Мераба» (на русском языке), «Янъы дюнья» (на крымскотатарском языке), «Хофнунг» (на немецком языке), «Крымский казачий вестник» (на русском языке), «Таврика» (на греческом языке), «Болгарский вестник» (на болгарском языке). Также издаются журналы: «Йылдыз» (на крымскотатарском языке), «Голубь Масиса» (на армянском языке), «Наш Крым» (на русском языке).

В числе крымско-татарских печатных изданий особой популярностью пользуются общественно-политический, литературно-художественный журнал «Йылдыз» и газета «Янъы дюнья» («Новый мир»). В рамках программы по поддержке издания литературы на родных языках «Республика Крым — территория межнационального согласия» Медиацентром им. Исмаила Гаспринского были изданы книги крымско-татарских писателей: Ипчи Умера «Сайлама эсерлер»; Сейтумеровой Алие «Мелодия зари: стихи»; Бекирова Шевкъи «Кечмиш иле корюшюв»; Эдемовой Урие «Сайлама эсерлер»; Алиева Февзи Февзи «Алиевнынъ музыкасы (Музыка Февзи Алиева)».

Отметим также, что в Крыму сегодня не наблюдается конфликтов в сфере функционирования родных языков, которые нередко проявлялись до 2014 года и были связаны, в частности, с «намерением некоторых районных администраций предпринять меры по закрытию классов с крымско-татарским и украинским языками обучения» [9, с. 94].

Выводы.

Определяющее значение в развитии культурно-образовательных и языковых процессов в Крыму имеет конституционно-правовое обеспечение и государственное регулирование этой сферы. Статья 19 Конституции Республики Крым регламентирует право каждого гражданина на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Язык межнационального общения в Крыму – русский, наряду с этим, на конституционном уровне признается равноправие русского, украинского и крымско-татарского языков как государственных языков.

В образовательных организациях Республики Крым организовано изучение родных языков в различных формах (крымско-татарский, украинский, армянский, болгарский, греческий, немецкий). Крымско-

татарский язык обучения в системе высшего образования представлен в Крымском федеральном университете имени В.И.Вернадского и Крымском индустриально-педагогическом университета.

Одним из ключевых приоритетов государственной национальной политики в Крыму является развитие средств массовой информации на национальных языках. Ситуация с функционированием СМИ в Крыму сравнима с другими регионами России.

Литература:

1. Государственные и иные языки Республики Крым. [Электронный ресурс] // Министерство образования, науки и молодёжи Республики Крым. URL: https://monm.rk.gov.ru/ru/structure/210
2. В Крым доставили 81 тысячу учебников на крымско-татарском языке [Электронный ресурс] // РИА Крым. URL: https://crimea.ria.ru/society/20180116/1113501506.html
3. Закон Республики Крым «О функционировании государственных языков Республики Крым и иных языков в Республике Крым». [Электронный ресурс]. URL: // http://crimea.gov.ru/textdoc/ru/7/project/2-351.pdf
4. Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе / Федеральная служба государственной статистики. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2015. – 279 с.
5. Конституция Республики Крым. [Электронный ресурс] // URL: https://rg.ru/2014/05/06/krim-konstituciya-reg-dok.html
6. Крымский парламент принял в первом чтении языковой закон. [Электронный ресурс] // РИА Крым. URL: https://crimea.ria.ru/society/20170524/1110501819.html
7. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крыму. Экспертный доклад за первое полугодие 208 года / ред. Сенюшкина Т.А., Степанов В.В., Старченко Р.А. – Москва-Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018 с. – 63 с.
8. Роскомнадзор: крымские СМИ интегрировались в информационное пространство РФ. [Электронный ресурс] // URL: http://tass.ru/obschestvo/2428815.
9. Сенюшкина Т. Социально-политическая ситуация в Крыму // Россия и мусульманский мир. 2013. № 10 (256). С. 87-94.

«Стратегическая нестабильность» как аналитический сценарий для XXI века: некоторые фигуры верификации

Муза Д.Е.
доктор философских наук
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
профессор кафедры политологии
E-mail: dmuza@mail.ru

Аннотация: *Материал посвящен исследованию валентности категории и аналитической программы «стратегической нестабильности», предложенной более 20 лет назад русским философом политики А.С. Панариным. Показано, что данная программа и призма интерпретации мирополитического процесса включает в себя разработку сценария «ответа» не-западных цивилизаций тотальному «вызову» Запада, находящегося в фазе инволюции. Последняя чревата редукцией культурно-цивилизационного многообразия человечества. Напротив, альтернативная программа развития человечества включает в себя «духовную вертикаль Континента» как пространство солидарности. Подчеркивается, что этот сценарий имеет сверхактуальное значение в условиях нарастающей стратегической нестабильности, причем, при активной роли России и русской цивилизации.*

Ключевые слова: *стратегическая нестабильность, западная цивилизация, континентальная альтернатива, духовная вертикаль Континента, Россия как гарант евразийской и мировой стабильности.*

«Strategic instability» as an analytical scenario for the XXI century: some verification figures

Muza D. E.
Doctor of philosophy
Donetsk national University, Professor of the Department of political science
E-mail: dmuza@mail.ru

Abstract: *The article is devoted to the study of the category valence and the analytical program «strategic instability», proposed more than 20 years ago by the Russian political philosopher A. S. Panarin. It is shown that this program and prism world politics ' interpretation process involves the development of a scenario «answer» non-Western civilizations total «call» of the West, in the phase of involution. The latter is fraught with a reduction of the cultural and civilizational diversity of mankind. On the contrary, the alternative program of human development includes the «spiritual vertical*

of the Continent» as a space of solidarity. It is emphasized that this scenario has a super-actual significance in the conditions of increasing strategic instability, and, moreover, with the active role of Russia and Russian civilization.

Keywords: *strategic instability, Western civilization, continental alternative, spiritual vertical of the Continent, Russia as a guarantor of Eurasian and world stability.*

Александру Сергеевичу Панарину принадлежит концептуальная новация в виде аналитической категории и соответствующей программы исследования глобальных политических, экономических и культурно-антропологических процессов в XXI веке. Речь здесь идет о «стратегической нестабильности», как многослойном концепте, имеющем привязку к вектору и катастрофе цивилизации модерна (и постмодерна). Напротив, его работы содержат и позитивный сценарий, соотнесенный с историческим творчеством всего спектра не-западных цивилизаций, включая Россию. Причем вся панаринская эвристика строится как антитеза культивируемому в мире sustainable development.

Ниже будет предложена экспликация таковой с прицелом на выявление верификационных фигур познания социально-политической реальности.

Первые соображения, касающиеся стратегической нестабильности, причем в привязке к собственной версии глобального политического прогнозирования были предложены им в монографии «Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности» (1999). В этой работе помимо прочих тем и сюжетов заявлено следующее: мировая история пришла к такому состоянию, при котором большой доминанте универсальной, общечеловеческой истории, пришла иная, связанная с уникальностью европейской цивилизации, заявившей о своей монополии на исторический процесс как таковой. Последнее означает: западная цивилизация не только освоила «линейное» историческое время, она принялась осваивать глобальное пространство как свою вотчину (!). При этом пытаясь «заморозить» циклическую динамику не-западных цивилизаций, отсекая и профанируя их историческое творчество как не заслуживающие внимания «молоха прогресса».

Более того, обозначившиеся западный полюс роста и стагнирующая периферия так или иначе сталкиваются с «априоризмом будущего». Последний квантифицируется и как победа «динамического» времени Запада, и как присвоение Западом современности. Иначе говоря, «машина времени» западной цивилизации тем самым организует *вызов* не-западным сообществам,

который имеет не только военное, политическое и экономическое содержание, но также ценностно-культурное и этико-моральное измерения.

Однако логика победы Запада над остальным миром просматривается не только в плоскости хронополитики, но также и в геополитической, пространственно-динамической плоскости.

И здесь мы наблюдаем «новую конфронтационную логику» в виде особой линии международного поведения, агрегирующую конституирование «глобального открытого общества, т.е. безальтернативной модели рынка в пространстве «второго» и «третьего» миров». Разумеется, в этом процесса задействован весь спектр средств, имеющихся у «победителя»: от финансово-экономических и военно-политических – до идеологических и культурно-информационных. Результатом же тотального геополитического наступления Запада должна стать сдача суверенитета крупных государств-цивилизаций Востока и России [1, с. 69–72].

Любопытно, что много лет спустя российские аналитики, используя метафору «осыпающегося мира» значительно проще оценивают наступившую катастрофу: «Результатом любого системного конфликта, каковым и была холодная война, становится приспособление инструментов и институтов управления к интересам победителей. Это историческая норма. Но на рубеже XX–XXI веков она осталась недостижимой. Вероятно, потому что холодная война была необычным конфликтом. По её итогам возникло твёрдое неформальное представление о том, кто выиграл, а кто проиграл. Однако официально, в международно-правовом смысле, победителей не было. Других же методов установления мирового порядка, кроме «легитимный победитель получает всё», точнее – сам решает, кто на что имеет право, не придумано» [2].

Тем не менее, сам А.С. Панарин указывал на то, что «вызов», брошенный Западом остальному человечеству, имеет два критерия: во-первых, это «вызов» Просвещению как таковому, т.е., открытого им принципу и практике единой исторической судьбы; во-вторых, это «вызов» мировой стабильности и прямой путь к новой войне [1, с. 69].

Применительно к российской ситуации прозорливый ученый видел в парадоксе «национального самоопределения вплоть до отделения» главное средство разрушения цивилизационных и морально-религиозных твердынь. Вместе с тем, именно этим твердыням, и здесь А.С. Панарин солидаризуется с великим русским консерватором К.Н. Леонтьевым, суждено сыграть роль «защитного механизма» в процессе формирования либерально-космополитического «всесмешения». Более того, позитивную роль в

создании общемировых альтернатив американскому глобализму и гегемонизму он отводил «великим религиозным текстам», которые живую в больших цивилизационных пространствах, формируя, развивая и сохраняя таковые. А значит обеспечивая субъекты необходимой ценностными ориентациями в пространствах природы и морали (!).

И все же главным открытием мыслителя нужно считать концепт «духовная вертикаль Континента», в котором сосредоточена идея преодоления «социал-дарвинистской сегрегации модерна» за счет создания альтернативного существующему пространству, кристаллизовавшемуся вокруг «горизонтальной оси». В формируемом Западом (богатым Севером – в иной терминологии) общепланетарном пространстве по оси: Атлантика – Тихий океан заложена реализация принципов и ценностей «успеха» и «могущества», «богатства» и «власти над миром». Напротив, в фокусе геополитической вертикали в качестве доминанты просматривается «солидарность обездоленных и угнетенных», равно как и фундаментальная задача переоткрытия «новой исторической судьбы» путем обращения к этикоцентрическим традициям цивилизаций Востока.

При этом здесь А.С. Панарин отдает предпочтение союзу России и Индии, которые помимо прагматических аспектов (военных, экономических, транспортных) обладают колоссальным антигегемонистским потенциалом [1, с. 175].

Между прочим, сегодня эксперты не случайно заговорили о «евразийской хорде», разумеется, на фоне встреч и договоренностей Президента РФ В.В. Путина и Премьер-министра Индии Н. Моди [4]. Конечно, на Дальневосточном экономическом форуме (Владивосток, сентябрь 2019) только оконтурены векторы этого геостратегического партнерства, но смысл этого шага (осуществляемого на фоне «заката либерализма», а значит, Запада), вполне очевиден.

В дальнейшем, и здесь имеется в виду работа «Глобальное политическое прогнозирование» (2000), А.С. Панарин сосредоточился на уточнении концепта «духовная вертикаль Континента». Наряду с сопряжением России (отождествляемой с Хартлендом) и Индостана, в его программе содержится развертка прогностического сценария в направлении: во-первых, исламской цивилизизации, которую необходимо отвлечь от «западнической ереси»; во-вторых, «колеблющегося флага» Евразии – Китая, обладающего вполне самобытной традицией цивилизационного творчества. Вообще же в пространстве большой Евразии должен быть порожден «большой континентальный синтез» [4, с. 279], т.е. интерцивилизационный мир с приоритетами разнообразия, солидарности и сотрудничества.

Наконец, в своей книге-завещании – «Стратегическая нестабильность в XXI веке» (2003), русский мыслитель акцентуировал внимание на игнорировании «слабыми» участниками мировой драмы того беспрецедентного «вызова», который исходит от Запада в виде последовательной реколонизации мира. Об этом свидетельствует не только снижение сопротивление Востока, а планомерное встраивание его обществ и государств в глобальную игру с «нулевой суммой», затеянную «победоносным» Западом. Конечно, этот эмпирический факт (Япония, Республика Корея, Саудовская Аравия, Кувейт, Ирак, часть стран Латинской Америки и т.д.) даже не нуждается в интерпретации.

В свою очередь, на страницах этой работы прозвучала мысль о том, что результат такого судьбоносного противостояния века вершится в России. Аргумент в пользу этого: «Россия – обладатель самой духовно возвышенной, благородной и целомудренной духовной традиции, не сломив сопротивление которой население которой население евразийского Хартленда нельзя превратить в человеческую массу, лишенную человеческого достоинства» [5, с. 345]. Верификация этого положения не только во внутриполитических процессах и проектах (послание Президента РФ Путина В.В. Федеральному собранию 15.01.2020), но внешнеполитических (урегулирование конфликтов в Сирии и Венесуэле, сотрудничество с Индией и Китаем, взаимодействие с Турцией, Ираном и Египтом, особые отношения с Сербией) акциях.

Сказанное подводит нас к выводу о том, что *самостояние России и русской цивилизации* является залогом не только макрорегиональной (евразийской) стабильности, но и мировой. Следовательно, укрепление и культивирование её цивилизационных институтов и ценностей является мета-задачей настоящего и будущего. В противном случае мир неизбежно провалится в неуправляемый хаос.

Литература:

1. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 272 с.

2. Барабанов О., Бордачёв Т., Лисоволик Я., Лукьянов Ф., Сушенцов А., Тимофеев И.. Жизнь в осыпающемся мире // Режим доступа: https://ru.valdaiclub.com/a/reports/zhizn-v-osypayushchemsya-mire/ (дата обращения: 17.06. 2019 г.).

3. Куприянов А., Королёв А. Евразийская хорда. Океанское кольцо. Россия и Индия как третья сила нового миропорядка // Режим

доступа: https://ru.valdaiclub.com/a/reports/evraziyskaya-khorda-okeanskoe-koltso/ (дата обращения: 21.12.2019 г.).

4. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. М.: Алгоритм, 2000. 352 с.

5. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003. 560 с.

Рецепция исследования образа Вронского писателя Льва Николаевича Толстого в Сербии

Мумович Анна М.
доктор наук, научный сотрудник,
Институт сербской культуры Приштина-Лепосавич,
E-mail: djordj_ana@yahoo.com

Аннотация: *Целью статьи является изучение образа известного русского генерала Николая Николаевича Раевского и рецепция исследований о нем в Сербии. В самом переводимом после Библии произведении, после того, как Анна Каренина покончила с собой, бросившись под поезд, граф Вронский добровольцем отправился сражаться в Сербию. Таким образом, роман был завершен, а Николай Раевский погиб в битве с турками 20 августа 1876 года возле села Горни Адровац. Для рецептивного исследования образа Вронского огромное значение имела междисциплинарная монография профессора, доктора Будимира Поточанина "Вронский в Сербии" (миссия полковника Раевского в 1867 и 1876 годах), а также роман Добрило Ненадича "Клинок графа Вронского". Представляя исторические факты о генерале Раевском, а также связывая историческую фигуру с героями романов Толстого и Ненадича, работа с новой точки зрения показывает отношения и связи двух братских народов.*

Ключевые слова: *Вронский, Раевский, Сербия, Россия, роман, прототип, рецепция исследования.*

Reception study on Tolstoy's Vronsky in Serbia

Mumovich Anna M.
Doctor of Science, Research Fellow,
Pristina-Leposavić Institute of Serbian Culture
E-mail: djordj_ana@yahoo.com

Abstract: *The paper aims to portray the character of famous Russian general Nikolay Nikolayevich Raevsky, as well as his reception of research in Serbia. In the most translated novel after Holy Scripture, once Anna Karenina threw herself under a train, Count Vronsky signed up to volunteer and went to war in Serbia. Thus, Tolstoy's novel was completed, and the life of Nikolay Raevsky ended with the death in the battle with the Turks on August 20, 1876, near the village of Gornji Adrovac. For the reception of Vronsky character of immense importance to us is a multidisciplinary monograph by Professor Budimir Potocanin, Vronsky in Serbia (Colonel Raevsky's mission in 1867 and 1876), as well as the novel by Dobrilo Nenadic The Saber of Count Vronsky. By presenting historical facts about General Raevsky, as well as by bringing a historical figure in relation to the heroes of novels by Tolstoy and Nenadic, the work throws a new sidelong light on the relationship and connection of the two fraternal people.*

Key words: *Vronsky, Raevsky, Serbia, Russia, novel, prototype, reception study.*

Исторический персонаж полковника Раевского для Л. Н. Толстого являлся прототипом для создания образа графа Вронского из знаменитого романа «Анна Каренина». Эта же историческая фигура стала прототипом для создания образа главного героя романа Добрилы Ненадича «Сабля графа Вронского». Таким образом, полковник Раевский является первоосновой для создания литературного образа. Романы Льва Толстого и Добрилы Ненадича не имеют общих точек пересечения, кроме прототипа образа главного героя. На основе исторических документов, представленных Поточаниным в своей монографии и литературного персонажа Вронского в романах Толстого и Ненадича, мы попытаемся показать, каким образом создавались персонажи и указать на важность образа генерала Раевского в сербской литературе и культуре. Писатели-реалисты ориентировались на создание характерных персонажей и очень часто пользовались прообразами из повседневной жизни и одухотворяли их в романах.

Величайший русский писатель-реалист Лев Толстой в романе «Анна Каренина» воссоздал образ полковника Раевского. Роман Ненадича, хотя и не относится к эпохе реализма, но время, в течении которого развиваются действия в романе, совпадает с историческими событиями. В структуре романа появляются образы главных героев, созданные на основе прототипов и выдающихся личностей 19 века: Раевский, Пера Тодорович, Владан Джорджевич, генерал Черняев и другие. Следует помнить, что «литературный прототип находится, по правилу, в середине – между образцом и вымыслом, между реальным и вымышленным» [5, с. 41].

Прежде чем мы приступим к рассмотрению того, каким образом историческая личность полковника Раевского послужила прототипом для героев романов Толстого и Ненадича, нам необходимо подчеркнуть, что идею использования реального прообраза в качестве первоосновы для создания литературного образа также можно расценивать как прототип. Решение данной проблемы представил М. Бахтин в своем исследовании «Проблемы поэтики Достоевского», где подчеркнул, что «Достоевский никогда не создавал своих образов и идей из ничего, никогда не "выдумывал их", как не выдумывает художник и изображенных им людей, - он умел их услышать или угадать в наличной действительности. Поэтому для образов и идей в романах Достоевского, как и для образов его героев, можно найти и указать определенные прототипы» [1, с. 150]. Когда речь идет о прототипе, а также о идее прототипа, Бахтин указывает, что очень важной является позиция автора, который никогда не копирует и не передает буквально или в точности прототип, а создает его свободно и в духе своей поэтики.

В исследовании «Универсальные послания русской литературы» Д. Недельковић подчеркивает, что сам Толстой «считает, что писатель должен быть активным и при помощи фантазии создавать персонажи, никогда при этом не забывая простых людей и обычные пейзажи, которые являются основой искусства и с которыми вымышленное нужно сравнивать» [3, с. 262].

Лев Толстой, создавая шедевр мировой литературы «Анну Каренину», пользовался прототипами, но, безусловно, он использовал свой литературный талант и писательское мастерство. Для создания образа главной героини, на котором мы не будем останавливаться, так как он обобщен в результатах научных исследований как отечественной, так и зарубежной литературы, писателем были использованы три исторические личности. Для создания образа главного героя Вронского, в качестве прототипа и первоосновы этого литературного персонажа он воспользовался фигурой полковника Раевского (1839–1876). Б. Поточанин в своей монографии, в которую вошли результаты его тридцатилетнего исследования, в связи с этим приводит 16 примеров и обосновывает их при помощи документальных источников, сравнивая части романа и исторические факты из жизни Раевского.

Прежде всего, в соответствии с нашей целью мы рассмотрим некоторые из этих утверждений и свяжем их с героем Ненадича. Архитектоника романа «Сабля графа Вронского» представляет собой «обрамленный композиционный образец с повторением одинаковых абзацев в 1-й и 47-й главе романа, и все изменения в фабуле связаны с

поступками главного героя – журналиста Еши Мушицы» [2, с. 29–30]. Заимствованием образа генерала Вронского, автор фактически привлекает читателя к разрешению загадки. Пока читатель осмысляет сюжет романа и узнает о загадочной сабле из названия романа и ее владельце, он осознает, что «уже слишком поздно покидать игру» [2, с. 29].

Роман обухватывает время с июля по ноябрь 1876 года, когда в Сербию, которая 14 августа обрела наследного принца, прибыли русские солдаты в количестве от двух до трех тысяч. Действие романа начинается душевной встречей и заканчивается проводами русских солдат во главе с генералом Черняевым. Описывая военные действия в районе города Алексинац и русских, которые пришли на помощь своему братскому православному народу, в то время как турки помогали англичанам, Ненадич пишет: «Там Рус, Чарняев и все эти другие безрассудные русские, братья, а там, где русские, есть напитки и провиант, и галдеж и драки, там все в изобилии, а слухи множатся как мухи на сыре. Русские во всем хороши, как ни повернешь» [3, с. 63].

Когда из романа мы узнаем, что таинственный герой романа Ненадича прибывает в Сербию и о нем по станице распространяются слухи, становится очевидным, что романист был знаком с историческими фактами о жизни полковника Раевского. «Мистифицируя появление русского графа, поигрывая с поэтической проблемой и вопросом о двойнике» [2, с. 33], Ненадич фактически поигрывает с ожиданиями читателя: «Одни утверждали, что гостя звали Николай Николаевич Раевский, и что он – князь (...). Другие (...) говорили, что речь шла о полковнике графе Алексее Кирилловиче Вронском, командире конного гусарского полка и адъютанте императора .... [3, с. 24]. Все сходились в едином мнении, что полковник прибыл на помощь сербам после трагического романа с красивой замужней женщиной, которая бросилась под поезд.

Так Толстой заканчивает свой роман, а мы продолжаем следить за жизнью полковника в порабощенной Сербии. Вронский на станции готовится в дорогу – на фронт, чтобы пожертвовать собой. Когда он ожидал прибытия поезда, к нему подошел человек, который узнал его и предложил отрекомендовать его премьер-министру и некоторым известным личностям в Сербии, на что Вронский ответил, что «никаких рекомендаций для смерти не требуется» [1, с. 857].

Раевский был в Сербии два раза – в 1867 и 1876 году. Из четырех писем, обнаруженных 130 лет после выхода романа «Анна Каренина», переведенных и впервые опубликованных в оригинале в монографии Б. Поточанина, мы видим, что миссия полковника Раевского действительно заключалась в том, чтобы оказать содействие сербской

армии. Во время своей первой секретной миссии в Сербии и Боснии он осведомлял министра обороны Миливоя Петровича Блазновца и вносил конкретные предложения о реорганизации армии, подготовке офицеров, об улучшении состояния на дорогах и конкретных операциях конного эскадрона на фронте. Поточанину удалось доказать, что в образе полковника Вронского в 1876 году в Сербию прибыл полковник Раевский. «Используя инновативную методологию, которая подразумевает сравнение эстетической литературной информации из романа Толстого с семантической информацией из архивных документов и других соответствующих материалов, впервые было научно доказано существование литературного прототипа для этого литературного прообраза». [5, с. 242]. В романе Ненадича мы находим тот же факт о первом прибытии Раевского в Сербию: «Раевский приехал в Сербию в апреле 1867 года в качестве молодого майора гусарского полка» [3, с. 25].

После всего лишь 16 дней пребывания в Сербии полковник Раевский погиб в Горнем Адровце. На месте его гибели 2 сентября 1903 года была возведена церковь Святой Троицы, которая в народе известна как Красочная Церковь, Русская Церковь или Церковь Любви. Место для строительства церкви приобрела сербская царица Наталья. Надпись на надгробном памятнике рядом с церковью гласит: «Русский полковник Николай Раевский в борьбе с турками погиб на этом месте 20 августа 1876 года». Тело полковника Раевского было перевезено в его родной город Киев. В Сербии, вблизи населения Джунис, в монастыре Святой Роман осталось его храброе сердце.

Рецепция образа Вронского в романе Л. Толстого «Анна Каренина» имеет исключительное значение для сербской литературы и культуры, на что указывают романы, инспирированные образом Раевского и многочисленные исторические события, которые объединяют два братских православных народа.

Литература:

1. Бахтин М. Проблеми поетике Достојевског, Нолит, Београд.
2. Милошевић М. Завођење читаоца или ко је украо сабљу грофа Вронског, Читање у огледалу, Матица српска, 2004.
3. Недељковић Д. Универзалне поруке руске књижевности, Матица српска, Нови Сад, 1973.
4. Ненадић Д. Сабља грофа Вронског, Алфа, Београд, 2002.
5. Поточанин Б. Вронски у Србији (Мисије пуковника Рајевског 1867. и 1876. године), Завод за уџбенике, Београд, 2017.
6. Толстој Л. Н. Ана Карењина, Просвета, Београд, 1975.

7. Цветковић Н. Књига о Вронском у Србији, Поточанин Б. Вронски у Србији (Мисије пуковника Рајевског 1867. и 1876. године), Завод за уџбенике, Београд, 2017.

Этническая идентичность и ее вариации/альтернативы в исламском социуме

Назаров Р.Р.
Кандидат философских наук
Институт истории Академии наук Республики Узбекистан,
Заместитель заведующего Отделом «Новой и новейшей истории»,
E-mail: Shon2002@yandex.ru

Аннотация: *В статье проанализирована специфика этнической идентичности в исламском обществе, ее вариации и альтернативы. Специфика идентичности представителей большинства тех этносов, которые традиционно называются «мусульманскими» состоит в том, что собственно этническая составляющая в их идентичности играет зачастую не очень значительную роль. Её альтернативами в мусульманских социумах в истории и современности выступают: конфессиональная и субконфессиональная; родо-племенная; клановая; локально-территориальная; расовая; этнолингвистическая; государственно-политическая; дуальная; субэтническая и суперэтническая; «матрёшечная» (многоступенчатая); гражданско-национальная; общинно-групповая.*

Ключевые слова: *идентичность, ислам, социум, этнос, субэтнос, суперэтнос, раса, род, племя.*

Ethnic identity and its variations/alternatives in Islamic Society

Nazarov R.R.
PhD in Philosophy
Institute of history of the Academy of Sciences, Republic of Uzbekistan,
Deputy head of the Department of «New and Contemporary History»
E-mail: Shon2002@yandex.ru

Abstract: *The article analyzes the specifics of ethnic identity in Islamic society, and its variations and alternatives.The specificity of the identity of representatives of the majority of those ethnic groups that are traditionally called «Muslim» is that the actual ethnic component in their identity often*

does not play a very significant role. Its alternatives in Muslim societies in history and today are: confessional and sub-confessional; tribal-tribal; clan-based; local-territorial; racial; ethnolinguistic; state-political; dual; sub-ethnic and super-ethnic; «matryoshka» (multi-stage); civil-national; community-group.

Keywords: *Identity, Islam, society, ethnos, subethnos, superethnos, race, clan, tribe.*

Конфессиональная и субконфессиональаня идентичность в исламском социуме может выражаться в следующих формах: *мусульманин* – как отличие от немусульман; представитель одного из течений в исламе (суннит, шиит); представитель одного из суннитских мазхабов (ханафит [1], маликит, шафиит, ханбалит) [2], представитель одного из шиитских мазхабов (джафарит, зейдит, нуктавит), представитель субконфессионального направления (исмаилит, салафит, ваххабит, друз, кармат); суфий – приверженец суфизма (Тасафвуфа) [3], философско-мистического направления в исламе [4].

Родо-племенная идентичность в исламском мире характерна для народов, придерживающихся кочевого образа жизни (номадизм), либо длительное время придерживавшихся и поздно перешедших к оседлости.

Так, *пуштуны (паштуны, пухтуны, пахтаны, патаны)* являются крупнейшим в мире народом (около 50 млн. чел.), обладающим родо-племенным делением. Принадлежность к роду и племени играет огромную роль в отношениях пуштунов друг с другом [5]. Всего выделяют 60 крупных племён, разделённых на 400 родов [6]. Крупнейшие племена - *дуррани, гильзаи, каррани*. Основой самосознания является Кодекс *Пуштунвали (Пуштунвалай)* – набор неписанных правил и обычаев, регулирующих отношения в пуштунском социуме. Большое значение принадлежит обычаям - кровная месть (*бадал, пор*), гостеприимство и защита гостя (*мелма-палена*), регулярный передел (*веш*) племенной земли (*тапа, налла*)[7].

Так же родо-племенная идентичность важна для таких этнических групп как: бедуины (кочевые арабы), берберы, туркмены.

К родо-племенной идентичности близка ***клановая идентичность,*** характерная для чеченцев и ингушей (тукхумы, тейпы) [8; 9], народов Дагестана (тухумы), казахов (жузы, ру), киргизов («крылья», ветви).

Расовая идентичность [10] в исламском мире не играет существенной роли, но можно выделить расовые типы: европеоиды средиземноморские и балкано-кавказские – турки, азербайджанцы,

мусульмане Северного Кавказа (дагестанцы, вайнахи, адыги), албанцы, боснийцы; европеоиды семитского типа (часть арабов), европеоиды урало-поволжские (татары, башкиры), европеоиды закаспийского типа (туркмены, хорасанские персы), европеоиды памиро-ферганские (таджики, узбеки, уйгуры), европеоиды индоафганского типа (пуштуны, народы Пакистана и Бангладеш, мусульмане Северной Индии), монголоиды южносибирского типа (казахи, киргизы, каракалпаки, хазарейцы), дравидоиды [11] (белуджи, брагуи, тамилы), негроиды (суданцы, мавританцы), эфиопоиды (мусульмане Эритреи и Эфиопии, сомалийцы) [12]. Сильным расовым разнообразием отличаются арабы и тюрки.

Этнолингвистическая идентичность – важный элемент идентичности в условиях полилингвального социума. Наиболее распространенные языки мусульман: *арабский язык* – 420 млн. чел. (для 300 млн. – родной) [13], *бенгальский язык* (бенгали) - 250 млн. чел. (родной для 200 млн.), *индонезийский язык* (бахаса индонезия) – 200 млн. чел. (родной для 20 млн.), *персидский язык* – 110 млн. чел. (для 60 млн. – родной) [14]. В целом на языках иранской языковой группы говорит 160 млн. чел.; *урду* (старое название – хиндустани) – 105 млн. чел. (половина пользуется как родным), *турецкий язык*– 80 млн. (родной – для 60 млн.). Языки тюркской группы (более 30 языков, не считая диалектов) насчитывают до 200 млн. носителей, основная масса которых исповедует ислам [15]. Также в исламском социуме распространены панджабский, малайский, яванский языки.

Государственно-политическая идентичность - характерна для этносов, имеющих более одного государственного образования. Так, в арабской идентичности важное место принадлежит государственно-политической (гражданской) идентичности - египтянин, саудовец, ливанец. В этом смысле в арабской идентичности есть дихотомия понятий «арабская родина» (аль-Ватан) и «арабское государство» (аль-Кутр) [16]. Государственно-политическая идентичность актуальна для турков Кипра (турки-киприоты), албанцев Косово (косовары).

Дуальная идентичность – одновременно представитель этнообщества и гражданин государства - характерна для «разделенных народов» [17]. Среди них - азербайджанцы Азербайджана и Ирана, белуджи Ирана и Афганистана, бенгальцы Бангладеш и Индии, пенджабцы Индии и Пакистана, пуштуны Афганистана и Пакистана, курды Ирака, Ирана, Сирии, Турции, лезгины России (Дагестан) и Азербайджана [18].

Субэтническая или суперэтническая идентичность реализуется в рамках таксономических единиц либо меньше этноса

(субэтнос), либо больше этноса (суперэтнос – мусульманин, тюрк, азиат).

Гражданско-национальная идентичность во многих мусульманских странах только формируется в процессе становления современных «наций-государств» - узбекистанец, казахстанец, кыргызстанец.

«Матрёшечная» (многоступенчатая) идентичность, когда один из видов идентичности включен в другие, находясь с ними в иерархических отношениях [19]. Пример: рушанец – памирец – исмаилит – шиит – ираноязычный.

Локально-территориальная идентичность характерна для оседлых народов, проживающих в условиях географической или политической (межгосударственные границы) разобщенности, таких как азербайджанцы, таджики, узбеки, уйгуры. В качестве примеров можно привести следующие: кашгарцы, турфанцы, хотанцы - среди уйгур, ферганцы, хорезмийцы – среди узбеков, гиссарцы, кулябцы, каратегинцы – среди таджиков [20].

Общинно-групповая идентичность характерна для тех мусульманских групп, основная масса этносов которых исповедует неисламские религии. Среди них - армяне-хемшилы, болгары-помаки, грузины-аджарцы, грузины-лазы, черногорцы-потурчены, македонцы-торбеши, таты-мусульмане, сербы-горанцы.

Литература:

1. *Боголюбов А.С.* Ал-Ханафийа // Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, ГРВЛ, 1991. С. 273
2. *Мухаметов А.-Р.М.* Эволюция фикха и будущее мазхабов с позиций социально-исторического анализа // Минарет. 2009. № 3–4.
3. *Али-заде А.А.* Тасаввуф // Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар, 2007.
4. *Колесников А.С.* Суфизм — философия в рамках мистицизма// История философии. СПб.: Питер, 2010.
5. *DupreeL.*Afghanistan. Oxford: University Press, 1997.
6. *АслановМ. Г., Кочнев В.И.* Пуштуны // Народы Южной Азии. М., 1963.
7. *Banting E.* Afghanistan. The People. Crabtree Publishing Company, 2003.
8. *Хасиев С.А.* О социальном содержании института «Тайп» чеченцев (XIX — начала XX вв.) // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII — нач. XX вв.). Грозный, 1986.
9. *Павлова О.С.* Общественно-родовое устройство ингушского социума// Ингушский этнос на современном этапе. М.: Форум, 2012.

10.*Дубов А.И.* К вопросу о классификации человеческих рас // Горизонты антропологии. М.: Наука, 2003. С. 108–114.

11.*Пейрос И.И., Шнирельман В.А.* В поисках прародины дравидов (лингвоархеологический анализ)// Вестник древней истории. 1992. № 1. С. 135–147.

12.*Гинзбург Е.Б.* Эфиопская малая раса// http://www.africana.ru/lands/Ethiopia/MalayaRasa.htm (дата обращения: 27.12.2019 г.).

13.*Густерин П.* Арабский язык в современном мире// Восточные языки и культуры. М.: РГГУ, 2007.

14.*Мошкало М.В.* Персидский // Языки мира: Иранские языки. Ч. 1. М., 1997.

15.*Дыбо А.В.* Хронология тюркских языков и лингвистические контакты ранних тюрков. М.: Академия, 2004.

16.*Орлов В.В.* Самоотождествление в арабском мире: этническое, конфессиональное, национальное // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2015. № 9. С. 147–158.

17.*Зубрицкий Ю.А.* Разделённость этноса: концепции, проблемы, подходы// Латинская Америка. 2000. № 6. С. 58–67.

18.*Балашов Ю.А.* Механизмы формирования гражданской идентичности разделенных этносов // Вестник ННГУ. Сер. Международные отношения, Политология, Регионоведение. 2007, № 3. С. 212–217.

19.*Мурзагалеев Б.Р.* «Матрешка идентичности» как фактор схожести России, Казахстана и Кыргызстана// http://berlek-nkp.com/bulat-murzagaleev/5740-bulat-murzagaleev-matreshka-identichnosti-kak-faktor-shozhesti-rossii-kazahstana-i-kyrgyzstana.html (обращение - 3.01.2020 г.).

20.*Чвырь Л.А.* Локальные группы среднеазиатских таджиков (научная и народная точка зрения) // Этнокогнитология. М., 1996. Вып. 2.

Ценностные ориентации в условиях кризиса: Гражданская война в России и выбор системы ценностей (1918–1920 гг.)

Наумова Н.И.

Кандидат исторических наук

Национальный исследовательский Томский государственный университет, кафедра истории и документоведения факультета исторических и политических наук

E-mail: tomnin@yandex.ru

Статья подготовлена в рамках научного проекта (№8.1.27.2018), выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

Аннотация: *Гражданская война являла собой кризисное состояние российского общества в экономической, политической, социокультурной сферах. Каждая из борющихся сторон – большевистские и антибольшевистские силы – предлагали свои варианты разрешения кризиса. Белогвардейцы представляли одну из самых организованных военно-политических структур. В борьбе против советской власти, в поисках политической поддержки они пытались использовать противопоставление своей традиционной системы ценностей – новой большевистской, основанной на формировании идей интернационализма, классовой борьбы, государства диктатуры пролетариата, отрицания религии. Был предложен населению другой ценностный выбор. Действия большевистской власти рассматривались как разрушительные, уничтожавшие цивилизационные основы, погубившие «государственное величие России». Русский народ, по утверждению идеологов «белого дела», «получил ужасный урок диктатуры общественных отбросов». В основе ценностной позиции «белого движения» лежал образ того общества, за которое они боролись. Составной частью являлась борьба за восстановление государства, «созданного всем народом» и вне которого нет «ни свободы, ни демократии». В этом обществе не будут разрушены традиционные религиозные ценности.*

Ключевые слова: *кризис, Гражданская война, ценности, государство, религия, белое движение.*

Values under crisis: Russian Civil War and the choice of value-based orientations (1918–1920)

Naumova N.I.
Candidate of Science (History)
Department of History and Documentation, Faculty of Historical and Political Studies, National Research Tomsk State University
E-mail: tomnin@yandex.ru

Abstract: *The Civil War presented a major crisis of Russian society in the economic, political, social, and cultural spheres. Each of*

combatants – the Bolsheviks and Anti-Bolsheviks forces – offered their ways to solve the crisis. The White Guardists were one of the most well-organized military and political structures. In their fight against the Soviet power and looking for political support, they tried to contrapose their traditional value system to the one of the Bolsheviks that was based on the ideas of internationalism, class conflict, the state of the dictatorship of the proletariat, and denial of the religion. Another choice of values was offered to people. Bolsheviks' actions were viewed as destructive, ruining the basis of civilization, shattering «the glory of the Russian state». According to the White ideologists, Russian people «got a terrible lesson from the dictatorship of the discards of society». The system of values of the White movement was based on the image of the society that they were fighting for. One of the elements was their fight for the restoration of the state «created by all the people of Russia», beyond which there is «no freedom, nor democracy». And the traditional religious values will not be destroyed in this society.

Key words: *crisis, Russian Civil War, values, state, religion, White Movement.*

В современных исследованиях происходит расширение исследовательского поля по истории белого движения. Достаточно полно изучены вооруженная борьба, структуры власти, экономическая политика большевиков и их противников, идеологические основы деятельности большевистской власти. В настоящее время историки обращаются к изучению специфики идеологии «белого движения», политических концепций как мобилизующих факторов в вооруженном противодействии советской власти, рассматриваются особенности пропаганды и контрпропаганды воюющими сторонами для обеспечения массовой социальной поддержки. Исследователи сосредотачивают внимание на пропагандистских методах белогвардейских властей по формированию взглядов и поведения индивидов и социальных групп. Важной составляющей в этом процессе принадлежало созданию «образа врага» - большевиков. Особый интерес представляет деятельность сибирских белогвардейцев, правительственных структур во главе с адмиралом Колчаком, которые претендовали на представительство в общероссийском масштабе [1, с. 3–15].

В пропагандистской работе идеологи белогвардейцев пытались акцентировать внимание не только на материальном факторе, выражающем социальную лояльность, а именно общности интересов и потребностей, но и на другом, который находился в

сфере человеческих ценностей. К ним были отнесены патриотизм, государство, религия, которые в этом случае рассматривались как высшие принципы по обеспечению социального действия и согласия на уровне личности и социальных групп. Таким образом должны были быть преодолены противоречия и конфликт интересов, что являлось главным в условиях военно-политического противоборства. Во имя «достижения общих результатов» важно было найти общие ценности. [2, с. 16–17]. Но, как показывали события Гражданской войны, противоборствующие стороны имели разные ценностные установки. Белогвардейцы понимали, что большевизм – это не только военная сила, но и особая система взглядов, политических принципов, которым необходимо было противостоять и бороться с ними, противопоставив другую систему ценностей.

Представители сибирской общественности осознавали, что в период Гражданской войны «наступила небывалая разруха», «потрясена религия», «уничтожено чувство долга и чести», «разрушены лучшие семейные традиции», «народ одичал» и его «стремления ограничены побуждениями наживы, достижением личных выгод». Уничтожены памятники истории и культуры, потрясены все основы народного хозяйства. Выход виделся в создании единства власти. Спасение, как полагали общественные круги, в воссоздании государственности и нового законодательства, отмене прежнего, который создавался в «угоду социалистических партий» [3].

Старые формы государственности, связи власти и общества. были разрушены, как и прежние формы социальности и традиции. Редактор официального издания омского Совета министров В. Кудрявцев подчеркивал, что в условиях развала потеряно даже больше- «потеряно все – государство» [4]. Мысль о необходимости борьбы за восстановление государства постоянно присутствовала в редакционных статьях «Правительственного вестника». И отмечалось, что только после этого «нужно создавать Россию».

Об определяющей роли самого государства в российской государственности говорилось в одном из интервью Управляющего делами Совета министров и Верховного правителя Г.Г Тельберга. Он выделил ближайшие задачи правительства: «…не спасение революции, не спасение свободы, даже не спасение демократии, хотя мы убежденные ее сторонники, наша задача есть сохранение и восстановление государства, т.е. того живого организма, который создан вековым трудом народа». Он подчеркнул значение государства, выстоявшего в условиях «величайшей опасности и вне

которого нет ни свободы, ни демократии» [5]. Таким образом была выделена особенность российской государственности с ведущей ролью государства на всем протяжении российской истории, которое организовывало совместную деятельность людей, выполняло интегративные функции. Государство виделось важнейшим инструментом решения общественных проблем. Верховный правитель А.В. Колчак в своих выступлениях и официальных документах подчеркивал, что борьба идет не за частные интересы, а за общие –«борьба за свободное, единое и независимое государство» [6].

Государство диктатуры пролетариата не рассматривалось в качестве демократической и справедливой политической системы и потому отвергалось. Подобное государственное устройство, как полагали политики белого движения, «обеспечивало полноту прав одних классов и бесправие других», где отсутствовало всеобщее избирательное право и правили «замкнутые партийные круги», что не способствовало сплочению и единству общества [7]. Ему должно было противостоять государство «не из программы партийных манифестов», а «из недр национальной исторической жизни», которое и стремилось создать омская власть во главе с Верховным правителем [8].

Разрушилась и единая система ценностей, но была предпринята попытка белогвардейскими властями объединить общество на основе традиционных ценностей. Политики и идеологи «белого дела» представляли себя не разрушителями, а хранителями общественных устоев.

Критику идеологов «белого дела» вызывала новая духовная система, предложенная большевиками и основанная на классовой солидарности, интернационализме и нерелигиозности. По их мнению, это способствовало «раздору классов». Противопоставить этому «должна общая для всех патриотическая задача – возрождение Единой и Великой России» [9]. Негативное влияние интернационализма привело, как отмечалось в газетных материалах, к распадению России. Некоторые авторы утверждали, что идеи интернационализма негативно отразились на национальной идентификации русских, ибо «русский перестал быть русским, но стал «интернационалистом» [10]. По утверждению белогвардейских идеологов и политиков, интернационализм разрушил, кроме того, патриотизм, чувство любви к Родине.

Содержание духовной жизни должно было основываться, по мнению белогвардейцев, на истоках духовности – религии. Но советская власть вытеснила церковь из социокультурной ниши. Из

ее ведения изъяли сложившуюся инфраструктуру, функции воспитания, ведение актов гражданского состояния. Многие церкви и часовни были разграблены и закрыты. Священников и монахов арестовывали, лишили права голоса. Так была прервана связь церкви со светской властью, которая установилась с самого начала существования российского государства. Ограничивалось проведение многих религиозных ритуалов, что приводило к разрыву веры и ритуала. Все это сказывалось на духовной жизни христиан, буддистов, мусульман, иудеев, разрушая религиозный принцип самоидентификации.

Белогвардейцы восстановили пространство для конфессиональной деятельности. Верховный правитель адмирал Колчак заявил о политике, в которой нет места «религиозной нетерпимости», действует право на веру и «древние святыни». Была восстановлена деятельность церковных организаций, возможности для проведения богослужений и других обрядов, верующие могли вести прежний образ жизни в сложившихся нравственно-религиозных координатах. Религия продолжила проявлять себя как достаточно устойчивая система ценностей и обрядов. Преодолено было столкновение разных идеалов, в том числе нравственных (у власти и верующих), построенных на вере и безверии, которое приводило к дезинтеграции общества в условиях советской власти. Традиционные религиозные институты теперь объединяли верующих и антибольшевистские движения. Белогвардейские правительства стремились к поддержке этих традиционных институтов в своих интересах. Они хотели использовать слово социальное и слово религиозное, возлагая надежды на то, что религиозные институты сыграют значительную нравственную и политическую роль как сила, способная помочь оздоровлению народа через исполнение своих идеалов, обеспечат поддержку власти, станут интеграторами общества. Осенью 1919 г. омская власть стала использовать добровольческое движение на религиозной основе (воинские отряды православных- «дружины Святого Креста» и отряды «зеленого знамени» мусульман) для «защиты религии и борьбы с большевиками – антихристами». Был провозглашен новый лозунг – «за веру и Родину», что отражало разочарование власти в прежних лозунгах - «единая и неделимая Россия», «великая государственность и державность».

Попытка белогвардейских властей объединить население, преодолеть внутренний конфликт на основе пропаганды традиционных ценностей, морально-нравственного выбора не увенчалась успехом. Это было связано с их кризисом. Стали формироваться новые ценности, в основе которых лежали уже не религиозные, а социальные и национальные ценностные установки, выросло безбожие и равнодушие к вопросам религии и церкви. В новых условиях религиозным институтам не отводилась роль главных духовных центров.

Литература:

1. Луков Е.В. Шевелев Д.Н. Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 январь 1920 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 184 с.

2. Бялый Ю. Ценности как психологический фактор принятия решений // Россия. XXI. 2007. №5. С.16-29.

3. Докладная записка Совета объединения несоциалистических общественных деятелей земской и городской России // Правительственный вестник. Омск. 1918. 21 дек.

4. Кудрявцев В. Политические заметки // Правительственный вестник. Омск. 1918. 1 дек.

5. Беседа с управляющим делами Совета министров и Верховного правителя Г.Г Тельбергом // Сибирская жизнь. Томск. 1919. 12 янв.

6. Приказ Верховного главнокомандующего 28 июля 1919г. № 170 // Сибирская жизнь. Томск. 1919. 3 авг.

7. Правительственное сообщение // Правительственный вестник. Омск. 1919. 21 февр.

8. Верховный правитель и демократия // Правительственный вестник. Омск. 1919. 28 февр.

9. Из беседы с Волковым и Червен-Водали // Правительственный вестник. Омск. 1919. 2 авг.

10. М.О. Русь православная и Россия Бронштейна // Русская армия. Омск. 1919. 12 марта.

Цифровая трансформация государственного управления в Бразилии

Неверов К.А.
Кандидат политических наук
Санкт-Петербургский государственный университет, ассистент
E-mail: k.neverov@spbu.ru

Аннотация: *в статье рассматривается проблема цифровизации управления в Бразилии в контексте цифровой трансформации развивающихся стран с привлечением governance подхода к государственному управлению. В качестве метода исследования применяется метод кейсов. Бразилия является одним из лидеров региона Латинская Америка (оспаривая это звание у Аргентины) и характеризуется наличием типичных для региона проблем как в государственном управлении и администрировании, так и в экономической, социальной и политической сферах: коррупция, патримониализм, бюрократизм, низкое качество предоставляемых государством услуг, политические назначения на административные должности, экономический кризис, безработица, недовольство населения качеством государственных услуг. Цифровизация государственного управления в контексте существующих вызовов может рассматриваться как механизм преодоления неэффективности государственного управления через реформирование.*

Ключевые слова: *цифровизация, государственное управление, Бразилия, Латинская Америка, governance, трансформация.*

Digital Transformation of Government in Brazil

Neverov K.A.
Candidate of political science,
Saint Petersburg state University, assistant
E-mail: k.neverov@spbu.ru

Abstract: *The article considers the problem of digitalization of governance in Brazil in the context of the digital transformation of developing countries with the involvement of the governance approach to public administration. As a research method, the case method is used. Brazil*

is one of the leaders in the Latin America region (disputing this title with Argentina) and is characterized by the presence of typical problems for the region both in state administration, as well as in the economic, social and political spheres: corruption, patrimonialism, bureaucratism, poor quality of services provided by the state , political appointments to administrative posts, economic crisis, unemployment, dissatisfaction of the population with the quality of public services. The digitalization of public administration in the context of existing challenges can be considered as a mechanism to overcome the inefficiency of public administration through reform.

Keywords: *digitalization, public administration, Brazil, Latin America, governance, transformation.*

Тема применения информационно-коммуникационных технологий в государственном управлении является далеко не новой, однако, при этом не теряет своей актуальности. Развитие как технологий, так и подходов к управлению в постоянно меняющемся мире приводит все к новым комбинациям ИКТ и управленческих подходов применительно к государственному управлению. При рассмотрении переходов от привычных уже форм электронного правительства к цифровому или его элементам, подразумевающим алгоритмизацию всего цикла процессов общения гражданина с государством при получении услуг, немаловажным являются такие факторы как положение конкретного государства в мире по уровню экономического развития, что позволяет выделять развитые и развивающиеся страны, а также ряда социальных, культурных факторов.

Если в развитых странах, к которым принято относить Четырех азиатских тигров (Гонконг, Сингапур, Южная Корея и Тайвань), Японии, США, ряда стран Западной Европы и Океании, инновации в государственном управлении становятся эталонами для других государств и находятся на слуху у всего человечества, то развивающиеся страны в этом отношении находятся скорее на вторых, если не на третьих ролях. Данная статья рассматривает внедрение дизайнов цифрового управления в развивающихся странах на примере Бразилии. В качестве метода исследования применяется кейс-стади.

В качестве теоретической рамки исследования используется концепция governance, подразумевающая «организацию взаимодействия общества государства и бизнеса». Акцент в

данной концепции переходит от вертикальной иерархии – жестко детализированной и регламентированной – к горизонтальным связям между органами правительства, представителями гражданского общества, отдельными гражданами и бизнесом. Причем возможность для выработки значимых для общества решений в концепции governance возрастает в силу того, что управление реализуется во многом за счет переговоров между участниками взаимодействия, нацеленных на достижение результата, который одинаково устраивает все стороны, вовлеченные в процесс управления, что позволяет наиболее эффективным образом приходить к выработке социально значимых решений. Такой подход позволяет редуцировать конфликтную составляющую, так как процесс постоянного диалога между стейкхолдерами позволяет повысить уровень доверия и сотрудничества, что, в свою очередь, находит отражение в изменении уровня транзакционных издержек (в частности, на ведение переговоров с целью разрешения конфликта) в сторону их снижения, более рациональному управлению ресурсами, находящимися в общем пользовании, а также большей степенью открытости для инноваций (что обосновывается в конкурентно-кооперативной модели coopetition). Новые технологии в концепции governance проявляют себя в полной мере, раскрывая как собственный потенциал, так и потенциал участников взаимодействия, способствуя повышению эффективности их совместных усилий для работы над социально значимыми проблемами посредством устранения издержек: снижая время ожидания предоставления услуги, устраняя посредников в лице чиновников, предоставляя Интернет-площадки для ведения диалога и обмена мнениями, ускоряя рутинные процессы и делая их более комфортными для всех заинтересованных сторон. Цифровизация государственного управления как раз и является той более продвинутой ступенью (по сравнению с концепцией электронного правительства), на которой происходит существенное сокращение издержек, связанных с человеческим фактором, и перекладывание рутинных операций государственного управления на плечи машин. Если электронное правительство в первую очередь подразумевает предоставление государственных услуг в удаленном режиме, но с задействованными государственными служащими, то цифровизация

управления предполагает полную алгоритмизацию процессов управления, что существенно снижает уровень включенности чиновника. Под digital governance (digital-era governance) понимаются изменения в системах менеджмента и методах взаимодействия с гражданами и другими представителями гражданского общества. Центральную роль в данных изменениях играют ИКТ, поддерживая и интегрируя текущие бюрократические адаптации. Изменения при этом носят не только технологический характер, влияя на то, как технически осуществляется управление, но воздействуют через спектр когнитивных, поведенческих, организационных, политических и культурных изменений, связанных с информационными системами в широком смысле [1, p. 468].

В Бразилии государственное управление подвержено традиционным для региона недугам: широкое распространение коррупции вплоть до уровня главы государства, что снижает уровень доверия; большое число бюрократов, что создает нагрузку на государственный аппарат и бюджет страны; патримониализм; концентрация бюджета и ряда ресурсов (человеческих, финансовых, административных) на федеральном уровне; низкое качество предоставляемых государством услуг; политические назначения на административные должности; плохое управление. Анализ проведенных с начала демократизации административных реформ показывает, что существенных изменений в сущности не произошло [2, p. 13].

Прежде чем перейти непосредственно к цифровой трансформации государственного управления в Бразилии, стоит упомянуть об опыте построения электронного правительства в стране. Создание электронного правительства, направленного на предоставление государственных услуг населению в начале 21 века было затруднено в силу недоступности компьютеров и доступа в Интернет. Развитие электронного правительства пошло по внутриправительственному пути, началом процесса стало создание в 2004 г. Департамента электронного правительства, чья задача состояла в изменении паттернов публичного управления и бюрократических реформ. Была введена обязательная система публичных государственных закупок, создавались инфраструктурные, институциональные и правовые условия для реализации электронного правительства в Бразилии. Однако, несмотря на все усилия, большинство граждан стремилось получать

услуги аналогово, ввиду крайне затрудненного доступа к порталам, их минимальной проработанности [3, p. 6] (что отражалось, к примеру, в ограниченном количестве доступных языков, на которых предоставляются услуги, что в населенной большим количеством индейских племен Бразилии дало негативный эффект).

Этот процесс был изменен только Указом гражданина (Citizen's Decree) от 2009 года. Указ гражданина был первой попыткой изменить процессы взаимодействия между пользователями и бюрократической структурой государственных служб. Без необходимости технологических изменений, Указ гражданина устанавливал необходимость снижения требований к документации и отмену сертификатов для пользователей. Указ гражданина также установил, что правительство должно быть поставщиком информации и должно использовать электронные средства для доступа к информации.

После данного указа началась цифровая трансформация управления в Бразилии. В 2011 г. страна присоединилась к Партнерству «Открытое правительство» и начала работу по опубличиванию государственных данных.

В 2014 г. был принят Гражданский закон об Интернете, устанавливающий нейтральный характер «всемирной паутины» и устанавливающий ряд принципов и параметров, обеспечивающих защиту личных данных пользователей. Этот шаг можно расценивать как фундамент, без которого невозможно построение цифрового управления.

Непосредственно о начале цифровизации государственного управления в Бразилии можно говорить с 2015 г., когда был открыт портал государственных услуг федерального правительства. Также была разработана Национальная стратегия цифрового управления, регулирующая сферу цифровизации государственного управления. Стратегия сформировала механизмы координации внутри федерального правительства с целью получения политической поддержки. Министерство Планирования, Развития и Менеджмента централизованно проводит политику цифровой трансформации в целях обеспечения большей согласованности политики, функциональной совместимости систем и содействия различным организациям для анализа своих процессов и оцифровки услуг. Секретариат по информационным и коммуникационным технологиям осуществляет в рамках Министерства работу по координации политики в сфере цифровой трансформации [4, p. 16].

Стратегия была обновлена в 2018 г. со следующими приоритетами: содействие доступности открытых государственных данных, расширение использования цифровых технологии в целях прозрачности, улучшения доставки и использования общественного

цифровые услуги, обеспечение доступа к цифровой идентификации, развитие оценки и механизмы удовлетворения услуг, интеграция цифровых услуг через совместимые системы и данные общественной информационной технологии (ИТ) и участие граждан через цифровые платформы [4, p. 15].

Также существенными документами являются Бразильская стратегия цифровой трансформации [5] и «Эффективная Бразилия» [6. Стратегия ориентирована на развитие цифровой экономики и общества в Бразилии. Стратегия устанавливает цели для трансформация экономики через экономику, основанную на данных, потенциал Интернета вещей и новые бизнес-модели. Программа федерального правительства «Эффективная Бразилия» аккумулирует меры для упрощения, модернизации и улучшения предоставления услуг гражданам и бизнесу.

В ноябре 2019 г. прошли публичные обсуждения обновленной Стратегии цифровой трансформации 2020 – 2021 [7].

Таким образом, отличительной чертой бразильского подхода к цифровизации государственного управления является планирование, концентрация инициативы в руках федерального правительства при наличии у центра желания прислушиваться к бизнесу и гражданскому обществу. Несмотря на имеющиеся проблемы политического, экономического и социального характера, Бразилия продвигается в деле трансформации государственного управления с целью повышения его эффективности, прозрачности, подотчетности и вовлечения граждан.

Литература:

1. Dunleavy P., Margetts H., Bastow S., Tinkler J. New public management is dead - long live digital-era governance // Journal of Public Administration Research and Theory. 2006. Vol.16. №3. P. 467– 494;

2. Puppim de Oliveira J.A. Brazilian Public Administration: Shaping and Being Shaped by Governance and Development // Chinese Political Science Review. 2017. № 2. P. 7–21;

3. Filgueiras F., Palotti P., Cireno F. Digital Transformation and Public Services Delivery in Brazil//URL:https://moodle.ufsc.br/pluginfile.php/2784780/mod_resource/content/3/Artigo%20de%20Refer%C3%AAncia_Digital%20Transformation%20and%20Public%20Services%20Delivery%20in%20Brazil.pdf

4. OECD Digital Government Studies. Digital Government Review of Brazil: Towards the Digital Transformation of the Public Sector - 2018 // URL: http://www.oecd.org/governance/digital-government-review-of-brazil-9789264307636-en.htm;

5. Brazilian Digital Transformation Strategy - 2018 // URL: http://www.mctic.gov.br/mctic/export/sites/institucional/sessaoPublica/arquivos/digitalstrategy.pdf;
6. Brasil Eficiente // URL: http://www.brasileficiente.gov.br/;
7. Ministério da Economia. Consulta pública - Estratégia de Governo Digital - 2020 a 2021 // URL: http://www.economia.gov.br/acesso-a-informacao/participacao-social/consultas-publicas/2019/consulta-publica-estrategia-de-governo-digital-2020-a-2021.

Наследие сталинизма как объект спора в современной России

Некрасов Д.С.

ФГАОУВО «КФУ им. В.И. Вернадского»
Таврическая академия, философский факультет, кафедра политических наук и международных отношений, студент
E-mail: dmitrij_nekrasov_00@list.ru

Аннотация: *В современной России возникают значительные дискуссии относительно различных аспектов социально-политических, экономических и культурных реалий времён СССР, в том числе затрагивающие личность И.В. Сталина. Попытаться найти баланс между правдой, то есть статистическими документами и фактами, и ложью, которая, не подтверждается ничем, очень сложно. Чтобы разобраться в действиях Сталина, нужно поставить себя на его место, и задать вопрос: а, что сделал бы я, и тут появляется тишина.*

Ключевые слова: *репрессии, прошлое, современность, факты, преувеличения, исторический спор.*

The legacy of Stalinism as an object of controversy in modern Russia

Nekrasov. D.S.
Student
V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Taurida Academy, Philosophical Department, The Chair of Political Studies and International Relations

Abstract: *A large number of disputes arise during the times of the USSR, and affect I.V. Stalin in modern Russia. Trying to find a balance between the truth, that is, statistical documents and facts, and a lie that is not confirmed by anything, is very difficult. To understand Stalin's actions, you*

need to put yourself in his place and ask a question: but what would I do, and then silence appears.

Keywords: *repression, past, modernity, facts, exaggeration, historical dispute.*

В зарубежной и отечественной истории, да и у каждого человека, нет точной оценки результатам действий, которые совершил И.В. Сталин. И также имеются различные мнения о влиянии Сталина на современную Россию и на её будущее.

«Сталин - коммунист – говорят коммунисты», «Сталин – патриот» – говорят патриоты». Выходит у каждого своя правда, свой Сталин. Безусловно, для патриотов он – непререкаемый авторитет, объединяющий сторонников в борьбе за власть народа, за нашу многострадальную, измученную, истерзанную Россию, - говорит российский писатель и журналист В. А. Попович. Эта правда имеет столько же противоречий, сколько и всем известный квадрат Малевича.

Достижения в современной России отечественными политиками в большинстве случаев сравниваются с успехами времён Сталина.

Я уверен, почти каждый из вас слышал высказывание старшего поколения о том, что в современной России нужно чуть ли не «воскресить» товарища Сталина.

«Сталина на них нет!» — говорит простой россиянин, когда слышит об очередном коррупционном скандале во властных кругах или о произошедшей по чьей-то халатности катастрофе. Такому мышлению способствует факт, что генералиссимус, в отличие от нынешних элит, был на самом деле человеком скромных запросов. Но хотелось бы напомнить о репрессированных в ГУЛАГе.

Хотя и в этом есть очень спорные вопросы. Если вы прочитаете произведение Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», то вы просто ужаснётесь тем цифрам, которые приводит Александр Исаевич, рассказывая о зверствах сталинского времени.

Когда я увидел эти огромные цифры, в мою голову закрались сомнения по поводу их достоверности. Подтверждение моим сомнениям нашлись у Виктора Земского в книге «Сталин и народ. Почему не было восстания».

«Отсюда мы вынуждены опровергнуть и один из основных постулатов А. И. Солженицына, согласно которому при раскулачивании в 1929–1930 годах было направлено в «тундру и тайгу миллионов пятнадцать мужиков (а как-то и не более)» [2, с. 154]. Эта статистика (разумеется, чисто интуитивная, без опоры на какие-либо документы) присутствует в его знаменитом труде «Архипелаг ГУЛАГ».

Здесь допущено преувеличение более чем в семь раз», - пишет Виктор Земсков, в ответ на цифры Солженицына.

А ещё неоднократно появляющаяся мысль в книге Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» не даёт мне покоя. Александр Исаевич говорит в своём художественном исследовании, что «России гордые сыны», они нужны были ей, пока ложились под танки, пока ещё можно было поднять их в атаку. А взяться кормить их в плену? Лишние едоки. И лишние свидетели позорных поражений». Было ли это так? У историка Земскова, на этот счёт противоположное мнение, и данное мнение подтверждается статистическими документами, а не «разговорами» [2, с. 204].

«Грандиозной мистификацией является прочно внедрённый в массовое сознание известный миф о тотальном (или почти тотальном) репрессировании в СССР советских военнослужащих, побывавших в фашистском плену» [1, с. 87].

Возьмём статистику, приведённую Земсковым на 1 марта 1946 года, по распределению репатриированных советских военных по категориям, отражённую в указанной ниже таблице.

№ п/п	Категории	Количество	
		Чел.	В %
1.	Направлено к месту жительства	281 780	18,31
2.	Призвано в армию	659 190	42,82
3.	Зачислено в рабочие батальоны Наркомата обороны (НКО)	344 448	22,37
4.	Передано в распоряжение НКВД (спецконтингент)	226 127	14,69
5.	Находилось на сборно-пересыльных пунктах и использовалось на работах при советских воинских частях и учреждениях за границей	27 930	1,81
	ИТОГО	1 539 475	100,00

Источник: ГАРФ. Ф. 9596. Оп. 3. Д. 53. Л. 175; Оп. 4а. Д. 1. Л. 62,70,223.

Из данный таблицы мы видим, что часть военнопленных недемобилизуемых возрастов были зачислены в рабочие батальоны:

«… это отнюдь не репрессированные, а одна из форм мобилизованной рабсилы (обычная практика в то время), и их направление к месту жительства ставилось в зависимость от будущей демобилизации их ровесников, продолжавших службу в Красной (Советской) армии» [1, с. 89].

Особенно массовая истерия по поводу репрессий началась в 90-е годы, в период и после развала СССР. К чему бы это? Земсков говорит, что с 1987 года началась массовая «горбачевская» реабилитация, которая превзошла по масштабам «хрущевскую», реабилитировали всех подряд, даже людей, которые совершили уголовные преступления, реабилитировали даже военного преступника, который был повешен, и он тоже стал невинной жертвой сталинизма (группенфюрер СС Г.фон Паннвиц) [1, с. 99] Но когда председатель КГБ СССР В. А. Крючков выступил по телевидению и назвал подлинную статистику политических репрессий, приводя данные по учёту КГБ за 1930–1950-е гг. (3 778 234 осуждённых политических, из них 786 098 – приговорённых к расстрелу), то многие не верили своим ушам, полагая, что ослышались [3].

Значительная часть российского общества, по-разному относясь к этой перспективе, связывает будущее нашей страны с возвращением Сталина, как исторического явления. С чем же связана популярность Сталина даже после его смерти в нашей действительности?

Я убеждён, что завидный уровень поддержки Сталина – это очень сложное и внутренне неоднородное явление, частично вызванное абсолютно объективными причинами. До сути этого явления нужно обязательно докопаться, без истерики и поспешного навешивания ярлыков, как во многом делал Солженицын, он опирался на чувства того времени, а нужно было видеть результаты, что было весьма сложно. А стартовой точкой этих «раскопок» должна, на мой взгляд, стать попытка ответить на следующий вопрос: стоит ли за высокой популярностью Сталина реальное желание российского населения вернуть в нашу жизнь порядки сталинского времени?

Почему мы так резко его воспринимаем?! Нужно увидеть за многочисленными репрессиями, за коллективизацией, ГУЛАГом, результаты всей этой деятельности, а ведь сложно отрицать, что они были, и не стоит говорить о 15 или 20 миллионах репрессированных, таких не было, нужно смотреть документы и статистику, а не «стричь всех под одну гребенку».

Сумма плюсов очевидна, и во многом видна. Сталин «принял» страну в разрушенном состоянии, и смог в короткие сроки восстановить страну. Даже «злейший друг» Советов У. Черчилль признал: «Сталин

принял страну с сохой, а оставил с атомной бомбой». Добавлю: и с космической техникой. Хотя минусы, конечно, тоже были.

В 2020 году был отмечен очень важный юбилей для нашего с вами Отечества — 75-летие Победы. Никто не может отделить Великую Отечественную войну и Победу в ней от имени Сталина. Эти вещи неразрывны. Но не стоит забывать о том, что, прежде всего, войну выиграли простые люди. Ещё 15-20 лет назад образ войны был связан у людей с такими именами, как Рокоссовский, Жуков, Конев и так далее. Сейчас же эти люди уходят на второй план, впереди становится имя Сталина. И с данным фактом я категорически не согласен.

Иногда некоторым людям кажется, что в нашей стране нет порядка, некому навести его и все люди, в частности, кто хоть малейшим образом затронул период СССР, сразу начинают вспоминать про Сталина: «… он бы навёл порядок …». Почему за каждым человеком в моей стране должен кто-то стоять с плёткой и кнутом? Сталин так и делал. Страна людей, привыкших к тому, что за них все сделают и сделают правильно … Так почему же, когда делают, им не нравится? Хотели «светлое будущее» - получили, хотя и не до конца. Хотели социальное равноправие – получили. И всегда найдутся те, кто скажет: «Вот он (она) сделали бы лучше». И никогда данный индивид не задастся таким вот вопросом: «А что сделал я для своей страны?» Так и в современных реалиях, некоторым людям не нравится, что человек, который стоит у власти уже 20 лет, продолжает управлять страной … Но постойте – Сталин принял страну в разрушенном состоянии, Путин же принял страну, в не менее плачевном состоянии. За своё время оба деятеля сделали многое, и многое им предстояло бы сделать (касательно Сталина), но я думаю, стоит закончить словами Шарля Де Голля, который сказал буквально следующее: «Сталин не ушёл в прошлое, он растворился в будущем».

В целом, положительные оценки Сталина в большей степени свойственны представителям старших возрастных групп, нежели молодых.

Следы успехов сталинской политики можно наблюдать: от сталинских небоскрёбов до сталинской индустрии, от Знамени Победы и кадров поверженного Рейхстага до географических карт, свидетельствующих, какие тогда у страны были границы и каково было влияние в мире. О цене же можно судить только со слов.

Сталин в этом отношении в глазах обычных людей выглядит неким символом успеха, образом Великой Победы и всех остальных побед. Не признавать того, что было сделано при Сталине, невозможно. Можно лишь задаваться вопросом: это было сделано благодаря

Сталину или вопреки ему? Да и задумываться о цене, которую пришлось заплатить за сделанное.

А что мы в этом плане имеем сейчас? С моей точки зрения, мы имеем даже не просто полный ноль, а отрицательную величину. Какими, например, «привлекательными идеями» кроме «долой Путина!» располагают в данный момент так называемые «российские демократические силы»: «Крым – не наш?»

Однако неспособность сыграть роль антисталинского «противовеса» — это, как мне кажется, ещё не главное «прегрешение» «российских демократических сил». Неспособность российских демократов заглянуть за кулисы феномена популярности Сталина в современной России, понять глубинный смысл происходящих в нашем государстве политических процессов – вот что я считаю их более серьёзной и опасной для страны ошибкой.

Оценка Сталина – это тот вопрос, по которому общество не имеет не только согласия, но и просматриваемой перспективы на его обретение. Этот факт свидетельствует как о значительности самой фигуры, так и о том, что даже мертвым Сталин продолжает «жить своей жизнью» - ему удалось устоять под ударами обличений и разоблачений.

Литература:

1. Земсков В. Сталин и народ. Почему не было восстания. М.: Родина, 2019. 240 с.
2. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: Опыт художественного исследования. Ч. 1–2 / Под ред. Н. Д. Солженицыной. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. 640 с.
3. Правда. 1990. 14 февраля.

Влияние русской геральдики на сербскую геральдику в условиях Сербской революции в XIX веке

Обрадович Ф.
Институт сербской культуры - Приштина / Лепосавич, Сербия, аспирант, научный сотрудник– стажер
E-mail: philipobradovich@gmail.com

Аннотация: *В 1804 году началась не только Сербская революция, но и постепенное построение новой сербской государственности. Будучи православной монархией, царская Россия оказывала самоотверженную поддержку сербским повстанцам, везде, где только могла. Русский царь Александр I был великим покровителем революционной Сербии. Поддержка, оказанная Россией революционной Сербии, также была отражена в ее символике. У сербской революции*

были две цели: военные, которые сопровождали флаги, и политические, которые сопровождали печати. Из этого можно сделать вывод, что флаги и печати являются основными геральдическими источниками этого времени. Геральдика после 1804 года в Сербии может быть разделена на два периода: период революционной геральдики с 1804 года и государственные геральдики с 1833 года.

Ключевые слова: *сербская революция, сербы, русские, геральдика, флаг, герб.*

The influence of russian heraldics on serbian heraldik during Serbia revolutions in the XIX century

Obradovich F.
PhD Candidate in History, Research Trainee
at the Institute for Serbian Culture - Pristina / Leposavic, R. Serbia
E-mail: philipobradovich@gmail.com

Abstract: *In 1804, not only the Serbian Revolution began, but also the gradual construction of Serbia's modern statehood. As an Orthodox monarchy, Russia's Empire provided unselfish support to the Serbian uprisings wherever it could. The Russian Tsar Alexander I was the great patron of the uprising of Serbia. The support provided by Russia to Uprising Serbia was also reflected in its signs. The Serbian Revolution had two goals: the military, which accompanied the flags, and the political, which accompanied the seals. From this we can conclude that flags and seals are the main heraldic sources of this time. Heraldry after 1804 in Serbia can be divided into two periods: the period of revolutionary heraldry of 1804 and the state heraldry of 1833.*

Keywords: *Serbian revolution, Serbs, Russians, heraldry, flag, coat of arms.*

Сохранившиеся флаги, немые свидетели сербской революции, хранящиеся сегодня в Национальном и Военном музеях, свидетельствуют о большом разнообразии. Встречаются красные, синие, трехцветные и в разных сочетаниях. Причина такого разнообразия, безусловно, в том, что революция не имела уникального флага, но у каждого вождя был свой. Матфей Ненадович заявляет в своих мемуарах, что Йовица Милутинович сделал флаг из обычных шарфов [8, с. 62].

Любимые геральдические символы, то есть те, которые доминировали над флагами повстанцев, чаще всего были взяты из

сборника Христофора Жефаровича. Повстанцы принимали геральдические символы напрямую, без каких-либо исправлений, в том виде, в котором они были представлены [9, с. 56]. Когда в 1741 году вышло из венской медной гравюры Томаса Месмера графическо-геральдическое издание «*Стематографии*», также известное как «*Изображение оружий илирических*», никто из сербов не мог предвидеть судьбу этой драгоценной книги, особенно то, что произойдет в 1804 году с гербом Сербии и её изображением на нём [5, с. 7].

В повстанческой геральдике центральное место тогда занимает, окончательно и полностью воскресший сербский герб, за которым последовали многие другие геральдические символы и знаки. На флагах от гербов из «*Стематографии*» появляется белый двуглавый орел, герб Сербии, Трибалии и другие. Все они вскоре получили широкое распространение и стали появляться на флагах, а несколько позже на печатях повстанческой власти [9, с. 57].

Флаг, который, скорее всего, принадлежал вождю Петровичу в 1804 году и хранится в Историческом музее Сербии, представляет собой прямоугольный флаг с двумя перьями [2, с. 111–119]. На желтоватой стороне нарисован Стефан Первовенчанный, а на другой, синей стороне – прямоугольник. В нем щит, в котором находится золотой крест на красном поле с четырьмя золотыми огнивами. Создателем этого флага является художник, серб из Монархии Стефан Гаврилович [11, с. 89].

Существует также ряд флагов, на которых изображен сербский крест с оцилами, но не в качестве отдельного мотива, а в сочетании с другими символами, гербом Трибалии и гербом Рамы. На флаге вождя Караджорда 1811 года будет дар императорской России, с гербом России на одной стороне, т.е. черным двуглавым орлом с короной над головой. На груди орла находится щит с изображением святого Георгия, убивающего змея, а вокруг шеи – орден Андрея Первозванного [1, с. 83–94]. Под крыльями орла появляются две руки, которые держат: левая – державу и правая – скипетр. Ниже орла надпись [13] на русском языке, которая символизирует русскую защиту Сербии. С другой стороны мы также находим надпись на русском языке [14]. Под надписью три герба. Справа – герб Сербии, а слева – герб Трибалии. Над гербами находится рука с мечом, взятая с герба Рамы [7, с. 24]. Известно, что герб Трибалии – голова кабана, пронзенная стрелой. Венгерские короли использовали этот герб, чтобы показать претензии к Сербии [15]. Позже этот символ становится гербом Браничева [10, с. 34]. Герб Рамы – поднятый порт с мечом, насколько известно, не сербского происхождения. Появляется уже в 1578 году на

флаге Яна Казимира, а также в 1697 году в связи со Августом II Саксонским. Это очень популярный символ сербских офицеров в Монархии [8, с. 66–67].

Мы увидели, что сочетание трех геральдических мотивов было обычным делом, однако в сокровищнице монастыря Рача мы находим флаг Хаджи Мелентия Стефановича. Флаг сине-красный. С одной стороны находится икона с Вознесением Христа, а с другой – испанский щит, разделенный крестом на четыре части. Скорее всего, мотивы из «Стематографии». Наверху справа изображен герб Сербии, золотой крест с четырьмя оцилами. Специфика, с которой мы здесь сталкиваемся, заключается в том, что огнила повернуты к кресту. Наверху слева – герб Боснии, скрещеные ключи с коронами на концах. Нижний правый – герб Рашки, на голубом поле белый орел с серебряной подковой в когтях и клюве. Внизу справа – герб Рамы, на красном поле – рука с мечом. Герб Сербии, т.е. крест с четырьмя оцилами на повстанческих флагах почти всегда занимает одно и то же место, и это – геральдическая правая сторона, т.е. приоритетная сторона [8, с. 69].

Еще одним геральдическим источником этого времени являются печати. Здесь также применяется разнообразие гербов. Гербы, которые появлялись на флагах, по неписанному правилу, также появляются на печатях. Великая печать, использованная Карагеоргием в 1806 году, имеет три геральдических мотива. А это – герб Сербии (справа), герб Трибалии (слева) и герб Неманича, который склоняется над обоими. Нижняя часть обрамлена дубовыми и оливковыми веточками [8, с. 70]. Печать Правительствующего Совета Сербского – это два круглых щита с гербами Сербии и Трибалии, над которыми находятся короны, а под которыми – годы начала восстания [9, с. 58]. Эта печать была очень популярна, поэтому Вук поместил ее на первой странице своей работы «Правительствующий Совет», опубликованной в Вене в 1860 году [3, с. 363–378].

Помимо сербского герба, наиболее часто используемый повстанческий мотив – изображение головы кабана, пронзенной стрелой, герб Трибалии и рука в доспехах, герб Рамы.

Герб Трибалии - старый символ довольно неясного происхождения. Впервые он появился в начале 15-го века, в уже упомянутом сборнике [16]. Голова кабана на красном поле геральдически представляла собой титул Великого князя сербского, который, от императора Рудольфа II Габсбурга (1576–1612), носили все императоры Священной Римской империи. Именно эта комбинация позднее стала признаком венгерских претензий на сербские земли. Таким образом, в 1606 г. она также представляла всю Сербию, а в

период с 1806 по 1836 г. на гербе Австрийской империи этот символ представлял только Сербское княжество. Цвет щита также часто варьировался. Чаще всего это – синий, иногда – серебряный, а в упомянутом случае – красный. Он начал использоваться через герб Витезовича и Жефаровича в качестве герба Трибалии, в то время как в самой Сербии он был принят в качестве герба Шумадии. После того, как восстание закончилось, этот герб был вытеснен из употребления. Хотя позже это встречается как декоративный элемент.

Герб Рамы, еще один геральдический мотив, также очень распространен на повстанческих знаменях. Рука в доспехах держит меч, как символ борьбы и мужества. Неаутентичными и фиктивными были и многие другие гербы, некритически взятые из геральдических коллекций и широко используемые в повстанческой геральдике [9, с. 59].

Канцелярия Милоша Обреновича изначально имеет очень необычные печати. На них находятся греческие буквы и неопределенные узоры. Когда Милош становится верховным князем и правителем сербского народа, его канцелярия получает более изысканные печати. Милош теперь имеет печать с полумесяцем в порфире, над которым находится тюрбан с пером. Сбоку находятся туги, т. е. бунчуки. Эта печать имеет два значения. Во-первых, верховное положение Милоша в Сербии. Во-вторых, его подчиненная позиция по отношению к Турецкой империи, то есть к абсолютной власти султана. Осознаем, что на этой печати нет даже упоминаний о сербских знаменах. В ноябре 1817 года Белградское собрание присвоило Милошу титул наследного князя. С тех пор на печати, кроме турецких, появились сербские символы. В старой церкви Крагуевца, построенной в 1818 году, на спинке кресла правителя находится сербский герб, но вместо короны над гербом стоит тюрбан. На иконостасе изображен второй герб: коронованный двуглавый орел, а под крыльями – знак турецкого полумесяца. Бунчуки здесь не появляются [8, с. 72].

Акт Народного управления от 2 марта 1819 года содержит печать с княжеской мантией. Под ним сербский герб. Существует также надпись «ПЕЧАТЬ КНЯЗЕЙ КОНЦ. СЕРБ» [12, с. 106].

Милош Обренович из Вены в 1825 году заказывает новые марки, которые были сделаны лучшими мастерами. На них изображён сербский герб с плащом. Над ним уже не тюрбан, а корона. Щит обрамлен оливковыми и дубовыми ветками. На ленте надпись «*Милош Обренович князь сербский*». Печать Суда народа сербского почти идентична печати Милоша, с надписью «*СУД КНЯЗЕЙ СЕРБСКИХ*» на ленте. Предполагается, что именно эти печати служили Дмитрию

Давидовичу в качестве пункта в конституции, касающегося герба и флага. В 1825 году была создана первая регулярная армия. Известно, что ее герб был немедленно прикреплен к ее флагу, но, к сожалению, неизвесно, что это был за флаг [8, с. 74].

Для дальнейшего развития национальной геральдики это было очень знаменательное время, поскольку именно тогда произошло первое реальное и практическое воскрешение двуглавого орла в повстанческой и вообще сербской геральдике. Это потому, что, хотя он не будет официально санкционирован в течение почти столетия, он медленно, возвращается на геральдическую сцену Сербии. Учитывая все обстоятельства, возрождение национальной геральдики у сербов и через повстанческую геральдику имело огромные и далеко идущие последствия для дальнейшего духовного и государственного строительства и развития Сербии [9, с. 59].

Литература:

1. Атлагић М. Вексиколошко-сфрагистичко-хералдички симболи у време Карађођевог устанка. Митолошки зборник 7. Рача, 2002.
2. Атлагић М. Неке заставе у Карађорђевом устанку 1804-1813. Године. Митолошки зборник 8. Рача, 2003.
3. Атлагић М. Допринос Вука Стефановића Караџића помоћним историјским наукама. Баштина – Приштина / Лепосавић: Институту за српску културу, 2006.
4. Вујић Ј. Путешествија по Србији. Горњи Милановац, 1999.
5. Давидов Д. Српска стематографија. Беч 1741. Нови Сад, 2011.
6. Изображеније оружиј илирических. Беч, 1741.
7. Марушић Б. О фиктивном грбу Херцеговине. Београд, 2005.
8. Милићевић М. Грб Србије. Београд, 1995.
9. Младићевић 1994 – Младићевић З. Симболи српске државности. Крагујевац.
10. Руварац Д. Грб Трибалије- Браничева- Шумадије. Земун, 1896.
11. Самарџић Д. Војне заставе Срба до 1918 године. Београд, 1983.
12. Соловјев А. Историја српског грба и други хералдички радови. Београд, 2000.
13. Этот русский орел милостиво защищает Сербию за храбрость, делая ее просторной. Он устанавливает, что общая свобода сербского народа заранее защищена от гибели во всех отношениях. Он дает слово, чтобы новое лицо и имя были подтверждены [4, с. 165].
14. Одна воля общая в мировых делах. Таким образом, ужасная борьба ведется за плодородные земли: многие ужасные акты укрепляют силы великих держав, Сербии помогают, по воздуху до небес свои похвалы сеют, кровь укрепляют, золотом не оценивают [4, с. 165].

15.В геральдике востребованы гербы – Anspruch Wappen.

16.Существовало три степени этой чести:

1) в гражданской администрации санджак-бея паша с одним бунчуком назывался мири-лива (бригадный генерал); 2) паша с двумя бунчуками – ферик (генерал дивизии), гражданский беглербег (начальник пашалыка или еялата); 3) паша с тремя бунчуками – мушир (маршал) и капудан-паша (адмирал).

Образ Ленина в визуальной пропаганде периода Гражданской войны в России: от медиа к аудитории

Орех Е.А.

Кандидат социологических наук,
Санкт-Петербургский государственный университет, доцент кафедры теории и истории социологии
E-mail: e.orekh@spbu.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-83-01003-ОГН.

Аннотация: *статья посвящена анализу репрезентаций В.И. Ленина в изобразительных материалах «красной» и «белой» пропаганды периода Гражданской войны в России. На основе собранной коллекции рисованных изображений (плакаты, открытки, карикатуры) 1917-1923 гг. рассматривается динамика образа Ленина как представителя политической элиты, сравниваются идеологические акценты конструирования образа пропагандой «красных» и «белых», освещаются способы визуальной репрезентации в зависимости от медийного источника трансляции изображений. Делаются выводы о наличии специфики репрезентации образа Ленина в карикатурах и в плакатах. Констатируется эволюция репрезентации Ленина с течением времени гражданского противостояния – как у «красных», так и у «белых». На основе проанализированного материала даётся собственная оценка времени возникновения культа Ленина в советской визуальной пропаганде.*

Ключевые слова: *визуальная пропаганда, Ленин, политическая элита, образ, иконография, Гражданская война в России.*

The image of Lenin in the visual propaganda of the Civil War in Russia: from the media to the audience

Orekh E.A.

St. Petersburg State University, Associate Professor,
Department of Theory and History of Sociology
E-mail: e.orekh@spbu.ru

Abstract: *the report is devoted to the analysis of V.I. Lenin in the visual materials of the «red» and «white» propaganda of the Civil War in Russia. On the basis of the collection of hand-drawn images (posters, postcards, cartoons) 1917-1923 the dynamics of the image of Lenin as a representative of the political elite is examined, the ideological accents of constructing the image by the propaganda of the «red» and «white» are compared, the methods of visual representation depending on the media source of image transmission are highlighted. Conclusions are made about the specificity of the representation of the image of Lenin in cartoons and posters. The report demonstrates the evolution of Lenin's representation over the course of civil confrontation - both among the «Reds» and «Whites». On the basis of the analyzed material, an own assessment of the time when the cult of Lenin appeared in Soviet visual propaganda is done.*

Keywords: *visual propaganda, Lenin, political elite, image, iconography, Civil war in Russia.*

Социология рассматривает визуальные репрезентации как одно из средств целенаправленного конструирования и мобилизации социальной группы. Гражданские установки в ситуации первых лет становления советского государства являлись мишенью воздействия различных политических сил. Противоборствующие стороны использовали разные идеи и темы для поддержания групповой идентичности, при этом содержательные акценты визуальных образов изменялись во времени в связи с динамикой социально-политической ситуации. Образ является конструктом, и это означает, что его можно попытаться деконструировать, то есть, расшифровать стоящую за ним идею. Чтобы избежать предельного субъективизма оценок и интерпретаций, можно работать не с единичным и уникальным в образе, а с определением в нём типичного, наиболее часто встречающегося – то есть, стремиться выявить элементы визуального стереотипа и клише.

Говорить об изображениях В. И. Ленина — непростая задача для исследователя, желающего открыть новые грани этой темы, потому что образ этого человека как ничей другой был скрупулёзно и многократно описан, начиная с первых месяцев после его смерти [1, 2] и заканчивая работами последних лет [3]. Многие работы по иконографии Ленина рассматривают изучаемый нами период [4, 5, 6, 7], однако чаще всего в центре внимания исследователей оказывается динамика визуального

образа в тесной связи с вопросом о времени начала ленинского культа. Поскольку большинство авторов склонны придерживаться точки зрения, что в годы Гражданской войны в России культ Ленина ещё не сложился [5, 7, 8, 9, 10, 11, 12], этот временной промежуток обычно не анализируется очень подробно в отличие последовавшего за ним. В основном, исследователи делают анализ ленинских репрезентаций в плакатах, опуская представленность образа в других источниках [4, 7], или же не разделяют визуальные источники вовсе [5]. Последнее видится нам не совсем удачным решением, поскольку специфика источника «диктует» определённые требования к транслируемым с его помощью изображениям.

Анализ фигуры В. И. Ленина в визуальной пропаганде периода гражданского противостояния 1917–1922 гг. особо интересен потому, что речь идёт об образе, подчиняющемся специфическим «законам» репрезентации. Изображён не рабочий, не крестьянин, не меньшевик, не поп, а представитель политической элиты того времени. Как пишет Михаил Ямпольский, политическая элита, будучи у всех на виду, тем не менее ускользает от того, чтобы быть подвергнутой анализу; демонстрируя себя перманентно, она в то же время не выдаёт секретных механизмов осуществления власти [13]. В связи с этим интересно проанализировать репрезентации Ленина исходя из перспективы его социально-профессионального статуса.

Второй аспект интереса связан с характерными для того периода времени особенностями коммуникативных практик. Первые десятилетия двадцатого века – это эпоха выкристаллизовывания, формирования специфики того или иного медийного источника. Интересно посмотреть, существует ли и если да, то в чем выражается специфика репрезентации Ленина в зависимости от носителя его изображения.

Говоря о распространённости образа главы правительства молодого советского государства в различных визуальных источниках, мы решили ограничиться рисованными изображениями. Образ Ленина представлен непропорционально в зависимости от медийного источника репрезентации: например, плакатов обеих противоборствующих сторон удалось найти всего несколько, карикатур — напротив, немало, но советская пропаганда количественно сильно уступает антибольшевистской. Также изменяется количество изображений в одних и тех же источниках в разные временные периоды Гражданской войны: например, имеется существенное количество карикатур на Ленина из журналов либеральной направленности за период со второй половины 1917 г. до середины 1918 г., однако позже по понятным причинам оно стремительно сокращается. Несмотря на

имеющийся количественный дисбаланс, мы включаем в анализ изображения Ленина с различных носителей информации, суммировав их по противоборствующим сторонам. Существенное значение имеет тот факт, что отбираются те изображения, которые связаны с темой гражданской войны, то есть, с помощью используемых сюжетов, визуальной символики или подписи к изображению содержат смысловую отсылку к гражданскому противостоянию.

В качестве основного метода исследования используется иконографический анализ (автор метода – искусствовед Эрвин Панофский), основанный на поиске правил производства визуальных «высказываний» в контекстуальных рамках исследуемого периода времени и события. Метод предполагает сравнение анализируемых изображений, отобранных по теме или сходству сюжетов, друг с другом, с целью выявления иконографических признаков – повторяющихся черт или атрибутов изучаемого образа. Через определение иконографических признаков персонажей-участников гражданского противостояния мы выходили на анализ способов их репрезентации.

Репрезентации Ленина периода Гражданской войны в России претерпевают эволюцию и в «красной», и в «белой» пропаганде. Если говорить о визуальных материалах большевиков, то налицо тенденция к обезличиванию Ленина, отдаления от остальных людей. С одной стороны, это объясняется институционализацией новой власти, в связи с чем элита неизбежно дистанцируется от массы. С другой — обезличивание связано с изменением статуса Ленина внутри самой элиты и началом его культа. Эволюция ленинских репрезентаций особенно отчётливо прослеживается по плакатам того времени и представляет собой движение от человека, равного остальным, к человеку, стоящему над остальными, а после и к сверхчеловеку, репрезентирующему социальный институт (партию), новое государственное устройство (СССР), новое бытие, которое должно последовать после свершения коммунистической революции на всём земном шаре.

Основная тенденция, которую можно проследить по антибольшевистской пропаганде, связана с постепенным выкристаллизовыванием образа Ленина, который поначалу и довольно длительное время был весьма размыт, а потом приобретает инфернальные черты. Помимо смысловых акцентов (в одном случае — «свой» и «хороший», в другом — «чужой» и «плохой»), принципиальная разница репрезентаций ленинской фигуры противоборствующими сторонами заключается в демонстрации его социального и политического статуса. Если у «красных», начиная с

1920 г., Ленин изображается как представитель политической элиты и даже более — олицетворяет собой государство, то у «белых» он в основном маркируется как обычный персонаж — пусть авантюрист, проходимец, большевик, но не фигура, репрезентирующая Власть.

Мы видим манипулирование художников чувствами адресата их визуального послания с помощью работы с деталями ленинского внешнего вида. Это делалось для того, чтобы подчеркнуть социальную позицию Ленина: так, «белая» пропаганда акцентировала его непролетарское происхождение, в то время как пропаганда большевиков в ряде ситуаций стремилась, напротив, показать его простоту и близость представителям рабочего класса.

Анализ изображений Ленина в разных источниках позволяет сделать вывод, что действительно существует специфика его репрезентации в карикатурах и в плакатах. Карикатура как медийный источник в гораздо меньшей степени позволяет дистанцировать фигуру от остальных — ведь иначе персонаж просто перестаёт быть главным героем изображения. Тем не менее художникам всё равно удаётся найти и использовать визуальные приёмы, подчёркивающие инаковость и особый статус Ленина. Помимо традиционного выделения фигуры на фоне остальных с помощью её размера или типа/цвета одежды, это расположение Ленина в отдалении (в стороне, на высоте) от остальной массы, приписывание ему специфической функции, идущей вразрез с деятельностью всех остальных участников изображения. На основе того, что мы видим схожие тенденции в репрезентации Ленина в плакатах и карикатурах периода окончания Гражданской войны в России, мы можем предположить, что содержательные изменения в репрезентациях проявляются во всех источниках, просто в силу выразительных особенностей медийного средства имеют разную интенсивность выражения.

Основываясь на анализе собранных нами материалов, мы можем дать свою оценку времени начала возникновения культа Ленина в советской визуальной пропаганде. Полагаем, что свидетельствами культа будут существенные изменения в манере репрезентации, говорящие о приписывании персоне сверхчеловеческих черт, а вовсе не количество и разнообразие вариантов тиражирования образа. Согласно этой логике, представляется, что периодом начала культа следует обозначить год 50-летия Ленина — 1920-й, в который мы видим признаки значимой визуальной трансформации образа Ленина сразу в нескольких репрезентациях. Основных моментов, знаменующих начало формирования культа, — три: это существенное увеличение размера фигуры Ленина по сравнению с окружающими его персонажами, приобретение им сверхчеловеческих качеств и черт,

гиперболизация масштаба его действий, выражающаяся в репрезентации его как человека, способного поспорить с океаном, для грандиозных задумок которого земной шар оказывается мал, и т. п.

Отметим, что именно плакаты как никакой другой источник позволяют проследить этапы становления ленинского культа. Это связано с функцией плаката — он производится на злобу дня, поэтому его изображения как никакие другие порывают с присущей визуальным артефактам тенденцией к устойчивости воспроизведения образов, чутко реагируя на малейшие изменения в пропаганде. При этом карикатуры советских авторов 1921–1922 гг. могут служить дополнительным доказательством формирования культа Ленина за счёт сложившихся визуальных решений его репрезентации и акцентирования его значимости.

Литература:

1. Великий вождь: художественно-литературный сборник / под ред. Н.А. Семашко. М.: Изд-во Комиссии помощи детям при Президиуме Моссовета, 1924.

2. Альтман Н.И. Ленин / Рисунки и обложки работы Натана Альтмана. Петербург: Отд. изобразительных искусств Нар. ком. по просвещению, 1921.

3. Бойко А. Интерпретация образа В. И. Ленина в выставочном проекте и коллекции актуального искусства Государственного музея политической истории России // В. И. Ленин в современном мире: материалы Международной научно-практической конференции. 22 апреля 2013 г., Разлив. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013. С. 17–22.

4. Вашик К., Бабурина Н. Реальность утопии: искусство русского плаката XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 156–167.

5. Кокен Ф.-К. Образ Ленина в революционной и постреволюционной иконографии / пер. с франц. Т. В. Партаненко // Studia culturae: альманах. 2004. № 7. С. 271–296.

6. Шефов А. Лениниана в советском изобразительном искусстве. Л.: Искусство. Ленингр. отделение, 1986.

7. Bonnell V.E. Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin. Berkeley: University of California Press, 1997.

8. Котеленец Е.А. Битва за Ленина. Новейшие исследования и дискуссии. М.: АИРО-XXI, 2017.

9. Москвин Д.Е. «Долгая лениниана»: эволюция образа Ленина в отечественной визуальной культуре // Символическая политика: Сб. науч. тр. / под ред. О. Ю. Малиновой. М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 128–145.

10. Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

11. Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в советской России / пер. с англ. С. Л. Сухарева. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999.

12. Эннкер Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе/ пер. с нем. А. Г. Гаджикурбанова. М.: РОССПЭН, 2011.

13. Ямпольский М. Власть как зрелище власти // Киносценарии. 1989. № 5. С. 176–187.

Общественный диалог в современных условиях: проблема доверия

Орлова В.В.
Доктор социологических наук
Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники(ТУСУР), профессор
E-mail: orlova_vv@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-01116 А, «Психология формирования и профилактики современного экстремизма».

Аннотация: *Рассматриваются категории «экстремизм», «доверие/недоверие», которые представляются свойствами интегративными, структурными и многокомпонентными, развивающимися и претерпевающими трансформации. Целью статьи является рассмотрение специфики формирования доверия/недоверия молодежи к социальным агентам. Особое внимание уделяется роли доверия как условия общественного диалога.*

Ключевые слова: *экстремизм, насилие, доверие/недоверие, молодежь.*

Public dialogue in today's environment: the problem of trust

Orlova V.V.
Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (TUSUR), Professor
E-mail: orlova_vv@mail.ru

Abstract: *Considered category «extremism», «trust/distrust» that are exposed as properties, structural and multidimensional integrativnymi, developing and preterpevajushhimi transformation. The*

aim is to examine the specifics of building trust/distrust of youth to social agents. Special attention is paid to the role of trust as a condition of the public dialogue.

Keywords: *extremism, violence, trust/distrust, youth.*

Современный экстремизм берет истоки в социальной неопределенности, нестабильности функционирования социальных глобальных процессов в обществе. Что в свою очередь детерминирует радикализацию молодежи, формируя радикальные и экстремистские взгляды и убеждения.

Усиление самоорганизационных процессов и социальной субъектности молодежи проявляется в свободном от различных ограничений самопредъявлении, повышении протестного потенциала. Специфика экстремизма заключается в многообразии его форм проявления, которое представлено в различных подходах к содержанию, совокупности признаков, отличительных черт.

Объектной сферой данного исследования выступает научно-образовательный комплекс г. Томска, как среда для общественного диалога. *Предметное поле* определяется спецификой формирования доверия/недоверия к социальным агентам.

Наше *предположение* заключается в том, что мера проявления экстремального поведения в молодежной среде во многом определяется степенью доверия/недоверия к социальным агентам, в том числе властным структурам, субъектам общения.

Рассматривая молодежь как социальное явление, опираемся на социально-групповые особенности молодежи. Вместе с тем, причины экстремального проявления коренятся в общественных условиях, порождающих противоречия.

Основными источниками эмпирических данных стали вторичные данные социологических исследований доверия и недоверия к институтам власти 2011, 2014 гг. (см.: Григоренко, 2013; Зубок, Григоренко, Михеева, 2013; Зубок, 2014), опрос студентов г. Томска в количестве 241 человек (2015).

Примем за точку отсчета социологического изучения феномена «экстремизм» его понимание как типа девиантного поведения против существующих и разделяемых большинством в обществе норм и правил. Рассмотрение «экстремизма» с точки зрения девиации позволяет учесть основной признак – антисистемный насильственный характер. Тогда можно сформулировать трактовку «экстремизма» - девиантное осознанное поведение, выражающиеся в призывах к действию, агрессивных действиях, направленных на

отрицание основных прав человека, стремлении к публичному разрушению общественного порядка.

Другое направление социологического исследования феномена «экстремизм» заключается в рассмотрении особенностей экстремизма в контексте социальной среды: специфика проявления в различных сферах социальной жизни, групповое поведение, их окружение, внутригрупповые связи, субкультура, ценностные ориентации, установки, стереотипы, др.

В процессе развития социологического знания сформировались несколько подходов понимания личности, среди которых можно выделить: диалектико-материалистический подход, согласно которому, становление личности происходит по влиянием биологических факторов индивида, его социального окружения, воспитания и самовоспитания. С позиции антропологического подхода, личность рассматривается с точки зрения общечеловеческих свойств. В центре внимания нормативного подхода лежат качества личности как социального существа, относящиеся к сознанию и деятельности. Суть социологического подхода заключается в воплощении индивидом социально значимых черт и качеств данного общества. Персоналистический подход рассматривает личность как совокупность психических реакций человека на мнение окружающих, где механизмом ее формирования выступает «я - восприятие». Биолого-генетический подход, предполагает, что поведение человека определяется его биопрограммой.

Анализируя данные подходы можно сформулировать личностные характеристики, опирающиеся на принципы: личность экстремиста выступает одновременно объектом и субъектом биологических и социальных отношений, объединяет в себе черты биологического рода и социальной общности, обладает определенной свободой выбора своего поведения, которое зависит от личностных характеристик, преломленных через общественный и личностный опыт.

Учитывая эти принципы выделим структуру социального уровня личности экстремиста: собственно социологический, который включает мотивы, цели интересы, жизненный опыт; культурный (ценностные ориентации, установки, нормы); нравственный (мораль, нравственность); внутренние детерминанты (потребности, интересы). Статусно-ролевая концепция (Дж. Мид, Р. Минтон, Т. Парсонс) обогатила социологического знание о личности. Поэтому, еще один важный компонент – позиция (место)

личности в социуме, раскрывающееся через категории «социальный статус» и «социальная роль».

Что касается внутригрупповых связей, то одним из составляющих компонентов выступает уровень доверия/недоверия между членами группы, и личностного смысла. В зарубежных работах категория «доверие» представлена в контексте дидактических связей [1]. В российском психологическом дискурсе феномен «доверие» рассматривается как отношение к своей жизни в различных аспектах как объективной и субъективной ценности (Т.П. Скрипкина, О.В. Голубь), включает ценностные, эмоциональные, когнитивные, поведенческие составляющие и определяет содержание человеческого бытия. Другие авторы (Сидоренков А.В., Сидоренкова И.И.) рассматривают доверие в качестве главного фактора групповой эффективности, когда деятельность имеет совместно-взаимодействующую организацию, что для нашего исследования имеет эвристический потенциал.

«Доверие – это возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами» [2].

Общества с низким уровнем доверия вынуждены постоянно поддерживать некую формально-правовую базу для обеспечения выполнения обязательств, в то время как общества с высоким уровнем доверия от подобных издержек избавлено. Социальное доверие – это ожидание надёжности от других членов общества, которое не связано с определённым поведением в конкретной ситуации. Такой тип социального взаимодействия однозначно характеризуется как положительный, так как базируется на открытости, уверенности в порядочности партнёра по общению, его доброжелательности.

Элемент доверия в любых взаимоотношениях содержит в себе определённые риски. Современное общество характеризуется высокими темпами развития, непрерывно возникающие возможности не всегда удаётся проверять в повседневном опыте. Доверие в этом случае выступает в качестве конструктивной реакции на возможные возникновения рисков. Если масштаб предполагаемой опасности представляется большим, нежели степень защищённости, доверие превращается в одну из форм защитной реакции [3]. Иногда, в случае принятия решения о доверии, возможные негативные последствия могут вовсе игнорироваться. Высокая степень доверия повышает степень

ответственности за свои действия и их результат, способствует развитию творческого подхода к межличностному взаимодействию. Доверие действует как механизм активации деятельности в ситуациях, отличающихся повышенной сложностью, для принятия взвешенного самостоятельного решения в рамках определённого культурного стереотипа [4]. Это своего рода прогнозирование, субъективное представление о честности/нечестности другого, надежда на совпадение ожидания и реального результата. Поэтому доверие выступает в качестве свойства субъекта доверия, того, кто его проявляет, а не объекта, которому оно оказывается [5]. С этой точки зрения доверие можно перепутать с доверчивостью. Персонифицированное доверие выступает как «источник чувства честности и аутентичности себя самого», через механизм доверия минимизируется угроза «утраты личностного смысла» [6]. Доверие понимаем как восприятие себя или иного субъекта, их действий в качестве правильного, истинного, продолжительная приверженность этому образу, которая сохраняется до тех пор, пока он не начинает очевидно противоречить действительности. Многократно подтверждаясь в повседневности, такие установки со временем трансформируются в нормы.

Доверие развивается в трёхмерном пространстве, включающем в себя деятельность, сознание и институты, поэтому доверие в современном понимании представляет собой синтез их исторических образований, эволюция которых протекает в постоянном взаимодействии и взаимопроникновении, что обуславливает их прогрессивное усложнение на каждом последующем этапе. Инстинктивное, протоинституциональное доверие можно охарактеризовать как нерациональное. Современное доверие на определённом этапе переходит на новый уровень, превращаясь в рациональное: рациональные доводы способствуют пониманию и возникновению уверенности.

Доверие в современном обществе функционирует на нескольких уровнях:

1. Доверие к абстрактной системе (государство), которая создаёт условия взаимодействия на абстрактном уровне.

2. Межличностное доверие (сетевые структуры взаимодействия).

3. Наличие в обществе общепринятых ценностей, норм, правил, которые обеспечивают реализацию доверия на всех уровнях системы [7].

Иногда, используя по сути тот же критерий, выделяют вертикальное доверие (доверие к социальным организациям: правительству, органам правопорядка, профсоюзам) и горизонтальное (доверие к людям) [8].

Готовность молодежи в выборе форм своей активности ориентироваться на групповые нормы и ценности, которые санкционируются общественным мнением, говорит о том, что институционально выбираемые способы легитимны, а институты как источники социальных образцов вызывают доверие. Идентификация с исходящими смыслами означает доверие со стороны молодежи [9]. Именно доверие обеспечивает легитимацию общественных отношений, уровень солидарности и средств достижения целей. Разрешение противоречий, вызванных дисфункций социальных институтов распознается молодежью как ситуацию притеснения, ведет к неопределенности и к проявлению в поведении экстремальных признаков. В свою очередь складывается отношение к социальной реальности и ее объектам, выраженное в позитивных категориях доверия или в негативных – враждебности и недоверия. Таким образом, меняется уровень доверия.

На основе вторичных данных социологических исследований 2011 и 2014 гг. рассмотрим динамику показателей доверия к властным структурам [12]. Интегральные показатели доверия молодежи властным структурам превышают аналогичные показатели недоверия: в конце 2014г. составляли президенту В.В. Путину 37,6% (доверие), 3,9% (недоверие), правительству РФ 20,7% и 10,8% соответственно. На этом фоне поддержка молодежью оппозиции была слабой и составляла 7,3%, недоверие – 20,4%.

Вместе с тем, отметим, что сам факт доверия к власти не обязательно ориентирует молодежь на поддержку организаций-сторонников власти. Так среди сторонников национально-патриотических движений молодежь 13,5%, правозащитных - 9,7%, 11,9% - экологические объединения. Поданным исследований, чем выше доверие, тем сильнее проявляются установки молодежи на социальную активность.

Особенности адаптации молодёжи зависят во многом от специфики той среды, с которой субъект вынужден взаимодействовать, т.к. любой вид социальной адаптации – это процесс взаимодействия личности со средой адаптации, в ходе которого происходит достижения соответствия личностных характеристик требованиям среды [10]. Регион в этом случае рассматривается, прежде всего, как результат социальной

самоорганизации, процесса, относительно автономного от процесса государственного регулирования. Именно в этом качестве, качестве продукта самоорганизации, на первый план выходит единство географической и символической (ментально освоенной) территории [11].

Особенности адаптации молодёжи зависят во многом от специфики той среды, с которой субъект вынужден взаимодействовать, т.к. любой вид социальной адаптации – это процесс взаимодействия личности со средой адаптации, в ходе которого происходит достижения соответствия личностных характеристик требованиям среды. Регион в этом случае рассматривается, прежде всего, как результат социальной самоорганизации, процесса, относительно автономного от процесса государственного регулирования. Именно в этом качестве, качестве продукта самоорганизации, на первый план выходит единство географической и символической (ментально освоенной) территории.

Доверие является важнейшим условием диалога в обществе и фактором снижения экстремальности молодежи; элемент доверия в любых взаимоотношениях содержит в себе определённые риски; доверие выступает в качестве конструктивной реакции на возможные возникновения рисков.

Литература:

1. Kramer R.M. Trust and distrust in organizations: Emerging perspectives, enduring questions // Annual Review of Psychology. 1999. 50. P. 569–598.; Mayer R.C., Davis J.H. & Schoorman F.D. An integrative model of organizational trust // Academy of Management Review. - 1995. 20. P. 709-734.

2. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004. С. 52.

3. Демьяненко А.Н. Роль доверия в культуре, обществе, праве [Электронный ресурс] // Электронная научная библиотека «Киберленинка». URL: http://cyberleninka.ru/article/n/2-4-rol-doveriya-v-kulture-obschestve-prave (дата обращения: 05.05.2014).

4. Bahmann R. (2001) Trust, Power and Control in Transorganizationai Relations // Organization Studies. Vol. 22. № 2. P. 337 – 365.

5. Григоренко Б.Ю. Доверие как предмет социологического анализа: социокультурный аспект [Электронный ресурс] // Электронная научная библиотека «Киберленинка». URL:

http://cyberleninka.ru/article/n/doverie-kak-predmet-sotsiologicheskogo-analiza-sotsiokulturnyy-aspekt (дата обращения: 05.03.2018).

6. Гидденс. Э. Последствия современности. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис». 2011. С. 145 – 155.

7. Гуджавина Т.А. Социальное доверие в гражданском обществе [Электронный ресурс] // Электронная научная библиотека «Киберленинка». URL: http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-doverie-v-grazhdanskom-obschestve (дата обращения: 05.05.2014).

8. Сасаки М., Давыденко В.А., Латов Ю.В., Ромашкин Г.С., Латова Н.В. Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемента социального капитала современной России [Электронный ресурс] // Электронная научная библиотека «Киберленинка». URL: http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-paradoksy-analiza-institutsionalnogo-doveriya-kak-elementa-sotsialnogo-kapitala-sovremennoy-rossii (дата обращения: 05.12.2019).

9. Зубок Ю. А. Доверие в саморегуляции молодежного экстремизма// Знание. Понимание. Умение.. 2015. №4. С. 63-77.

10. Грибов В.И. Особенности адаптации молодёжи малого сибирского города к обучению в ВУЗе // Актуальные проблемы науки и образования на рубеже веков: Сборник статей учёных, аспирантов и соискателей учёной степени кандидата и доктора наук. Выпуск 2. Тюмень, 2001. С. 50.

11.Ерохина Е.А. Взаимодействие традиций и новаций в межэтнических региональных сообществах. [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал «Новые исследования Тувы». URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_7/2134-erokhina.html (дата обращения: 08.05.2019).

12. «Социокультурный механизм формирования и воспроизводства отношения к объектам социальной реальности в российском обществе» и «Доверие как феномен социальной реальности» — исследования, проведенные по всероссийской выборке в 13 субъектах Российской Федерации в 2011 г. и в октябре 2014 г. Объем выборки в первом исследовании составил 1301 чел., подвыборки молодежи в возрасте 18–29 лет — 323 чел. В 2014 г. общая выборка составила 1459 чел., подвыборка молодежи в возрасте 15–29 лет — 790 чел.

Идентификационные практики пользователей социальных сетей (на примере выпускников ВУЗов)

Орлова В.В.
Доктор социологических наук
Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР), профессор
E-mail: orlova_vv@mail.ru

Александрова Ю.К.
НИ Томский государственный университет,
Лаборатория наук о больших данных и проблемах общества, младший научный сотрудник
E-mail: jalexandrova@data.tsu.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 11-06-080-72 з.

Аннотация*: Природа социального влияния медиа в настоящее время актуализирует необходимость использования для изучения новых способов производства, обработки и методов анализа данных. Для оценки активности выпускников в социальных сетях были выгружены сообщения и новости из онлайн-сообществ университетов. Для каждого сообщения были собраны метки активности и идентифицированы выпускники этих университетов (осуществлена сверка с реестром выпускников). Фокус анализа направлен на идентификацию действий выпускников – лояльность в медийном пространстве и распространение информации об университетском сообществе. Основным методологическим ориентиром послужил подход в рамках микросоциологической парадигмы, на основе использования масштабных данных о поведении людей в социальных медиа. Эвристический потенциал использования больших данных позволяет расширить методический арсенал и преодолеть ограничение существующих традиционных методов сбора и анализа.*

Ключевые слова*: идентификация, выпускники, социальные сети, большие данные.*

Social media user ID practices: (on the example of university graduates)

Orlova V.V.
Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (TUSUR), Professor
E-mail: orlova_vv@mail.ru

Alexandrova Yu.K.
Laboratory of Big Data and Society Problems, Junior Research Fellow, Tomsk State University
E-mail: jalexandrova@data.tsu.ru

Abstract: *The nature of the social impact of media is now updating the need to use new ways of producing, processing, and analyzing data. Messages and news from the university's online communities were uploaded to assess graduate activity on social media. Activity tags were collected for each message and graduates of these universities were identified (the alumni registry was checked). The focus of the analysis is on identifying the actions of graduates - loyalty in the media space and dissemination of information about the university community. The main methodological guideline was the approach within the micro-sociological paradigm, based on the use of large-scale data on human behavior in social media. The heuristic potential of big data use allows us to expand the methodical arsenal and overcome the limitations of existing traditional methods of collection and analysis.*

Keywords: *identification, alumni, social media, big data.*

Социальные медиа представляют собой пространство массовой информации, где обнаруживаются идентификационные маркеры пользователей, такие как интересы, предпочтения, настроения, интеграционные векторы. Применение продуктов цифровых технологий становится нормой повседневной жизни, поэтому требуется разработка инструментов исследования влияния и последствий на поведение людей, структуру их ценностных ориентаций, поведенческих стратегий. Поскольку данные воспроизводятся самими пользователями (посты, лайки, фотографии, др.), государственным ведомствам становятся доступные данные в различных областях – медицине, образовании, криминологии, др., поэтому появилась возможность анализировать «цифровой след», который остается от действий большого количества людей. Таким образом, эвристический потенциал использования больших онлайн-данных позволяет расширить методический арсенал и преодолеть

ограничение существующих традиционных методов сбора и анализа (напр. Опросные методы).

При анализе активности выпускников университетов в сообществах значимую роль играют большие данные, которые дают возможность исследовать информацию о поведении людей в реальном времени, кто, где, с кем взаимодействует, в том числе изучения социального «заражением». Такие данные позволяют наблюдать за онлайн-активностью, через социальные связи паттернов установок, эмоций (Christakis N. A., Fowler J. H.(2013)) [1].

Кроме того, большие данные отличаются от других информационных коммуникационных средств не только большим объемом, высокой скоростью накопления (они создаются здесь и сейчас, их объем может увеличиваться каждую секунду), но и согласно Р. Китчену, многообразием форм, высокой дискретностью, гибкость, что позволяет добавлять новую информацию и расширять объем (Kitchin, 2014) [2].

Можно сформулировать тезис: большие данные не могут не оказать влияние на развитие социальной науки. Одним из таких аспектов влияния выступает необходимость специальных компетенций из области компьютерной науки для обработки сырых данных в нужный для исследователей формат. К таким необходимо отнести анализ больших массивов текстовых данных, что связано с лингвистикой. Поскольку источником данных выступают социальные сети, то сетевой анализ и машинное обучение позволяет решать дополнительные исследовательские задачи. Кроме того, возникает возможность онлайн-экспериментов [3].

Для понимания *идентификации* выпускников университетов в социальных медиа особое значение имеют идеи феноменологической философии (Э. Гуссерль, М.Мерло-Понти, М.Шелер) [4]. В трудах этих авторов проблема идентификации (распознавание) личности мыслится через анализ выстраивания жизненного пространства, как личностное проявление социального мира на основании ценностных предпочтений. В социальных науках проблема идентификации и идентичности близкие по значению термины. Специфика первого заключается в отождествлении себя с другими, группой. Второй термин отражает устои, ценности и взгляды личности на жизнь. Согласно экзистенциональной философии (С.Кьеркегора, Ж-П.Сартра, А.Камю) принятие личностью судьбоносного решения приводит к формированию личностной идентичности [5, 6, 7].

В.С. Ерохин (2012) рассматривает проблему личностной идентификации в ситуации риска, связывая с проблемой соотношения Я и Другой. Возможность поиска оснований для совместного

существования социальных субъектов и ситуации некорректного толкования представленных «культурных кодов» в социальной реальности позволяет говорить о том, что к рисковой среде можно отнести и социальные медиа [8].

В рамках нашего исследования существенное значение имеет работа Н. Байма «Личные связи в цифровую эпоху» (Baym, 2010) [9], где автор рассматривает проблему использования опосредованного языка и невербального поведения, которые пользователь применяет для развития и поддержания сообществ в социальных сетях, в том числе представителей разных университетов**,** поиска новых отношений, а также для поддержания отношений в повседневной жизни**.**

Опираясь на представления феноменологии, использования опосредованного языка в построении связей в социальных сетях, авторы понимают идентификацию как процесс отождествления себя с группой, для поддержания отношений**.** Исходя из вышесказанного в отношении объекта исследования наше предположение заключается в следующем: в социальных медиа (Вконтакте, Facebook) выпускники университетов выстраивая уникальное жизненное пространство стремятся поддерживать связи между собой, объединяются в сообщества на основании собственных интересов, предпочтений, что позволяет осуществить идентификацию, определить типы сообществ, их активность, цифровые стратегии.

Основной исследовательский подход в изучении идентификации выпускников университетов в социальных медиа и их цифровые стратегии находится в рамках микросоциологической парадигмы, на основе масштабных данных о поведении людей, таких как поддержание и развитие связей между выпускниками и университетами; сбор информации о выпускниках с целью улучшения каналов поддержки связи с выпускниками. Нам важно выделить типы сообществ и сформировать социальный портрет выпускника через сбор данных социальных сетей. Применительно к нашему исследованию для идентификации агентов и акторов используется метод естественной обработки языка, в случае использования данных в открытом доступе.

В целях исследования в 2018 году были проанализированы данные 65 сообществ выпускников российских университетов из сорока регионов, всего n=1369 732. Для каждого университета были идентифицированы как официальные, так и родственные (факультетов, структурных подразделений) страницы в социальной сети Вконтакте. Идентификация производилась посредством поиска по наименованию университета, а также были использованы ссылки на официальных сайтах. Такие сети, как Facebook, Одноклассники, Twitter, Instagram, Youtube, Telegram использованы не были в силу ограничений данных

сетей на сбор открытых данных профилей пользователей, которые были необходимы для анализа активности выпускников. Кроме того, контент официальных сообществ университетов в таких крупных сетях, как Вконтакте и Facebook, совпадает.

Все участники распределены в группы по направлениям: наука, образование, благотворительность, социальное развитие и культура. Исследование охватывает группы на следующих платформах: Вконтакте, Facebook и Twitter. В сети Вконтакте наиболее высокий индекс активности у групп, направленных на социальное развитие, средний индекс за год составляет 3,4. За исследуемый период можно отметить два пика – в марте и декабре:

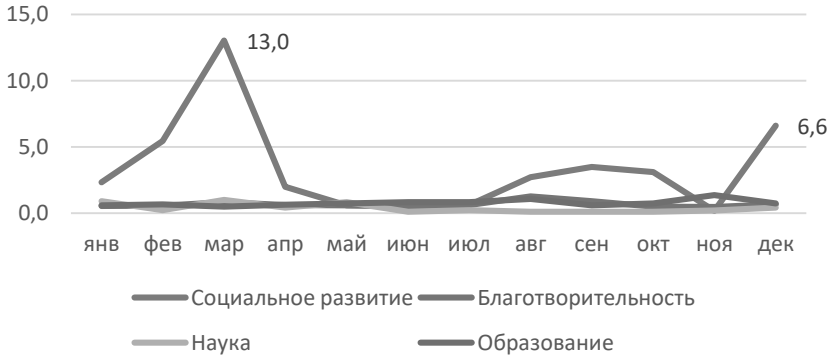


Рисунок 1 - Активность сообществ в социальной сети Вконтакте (2018 г.)

Группы выпускников, принадлежащие к категории «образование», получили среднее значение индекса активности 0,8. Наиболее высокий индекс был у поста с сообщением о том, что студенческий журнал "Международник" победил в VIII ежегодном конкурсе студенческих грантов Эндаумент МГИМО.

Социальные медиа можно охарактеризовать как сети со сложной топологией. Отметим что, общее свойство многих крупных сетей заключается в том, что вершины сетей следуют за масштабным распределением закона о власти. Эта функция была признана следствием двух общих механизмов: 1) сети постоянно расширяются за счет добавления новых вершин, 2) новые вершины прикрепляются к участникам, которые уже хорошо связаны между собой. Модель, основанная на этих двух компонентах, воспроизводит наблюдаемые стационарные дистрибутивы без масштаба, что указывает на то, что

развитие крупных сетей регулируется надежными самоорганизующимися явлениями, выходящими за рамки отдельных систем. У групп категории «благотворительность» среднее значение индекса активности составляет 0,7, наибольший отклик вызывали сообщения с просьбами сделать пожертвование на лечения, акции по сбору средств. Цифровая стратегия сообщества из категории «наука» также имеет низкие индексы в целом (среднее значение за весь период 0,4), однако, некоторые публикации вызывают повышенное внимание пользователей, например, информационная публикация об уране, которая набрала 24 253 «лайка», 1 352 репоста, и кроме того, 4,9 млн просмотров.

Тематическая структура коммуникативного поля Вконтакте разнообразна у всех категорий. Отметим, что у всех сообществ всех категорий преобладают сообщения с информацией, которая так или иначе касается основной организации, в структуре которых они находятся.

Тематический анализ контента сообществ в сети Facebook показал неоднородность у всех категорий, однако, стоит отметить, что во всех лидирует информация об организациях, доля таких материалов составляет от 90% до 35%. Кроме того, в потоке публикаций сообществ по образованию, а также благотворительных Фондах большую долю занимают сообщения о предстоящих мероприятиях/событиях. Благодарности/признательность самый большой объем занимают в потоке благотворительных Фондов. А экспертные сообщения больше всего представлены в группах по социальному развитию.

Социальные медиа представляют широкий набор методов для сбора открытой информации о пользователях. Поскольку контент официальных сообществ университетов (72, 2018 г.) в таких крупных сетях, как Вконтакте и Facebook, совпадает, то идентификация анализ стратегий производилась посредством поиска по наименованию университета, ссылок на официальных сайтах. Данные сетей Facebook, Одноклассники, Twitter, Instagram, Youtube, Telegram использованы не были в силу ограничений данных сетей на сбор открытых данных профилей пользователей, которые были необходимы для анализа.

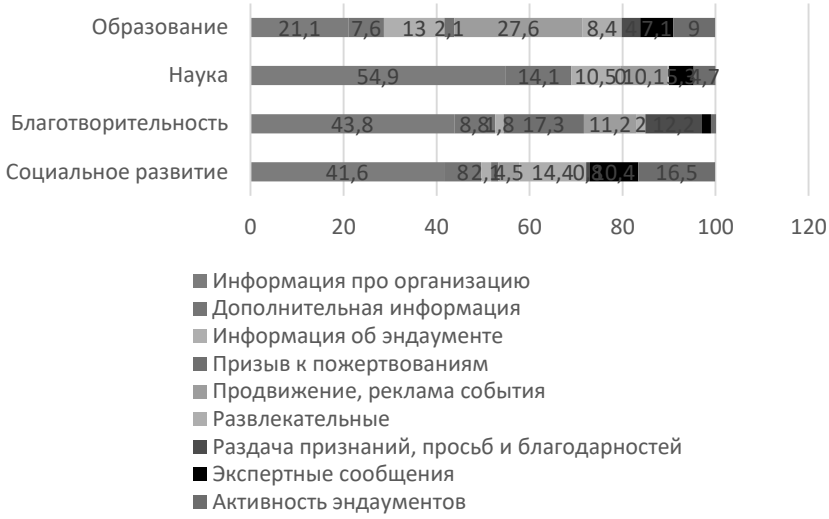


Рисунок 2 - Тематическая структура контента сообществ в социальной сети Вконтакте по категориям организаций (%)

Наибольшая активность отмечена у сообществ образовательных организаций, усредненное значение которого составляет 14,9. У благотворительных сообществ среднее значение активности – 11,9, а у сообществ на тему «культуры» - самое низкое – 4,5.

В тематической структуре благотворительных сообществ преобладают публикации на медицинскую тематику, включая призывы о сборах пожертвований на лечение/операции. На втором месте – посты с анонсами/пост-релизами о мероприятиях. Третья по популярности тема постов – благотворительность и волонтерство. Отметим, что в 2% сообщений упоминались сами Фонды целевых капиталов.

Идентификация в пространстве современных социальных медиа реализуется как воспроизводство субъектом уникального жизненного пространства на основании знаний о себе, собственных интересов, предпочтений. Выделены четыре типа сообществ выпускников ВУЗов, идентифицирующие себя с группой социального развития, сообщества, занимающиеся благотворительностью, наукой и культурой, образованием.

Литература:

1. Christakis N. A., Fowler J. H.(2013). Social Contagion Theory: Examining Dynamic Social Networks and Human Behavior // Statistics in Medicine. Vol. 32. No 4. P. 556–577.
2. Kitchin, 2014: 2, Kitchin R. (2014). Big Data, New Epistemologies and Paradigm Shifts // Big Data & Society. Vol. 1. № 1. P. 1–12.
3. McFarland, Lewis, Goldberg, 2015, McFarland D. A., Lewis K., Goldberg A.(2015). Sociology in the Era of Big Data: The Ascent of Forensic Social Science // American Sociologist. Vol. 47. No 1. P. 12–35.
4. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм// Сумерки богов. М., 1990. С. 319-344.
5. Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1993.
6. Камю А. Бунтующий человек. – М., 1990; Хайдеггер М. Бытие и время. СПб., 2006. 452 с
7. Гуссерль Э. Картезианские медитации. М., 2010. 229 с.; Мерло-Понти М. Феноменологии восприятия. СПб., 1999. 606 с.
8. Ерохин В.С. Социальный риск личностной идентификации // Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. Выпуск 1, том 12. Саратов: Изд-во Саратовского государственного университета, 2012. С. 11-14.
9. Baym N (2010) Personal Connections in the Digital Age. Cambridge: Polity.

Приоритетные направления развития науки Казахстана

Оспанова А.О.

Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева,Казахстан,
докторант 1 курса ОП 8D03106-Политология
asem_enu_81@mail.ru

Аннотация: *В статье утверждается, что основным элементом научно-технологического развития страны является выбор национальных приоритетов и конкретных направлений научно-технологического развития. Но при выборе необходимо учитывать особенности каждой страны. Показаны приоритеты и направления*

научно-технологического развития Республики Казахстан. В ходе исследования автор анализирует состояние научно-технологического потенциала Республики Казахстан и рассматривает его научные, кадровые и финансовые ресурсы. На основе полученных результатов автор статьи предлагает свои рекомендации в разработке механизмов поддержки по внедрению в опытную и экспериментальную работу отечественных научно-технических разработок.

Ключевые слова: *наука, кадровые ресурсы, научные исследования, научно-технологическое развитие, Академия наук, НИИ, ученый, аналитические центры.*

Priority directions for the development of science in Kazakhstan

Ospanova A.O.

PhD graduate in "Political studies",
L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan
asem_enu_81@mail.ru

Abstract: *The article goes on to says that the key element of the country's scientific and technological development is the choice of national priorities and specific areas of scientific and technological development. It is important to take into account the characteristics of each country. This article shows the priorities and directions of scientific and technological development of the Republic of Kazakhstan. During the consideration of this problem, the author analyzes the state of the scientific and technological potential of the Republic of Kazakhstan and considers its scientific, human and financial resources. On the basis of the obtained results the author of the article gives his thoughts on the development of support mechanisms for the implementation of domestic scientific and technical developments into practical and experimental work.*

Keywords*: science, human resources scientific, research, scientific technological development, Academy of sciences, Research instituties, scientist, analytical center.*

Как показывает международный опыт, основным элементом научно-технологического развития страны является выбор национальных приоритетов и конкретных направлений научно-технологического развития. При выборе приоритетов и конкретных направлений научно-технологического развития необходимо

учитывать особенности каждой страны, в частности, степень развитости экономики; потенциал конкурентоспособности по отдельным отраслям; уровень вовлеченности в международную торговлю.

Процесс формирования и обоснования выбора приоритетов и конкретных направлений научно-технологического развития является главным фактором в достижении намеченных целей на перспективу. В основе определения ключевых направлений научно-технологического развития Казахстана лежат такие критерии, как: соответствие долгосрочным приоритетам социально-экономического развития (национальным целям развития); соответствие накопленному технологическому потенциалу и созданным научно-технологическим заделам; максимальная социально-экономическая эффективность (максимальное соотношение достигаемых эффектов и затрат на их получение).

В Республике Казахстан по таким приоритетным отраслям, как нефтегазовая, химическая, горнометаллургический комплекс и агропромышленный комплекс имеется достаточное количество научно-исследовательских институтов (НИИ). Однако в целом в организационной структуре науки Казахстана сохраняется диспропорция между звеньями единой цепи «исследование – разработка – проектирование – изготовление». Она выражается в том, что в 2005 году 45,1% всех организаций науки составляли НИИ и только 6,4% – проектные и проектно-конструкторские организации. Как известно, научно-исследовательские и конструкторские подразделения на промышленных предприятиях являются одним из основных звеньев научно-технической системы страны, обеспечивающим реализацию исследований в виде проектно-конструкторской документации, опытных образцов и комплекса работ по освоению в серийном производстве. В Казахстане их количество составляло всего 1,8% общего числа научно-технических организаций. Большинство НИИ характеризуется низким уровнем вовлеченности в хозяйственный оборот. Яркими примерами являются институты в следующих областях: сельское хозяйство, машиностроение, биоинженерия, медицина. Причиной является сравнительно низкий уровень развития соответствующих секторов, несмотря на имеющийся огромный потенциал этих научных отраслей.

В Республике Казахстан существует ряд проблем, связанных с кадровым обеспечением в сфере науки. Наблюдается тенденция понижения численности занятых в сфере научнотехнологических исследований. Это связано с тем, что данная сфера не является привлекательной для долгосрочного карьерного роста. Следует

отметить, что в таких базовых отраслях промышленности, как добыча, переработка, транспортировка полезных ископаемых, механика и машиностроение, а также в отдельных областях, обеспечивающих создание наукоемких технологий (приборостроение, информатика, биотехнология и др.) существует дефицит кадров высшей квалификации.

В целом, несмотря на определенные позитивные сдвиги в области научной сферы, развитие кадрового состава науки Казахстана требует эффективной государственной поддержки.

В настоящее время в государстве функционирует достаточное количество научно-исследовательских институтов. Прямым операционным руководством деятельности данных институтов занимаются соответствующие министерства и агентства. Приблизительно 90% предприятий Казахстана – частные и 10% – государственные, в то время как в науке наблюдается обратная тенденция: почти 90% организаций – государственные, и только 10% – частные. В результате образовался разрыв между наукой и производством, который привел к ситуации, где отечественные разработки редко внедряются в производство.

При этом научно-исследовательские институты с государственной формой собственности часто играют важную, а в некоторых случаях, доминирующую роль в проведении исследований. В странах же с высокоразвитой экономикой в научно-исследовательской деятельности преимущественно преобладает негосударственный сектор. Примечательно, что в западных странах принято считать, что исследования негосударственного сектора в большей степени соответствуют требованиям реального сектора экономики. В то же время они могут взаимно дополнять друг друга.

Очевидно, что правильно выстроенная политика казахстанского содержания может обеспечить дополнительный импульс развитию отечественной науки и промышленности [1, с.118]. В науке необходимо обеспечить связь научных приоритетов с приоритетами ГПФИИР /Государственная программа по форсированному индустриально-инновационному развитию: усилить транспорентность и распределение средств на науку; привлечь молодые кадры; обеспечить рост публикационной активности ученых страны.

Вопросы реализации единой государственной научно-технической политики, совершенствования законодательства в сфере науки и техники, организации научных исследований, подготовки и аттестации научных кадров, проведения работ по информатизации

научно-технической сферы возложены на Министерство образования и науки.

В соответствии с потребностями социально-экономического развития в рамках Стратегии «Казахстан-2030» Министерством образования и науки выполняются работы по координации 47 программ фундаментальных исследований, сформированных на конкурсной основе по 20 приоритетным направлениям, 6 республиканских научно-технических программ, свыше 200 прикладных и инновационных проектов для подготовки к освоению новых наукоемких производств. Наиболее крупные республиканские целевые программы, администратором которых является Министерство образования и науки:

•Научно-техническое обеспечение и организация производства биотехнологической продукции в Республике Казахстан на 2001-2005 годы;

•Разработка и внедрение в производство оригинальных фитопрепаратов для развития фармацевтической промышленности Республики Казахстан на 2002-2006 г.г.;

•Развитие государственной системы научно-технической информации Республики Казахстан на 2001-2003 годы;

•Научно-техническая программа проведения научных исследований и технических разработок в области защиты информации на 2001-2003 гг.

Ввиду ограниченности ресурсов государство не может вести исследования по всем научно-техническим направлениям, поэтому усилия сосредоточены в тех областях, где Казахстан уже имеет конкурентоспособные результаты. Исходя из выступления Президента страны на торжественном собрании, посвященном 10-летию независимости Казахстана, приоритетом должны пользоваться отрасли, в которых республика имеет преимущества перед другими странами: нефтегазовый и горно-металлургический комплексы, сельское хозяйство. Поэтому научно-технические программы должны в первую очередь обеспечить развитие перечисленных отраслей, включая программы по нефтехимии, четвертому и пятому переделам, нефтегазовому и горнометаллургическому машиностроению. Прикладные исследования, согласно Программе Правительств Республики Казахстан на 2002-2004 годы, должны быть строго увязаны с направлениями развития реального сектора экономики, а также прогнозом тенденций и направлений развития реального сектора экономики до 2010 года. В 2002 году Высшей научно-технической комиссией с учетом потребностей социально-экономического развития

страны и тенденций развития мировой науки было определено пять приоритетов фундаментальных исследований:

1) информационные технологии;

2) новые перспективные материалы;

3) развитие теоретических основ молекулярной биологии, генетики и биоинженерии для решения актуальных проблем медицины и аграрного сектора;

4) минеральные ресурсы;

5) теория и практика общенациональной идеи как основы устойчивого развития современного Казахстана [2].

Поручение Главы государства К.К.Токаева о модернизации системы управления наукой, повышении качества научного потенциала, финансировании и внедрении инноваций требует принципиально новых решений, способных значительно повысить эффективность нашей экономики.

За годы Независимости благодаря дальновидной политике и поддержке Елбасы Н.А. Назарбаева в стране были сохранены ведущие научные школы, разветвленная сеть научных организаций, был принят прогрессивный Закон о науке, казахстанскими учеными достигнуты значимые успехи по ряду направлений науки. По состоянию на сегодняшний день в стране функционируют 386 научных организаций, контингент сотрудников составляет 21 843 человека. Из них около 33% имеют ученую степень, это – 1703 доктора наук, 4240 кандидатов наук, 1045 докторов Ph.D и 317 докторов по профилю. Это ориентировочно 930 ученых на 1 млн населения. Для сравнения: в Китае этот показатель равен 1235, в Грузии –1340, Болгарии –2130, России –2851, в США – 4256.

Литература:

1. Садыкова П. Т. О состоянии приоритетных направлений системы образования и науки в Республике Казахстан // Вестник КазЭУ, Алматы. Категория: Экономика, 2011. С.117–123.

2. Основные направления научных исследований в Казахстане. Наука и новые технологии в Казахстане. URL: www.edu.gov.kz.

Особенности понимания теории поколений в образовательном процессе: межкультурный аспект

Панькова В.В.
Томский государственный педагогический университет, студент
E-mail: veronikapankova2325@gmail.com

Панькова Н.М.
Кандидат философских наук, Томский политехнический университет, старший преподаватель
E-mail: pankova_natalia@tpu.ru

Аннотация: *В образовательном процессе, который представляет собой взаимодействие людей разных возрастов, принадлежащих к разным поколениям, имеют место проблемы непонимания. Попытке осмысления этих сложностей, а также поиску способов повышения эффективности совместной деятельности, посвящена эта статья. Автор рассматривает ряд характеристик, специфичных для поколение Z, таких как преобладание виртуального общения над личным (поколение «homelanders»), индивидуализм, сложности организации групповой работы, эгоизм (т.н. «темная триада»). Многие исследователи отмечают психологическую нестабильность студентов в связи с невозможности соответствовать высоким требованиям, предъявляемым к самим себе и уровнем ожиданий от себя и других в учебном процессе. Принимая во внимание эти проблемы, следует внести некоторые коррективы в организацию учебного процесса.*

Ключевые слова: *теория поколений, поколение X, поколение Z, образование, университет, «темная триада».*

Features of understanding the theory of generations in educational process: intercultural aspect

Pankova V. V.
Tomsk state pedagogical University, student
E-mail: veronikapankova2325@gmail.com

Pankova N. M.
Candidate of philosophy, Tomsk Polytechnic University, Senior lecturer
E-mail: pankova_natalia@tpu.ru

Abstract: *Educational process, presenting the interaction of people of different ages belonging to different generations, is characterized by the problems of misunderstanding. This article is devoted to the attempt to comprehend these difficulties, as well as to search for ways to increase the effectiveness of joint activities. The author considers a number of characteristics specific to Generation Z, such as the predominance of virtual communication over personal one (the generation of «homelanders»), individualism, the difficulties in the organization of group work, selfishness (the so-called «dark triad»). Many researchers note the psychological instability of students due to the inability to meet the high requirements for themselves and the level of expectations from themselves and others in educational process. Taking into account these problems, it is necessary to make some adjustments to the organization of educational process.*

Keywords: *generation theory, generation X, generation Z, education, university, «dark triad».*

Образовательные процесс – это сложная система взаимодействия людей разных поколений, ориентированных на достижение одной цели – передача и получение знаний.

Американские авторы теории поколений Уильям Штраус и Нил Хоу определяют поколение как совокупность всех людей, рожденных в промежуток времени, составляющий примерно 20 лет, разделяющих одну историческую эпоху, общие убеждения и модели поведения, а также чувство принадлежности к этому поколению [1].

Если использовать терминологию российских ученых, Евгении Шамис и Алексея Антипова, исследующих и адаптировавших теорию поколений к особенностям российской действительности [2], то самих студентов можно отнести к поколению Z (люди, родившиеся в 2000-е годы, а преподавателей – к поколению беби-бумеров (50-60-е годы XX века), к поколению X (1965-1985 гг.) или к поколению Y (Миллениалы, поколение Next, 1985-2000 гг. рождения).

Для студентов, представителей поколения Z, обозначить какие-либо конкретные ценностные ориентиры пока сложно, поскольку процесс их формирования еще не завершен. В качестве основного жизненного принципа современные молодые люди выбирают «жить настоящим»! Студенты свободно обращаются с информацией, поскольку родились в эпоху Интернета, подстраиваются под изменяющуюся реальность и уверены в своих силах. Если анализировать познавательные возможности, то это люди с очевидным преобладанием «клипового» мышления над понятийным, в отличие от представителей поколения X и беби-бумеров. Именно поэтому

учебный процесс следует организовывать с учетом этих особенностей [3].

Молодые люди умеют ориентироваться в потоке событий, с легкостью могут делать несколько дел одновременно. Они с уверенностью и оптимизмом смотрят в будущее, но их будущее – это очень короткий промежуток времени, поскольку планировать они не умеют. Если планы и обозначаются, то они сформулированы не конкретно, пути их достижения не вполне очевидны.

Университеты, сотрудники которых в большинстве случаев люди взрослые (представители поколений беби-бумеров или Иксы), ориентированы на будущее, в котором предстоит жить студентам (Миллениалы и поколение Z). В этом заключается сложность и целеполагания, и выбора методов донесения информации, и определения значимости моральных норм и этических кодексов [4].

В современном мире, в условиях единого образовательного пространства мы сталкиваемся с представителями разных поколений. В России учатся студенты из разных стран, принадлежащие разным культурам. Для определения их принадлежности к какому-либо поколению следует познакомиться с особенностями их формирования, с событиями, которые оказали влияние на их личностное становление и на ценности, значимые в определенной культуре.

Некоторые исследователи, затрагивающие в своих работах теорию поколений, отмечают ряд характеристик, специфичных для поколение Z. Большая часть межличностных коммуникаций у современных молодых людей носит *виртуальный характер*, их общение со сверстниками чаще всего протекает в социальных сетях. В связи с этим данное поколение получило еще и такое название, как «homelanders» - дети, сидящие дома за компьютером [5]. С другой стороны, поколение Z отличается *высокой мобильностью*, не привязанностью к своему постоянному месту жительства и социальному окружению.

Еще одна особенность – *индивидуализм или эгоизм*. Действительно, современные студенты часто с большим трудом работают в группах, предпочитая самостоятельную работу групповой. Им сложно договариваться с другими людьми, делегировать полномочия, принимать на себя обязательства, выполнять чужие распоряжения и переключать внимание с самого себя на других людей. Часто студенты сталкиваются с проблемными ситуациями в учебном процессе, демонстрируя эгоистичность, нарциссизм, чувство превосходства над другими. Нарциссизм связан с индивидуализмом, а это, в свою очередь, создает проблемы и во взаимодействии с другими участниками образовательного процесса, и в завышенных требованиях

по отношению к самому себе. Эти особенности мировосприятия вошли в психологию под названием «темная триада» - нарциссизм, макиавеллизм и психопатия. Термин «темный» указывает на негативные черты этих характеристик для самого человека и его окружения [6].

Исследователи отмечают большое количество случаев психологической нестабильности студентов, особенно младших курсов, в связи с невозможности соответствовать высоким требованиям, предъявляемым к самим себе и уровнем ожиданий от себя и других в учебном процессе [7, 8].

Действительно, одна из «болезней» молодого поколения – буллинг в учебном процессе, троллинг и хейтинг в Интернет-среде [9]. Как уже было сказано ранее, современные студенты родились уже в эпоху Интернета и зачастую их жизнь в Интернет-среде не менее активная и насыщенная событиями, чем реальная жизнь. Но, Интернет – это инструмент, который может служить как благим целям (быстрый поиск информации, возможность установления коммуникации, эффективное сотрудничество не ограниченное пространственными рамками), так и разрушительным (безнаказанная агрессия, не корректно высказанная критика, нарушение личных границ).

В связи с этим, некоторые исследователи рекомендуют уменьшить количество времени, проводимого учащимися в сети, и дополнить учебный процесс различными заданиями и мероприятиями, которые способствовали бы повышению взаимодействия обучающихся [10]. С необходимостью следует учитывать в образовательном процессе особенности студентов и преподавателей, принадлежащих к разным поколениям, но, при этом, помнить о значимости культурных ценностей, которые могут стать объединяющим фактором для формирования единого образовательного и социокультурного пространства.

Кроме того, следует отметить возрастание значимости работы психологической службы. Она должна быть ориентирована на помощь обучающимся в формировании навыка владения своими эмоциями, повышении уровня самоконтроля и снижении уровня агрессии.

Литература:

1. Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future 1584-2069. New York: William Morrow and Company. 1991.

2. Шамис Е. В каких условиях растет поколение Миллениум и Z и что станет их ценностями. [Электронный ресурс] // RuGenerations – российская школа Теории поколений. URL: https://rugenerations.su (дата обращения: 10.01.2020).

3. Азаренок Н.В. Клиповое сознание и его влияние на психологию человека в современном мире // Мат. Всерос. юбилейной науч. конф., посв. 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна «Психология человека в современном мире». Том 5 «Личность и группа в условиях социальных изменений» / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 110–112.

4. Панькова Н. М. Поколение X VS Поколения Z: конфликт или сотрудничество? // Поколение Z: социальный характер, идентичность и ориентации современных подростков: сборник статей Всероссийской научной конференции с международным участием / Отв. ред. Р. Б. Шайхисламов. - Уфа: РИЦ БашГУ, 2019. С. 159–165.

5. Рахматуллина З. Б., Глебова С. Е. Ценностные ориентации поколения «Z» // Поколение Z: социальный характер, идентичность и ориентации современных подростков: сборник статей Всероссийской научной конференции с международным участием / Отв. ред. Р. Б. Шайхисламов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2019. С. 172–177.

6. Campbell W. K, Miller J. D. The Handbook of Narcissism and Narcissistic Personality Disorder: Theoretical Approaches, Empirical Findings, and Treatments. Wiley, 2011. P. 154.

7. Грошева И. А., Грошев И. Л. Подростки в виртуальном мире: риски социального одиночества Поколение Z: социальный характер, идентичность и ориентации современных подростков: сборник статей Всероссийской научной конференции с международным участием / Отв. ред. Р. Б. Шайхисламов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2019. С.62–69.

8. Максимова Н. Г., Карпова А. Ю. Индикаторы измерений деструктивного информационно-психологического воздействия на студентов в социальных сетях // Поколение Z: социальный характер, идентичность и ориентации современных подростков: сборник статей Всероссийской научной конференции с международным участием/ отв. ред. Р. Б. Шайхисламов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2019. С.123–128.

9. Chabrol H., Van Leeuwen N., Rodgers R., Séjourné S. Contributions of psychopathic, narcissistic, Machiavellian, and sadistic personality traits to juvenile delinquency // Personality and Individual Differences. 2009. Vol. 47. Is. 7. P. 734–739.

10.Белянская Т.Э. Проблема формирования коммуникативных навыков поколения Z // Поколение Z: социальный характер, идентичность и ориентации современных подростков: сборник статей Всероссийской научной конференции с международным участием / Отв. ред. Р. Б. Шайхисламов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2019. С. 34–38.

Аксиологические противоречия представителей поколений X и Z

Панькова Н.М.
Кандидат философских наук,
НИ Томский политехнический университет,
старший преподаватель отделения социально-гуманитарных наук Школы базовой инженерной подготовки
E-mail: pankova_natalia@tpu.ru

Аннотация: *В статье рассмотрены особенности представителей Поколения X и представителей Поколения Z через призму «проблемы отцов и детей» с точки зрения выбора их ценностных ориентиров. Иксы предпочитают устойчивость и надежность в профессиональной деятельности, конкретно формулируют идеи, ценят свое и чужое время, могут постоять за себя, справедливость и честность выбирают в качестве базовых ценностных ориентиров. Представители поколения Z свободно обращаются с информацией, поскольку родились тогда, когда Интернет стал чем-то само собой разумеющимся, легко подстраиваются под изменяющуюся реальность и уверены в своих силах. Родителям, представителям поколения X, становится очевидно, что воспитывать детей как раньше уже не получится, а модели поведения, характерные для воспитательного процесса прошлых поколений уже не актуальны. Поиск правильного варианта взаимодействия обсуждается в этой статье.*

Ключевые слова: *теория поколений, поколение X, поколение Z, аксиология, ценностные ориентиры.*

Axiological contradictions of representatives of generations X and Z

Pankova N.M.
Candidate of philosophy,
NI Tomsk Polytechnic University, senior lecturer. Departments of social and humanitarian Sciences Of the school of basic engineering training
E-mail: pankova_natalia@tpu.ru

Abstract: *The article considers the features of Generation X and Generation Z representatives through the prism of "problems of fathers and children" in terms of choosing their value orientations. ICS prefer stability*

and reliability in their professional activities, specifically formulate ideas, value their own and other people's time, can stand up for themselves, and choose fairness and honesty as basic values. Representatives of generation Z are free to use information, since they were born when the Internet became a matter of course, easily adapt to changing reality and are confident in their abilities. It becomes obvious to parents, representatives of generation X, that it will not be possible to bring up children as before, and the behavior patterns characteristic of the educational process of previous generations are no longer relevant. Finding the right interaction option is discussed in this article.

Keywords: *generation theory, generation X, generation Z, axiology, value guidelines.*

В современном информационном пространстве все большую популярность получает теория поколений, представленная американскими авторами Уильямом Штраусом и Нилом Хоу. В рамках этой концепции поколение понимается как совокупность всех людей, рожденных в промежуток времени, составляющий примерно 20 лет [1]. Поколение, считают ученые, можно выделить по ряду признаков:

1. Представители одного поколения разделяют одну историческую эпоху: они сталкиваются с одинаковыми ключевыми историческими событиями и социальными веяниями, находясь на тех же жизненных фазах.
2. Они разделяют определенные общие убеждения и модели поведения.
3. Зная об опыте и особенностях, которые они разделяют со своими ровесниками, представители одного поколения также будут разделять и чувство принадлежности к данному поколению.

Что же позволяет нам говорить о принадлежности человека к какому-либо поколению? Не всегда этим ориентиром служит год рождения. Важным маркером будет являться набор событий, убеждений и ценностей, которые человек считает своими, которыми он руководствуется в принятии решений и формулировании своей точки зрения.

Очевидно, что эти события могут быть как сходными, так и различными.

Мы выделили для анализа 2 поколения – поколение X (люди, родившиеся 1965-1985 гг.) и молодое поколение Z (родившиеся в 2000-е годы). В основе такого выделения – проблема отцов и детей, имеющая многовековую историю. Как нам кажется, с позиции теории поколений она получает новый вариант осмысления.

Итак, какие события и ценности являются приоритетными для поколения родителей – поколения X?

Российские исследователи теории поколений психолингвист Евгения Шамис и психолог Алексей Антипов адаптировали теорию поколений, учитывая ключевые события российской истории, и описали специфические черты поколения X в работе «Теория поколений: Необыкновенный Икс» [2].

Поколение X ориентируются на индивидуальные достижения, обучение в течение всей жизни, демонстрируют прагматический подход, стремятся найти баланс между работой и личной жизнью, а также стремятся быть информированными и надеются только на себя.

Представители поколения X предпочитают устойчивость и надежность в профессиональной деятельности, а конкретное формулирование идеи предпочитают отстраненным фантазиям. Это люди, которые ценят свое и чужое время, могут постоять за себя, справедливость и честность выбирают в качестве базовых ценностных ориентиров.

В то же время как для поколения Z таких устойчивых ориентиров пока нет, но есть одно важное отличие молодого поколения от всех предшествующих – это поколение, которое не представляет свою жизнь без постоянного выхода в Интернет. Научно-технический прогресс не стоит на месте, и теперь мы не только осуществляем там поиск необходимой нам информации, но и общаемся, иногда даже более активно, чем в реальной жизни, в мире материальном, обучаемся и самосовершенствуемся. Представители поколения Z свободно обращаются с информацией, поскольку родились тогда, когда Интернет стал чем-то само собой разумеющимся, легко подстраиваются под изменяющуюся реальность и уверены в своих силах.

Родителям, представителям поколения X, становится очевидно, что воспитывать детей как раньше уже не получится, а модели поведения, характерные для воспитательного процесса прошлых поколений уже не актуальны. Для этих уже ставших взрослыми детей не характерно подчинение, принятие авторитета старших.

Уже сегодня на рынок труда выходят представители поколения Z, вчерашние школьники, самым старшим из которых уже исполнилось 20. В работе Д. Стиллмана «Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык» подробно описываются особенности этого молодого поколения [4].

С точки зрения автора, который занимается изучением поколений уже более 20 лет, поколение Z ориентировано на успех, готово добиваться высоких результатов в работе, не привязано к одному месту и сосредоточено на карьерном росте, который может происходить не в

какой-то одной компании (или даже в одной стране). Многие молодые люди видят себя в будущем сотрудниками международной корпорации или же хотят стать независимыми специалистами высокого класса в определенной области. Чаще всего – это сфера информационных технологий, поскольку реальный мир и цифровой для них переплетены воедино, каждый элемент материального мира имеет свой цифровой аналог.

Еще одна специфическая черта поколения Z – это «синдром упущенной выгоды». Молодые люди стремятся преуспеть, страдая от страха упустить что-то важное. С одной стороны, они находятся в тренде и вполне конкурентоспособны, с другой – беспокоятся о том, что двигаются недостаточно быстро и не в том направлении.

Они выбирают разные стратегии будущего – получение профессионального образования, высшего образования или работа в соответствии со своими способностями. Иногда, совсем еще молодые люди, не имея никаких специальных знаний и возможностей для профессиональной реализации (с точки зрения старшего поколения), становятся успешными и известными, выбирая свой путь в новом формате, например, видеоблоггинг.

Но проблема заключается в том, что отсутствие устойчивых правил, постоянная изменчивость и нестабильность, приводит молодых людей к потере уверенности в завтрашнем дне и отсутствии планов на будущее.

Молодые люди, воспитанные на роликах YouTube, уверены, что могут сделать все, что угодно и чему угодно научиться, но если ролик длится больше минуты, то, скорее всего, не будут просмотрен до конца.

В профессиональной деятельности, как и в образовательном процессе, молодым людям предстоит сотрудничать с представителями других поколений, и от того, насколько это взаимодействие будет успешным, зависит не только их, но и наше будущее. Работодателей интересует вопрос, как можно использовать эти молодые кадры, как найти с ними общий язык, возможно ли внушить им уважение и научить сотрудничеству.

Становится понятно, что старые методы не работают. Самый правильный, с нашей точки зрения, вариант взаимодействия – это сотрудничество и правильная мотивация. Если постараться сделать акцент не на различиях, а на сходстве интересов, то продуктивное взаимодействие вполне осуществимо.

Старшее поколение может поделиться знаниями и опытом, которыми оно владеет, и научиться чему-то новому, что становится важной составляющей жизни молодого поколения – освоить Интернет,

научиться использовать социальные сети, задействовать различные программы в своей профессиональной деятельности.

Литература:

1. Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future 1584-2069. New York: William Morrow and Company. 1991.

2. Шамис Е., Никонов Е. Теория поколений: Необыкновенный Икс. Университет «Синергия». 2016. 130 с.

3. Шамис Е. В каких условиях растет поколение Миллениум и Z и что станет их ценностями. [Электронный ресурс] // RuGenerations – российская школа Теории поколений. URL: https://rugenerations.su (дата обращения: 10.01.2020).

4. Стиллман Д., Стиллман И. Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык. 2017. 310 с.

Государственная Дума во внешнеполитическом механизме Российской Федерации: основные полномочия и проблемы их реализации

Пашковский П. И.

Кандидат политических наук,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
доцент кафедры политических наук и международных отношений
E-mail: petr.pash@yandex.ru

Аннотация. *В статье рассмотрены основные полномочия Государственной Думы во внешнеполитической сфере и проблемы их реализации. Проанализировано содержание основополагающих документов и работ исследователей. Показано, что реализация полномочий Государственной Думы в рамках внешнеполитического механизма Российской Федерации осложняется наличием следующих проблем: отсутствие долгое время специального законодательного акта, посвященного внешней политике; четко не прописаны механизмы международной деятельности; отсутствует регламентация порядка прохождения внешнеполитических документов по инстанциям на разных стадиях подготовки; дублирование внешнеполитических функций субъектов власти, приводящее к их латентному или открытому конфликту и влияющее на скорость и качество принятия и реализации внешнеполитических решений; падение уровня прозрачности внешнеполитического процесса; различия во внешнеполитических установках групп российской элиты; отсутствие реальных возможностей полностью*

воплотить имеющиеся полномочия в структуре внешнеполитического механизма государства; недостаточное использование потенциала межпарламентского сотрудничества; противоречия во взаимодействии палат парламента по внешнеполитическим вопросам.

Ключевые слова: *Государственная Дума, внешнеполитический механизм, Российская Федерация, внешняя политика, международные отношения, парламентская дипломатия.*

The State Duma in the Foreign Policy Mechanism of the Russian Federation: the Basic Powers and Problems of Their Realization

Pashkovsky P. I.
Candidate of Political Sciences (PhD), Associate Professor of the Department of Political Science and International Relations of V.I. Vernadsky Crimean Federal University
E-mail: petr.pash@yandex.ru

Abstract: *The article considers the powers of the State Duma in the foreign policy sphere and the problems of their implementation. It was shown that the realization of the powers of the State Duma in the system of the foreign policy mechanism of the Russian Federation is complicated by the presence of the following problems: a special legislative act on foreign policy is missing; mechanisms for implementing international activities aren't clearly spelled out; regulation of the procedure for passing foreign policy documents at different stages of preparation is absent; duplication of foreign policy functions of the subjects of power, leading to their latent or open conflict and affecting the speed and quality of the adoption and implementation of foreign policy decisions; fall in the level of transparency of the foreign policy process; differences in the foreign policy aspirations of groups of the Russian elite; incompleteness and fuzziness of the regulatory framework; lack of real opportunities to fully implement the existing powers in the structure of the state's foreign policy mechanism; insufficient use of the potential of inter-parliamentary cooperation; contradictions in the interaction of the chambers of the parliament on foreign policy issues.*

Keywords: *State Duma, foreign policy mechanism, Russian Federation, foreign policy, international relations, parliamentary diplomacy.*

В современных условиях нарастания напряжённости и снижения предсказуемости в рамках переживающей трансформацию международной системы увеличивается значение деятельности представительных институтов – парламентов государств [1; 2].

Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации характеризуется достаточной активностью и влиянием на процесс формирование и реализации отечественной внешней политики, находясь в зависимости от специфики функционирования государственного внешнеполитического механизма [3–7]. Данная публикация посвящена обзорной характеристике основных полномочий Государственной Думы в сфере внешней политики и международных отношений, а также проблем, возникающих в процессе их реализации.

Принимая во внимание наличие множества определений понятия «внешнеполитический механизм», представляется целесообразным считать таковым политическую систему, функционирование которой обеспечивает определение целей, задач, приоритетов, направлений внешней политики государства и выделение ресурсов для её осуществления. В этом контексте подразумевается разделение элементов данного механизма на конституционные (государственные) и внеконституционные [8, с. 455].

Государственная Дума Федерального Собрания, являясь нижней палатой российского парламента, относится к конституционным (государственным) элементам внешнеполитического механизма. Её полномочия и функции во внешнеполитической сфере определены Конституцией [9], основополагающими документами [10–13] и Регламентом [14]. В действующей Концепции внешней политики России определяется, что Государственная Дума, как и Совет Федерации, в пределах своих полномочий работают в направлении законодательного обеспечения внешнеполитического курса государства, способствуя повышению эффективности парламентской дипломатии [11].

Исходя из анализа документов и исследований, очевидно, что Государственная Дума наделена следующими прямыми и косвенными способами влияния на государственную внешнюю политику.

1) Рассмотрение и принятие законов о ратификации международных договоров (затем направляющихся на одобрение в Совет Федерации), которые становятся правовой базой для взаимодействия с зарубежными странами.

2) Рассмотрение вопросов об использовании вооружённых сил за пределами границ Российской Федерации.

3) Принятие заявлений, обращений и постановлений по международным вопросам в целях выражения и донесения позиции Государственной Думы в отношении определённых внешнеполитических ситуаций.

4) Официальные визиты и переговоры председателя нижней палаты с зарубежными коллегами.

5) Участие иностранных парламентариев в международных форумах и разного рода мероприятиях, которые проводятся в рамках и / или под эгидой Государственной Думы.

6) Взаимодействие с Министерством иностранных дел Российской Федерации: встречи председателя палаты с Министром иностранных дел и обсуждение вопросов законотворческого процесса во внешнеполитической сфере и проблем межпарламентского сотрудничества.

7) В соответствии с распоряжением председателя Государственной Думы его заместители курируют международное сотрудничество с группами стран и международных организаций.

8) Регулярное взаимодействие отечественных парламентариев с международными парламентскими организациями. На постоянной основе осуществляют свою деятельность депутатские группы по связям с парламентами зарубежных государств. Сформированные на принципах равного или пропорционального фракционного представительства, постоянные делегации Государственной Думы участвуют в деятельности международных парламентских организаций.

9) Утверждение бюджета Российской Федерации, который ежегодно принимается Государственной Думой, одобряется Советом Федерации (в форме закона), а затем подписывается Президентом. Бюджет содержит раздел, предусматривающий выделение средств на осуществление внешнеполитической и международной деятельности: функционирование российских загранучреждений, предоставление и получение кредитов, участие в международных организациях и т. п. Также нижняя палата парламента устанавливает пределы государственных заимствований, в соответствии с которыми заключаются соглашения с разного рода международными и финансовыми организациями. Следует отметить, что реальное значение эти функции обретают только в случае наличия существенных вложений во внешнеполитические инициативы. В других обстоятельствах исполнительная власть имеет возможность выделения средств, перераспределяя расходы по утверждённым статьям бюджета, либо используя предусмотренные Бюджетным кодексом резервные фонды.

10) Государственная Дума оказывает влияние на внешнюю политику России и посредством принятия законов, прямо или косвенно затрагивающих данную сферу. В этом отношении отмечаются т. н. «внутренние» законы (касающиеся налоговой сферы, тарифов, акцизов

и т. д.), принятие которых обусловливает предоставление зарубежных кредитов.

11) К числу ограниченно применяющихся инструментов воздействия Государственной Думы на внешнеполитический процесс следует отнести парламентский запрос, депутатский запрос и парламентское расследование.

12) В составе нижней палаты парламента имеются подразделения, в полномочия которых входят внешнеполитические вопросы. На современном этапе к таковым относятся: Комитет по международным делам, Комитет по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками и Управление международного сотрудничества Аппарата Государственной Думы.

Представленный перечень отражает лишь наиболее заметные полномочия Государственной Думы в области внешней политики и международных отношений, что позволяет утверждать о достаточно высокой степени влияния данного института в системе государственного внешнеполитического механизма. При этом реализация указанных полномочий осложняется наличием ряда проблем [3–7; 15–20].

1) Несовершенство отечественного законодательства: отсутствие долгое время специального законодательного акта, посвящённого внешней политике; с принятием соответствующих документов ситуация во многом не претерпела изменений; в Конституции, действующих законах и подзаконных актах должным образом не обозначены механизмы международной деятельности.

2) Отсутствие чёткой регламентации порядка прохождения по разным инстанциям документа, относящегося к внешнеполитической сфере.

3) Проблемы, связанные с особенностями функционирования внешнеполитического механизма нашего государства, в структуре которого происходит дублирование функций, что приводит к латентному или открытому противостоянию субъектов власти, оказывая влияние на оперативность и качество принятия и реализации внешнеполитических решений.

4) Падение уровня прозрачности процесса принятия решений, имеющих отношение к внешней политике, а также видимые различия во внешнеполитических установках групп российской элиты, оборачивающеися проявлениями непоследовательности и противоречивости в позиционировании государства на международной арене.

5) Нормативно-правовая база реализации парламентскими институтами полномочий во внешнеполитической сфере характеризуется неполнотой и недостаточной чёткостью.

6) Учитывая специфику структуры и характера взаимодействия элементов функционирующего внешнеполитического механизма, Государственная Дума не имеет возможности в полной мере осуществлять на практике обозначенный в нормативно-правовой базе потенциал воздействия на внешнеполитический процесс.

7) Несмотря на происходящую в последние годы активизацию опции межпарламентского сотрудничества, механизмы парламентской дипломатии имеют перспективы усовершенствования в контексте адаптации к новым международно-политическим реалиям.

8) Отмечаются проблемы во взаимодействии верхней и нижней палат парламента по вопросам внешней политики и международной деятельности, следствием чего становятся несогласованные и нескоординированные действия, что снижает эффективность влияния Государственной Думы и в целом парламентских институтов на внешнюю политику государства.

Проблемы в реализации внешнеполитических полномочий нижней палаты отечественного парламента не ограничиваются вышеуказанными, требуя специального исследования. Их выявление и обоснование сами по себе являются значительными интеллектуальными достижениями, содержащими истоки вариантов устранения обозначенных недостатков в целях повышения эффективности функционирования государственного внешнеполитического механизма.

Литература:

1. Варлен М. В. О возрастающей роли парламентской дипломатии в многополярном мире // Lex russica (Русский закон). 2019. № 7 (152). С. 54–65.

2. Косачев К. И. Парламентская дипломатия в многополярном мире // Диалог: политика, право, экономика. 2017. № 1 (4). С. 26–31.

3. Кондрашова Е. В. Эволюция парламентаризма в контексте внешнеполитической деятельности России: Автореф. дис. … канд. полит. наук. М., 2008. 26 с.

4. Мирошниченко В. М. Международная деятельность Государственной Думы Российской Федерации // Актуальные проблемы и перспективы развития парламентаризма: российский и зарубежный опыт: Сб. науч. ст. / Ред. коллегия: В. В. Коровин (отв. ред.) [и др.]. Курск: ЮЗГУ, 2015. С. 107–111.

5. Новиков Д. В. Реализация Государственной Думой представительной функции в сфере внешней политики: Автореф. дис. … канд. полит. наук. Владивосток, 2009. 22 с.

6. Пашковский П. И. Парламентские институты во внешнеполитическом механизме Российской Федерации: проблемы и противоречия в реализации полномочий // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. Т. 4 (70). № 2. С. 94–106.

7. Перевезенцева Т. В. Участие Государственной Думы в осуществлении внешней политики страны // Российский парламентаризм: история и современность: Матер. засед. «круглого стола» (Астрахань, 8 июня 2007 г.) / Отв. ред. Е. Е. Рябцева. Астрахань: Астраханский университет, 2007. С. 65–69.

8. Пашковский П. И. Внешнеполитический механизм: проблемные теоретические аспекты исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2016. Т. 16. Вып. 4. С. 452–456.

9. Конституция Российской Федерации. URL: http://constitution.kremlin.ru/ (дата обращения: 05.01.2020).

10.Государственная программа Российской Федерации «Внешнеполитическая деятельность» (Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 325–10). URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/62782 (дата обращения: 05.01.2020).

11.Концепция внешней политики Российской Федерации (от 30.11.2016). URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 05.01.2020).

12.Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации». URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/157626 (дата обращения: 05.01.2020).

13.Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.1995 N 101-ФЗ (последняя редакция). URL: https://interkomitet.ru/blog/2019/10/30/federalnyj-zakon-o-mezhdunarodnyh-dogovorah-rossijskoj-federatsii-ot-15-07-1995-n-101-fz-poslednyaya-redaktsiya/ (дата обращения: 05.01.2020).

14.Регламент Государственной Думы. URL: http://duma.gov.ru/duma/about/regulations/ (дата обращения: 05.01.2020).

15.Аверков В. Принятие внешнеполитических решений в России // Международные процессы. Май – август 2012. Т. 10. № 2 (29). URL: http://www.intertrends.ru/twenty-ninth/11.htm (дата обращения: 05.01.2020).

16.Кортунов С. В. Существует ли в России механизм координации внешнеполитических решений? URL: http://www.wpec.ru/text/200707271137.htm (дата обращения: 05.01.2020).

17.Покровский Д. С. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации во внешнеполитическом процессе: Автореф. дис. … канд. полит. наук. М., 2009. 28 с.

18.Павлов Е. Я. Конституционно-правовой механизм осуществления внешней политики Российской Федерации: Автореф. дис. … доктора юрид. наук. М., 2004. 38 с.

19.Салмин А. М. Изнанка внешней политики // Российская полития на рубеже веков (избранные статьи). К десятилетию фонда «Российский общественно-политический центр» / Глав. ред., председ. Совета А. М. Салмин. М.: Летний сад, 2001. С. 102–210.

20.Федоров Ю. Е. Движущие силы внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс] // Современные международные отношения. Учебник / Под. ред. А. В. Торкунова. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – 584 с. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/tork/17.php (дата обращения: 05.01.2020).

Когнитивно-идеологические матрицы как элемент исторической памяти: концепт и мнемонические практики

Подшибякина Т.А.
кандидат политических наук
Южный федеральный университет, доцент.
E-mail: tan5@bk.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-011-00906 А, «Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов».

Аннотация: *Работа посвящена изучению актуальной проблемы оценки протестного потенциала в среде студенческой молодежи в идеологическом контексте. Основной метод исследования: социологический опрос 2551 респондента на Юге России. В работе на основе обобщения результатов эмпирического исследования*

восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов концептуализировано понятие «когнитивно-идеологических матриц» как совокупности когнитивных контекстов и протоидеологических элементов, соединяющих знания и ценности, сочетающих открытые и скрытые мыслительные процессы. Раскрыты характерные черты когнитивно-идеологических матриц как элемента исторической памяти. Проанализированы данные опроса, связанные с репрезентацией исторической памяти и ее влиянием на современные идеологические предпочтения. На основе нарративного анализа ответов респондентов была предложена классификация мнемонической практики исторической репрезентации по критерию способов передачи памяти.

Ключевые слова: *когнитивно-идеологические матрицы, идеология, историческая память, мнемонические практики, нарратив, репрезентация.*

Cognitive-ideological matrices as an element of historical memory: Concept and mnemonic practices

Podshibyakina T.A.
Candidate of Political Sciences, South Federal University
E-mail: tan5@bk.ru

Abstract: *The work is devoted to the study of the urgent problem of assessing the protest potential among students in an ideological context. The main research method: a sociological survey of 2551 respondents in southern Russia. Based on the generalization of the results of an empirical study of the perception of modern socio-political crises by students of the South of Russia, the concept of «cognitive-ideological matrices» is conceptualized as a combination of cognitive contexts and proto-ideological elements that combine knowledge and values, combining open and hidden thought processes. The characteristic features of cognitive-ideological matrices as an element of historical memory are revealed. The survey data related to the representation of historical memory and its influence on modern ideological preferences are analyzed. Based on a narrative analysis of the respondents' answers, a classification of the mnemonic practice of historical representation was proposed according to the criterion of ways to transfer memory.*

Keywords: *cognitive-ideological matrices, ideology, historical memory, mnemonic practices, narrative, representation.*

Эмпирическая часть проекта «Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов», который мы представляем, базируется на опросе 2551 студентов в Нальчике, Пятигорске, Ростове-на-Дону, Краснодаре, Новочеркасске, Ставрополе, Астрахани. Основным аналитическим инструментом является концепт когнитивно-идеологических матриц, предложенный Поцелуевым С.П. и Константиновым М.С.: матрица - это дорефлексивная (и потому политически нейтральная) среда, в которой из элементов седиментированного социального опыта индивида формируются протоэлементы политических идеологий. «Одна из основных проблем изучения политических идеологий — подвижность, многозначность и «неуловимость» средствами традиционного социологического инструментария всех когнитивных нюансов интерпретации общественным сознанием базовых и смежных идеологических концептов, значения которых (в соответствии с концепцией М. Фридена [1]) существенно варьируются в зависимости от их периферийного окружения» [2, с. 270].

В анкету была включена группа вопросов, позволяющих эксплицировать когниции и концептуализировать понятие когнитивно-идеологической матрицы и в другом аспекте: как совокупности когнитивных контекстов и протоидеологем, соединяющих знания и ценности, сочетающих открытые и скрытые мыслительные процессы. Была высказана гипотеза, что идеологические установки являются элементом исторической памяти, изучив картину видения истории респондента, мы можем косвенно судить о его идеологических убеждениях, так как исторические знания являются рефлексивными по форме в отличие от протоэлементов политических идеологий.

Историческая память репрезентативна, поэтому в качестве метода ее исследования была выбрана нарративная методология, то есть воспроизведение последовательной и завершенной картины истории или сюжета. В одной группе вопросов было предложено завершить некий тезис, или утверждение, в другой требовалось дать прямой ответ о предпочтениях того или иного исторического деятеля или той или иной исторической эпохи. На данном этапе представлен первичный вариант анализа анкет, без обработки статистическими методами. Ниже приведены несколько вопросов, иллюстрирующих выбранные методы и распределение ответов в процентах.

Вопрос: Какие из нижеперечисленных отечественных исторических деятелей вызывают у Вас чувство симпатии, антипатии…

Наибольших симпатий удостоился Петр I (65,7%), наиболее антипатичны оказались Ельцин (39,2%) и Горбачев (34,0%), можно

заключить, что только статус реформатора, равно как и только статус сильного правителя не гарантирует положительного восприятия личности в истории (Сталина положительно оценивают 34,1%). Проследить связь предпочтений в выборе исторических личностей и современных лидеров позволил следующий вопрос:

Вопрос: Какие из нижеперечисленных современных отечественных политических деятелей вызывают у Вас чувство симпатии / антипатии

Симпатии вызывает сильный лидер (Путин, 35,2% Кадыров 26,7%), если выразить идеологические предпочтения через отношение к партийным лидерам, то малопривлекательной представляется коммунистическая идеология 9,6%, социал-демократическая 6,1%, «либерально-демократическая»19,4% и социальный либерализм 6,0%.

На примере выборки в 500 человек проанализированы ответы на следующие вопросы.

Вопрос: Укажите, какой период в истории России в наибольшей степени соответствует Вашим идеалам, представлениям о том, какой должна быть Россия?

Ответы распределились следующим образом: Российская империя 20,2%, СССР в период Сталина 19,2%, СССР в 60-80 годы, эпоха Хрушева и Брежнева 17,8%, современный период жизни, эпоха Путина 19,2%, политическая оттепель конца 50-х – начала 60-х годов 10%, период преобразований 90-х годов 6%, период перестройки 3,4%. Остальные или дали ответ «ни один из этих периодов» или затруднились ответить. Ответы респондентов свидетельствуют о предпочтениях, отдаваемых эпохе сильного лидерства и минимум положительных оценок дается историческим периодам преобразований и реформ, по сути либерального характера.

К категории нарративных относился вопрос:

Вопрос: Выберите из приведённых ниже высказываний одно из наиболее близких Вам и продолжите это высказывание применительно к современным событиям:

1. «Сила в правде: у кого правда, тот и сильней!» (Данила Багров, х/ф «Брат 2») - 25 %

2. «Человеку всегда кажется, что в его силах намного меньше, чем он может на самом деле!» (х/ф «Легенда №17») - 23,3%

3. «За державу обидно!» (Таможенник Верещагин, х/ф «Белое солнце пустыни») - 6,8 %

4. «Я не буду устанавливать правила. Я мечтатель. Я придумываю миры» (Джеймс Холлидей, х/ф «Первому игроку приготовиться (Ready Player One)») - 6,2%

5. «На войне не надо думать. Думать надо до войны. А на войне нужно выживать. А чтобы выживать — надо убивать» (Иван Ермаков, х/ф «Война»). - 4.2 %

6. «В трудные времена мудрые строят мосты, а глупцы — стены» (Т'Чалла, х,ф «Черная пантера (Black Panther)») - 18,2 %

7. «Хочу туда, где тепло и нет памяти» (Энди Дюфрейн, х/ф «Побег из Шоушенка») - 4.4 %.

8. «Вор должен сидеть в тюрьме» (Глеб Жеглов, х/ф «Место встречи изменить нельзя») -8,6 %

9. «Я скорее обману, украду или убью, но я не буду голодать!» (Скарлетт О'хара, х/ф «Унесенные ветром») - 0,9 %

10. «Я верую! Что-то произойдет! Не может не произойти, потому что за что же, в самом деле, мне послана пожизненная мука?» (Маргарита, х/ф «Мастер и Маргарита») - 2,5 %

Облако ответов в части вопроса «продолжите фразу…» выглядит следующим образом: «В современном мире мало иметь правду ее нужно еще и доказать; Богатая ресурсами страна, а люди бедные; Нужно решать проблемы в стране, а не прятать их за стеной и изоляцией; Надо верить в правду; За власть обидно! Будущее в руках человека, даже со сломанным сердцем; Не нужно держаться за былое; Каждый сам за себя; Никто не хочет ничего менять; Волшебная страна, где люди все живут в согласии и любви» … Приведенные метафоры в большей своей части эмоциональны и дают представление о тех чувствах, которые характеризуют среду, в которой вызревают протоидеологические элементы.

Результаты с точки зрения мнемонической практики исторической репрезентации можно классифицировать, на основе типов передачи памяти Дж. Олика и Питера Райхеля: «правда» (инструментально-когнитивный), рассматривается с точки зрения истинности вклада в знание, объяснения и смыслы; «эмоциональный (аффективный)», выполняющий функцию идентичности и интеграции; «аутентичный (эстетически-экспрессивный)», функция: репрезентация, воображение; «справедливость (политически-моральный)», выполняющий функцию легитимации. В нашем случае преобладает потребность в установлении правды, поиске справедливости и интеграции [3, с. 54].

Литература:

1. Freeden M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford: Oxford University Press, 2006. 592 p.

2. Константинов М. С. Когнитивно-идеологические матрицы. Политика развития, государство и мировой порядок: Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов, Москва, 6 -8 декабря 2018 г. / Под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. Издательство «Аспект Пресс», 2018. 620 с. С. 270.

3. Олик Д., Хлевнюк Д. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии //Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. №. 1. С. 54.

Идеологические ценности современной российской молодежи: по итогам эмпирического исследования

Попова О.В.
Доктор политических наук,
Санкт-Петербургский государственный университет,
заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований
E-mail: pov_64@mail.ru
E-mail: o.popova@spbu.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01184, «Потенциал молодежного политического лидерства в ходе политической социализации и циркуляции элит в российских регионах в 2010-е годы (на примере Юго-Западной Сибири и Северо-Запада РФ)».

Аннотация: *Цель статьи — предоставление актуальной информации о состоянии политического сознания и российской молодежи. Объект анализа — граждане России в возрасте от 14 до 30 лет. Предмет исследования — особенности идеологических ценностей российской молодежи, проживающей на юге Сибири и в Северо-Западной части Российской Федерации. В статье проанализированы результаты исследования массового политического сознания молодежи, проведенного весной 2019 г. в четырех регионах Российской Федерации: Алтайском крае, Ленинградской и Новосибирской областях, Санкт-Петербурге. В результате исследования выделены группы молодежи, существенно различающейся по своим идеологическим ценностям.*

Ключевые слова: *российская молодежь, политическое лидерство, политическое сознание, идеологические ценности.*

The Ideological Values of Modern Russian Youth: the Results of an Empirical Study

Popova O.V.
Doctor in Political Sciences
Petersburg State University, Professor, Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Studies
E-mail: pov_64@mail.ru
E-mail: o.popova@spbu.ru

Abstract: *The article analyzes the state of mass political consciousness of youth. The study was conducted in the spring of 2019 in four regions of the Russian Federation: Altai Kray, Leningrad and Novosibirsk Regions, and St. Petersburg. The analysis made it possible to identify groups of young people that significantly differ in their ideological values.*

Keywords: *Russian youth, political leadership, political consciousness, ideological values.*

Стало уже неким общим местом в научных публикациях на тему политического сознания российских граждан, особенно, молодежи указывать на его индифферентность, мозаичность, противоречивость, гетерогенность, «разнородность и вместе с тем определенная «разорванность» политического сознания» [1, с. 15]. Действительно, представляют интерес распространенность и плюральность, гибридизация идеологических ценностей (так называемый вариант «авторитарно-демократического сознания»), и такого феномена, как их «конгломератность, эклектизм, разорванность, разлом, дезинтеграция» [1, с. 16]. Исследователи делают выводы о том, что «молодежь слабо сегментирована по идейно-мировоззренческим основаниям, что приводит к появлению «идеологической всеядности» со стороны объекта социализации и монополизма частных политических сил» [2, с. 53].

Опрос 2019 г. (личное полустандартизованное интервью, 4 региона, объем выборки 1000 респондентов, контроль по полу, возрасту, образованию, региону и типу повеления) показал, что способны отрефлексировать и высказать что-то конкретное и достаточно точное по поводу своих политических убеждений около 2/3 респондентов. Оценили свои взгляды как социал-демократические 15,6%, как либеральные 13,9%. Считают себя носителями коммунистических убеждений 6,0, консервативных взглядов — 4,4%. В наличии у себя элементов националистических взглядов согласились признаться только 3,0%, анархистских — 1,6%, еще 1 процент отметил вариант «другие взгляды». Каждый пятый представитель молодежи (19,7%) осознает, что является носителем смешанных политических убеждений.

Не имеют, по их представлениям, никаких политических взглядов 24,5%, затруднились ответить на вопрос 10,3% респондентов. Таким образом, более трети молодежи действительно не способно оценить свои политические убеждения более-менее точно.

Однако отсутствие саморефлексии по поводу политических взглядов отнюдь не означает отсутствия их, равно как и заложенных в

основание политического сознания молодежи идеологических ценностей.

Идеологическая ценность — это совокупность значимых для индивидов идей, имеющих отношение к определенной идеологии с точки зрения их смыслового наполнения.

Набор тестируемых в рамках эмпирического исследования идеологических ценностей может существенно различаться. Например, Н.М. Назаров на основании контент-анализа СМИ выделял следующие ценности, на наличие которых и следует тестировать сознание российских граждан: «патриотизм, права человека; социальная справедливость и равенство; демократия и свобода; интернационализм; общественный порядок; общественное самоуправление; социализм; безопасность; державность (возвращение России статуса сверхдержавы); национальная гордость; религия, религиозные традиции; духовность» [3, с. 66].

Мы использовали иной набор ценностей (см. таблицы 1 и 2).

Наше исследование показало следующее распределение ответов молодежи на вопрос о значимости различных идеологических ценностей (таблица 1).

Предрасположенность молодежи к либеральным ценностям можно оценить по совпадению положительных оценок ценностей 1, 5, 6, 9. Примерно 50% опрошенных положительно относятся к либеральным ценностям. Группа молодежи с показателем высокой приверженности либеральным ценностям составляет 22,5% (все 4 ценности были оценены как очень важные). Количество молодежи, позитивно относящейся к консервативным ценностям, можно определить по положительному отношению к ценностям 2, 4, 8, что составляет около 46% респондентов.

Таблица 1. Отношение респондентов к идеологическим ценностям, 2019 г., % по строке

	Не важно абсолютно	Скорее, не важно	В чем-то важно, в чем-то нет	Скорее, важно	Очень важно	Затрудняюсь ответить	Всего
1. свобода	2,3	1,6	9,0	22,8	62,7	1,6	100,0
2. сохранение традиций	5,2	9,7	31,4	26,3	25,3	2,1	100,0

3. справедли-вость	2,5	1,3	9,4	24,2	60,4	2,2	100,0
4. порядок	2,1	2,6	11,0	29,5	52,8	2,0	100,0
5. права человека	2,4	1,7	7,7	21,2	64,0	3,0	100,0
6. реформы в обществе	2,4	6,8	30,9	30,5	23,3	6,1	100,0
7. интересы Вашей этнической группы	6,3	12,2	30,8	23,2	19,3	8,2	100,0
8. интересы государства	5,9	10,8	31,7	27,7	19,2	4,7	100,0
9. интересы отдельных граждан	5,4	10,9	28,6	27,5	22,5	5,1	100,0

Величина группы с показателями высокой приверженности либеральным ценностям составляет 19,2%. Ориентация на этатистские взгляды может быть определена на основании положительных оценок суждений 3, 4, 8 и составляет примерно 46%, однако совпадение у респондентов всех трех ценностей не превышает 19%. Ориентация на интересы прежде всего своей собственной этнической группы не может, конечно, рассматриваться как оценка склонности к национализму. Отношение к этому суждению фиксирует не идеологическую ценность, а установку, косвенным образом говорит нам об уровне этнической идентичности. Суммарно интересы «своей» этнической группы значимы для 42,5% молодежи, очень значимы для 19,3% респондентов.

Пожалуй, более интересным и, главное, результативным для выявления системы идеологических ценностей молодежи является косвенная система индикаторов, когда они выявляются по реакции респондентов на нормы, принципы организации жизни государства.

Таблица 2. Отношение респондентов к принципам организации жизни в государстве, 2019 г., % по строке

	Согласен абсолютно	Скорее, согласен	В чем-то согласен, в чем-то нет	Скорее, не согласен	Не согласен абсолютно	Затрудняюсь ответить	Всего
1. Государство должно следить только за выполнением законов, а все остальное — частное дело людей, которые в нем живут	12,6	17,0	30,7	18,8	17,1	3,8	100,0
2. Законы в государстве — для простых людей	10,0	12,7	19,6	15,3	37,7	4,7	100,0
3. Вполне нормально, что у нас в России есть очень богатые люди	19,5	22,2	29,4	12,4	11,4	5,1	100,0
4. Государство должно обеспечивать всем гражданам без исключения достойный уровень жизни	50,6	21,5	16,9	6,2	2,6	2,2	100,0
5. Доходы всех людей должны быть равными	8,5	11,5	32,1	25,5	19,4	3,0	100,0
6. Государство должно контролировать	12,8	12,7	25,9	20,6	23,6	4,4	100,0

все сферы жизни людей							
7. Должны быть созданы все условия для личных достижений	43,3	30,7	16,3	3,6	3,2	2,9	100,0
8. В государстве все люди, в том числе и чиновники, и олигархи, должны быть равны перед законом	74,1	10,1	8,5	1,4	3,1	2,8	100,0
9. Люди должны сами обеспечивать себе достойный уровень жизни	18,9	23,4	43,8	6,1	4,5	3,3	100,0

Положительные оценки (согласие с высказыванием) 1, 8 и 9 суждений характеризуют предрасположенность к либеральному сознанию. Ориентировочно им обладает около 30% молодежи, однако фиксация вариантов ответов с полным согласием показывает, что эта группа составляет около 12,6% респондентов.

Долю молодежи, ориентирующейся на коммунистические идеи в их уравнительном варианте, можно вычислить по совпадению реакции на суждения 3, 4, 5 и 6. Анализ показывает, что потенциально не более 20% молодежи могут поддержать коммунистическую идеологию.

Положительная реакция на суждения 2, 6 и 7 позволяет выделить молодежь с этатистским сознанием с потенциальной склонностью к идеям тоталитаризма. Можно утверждать, что около 25% молодых людей в обществе в настоящее обладают потенциалом симпатии к тоталитарным идеям.

О патерналистских установках молодежи в отношении государства можно судить по реакции на суждения 4 и 7. Результат получился достаточно тревожным. Около 70% молодежи, хотя она и декларирует значимость личной независимости и ориентацию на либеральные идеи, имеет явную склонность к патерналистскому отношению к государству, ожидая социальной защиты и помощи и различных гарантий от этого института.

Дополнительное тестирование гипотезы о корректности оценки идеологических ценностей респондентов на основе их положительной

реакции на вопросы о принципах организации жизни государства нашли свое подтверждение и в использовании косвенной техники, когда испытуемым предлагается выбрать предпочтительный для их жизни тип государства.

В целом уровень саморефлексии по поводу предпочтительного типа государства для проживания оказался не очень высоким: никогда об этом не думали или затруднились ответить 19,2%, думают, что это для них совершенно несущественно, 3,6% респондентов. Тем не менее, организованное на либеральных принципах государство позитивно оценивает 16,7% молодежи, на социал-демократических (тип скандинавских стран) — 16,6%. Основанное на классической консервативной идеологии государство вызывает симпатию 4,7%, ориентировано на социалистическое (по образцу СССР) государство 4,2%. Наконец, приемлемым для проживания государством с явно выраженной националистической идеологией назвали 3,4% респондентов. Почти треть опрошенной молодежи (31,6%) заявила, что ее не устраивает ни один из предложенных вариантов.

Есть серьезные проблемы с интерпретацией полученных данных. Четко выделяются группы либералов и коммунистов. Можно согласиться с тем, что «либералы в сравнении с коммунистами намного больше ценят, как известно, свободу и намного меньше — порядок … обращает на себя внимание равнозначная ориентация на свободу и порядок у либералов и практическое отсутствие ориентации на свободу у коммунистов» [1, с. 19]. Четко прослеживается наличие не только этатистских, но и патерналистских идей в политическом сознании молодежи. Наблюдается определенный раскол политических взглядов молодежи вследствие отсутствия у некоторых групп консенсуса по базовым идеологическим ценностям.

Литература:

1. Поливаева Н.П. Актуальное состояние политического сознания россиян: гетерогенность vs гомогенность? // Власть. 2014. № 12. С. 15–21.

2. Трущева А.А. Возможности и ограничение влияния ценностей КПРФ на социализацию молодежи в России // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3 (63). Т. 3. С. 50–53.

3. Назаров Н.М. К вопросу о политико-идеологических представлений россиян // Власть. 2014. № 5. С. 65–70.

Островной мир Северной Пацифики, как «контактная зона»: этно-конфессиональный аспект (на примере Сахалина и Курильских островов)

Потапова Н. В.
Доктор исторических наук,
Сахалинский государственный университет,
профессор кафедры российской и всеобщей истории
E-mail: napotapova@yandex.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-011-00496 А.

Аннотация: *В статье исследуются особенности этно-конфессиональных процессов на островных территориях Северной Пацифики на материалах Сахалина и Курильских островов в ретроспективе и на современном этапе. Выявляется связь особенностей географического, геополитического положения островов, военно-политической истории региона и этнической и конфессиональной истории островной территории. Выявляются этапы развития этно-конфессиональной ситуации в регионе. Рассматривается возникновение принципиально новой миграционной ситуации на современном этапе, которая характеризуется изменениями этно-конфессиональной палитры островов, не обусловленными их «контактным» положением в Северной Пацифике. Делается вывод о наступлении нового этапа формирования этно-конфессиональной истории на островах, предопределённого, с одной стороны, геополитической стабильностью, наступившей после 1945 г., а с другой стороны – процессами экономической глобализации, развернувшимися в мире в начале XXI века.*

Ключевые слова: *Северная Пацифика, Сахалин, Курильские острова, религия, этнос, миграция, «контактная зона».*

The island world of the North Pacific as a «contact zone»: ethno-confessional aspect (on the example of Sakhalin and the Kuril Islands)

Potapova N. V.
Doctor in History
Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk
Professor, Department of Russian and World History
E-mail: napotapova@yandex.ru

Abstract: *The article studies the features of ethno-confessional processes in the island territories of the North Pacific based on the materials of Sakhalin and the Kuril Islands in retrospect and at the present stage. A connection is revealed between the peculiarities of the geographical and geopolitical position of the islands, the military-political history of the region, and the ethnic and religious history of the island territory. The stages of development of the ethno-confessional situation in the region are revealed. The article considers the emergence of a fundamentally new migration situation at the present stage, which is characterized by changes in the ethno-confessional palette of the islands, not due to its «contact» position in the North Pacific. It is concluded that a new stage in the formation of ethno-confessional history on the islands has come, predetermined, on the one hand, by geopolitical stability that began after 1945, and on the other hand, by the processes of economic globalization that unfolded in the world at the beginning of the 21st century*

Keywords: *North Pacific, Sakhalin, Kuril Islands, religion, ethnos, migration, «contact zone».*

Островной мир Северной Пацифики исторически является «контактной зоной», зоной перехода от суши к морю, которая характеризуются «высокой эклектикой этнического и культурного характера» [1, с. 66; 2; 3]. Он включает в себя Сахалин и Курильские острова, составляющие сегодня Сахалинскую область Российской Федерации – единственный её субъект, расположенный на островах.

Геополитические вызовы, военно-политическая история региона во второй половине XIX-XX вв. предопределили специфику этно-конфессиональных процессов на исследуемых островах Северной Пацифики. В период Нового и Новейшего времени они стали ареной соперничества относящихся к «периферии» расширяющейся капиталистической мир-системы Российской и Японской империй. Результатом его были российско-японские договоры – Симодский (1855 г.), по которому Сахалин оставался неразделённым, а Курильские острова были разделены по проливу между островами Уруп и Итуруп, южная часть гряды отошла к Японии, а северная – к России; Петербургский (1875 г.), который передал весь Сахалин Российской империи в обмен на Северные Курильские острова, отошедшие к Японии. По Портсмутскому мирному договору 1905 г., по результатам Русско-японской войны Сахалин был разделен по 50 параллели, южная часть острова отошла к Японской империи. Коренные изменения в геополитической системе мира, ставшие следствием Первой мировой войны повлияли и на судьбу островов: в 1920-25 гг. Япония, воспользовавшись слабостью молодого социалистического государства

и надеясь установить свою геополитическую гегемонию в Сибири и Дальнем Востоке России, в ходе интервенции, оккупирует Северный Сахалин. И, наконец, в 1945 г. в результате победы СССР во Второй мировой войне, завершающим этапом которой стала Советско-японская война, Курильские острова и Южный Сахалин были возвращены России (РСФСР, СССР).

Немногочисленное коренное население Сахалина и Курильских островов, к моменту прихода сюда русских и японцев составляли: сахалинские и курильские («мохнатые») айны (Курильские острова и юг Сахалина); уйльта – (центральная часть Сахалина); нивхи (север Сахалина). Традиционный уклад хозяйственной, культурной, духовной жизни (языческие верования) коренного населения островов, оказавшись под натиском двух империй, постепенно разрушались.

Курильские айны со второй половины XVIII в. становятся объектом миссионерской активности со стороны Русской православной церкви. Миссионеры продвигались с Камчатки, первыми были крещены айны северных островов – Шумшу и Парамушира. После 1875 г. часть православных курильских айнов переселилась на Камчатку, часть – часть перешла в японское подданство, позднее они были переселены южнее, на Шикотан, где началось их физическое вымирание, но куда изредка мог добираться священник-миссионер от Японской православной церкви. Впрочем, японизация курильских айнов была очевидной уже в конце XIX в. [4, с. 33-39].

Заселение Сахалина россиянами начинается в середине XIX в. Избрав каторжный тип колонизации с 1869 г. с целью закрепления его за Россией, правительство предопределило своеобразие его этно-конфессиональной ситуации. Складывается гетерогенная, полиэтничная и поликонфессиональная общность. Представители всех национальностей и религий заселяли остров одновременно, поэтому ни одна из них не может претендовать на большую традиционность, нежели иные. Меньшая часть населения Сахалина в этот период – военные, гражданские и тюремные чиновники (добровольная миграция); большая часть – каторжане и ссыльно-поселенцы (в определённом смысле - вынужденная, принудительная миграция), выходцы из различных губерний и областей империи. Достигнувшее максимального значения 37 057 в 1903 г., население каторжного острова представляло православие, ислам, католичество, старообрядчество, лютеранство, иудаизм, буддизм и др. Пропорции и соотношение их было иным, нежели в других регионах: доля православного населения была ниже, чем в других частях империи, было много мусульман и католиков [5; 6, с. 114-192]. Одним из основных направлений деятельности сахалинских православных

священников была миссия среди язычников. Их усилия в этом направлении успехом не увенчались – крещения айнов и нивхов были единичными, уйльта, крестились охотно, но не отказывались и от своих языческих традиций.

После передачи Японии южной части острова в 1905 г. приток переселенцев из Японии, и нацеленность переселенческой компании на формирование здесь старожильческого японского населения, способствовал не только быстрому экономическому развитию, но и быстрой японизации этно-конфессионального пространства Карафуто. В этот процесс оказались вовлечены айны, оставшиеся на юге острова. Здесь остаются некоторые русские – группа старообрядцев благополучно просуществовала, пополняясь перебежчиками через границу, до 1945 г., Из центральной Японии (Токио), на Карафуто заходит миссия Японской православной церкви, католические и протестантские миссионеры. Японские храмы на острове начали возводить ещё в XVIII в. На Карафуто было синтоистских 128 и буддистских – 93 храма [7].

В период японской оккупации севера Сахалина (1920-1925 гг.) восстановилось единство островного конфессионального пространства – католическая церковь Японии распространила свой контроль на католиков северной части острова, Японская православная церковь действует на юге, беспрепятственно функционируют и приходы севера, появляются первые евангельские общины, благодаря деятельности миссионеров из г. Николаевска.

На советском Северном Сахалине до начала 1930-х гг. евангельские общины пополнялись за счет прибывающих по вербовке на заработки (добровольная трудовая миграция) из различных районов страны. Антирелигиозная политика, «великий перелом» 1929 г., изменения в религиозном законодательстве, укрепление дальневосточных границ, репрессивные компании 1932-38 гг., привели к закрытию всех храмов (православные, католический, мечеть). Фронтирное, разделённое состояние острова преимущественное основание для репрессий по религиозным причинам: обвинение в шпионаже в пользу Японии.

После 1945 г. Южный Сахалин включается в состав РСФСР, с репатриацией японского населения, священнослужители японцы (синтоистские, буддистские, протестантские), поляки (католические) также были репатриированы, храмы закрыты, часть – переданы под культурные или хозяйственные нужды, часть – разрушены. Айны выехали с Сахалина вместе с японцами, корейское население Карафуто наоборот, не было вывезено с острова и осталось здесь, составив

своеобразный этнический компонент. Старообрядцы южного Сахалина были репрессированы новой властью.

С началом масштабной переселенческой компании, юг острова заселялся советскими людьми, некоторые из них были приверженцами православия, создававшими небольшие незарегистрированные группы. Поддерживать «безрелигиозную» ситуацию на островах помогал статус закрытой пограничной зоны. Исключением была община евангельских христиан-баптистов (ЕХБ) г. Александровск-Сахалинский, зарегистрированная в 1945-1960 гг. В 1981-1985 гг. власти легализуют общины ЕХБ, христиан веры евангельской пятидесятников и адвентистов седьмого дня г. Южно-Сахалинска. С 1989 г. наблюдается всплеск религиозности. Отмена статуса пограничной зоны в 1991 г., «контактность» островной территории предопределила активную деятельность в регионе миссионеров из Южной Кореи (преимущественно) и Японии в условиях либерального законодательства о религии начала 1990-х гг. и создание ими религиозных организаций (католической, протестантских, бахаи).

В глобализующемся мире, в новой миграционной ситуации островной регион в этно-конфессиональном измерении выходит на новый этап истории, очевидными характеристиками которого являются: 1) депопуляция, естественная убыль и миграция насе¬ления Сахалинской области, отток коренных сахалинцев, славян и корейского населения на историческую родину, приверженцев, либо потенциальной паствы христианских церквей; 2) в регион активно прибывают мигранты, преи¬мущественно из стран Средней Азии (Киргизии, Таджикистана и Узбекистана) с целью осуществления трудовой деятельности, мусульмане.

Население Сахалинской области снизилось с 715 333 в 1991 г. до 487 293 человек в 2016 г. [8, с. 61]. Сегодня на терри¬тории области проживают представители более 100 национальностей. Перепись 2010 г. к «населению наиболее многочисленных национальностей» региона отнесла русских (409786 - 86,5 % населения), корейцев (24993 - 5,3 %), украинцев (12136 - 2,6 %), татар (4880 – 1 %) [9]. Остальные национальности представлены менее 1%, в том числе – коренные малочислен¬ные народы Севера (нивхи, нанайцы, эвенки, уйльта). В то же время в 2014 г. на 490 тыс. человек населения области приходилось более 52 тыс. мигрантов [10, с. 207]. К концу 2019 г. в островном регионе заре¬гистрировано 140 религиозных организа¬ций, в том числе 72 православные, 63 про¬тестантские, 1 католическая, 1 исламская, 1 буддийская и 1 организация бахаи [11]. Все организации, кроме исламской не имеют «этнической привязки», миссионерская деятельность среди коренных народов активно ведется христианскими

церквями. Сегодня страны Дальнего Востока (Япония, Республика Корея) не оказывают какого-либо заметного влияния на религиозную и этническую жизнь островов за исключением создания в 2010 г. буддийской религиозной организации «Риссё Ксэй-кай», визитов миссионеров и некоторых бизнес-проектов, имеющих религиозную подоплеку.

Итак, во второй половине XIX–XX вв. развитие этно-конфессиональной ситуации на островах было связано с внешними, геополитическими и военно-политическими обстоятельствами, и такими внутренними причинами, как необходимость освоения островных территорий, мобилизационный характер экономической системы. Стабилизация геополитической ситуации на островах после 1945 г. и выход мир-системы на новый этап развития (глобализация) приводят к тому, что на рубеже XX–XXI в. новым фактором, меняющим этно-конфессиональную картину и разбивающим представление о том, что фронтирность определяет особенности жизни «контактного» региона, стали процессы, связанные с трудовой миграцией из стран Средней Азии, в ходе которых происходят принципиальные и малоизученные пока изменения в этно-конфессиональной палитре островов.

Литература:

1. Василевский А.А. Особенности историко-культурных процессов в зоне перехода от материковой к островной суше (о. Сахалин, эпоха первобытности) // Краеведческий бюллетень. 1993. № 4. С. 66-74.

2. История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия: учебное пособие для студентов высших учебных заведений региона по специальности «история» / М.С. Высоков, А.А. Василевский, А.И. Костанов, М.И. Ищенко. Отв. ред. д.и.н. М.С. Высоков. Южно-Сахалинск, 2008. 712 с.

3. Василевский А.А., Потапова Н.В. Очерки истории Курильских островов. Т.1. Южно-Сахалинск, 2017. 416 с.

4. Архимандрит Сергий (Страгородский). По Японии (записки миссионера). М: Крутицкое Патриаршее Подворье, Общество любителей церковной истории, 1998. 229 с.

5. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Остров Сахалин. Т. LXXVII. Тетр. 2. СПб., 1904. 69 с.

6. Потапова Н.В. Вероисповедная политика Российской империи и религиозная жизнь Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Сахалина): монография. Южно-Сахалинск, изд-во СахГУ, 2009. 316 с.

7. Самарин И.А. Синтоистские храмы Карафуто // Вестник сахалинского музея. №5. Южно-Сахалинск, 1999. С. 156-203

8. Потапова Н.В. Народы Сахалинской области сегодня // Народы Сахалинской области: Сборник статей / Сост. П.А. Павликова. Южно-Сахалинск: ООО «Карт-Пласт», 2019. С. 61-85

9. Всероссийская перепись населения 2010. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.

10. Коньков А.Т. Проблема интеграции этнических мигрантов на Дальнем Востоке России и её особенности в Сахалинской области // Вестник Московского ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2015. № 1. С. 206-220.

11. Реестр Министерства Юстиции РФ. URL: http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx.

Кризис как проекция когнитивно-идеологической матрицы: по материалам социологического исследования студенческой молодежи Юга России

Поцелуев С. П.
доктор политических наук
Южный федеральный университет, профессор
E-mail: spotselu@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00906а, «Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов».

Аннотация: *Целью данной статьи является истолкование различий между результатами, с одной стороны, групповых интервью, а с другой – анкетирования в ходе исследования когнитивно-идеологических матриц студенческого сознания при восприятии социальных кризисов. Рассматривая когнитивно-идеологические матрицы студенческого сознания на уровне идеологем и идеологических концептов, автор показывает, каким образом различия между этими уровнями существенно влияют на характер оценки студентами социальных проблем и кризисного потенциала российского общества. Автор подчеркивает, что метод группового интервью, значимый для экспозиции идеологемного уровня идеологической матрицы, оказывается недостаточным для выявления матричной функции идеологических концептов. В частности, на*

уровне идеологем оказалось невозможно определить, в какой степени кризисной видят студенты ситуацию в России, и какие именно проблемы они считают самыми опасными. С другой стороны, те вопросы, которые в групповом интервью недооценивались, оказались релевантными по итогам анкетного опроса.

Ключевые слова: *когнитивно-идеологическая матрица, идеологема, концепт, групповое интервью, кризис, Россия.*

Crisis as a projection of the cognitive-ideological matrix: based on the materials of a sociological study of students in the South of Russia

Potseluev S. P.
Doctor of political science,
Southern Federal University, professor
E-mail: spotselu@mail.ru

Abstract: *The purpose of this article is to interpret the differences between the results of group interviews, on the one hand, and questionnaires, on the other, in the study of cognitive-ideological matrices of student consciousness in the perception of social crises. Considering the cognitive-ideological matrices of student consciousness at the level of ideologemes and ideological concepts, the author shows how the differences between these levels significantly affect the nature of students ' assessment of social problems as well as the crisis potential of Russian society. The author argues that the group interview method, which is significant for the exposition of the ideological level of the ideological matrix, is insufficient to identify the matrix function of ideological concepts. In particular, at the level of ideologemes, it was impossible to determine the extent to which students see the situation in Russia as a crisis, and which problems they consider the most dangerous. On the other hand, the questions that were underestimated in the group interview turned out to be relevant according to the results of the questionnaire.*

Keywords: *cognitive-ideological matrix, ideologeme, concept, group interview, crisis, Russia.*

Данная статья посвящена первым итогам научного проекта на тему «Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов», реализуемого при поддержке РФФИ учеными Южного федерального университета в период 2018-2020 годов. География проведенного в рамках данного проекта социологического опроса охватывала студенческую молодежь Юга России, а именно, учащихся университетов Ростова-на-Дону, Новочеркасска, Нальчика, Пятигорска, Астрахани, Ставрополя и Краснодара. Опрос был проведен

осенью 2019 г. и охватил 2551 респондента. Анкетированию предшествовала серия свободных групповых интервью, проведенных в ряде университетов г. Ростова-на-Дону. Эти интервью призваны были помочь авторам проекта в составлении опросной анкеты: необходимо было выяснить, хотя бы в первом приближении, как оценивают студенты кризисный потенциал российского общества, какие проблемы они считают наиболее серьезными и на каком языке они их выражают.

Прежде чем перейти к толкованию некоторых результатов проведенного исследования, поясним суть самого концепта когнитивно-идеологических матриц.

Данное понятие есть попытка преодолеть дилемму, перед которой часто оказывается исследователь молодежного дискурса: либо он должен зафиксировать последовательную приверженность респондентов определенной политической идеологии, либо сделать вывод об идеологической нейтральности (деполитизированности) их сознания. Но зачастую имеет место нечто третье: сознание респондентов «кишит» различными идеологемами как репрезентациями идеологий в языке, причем не только вербальном. В этом смысле сознание никогда не бывает стерильным в идеологическом смысле, однако определить его приверженность конкретной идеологии не всегда представляется возможным, особенно в ходе стандартного социологического исследования. В современной социологии этот проблемный момент выражается в понятиях «спирали молчания» (Э. Ноэль-Нойман) и «фальсификации предпочтений» (Т. Куран), и в релевантности этих понятий автор вместе со своими коллегами убедился в ходе прошлых исследований идеологического дискурса студенческой молодежи [1, с. 53, 271].

Но если не подгонять фактические идеологические аттитюды респондентов под известные идеологические «измы», тогда надо конкретизировать понятие идеологии как живого процесса когниции. Понятие *когнитивно-идеологической матрицы* призвано выполнить как раз эту задачу.

Такая матрица рождает идеологические смыслы, причем это порождение есть процесс с несколькими уровнями. Целесообразно в когнитивно-идеологической матрице, как минимум, отличать уровень идеологем от уровня концептов. В зависимости от этих уровней меняется и само понятие матрицы, точнее, лежащие в основе этого понятия исходные концептуальные метафоры.

На уровне идеологем (как смысловых «свободных радикалов» идеологии, выражаемых в языке, но не схваченных его конкретным знаком) когнитивно-идеологическая матрица трактуется по аналогии с понятием матрицы в физике – как нейтральная среда, в которой

помещены изолированные активные частицы (идеологемы) с целью предотвращения их взаимодействия между собой и с окружающей идейной средой. Однако по мере повышения градуса социальных взаимодействий (к примеру, в условиях приближающегося или наступившего социального кризиса), когнитивная среда, окружающая идеологемы, перестает быть нейтральной. Начинается связывание идеологем в идеологические концепты и концептные нарративы (то есть, рассказываемые и связываемые концептами истории, лежащие в основе политических идеологий). На этом уровне функция когнитивно-идеологической матрицы больше похожа на работу типографской матрицы, когда констелляция идеологических концептов служит моделью для серийного производства идеологических смыслов (на индивидуальном и коллективном уровне). В этом случае, по словам британского политического философа Майкла Фридена, «идеология определяет значения содержащихся в ней политических концептов, собирая их в образец-шаблон (pattern), который связывает их с другими конкретными концептами» [3, p. 54].

Когда в проекции на какой-то вопрос активируется только идеологемно-когнитивная матрица в сознании респондента, последний либо затрудняется отвечать на этот вопрос, либо дает тавтологии и контрадикции в виде ответа. Такое часто можно было наблюдать в ходе групповых интервью с ростовскими студентами. Вот пример рассуждения одного из респондентов: «Сложно судить о том, насколько положение России во всех сферах сейчас стабильное – проблем у нас достаточно много. И не все они решаются. Но ничего светлого явно не предвидится. Ожидания здесь напрасны, нужно ждать худшего, но надеяться на лучшее». В основе этих общих фраз лежит тавтология: проблемы есть проблемы – что тут скажешь?

Примером контрадикции может быть следующее рассуждение одного из наших респондентов: «Является ли пенсионная реформа проблемой для молодых людей нашего возраста? Это как посмотреть. Нужно учитывать разное положение и ситуации людей. Например, некоторые пенсионеры помимо того, что сами должны прожить на свою пенсию, при этом могут содержать на нее и ещё кого-то из своих близких – детей, внуков. Хотя пенсии у них при этом небольшие». В этом пассаже слеплены взаимоисключающие сентенции: с одной стороны, оспаривается драматизм последствий пенсионной реформы, а с другой – она изображается как средство ухудшения и без драматичного социального положения.

Когда идеологемная когнитивная матрица сменяется концептной, она реализует такое важное свойство идеологии, как символическое программирование требований и ожиданий людей. Американский

политолог Мюррей Эдельман полвека тому назад писал, что идеология способна на политическое «чудо»: решать социальные проблемы, не решая их, но убеждая людей в том, что это никакие не проблемы. Либо наоборот, показывая в качестве проблемы то, что ею отнюдь не является [2, с. 18].

Такую работу концептно-когнитивной матрицы можно социологически измерить по шкале, показывающей степень озабоченности той или иной темой. В материалах проведенных нами интервью были очевидны подобные градации в оценках общего положения в стране. В одних случаях матрица только расставляет акценты («Нас больше волнуют социальные проблемы»), зато в других – формирует политические оценки («Нужно пожертвовать внешней политикой, чтобы улучшить внутреннюю политику, улучшить экономику»).

Вопреки нашим ожиданиям, студенты обнаружили заметное равнодушие к теме пенсионной реформы, столь активно обсуждавшейся в публичном медийном пространстве 2019 года. Из интервью также создавалось впечатление, что студенческая аудитория:

- не характеризует положение в России, главным образом, в терминах кризиса. Превалировало мнение: «Возможно, в России и не так уж всё плохо. А, возможно, это только лишь утешение. Но, однозначно, мы живём не хуже всех».
- рассматривает социальную поляризацию как естественное явление социальной жизни. Одно из типичных мнений: «Социальное расслоение было и будет. Просто кто-то умеет зарабатывать, а кто-то нет. Лично я, в отличие от моих коллег, считаю, что возможности есть всегда и у всех. Всегда были богатые и бедные люди, в принципе и сейчас такая же ситуация».
- оценивает коррупцию как неизбежную и вторичную проблему российской действительности. Приведем только два характерных высказывания: 1) «Очень сложно представить Россию без коррупции, это будет очень нескоро, должно пройти несколько поколений. Коррупция – это неотъемлемая часть нашей сегодняшней жизни»; 2) «Коррупция – это следствие более крупных внутригосударственных проблем: проблемы управления, отсутствия гражданского общества как такового ...».

Все эти (и подобные им) пункты необходимо было проверить в ходе анкетного опроса. Что же он выяснил? Первым сюрпризом оказалась оценка общего положения в стране: две трети респондентов охарактеризовали его как кризисное или предкризисное. См. таб. 1.

Таб 1. Как бы Вы оценили экономическое состояние России?

№ п/п	Варианты ответов	Частота	Процент
1	Имеет положительную динамику	96	3,8
2	Устойчивое	433	17,0
3	Предкризисное	821	32,2
4	Кризисное	858	33,6
5	Затрудняюсь ответить	343	13,4
6	Итого	2551	100,0

Вопреки впечатлению по результатам интервью, около трети респондентов считают резкое социальное расслоение и нищету населения одной из самых опасных проблем современной России. Это же касается и ряда особенностей российской экономики (см. Таб.2). С другой стороны, анкетный опрос подтвердил выявленное в ходе интервью относительное равнодушие студентов к таким проблемным темам, как пенсионная реформа, низкая рождаемость и миграционный отток населения за рубеж.

Таб 2. Какие из нынешних социально-экономических проблем России представляются Вам наиболее опасными для будущего страны?

№ п/п	Варианты ответа	Частота	Процент
1	Зависимость от «нефтяной иглы», нестабильный рубль, задавленный малый бизнес, коррупция	794	31,1
2	Резкое социальное расслоение и нищета значительной части российского населения	805	31,6
3	Отсутствие возможности для значительной части россиянин получить нормальное образование, медицинское обслуживание и правовую защиту	371	14,5
4	Повышение пенсионного возраста при невысокой продолжительности жизни	197	7,7
5	Сокращение населения страны из-за низкой рождаемости и оттока населения за рубеж	56	2,2

6	Другое	122	4,8
7	Затрудняюсь ответить	206	8,1
8	Итого	2551	100,0

Не подтвердил анкетный опрос и мнимую «легкомысленность» участников интервью относительно проблемы коррупции: почти 40% (!) респондентов назвали ее в качестве наиболее опасной для будущего России.

Примечательно, что значительное число респондентов озабочены отсутствием в стране конструктивной политической оппозиции и гражданского общества. Важно также отметить относительно небольшой процент затруднившихся с ответами на эти вопросы - в районе 12 %. В любом случае, аполитичными наших студентов не назовешь. Другое дело, что квалифицировать их идеологические установки в терминах известных «измов» представляется делом нетривиальным, однако обсуждение этого вопроса уже выходит за рамки данной статьи.

Упомянутые различия в результатах группового интервью и анкетирования мы объясняем, прежде всего, различием самого инструментария: интервью позволяет лучше раскрыть идеологемный уровень когнитивной идеологической матрицы, тогда как анкета – уровень ее концептов.

Литература:

1. Игры на идеологической периферии. Праворадикальные установки студенческой молодежи Ростовской области / С.П. Поцелуев, М.С. Константинов, П.Н. Лукичев и др. / отв. ред. С.П. Поцелуев. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. 396 с.

2. Edelman M. Politik als Ritual: die symbolische Funktion staatlicher Institutionen und politischen Handelns. Frankfurt am Main; New York: Campus Verlag, 1990. 202 S.

3. Freeden M. Ideology: A Very Short Introduction. New York: Oxford University Press, 2003. 160 p.

Информационная прозрачность и её роль в глобализирующемся мире

Пронина Е. Е.
доктор филологических наук,
МГУ имени М.В. Ломоносова, ф-т журналистики, профессор
E-mail: pronina.elena@gmail.com

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 12-06-00059а.

Аннотация: *В статье бурные события первого двадцатилетия XXI века рассматриваются как манифестации глубинных изменений в обществе и психологии человека, обусловленных новыми информационными технологиями. Показано, что обострение информационных войн и борьба между «новыми» и «старыми» медиа знаменуют назревшее противоречие между «административными тисками» и потребностями в свободном обмене информацией. Анализируются пути разрешения противоречия и важная роль адекватного осмысления проблемы учеными в продвижении ценностей коммуникативной открытости (прозрачности) и информационной безопасности.*

Ключевые слова: *коммуникативная открытость, прозрачность, журналистика, информационная безопасность, новые медиа, персональные медиа.*

Information transparency and its role in the globalizing world

Pronina E. E.
DSc. in Philology, PhD in Psychology
Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, Professor
E-mail: pronina.elena@gmail.com

Abstract: *The article considers the turbulent events of the first twenty years of the twenty-first century as manifestations of deep changes in society and human psychology caused by new information technologies. It is shown that the aggravation of information wars and the struggle between «new» and «old» media mark a contradiction between «administrative clutches» and the need for free exchange of information. The author analyzes the ways to resolve the contradiction*

and the important role of adequate understanding of the problem by scientists in promoting the values of communicative openness (transparency) and information security.

Keywords: *communication openness, transparency, journalism, information security, new media, personal media*

В этом году человечество вступило в третье десятилетие XXI века, и, значит, можно подводить своеобразные итоги «начала века». За это время произошло множество событий и перемен, которые, казалось, невозможно было предсказать. Теракт 11 сентября 2001 года, кровопролитная война в Ираке (2003-2011), общемировой финансовый кризис (2008 г.), Арабская весна, волнения в крупнейших государствах Ближнего Востока (2011-2012), падение политических режимов в Тунисе, Египте, Ливии, борьба с ИГИЛ, война в Сирии, превращение Украины во враждебное России государство, Брекзит… – список политических событий, каждое из которых само по себе могло бы изменить мир, кажется бесконечным. Но это в известном смысле лишь «протуберанцы» тех глубоких изменений, которые происходят в самом обществе и, без преувеличения, затронули основы современной цивилизации. Наибольшим изменениям подверглась сфера массовой коммуникации, производство и трансляция информации. К началу XXI века термин «информационное общество» уже настолько прочно вошел в лексикон ученых и политиков, что в 2006 году генеральная Ассамблея ООН даже провозгласила один из весенних дней (17 мая) Международным днём информационного общества.

Процесс изменения пошел еще быстрее с появлением технологии web 2.0 (2005 г.), которая вовлекла рядовых пользователей в активный обмен информацией, дав им возможность не только участвовать в коллективных проектах (википроекты, социальные сети), но и создавать собственные медиаканалы и собственный контент (блоги, Youtube-, telegram-каналы и т.д.). Массовая аудитория превратилась в массового коммуникатора. Новые медиа стали успешно конкурировать с традиционными, серьезно потеснив их в информационном пространстве. Аудитория уже не рассматривает традиционные СМИ ни в качестве источника информации [1], ни в качестве средства проверки информации. Благодаря альтернативным медиа аудитория постепенно переходит к самоинформированию, число подписчиков какого-нибудь личного блога может многократно превышать аудиторию именитых изданий с длительной историей. Борьба между «новыми» (созданными самим

пользователями) и «старыми» (институциональными) медиа чрезвычайно обострилась. Это уже не вопрос формата или удобства получения информации, это борьба, которая собственно и меняет мир и человека. Институциональные СМИ утрачивают монополию на информацию и вместе с ней и свою власть над аудиторией. Можно и сегодня доказывать, что главной функцией журналистики была и остается пропаганда [2, 3], но аудитория получила возможность выбирать, а это в корне меняет дело. В этих условиях пропагандистские модели только приближают кончину тех СМИ, которые пытаются их использовать. «Вряд ли люди, облеченные представительной властью, откажутся от массового средства управления электоратом. Однако отказаться может как раз сам электорат» [4, с. 243]. Эти слова, сказанные еще в 1998 году, до эпохи web 2.0, полностью подтвердились.

Это не означает, что битва выиграна. Напротив, она только нарастает. «Информационная война», которую ведут различные политические институты (государства, партии, организации) с помощью подконтрольных СМИ, набирает обороты. Эта война находит обоснования и оправдания в новейших теориях. Так, в 2016 году издательство Oxford Dictionaries назвало лексему post-truth (постправда) «словом года», т.е. наиболее актуальным и важным понятием современности. При этом его значение оксфордские лексикографы определили как: «Relating to or denoting circumstances in which objective facts are less influential in shaping public opinion than appeals to emotion and personal belief (*Имеющее отношение или обозначающее обстоятельства, при которых объективные факты имеют меньшее влияние на формирование общественного мнения, чем апелляция к эмоциям и убеждениям человека*)» [5]. Если сократить определение, то окажется, что постправда – это попытка воздействовать на «эмоции и убеждения человека» в обход «объективных фактов». Однако составители словаря сочли нужным закамуфлировать это значение обтекаемостью формулировки. Таким образом, политтехнологические ухищрения были объявлены особой формой правды. Тут же возникли попытки «научно» объяснить игнорирование фактов отсутствием возможности их проверить или существованием «альтернативных», то есть взаимно противоположных фактов. Серьезные исследователи вновь заговорили о непознаваемости мира и относительности истины, и т.д. и т.п. Сиднейский университет даже инициировал новое направление исследований Post Truth Inintiative, ставящее своей задачей рассмотрение проблемы постправды в современном

общественном дискурсе [6]. В ходе обсуждений и дискуссий, в частности, утверждалось, что «факты - это социальные конструкции. ... особый вид социально сконструированной сущности» и что «любой, кто знаком с творчеством Томаса Куна, Мишеля Фуко или Людвига Витгенштейна, знает, что факты всегда можно оспорить» [7]. Таким образом, нашлось и гносеологическое подтверждение того, что правды на самом деле нет.

Вместе с попытками научного обоснования и оправдания постправды (пропаганды), ведется яростная борьба с «фейковыми новостями», главным источником которых объявляется Интернет, социальные сети и персональные блоги. Во всяком случае именно физические лица становятся первой и преимущественной мишенью правоприменительной практики подобных законов. Совершенно очевидно, что пропагандистов на самом деле не интересует степень достоверности информации, их беспокоит существование альтернативных средств коммуникации и воодушевляет только возможность ограничить их свободу, и теория вредоносности фейков здесь очень подходит. Вот почему так легко забывается истина, что лучшее средство от обмана — не запрет, а знание, обеспечиваемое свободным доступом к информации и независимым мышлением. Именно свободный доступ к информации быстрее всего дезактивирует любой обман или продуманную информационную атаку [8]. В этой связи, считает один из известных исследователей информационной прозрачности Марк Фенстер, даже риск ошибки имеет позитивный смысл: «утечки, ошибки и открытые источники – все это пути выхода из информационных тисков правительства» [9]. И поскольку полностью элиминировать такие источники невозможно, «постоянная, длительная секретность любого рода и в любой степени является дорогостоящей и труднодостижимой» [9].

Борьба за доступность и открытость информации, принимающая глобальные масштабы (примером чему служат отчаянно дерзкие акции Anonymous, беспрецедентная деятельность Wikileaks, потрясшие мир разоблачения Сноудена и т.д.), свидетельствует о том, что речь идет не о ситуативных протестах и частных проблемах, а о фундаментальной антиномии, которая станет настоящим камнем преткновения на пути дальнейшего социально-политического, культурного и экономического развития мира до тех пор, пока не будет должным образом разрешена.

Осмысление проблемы идет по разным направлениям. И в то время как одни исследователи «создают видимость

респектабельности репрессивной реакции» [10] и ищут обоснования для ограничения свободы распространения информации в интернете, другие, «опровергая истерику статистиков, демонстрируют огромный позитивный потенциал сетевых социальных сил» [11].

Малая эффективность борьбы за коммуникативную открытость (прозрачность), о чем говорят многие исследователи, в значительной степени объясняется «информационной асимметрией, создаваемой административной системой» [10]. Поскольку такая асимметрия во многом имеет онтологическую природу, решения проблемы невозможно ждать от самой административной системы. И это ясно было уже в конце XX века в преддверии грядущих битв сторонников и противников коммуникативной открытости: «Нет достаточных оснований надеяться, будто созданные по инициативе Государственной Думы или, наоборот, Правительства, сенаторов-губернаторов или, наоборот, оппозиционных партий, попечительские, наблюдательные, координационные или какие другие квазиобщественные советы при редакциях способны сами по себе гарантировать коммуникационную открытость или информационную безопасность. Во-первых, потому что люди, входящие в них, наделяются правом своего рода внешней власти, вопреки логике свободы слова и природе прессы, которую даже К. Маркс рассматривал как «материальное воплощение свободы духа». Во-вторых, потому что не предусматривается никаких форм личной ответственности за финансовые, конституционные и духовные последствия, к которым могут привести их решения, рекомендации или одно только присутствие в коммуникативном поле социума» [4, с. 243]. В качестве решения проблемы в той давней статье 1998 года рассматривались два гипотетических условия: 1) эмансипация средств массовой информации от борьбы за власть и 2) работа исследователей над проблемами информационной безопасности, разоблачение ловушек и уловок пропаганды, создание «коллективных средств защиты от информационного гипноза: контрпропагандистские статьи и книги, профессиональная критика публицистики, полемика между учеными и журналистами, интерактивные справочные системы» [4, с.247]. Тогда же высказывалось предположение, что хотя с точки зрения классической теории журналистики эмансипация средств массовой информации от борьбы за власть невозможна, она может начаться снизу. Сегодня, когда начало века уже отшумело, мы можем сказать, что мало кем предсказанное появление персональных СМИ и

зарождение гражданской журналистики и есть то самое «решение снизу», потому что доступ к коммуникации получили те, кто стремится не к власти, а к правде, а также потому, что сам человек под влиянием личных медиа изменился [13].

Что же касается второго условия, то в плане научного осмысления проблемы коммуникативной открытости (прозрачности) как раз мало что изменилось. Академическое сообщество по-прежнему находится в ловушке антиномии. Под давлением спонсоров, тревожных опасений и инерции мышления кто-то даже пытается реабилитировать понятие пропаганды, обосновывая его то «демократическими» [14], то «рыночными» [15] требованиями. Между тем, как справедливо считают Karatzogianni A. и Robinson A., грамотный и адекватный научный анализ оказывает значительное влияние на баланс сил и может ускорить становление мира, в котором «неприкосновенность личности защищена и социальная справедливость, солидарность и прозрачность реализуются в свободных и открытых социальных сетях» [11].

Литература:

1. Лосева Н. Аудитория новых медиа. // Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016 (под ред. Балмаевой С., Лукиной М.). Екатеринбург: Гуманитарный университет [Электронный ресурс]. URL: http://newme- dia2016.digital-books.ru/wp-content/uploads/2016/06/New-Media-2016.pdf (дата обращения: 02.10.2019).

2. Баранова Е. А. Медиаконвергенция как системообразующий фактор трансформации института СМИ: автореф. дисс. на соискание уч. степени доктора филол. наук. М.: РУДН, 2019.

3. Минаева О. Д. Советская пресса: информация или пропаганда? // Журналистика и формирование образов прошлого и настоящего: проблемы, эффекты, прогнозы. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Архангельск, 7–8 декабря 2018. Архангельск: САФУ, 2018. С. 27–32.

4. Пронин Е.И., Пронина Е.Е. Коммуникативная открытость и информационная безопасность. //International conference on media, communication and the open society. Abstracts. 12-15 ноября 1998. М., МГУ, 1998. С.243-247 URL: https://studfile.net/preview/7479513/page:11/.

5. Oxford Dictionaries [Электронный ресурс]. URL: https://en.oxforddictionaries.com/definition/post-truth, свободный.

6. Post Truth Initiative. [Электронный ресурс]. URL: https://posttruthinitiative.org/.

7. Wight C. A. Robert De Niro Theory of Post-Truth: ‘Are you talking tome?’ // The conversation [Электронный ресурс]. URL: http:// theconversation.com/a-robert-de-niro-theory-of-post-truth-are-you-talking- to-me-87606.

8. Пронина Е. Е. Правда в стиле fake: к вопросу о достоверности // Медиаисследования 2019 / под ред. Т. А. Семилет, И. В. Фотиевой. Издательство Алтайского государственного университета Барнаул, 2019. С. 365–374.

9. Mark Fenster, The Implausibility of Secrecy.// 65 Hastings Law Journal. Vol. 65. 214. P. 309 – 363. (2014). [Электронный ресурс]. URL: http://scholarship.law.ufl.edu/facultypub/347.

10. Fenster M. The Transparency Fix: Advocating Legal Rights and Their Alternatives in The Pursuit of a Visible State // University of Pittsburgh Law Review. 2012. Vol. 73. P. 443–503.

11. Karatzogianni A. & Robinson A. Digital Prometheus: WikiLeaks, the State-Network Dichotomy, and the Antinomies of Academic Reason. [Электронный ресурс]. URL: https://works.bepress.com/athina_karatzogianni/15/.

12. Peled R. WikiLeaks as a Transparency Hard-Case. [Электронный ресурс]. URL: https://academia.edu/resource/work/2926724.

13. Пронин Е. И., Пронина Е. Е. Медиапсихология: новейшие информационные технологии и феномен человека // Общественные науки и современность. 2013. № 2. С. 151–162.

14. Иванищева О. Н. Двойные стандарты пропаганды и объективность журналистики // Журналистика и формирование образов прошлого и настоящего: проблемы, эффекты, прогнозы. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Архангельск, 7–8 декабря 2018. Архангельск: САФУ, 2018. С. 41–43.

15. Волин А. Выступление на Международной конференции «Журналистика в 2012 году» на факультете журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова. 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/video/preview?filmId=14077744797727730282&textАлексей+Волин&from=tabbar&parent-reqid=1570965067971665-360807460021428000300107-man1-4277 (дата обращения: 02.10.2019).

Механизмы формирования межнационального согласия в полиэтничном регионе

Пуртова В. С.
БУ ВО Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Сургутский государственный университет», старший преподаватель
E-mail: *viktoriya-purtova@yandex.ru*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-411- 860001 р_а, «Формирование гражданской идентичности как ресурс межнационального согласия в регионе».

Аннотация: *В статье описываются предпосылки формирования полиэтничного общества в Ханты-Мансийском автономном округе, а также дается анализ факторов сопровождающих данные процессы. Отмечается, что трудовая миграция постсоветского периода имеет качественно иной характер по сравнению с миграционной ситуацией в регионе в советский период. Следовательно, миграционная привлекательность региона возводит в ранг приоритетных задач для региональной власти поиск механизмов сохранения общественно-политической стабильности и ресурсов формирования межнационального согласия. Таковым является система принятых на региональном уровне нормативных и правовых документов, а также серия мероприятий регионального значения, направленных на формирование гражданской идентичности и межэтнического согласия. Анализ данных социологических исследований межэтнической ситуации в регионе позволяет дать положительную оценку усилиям, предпринимаемым региональной властью.*

Ключевые слова: *межнациональное согласие, гражданская идентичность, межнациональные отношения, региональная идентичность.*

Policy of Interethnic Accord Formation in Multi-ethnic Region

Purtova V. S.
Surgut State University, educator
E-mail: *viktoriya-purtova@yandex.ru*

Abstract: *The article describes the background for the formation of a multi-ethnic society in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug, as well as*

an analysis of the factors accompanying these processes. It is noted that the labor migration of the post-Soviet period has a qualitatively different character compared to the one of the Soviet period. Consequently, the migration attractiveness of the region brings up the search for regional policy for maintaining socio-political stability and resources for the formation of interethnic accord to the rank of priority tasks for regional authorities. Such is the system of normative and legal documents enacted at the regional level, as well as a series of events of regional significance aimed at the formation of civic identity and interethnic accord. Analysis of the data of interethnic situation sociological surveys in the region allows us to give a positive assessment to the efforts undertaken by the regional authorities.

Keywords: *interethnic accord, civic identity, interethnic relations, regional identity.*

Ханты-Мансийский автономный округ является крупнейшим нефтегазоносным регионом страны. Предприятия автономного округа своей деятельностью формируют существенную часть российской экономики: около 7,5 % промышленного производства и 15,1 % доходов государственного бюджета [1].

Этнокультурная особенность ХМАО – исключительное разнообразие социального, национального и религиозного состава населения, а также наличие коренных малочисленных народов Севера со специфическими традиционными институтами. На территории автономного округа, насчитывающего около 1 млн. 627 тыс. человек, проживают представители 124 национальностей. Сохранение на территории Югры общественно-политической стабильности, в том числе, межнационального мира и согласия – задача стратегического характера.

Межнациональное согласие в определении известного российского исследователя Л.М. Дробижевой понимается как «благоприятные межэтнические отношения, готовность взаимодействовать с людьми иных национальностей в деловой и неформальных сферах общения, регулировать противоречия в диалоговой форме. Это также межличностное и межгрупповое доверие, согласованные ценностные ориентации, общее «видение мира», способность людей жить в сложном, дифференцированном мире, слышать друг друга и взаимодействовать на основе доминирующего доверия, равноправия и справедливости» [2, с. 3].

В.В. Топорков понимает межнациональное согласие, как «феномен состояния общественного сознания, представляющего собой внешнее выражение весьма глубокого явления, относящегося к самим устоям жизни любого многонационального общества, поскольку всякое

общество людей – это целостный социальный организм, имеющий свое самосознание, свое «мы» [3, с. 15]. При этом оба исследователя указывают на тесную связь понятия с категорией «гражданская идентичность» и отмечают консолидирующий ресурс последней в межэтнических отношениях.

Исходя из данной позиции, под межнациональным согласием мы понимаем внутренне непротиворечивое состояние межэтнических отношений, возникающее в процессе деятельности политических акторов по противодействию идеологии и практике национализма и интеграции национальных и этнических групп в новую общность на основе объективных общих интересов и гражданской (наднациональной) идентичности.

Сохранение в исторической памяти населения округа традиций межнационального сотрудничества, заложенных в эпоху «освоения» Западной Сибири являлось фактором, позитивно влияющим на формирование межнациональных отношений в Югре. Президент РФ В.В. Путин на выездном заседании Совета при Президенте по межнациональным отношениям в Ханты-Мансийске 26 октября 2018 г. справедливо отметил, что «в его освоении и развитии участвовали люди самых разных национальностей со всех уголков нашей большой страны. Работали, дружили, создавали семьи. Это действительно очень яркий пример межнациональной гармонии, которой, безусловно, все мы можем, должны гордиться – и гордимся этим [4].

Несмотря на исторически сложившиеся добрососедские отношения между народами, населяющими округ, серьезным испытаниям сфера межнациональных отношений в стране и в округе подверглась в связи с распадом Советского Союза. Масштабная трансформация политического, экономического и культурно-ценностного устройства общества не могла не затронуть этнополитическую сферу.

Национальный состав населения округа в постсоветский период развития государства претерпел заметные изменения по сравнению с советским периодом. Сравнительный анализ данных Всесоюзной (1989 г.) и Всероссийской (2010 г.) переписей показывает, что неизменными остались доли только самых больших этнокультурных групп – русских (66% в 1989г. и 68% в 2010 г.) и татар и башкир (по 10% в 1989 г. и в 2010 г.). Почти в 2 раза уменьшилась доля славянских народов (украинцев и белорусов), и напротив, почти в 3 раза увеличилась доля народов Северного Кавказа (с 2% в 1989 году до 6% в 2010 году). Значительно выросло присутствие в регионе представителей народов Средней Азии (с 0,2% в 1989 году до 2% в 2010 году). Более 96% из общего количества въехавших на территорию автономного округа

составляют выходцы из Таджикистана – 32%, Узбекистана – 25%, Украины – 14%, Кыргызстана – 10% и Азербайджана – 7,3%.

По сравнению с трудовой миграцией советского периода, когда в округ ехали квалифицированные кадры, ситуация в современной миграции иностранных рабочих в округ качественно иная. Современные мигранты, как правило, не определяют для себя первостепенной целью постоянное проживание в округе, а следовательно, не возникает и идентификации себя как жителя региона или города. Временные цели зарабатывания денег и возвращения на родину приводят к, не желанию входить в этнокультурный социум региона, изучать русский язык и культуру народов, проживающих рядом с ними. Это делает их «чужаками» в сознании большей части жителей автономного округа, приводя к повышению уровня этно- и мигрантофобии в обществе.

Региональные власти также отмечают, что для жителей ХМАО-Югры фактор миграции выходит сегодня на первый план как оказывающий существенное влияние на межнациональную и межконфессиональную напряженность в автономном округе и требующий дополнительных мер по социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов [5].

В этих условиях формирование региональной гражданской идентичности в качестве основного средства достижения межнационального согласия остается важнейшим направлением национальной политики в автономном округе.

Основополагающим документом в этом направлении стала, принятая в 2016 г., »Стратегия реализации государственной национальной политики Российской Федерации в Ханты-Мансийском автономном округе - Югре на период до 2025 года. Важным инструментом ее реализации является региональный стандарт по реализации государственной национальной политики и профилактики экстремизма. Другим документом стало создание модельной муниципальной программы «Укрепление межнационального и межконфессионального согласия, профилактика экстремизма».

В поисках отправной точкой реализации символической политики, направленной на формирование региональной общегражданской идентичности, власти округа обратилась к историческим корням. Важной вехой стало празднование в 2018 году 900-летия первого упоминания Югры в русских исторических летописях. Приуроченные к этому событию мероприятия в течение 2018 года – яркий пример реализации опыта работы по укреплению межнационального согласия, формирования гражданской и региональной идентичности в рамках символической политики. На

территории автономного округа был реализован масштабный социально-информационный проект по сохранению историко-культурного наследия «Многовековая Югра.

В логике данного подхода конструирования региональной и гражданской идентичности получил поддержку окружного правительства и другой не менее масштабный проект по созданию 8-ми томного издания академической истории Югры под эгидой Института российской истории РАН с привлечением регионального научного сообщества.

Вопрос самопрезентации и позиционирования региона на внутреннем, макрорегиональном, национальном и международном уровнях также не остался без внимания. Результатом, инициированного региональной властью и некоммерческими организациями, форума по брендингу и маркетингу Югры в ноябре 2018 года стала «Концепция развития территориального маркетинга и брендинга в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре до 2025 года». Авторы концепции усматривают ее задачи в формировании у населения установок соотнесения региональной и общегражданской идентичности: «Я – часть Югры, территории успеха и благосостояния», «Я – Югра – Россия», «Я живу в Югре, я живу в России», «Мы одна команда, созидающая на благо Югры и России» [6].

Проведение регулярного социологического мониторинга ситуации в межэтнических отношениях по раннему предупреждению конфликтности и формированию межнационального согласия также можно рассматривать как один из важных факторов, обеспечивающих успешную работу в данном направлении. Методология мониторинга была разработана под эгидой Института социологии РАН, а само исследование осуществляется под научным руководством известного этносоциолога Л.М. Дробижевой. В 2018 г. межэтнические отношения положительно оценили 86,7% респондентов. В 2019 г., выступая с докладом по итогам следующего этапа, Л.М. Дробижева отметила, что есть «очень заметная положительная динамика в сравнении с федеральными опросами 2018 г. и в самом ХМАО в сравнении с 2018 г. Доля оценивающих отношения как напряженные – 14% – не расходится с общероссийской» [7, с. 2].

Оценка эффективности перечисленных выше практик, направленных на достижение межнационального согласия в регионе путем формирования гражданской (региональной) идентичности, стала целью проведенного нами социологического опроса в марте-мае 2018 г. Были выделены группы факторов, выступающие предпосылками межнационального согласия в регионе:

1) Общий социально-экономический фон, как благоприятный или неблагоприятный для межнационального согласия.

2) Ощущение гражданами характера актуальных межнациональных отношений и отсутствия дискриминации по национальному признаку.

3) Оценка усилий политических институтов, направленных на гармонизацию этих отношений.

По результатам исследования, муниципальные образования, в которых проводилось исследование, были распределены, по трем кластерам: с низким, средним и высоким уровнями межнационального согласия [8]. Исследование показало, что основным фактором формирования межнационального согласия в муниципалитетах следует считать успешность формирования региональной идентичности. Население муниципалитетов, в которых уделяется достаточно большое внимание краеведению, а также формированию у граждан чувства сопричастности к делам местного сообщества, дает положительную оценку межэтнической ситуации.

Следовательно, разработанные на региональном уровне механизмы формирования межэтнического согласия можно рассматривать как достаточно эффективные и требующие консолидации всего регионального сообщества по их дальнейшему осуществлению с учетом лучших муниципальных практик.

Литература:

1. Ханты-Мансийский автономный округ-Югра. Общие сведения. Экономика. [Электронный ресурс] // Единый официальный сайт государственных органов. URL: http://www.admhmao.ru/ob-okruge/obshchie-svedeniya/ekonomika/.

2. Дробижева Л.М. Гражданская идентичность как ресурс межнационального согласия: сегодня и завтра // Материалы VII международной социологической Грушинской конференции «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях», 15–16 марта 2017 г. / Отв. ред. А. В. Кулешова. М.: АО ВЦИОМ, 2017. С. 1073-1076.

3. Топорков В.В. Формирование межнационального согласия в Республике Саха (Якутия): Автореф. дис. ... канд. политол. наук: 23.00.02. М., 1997. 20 с.

4. Стенографический отчёт о заседании Совета при президенте по межнациональным отношениям [Электронный

ресурс] // Официальный сетевой ресурс Президента России. URL: http://kremlin.ru/events/ president/news/ 58922.

5. Стратегия реализации государственной национальной политики Российской Федерации в Ханты-Мансийском автономном округе - Югре на период до 2025 года (с изменениями на 08.02.2019). [Электронный ресурс] // Единый официальный сайт государственных органов. URL: https://deppolitiki.admhmao.ru/obshchestvennye-slushaniya-i-publichnye-obsuzhdeniya/obshchestvennaya-ekspertiza/599378/regionalnaya-strategiya-gosudarstvennoy-natsionalnoy-politiki-rossiyskoy-federatsii-v-khanty-mansiys.

6. Концепция развития территориального маркетинга и брендинга в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре до 2025 года [Электронный ресурс] // Единый официальный сайт государственных органов. URL: https://admhmao.ru/dokumenty/proekty-pravitelstva/documents.php?sid=71474&bid=740&pid=&eid=2004483=&eid=2004483.

7. Дробижева Л.М. Доклад на совместное заседание Координационного совета по делам национально-культурных автономий и взаимодействию с религиозными объединениями при Правительстве Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Межведомственной комиссии Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по противодействию экстремистской деятельности. [Электронный ресурс] // Единый официальный сайт государственных органов. URL: https://deppolitiki.admhmao.ru/upload/iblock/e4c/Doklad-Drobizhevoy-L.M.-prilozhenie-7.docx.

8. Мартынов М.Ю., Пуртова В.С. Концепт межнационального согласия в исследованиях состояния межэтнических отношений в регионе (на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры) [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2019. №4. URL: https://evestnik-mgou.ru/ru/articles/doc/981.

Воссоединение Крыма с Россией и новые модели политики цивилизационной реинтеграции

Расторгуев В. Н.
доктор философских наук,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
профессор кафедры философии политики и права философского факультета

E-mail: rv1812@yandex.ru

Аннотация. *Строительство Европейского союза во многом предопределено историей его создания и положенными в основу проекта концепциями, которые предусматривали негативную солидаризацию перед лицом общего врага. Одна из них – концепция графа Р. Куденхове-Калерги, создателя Панъевропейского союза как одной из наиболее деятельных организаций, взявшей на себя еще в середине 20-х годов прошлого века роль «конструкторского бюро» Единой Европы. В докладе используются эксклюзивная информация об обсуждении этой темы на заседаниях Панъевропейского союза в Праге. Особое внимание уделяется современной геополитической ситуации, требующей пересмотра базовых стратегий с учетом новых акторов мировой политики, в качестве которых выступают страны-цивилизации и прежде всего Россия, предлагающая после воссоединения Крыма новые модели политики цивилизационной реинтеграции.*

Ключевые слова: *Панъевропейский союз, цивилизационная реинтеграция, европейское строительство, крымский выбор.*

Reunification of Crimea with Russia and new models of civilizational reintegration policy

Rastorguev V.N.
doctor of philosophical science,
Professor, Department of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy Moscow State University named after M.V. Lomonosov
E-mail: rv1812@yandex.ru

Abstract: *The construction of the European Union is largely predetermined by the history of its creation and the concepts underlying the project, which provided for negative solidarity in the face of a common*

enemy. One of them is the concept of Count R. Kudenhove-Kalergi, the creator of the Pan-European Union as one of the most active organizations, which assumed the role of the "design bureau" of United Europe in the mid-1920s. The article uses exclusive information about the discussion of this topic at the meetings of the Pan-European Union in Prague. Particular attention is paid to the current geopolitical situation, which requires a review of basic strategies, taking into account the new actors in world politics, which are the civilization countries and, above all, Russia, which after the reunification of Crimea offers new models of the policy of civilizational reintegration.

***Keywords**: Pan-European Union, civilizational reintegration, European construction, Crimean choice.*

Когда мы говорим о русской цивилизации, то по логике вещей вынуждены задумываться и о реинтеграционной политике нашей страны, поскольку русская цивилизация не ограничивается пространством Российской Федерации. Судьбоносным событием на этом пути стала Крымская весна. По сути, воссоединение Крыма – это и есть реализованная, действующая Стратегия российской реинтеграции, но стратегия особая – нигде и никем ещё не прописанная, не нашедшая отражения в действующем законодательстве. Но она уже работает, ее поддерживает абсолютное большинство крымчан и почти все граждане России! Наша задача заключается в том, чтобы эту стратегию, имеющую массу преимуществ по отношению к альтернативным стратегиям, максимально поддержать и заложить серьёзный научно-аналитический фундамент. В этой связи очень важный аспект, который основатель цивилизационной теории Николай Яковлевич Данилевский называл историческим синхронизмом или совпадением роковых событий. Дело в том, что реинтеграция Крыма наполняется новым смыслом на фоне парада роковых событий, которыми был ознаменован переход России и мира в Третье тысячелетие от Рождества Христова.

Остановимся только на нескольких событийных рядах, непосредственно связанных с отношениями между Россией и Европой. Увы, по значимости выделяются по преимуществу истории войн, побед и поражений. Самое прискорбное заключается в том, что воевали между собой христианские, а иногда и православные, славянские страны. И первый по значимости событийный ряд – 2010-2020 годы. 2010 год – 65-летие, а 2020 – 75-летие со дня Победы в Великой Отечественной войне. Этот период особо важен, т.к. живы герои войны, ставшей едва ли не главным основанием гражданской

самоидентификации народов России. И каждый день перед нами проходит хроника той войны, которая почти у каждой семьи в России отняла близких, а также хроника освободительной европейской миссии России, что позволило ценою невиданных жертв восстановить суверенитеты тех европейских народов и государств, которые сегодня сообща создают единую Европу.

Вслед за этим придется детально вспоминать о событиях другой великой войны. 2012-2014 годы – двухсотлетие со дня «Нашествия двунадесяти языков», как раньше называли Великую освободительную миссию России в начале XIX века, Отечественную войну 1812 года. Тогда точно так же русские войска платили своей кровью за освобождение европейских государств. Суть урока этой войны проста, но принимается с трудом: общими врагами и России, и Европы были силы, стремившиеся столкнуть Европу и Россию, как бы эти силы себя не позиционировали тогда и ныне. В силу многих обстоятельств и, прежде всего, политических интриг, нежелания учиться на собственных ошибках этот союз стал антироссийским и до сих пор сохраняет в себе эту гибельную для самой Европы направленность. Уже при Наполеоне (во многом, кстати, против его воли) и после его падения Европа превратилась в анти-Россию, а Россия в глазах европейцев – в анти-Европу.

Третий событийный ряд – 2012-2013 годы – столетие балканских войн, их хроника. История вновь и вновь давала нам уроки, свидетельствующие о пагубности межцивизационных войн и об особых рисках, связанных с противостоянием между православными государствами. Как известно, Первая Балканская война – война коалиции (Балканского союза) Сербии, Болгарии, Черногории и Греции против Турции. Эта война стала прелюдией ко Второй Балканской войне – столкновению коалиции и примкнувшим к ней Турции и Румынии уже против Болгарии. Отсюда вытекают тяжелейшие последствия и для Европы и для России, обернувшиеся в итоге глобальной катастрофой - началом Первой мировой войны, которая, как не без основания считают многие мыслители нашего времени, не закончилась и по сей день, усугубив разделение Европы и России. Многие исследователи приходят к выводу, что и Вторая мировая война – продолжение Первой в новом историческом контексте, с новыми геополитическими акторами, но на том же театре боевых действий и с еще более чудовищными и невосполнимыми жертвами для европейцев и россиян.

На это наслаивается еще один событийный ряд – это 2010-2012 годы – период, когда мы отмечали 400-летие спасения России, ключ к которому – национальное единство, обретенное на краю гибели. И

конечно, событийный ряд, мимо которого нельзя пройти, - 2013-2017 годы. Речь идет о столетии со дня взлета династии Романовых (в 1913 году с невиданным размахом отмечался 300-летний юбилей Дома Романовых) и о трагическом пути династии к гибели, которая произошла на фоне мировой катастрофы и крушения основных европейских империй. Среди целей войн и революций – сознательное уничтожение самих цивилизационных основ «старого мира», превращение Европы и России в расчищенную «стройплощадку», пригодную для реализации геополитических проектов.

Отсутствие единой и общепринятой панъевропейской версии в стратегии построения Европейского союза одновременно свидетельствует и о слабости идеи, заложенной в основу этого грандиозного проекта, и о её скрытом потенциале. Слабость проявляется в том, что многообразие подходов и принципов разделило адептов пан-Европы на федералистов, унионистов и функционалистов, а также сторонников так называемых смешанных моделей. У каждой из этих версий своя история, свои предтечи и противники, а главное – своя система аргументации и особые критерии оценки. Вряд ли кто-нибудь может взять сегодня на себя роль третейского судьи, поскольку в конечном итоге выбор будет сделан не политиками и не «яйцеголовыми», а народами Европы. И в это заключен потенциал идеи строительства. Думается, что главная особенность замысла ЕС, заложенного в проекте одного из «главных конструкторов» Единой Европы Р. Куденхове-Калерги, состояла в том, что ему как никому другому удалось соединить два начала. Во-первых, это мощный импульс, который только и способен объединить «шайку разбойников» в единый союз – образ общего врага. В тот период (седина 20-х годов прошлого века) основные угрозы исходили от шовинистической истерии в лагере победителей и побежденных, что и стало фактором, породившим позднее германский нацизм. Не меньшие угрозы были, по его мнению, скрыты в реальной возможности объединения стран, назначенных государствами-победителями изгоями (Германия и Россия) и перспективы раздела Европы в случае новой мировой войны, где победителем может быть, как считал Куденхове-Калерги, только Россия. Во-вторых, главное в концепции – её ярко выраженное проектное начало, что и позволило пройти ей путь от чистой утопии до реальной стратегии. Сегодня стоит вопрос о том, что необходимо сделать, чтобы не допустить перерождения частично реализованного проекта и не передать его в руки поджигателей новой мировой войны?

Следует заметить, что автор этого доклада дважды выступал в качестве приглашённого гостя на заседаниях Панъевропейского союза – организации, созданной Куденхове-Калерги как конструкторское

бюро ЕС. И во время одного их докладов, вызвавших одобрение у аудитории, было предложено переформулировать это вопрос: «Что могут европейцы, как и граждане России совместно сделать после того, что мы уже сотворили с культурами народов и судьбами миллионов людей? Как выстроить систему приоритетов?» Совместная работа над Панъевропейским проектом – это и есть ключевой политический вопрос наших дней. А Россия, определяя сегодня стратегию долгосрочных отношений с Евросоюзом в контексте Евразийского проекта, определяет и нечто большее – модель собственного развития на историческую перспективу. Но если мы с уверенностью говорим, что стратегия России в значительной степени будет предопределена выбором европейцев, то не вызывает сомнений и другой факт: стратегия новой Европы обречена вновь превратиться в утопию, если не будет найден общий алгоритм продвижения к этому проекту подлинно единой Европы и обновленной России. Разумеется, мы отдаем себе отчет в том, что в политтехнологическом отношении эта задача трудно осуществима, хотя Россия и является членом Совета Европы. Слишком многое сделано на пути деструкции, слишком глубокая рана была нанесена по цивилизационному стержню Российского государства – по единству его славянского государствообразующего этноса и слишком масштабны последствия превращения Украины в разменную карту на пути создания «русофобского буфера» из славянских государств Европы. Мешают и факторы, связанные с особенностью бюрократических механизмов Брюсселя и Москвы, а также, конечно, с внешним влиянием, в числе которых недостаточная самостоятельность и подконтрольность центров принятия решений в ЕС.

Тот факт, что Европа легко идет на колоссальный риск, конструируя свой самообраз, как и сто лет назад, через образ врага в лице России, объясняется достаточно просто. Во-первых, генетически заложенным в культурный код и массовое сознание страхом перед огромной империей, которая, по словам Куденхове-Калерги, при любом исходе возродится (этот страх был многократно усилен реальной угрозой мировой революции, исходившей из России, где уничтожение христианской европейской традиции шло куда энергичнее, чем это делали радикальные либералы на Западе). А во-вторых, прямо противоположной установкой. Эта установка – глубоко спрятанная в подсознании образованного европейца уверенность в безопасности, соседствующая со страхом перед Россией, которая за всю историю ни разу не выступала как захватчик. К тому же Россия была и останется носительницей европейской культуры в ее высших и традиционных проявлениях. При этом доминирует надежда на то, что

процесс демократического обновления России по западному образцу будет необратим.

Последний тезис, к сожалению, вызывает большое сомнение. Степень принудительной, идущей извне изоляции и уровень реальной военной угрозы, исходящей от «управляемой Европы», способны в короткое время качественно изменить исторический выбор России и нанести непоправимый удар по безопасности (в первую очередь – энергетической) всего европейского мира. Стратегия, построенная по принципу «Европа – это анти-Россия», наверное, имела право на существование во времена Куденхове-Калерги, поскольку сама Россия долго была анти-Россией (направленность политического курса на истребление основ Русской цивилизации в пользу глобалистского проекта мировой революции). Но для того, чтобы быть хорошим политиком, иногда надо быть выше самой политики, поскольку политика – не самоцель, а инструмент. Это касается, в первую очередь, потенциала цивилизационного подхода.

Эволюция экономической политики Республики Узбекистан в 1991-2016 гг.: от плана к протекционизму

Рахматуллаев Ш.М.
Кандидат исторических наук
Институт истории Академии наук Республики Узбекистан,
старший научный сотрудник
E-mail: s_muhammad@mail.ru

Аннотация: *В статье анализируется специфика эволюции экономической политики Узбекистана в эпоху правления первого Президента страны – И. Каримова. Акцентируется внимание на условиях и издержках стратегии экономических преобразований. Рассматриваются особенности формирования и усиления протекционизма в ходе поэтапного перехода к рыночным отношениям.*

Ключевые слова: *импортозамещение, конкурентоспособность, монополия, протекционизм, Узбекистан, экономика, экспортоориентация.*

Evolution of the economic policy of the Republic of Uzbekistan in 1991-2016: from plan to protectionism

Rakhmatullaev Sh. M.

Candidate of history Institute of history of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, senior researcher
E-mail: s_muhammad@mail.ru

Abstract: *The article analyzes the specifics of the evolution of economic policy of Uzbekistan in the era of the reign of the first President of the country - I. Karimov. The focus is on the conditions and costs of the economic transformation strategy. Features of the formation and strengthening of protectionism during the phased transition to market relations.*

Keywords: *import substitution, competitiveness, monopoly, protectionism, Uzbekistan, economy, export orientation.*

Начало 1990-х годов явилось временем дискуссий о путях и методах, о темпах и сроках структурного обновления. Особенно острая полемика развернулась в определении подходов к процессам трансформации планово-распорядительной системы в рыночную, многоукладную: либерально-монетаристская (или «революционная») и «эволюционная».

Начало новой эпохи на всем постсоциалистическом пространстве не оставили без «внимания» влиятельные международные организации, особенно международные финансовые институты, преследующие, прежде всего, интересы их основателей – развитых стран. Они «стали активно содействовать», пытаясь влиять на преобразовательные процессы и ход реформ, предоставляя правительствам рекомендации по осуществлению перехода к рыночной экономике.

Как отмечается в международном исследовании, проведенном по Узбекистану в начале нового тысячелетия, «суть этих рекомендаций была близка к содержанию рецептов, предложенных международными финансовыми институтами другим странам с переходной экономикой. Особо подчеркивалась важность быстрой либерализации цен и рынков, приватизации и разгосударствления предприятий, обеспечения макроэкономической стабилизации посредством проведения жесткой денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики. Предполагалось, что эти структурные изменения в экономической политике позволят странам с переходной экономикой, после преодоления относительно непродолжительных затруднений и сложностей, выйти на путь эффективной и растущей высокими темпами рыночной экономики, обеспечивающей рост благосостояния и уровня жизни населения» [4, с. 4].

Либерально-монетаристские идеи приобрели в начале 1990-х годов большую популярность. Между тем, потерпели фиаско сторонники идеи, как свободного экономического регулирования, так и

жесткого централизованного планирования. Показательно в этом отношении, что после изучения первого десятилетия реформ, вынужден был пересмотреть собственные позиции т.н. «отец шоковой терапии» – Янош Корнаи. В сделанном им в апреле 2000 г. на конференции Всемирного банка докладе с названием «Путь к свободной экономике: десять лет спустя (переосмысливая пройденное)», Я. Корнаи откровенно признавая ошибочность прежних своих прогнозов и оценивая с новых позиций, он отметил, что «…не сумел предвидеть глубокий спад в странах с переходной экономикой и слишком оптимистично оценивал перспективы будущего роста» [3].

В Республике Узбекистан переход к рыночной экономике осуществляется особым путем. В начале 1990-х годов была выработана собственная модель развития первым Президентом Узбекистана И.Каримовым. В основу ее реализации положены пять ключевых принципов, на которых строится политика переходного периода [2, с. 37-38]: полная деидеологизация экономики; государство – главный реформатор; верховенство закона; сильная социальная политика; эволюционный характер перехода к рынку.

Следует отметить, что исторически сложившиеся народно-хозяйственные и геополитические условия до начала реформ осложняли реализацию данной стратегии. Так, республика, занимающая 55-е место по территории и 39-е по населению, а также весьма важные (по некоторым данным даже передовые) позиции по обеспеченности многими видами минеральных и сырьевых ресурсов и их производству среди более чем 200 государств и территорий мира, на протяжении нескольких десятилетий оказалась на «задворках» мировых интеграционных и экономических процессов, а внешнеторговые связи осуществлялись только через Центр. В свою очередь доля Узбекистана во внешнеторговом обороте бывшего Союза не достигала даже и 5% (в экспорте – 3,3%, в импорте – 0,7%) [8, с. 9]. Геополитическое положение Узбекистана, не имевшего прямого выхода к морю, также осложняло внешнеторговые связи республики, так как экспортируемые товары должны пересечь границы как минимум двух государств, прежде чем достигнуть одного из морских портов [10].

В целом, по результатам 1990 г. Узбекистан экспортировал товаров на сумму около 12 млрд. долларов США, а импортировал на сумму около 19 млрд. долларов США. Экономические связи замыкались в основном на республиках СССР (60% – на России, 25% – другие республики Центральной Азии). Экономика носила сырьевой характер и была слабо ориентирована на выпуск готовой продукции (порядка 65% от общего экспорта составляло сырье и полуфабрикаты,

тогда как свыше 70% потребительских и промышленных товаров поставлялось из других республик СССР). Хотя Узбекистан и имел развитую социальную сферу, но ее поддержание было возможно только в условиях существенных дотаций (порядка 4,9 млрд. долларов США). Распад СССР негативно сказался на экономике Узбекистана, в начале 1990-х годов падение машиностроительного производства составило более чем 90%, в 5-6 раз сократился экспорт плодоовощной продукции и т.п. Узбекистану в 2000 г., первому из всех постсоветских стран удалось восстановить объем производства до уровня 1991 г., в этой связи некоторые авторы писали о чуде «узбекской модели» [6].

Как считают эксперты – при переходных процессах для различных государств возникают совершенно разные задачи. Это связано с тем, что в одних существовали конкурентные рынки, в других нет. Для первых стран актуальны проблемы рыночной модернизации. А для других, прежде всего постсоциалистических стран, на этом этапе главными становятся вопросы осуществления перехода от централизованного планирования к рыночным отношениям, причем, как правило, в условиях кризиса. Рыночная экономика не может зародиться в недрах тоталитарной командно-административной системы, с которой она не имеет генетической общности. В этом и состоит отличительная черта перехода постсоциалистических стран к рынку, сложность данного процесса, не имевшего до недавнего времени аналогов в мировой практике [7, с. 148].

В целом Узбекистан в своей экономической модели уже на первых этапах реформ соединил три составляющие экономической политики: макроэкономическую стабилизацию; проведение институциональных и рыночных преобразований системы экономических отношений; обеспечение структурной перестройки экономики за счет государственных инвестиционных программ и привлечения зарубежных инвестиций [1, с. 11].

За 1991-2016 годы независимости можно проследить 3 периода в динамике ВВП страны. Первый, охватывающий 1991-1996 годы, характеризовался спадом производства. Второй – продолжавшийся с 1997 по 2003 гг., стал временем стабилизации экономики и начала роста ВВП. Для третьего периода (2004-2016 гг.), характерны высокие темпы прироста ВВП республики не ниже 8,0 % в год [9, с. 104].

Если проследить положительные тенденции за первую четверть независимого развития в отраслевой структуре национальной экономики произошли заметные изменения. Прежде всего, заметно выросла доля промышленности в ВВП страны. Значительно изменилась и отраслевая структура промышленности. В результате по итогам 2016 г. в структуре промышленности страны ведущее место с долей почти в

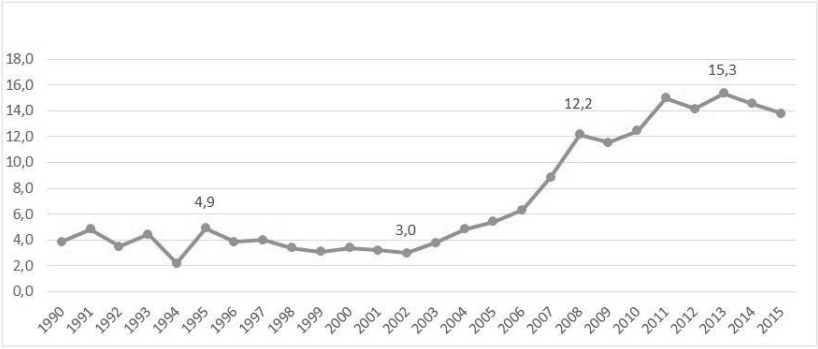
20% заняло машиностроение. Были созданы предприятия совершенно новых для страны отраслей промышленности: автомобилестроение, микроэлектроника, фармацевтическая промышленность, и др. Изменилась, и территориальная структура промышленности Узбекистана в пользу регионов. Аналогичные тенденции коснулись и сельхозпроизводство. Была преодолена монокультуры хлопка, обеспечена зерновая независимость. Кроме того, в рамках обеспечения продовольственной безопасности страны большое внимание было уделено другим отраслям с/х.

Вместе с тем, отсутствие опыта по переходу на рыночные отношения, наследие прошлого и, наконец, вызовы и тренды, связанные с как внешними, так и внутренними факторами в условиях трансформации национальной экономики отразились, в виде издержек и противоречий, на состоянии хозяйственных отношений и экономики современного Узбекистана. Основной проблемой для него явился протекционистская политика руководства страны. Невзирая на достижения в экономике страны сохраняется тенденция доминирования сырьевых отраслей, а также монопольный характер производства и т.п.

Отправной точкой приоритета протекционизма явился осень 1996 г. – когда практически конвертация была закрыта. Оправданием этому послужил произошедший в 1996 г. хлопковый кризис обусловивший падение мировых цен на хлопок и привел к 15%-ному сокращению доходов от производства хлопка. К тому же в 1998–1999 гг. был собран сравнительно низкий урожай хлопка, а его экспорт в течение 1995–1999 гг. сократился на 25% [11, с.13]. Ответные меры руководства страны в виде поощрения развития импортозамещающего и экспортоориентированного производства и сохранения валютных резервов (введение множественного обменного курса и ограничение операций по текущим счетам) неоднозначно оценивались экспертами.

По одним оценкам, политика протекционизма и валютных ограничений негативно отразилась на либерализации валютного и торгового режимов, а также замедлила темпы роста малого бизнеса и частного предпринимательства, что, в свою очередь привело к сокращению занятости в малом бизнесе (МБ) почти на половину (в 1997-1999 гг.) [11]. По другим представлениям, замедление темпов развития МБ связывается с возросшей инвестиционной активностью государства, приведшей к перераспределению финансовых потоков в пользу госсектора, особенно в пользу отдельных отраслей и производств [5, с.7-8]. В целом они едины в оценке проблем развития МБ, обусловленной усложненной регистрацией и отсутствием начального капитала.

Экспорт товаров и услуг из Узбекистана, в млрд долларов США [13].



На рисунке хорошо видно, что после ограничения конвертации в 1996-м экспорт из Узбекистана стал сокращаться. Перелом произошел только после 2003 г., когда официальный курс сума был сильно девальвирован (частичная конвертация). После этого экспорт стал стремительно расти. Новая отмена конвертации в 2008-м не привела к сокращению экспорта только потому, что многие экспортеры, в отличие от ситуации 1996–2002 годов, получили возможность часть или даже всю валютную выручку оставлять у себя и свободно ей распоряжаться, то есть они фактически ориентировались не на официальный, а на черный курс.

Последствия усиления административных методов управления экономикой сказалось на ее зарегулированности. Поверхностная приватизация крупных предприятий привели к появлению квазигосударственного сектора – превратившихся в громоздкие конгломераты, международная конкурентоспособность которых вызывает сомнения.

Так как для госпредприятий характерны низкий уровень эффективности управления и наблюдается высокий уровень коррупции в секторе. Выражаясь словами узбекистанского эксперта, они проявляются в следующем: в раздутых издержках (в том числе из-за завышенных закупочных цен) и заниженных отпускных ценах (для последующей перепродажи через подставные фирмы); разного рода «откатах» и «шапках» и искусственно создаваемом дефиците продукции; низких (по сравнению с потенциально возможными) налоговых поступлениях в бюджет и низком уровне выплаты дивидендов государству [12].

Однозначно то, что квазигосударственные компании искусственно поддерживаясь государством, стремились сохранить монопольный характер деятельности, посредством создания барьеров доступа на рынки новых игроков и импорта, пользуясь налоговыми и прочими льготами и т.п.

В целом последствия протекционистской политики отразились на уровне жизни быстрорастущего населения республики. В экономике накопилось ряд проблем, связанных с необходимостью **внедрения рыночных принципов регулирования,** разделения функции госорганов, ассоциаций и частных компаний и создания условий для прозрачной конкуренции, защиты собственности, а также демонополизации экономики.

Литература:

1. Доклад о человеческом развитии. Узбекистан 1998. (UNDP/CER.). Ташкент, 1998. С. 10–11.

2. Каримов И.А. Узбекистан: Собственная модель перехода на рыночные отношения. Ташкент, 1993. С. 37-38.

3. Карнаи Я. «Путь к свободной экономике»: десять лет спустя (переосмысливая пройденное) / Вопросы экономики. 2000. № 12. (Перевод с английского С. Винокура) // http://www.r-reforms.ru/kornai.htm.

4. Макроэкономическая политика и бедность в Узбекистане. (CER/UNDP). Ташкент, 2005. С. 4.

5. Малый и средний бизнес в Узбекистане: современное состояние, проблемы и перспективы // Экономическое обозрение. Ташкент, 2000. № 3. С. 7–8.

6. Парамонов В., Строков А. Распад СССР и его последствия для Узбекистана: экономика и социальная сфера // Центральная Евразия. Апрель 2006. № 6 (11).

7. Расулев А.Ф., Бедринцев А.К. Десять лет экономических реформ в Узбекистане: итоги и перспективы // Экономическая наука современной России. № 4. М., 2001. С. 148.

8. Расулов А. Внешнеэкономическая деятельность Узбекистана: состояние, проблемы и перспективы // Рынок, деньги и кредит. Ташкент, 1997. № 6. С. 9.

9. Рахимов М.А., Рахматуллаев Ш.М., Турсунова Р.Ю., Назаров Р.Р. Очерки новейшей истории Узбекистана. 2-е издание. Ташкент, 2016. С. 104.

10.Современная практика подтверждает, что транспортные расходы узбекских импортеров в расчете на один контейнер в 2,8 раза превышают расходы импортеров из стран Восточной Европы и Центральной Азии, а сумма официальных платежей при экспорте в расчете на один контейнер – в 2,5 раза. Для сравнения: затраты китайских, иранских, турецких экспортеров по данной статье меньше, чем затраты узбекских экспортеров, соответственно в 6, 4, 3 раза. (См.: Полюса роста узбекской экономики. Какими им быть? // http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1298616660).

11.Узбекистан: общая оценка страны. ООН, 2003. С. 13.

12.Юлий Юсупов: нам нужна реформа государственных предприятий // https://podrobno.uz/cat/economic/yuliy-yusupov-nam-nuzhna-reforma-go/.

13.Юсупов Ю.Б. О вреде протекционизма // https://kommersant.uz/o-vrede-protektsionizma/.

Справедливость и несправедливость в социальных практиках российских граждан

Римский В.Л.

Московский психолого-социальный университет, старший преподаватель;

Фонд развития исследовательских программ «Информатика для демократии» (Фонд ИНДЕМ), ведущий научный сотрудник

E-mail: rim@indem.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31443, «Общественный запрос на справедливость и её обеспечение со стороны государства».

Аннотация: *Исследование было направлено на выявление пониманий, критериев и принципов справедливости российскими гражданами в различных типах жизненных ситуаций. Исследование носило поисковый характер, его конкретными эмпирическими методиками были телефонный опрос, фокус-группы и личные когнитивные интервью с гражданами. Были подтверждены результаты ранее проведённых исследований о том, что «справедливость» в сознании граждан является позитивным идеалом, к которому следует стремиться в общественном развитии. И при*

этом большинство граждан живёт с постоянным ощущением несправедливости к ним окружающего мира, общества и государства. Существенное расширение общественных дискуссий о справедливости и несправедливости в различных конкретных ситуациях позволило бы многим российским гражданам избавиться от ощущения тотальной несправедливости общества, прийти к выводу о том, что о справедливости вполне можно договориться.

Ключевые слова: *справедливость, несправедливость, критерии и принципы справедливости и несправедливости, социальные практики.*

Fairness and unfairness in the social practices of Russian citizens

Rimskiy V.L.
Moscow Psychological and Social University, Senior Lecturer.
Foundation of Research Programs Development «Informatics for Democracy» (INDEM Foundation), Leading Researcher
E-mail: rim@indem.ru

Abstract: *The study was directed at identifying the understandings, criteria and principles of justice by Russian citizens in various types of life situations. The study was a search in nature, its specific empirical methods were telephone interviews, focus groups and personal cognitive interviews with citizens. The results of previous studies that «fairness» in the minds of citizens were a positive ideal to strive for in the social development were confirmed. And wherein most citizens live with a constant sense of unfairness to them from the surrounding world, society and the state. A significant expansion of public debate about fairness and unfairness in various specific situations would allow many Russian citizens to get rid of the feeling of total unfairness of society, to come to the conclusion that fairness can be negotiated.*

Keywords: *fairness, unfairness, criteria and principles of fairness and unfairness, social practices.*

Это исследование было направлено на выявление того, как российские граждане понимают справедливость, как они оправдывают или обосновывают свои или чужие действия для достижения справедливости или противодействия несправедливости в собственных социальных практиках и в социальных практиках, которые они наблюдают непосредственно и опосредованно через СМИ, Интернет и социальные сети. В соответствии с этой направленностью в исследовании решались теоретические, эмпирические и практические

задачи. Теоретические задачи относились к изучению принципов и критериев оценивания гражданами различных социальных действий и ситуаций в их повседневной жизни как справедливых и несправедливых, а также возможностей достижений консенсусов между гражданами по результатам таких оцениваний. Решение эмпирических задач обеспечивало разработку методики выявления принципов и критериев справедливости и несправедливости в повседневной жизни граждан. Решение практических задач показало проблемы и возможности формирования условий достижений консенсусов между гражданами по вопросам справедливости и несправедливости, снижения социальной напряженности в обществе и более широкого вовлечения граждан в обсуждения справедливости на принципах доверия и сотрудничества.

Для решения задач исследования его методология была сформирована по результатам междисциплинарного анализа политологических, социологических, социально-психологических и социально-философских теорий справедливости. Такой анализ осуществлялся в настольном социологическом исследовании ранее проведённых теоретических и эмпирических исследований в сферах социологии, социальной психологии и социальной философии. В эмпирической части исследования были применены сочетания количественных и качественных методик, направленных на изучение представлений о справедливости и практик справедливости с помощью анализа «случаев» и «сценариев» различных жизненных ситуаций граждан. Конкретными эмпирическими методиками исследования стали телефонный опрос, фокус-группы и личные когнитивные интервью с гражданами.

Исследование подтвердило результаты ранее проведённых исследований в том, что «справедливость» в сознании граждан является позитивной категорией, представляется для подавляющего большинства идеалом, очень желательным и к которому следует стремиться в общественном развитии. Вместе с тем, как было установлено в нашем исследовании, в повседневном дискурсе и социальных практиках справедливость представляется тому же большинству граждан почти исключительно своей негативной стороной, т.е. несправедливостью. Данные и количественной, и качественной части исследования подтверждают, что проблемы несправедливости касаются практически всех сторон жизни российского общества – от бытовых и межличностных до общесоциальных и политических.

В исследовании была подтверждена также универсальность и многозначность понятия справедливости в сознании граждан. По результатам исследования основные представления о справедливости в общественном сознании можно разделить на такие смысловые группы: а) справедливость как соразмерность должного и сущего, б) справедливость как формальное равенство перед законом; в) справедливость как реализация безусловной ценности человеческой жизни, базовых прав на комфортную и стабильную жизнь в обществе и государстве в рамках установленных и известных правил и норм; г) справедливость как моральная категория – честность, истинность и правильность.

Исследование показало, что несмотря на разнообразие и многоплановость пониманий справедливости различными гражданами, в конкретных ситуациях это не является существенным препятствием для формирования оценок того, что является справедливым, а что – несправедливым, не является препятствием для достижения консенсуса по поводу справедливого решения того или иного конфликта, той или иной ситуации. На фокус-группах их участники неоднократно приходили к таким консенсусам в квалификации различных обсуждавшихся на них жизненных ситуаций. И нередко при достижении таких консенсусов квалификации конкретных случаев, связанных со справедливостью и несправедливостью, формировались участниками фокус-групп на основе их ценностных, моральных и мировоззренческих представлений, несмотря на различия в пониманиях справедливости и несправедливости. Но, конечно, к таким консенсусам и на фокус-группах, и в реальных социальных практиках российские граждане приходят не всегда. Понимания справедливости, нередко даже только интуитивные оценивания того, что справедливо, а что несправедливо, у разных граждан могут очень существенно отличаться, что не позволяет им приходить в таких случаях к консенсусам. Граждане связывают различные понимания справедливости и несправедливости с различным воспитанием в семьях, с различным интеллектуальным, культурным и социальным опытом индивидов, с теми аспектами справедливости и несправедливости, с которыми им приходилось сталкиваться в своих социальных практиках.

На фокус-группах и в личных когнитивных интервью с гражданами было зафиксировано доминирование несправедливости в их повседневной жизни. Традиционно такое доминирование связывается с частотой и многообразием случаев несправедливости, с

которыми приходится сталкиваться гражданам в их социальных практиках или ощущать со стороны общества. Исследование показало, что важнейшей частью проблемы является не столько распространенность таких ситуаций, сколько устоявшиеся представления о невозможности позитивного решения таких ситуаций, об отсутствии способов или институтов приведения ситуаций к справедливым решениям, восстановлению справедливости, противодействию несправедливости. Отсутствие, малочисленность и неэффективность институтов, которые могли бы помочь гражданам в разрешении проблем и восстановлении справедливости, отсутствие «готовых решений» и стандартных практик восстановления справедливости приводит к более острой реакции на любые проблемы, связанные со справедливостью, создают атмосферу социальной тревожности, неуверенности и агрессивности в социальном поведении граждан.

Граждане вполне обоснованно признают, что справедливость не может быть обеспечена в качестве доминирующего состояния общественных взаимодействий и социальных практик как в настоящем, так и в обозримом будущем. Исследование показало, что, тем не менее, в обществе существует потенциальная основа для достижения общих пониманий, критериев и принципов справедливости в конкретных ситуациях. Иначе говоря, во многих жизненных ситуациях можно договариваться о справедливости, о справедливых их решениях. И такие договорённости всегда будут конкретными, привязанными к ситуациям или к тем или иным их типам. В таких договорённостях сами критерии и принципы справедливости не могут определяться едиными, универсальными характеристиками справедливости, но могут сочетаться или меняться в разных жизненных ситуациях – межличностных, социальных, экономических и политических.

В ходе исследования были сформулированы теоретические предположения, что консенсусы о справедливости в конкретных ситуациях возникают вследствие сочетания трех факторов. Этими факторами являются: совпадение моральных и жизненных ценностей и норм, мировоззренческих установок по поводу целей и средств развития общества и общественного устройства, установок на общее благо, и осуществление всестороннего анализа этих конкретных ситуаций – позиций всех участников взаимодействий, их мотивов, интересов и действий. Поэтому существенное расширение общественных дискуссий о справедливости и несправедливости в различных конкретных ситуациях позволило бы многим российским

гражданам избавиться от ощущения тотальной несправедливости общества, прийти к выводу о том, что о справедливости вполне можно договориться. Но для этого необходимо в публичных обсуждениях различных общественных и государственных проблем обсуждать с гражданами критерии и принципы справедливых решений этих проблем.

В ходе исследования, тем не менее, была выявлена низкая вовлеченность граждан в общественный дискурс о справедливости. Важнейшей причиной этого является ограниченность общественного пространства для обсуждений справедливости – институтов и публичных площадок, которые поддерживали бы такие обсуждения. Исследование показало, что когда граждане приходят к консенсусу по поводу определения ситуации как справедливой или несправедливой, выносят консолидированную оценку процессу или явлению с точки зрения справедливости или несправедливости, они проявляют довольно высокий уровень солидарности друг с другом. Но этого для достижения справедливости в той или иной ситуации обычно недостаточно, а дальнейшие действия по всестороннему рассмотрению ситуации и поиску справедливого решения, обеспечения процессуальной справедливости и справедливости результата, даются тем же гражданам с большим трудом. Препятствиями в осуществлении таких действий по достижению консенсусов по справедливости в тех или иных ситуациях являются ограниченный социальный опыт, слабо развитые способности выражать свои позиции и приводить аргументы в их поддержку, понимать позиции других сторон обсуждений. Препятствием является также социальная и политическая аномия, неверие в то, что участие в подобных обсуждениях может быть эффективным и приведет к позитивным результатам. Отчужденность большинства граждан от процессов принятия решений и обсуждений справедливости их решений по социально-значимым проблемам приводит к тому, что граждане ограничивают свою роль наблюдением за происходящим, выносят негативные суждения о таких проблемах и их решениях, потому что уверены в их несправедливости. Но исследование показало, что при этом граждане не готовы даже на уровне обсуждения включиться в такие процессы принятия решений и обсуждений справедливости их решений по социально-значимым проблемам.

Неоднозначное отношение к самогону и борьба за здоровый образ жизни

Романович Н. А.
Доктор социологических наук,
профессор кафедры политологии и политического управления
РАНХиГС при Президенте РФ (Воронежский филиал),
генеральный директор Института Общественного мнения
«Квалитас»
E-mail: nelly@qualutas.ru

Аннотация: *В статье рассматриваются причины увеличения производства и потребления в России самодельной алкогольной продукции. Доказывается, что главной причиной является не только и не столько повышение стоимости водки, сколько низкое качество алкогольной продукции на прилавках магазинов. Выявляется отношение населения к самогоноварению, которое является далеко не однозначным. Современная мода на натуральные продукты распространилась и на самогон, который предстает экологически чистым продуктом в глазах части населения. В то же время другая часть населения требует запрета самогоноварения, хотя сегодняшние российские законы этого не запрещают, если алкогольные напитки производятся не на продажу, а для собственных нужд. Обращается внимание на сокращение потребления в стране крепких алкогольных напитков в результате пропаганды здорового образа жизни и дисперсии вариантов отдыха и проведения праздников в общественном мнении. Делается вывод, что всплеск самогоноварения является прямым последствием борьбы за здоровье путем повышения качества алкогольной продукции.*

Ключевые слова: *самогон, минимальная стоимость водки, здоровый образ жизни, качество алкоголя, общественное мнение.*

Ambiguous attitude to moonshine and the fight for a healthy lifestyle

Nelly A. Romanovich
Doctor of Sociology,
Professor of the Department of Political Science and Administration,
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Voronezh branch, Russia.
General Director of the Public Opinion Institute «Qualitas».
Email: nelly@qualitas.ru

Abstract: The article discusses the reasons for the increase in production and consumption of home-made alcoholic beverages in Russia. It is proved that the main reason is not only vodka price increase, but also the low quality of alcoholic beverages on store shelves. The attitude of the population towards moonshining, which is quite ambiguous, is revealed. The modern fashion for natural products has spread to moonshine which appears to be an environmentally friendly product in the eyes of population part. At the same time another part of the population requires a ban on home brewing, although today's Russian laws do not prohibit it if alcoholic beverages are not produced for sale, but for their own needs. Attention is drawn to the reduction in the consumption of strong alcoholic beverages in the country as a result of healthy lifestyle promotion and the dispersion of public opinion about recreation and holidays options. It is concluded that the surge in moonshining is a direct consequence of the struggle for health by improving the quality of alcoholic beverages.

Keywords: *moonshine, the minimum price of vodka, a healthy lifestyle, the quality of alcohol, public opinion.*

В России наблюдается всплеск производства самодельной алкогольной продукции. Это производство приобрело необычайные масштабы. Ежегодно в стране «гонят» не менее 250 миллионов литров домашнего алкоголя, подсчитали в 2014 году в Центре изучения федерального и регионального рынков алкоголя [1]. Вице-премьер Александр Хлопонин заявил тогда, что государственный бюджет каждый год теряет из-за нелегального алкоголя 30 – 50 млрд рублей [2]. А три года спустя руководитель Центра исследований федерального и региональных рынков алкоголя Вадим Дробиз уже констатировал, что в 2017 году в России было предположительно сварено 350 млн л самогона, а на руках у населения находится 1,5 млн самогонных аппаратов [3]. То есть за три года производство самодельного алкоголя увеличилось на 100 млн литров! Самогоноварение сегодня не противоречит закону, потому что гнать самогон российские законы разрешают, но не на продажу.

Соответственно, начал расти спрос на самогонные аппараты. Российская газета опросила более десятка крупных производителей и продавцов самогонной техники. Все они отмечают рост интереса со стороны покупателей. О резком росте динамике продаж свидетельствует Алексей Кожекин, руководитель дилерского отдела московского магазина. Его компания продавала в день около 25 аппаратов. В регионы уходило 70 процентов приборов. «Заказывают как крупные, так и маленькие города, иногда выписывают в такие деревни, куда и почта не заходит», - сообщил он РГ [4].

Еще восемь лет назад эксперты предсказывали, что в 2020 году поллитра водки в России будет стоить тысячу рублей [5]. Таким образом, по мнению руководителя Центра разработки национальной алкогольной политики Павла Шапкина, правительство РФ предполагает бороться за сокращение потребления россиянами крепкого алкоголя. Дожив до 2020 года, можно констатировать, что до 1000 руб. за бутылку ещё далеко, но стоимость водки непрерывно растет. Если в 2019 году минимальная стоимость бутылки водки объемом 0,5 литра в России была 215 рублей, то в 2020 году было предложено поднять её на 18 рублей (до 233 рублей) [6]. Об увеличении цены на водку печется Союз производителей алкогольной продукции, выдвигая причины, которые далеки от заботы о здоровье российского населения, хотя именно для этого государство устанавливает минимальный порог розничной цены одной бутылки крепкого алкоголя. Производители объясняют свою просьбу чисто экономическими причинами и ростом издержек. Кроме того, в 2020 году поднимаются цены на коньяк, бренди, повышается также минимальная цена на этиловый спирт, произведенный из пищевого сырья [7].

Резонно предположить, что повышение минимальной стоимости крепких спиртных напитков будет только подстегивать самогонщиков в их незатейливом промысле. Правда, Алексей Кожекин, руководитель отдела московского магазина, рост продаж самогонных аппаратов со стоимостью водки в магазинах напрямую не связывает. По его мнению, дело в том, что: «Люди хотят более качественный алкоголь, наши покупатели - достаточно состоятельные люди, которым нравится сам процесс приготовления» [1]. Это подтверждает и генеральный директор Центра исследований федерального и региональных рынков алкоголя Вадим Дробиз. По его словам, к самостоятельному производству спиртного прибегают сегодня как бедные, так и обеспеченные слои населения. «Это две категории. Одна — малоимущие, причем не асоциальные дегенераты, а просто люди с низким уровнем достатка... Вторая категория — в сегменте людей обеспеченных, это для них как хобби» [2]. Малоимущие самогонщики, по мнению директора ЦИФРА, раньше пили «левую водку», которая шла по той же линии, что и легальная, но в «третью смену». А теперь «левую водку» льют заводы без лицензии – употреблять её стало опаснее, поэтому они стали гнать сами более безопасный продукт. А богатую публику интересует прежде всего защита от «паленой» продукции – дорогие виски и коньяки они делают с не меньшим успехом, чем дешевую водку или вино. «Им наплевать, сколько стоит алкоголь. На первый план выходят потребность творчества, желание удивить друзей» [1].

Представитель одного из крупнейших интернет-магазинов по продаже товаров для домашнего алкоголя Евгений Демидов по этому случаю дал волю своей фантазии: «Самогон будет таким же известным,

как и французский коньяк, шотландский виски. Возможно, даже появится специальное слово, которое будет определять российский самогон, подобно американскому «муншайну»« [1]. А Вадим Дробиз отметил: «Сейчас даже курсы по самогоноварению открываются. Я такие, например, видел в Новосибирске» [2].

С качеством водки в магазинах, похоже, действительно есть проблемы, если даже дружественные соседние государства отказываются пускать нашу водку на свою территорию. Правительство Казахстана, например, запретило ряд производимых в России марок водки к продаже на территории страны. В пресс-службе Комитета по защите прав потребителей Министерства национальной экономики Казахстана объяснили, что данные виды алкогольной продукции не соответствуют установленным нормам безопасности. В качестве саркастической насмешки предстает тот факт, что в числе запрещенных марок оказалась марка под названием: «Русский гарант качества» [8].

Еще один продавец из магазина самогонных аппаратов, которого зовут Иван, поведал, что продажи аппаратов выросли на 15%, средний чек – 300 долларов. По поводу причин такого роста Иван был лаконичен: «Разные причины покупок, но главная - люди устали пить отраву» [1]. Не удивительно, что, по прогнозу экспертов, производство спиртных напитков в домашних условиях будет только набирать обороты. Причем вне зависимости от акцизной политики государства.

При этом, как ни странно, отмечается снижение уровня потребления спиртных напитков в России. В частности, нарколог Василий Анч считает, что потребление алкоголя россиянами в последние годы снизилось в связи с повышением уровня жизни, ростом материального благосостояния и культуры времяпровождения. Он говорит, что появилась масса способов реализовать себя даже в отдыхе [9]. Для россиян отдых перестал быть исключительно застольем. Появились новые возможности куда-то сходить, что-то предпринять, куда-то съездить, вошли в моду пешие прогулки, наконец. Иными словами, стиль жизни, стереотипы поведения – то, что транслируется общественным мнением, имеет недооцененное влияние на социальную реальность, формирует культуру вообще и культуру потребления алкоголя в частности.

Что такое самогон для наших современников? Это благо или вред для здоровья? Согласно результатам опроса Института общественного мнения «Квалитас» (опрошено 801 человек –выборка репрезентативна для населения Воронежа старше 18 лет по полу, возрасту и образованию), население склоняется к тому, что это благо, так как он является, по мнению людей (**49%**), натуральным экологически чистым продуктом [10, с. 19].

Некоторые считают самогон некачественным спиртным напитком (суррогатом), другие – натуральным, экологически чистым продуктом. С каким мнением, с первым или вторым, Вы готовы согласиться?

- *С первым – 31%,*
- *Со вторым – 49%,*
- *Затрудняюсь ответить – 20%.*

В то же время почти треть населения Воронежа считает самогон суррогатом весьма далеким от эталона качества (**31%**). Число сторонников мнения, что самогон - это некачественный спиртной напиток, возрастает по мере увеличения уровня дохода респондентов с **25%** (среди бедных) до **41%** (среди богатых).

Кто же прав? Очевидно, и те, и другие. Если соблюдать все нюансы правильной технологии, то самогон может получиться сравнительно безвредным напитком. Если не соблюдать, а стараться выгнать как можно больше жидкости, невзирая на качество, в надежде на увеличение прибыли с продажи, то есть риск получить отраву.

Самогон не является презренной жидкостью для городских снобов. Хотя бы пару раз его опробовали большинство воронежцев (**51%**), как свидетельствуют ответы на вопрос: ***«Скажите, пожалуйста, а Вы сами пробовали самогон, и если «да», то как часто?»***

- *Пробовал 1-2 раза – 51%,*
- *Пробовал достаточно часто – 18%,*
- *Употребляю относительно регулярно – 2%,*
- *Не пробовал – 29%.*

Употребляют самогон достаточно часто **18%** опрошенных. Но пристрастились к нему лишь **2%** горожан, которые пьют его относительно регулярно. Никогда не нюхали самогонные пары **29%** горожан.

Частью населения самогон воспринимается как нечто противозаконное, то, чего быть не должно. Каждый второй опрошенный в городе Воронеже (**50%**) считает, что производство самогона в стране следует запретить.

Как Вы считаете, производство самогона надо запретить или разрешить?

- *Разрешить – 33%,*
- *Запретить – 50%,*
- *Затрудняюсь ответить – 17%.*

Насчитывается немало сторонников противоположного мнения - каждый третий (**33%**) уверен, что самогоноварение нужно разрешить.

Мнение мужчин и женщин по этому поводу диаметрально противоположно. Если большинство женщин настаивают на запрещении производства самогона (**59%**) и только **25%** готовы дать ему зеленый свет, то среди мужчин – все наоборот. Большая часть мужчин (**45%**) настаивает на легализации самогоноварения, а **38%** - на запрещении [10, с. 21].

Впрочем, как показывает практика, запрещай – не запрещай, а самогон варили и будут варить. В нашей стране преследование самогоноварения – дело привычное, а принимаемые антиалкогольные законы влияли лишь на то, легально ли «гнали» самогон граждане или эта деятельность «уходила в подполье».

Не что иное, как пропаганда здорового образа жизни, как ни странно, способствует сегодня обращению к самостоятельному производству спиртных напитков, в том числе и самогона, поскольку последний считается натуральным экологически чистым продуктом в отличие от того, что предлагается на прилавках магазинов.

Литература:

1. Выросли продажи самогонных аппаратов. 03.04. 2014. URL: http://dmgrupp.tiu.ru/a134336-vyrosli-prodazhi-samogonnyh.html.

2. Ивушкина Анна. Спрос на самогонные аппараты вырос на 300%. 24.02.2015. URL:http://izvestia.ru/news/583224.

3. Петрова Юлиана. На самогонных аппаратах можно неплохо заработать. 01.02.2018. URL: https://www.vedomosti.ru/management/articles/2018/02/02/749754-samogonnih-apparatah.

4. Брюн Евгений. Компетентно: от главного нарколога Минздрава России // Российская газета от 29 мая 2014 года № 120 (6392), С.30.

5. Шапкин П.С. Поллитра водки в России будет стоить тысячу рублей в 2020 году. 21.10.2012. URL: https://amurmedia.ru/news/234984.

6. Цена на водку в 2020 году. 04. 10.2019. URL: http://bankiclub.ru/raznye/tsena-na-vodku-v-2020-godu.

7. С января 2020 года в России взлетят цены на водку и коньяк. 20.12.2019. URL: http://oxinews.info/576-s-janvarja-2020-goda-v-rossii-vzletjat-ceny-na-vodku-i-konjak.html.

8. Потехин Дмитрий. Качество российской водки и пива вынудило казахские власти запретить поставки из России. 18.11.2014 года. http://sobesednik.ru/obshchestvo/20141118-kachestvo-rossiyskoy-vodki-i-piva-vynudilo-kazahskie-vlasti.

9. Буцко Диана. Снижение цен на водку: чем хорош и опасен дешевый алкоголь. 05.01.2015г. URL:

http://sobesednik.ru/zdorove/20150105-snizhenie-cen-na-vodku-chem-horosh-i-opasen-deshevyy-alkogol.

10. Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по городу Воронежу/ /под ред. Н.А.Романович. Воронеж: ИОМ «Квалитас», 2013-05, URL:http://www.qualitas.ru/ru/publications/bulletin.

Проблемные вопросы правового закрепления реализации избирательных прав граждан: институт отзыва

Росенко М.И.
Доктор политических наук,
профессор, Юридический институт Севастопольского государственного университета
E-mail: Mariyair@mail.ru

Скребец Е.В.
Доктор политических наук,
Юридический институт Севастопольского государственного университета, профессор
E-mail: l_skrebec@mail.ru

Аннотация: *в статье исследованы актуальные проблемы усовершенствования правовых норм по выборам высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, рассмотрены проблемные вопросы реализации избирательных механизмов в контексте субъектов выдвижения кандидатов, особенностей правового регулирования института самовыдвижения на выборах высшего должностного лица, проведен анализ правовых норм сбора подписей в поддержку кандидатов, выдвинутых различными субъектами, рассмотрены организационно-правовые нормы по отзыву высшего должностного лица Российской Федерации, предложены пути усовершенствования правовых норм по выборам высшего должностного лица субъекта Российской Федерации.*

Ключевые слова: *выборы, высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации, поддержка избирателей, отзыв, устойчивость власти, самовыдвижение.*

Problematic issues of legal consolidation of the implementation of citizens' electoral rights: recall institution

Rosenko M.I.

Doctor of Political Sciences,
Professor, Law Institute of Sevastopol State University
E-mail: Mariyair@mail.ru

Skrebets E.V.

Doctor of Political Sciences, Associate Professor,
Professor, Law Institute of Sevastopol State University
E-mail: l_skrebec@mail.ru

Abstract*: in the article actual problems of improvement of legal norms for the elections of the Supreme official of a subject of the Russian Federation, the issues of implementation of the electoral mechanisms in the context of the subjects of nomination of candidates, features of the legal regulation of self-nomination at elections of the higher officials, the analysis of legal rules of collecting signatures in support of candidates nominated by different subjects, considers the legal noma in the opinion of the higher officials of the Russian Federation, the ways of improving the legal norms for the election of the highest official of the subject of the Russian Federation are proposed.*

Keywords: *elections, the highest official of the subject of the Russian Federation, voter support, recall, stability of the government, self-promotion.*

Эффективность функционирования системы органов государственной власти и реализации ее основных функций во многом зависит от возможности применения правовых механизмов ответственности соответствующих должностных лиц, предусмотренной федеральным законодательством и законами субъектов Российской Федерации. Механизм отзыва высшего должностного лица исполнительной власти выступает в региональной политической системе в качестве одного из основных средств обеспечения баланса интересов различных социальных групп, выполнения социальных гарантий и предотвращения развития конфликтных ситуаций.

Отзыв губернатора является также формой реализации контроля граждан за деятельностью руководителя субъекта федерации.

Целью данного исследования выступает анализ процесса формирования и содержания нормативной базы города Севастополя, направленной на регулирование отношений по досрочному прекращению полномочий главы региона по инициативе избирателей.

Возникновение института отзыва главы субъекта Российской Федерации связано с законодательным закреплением порядка проведения выборов губернаторов; в 2012 г. вследствие изменения порядка формирования института руководителей исполнительной власти субъекта федерации законодательно была закреплена и возможность их отзыва избирателями.

Согласно нормам действующего законодательства досрочное прекращение полномочий руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации возможно в форме решений, принятых единолично Президентом Российской Федерации; решений, принятых региональным парламентом, который выразил недоверие губернатору, с последующим принятием решения об отставке Президентом Российской Федерации; а также решений, принятых высшим судебным органом субъекта федерации в части установления основания для отзыва губернатора с последующим голосованием по отзыву губернатора.

Институт внутрисубъектного отзыва высшего должностного лица субъекта Российской Федерации избирателями, зарегистрированными на территории соответствующего субъекта федерации, предусмотрен законом «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 06.10.1999 г. № 184-ФЗ, регламентирующим основания, сроки и процедуру отзыва, а также ряд гарантий, обеспечивающих использование механизма отзыва только для реализации принципов демократии и народовластия и препятствующих злоупотреблениям. Согласно п. л ч. 1 ст. 19 данного Федерального закона полномочия высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) прекращаются досрочно в случае его отзыва избирателями, зарегистрированными на территории субъекта Российской Федерации, на основании и в порядке, установленных настоящим Федеральным законом и принятым в соответствии с ним законом субъекта Российской Федерации [14].

Процедура отзыва предусматривает совершение последовательных действий, необходимых для проведения голосования в субъекте Российской Федерации. Согласно нормам федерального законодательства, отзыв губернатора возможен не ранее чем через один год с момента его избрания на должность. Инициаторами отзыва губернатора могут быть политические партии, общественные объединения или граждане (не менее 100 человек,

проживающих на территории соответствующего субъекта федерации и обладающих активным избирательным правом на выборах высшего должностного лица субъекта Российской Федерации), которые должны обратиться в соответствующий суд субъекта федерации с заявлением об установлении соответствующих фактов. В поддержку инициативы проведения голосования должны быть собраны подписи избирателей в количестве, которое определяется законом субъекта Российской Федерации, но не может быть менее одной четверти от числа избирателей, зарегистрированных на территории субъекта Российской Федерации.

Избирательной комиссией субъекта Российской Федерации, действующей в качестве комиссии по отзыву, должны быть проверены подписи избирателей, соблюдение порядка их сбора и процедуры выдвижения инициативы проведения голосования по отзыву. Комиссия по отзыву обязана проинформировать отзываемое лицо и инициаторов его отзыва о результатах рассмотрения законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации инициативы проведения голосования по отзыву; о месте и времени проведения заседания, на котором будут рассматриваться вопросы о результатах проверки подписей избирателей и результатах выдвижения инициативы проведения голосования по отзыву высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (принятие решения не может превышать 15 дней со дня представления инициаторами отзыва в комиссию по отзыву всех необходимых документов).

Далее – при наличии хотя бы одного из оснований отзыва, необходимого количества достоверных и (или) действительных подписей избирателей, а также при соответствии процедуры выдвижения инициативы проведения голосования по отзыву и представленных документов требованиям закона, законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации назначается голосование по отзыву высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, которое должно быть проведено не позднее 60 дней со дня принятия решения.

На основании норм федерального закона в субъектах Российской Федерации были приняты законодательные акты, устанавливающие механизм реализации института отзыва главы субъекта федерации за неоднократное грубое без уважительных причин неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей, нарушение Конституции Российской Федерации, а субъекта Российской Федерации, федерального и регионального законодательства, факт совершения которого установлен соответствующим судом.

Что касается Севастополя, то, несмотря на предпринятые попытки по введению в законодательное поле института отзыва губернатора, проблемные вопросы не разрешены до настоящего времени.

В Севастополе в марте 2017 г. был принят закон о выборах губернатора. Во время общественного обсуждения данного законопроекта, которое состоялось во всех муниципалитетах Севастополя, жители города рекомендовали Законодательному Собранию принять закон о выборах главы региона одновременно с законом об отзыве губернатора и установить четкие правила и процедуру, которые позволят населению отзывать главу города. Эти рекомендации поддержали представители аппарата временно исполняющего обязанности Губернатора города Севастополя, заявив о том, что правительство планирует внести на рассмотрение Законодательного Собрания до июня 2017 г. законопроект о проведении референдума и после его принятия – законопроект о порядке отзыва губернатора. Временно исполняющий обязанности Губернатора города Севастополя Д. Овсянников заявлял, что закон, регулирующий процедуру отзыва главы исполнительной власти Севастополя, должен быть принят парламентом города до проведения прямых губернаторских выборов [4]. Проект закона «Об отзыве губернатора города Севастополя» был внесен Д. Овсянниковым в Законодательное Собрание города Севастополя в июле 2017 г. Основой законопроекта стал модельный закон субъекта Российской Федерации «О порядке отзыва высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации)», разработанный в Центральной избирательной комиссии Российской Федерации и одобренный решением Рабочей группы по подготовке названного модельного закона от 27.09.2012 г. № 1.

Данный проект закона получил положительное заключение Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. В письме от 26.02.2018 г. № 05-11/4540 Председателю Севастопольской городской избирательной комиссии, которое было посвящено данному вопросу, Центральная избирательная комиссия рекомендовала принять проект закона «Об отзыве губернатора города Севастополя» в редакции, находящейся на рассмотрении Законодательного Собрания города Севастополя, с учетом правовой позиции, замечаний и предложений Правового управления Аппарата Центральной избирательной комиссии [5].

Однако впоследствии на протяжении семи месяцев данный законопроект не рассматривался региональным парламентом. Основаниями отсрочки его рассмотрения депутаты называли наличие в

проекте бланкетных норм и отсылок к законодательству о референдуме (закон «О референдуме города Севастополя» вступил в силу 15 декабря 2017 г.), а также выявление специалистами Юридического управления Аппарата регионального парламента в тексте законопроекта лингвистических и юридико-правовых ошибок и не соответствий правилам отзыва высшего должностного лица исполнительной власти субъекта Российской Федерации, установленных федеральным законодательством. В частности, в заключении Юридического управления Законодательного Собрания города Севастополя № 04-01/02-ЮУ от 16.01.2017 г. содержалось следующее замечание: «Часть 2 статьи 28 Устава города Севастополя определяет случаи досрочного прекращения полномочий Губернатора города Севастополя, однако такая процедура, как отзыв, в указанной структурной единице отсутствует. В связи с вышеуказанным необходимо внести изменения в Устав города Севастополя» [6].

По завершении пленарного заседания 27 февраля 2018 г. на официальном сайте Законодательного Собрания города Севастополя было опубликовано сообщение (со ссылкой на Председателя Законодательного Собрания Е. Алтабаеву) о том, что законопроект не соответствует Федеральному закону № 67-ФЗ [5]. Комментируя данную информацию, депутат Законодательного Собрания города Севастополя В. Аксенов сообщил, что «в документе государственного правового управления Президента России… есть замечания на четырех листах, которые не устранены» [7].

Следующая версия законопроекта об отзыве Губернатора была включена в повестку сессии Законодательного Собрания города Севастополя 4 июня 2019 г. (автор проекта – депутат В. Горелов). Возражения Правового управления правительства Севастополя в содержании данного законопроекта вызвало включение в его текст дополнительного этапа процедуры отзыва губернатора, который не предусмотрен федеральным законодательством – требования об оценке инициативы Законодательным Собранием Севастополя [8]. Согласно п. 8 ст. 8 законопроекта, предусматривающей порядок реализации инициативы проведения голосования по отзыву, «Законодательное Собрание города Севастополя в срок не позднее 20 дней со дня поступления из Севастопольской городской избирательной комиссии ходатайства о регистрации инициативной группы и приложенных к нему документов проверяет наличие установленных настоящим Законом оснований отзыва, принимает решение о признании инициативы проведения голосования по отзыву соответствующей или не соответствующей требованиям настоящего Закона и направляет его вместе с ходатайством о регистрации инициативной группы и

приложенными к нему документами в Севастопольскую городскую избирательную комиссию» [9].

Нормы законопроекта предусматривали, что в случае, если Законодательное Собрание города Севастополя признает инициативу проведения голосования по отзыву соответствующей требованиям федерального и регионального законодательства, Севастопольская городская избирательная комиссия осуществляет регистрацию инициативной группы, выдает ей регистрационное свидетельство, а также сообщает об этом в средства массовой информации. Если же Законодательное Собрание города Севастополя признает инициативу проведения голосования по отзыву не соответствующей требованиям законодательства, Севастопольская городская избирательная комиссия отказывает инициативной группе в регистрации.

Необходимо отметить, что данная проблема становилась предметом обсуждения первого варианта проекта закона об отзыве главы региона. Так, в тексте письма Центральной избирательной комиссии от 26.02.2018 г. № 05-11/4540 Председателю Севастопольской городской избирательной комиссии подчеркивалось, что при подготовке модельного закона в Центральной избирательной комиссии Российской Федерации обсуждалась проблема необходимости отражения в нем положений п. 5 ст. 26 Федерального закона, связанных с направлением ходатайства инициативной группы в законодательный орган государственной власти субъекта Российской Федерации, и было принято решение соответствующие положения в модельный закон не включать, так как при проведении голосования выносится не вопрос государственного или местного значения в целях принятия решения, а предложение об отзыве высшего должностного лица субъекта Российской Федерации. Согласно логике экспертов Центральной избирательной комиссии, данный вопрос формулируется непосредственно в законе субъекта Российской Федерации об отзыве и не должен дополнительно оцениваться законодательным органом государственной власти субъекта Российской Федерации. Более того, такая формулировка противоречит подпунктам «а» и «в» статьи Федерального закона, запрещающего выносить на референдум субъекта Российской Федерации вопросы о досрочном прекращении полномочий органа государственной власти и об освобождении от должности должностных лиц.

Отзыв выборного должностного лица, согласно содержанию разъяснений Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, назван «зеркальным отражением» механизма прямых выборов, на основании чего сделан вывод о том, что лишить полномочий выборное лицо в случае возникновения предусмотренных

законом оснований, могут только избиратели посредством прямого волеизъявления. Соответственно, процедура отзыва высшего должностного лица субъекта Российской Федерации не может полностью совпадать с процедурой референдума субъекта Российской Федерации, так как отзыв представляет собой иную форму прямого волеизъявления граждан.

Включение данного положения в законопроект «Об отзыве губернатора города Севастополя» означает, что Законодательное Собрание обязано оценивать обоснованность выдвижения инициативы проведения голосования по отзыву, а это не предусмотрено Федеральным законом от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Наличие оснований для отзыва высшего должностного лица субъекта Российской Федерации определяется судебным решением и не нуждается в дополнительном подтверждении. Таким образом, включение дополнительного этапа оценки инициативы проведения голосования по отзыву высшего должностного лица субъекта Российской Федерации является оценкой законодательным (представительным) органом государственно власти субъекта Российской Федерации обоснованности и законности судебных решений, что противоречит ст. 10 Конституции Российской Федерации.

В комментарии вышеизложенной позиции Центральной избирательной комиссии глава Севастопольской городской избирательной комиссии С. Даниленко, подтвердил, что процедура отзыва высшего должностного лица субъекта Российской Федерации не может полностью совпадать с процедурой местного референдума, поскольку отзыв не является референдумом. По его мнению, смешение полномочий судебных и законодательных органов недопустимо в рамках действующей Конституции РФ [10]. Таким образом, в тексте законопроекта содержались нормы, которые противоречат правовой позиции Центральной избирательной комиссии.

Кроме данного спорного положения основанием против голосования за этот проект депутаты в процессе обсуждения назвали его противоречие Уставу города Севастополя, в котором не предусмотрены полномочия Законодательного Собрания по отзыву Губернатора. Действительно, предусматривающая основания досрочного прекращения полномочий Губернатора ст. 28 Устава города Севастополя из девяти пунктов возможных причин прекращения полномочий, наделяет Законодательное Собрание правом принять самостоятельное решение о досрочном прекращении

губернатора только в случае его смерти [15]. По остальным возможным основаниям местные депутаты должны принимать решение по представлению Президента Российской Федерации. Необходимо отметить, что в текстах Уставов городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга такое основание досрочного прекращения главы исполнительной власти региона предусмотрено: «его отзыв избирателями, зарегистрированными на территории города Москвы, в порядке и по основаниям, которые установлены федеральным законодательством и законом города Москвы» (п. 10 ст. 42 Устава города Москвы). Аналогичная норма содержится в Уставе Санкт-Петербурга (п. 10 ст. 40 Устава Санкт-Петербурга) [16].

Как следствие, до внесения изменений в Устав принятие закона об отзыве депутаты назвали нецелесообразным. В процессе обсуждения недостатков и перспектив законопроекта на заседании совета политических партий в правительстве города, 3 июля 2019 г., Губернатор города Д. Овсянников также заявил, что в случае принятия депутатами закона, он его подпишет, однако впоследствии прокуратура будет вынуждена его опротестовать [10]. Тем не менее, принятый в первом чтении законопроект, получил положительное заключение Юридического управления Аппарата Законодательного Собрания (Заключение № 04-01/50-ЮУ от 19.04.2019 г.) [6]. 9 июля 2019 г. закон города Севастополя об отзыве губернатора был принят: «за» закон проголосовали 13 из 24 депутатов. Депутаты прогубернаторского блока отказались участвовать в голосовании, мотивировав отсутствие на парламентском заседании недостатками законопроекта и необходимостью внесения изменений в Устав города [11].

В заключении можно констатировать, что с целью повышения результативности административного управления, региональное законодательство должно четко регламентировать процедуры применения института ответственности органов исполнительной власти региона и, в частности, механизм привлечения к ответственности руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации. Возможность реализации соответствующих норм должна стимулировать эффективную работу высшего должностного лица и всей системы органов исполнительной власти региона, возглавляемого им, обеспечивать высокую степень управляемости и контроля за политической ситуацией такого сложного региона как Севастополь [12, с. 222].

Между тем, федеральное законодательство, регламентирующее правовой институт отзыва является объектом критики экспертов, например, положение, согласно которому губернатор считается

отозванным, если за это голосовало более 50% от общего числа избирателей, то есть всех, кто имеет право голоса, при том, что количество избирателей проголосовавших за его избрание, не определено законом. Кроме того, одной из особенностей регионального законодательства, регулирующего отзыв главы исполнительной власти субъекта федерации, является невозможность устанавливать дополнительные основания для инициирования этой процедуры избирателями. Российские ученые констатируют необходимость оптимизации института отзыва высшего должностного лица исполнительной власти субъекта Российской Федерации, направленной на рост непосредственной связи с населением и организациями местного сообщества как основного инструмента воздействия на высшее должностное лицо субъекта федерации, предоставленного жителям региона, и предлагают в качестве дополнительного основания для инициирования процедуры отзыва избирателями должностных лиц установить в законодательстве, например, неэффективность управленческих решений и политической деятельности избранного должностного лица в целом [13, с. 52-53].

Действенность реализации законодательства региона зависит от того, каким образом в его содержании отражена специфика его развития. Однако в случае Севастополя сложившаяся в городе политическая обстановка, поспешность принятия закона об отзыве губернатора и недостатки принятого в 2014 г. Устава города, который не содержит соответствующей нормы, негативно повлияли на соответствующее законотворческое решение.

Анализ правоприменительной практики последних лет демонстрирует ряд дефектов регионального законодательства Севастополя. Нормы, устанавливающие порядок отзыва губернатора Севастополя, имеют расхождения как с нормами Устава города Севастополя, так и с правовой позицией Центральной избирательной комиссии: Закон города Севастополя от 23 июля 2019 г. № 517-ЗС «О порядке отзыва Губернатора города Севастополя» был принят без учета депутатами правовой позиции Центральной избирательной комиссии и без внесения изменений в Устав города Севастополя [17]. Особенности процедуры его принятия и результат законотворческой деятельности севастопольских законодателей не отвечает задаче оптимизации взаимодействия между органами исполнительной и законодательной власти города, а также между ними и жителями региона.

Представляется, что, если норма, регламентирующая отзыв губернатора избирателями, вводилась с целью повышения результативности административного управления, в целях устранения указанных противоречий, её формулировка должна быть приведена в

соответствие с правовой позицией Центральной избирательной комиссии по этой проблеме, а Устав города Севастополя дополнен соответствующей нормой.

Литература:

1. Доклад Законодательного Собрания города Севастополя «О состоянии законодательства города федерального значения Севастополя в 2018 году»: официальный сайт Законодательного Собрания города Севастополя. 2019 [Электронный ресурс]. Дата обновления: 05.02.2019. URL: https://sevzakon.ru/assets/files/04_postproekty/2019/12-832_doklad.pdf (дата обращения: 03.06.2019).

2. Скребец Е.В. Проблемы взаимоотношений законодательной и исполнительной ветвей власти в городе Севастополе: правовой аспект // Развитие юридической науки и проблема преодоления пробелов в праве: сборник научных статей по итогам работы пятого международного круглого стола. Часть 1. Шахты: ООО «Конверт», 2019. С. 35-44.

3. Обращение представителя Губернатора города Севастополя в Законодательном Собрании города Севастополя Михаила Вавилова к депутатам Законодательного Собрания: официальный портал органов государственной власти. Правительство Севастополя. 2019 [Электронный ресурс]. Дата обновления: 24.04.2018. URL: https://sevastopol.gov.ru/info/news/51380/ (дата обращения: 07.07.2019).

4. Овсянников: закон об отзыве губернатора Севастополя надо принять до выборов // РИА «Новости»: сетевое издание. 2016. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 18.10.2016. URL: https://ria.ru/politics/20161018/1479466890.html (дата обращения: 09.07.2019).

5. Законопроект об отзыве губернатора соответствует всем требованиям федерального законодательства: официальный портал органов государственной власти. Правительство Севастополя. 2018 [Электронный ресурс]. Дата обновления: 27.02.2018. URL:https://sev.gov.ru/info/news/48780/ (дата обращения: 06.06.2019).

6. Колесников Б. О законе «О порядке отзыва Губернатора» и шизофрении // Взгляд Севастополь: форум. 2019 [Электронный ресурс]. Дата обновления: 11.06.2019. URL:https://vzglyad-sevastopol.ru/20190611/4116/o-zakone-o-porjadke-otzyva-gubernatora-i-shizofrenii/ (дата обращения: 20.06.2019).

7. Кравченко Г. Отозвать губернатора Севастополя: миссия невыполнима? // Крым. Реалии: сайт крымского проекта украинской службы «Радіо Свобода». 2019 [Электронный ресурс]. Дата

обновления: 22.03.2019. URL: https://ru.krymr.com/a/otozvat-gubernatora-sevastopolya-missiya-nevypolnima/29836003.html (дата обращения: 30.07.2019).

8. Закон об отзыве губернатора нужен, но необходимо привести его в соответствие с федеральным законодательством — Михаил Вавилов // «Севастополь.ру»: сетевое издание. 2019 [Электронный ресурс]. Дата обновления: 03.07.2019. URL: https://ikstv.ru/novosti/zakon-ob-otzyve-gubernatora-nuzhen-no-neobhodimo-privesti-ego-v-sootvetstvie-s-federalnym-zakonodatelstvom-mihail-vavilov-03-07-2019/ (дата обращения: 23.07.2019).

9. О порядке отзыва Губернатора города Севастополя : проект закона города Севастополя: зарегистр. 5 марта 2019 г. регистрац. № 19/644: официальный сайт Законодательного Собрания города Севастополя. 2019 [Электронный ресурс]. Дата обновления: 05.03.2019. URL: http://sevzakon.ru/view/laws/bank_zakonoproektov/i_sozyv_2019/pr_zak_19_644/tekst_zakonoproekta/ (дата обращения: 03.06.2019).

10. Губернатор Севастополя подпишет закон об отзыве главы города // Крымский новостной портал INFORMER: сетевое издание. 2019 [Электронный ресурс]. Дата обновления: 03.07.2019. URL: https://ruinformer.com/page/gubernator-sevastopolja-podpishet-zakon-ob-otzyve-glavy-goroda (дата обращения: 13.07.2019).

11. В Севастополе приняли закон об отзыве губернатора // Вести Севастополь: сайт. 2019 [Электронный ресурс]. Дата обновления: 09.07.2019. URL: https://vesti92.ru/news/novosti/v-sevastopole-prinyali-zakon-ob-otzyve-gubernatora/ (дата обращения: 23.07.2019).

12. Росенко М.И. Избрать нельзя назначить - где будем ставить запятую?: к дискуссии об избрании или назначении губернатора Севастополя. Научный журнал Современная научная мысль, 2017, № 3. С. 219-224.

13. Гарипов Р.Ф. Политическая ответственность главы региона в современной России / Р.Ф. Гарипов, О.И. Зазнаев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2013. Т. 13. Вып. 2. С. 50-53.

14. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 сент. 1999 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Устав города Севастополя: закон г. Севастополя от 11.04.2014 г.: принят Законодатель.ным Собранием города Севастополя 11 апр.

2014 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://constitution.garant.ru/region/ustav_sevastopol/chapter/53070549816cbd8f006da724de818c2e/ (дата обращения: 10.11.2018).

16. Устав города Москвы: закон г. Москвы от 28.06.1995 г.: принят Моск. Гор. Думой 28 июня 1995 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://duma.mos.ru/ru/187/page/ustav-goroda-moskvyi (дата обращения: 10.11.2018). Устав Санкт-Петербурга: закон г. Санкт-Петербурга от 14.01.1998 г.: принят Законодательным Собранием Санкт-Петербурга 14 янв. 1998 г. [Электронный ресурс]. Доступ из НПП «Гарант-Сервис».

17. О порядке отзыва Губернатора города Севастополя: закон г. Севастополя от 23.07.2019 г. № 517-ЗС: принят Законодательным Собранием города Севастополя 9 июля 2019 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sevzakon.ru/view/laws/bank/2019/zakon_n_517_zs_ot_23_07_2019/opublikovanie/ (дата обращения: 10.10.2019).

Историческая память как фактор национальной консолидации российского общества

Савин С. Д.
Кандидат социологических наук
Санкт-Петербургский государственный университет, доцент
Email: ssd_sav@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 15-18-00119, «Исторический опыт управления этническим разнообразием и этноконфессиональными конфликтами в имперской, советской и постсоветской России: междисциплинарное исследование».

Аннотация: *Вопрос построения гражданской нации в России тесно связан с проблемой общности исторической памяти как духовной основы консолидации общества. При построении желаемой модели будущего нельзя забывать о прошлом. Каждое общество конкретно исторично, имеет собственный уникальный опыт развития и не может рассматриваться как «чистый лист» для заполнения готовыми идеями успеха. Эти идеи рождаются из осмысления базовых ценностей общества и их историко-культурных основ. Общенациональные ценности должны носить надэтнический характер, не исключая при этом уникальную историческую обусловленность каждого народа в составе нации. Следует помнить,*

что конфликты исторической памяти возникают из идеализации собственной исключительности, непонимания эффекта синергии совместного устойчивого развития. Ведущую роль в построении единой нации играет консолидированное гражданское самосознание. В статье на основе данных социологических опросов исследуется общее и особенное в исторической памяти россиян, в том числе и жителей Крыма.

Ключевые слова: *историческая память, национальное самосознание, этнополитический конфликт, этноконфессиональные отношения, нация, национальные ценности.*

Historical memory as a factor of national consolidation of Russian society

Savin S. D.
PhD in Sociology, Associate Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg
Email: ssd_sav@mail.ru

Abstract: *The development of the civil nation in Russia is closely related to the problem of common historical memory as a moral basis for the consolidation of society. We should not forget about the past, building the desired model of the future. Each society possesses a specific history, unique development path and can not be perceived as a «clean sheet of paper», where we could write ready-made ideas of success. These ideas are resulted from the understanding of society's core values, based on its history and culture. National values should have a supra-ethnic character, not excluding the unique history of each society as a part of the whole nation. It is important to take into account, that the conflicts of historical memory arise from the idealization of own uniqueness, lack of understanding of the synergy effect in common sustainable development. Consolidated civil consciousness plays a key role in the formation of a single nation. The article examines the general and specific features of the historical memory of Russian people, including residents of the Crimea, based on the data of sociological surveys.*

Keywords: *historical memory, collective consciousness, ethnopolitical conflict, ethno-confessional relations, nation , national values.*

Становление российской нации - неотъемлемая составляющая общественной модернизации. Гражданская нация подразумевает консолидированное общество с высоким уровнем национальной (государственно-гражданской) идентичности. Ценность

общественного развития заключается в том, что мы строим общество, в котором хочется жить, растить детей, вкладывать в него свои силы и жизненные устремления. То есть, это то общество, в будущее которого мы верим. Такая вера, составляя основу национального самосознания, становится фактором развития, дает не просто духовные ориентиры, но еще и консолидирует общество для их достижения. Можно сказать, что одним из ключевых факторов конечного успеха модернизации является социальная интеграция общества в результате формирования нормативно-ценностных оснований гражданской консолидации. Иначе говоря, социальная интеграция в решающей степени обеспечивается интеграцией социокультурной, выражающейся в развитом национальном самосознании [1, с. 97-98].

Что составляет национальное (гражданское) самосознание? Основа его – историческое сознание как понимание единой нити развития: прошлое-настоящее-будущее. Чтобы построить консолидированную нацию, стремящуюся быть образцом для подражания, надо уметь объективно взглянуть на свое прошлое и оценить проблемы и противоречия настоящего.

Приукрашенная история, представляющая собой ее этнонациональную версию, все равно будет присутствовать в современной политике. Но в этой исторической версии должно быть и место для осмысления ошибок и противоречий исторического развития, различные оценки событий и процессов. Такие оценки и умение признавать и осмысливать темные пятна истории залог становления развитой политической (гражданской) нации. В этом отношении в практике современного национального развития России имеются как положительные, так и отрицательные черты. Положительные, на наш взгляд, заключаются в поиске исторической правды и отсутствие лакун и запретов в научных и научно-публицистических исследованиях прошлого нашей страны. Белый и красный террор времен гражданской войны, сталинские репрессии, военные поражения, подавления прав и свобод личности и народов – все эти и подобные «травмирующие историческую память» темы становятся предметом исследований наряду со славными страницами отечественной истории. Важно, что нет доминирования одной позиции, а есть плюрализм подходов и объектов исследований. В связи с этим рано или поздно дискуссии историков и других представителей национальной интеллигенции придут к консенсусу по ключевым вопросам исторического развития, но оставив там место для различных выводов, для позиций разных политических сил российского общества. И это будет не навязанная «сверху» позиция политической целесообразности, а выстроенная в том числе и снизу концептуальная

модель истории, впитавшая опыт многовекового развития России как интегрированного полиэтнического образования.

Отрицательные стороны исторической политики России в вопросах нациестроительства нам видятся в замкнутости отдельных исторических школ национальных республик, в которых порождаются и системно поддерживаются этнонациональные версии истории с мифами об этнической исключительности и прерванном пути развития после вхождения в состав России. Это путь не к интеграции, а к сепаратизму или национальной обособленности. Он не приводит к консенсусу, а к углубляющемуся разрыву в национальном историческом сознании. Так примеры формирующихся татарской, чеченской, якутской, тувинской и некоторых других исторических школ могут превратиться в «мины с часовым механизмом» российской национальной политики, когда и спустя годы российская нация не будет консолидирована, сохранятся зоны этнополитической напряженности и конфликтов.

Показательны в этом вопросе периодически возникающие в публичном пространстве российского общества конфликты исторической памяти на предмет так называемых цивилизационных основ России. Так, в сентябре 2019 г. разгорелся конфликт из-за инициативы введения в России памятной даты 11 ноября – день победного окончания Великого стояния на Угре**.** В поддержку установления этой памятной даты собрано более 100 тысяч подписей граждан. И в осеннюю сессию проект согласованный Российской академией наук, Росархивом, Минкультуры, Минобороны, Минфином, Минюстом и Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ должен был быть вынесен на заседание Государственной Думы РФ [https://rg.ru/2019/07/14/reg-cfo/den-stoianiia-na-ugre-mozhet-stat-gosudarstvennoj-pamiatnoj-datoj.html]. Однако проект не был вынесен на рассмотрение в связи с отрицательной резолюцией Госсовета Татарстана, заключением Института истории Академии наук Татарстана и другими представителями татарской общественности. Звучали обвинения в разжигании межнациональной розни, экстремизме и провоцировании «негативных общественно-политических последствий» [https://www.kommersant.ru/doc/4073216]. Этот пример конфликта памяти показателен с точки зрения отсутствия общественного консенсуса об исторических основах становления российской нации, а также самого источника его формирования, вытекающего из этнократической политики национальных республик в составе Российской Федерации. Сами принципы этой политики (этноцентризм) порождают этническое неравенство, этнокультурную замкнутость,

поддерживаемую институционально как через органы власти и управления, так и через институты науки, образования и культуры национальных регионов – конкретных субъектов федерации. Таким образом, приходится констатировать, что в российском обществе еще не сформировалась консенсусная историческая память народов о взаимообогащении друг друга на пути модернизации. Когда у нас говорят об общности исторической судьбы, не понимают, что это за судьба. Может выясниться, что для некоторых этнических общностей в силу определенных культурно-информационных воздействий на массовое сознание со стороны местных элит и духовных лидеров, судьба присоединения к России не выглядит столь уж привлекательной.

В связи с отмеченным выше обстоятельством победные реляции о народном единстве и растущей общероссийской гражданской идентичности выглядят неубедительно. Идентификация в конкретный период с гражданами России еще не означает общественной солидарности. Идентичность характеристика не всегда устойчивая, подвижная, подверженная текущему определению ситуации как социально-психологической оценки. Но если речь идет о глубинной идентичности на основе солидарности народов и понимания ответа на вопрос «Кто мы?», то в этом случае выделяются социокультурные основания политики: ценности, понимание роли человека как гражданина, целостность политической культуры и единство традиций [2, с. 68].

С целью выявления взаимосвязи структурных факторов гражданского самосознания россиян, имеющих ценностно-обусловленный характер в период с 25.08.2019 по 26.09.2019 Центром социологических и Интернет-исследований СПбГУ был проведен всероссийский телефонный опрос. Выборка квотная по полу, возрасту и образованию составила 1653 человека. В исследовании присутствовал вопрос про историческую память россиян, о людях, выступающих образцом для подражания, то есть об архетипах лидерства, о тех, кто сможет повести вперед к новой модернизации. В общероссийском плане бы получен большой разброс таких «героев», но подтвержден был список ядра деятелей национального масштаба.

При анализе результатов опроса бросается в глаза отсутствие консенсуса в исторической памяти россиян, а также большое количество затруднившихся с ответом (почти треть опрошенных – 30,1%). Особенно удивляет, что среди молодежи в возрасте от 18 до 29 лет 36,8% не смогли назвать ни одной фигуры из истории своей страны, кем они могли бы гордиться. И это при том, что недавно ими изучалась история в рамках школьных и университетских образовательных программ, а политика государства по патриотическому воспитанию

молодежи считается приоритетной и имеет сравнительно большие затраты. Что наводит на мысли о ее неэффективности в тех формах, которые она сейчас имеет.

На первых местах в исторической памяти россиян традиционно волевые государственные деятели (Петр I, И. Сталин, В. Ленин, П. Столыпин) на втором месте полководцы (Г. Жуков, А. Суворов, А. Невский), на третьем великие деятели науки и культуры (духовные лидеры). Примечательно, что тройку таких духовных образцов в исторической памяти россиян с 6 по 8 место составили: Ю.Гагарин, А. Пушкин, М. Ломоносов – космонавт, поэт и ученый.

Соответственно, если говорить о современных задачах общественной модернизации, то они в российском обществе вряд ли будут успешны без сильной государственной воли в лице национального лидера. При этом это должен быть такой человек, который в новых условиях сумеет наладить диалог между государством и гражданским обществом, создать гарантии правопорядка и безопасности для их взаимодействия. Если выделять тенденции в изменении исторической памяти россиян, то здесь заметно снижение популярности известных полководцев и военных героев, особенно среди молодежи. Возможно, что активная государственная пропаганда патриотизма через постоянную эксплуатацию образа великих военных побед и подвигов дает обратный эффект в результате односторонности и шаблонности данной подачи информации. К тому же бюрократические методы создания многочисленных «отрядов» патриотических кубов молодежи во всех регионах большей частью выхолащивают смысл подлинного патриотизма и становятся объектами критики среди самой молодежи. Следует помнить, что базовая ценность российского общественного сознания – мир. В обществе есть потребность политики мира при сохранении державной мощи государства как гаранта безопасности.

Литература:

1. Абдулкаримов Г. Теоретические проблемы актуальной этнополитики в России: Этносоциология модернизации современной России. М.: Издательство «Весь мир». 2010. 331 с.

2. Булатов Ю.А. Беседы о русской национальной политике. М.: Издательство «Молодая гвардия». 2017. 312 с.

Древнее наследие Косово и Метохии

Савич Мария М.
Институт сербской культуры Приштина/Лепосавич,
научный сотрудник-исследователь
E-mail: marijasavic84@gmail.com

Аннотация: *Древнее прошлое Косово и Метохии известно нам благодаря археологическим исследованиям и ценной информации от многочисленных писателей-путешественников, которые проезжали по этим районам в течение 19-го века. Они оставили полезную информацию о древних памятниках Косово и Метохии, которая оказывает большую помощь в идентификаци археологических памятников. Все полученные данные стали полезны позже, в середине 20-го века, когда создание учреждений по охране памятников культуры положило начало археологическим исследованиям Косово и Метохии, которые, с периодическими перерывами, продолжаются по сей день, дополняя тем самым фонд древнего наследия.*

Ключевые слова: *Косово и Метохия, археология, древность, местонахождения, исследование.*

Ancient Age Heritage in Kosovo and Metohija

Savic Marija M.
Pristina-Leposavić Institute of Serbian Culture,
Research Associate,
E-mail: marijasavic84@gmail.com

Abstract: *The Ancient Age past of Kosovo and Metohija is known to us through archaeological explorations and many precious information written by the travelers who visited these regions during 19 century. They left useful information about ancient monuments in Kosovo and Metohija crucial for identification of the archaeological sites. All obtained data will be used later, in mid-twentieth century with establishment of rescue institutions for cultural monuments and beginning of more intensive archaeological excavations in Kosovo and Metohija region which, with temporary interruptions, continue until today supplementing the ancient age heritage fund.*

Keywords: *Kosovo and Metohija, archaeology, antique, archaeological sites, excavation*

Знания о древнем наследии Косово и Метохии планомерно накапливались, начиная со второй половины XIX века. Эти данные

исходят от первых писателей-путешественников, которые, проезжая через эти земли, делали заметки о жизни и обычаях людей, а также описывали конкретные места и области, среди которых существуют заметки о древних памятниках. Заметки представляют информацию о памятниках, которые можно увидеть в остатках стен и укреплений поселений или в остатках надгробий. Среди многих писателей-путешественников мы должны упомянуть Ами Буэ, Хана, Гильфердинга, Макензи, Ибри, Ястребова, особенно Артура Эванса, английского археолога, который начал свои первые исследования археологических работ на Балканах в 1875 году. Его заметки содержат информацию о древних памятниках и поселениях, которые он смог до некоторой степени найти на основании некоторых письменных памятников. Опубликованные путевые заметки позже заинтересовали некоторых исследователей древних Балкан, и они послужили ориентиром для планирования их исследований [13, с. 260]. В начале 20-го века к этим редким исследователям присоединится профессор Никола Вулич, который собирал и публиковал древние памятники из южной Сербии, большая часть которых была передана в тогдашний Музей южной Сербии в Скопье и опубликована в нескольких томах Памятников сербской королевской академии и Сербской академии наук (Спом. 71, 75, 77 и Спом. САН 98). В этих исследованиях следует также упомянуть исследовательскую деятельность Чиро Трухелки и краткие путевые заметки Джураджа Бошковича, охватывающие весь материал о древнем прошлом Косово и Метохии со второй половины 19 до середины 20 века [14, с. 260-264].

Работы по археологическому исследованию Косово и Метохии начались в середине прошлого века с создания учреждений по охране памятников культуры и прибытием образованных археологов, которые внесли значительный прогресс в изучение древнего периода в этой области. Это относится, прежде всего, к формированию Музея Косово и Метохии и прибытию археолога Эмиля Чершкова, который считается одним из основоположников археологии Косово и Метохии [13, с. 97].

Древнее культурное наследие, состоящее из подвижных и недвижимых репрезентативных остатков зданий различного характера, было в основном обнаружено во время археологических раскопок, начатых в середине прошлого века, и периодически с перерывами проводившихся до настоящего времени. При том, что с самого начала и до распада Югославии исследования проводились сербскими учреждениями, Музеем Косово и Метохии и Областным институтом охраны памятников культуры в Приштине. Полевые исследования того времени были сосредоточены на крупных населенных пунктах, таких как Ульпиана и Муниципий ДД, и частично исследовалась остальна

часть территории, где наблюдались более мелкие объекты, но также имеющие большое историческое значение. Прекращение археологических исследований в конце 20-го века были вызваны нестабильной политической ситуацией на Балканах, которая, как следствие, привела к войне и распаду Югославии. После войны в Косово и Метохии албанцы самостоятельно, при поддержке ведущих западноевропейских держав, провозгласили свое государство под названием Республика Косово, в результате чего сербские учреждения, связанные с защитой культурных ценностей, были официально перемещены на территорию Сербии и вместо них создали новые под названием: Музей Косово, Археологический институт Косово и другие, связанные с сохранением культурного наследия так называемой Республики Косово.

Еще с 2008 года Косовский археологический институт в сотрудничестве с Немецким археологическим институтом начал совместный научно-исследовательский проект, который включал разработку плана и установление базовых стандартов для будущих археологических исследований и управления культурным наследием. Помимо научного характера, возникла необходимость создать условия и планы по развитию продвижения культурного туризма - археотуризма. Исследования в рамках совместного проекта были впервые начаты на Ульпиане. Ранее, исследования были сосредоточены на одной части поселения и на более крупных представительных зданиях, таких как раннехристианская базилика, городские ворота и отдельные могильники северного и западного некрополя [8, с. 319-327; 18, с.321-324; 19, с. 275-280; 17, с. 133-136; 20, с. 371-375; 16, с. 72-76; 5, с. 82-86; 6, с. 95-96; 7, с. 136-142]. В настоящее время иследования охватывают более широкую часть поселений в местах, где были обнаружены объекты во время подготовительных работ или геофизических исследований [10, с. 85-87] . Съемка подтвердила сложную структуру поселения с площадью распределения более 50 га в окрестностях Ульпианы [11, с. 273]. Прежним исследованиям известны следующие объекты: епископская базилика с баптистерием, базилика, укрепленная круглыми башнями, северный и западный некрополь, остатки защитного вала с наблюдательными вышками и церковным двором, военное укрепление, языческий храм с портиком, очертания термальных ванн, части дороги cardo maximus и водоотводного канала cloaca maxima, а также большого количества подвижного археологического материала [15, с. 16-18].

Археологические раскопки Ульпианы находятся недалеко от Приштины, на косовской равнине, на краю области Янево-Новобрдо. Город включал поселение, укрепленное стенами, площадью около 35,5

га. У поселения также есть территория, на которой военное укрепление было расположено примерно в 100 метрах за пределами восточных стен города, площадью 16 гектаров (400x400 м), и некрополи за пределами укрепленного поселения [10, с. 81-97]. Город был возведен на месте старого местного поселения, в центральной части района, очень богатого рудой. Он был основан во время правления императора Траяна, и с этого времени носит название Ульпиан. С экономическим подъемом город развивался и приобрел статус муниципия, который стал сильным политическим, экономическим и культурным центром более широкой территории в пределах римской провинции Верхняя Мезия, а затем и провинции Дардания. Пик своего развития город испытывает в конце 3-го и начале 4-го века, во время которого он имел эпитет Municipium Ulpiana Splendidssima - муниципий великолепной и величавой Ульпианы. Со второй половины 5-го века вторжение варварских племен на Балканский полуостров не обошло стороной Ульпиану. Первое великое страдание и разрушение относится к готическим племенам в 471 году. После этой волны разрушений город, хотя и был восстановлен, не смог вернуть свое былое великолепие и славу. Он был перестроен во времена императора Юстиниана в первой половине 6-го века, когда на восточной стороне крепостных стен был возведен большой военный лагерь. Восстановленный город получил название - Iustiniana Secunda (Юстиниана Секунда). Уже в середине 6-го века новая волна разрушений охватила город, когда аваро-славянские племена пересекли Дунай и проникли глубоко в иллирийскую территорию. В конце 6-го и начале 7-го века город был заброшен, завоеван и разрушен [13, с. 98-103].

Другое крупное римское поселение городского характера находится в Сочанице, недалеко от Лепосавича. Поселение, как и Ульпиана, представляло собой шахтерский центр, потому что оно было расположено у подножия горного хребта Копаоник и Рогозна. Как шахтерский центр, поселение быстро развивалось и получило особенности города, поэтому к концу 2-го века оно приобрело статус муниципалия. Это также время, когда город достигает своего наибольшего подъема. В течение 3-го века город переживает застой в развитии из-за великого экономического кризиса, который потряс всю Империю, что отразилось и на горнодобывающей промышленности и, следовательно, на развитии поселений, выживание которых в основном основывалось на этой деятельности. Эта ситуация привела к тому, что со временем город был оставлен и полностью заброшен в первые десятилетия 4-го века [21, с. 33-38].

Археологические раскопки в Сочанице охватили только одну часть поселения, то есть только ядро города, и тогда были открыты

форум, базилика, части терм и некрополей на более широкой территории поселения. В районе форума были обнаружены хореи, Храм Антиноя и городская базилика. Значительная группа находок состоит из множества эпиграфических памятников, которые подтверждают муниципальное устройство поселения и указывают на различия в этническом составе населения и его религиозных предпочтениях. Археологические исследования проводились в прошлом веке, благодаря чему до сегодняшнего дня данные и объекты остаются свидетельством города и экономического центра в ареале поселения в Сочанице в римский период [21, с. 33].

Помимо этих двух крупных городских поселений, в Косово и Метохии известны также более мелкие поселения. В волине Белого Дрима констатированны места с сакральными структурами [2, с. 150-151; 1, с. 121-125] и остатки зданий, принадлежащих меньшей - сельской усадьбе [14, с. 294; 22, с. 12-14]. В Печском Поле на участке Градина были обнаружены остатки строительного комплекса, принадлежащего хореям, и в непосредственной близости были обнаружены части стен, свидетельствующие о существовании поселения, которое, вероятно, простиралось между Печской Бистрицей и дорогой Печ-Приштина [9, с. 35-43].

Исследования в Метохии носили характер защитных раскопок в районах, находящихся под угрозой из-за строительства более крупных коммерческих зданий, предусмотренных программой экономического развития. Вторая волна более интенсивных исследований была в 1980-х годах, которые включали планирование и долгосрочное исследование отдельных участков [16, с. 268], в то время как послевоенные исследования были сосредоточены на геофизических съемках с использованием современных методов, в рамках совместного проекта, проистекающего из немецко-косовского сотрудничества.

В отличие от Метохии, исследования в Косово были плановыми и долгосрочными. Исследования проводились на участке Винденис, в районе села Главник, недалеко от Подуево. Идет речь о римском поселении с некрополем. Из поселка выходит роскошное жилое здание с несколькими комнатами, среди которых была комната с напольной мозаикой с Орфеем [12, с. 150; 16, с. 334]. Геофизические измерения в течение 2008 и 2011 годов, на примерно 11 гектарах площади этого населенного пункта, идентифицировали следы объекта, похожего на военную крепость 38х38 м, что соответствует каструму для размещения меньшей военной части [15, с. 16-18]. Как в Главнике, так и в Неродимле, рядом с Урошевцем, было обнаружено здание с сохранившейся мозаикой. Это роскошный особняк поздней античности, принадлежавший какому-то богатому римскому

гражданину или высокопоставленному лицу. Имеет сложную архитектурную композицию, с настенными фресками с мозаичным полом с именами и персонажами греческих мудрецов [3, с. 87-91; 4, с. 247-274].

Кроме обнаруженных строительных конструкций, было собрано множество подвижных археологических материалов: мраморных и бронзовых пластиков, керамических и стеклянных сосудов, различных видов украшений, орудий и т. д., среди которых некоторые предметы выделяются исключительным способом художественной и ремесленной выработки.

Предыдущие исследования древних археологических памятников на территории Косово и Метохии позволили получить данные, свидетельствующие об исключительном богатстве культурного наследия, на основании которого можно определить социальный, экономический и религиозный характер принадлежности отдельных объектов.

Литература:

1. Јовановић В., Бањица код Пећи у Метохији – касноантичка фунерарна грађевина, Археолошки преглед 9. Београд, 1967.

2. Ковачевић Ј., Бела Црква у Метохији, Архитектонски објекти VI века у некропола са краја XII века, Археолошки преглед 8. Београд, 1966.

3. Коваљев Г., Касноантичка палата у Неродимљу, Старине Косова IX. Приштина, 1989-1990.

4. Лазић М., Терме у Доњем Неродимљу код Урошевца, VESTIGATIO VETUSTATIS Александрини Церамановић-Кузмановић. Београд, 2001.

5. Паровић – Пешикан М., Улпијана, с. Грачаница, Приштина – античко насеље, Археолошки преглед 24. Београд 1985.

6. Паровић – Пешикан М., Грачаница - Улпијана, Археолошки преглед 25. Београд, 1986.

7. Паровић – Пешикан М., Улпијана 1985-1986, Гласник српског археолошког друштва 4. Београд, 1987.

8. Поповић Љ., - Чершков Е., Улпијана, Предходни извештај о археолошким истраживањима од 1954 до 1956.године, Гласник музеја Косова и Метохије I. Приштина, 1956.

9. Срејовић Д., Касноантичка житница у Маскару, Balcanica XIII-XIV. Београд, 1982-1983.

10.Tiechner F., Ulpiana – Iustiniana Secunda (Kosovo): das urbane Zentrum des dardanischen Bergbaubezirks, Ephemeris Napocensis 25. Bucurest, 2015.

11.Tiechner F., On the ancient twin-city of Ulpiana-Istiniana Secunda (Kosovo): Capita, od The Metalla Dardanica, PROCEEDINGS XVIII-th International Congress of Classical Archaeology, VOL. I. Mérida, 2014.

12.Фидановски С., Пољанице, Главник, касноантичко насеље, Археолошки преглед (1985). Љубљана, 1986.

13.Фидановски С., Античко наслеђе Косова и Метохије, Зборник радова: Археологија Косова и Метохије, 2007.

14.Фидановски С., Римски и рановизантијски период, Зборник радова: Археолошко благо Косова и Метохије. Београд, 1994.

15.Helfert M., - Teichner F., Archäologisch-geophysikalische Prospektionim Kosovo – Erste Resultate einer bilateralen Forschungskooperation. Archäologischer Anzeiger XX-XX, 2012-2.

16.Цветковић – Томашевић Г., Улпијана, археолошка ископавања у средишту и јужном делу античког града, Саопштења XV. Београд, 1983.

17.Чершков Е., Улпијана (Грачаница НОО Приштина), Археолошки преглед 1. Београд, 1959.

18.Чершков Е., - Поповић Љ., Улпијана, предходни извештај о археолошким истраживањима у 1957.години, Гласник музеја Косова и Метохије II. Приштина, 1957.

19.Чершков Е., - Поповић Љ., Улпијана, предходни извештај о археолошким истраживањима у 1957.години, Гласник музеја Косова и Метохије III. Приштина, 1958.

20.Чершков Е., Улпијана, кратак извештај о археолошким истраживањима у 1959.години, Гласник музеја Косова и Метохије IV-V. Приштина, 1960.

21.Čerškov E., Municipium DD. Priština-Beograd, 1970.

22.Wendling H., Archäologisch-geophysikalische Prospektionim Kosovo – Erste Resultate einer bilateralen Forschungskooperation. Archäologischer Anzeiger XX-XX, 2012-2.

Современный университет в транзитивном обществе: глобальные вызовы

Сантоцкая К.Э.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет,

Томский государственный педагогический университет

E-mail: santotskayak@mail.ru

Аннотация: *Специфика транзитивного общества заключается в процессе радикальных преобразований социальной структуры, и, как следствие, - жизненного мира индивидов, составляющих общество. Современное образование как социальный институт формирует мировоззрение, выстраивает систему ценностей, конструирует социальную реальность, стратифицирует общество, детерминирует социальную мобильность, социальное здоровье и экзистенциальное самочувствие социальных групп и каждого человека. Университетам в транзитивном обществе бросаются определенные вызовы, и умение подстраиваться под них и модернизировать свою деятельность и образовательное пространство способствует повышению конкурентоспособности современного университета. Другими словами, для успешной трансформации современных университетов и адаптации к существующим глобальным вызовам современности необходимо создавать адаптивную, по отношению к внешней среде, систему управления университетом. Это подразумевает под собой способность ВУЗа оперативно реагировать на изменения законодательства, рынка труда, запросов абитуриентов, повышение стандартов в той или иной отрасли, увеличение конкуренции и оперативно вносить коррективы в свою деятельность.*

Ключевые слова: *транзитивное общество, современный университет, глобальные вызовы, образовательное пространство, цифровые технологии, life-long learning*

Modern University in a Transitive Society: Global Challenges

Santotskaya K.E.
Tomsk Polytechnic University
Tomsk State Pedagogical University
E-mail: santotskayak@mail.ru

Abstract: *The specifics of a transitive society lies in the process of radical transformations of the social structure, and, as a result, the life world of the individuals who make up the society. Modern education as a social institution forms a worldview, builds a system of values, constructs social reality, stratifies society, determines social mobility, social health and the existential well-being of social groups and each person. Universities in a transitional society face certain challenges, and the ability to adapt to them and modernize their activities and educational*

space contributes to the competitiveness of a modern university. In other words, for the successful transformation of modern universities and adaptation to the existing global challenges of our time, it is necessary to create an adaptive university management system in relation to the external environment. This implies the ability of the university to respond promptly to changes in legislation, the labor market, requests from applicants, raise standards in a particular industry, increase competition and promptly make adjustments to its activities.

Keywords: *transitive society, modern university, global challenges, educational space, digital technologies, life-long learning*

Описывая современное состояние общества, часто говорят о нем как о переходном, трансформирующемся, модернизирующемся или транзитивном обществе. Специфика транзитивного общества заключается в процессе радикальных преобразований социальной структуры, и, как следствие, - жизненного мира индивидов, составляющих общество.

Транзитивный процесс в обществе неразрывно связан с инновационным процессом, так как оба эти явления означают переход в иное, качественно новое состояние. Для этих процессов характерны единство и борьба старого и нового, сохранения и отрицания. Рассматриваемые явления не бывают комфортными, они всегда порождают сложную взаимосвязь риска, шансов и ответственности, однако, они несут в себе идею дальнейшего развития, не обязательно однозначно позитивного.

Агранович Виктория Борисовна в своих работах выделяет основные черты присущие транзитивному обществу. Так, например, к ним относится: неустойчивость и неравномерность протекающих в нем социальных процессов; повышенная инновационная активность; прогрессивные тенденции и необратимость изменений, происходящих в меняющемся обществе; ситуация постоянного выбора человека между различными ценностями; антиномичность разума, деятельности и поступков человека; формирование типа личности - тип «рыночной ориентации»; развитие кризиса идентичности [1].

Современное образование как социальный институт формирует мировоззрение, выстраивает систему ценностей, конструирует социальную реальность, стратифицирует общество, детерминирует социальную мобильность, социальное здоровье и экзистенциальное самочувствие социальных групп и каждого человека [2].

Одним из глобальных вызовов университетам в транзитивном обществе является мировая глобализация. В связи со свободным движением информационных и кадровых ресурсов учебные заведения постепенно интегрируются и разрабатывают международные образовательные программы. Таким образом, постепенно начинает формироваться единое интернациональное образовательное пространство. Современные технологии уже сейчас требуют от университетов перестройки структуры и сущности образования. Целевой установкой постепенно становятся способы «вскрытия» талантов человека и «прошивки» его жизненных сценариев, через синтез биологии и «умных технологий», а также развитие ноосферы. В ближайшем будущем цифровые приложения (скрипты) полностью адаптируются под потребности человека и окончательно вытеснят классические образовательные программы и линейный способ передачи информации [3]. Университет прекратит только двухмерное существование в физическом пространстве, расширяя свое присутствие в виртуальной реальности посредством облачных технологий, в том числе в формате сетевого партнерства с распределенным управлением. Ключевыми категориями станут: «Творчество» (человек, выступающий в роли Творца, создателя и созидателя), «Экосистема» (развитие, а иногда и создание которой станет одной из ключевых образовательных целей) и «Бизнес» (как регулятор межинституциональных отношений). Формальная система оценивания прекратит существование, а оценкой результативности освоения образовательных программ вне зависимости от исследуемого феномена выступит жизнеспособный продукт, сконструированный студентом, либо релевантный вклад в развитие локальной экосистемы общества [4].

В качестве еще одного вызова можно обозначить изменение правовых норм и экономических отношений между государством и сферой образования. Государство предоставляет университетам больше полномочий, но в то же время снижается доля государственных расходов в обеспечении потребностей ВУЗов. В то время как университеты получили официально возможность самостоятельно зарабатывать деньги и вкладывать их в свое развитие, государство резко сократило объемы финансирования, что привело к отставанию нашего образования от образования в зарубежных странах и росту конкуренции между учреждениями высшего образования.

В транзитивном обществе понятия «рынок» и «образование» становятся взаимосвязанными. Но на рынке главным становится коммерческий успех, тогда как целью инновационного образования является комплексная подготовка выпускника к профессиональной деятельности (абилитация). Причем не просто подготовка к профессиональной деятельности в условиях нормальной жизни и отлаженного производства, но и умение определять собственную образовательную траекторию в соответствии с меняющейся жизненной и профессиональной ситуацией [5].

Все это приводит к очередному глобальному вызову, такому как предъявление новых требований общества, государства и рынка труда к уровню подготовленности выпускника.

Для подготовки к решению постоянно возникающих новых, уникальных и неожиданных задач требуется не столько знание определенного предмета, сколько навыки междисциплинарного подхода [6]. А все это невозможно без высокой социально-психологической, духовно-нравственной и физической культуры человека. Все это составляющие профессиональной самореализации, которая, должна быть столь же важна для профессионала будущего, как и успех на рынке. Сочетание коммерческого успеха и профессиональной самореализации - это идеальная модель, к которой нужно стремиться. Кроме того активно развивается идея образования в течении всей жизни. Это приводит к развитию новых видов образовательных услуг, расширяет спектр услуг дополнительного образования. Университету необходимо адаптироваться под запросы разных категорий граждан, будь это студенты старшего возраста, работающие студенты, обучающиеся на дому, получающие переподготовку или повышение квалификации, желающие освоить дистанционную программу обучения и так далее. Современному университету необходимо выживать в условиях быстрых перемен, распространения правил рынка на все сферы жизни человека, стремительной социальной дифференциации и фрагментации общества [7]. Для успешного развития в транзитивном обществе современному университету необходимо развивать методологию междисциплинарных исследований, формировать у обучающихся и преподавателей социальные установки, обеспечивающие готовность к новаторству; обеспечивать знаниями, умениями и навыками, способствующими поиску новых нестандартных решений неопределенных ситуаций.

Современная система высшего образования Российской Федерации находится в переходном состоянии от модели 3.0. к 4.0. Кроме того, сформировались определенные тенденции развития высшего образования, такие как:

-формирование потребительского отношения к университетскому образованию т.е. ключевыми параметрами выбор учебного заведения становятся известность бренда университета, занимаемые позиции в рейтингах, статусность и престижность обучения;

- создание гармоничной инфраструктуры (удобство расположения корпусов, общежитий);

- наличие в учебном плане специальных предметов, недоступных студентам других ВУЗов;

- соответствие выпускника требования рынка труда;

-высокий уровень технологического оснащения университета, в том числе, наличие возможности дистанционного образования, оперативная доступность преподавателя, активное внедрение и развитие цифровой экономики [8].

Сегодня активное значение в формировании университета будущего играет повышение роли преподавателя в образовательном процессе, возможность трансформации университета, уменьшение значимости научной составляющей в формате обучения с использованием дистанционных технологий, значение университета для life-long learning т.е. обучения на протяжении всей жизни [9]. Кроме того, значительную роль университет начинает играть в экономике с точки зрения генерации профессиональных специалистов, коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности и создания стартапов, спин-оффов и т.д.

Другими словами, для успешной трансформации современных университетов и адаптации к существующим глобальным вызовам современности необходимо создавать адаптивную, по отношению к внешней среде, систему управления университетом. Это подразумевает под собой способность ВУЗа оперативно реагировать на изменения законодательства, рынка труда, запросов абитуриентов, повышение стандартов в той или иной отрасли, увеличение конкуренции и оперативно вносить коррективы в свою деятельность.

Литература:

1. Агранович В.Б. Инновации в образовании в транзитивный период развития общества // Известия Томского политехнического университета. 2005. Т. 308. № 6. С. 211-214.

2. Santotskaya K.E.1, Lyba A.A. The modern pedagogical education in the context of socio- philosophical studies// Journal of economics and social sciences. 2017. № 11. P. 43-46.

3. Леднев В.С. Содержание образования. Сущность, структура, перспективы. М.: Высшая школа, 1991. 223 с.

4. Александрова М.А. Природа и человек: экоориентированные стратегии практик современного образования/ М.А Александрова, Н.А. Лисовская, О.Т. Лойко // Природа и общество: Технологии обеспечения продовольственной экологической безопасности, 2016. С. 82-90.

5. Loyko O., Dryga S., Park Jae, Palianov Mikhail. Modern professional education in the global society: comparative study // Procedia - social and behavioral sciences. 2015. Vol. 206. P. 464-468.

6. Barnett R. The University in an Age of Supercomplexity: challenges and possibilities. URL: http://www.ronaldbarnett.co.uk/assets/docs/The%20University%20in%20a n%20Age%20of%20Supercomplexity%20-%20Sao%20Paulo.pdf.

7. Строгецкая Е.В. Идея и миссия современного университета. URL: https://vo.hse.ru/data/2014/02/25/1330116487/VO%204_09%20Strog.pdf.

8. Сантоцкая К.Э. Специфика развития цифровой экономики в системе высшего образования // Перспективы развития фундаментальных наук: сборник трудов XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Томск, 23-26 апреля 2019г.). Том 5. Экономика и управление/под ред. И.А.Курзиной, Г.А. Вороновой. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2019. С 145-148.

9. Павлова И.А. Трансформация институтов высшей школы и новая социально-экономическая парадигма: роли. Функции, взаимодействия современного университета в региональной инновационной системе: монография/Томский политехнический университет. Томск: STT, 2016. 232 с.

Инклюзивная экономика как социокультурное явление современного социума

Санфирова О.В.
Кандидат политических наук,
Томский государственный университет,
доцент
E-mail:sanfolga@yandex.ru

Аннотация: *В статье рассмотрена новая модель современного социально-культурного пространства - инклюзивная экономика, в контексте междисциплинарного диалога. Выявлена и обоснована необходимость совместного использования методов философского, психологического, правоведческого анализа в процессе толкования заявленного понятия. Выделяются признаки инклюзивных субъектов заявленной модели, кратко описывается история становления инклюзивной экономики. Основное понятие статьи, «инклюзивная экономика», рассматривается, как новая модель современного социума, которая должна быть основана на принципах разрушения социальной изоляции и создания равного стартапа для инклюзивных субъектов. В статье приводится понятие «инклюзия устойчивого роста» - «inclusive sustainable growth», обозначаются его главные концептуальные основания, как факторы установления соответствий между темпами роста экономики и решением широкого круга социальных проблем, включая более справедливое распределение созданных в обществе доходов. Приводится тезис о том, что инклюзивная экономика может стать устойчивой и гибкой системой.*

Ключевые слова: *инклюзия, инклюзивная экономика, инклюзивная среда, инклюзивное образование, инклюзивные субъекты, inclusive sustainable growth.*

Inclusive economy as a sociocultural phenomenon of modern society

Sanfirova O.V.
Candidate of political science, associate Professor
Tomsk state University
E-mail:sanfolga@yandex.ru

Abstract: *The article considers a new model of modern socio-cultural space-inclusive economy, in the context of interdisciplinary dialogue. The*

need for the joint use of the methods of philosophical, psychological, legal analysis in the process of interpreting the claimed concept is identified and justified. The signs of inclusive subjects of the claimed model are highlighted, the history of the formation of an inclusive economy is briefly described. The main concept of the article, «inclusive economy», is considered as a new model of modern society, which should be based on the principles of the destruction of social isolation and the creation of an equal start-up for inclusive subjects. The article gives the concept of «inclusion of sustainable growth» - «sustainable sustained growth», outlines its main conceptual foundations as factors of establishing correspondences between economic growth rates and solving a wide range of social problems, including a more equitable distribution of income created in society. The thesis that an inclusive economy can become a stable and flexible system is presented.

Keywords: *inclusion, inclusive economy, inclusive environment, inclusive education, inclusive subjects, inclusive sustained growth.*

Инклюзии - это слово французского происхождения обозначает включать, иметь в своем составе. Сегодня понятие «инклюзия» - это главная тенденция современного общества, которая основана на глубинных философских, социальных, религиозных и культурно значимых основах, характерных для современного социального пространства, основанного на общечеловеческих и гуманистических принципах.

Это означает, что у человека, любой культурной идентичности, любых физиологических возможностей и расовых признаков, любого вероисповедования, и т.д. могут быть равные возможности для активного участия в общественных отношениях, как глобального, так и локального уровня. Это определение включает в себя сложнейшие философские, психологические и правоведческие понятия, которые базируются на главном вопросе: «ОН другой имеет такие же равные права, как и Я» вне зависимости от набора присущих ему качеств, как врождённых, и так и приобретённых в ходе становления личности. Философским аспектом здесь будет вопрос ценностно-смыслового характера всех участников экономических отношений, в то время как психологическим - поиск своей личной идентичности, которая ставит вопросы правоведческого характера, например, о равных правах на личностную реализацию, на право участия в производственном процессе, на право участия в распределении социально-экономических благ.

Мы видим, что современное развитие социума и экономики, как главной его основы, происходит в контексте быстроменяющихся реалий. В научном контексте это проявляется постоянным расширенем

объекта, предмета и методологии исследований. Как уже отмечалось выше, множество передовых экономических наработок проходит на стыке огромного колличества дисциплин. Все чаще и чаще экономика, как наука, уходит в социальный спектр вопросов, пытаясь найти способы, достойные для улучшения благосостояния всех социальных групп, которых становится с каждым днем все больше и больше. У каждой социальной группы есть свои, отличные от всех остальных смежных групп, технологии посторения взаимоотношений с социумом в социокультурном экономическом пространстве, свой способ выхода и функционирования на рынке для обеспечения достойного своего существования.

Последние тенденции современного социума таковы, что встаёт вопрос о глобальной интеграции всех жителей планеты в экономическое пространство и поиск в нём своего полезного сравнительного преимущества. Главным вопросом в этом процессе является вопрос о доступности для всех участников данного социального сообщества. К факторам доступности относится, в данном случае, создание в первую очередь равных стартовых возможностей. В них входят следующие компоненты и их факторы: географическая компонента, как фактор удаленности или близости к месту экономической активной жизни; психологическая компонента, как фактор психологической адаптации и принятия заданных условий для максимальной своей реализации; здоровосберегающая компонента, как фактор выстраивания своей рыночной траектории с учетом своих физиологических возможностей без усугубления таковых; культурологическая компонента, как фактор кросс-культурного вхождения и принятие ментальной, языковой, традиционной культурной идентичностей данного социума, и т.д.

Таким образом, инклюзивная экономика - это доступная, открытая, толерантная экономика, вхождение в которую имеют все субъекты заинтересованные в этом. В данном случае, не должно быть ограничение, сопротивление или вытеснение субъекта, не обладающего общепринятым набором личностных качеств. Инклюзивная экономика, как новая модель современного социума должна быть основана на принципах разрушения социальной изоляции и создании равного стартапа для инклюзивных субъектов. Субъектами инклюзивной экономики в таком контексте могут быть любые представители вне зависимости от возраста, пола, расовой, религиозной, этнической, физической и другой принадлежности, а также людей с ВИЧ-инфекциями, при надлежащей форме организации диалоговой среды. При этом важно чтобы заявленные субъекты имели желание и были настроены вносить свой вклад в производство

социальных благ, участвовать в их распределении на законных экономических основаниях.

История становления инклюзивной экономики слабо изучена. Примерно до 1965 г. инклюзия определялась исключительно по медицинскому принципу. Создавались изолированные инклюзивные социальные группы. Только с 1994 г., после заявления на всемирной конференции, которая проходила под эгидой ЮНЕСКО, встал вопрос о создании доступной инклюзивной среды. В качестве инклюзивной среды рассматривали доступную среду в системе образования. Далее формировалось постепенно понятие и сущность инклюзии, как нового социокультурного явления, которое нашло свое практическое применение, стало активно внедряться в современный социум и расширятся, как следствие этого, все более обширная инклюзивная среда. Можно лишь сказать, что инклюзивная экономика является вторым, итоговым этапом в складывании системы инклюзивного образования, что достаточно естественно, так как после получения определенных навыков и знаний субъект должен получить право на реализацию себя как личности, применить эти знания в современном экономическом пространстве. Ведь исключительно для этого он и получает образование. Дальнейшее становление, собственно, инклюзивной экономики в качестве одного из базового компонента современной интегрированной модели мирового экономического благосостояния и благополучия отмечалось не на одном федеральном и мировом конгрессе. Суммируя основные концептуальные наработки ученых в заявленной сфере, отметим, что теоретической проблемой инклюзивной экономики, как и экономики в целом, в данном случае, обозначалось обобщение основных концептуальных положений сразу нескольких областей современного знания, в т.ч. социологии педагогики, психологии, экономики, экономики устойчивого развития и т.д. При этом уточнялось, что, именно, «инклюзия устойчивого роста» - «inclusive sustainable growth» должна быть ведущим и основополагающим звеном инклюзивной экономики. Главными концептуальными основаниями последней, являются установление соответствия между темпами роста экономики и решением широкого круга социальных проблем, включая более справедливое распределение созданных в обществе доходов [1]. Инкюзивная экономика сегодня это новая, быстро складывающаяся, успешная система, активно поддерживаемая государством и мировыми сообществами. Как идет процесс формирования данной системы, каков объект и предмет инклюзивной экономики, кто является ее основным активно действующим субъектом - вот основные вопросы, которые следует определять и уточнять более детально в колличественных и

качественных показателях, для того чтобы процесс складывания заявленной модели проходил более легко и просто.

Здесь встает вопрос о создании новой экономической системы, которую уже заявили как «инклюзивная экономика» - это совокупность всех вышеперечисленных компонентов и их факторов, образующих определенную структуру общества, единство отношений, направленных на производство, распределение, обмен экономических благ, при соблюдении главного приоритета - предоставление всем активным экономическим участникам равных стартовых возможностей. Данная экономическая система это связывающая в единое целое все привычные экономические подсистемы: традиционную; административно-командную; рыночную; смешенную, с иной лишь оговоркой, что все эти системы применяются в несколько измененном виде.

Например, традиционная подсистема, это не значит систему базирующуюся на факторах, связанных с отсталыми технологиями, это в большей мере система, привычная для индивида, у которого имеются определенные культурные или физиологические ограничения, но в данной системе у него есть наработанные возможности участия в активной экономической жизни социума, в котором он находится. Административно-командная - это подсистема, направленная на создание нормативно-правовых актов, позволяющих выйти безопасно данному субъекту на рынок, а так же контроль за исполнением данных актов. Рыночная подсистема обозначает создание траектории для выхода и функционирования на рынке данного субъекта. Смешанная - это подсистема, где присутствует неравномерное распределение экономических благ, смешенная форма собственности и т.д. Таким образом, мы видим, что понятие «инклюзивной экономики» может претендовать на целостную экономическую систему, в которой присутствует целостность, которая характеризуется тем, что при изменении одного компонента меняется вся система, приспосабливаясь к данным изменениям. Ей присуща иерархичность, это означает, что она может быть вложена целостным блоком в более глобальную систему. Это особенно актуально для инклюзивной экономической системы, которой как никакой иной системе нужно взаимодействие с другими системами. Она гибка и способна к интеграции, которая, по сути, и существует только за счет планомерного, и порой не всегда равноправного сближения с другими экономическими системами, которые помогают ей реализоваться, именно, как системе. Инклюзивная экономическая система имеет два системных основания, достаточно четко выраженных:

1. Она локализирована в экономическом географическом, геополитическом и правовом пространстве.

2. Имеет исторические, географические, этнические, духовные, религиозные, политические и экономические границы.

Это значит, что данная система может реализовывать себя в определенных государственных образованиях на глобальном уровне и локальном, например, в каких-то общественно-хозяйственных организациях. Как у любой экономической системы, у инклюзивной экономики существует определенное количество проблем, без решения которых сомнительным становится дальнейшее ее развитие и функционирование, несмотря на всю важность и значимость данной экономики в жизни социума. Остановимся на главной из них: это неспособность увязать предполагаемые изменения на современном рынке с задачами социальной политики государства. Это возникает потому, что порой невозможно предсказать, как будет функционировать инклюзивная экономика в качестве сегрегированной экономической модели в современном социуме, и, как она впишется в культурно-исторические, геополитические и экономические рыночные реалии.

Литература:

1. Пахомова, Н.В., Рихтер, К.К., Малышков, Г.Б. Инклюзивный устойчивый рост: приоритеты, индикаторы, Международный опыт, потенциал согласования с моделью реиндустриализации / Н.В. Пахомова, К.К. Рихтер, Г.Б. Малышков // Проблемы современной экономики. 2014. № 3(51). С. 15-24.

Роль Южного Берега Крыма в построении цивилизационной модели России и поликультурного мира

Свешникова И. П.

Крымская региональная общественная организация «Центр духовной культуры «ЛЕБЕДЬ», председатель, Народный университет культуры и здорового образа жизни, ректор.

E-mail:yalta-sventana@yandex.ru

Аннотация: *Доклад посвящен проблеме сохранения культурно-исторического наследия Южного берега Крыма. Многие из сакральных объектов ЮБК внесли большой духовный, культурный, научный, исторический вклад в формирование цивилизационной модели России, следовательно, нуждаются в особой охране и заботе государства.*

Ключевые слова: *Южный берег Крыма, русская цивилизация, культурное наследие, поликультурный мир, сакральная география, культурные ландшафты.*

The role of the South Coast of Crimea in the construction of civilization models of Russia and the multicultural world

Sveshnikova I. P.
Crimean regional public organization «Center of spiritual culture «SWAN», chairman, People's university of culture and healthy lifestyle, Rector
E-mail:yalta-sventana@yandex.ru

Abstract: *The report is devoted to the maintenance of the cultural and historical heritage of the Southern coast of Crimea. Many of the South Coast sacred objects have civilizational importance, as they have made a great spiritual, cultural, scientific, historical contribution to the formation of the civilizational model of Russia.*

Keywords: *Southern coast of Crimea, Russian civilization, cultural heritage, multicultural world, sacred geography, cultural landscapes.*

Сохранение культурно-исторического наследия народов является актуальной проблемой для многих регионов России. Вопросы сохранения историко-культурного и природного наследия, генерирования научного знания и методов его представления обществу в современных условиях приобретают особую актуальность. В связи с этим «необходима систематическая координация направлений, форм и методов научных изысканий учёных различных специальностей и сотрудников учреждений культуры. Результаты данных изысканий становятся стратегическим ресурсом страны» [1, с. 157]. Подобный подход применим ко многим регионам России, в том числе и к культурному наследию Крыма.

Тема «Историко-культурное и научное наследие как стратегический ресурс Сибири и России» была одним из направлений работы II Всероссийской с международным участием научно-практической конференция «Интеграция музеев Сибири в региональное социокультурное пространство и мировое музейное сообщество [1, с. 157]. В материалах конференции подчеркивалось, что «исследование сферы наследия, включающего, помимо музеев, работающих с движимыми памятниками, множество других форм (движимых, недвижимых и нематериальных), создаёт контент социокультурного пространства Сибири, служит формированию

идентичности граждан России, определяет мировоззренческие константы современности, выступает ресурсом развития региона и всей страны» [1, с. 157].

В период украинской юрисдикции в условиях политики изменения идентичности населения, культурно-историческое наследие Крыма планировалось подчинить глобальным и украинским сценариям развития. Объекты наследия варварски приватизировалось, застраивались и попросту разрушались. «Крым российским никогда не был» — такие заявления выразили смысл отношения современной Украины к Крыму. После возврата Крыма в Россию сохранилась некоторая инерция в отношении богатейшего крымского наследия, задержки с передачей исторических объектов в федеральную собственность, промедление с получением охранного статуса, ремонтом или реставрацией. Посетители Крыма, как российские, так и зарубежные, интересуются не только отдыхом у моря в отелях, но и богатейшей историей, археологией, духовностью, традициями многочисленных народов, обогатившими культурное пространство Крыма наследием мировых цивилизаций, научными достижениями, связанными с Крымом и достижениями курортного оздоровления народа советского периода. Все это и составляет «стратегический ресурс» Крыма.

«Человек строит свой дом – культуру», слова эти принадлежат Д. С. Лихачеву, выдвинувшему понятие «экологии культуры» - самоценности всех типов культуры, их сохранение, развитие и уравновешивание в бытии людей.

Фонд имени Д. С. Лихачева в партнерстве с Государственным Эрмитажем реализует проект «Южный берег Крыма — территория всемирного наследия». Его цель — сохранение культурного и природного наследия Южного берега Крыма. Для Фонда Лихачева охрана наследия является, безусловно, важнейшей целью. Ниже приводятся основные выводы работы экспертной комиссии.

В материалах экспертного проекта подчеркнуто, что, многовековая история Южнобережья, история древних тавров и скифов, античных греков-колонизаторов и римских легионеров, византийцев, венецианцев и генуэзцев, татар Крымского ханства безусловно носит цивилизационный характер. Древние поселения, святилища, военные укрепления, дороги, захоронения — эти памятники вдохновляли на исследования не только профессиональных историков и археологов, но и представителей императорской фамилии, дворянской элиты России, отдыхавших здесь творческих людей, дачников и местных жителей. И. Н. Медведева-Томашевская писала: «Крым был олицетворением черноморской политики Русского

государства. Крым был сокровищницей южных природных богатств. Крым связывал Россию с миром античной древности, колыбелью европейской культуры». «аристократической полосой, заповедником знати сделалось побережье от Артека до Фороса. Было достаточно пятнадцати лет, чтобы побережье превратилось в «блистательную дачу». Виноделие, садоводство, устройство парков было и основным видом крымского творчества, и серьезным производственным процессом с выдающимися достижениями. А курортология и медицина стали делом чести и долгом для многих живших здесь людей [2, с. 12]. Эпицентром развития рукотворного ландшафта стал Никитский ботанический сад, основанный в 1812 году. Как повелела еще Екатерина Великая, «одним из главных предметов в Тавриде могли бы быть сады и особенно сады ботанические». Никитский сад — родоначальник всех парков Крыма и почти сотни парков в разных уголках России. Растения из него раздавали бесплатно или продавали очень дешево. Первый директор сада Христиан Стевен за время своей работы лично раздал свыше ста тысяч саженцев деревьев. С каждого получателя бралась расписка в том, что деревца будут посажены по всем правилам.

Сейчас на Южнобережье находится 33 парка федерального и местного значения общей площадью 1000 га. Очень сложным для экспертной работы комиссии фонда Лихачева оказался вопрос доступа к паркам и другим объектам наследия, многие из которых находятся в частной собственности или являются закрытыми объектами. «Это огромная проблема — как обеспечить не только сохранность, но и доступ к объектам культурного наследия и береговой линии. Во многих странах этот вопрос решен радикально на основании «права прохода» — люди имеют возможность постоянного доступа к пляжам и паркам, которые «не принадлежат никому и принадлежат всем». Закрытость территорий на Южном берегу вредит и развитию культурного туризма, и изучению наследия» [2, с. 13].

По словам выдающего исследователя ЮБК А. А. Галиченко «Накануне революции в Таврической губернии числилось 1100 крупных и мелких имений. Среди нескольких поколений, связавших свою жизнь с Крымом, были разные люди: деятельно служившие своему Отечеству и праздные, проявившие себя в сражениях и на государственной службе, очень знаменитые и никому не известные. Роднило их одно — восторженное, романтическое отношение к сказочно прекрасному краю с богатым историческим прошлым. Здесь невольно проявлялось творческое начало человека. В каждом имении или курорте была вилла-дворец и огромный парк. Парки переходили один в другой — на всем протяжении берега» [3, с. 41]. Исторический

берег-парк одухотворен творчеством российских гениев — А. С. Пушкина, А. П. Чехова, И. А. Бунина, И. К. Айвазовского и всех тех, кто здесь творил.

Берег-парк сохранялся и развивался и в советский период — и тоже как государственный проект «Всесоюзной здравницы». Разумеется, послереволюционные годы нанесли культурному наследию серьезный урон, но при этом генеральные планы Южнобережья, составленные ведущими советскими архитекторами, были планами города-сада, берега-парка. Советские санатории подражали традициям южнокрымских аристократических имений и курортов, основой новых санаториев были парки, постройки создавались в едином архитектурном стиле. Действовали жесткие охранные меры, существовали строгие запреты на строительство в заповедниках и парках.

Потери Южнобережья после распада СССР открывают такие вопиющие утраты, как разрушение винзавода «Магарач» (основан в 1828-м году, разрушен в 2013-м), утраты огромных территорий Никитского сада (на месте розария и исторических коллекций растений построено более 50 коттеджей и высотных зданий)… В постсоветский период были окончательно разрушены пешеходные тропы вдоль моря, и доступ к морю перегражден частным строительством. Список потерь велик и, к сожалению, не исчерпан.

Крымские ученые, сотрудники музеев, краеведы, неравнодушные представители общественности вносят свой вклад в изучение и сохранение культурно-исторического наследия. Кафедра культурологии Крымского федерального университета многие годы изучает культурные ландшафты Крыма, в частности, «сакральную роль Крыма в формировании российской государственности и русской культуры» [4, с. 25]. Особое духовное значение сыграла древняя Таврика в распространении христианства (как до, так и после крещения князя Владимира Святославовича и Руси в 988-ом году).

Пребывание в Крыму апостола Андрея Первозванного, Климента Римского, святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, обретших останки Климента Римского сыграли значительную роль в формировании славянского культурно-исторического типа, русской цивилизации [5, с. 12]. Корсунь (средневековое название Херсонеса, Севастополь) стала местом создания модели будущей Святой Руси, одухотворяющей все стороны жизни человека и государства, дала импульс для распространения этой модели на пространстве Киевской и московской Руси, создала своеобразную духовную спираль эволюции [6, с. 18].

Особая 130-летняя «Царская эпоха» ЮБК отличается от предшествующего периода зависимости Тавриды от Турции и строительством и благоустройством усадеб, развитием дорог и поселений. В усадебный комплекс как правило, входили храм, парк, и дворец (вилла). Земля Тавриды украсилась десятками уникальных храмов, создавших духовную твердыню Крыма и России. Российские императоры, начиная с Александра I до Николая II, великие князья с семьями, представители элиты Российской империи, создавали великолепные имения, которые и составляют значительную часть уникального наследия ЮБК. Ореанда, Ливадия, Массандра, Дюльбер, Харакс, Ай-Тодор, - эти названия хорошо известны почитателям российской истории и государственности [7, с. 6]. Ливадия стала местом разработки миротворческих инициатив императоров Александра III и Николая II, создав духовные предпосылки для Ялтинской Конференции. Эти места помнят и прощание остатков династии Романовых с Россией. Южных Берег Крыма стал свидетелем гибели и «исхода» тысяч жителей дореволюционной России самого разного происхождения и состояния. После революции Крым стал местом отдыха, оздоровления, творчества самых разных представителей советского народа, местом исторических событий мирового масштаба (Ялтинская конференция).

В настоящее время Южнобережье является местом формирования особых сакральных культурных объектов, отражающих отдельные аспекты бытия русской и мировой цивилизации [8].

Автором разработаны тематические культурологические маршруты по достопримечательностям Южного берега Крыма, несущим ценности и смыслы цивилизационного значения:

— Мыс Сарыч, Форос, имение Н.Я.Данилевского — Мшатка (преодоление катастроф, модели культурно-исторических типов, лежащих в основе мировых цивилизаций) [9];

— Ливадия, Алупка, Кореиз (Ливадийский, Юсуповский. Воронцовский дворцы) (переход от биполярной и однополярный модели к полицентричной модели мироустройства, содружество мировых лидеров, подготовка «ЯЛТЫ II»);

— Симеиз, Голубой залив. Кацивели, Крымская обсерватория (познание вселенной, как научное, так и духовное);

— Гурзуф, Партенит, Малый Маяк — «Долина Девы» (Благословение Женщины – монастырь иконы Богородицы «Всецарица», имение княгини Гагариной, гора Кастель);

— Массандра, (НИИ имени И.М. Сеченова), все здравницы Южнобережья, (способны создать потенциал оздоровления человека медицинскими, природными и духовными средствами) [10] …

Таким образом, природный, духовный, культурный исторический потенциал ЮБК подготавливает новый этап становления русской цивилизации, формирование многополярной модели мироустройства, поэтому нуждается в особой охране и бережном воссоздании.

Литература:

1. Бураева С. В. II Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция «Интеграция музеев Сибири в региональное социокультурное пространство и мировое музейное сообщество: Наука. Наследие. Общество» (Улан-Удэ, 9–12 сентября 2019 г.) // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. / Под ред. В.Я.Панченко. М.: Изд-во РФФИ. 2019. № 4 (97). С. 154-159.
2. Южный Берег Крыма. Материалы к описанию культурного ландшафта. / Сб. под ред. Останина Б. В. СПб. Европейский дом. 2019. Вып. 1. 384 с.
3. Галиченко А. А. Старинные усадьбы Крыма. Симферополь: Бизнес – Информ, 2016. 416 с.
4. Берестовская Д.С. Культурные ландшафты Крыма: коллективная монография. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. 380 с.
5. Лисовой Н. Н. Древние благословления Тавриды // Информационный бюллетень Форума «Бердяевские чтения». Сакральная география. Места памяти. Крым. 2015. № 1. URL: http://www.intelros.ru/readroom/samopoznanie/samo1-2015 (дата обращения: 14.01.2020).
6. Фадеева Т. М. Крым в сакральном пространстве. Симферополь: Бизнес – Информ, 2003. 304 с.
7. Калинин Н., Земляниченко М. Романовы и Крым. «У всех нас осталась тоска по Крыму…». Симферополь: Бизнес-Информ, 2003. 320 с.
8. Свешникова И. П. Сакральные объекты культурного ландшафта Южного берега Крыма // XIII Таврические философские чтения «Анахарсис» (г. Симферополь, 2016) http://anacharsis.cfuv.ru/tezisy.html (дата обращения: 13.01.2020).
9. Свешникова И. П. Форос Н. Я. Данилевского. Ценности и смыслы Русской цивилизации // Культура и экология – основы устойчивого развития России: материалы V Международного форума (г. Екатеринбург, 13-15 апреля 2017

г.) / Ред. В. П. Ануфриев. Екатеринбург: ФГАОУ ВПО УрФУ, 2017. С. 107–110.

10. Свешникова И. П., Савченко В. М. Здоровье и духовность. Программа формирования духовного здоровья // Актуальные вопросы курортологии, физиотерапии и медицинской реабилитации: труды КРУ «НИИ им. И. М. Сеченова» (октябрь, 2014 г.). Ялта: КРУ «НИИ им. Сеченова», 2014. С. 101-104.

Методологические ориентиры в сфере государственного управления этнополитическими рисками

Сенюшкин Е.А.
Кандидат политических наук
Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского,
доцент кафедры политических наук и международных отношений
E-mail: senushk@yandex.ru

Аннотация: *В статье рассматриваются различные методологические подходы к проблеме государственного управления этнополитическими рисками. Подчёркивается, что объективная сложность и многооаспектность проблематики, связанной с управлением этнополитическими рисками, порождают разнообразие подходов к ее анализу и широкий спектр теоретических рефлексий, форм и способов ее осмысления, поиска путей решения конкретных государственно-управленческих проблем, связанных с управлением этнополитическими рисками. Делается вывод о том, что в целом методологические ориентиры исследований проблемы управления этнополитическими рисками формируются в контексте следующих направлений: изучение процессов формирования и реализации государственной национальной политики, оценка ее эффективности; исследование степени результативности государственного управления и анализ возможностей его совершенствования.*

Ключевые слова: *управление этнополитическими рисками, государственная национальная политика, сетевой подход, методология государственного управления.*

Methodological guidelines in the field of state management of ethnopolitical risks

Senyushkin E. A.

Candidate of Political Sciences
V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Associate Professor of the Department of Political Science and International Relations
E-mail: senushk@yandex.ru

Abstract: *The article discusses various methodological approaches to the problem of state management of ethnopolitical risks. It is emphasized that the objective complexity and multidimensional nature of the problems associated with the management of ethnopolitical risks give rise to a variety of approaches to its analysis and a wide range of theoretical reflections, forms and ways of understanding it, finding ways to solve specific state-management problems related to the management of ethnopolitical risks. It is concluded that, in general, methodological guidelines for research on the problem of managing ethnopolitical risks are formed in the context of the following areas: studying the processes of formation and implementation of state national policy, assessing its effectiveness from the perspective of safe development; studying the degree of effectiveness of public administration and analyzing the possibilities for its improvement.*

Key words: *management of ethno-political risks of the state national policy network approach, the methodology of public administration.*

В условиях активизации этнического фактора в политике управление этнополитическими рисками включается в число приоритетных задач государственного управления как на национальном, так и на надгосударственном уровне. Объективная сложность и многооаспектность проблематики, связанной с управлением этнополитическими рисками, порождают разнообразие подходов к ее анализу и широкий спектр теоретических рефлексий, форм и способов ее осмысления, поиска путей решения конкретных государственно-управленческих проблем, связанных с управлением этнополитическими рисками.

Понятие «риск» в современных исследованиях используется в междисциплинарном контексте. К примеру, на возможность «зачисления» общенаучного понятия «риск» в ранг социально-философской категории указывает А.П.Альгин [1, с. 70]. В экономических исследованиях понятие риска исследуется на стыке макро- и микроэкономических теорий [2, с. 135].

Анализ научных публикаций, посвященных исследованию проблемы управления этнополитическими рисками, свидетельствует о некоторых пробелах в структуре концептуальных подходов и

методологических направлений. Исходя из этого, целью данной статьи является анализ проблемного поля методологии управления этнополитическими рисками в контексте государственно-управленческого дискурса.

Государственное управление этнополитическими рисками — новое комплексное направление, исследующее сложный структурный характер национальной политики, тесно связанной со многими элементами государственного управления, с различными сферами общественной жизни. На практике национальная политика — это политика, которая приводит к снижению уровня этнополитических рисков.

Проблематика управления этнополитическими рисками с точки зрения теории государственного управления может быть отрефлексирована через призму нескольких методологических подходов. К примеру, управление этнополитическими рисками может рассматриваться как управленческая функция исполнительной власти. Основное значение здесь приобретает обоснование управленческих решений, принимаемых относительно этнополитических процессов, любого другого общественного института с учетом этнополитических и религиозно-культурных особенностей региона. Исследования управления этнополитическими рисками при таком подходе входят в раздел публичного администрирования. С другой стороны, можно рассматривать проблематику управления этнополитическими рисками с учетом новейших тенденций современного развития, таких как проблема дефицита времени, новое соотношение между властью и знанием.

В контексте новейших исследований проблемы управления этнополитическими рисками особо важно отметить возможности сетевого подхода как для «теоретико-методологического обоснования исследования процесса управления этнополитическими рисками», так и для «практического применения сетевого подхода в разработке конкретных механизмов управления этнополитическими рисками» [3, с. 139]. Кроме того, применение сетевого подхода к управлению этнополитическими рисками дает возможность «вывести методологию исследования за рамки формального анализа политических институтов и проследить особенности влияния сетевых взаимодействий на принятие этнополитических решений» [3, с. 147].

Центральным вопросом, лежащим в основе исследований проблемы управления этнополитическими рисками, на наш взгляд, является вопрос об эффективности принятия управленческих решений, результативности государственной национальной политики. Чаще всего названная проблема рассматривается либо с точки зрения

эффективности осуществления национальной политики, либо с точки зрения, собственно, эффективности данной политики; в этом случае она неразрывно связана с проблемой соблюдения принципов и императивов государственного управления в ходе принятия управленческих решений. Управленческие решения должны основываться на закономерностях, присущих государственному управлению, а также отвечать задаче сохранения этнокультурного разнообразия и другим ценностям развития многоэтничных сообществ, однако при этом необходимо минимизировать риски, связанные с этнорелигиозной сферой.

Государственно-управленческие исследования в области управления этнополитическими рисками раскрывают собственно государственные механизмы осуществления национальной политики, рассматривают управление этнополитическими рисками в единстве с осуществлением управленческого процесса. При этом особенно важно учитывать вклад гражданского общества, национально-культурных организаций, которые оказывают существенное влияние на управление этнополитическими рисками.

Специфика государственного управления в сфере управления этнополитическими рисками заключается также и в том, что в ней присутствует религиозный фактор. Эффективная государственная национальная политика реализуется в пространстве влияния этнокультурных и религиозных ценностей, которые также следует учитывать при управлении этнополитическими рисками. При этом целесообразно использовать методологические подходы, характерные для междисциплинарного направления, в рамках которого проблематика управления этнополитическими рисками рассматривается через призму политики в сфере культуры и образования.

Подводя итог сказанному, сформулируем следующие **выводы:**

1. Анализ методологических проблем исследований, связанных с управлением этнополитическими рисками, показывает, что основным объектом анализа подобных исследований являются цели, принципы, функции и механизмы государственной национальной политики, методы и технологии принятия управленческих решений, а также такие проблемы, как взаимодействие органов государственной власти и национально-культурных организаций.

2. В целом методологические ориентиры исследований проблемы управления этнополитическими рисками формируются в контексте следующих направлений: изучение процессов формирования и реализации государственной национальной политики, оценка ее эффективности; исследование степени результативности

государственного управления и анализ возможностей его совершенствования.

3. Наиболее перспективными направлениями исследований данной проблемы, на наш взгляд, являются следующие: механизмы реализации национальной политики различными субъектами государственного управления; оптимизация взаимодействия органов государственной власти с национально-культурными организациями; механизмы оптимизации деятельности государственной исполнительной власти в сфере национальной политики.

Литература:

1. Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни. М.: Мысль, 1989. 187 с.

2. Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 135–156.

3. Сенюшкин Е. А. Методологические возможности применения сетевого подхода к управлению этнополитическими рисками // ПОЛИТЭКС. 2015. Т. 11. № 4. С. 138–151.

Пространство и время в условиях современного кризиса капитализма

Сенюшкина М.А.

Кандидат экономических наук,
Заслуженный работник образования Автономной Республики Крым, Почётный член Крымской Академии наук
marsen2@yandex.ru

Аннотация. *В статье рассмотрены основные причины и факторы кризиса капитализма в современных условиях развития производительных сил и производственных отношений, обусловленных, с одной стороны, активизацией развития социализма в ряде стран мира, с другой стороны - естественным упадком капитализма, что вызвано влиянием гонки вооружений и роста военных расходов в условиях проявления терроризма и вооружённых конфликтов в мировой общественной системе.*

Ключевые слова: *кризис, производительные силы, производственные отношения, базис экономического развития.*

Space and time in the conditions of the modern crisis of capitalism

Senyushkina M. A.

Candidate of Economic Sciences,
Honored Worker of Education of the Autonomous Republic of Crimea
Honorary Member of the Crimean Academy of Sciences
marsen2@yandex.ru

Abstract. *The article describes the main reasons and factors of the crisis of capitalism in modern conditions of development of the productive forces and production relations, is due, on the one hand, the intensification of the development of socialism in several countries around the world, on the other hand, the natural decline of capitalism, resulting from the impact of the arms race and military expenditures in terms of manifestations of terrorism and armed conflicts in the world social system.*

Keywords: *crisis, productive forces, production relations, basis of economic development.*

Введение. Человечество вступило в третье тысячелетие в новых условиях формирования политического пространства и социального времени. При этом две формы общественного устройства – капитализм и социализм изменили свои классические формы. В этой связи возникает необходимость научного анализа современного состояния общественного развития с точки зрения формирования базиса экономического развития в условиях изменения общественной формации, обусловленных спецификой современного развития производительных сил и производственных отношений.

При оценке характера развития производительных сил возникает необходимость в анализе современного их состояния и взаимодействия с производственными отношениями, которые являются основой системы оценки социально-экономического развития современного сообщества. В этой связи в данной статье поставлены задачи, связанные с анализом развивающегося кризиса в современной капиталистической системе и выяснением его причин.

Результаты исследований. Производительные силы представляют собой средства производства (средства производства и предметы труда) и рабочую силу, и связаны с различными формами труда в обеспечении жизнедеятельности человеческого общества. Взаимодействие средств производства с рабочей силой представляет разные виды деятельности. Поэтому деятельность является определяющей в развитии социально-экономической базы общества. Деятельность существует в различных формах проявления, а именно – производственная, административная, социальная, политическая, инвестиционная и т.п.

Продуктом деятельности являются производственные отношения, то есть это отношения между структурами общественного производства по поводу создания продукта труда, его распределения и использования. Если производственные отношения соответствуют характеру развития производительных сил, то общество действует в гармонии взаимосвязей между трудом и средствами производства, так как идет закономерный процесс воспроизводства производительных сил. Если же производственные отношения опережают развитие производительных сил, то происходит перегруппировка финансовых ресурсов в пользу определенных элементов производительных сил, и в таких случаях возникает кризис в системе общественных отношений, то есть образуются определенные долговые обязательства между системами разных уровней и назначений.

Современный мир развивается в условиях раздвоения экономического пространства в системе общественных отношений, обусловленных распадом социалистической системы и формированием рыночных отношений в продвижении общественного продукта в условиях всеобщего рынка. При этом приоритетом является частная собственность на средства производства как в отдельных странах, так и в системе международной интеграции современного формирования производительных сил. При этом следует отметить, что наблюдается развитие противоречий, обусловленных формированием военно-промышленного комплекса, который используется для урегулирования конфликтов между различными странами, протекающими в различных регионах мира – в Сирии, Венесуэле и др., что обусловлено влиянием кризиса капиталистической системы.

Капитализм в современных условиях находится в состоянии естественного упадка, так как в мире активизируется тенденция в сфере рационализации общественного производства. Кризис капитализма обусловлен увеличением военных расходов в ведущих странах мира. Военные расходы имеют особенность действия в качестве разрушительной силы в экономике, ибо действующий капитал должен обеспечить постоянный кругооборот вложенных средств в общественное производство. Это возможно только при тех условиях, когда общественное производство обеспечивается конкретными продуктами труда потребительского назначения, а именно созданных средств производства или предметов потребления, а также оказанных услуг в социальной сфере, ибо созданный продукт в общественном производстве способствует воспроизводству потребностей общества в дальнейшем развитии экономики. Для наглядности приведём пример. Так, в промышленности создаются конкретные продукты труда в зависимости от отраслевого назначения. Рассмотрим автомобильную

промышленность в производстве пассажирских автобусов или грузовых автомобилей. Произведенный автомобиль позволяет приносить доход собственнику в соответствии с условиями эксплуатации автомобиля. Полученный доход от действующего автомобиля позволит обеспечить затраты на его эксплуатацию и получения дохода для обеспечения жизненной потребности соответствующего круга лиц. Здесь мы видим функционирование конкретного продукта труда. А теперь рассмотрим производство вооружений и особенности военных расходов. Продуктом труда при этом является определенный вид произведенного оружия, допустим пулемет. Его назначение имеет разрушительную силу, следовательно, этот продукт выпадает из кругооборота стоимости. Следовательно, средства, вложенные в создание данного продукта, не возвращаются из кругооборота стоимости. Следовательно, в капиталистических странах возникает реальная ситуация кризиса, обусловленного гонкой вооружений и формированием военных расходов на содержание армии, и создание вооружений – танков, самолетов и другой военной техники.

Таким образом, основная причина кризиса капитализма в современных условиях определяется развитием противоречий между трудом и капиталом, ибо нарушается механизм жизнеобеспечения населения капиталистических стран современного мира.

Выводы. Проведенный анализ обоснования причин и следствий возникновения кризиса в политической системе капитализма показал, что:

1. Причиной возникновения кризиса в современном развитии капитализма является несоответствие между развитием производительных сил и производственных отношений.

2. Современный этап развития капитализма представляет сферу естественного упадка производственных отношений в условиях смены общественных отношений в разных странах современного мира.

3. В современном мире взаимодействуют две системы общественных отношений – социалистическая и капиталистическая. Первый способ обусловлен развитием социализма в бывшем СССР и странах Восточной Европы, Латинской Америки (Куба, Венесуэла и др.), Азиатском регионе – Китайская народная республика, КНДР, Вьетнам.

4. Современный капитализм находится в стадии естественного упадка, обусловленного характером несовпадения политического пространства и социального времени. В свою очередь, формы политического пространства и социального времени обусловлены системой общественных отношений.

5. Кризис капиталистических стран обусловлен отставанием производственных отношений от развития производительных сил, что связано с ухудшением жизненного пространства для групп населения, представляющих свободную рабочую силу и неравновесностью присвоения результатов труда граждан, занятых в общественном труде.

6. Современный мир тяготеет к совершенствованию системы производственных отношений в интересах рационального развития экономики в интересах укрепления солидарности и политической стабильности в мире в целях обеспечения устойчивости и благополучия в развитии гражданского общества.

Данная статья является результатом собственного научного анализа теории кризисов и практики построения гражданского общества в интересах устойчивости политического пространства и стабильности социального времени.

Управление этническим конфликтом как теоретическая проблема

Сенюшкина Т. А.
Доктор политических наук,
заслуженный работник образования Республики Крым
Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского,
профессор кафедры политических наук и международных отношений
tsenyushkina@yandex.ru

Аннотация. *В статье рассматривается проблема управления этническим конфликтом, под которым автор понимает ряд способов, механизмов и технологий целенаправленного воздействия на развитие этноконфликтной ситуации, которые направлены на минимизацию причин, породивших конфликт, и/или на коррекцию поведения участников конфликта для достижения целей, сосредоточенных на предотвращении или урегулировании конфликта. Отмечается, что управлять этническим конфликтом можно и с противоположными целями – для разжигания межэтнической ненависти и эскалации напряжённости, что подтверждается конкретными примерами из новейшей этнополитической истории. Подчёркивается необходимость дальнейших исследований данной темы как на теоретическом, так и на практическом уровне.*

Ключевые слова: *этнический конфликт, управление этническим конфликтом, предупреждение этнического конфликта, урегулирование этнического конфликта.*

Ethnic conflict management as a theoretical problem

Senyushkina T. A.

Doctor in Political Science
V. I. Vernadsky Crimean Federal University
tsenyushkina@yandex.ru

Abstract. *The article deals with the problem of ethnic conflict management as a method of purposeful influence on the development of a conflict situation, aimed at minimizing the causes that gave rise to the conflict, or at correcting the behavior of conflict participants to achieve goals focused on preventing or resolving the conflict. It is noted that it is possible to manage the conflict with the opposite goals – to incite interethnic hatred and escalate tension, which is confirmed by concrete examples from recent ethnopolitical history. The need for further research on this topic is emphasized both at the theoretical and practical level.*

Keywords: *ethnic conflict, management of ethnic conflict, prevention of ethnic conflict, settlement of ethnic conflict.*

Исследовательский интерес к феномену этнического конфликта – объективная тенденция, которая особо актуализировалась после распада двух крупнейших федераций – СССР и СФРЮ и последовавших вслед за этим острых противостояний на этнической и религиозной почве. Сохраняют свою актуальность и более давние этнические конфликты в Великобритании (Северная Ирландия), Испании (баски и каталонцы), Франции (бретонцы и корсиканцы), Канаде (провинция Квебек), Ближнем Востоке (арабоизраильский конфликт), которые дополнились новыми проблемами, связанными с интенсивной этнической миграцией в США и страны Западной Европы и выразились в росте популярности националистических партий (Франция, Голландия) [1, с.161].

Тема этнических конфликтов широко представлена в современных научных поисках ученых – гуманитариев. Количество публикаций, посвящённых этническим конфликтам, неуклонно растет как в России, так и в зарубежных странах. В большинстве исследований, посвященных данной проблематике, обнаруживаются все новые грани одной из наиболее сложных сфер знания,

находящихся на стыке разных наук – этнологии, политологии, права, социологии, психологии, демографии, религиоведения и др. Дискуссионность многих вопросов, связанных с этническими конфликтами, а также переоценка некоторых положений активно проявляется в развитии новых научных направлений: этнополитологии, этнопсихологии, этнокультурологии, этнопсихолингвистики, этноконфликтологии и др.

Одна из проблем, которая приобретает особую актуальность как на теоретическом, так и на практическом уровне, связана с разработкой механизмов управления этническими конфликтами со стороны государства и гражданского общества с целью предупреждения этнических конфликтов, их урегулирования и минимизации разрушительных последствий.

Для исследования данной проблемы целесообразно рассмотреть концептуальные наработки в двух предметных полях: конфликтологии и теории международных отношений.

В современной конфликтологии уществует две точки зрения на возможность управления конфликтом. Первая группа авторов, коих абсолютное большинство, управлением конфликта считают любое сознательное воздействие на развитие конфликта. При таком подходе управление конфликтом рассматривается как деятельность по обеспечению развития конфликтного взаимодействия с целью снижения остроты, последующей минимизации последствий конфликта и его разрешения. В этом контексте рассуждают такие хорошо известные авторы как С. Хилл, У. Юри и др.

Факторы неуправляемости конфликта наиболее полно рассмотрены Л. Гринхелгом и Л. Крисбергом. Согласно Л. Гринхелгу, конфликт неуправляем в случае, когда: одна или обе стороны могут желать продолжения конфликта; эмоциональные отношения сторон таковы, что конструктивное взаимодействие невозможно; разрешение конфликта не имеет значительного влияния на глубокие антагонистические противоречия, лежащие в его основе.

По Л. Крисбергу, на неуправляемость конфликта указывают следующие факторы: участники рассматривают свои интересы как взаимоисключающие и воспринимают конфликт как борьбу; различия в восприятии сути конфликта связаны либо с изначальными расхождениями в ценностях сторон, либо с разной интерпретацией сути происходящего; институциализация конфликта, которая его определенным образом консервирует.

Факторы управляемости конфликта рассмотрены в работах Р. Дарендорфа и М. Дойча: признание участниками самого факта конфликта, признание существующих разногласий, а также права сторон на свои позиции; направленность работы с конфликтом на урегулирование самих проявлений конфликта, предполагающее отказ от бесполезных попыток устранения причин; организация конфликтных групп с целью манифестации конфликта; согласие сторон относительно соблюдения определенных правил игры, что, собственно, и делает возможной эффективную коммуникацию между ними.

В теории международных отношений управление конфликтом рассматривается как «деятельность, направленная на достижение целей, которые сосредоточены на поддержке, окончании или каком-либо ином влиянии на развитие конфликта» [2, с. 84].

Согласно К. Митчеллу, воздействие на конфликт может осуществляться в соответствии с трехуровневой схемой: 1) предотвращение конфликта; 2) предупреждение возможных негативных последствий конфликта; 3) устранение причин и заключение соглашения между сторонами конфликта [3, p. 257].

Данная схема была разработана Митчеллом относительно международных конфликтов, что не всегда позволяет применять ее в ситуациях, связанных с этническими конфликтами. В частности, практически невозможным является полное устранение причин, породивших этнический конфликт. К тому же, достаточно сложно происходит заключение соглашений между участниками этнического конфликта. Однако данная схема позволяет эффективно использовать второй уровень влияния, который заключается в предотвращении возможных негативных последствий конфликта.

На наш взгляд, целесообразно переориентировать теоретическое и прикладное содержание исследований этнических конфликтов с теории и практики разрешения конфликтов на управление ими. В принципе, разрешение конфликта означает устранение полностью или частично причин, которые породили конфликт, или изменение цели участников конфликта, что трудно достижимо в ситуации межэтнического противостояния, которое имеет длительную динамику. Стоит, прежде всего, подчеркнуть, что предотвратить собственно возникновение этнических конфликтов невозможно. Но не довести их до эскалации представляется реальным.

Подводя итог сказанному, отметим, что термин «управление конфликтом» является более емким и, в сущности, вмещает в себя обе процедуры - предотвращение конфликта и урегулирование его. Кроме того, он позволяет разработать механизмы воздействия на ход конфликта во время его латентной фазы, а также в периоды временного снижения напряженности или затухания конфликта на длительный период. На примере локальных этнических конфликтов эта тема представлена в ряде публикаций. Однако на уровне теоретического обоснования практических механизмов управления этническими конфликтами данное исследовательское направление нельзя считать исчерпывающим.

Предлагаем рассматривать управление этническим конфликтом как ряд способов, механизмов и технологий целенаправленного воздействия на развитие конфликтной ситуации, которые направлены на минимизацию причин, породивших конфликт, и/или на коррекцию поведения участников конфликта для достижения целей, сосредоточенных на предотвращении или урегулировании конфликта. Отметим также, что управлять конфликтом можно и с противоположными целями – для разжигания межэтнической ненависти и эскалации напряжённости, что подтверждается конкретными примерами из новейшей этнополитической истории, однако анализ подобных способов вмешательства в этнический конфликт выходит за рамки данного исследования.

Литература:

1. Хопёрская Л.Л., Харченко В.А. Управление локальными межэтническими конфликтами: теория и практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Том VII. № 3. – С. 161-181.
2. Цыганков П.А. Международные отношения: теория, конфликты, движения, организации. – М.: Альфа-М, 2011. – 335 с.
3. Mitchell, Christopher Roger. The structure of international conflict / C. R. Mitchell. - Repr. - Basingstoke; London : Macmillan, 1989. - 355 с.

Аспекты метода неклассического прогнозирования в философии политики Александра Панарина

Серкова В.А.
Доктор философских наук,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, профессор
E-mail: henrypooshel@rambler.ru

Лобастова В. А.
Кандидат философских наук,
Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, доцент
E-mail: beshent@bk.ru

Аннотация: *Александр Сергеевич Панарин принадлежит к классикам современной отечественной политологии. Его главной заслугой является создание прогностической программы нелинейного моделирования политических событий. Он разработал целостную систему онтологической, праксеологической, эпистемологической и культурологической аналитики политики. Россия всегда была в центре его исследовательских интересов. Анализ принципов социального реформирования А. Панарина основывается не только на исследовании ближайших и отдаленных его последствий, но и на моделировании альтернатив как описании многофакторного развития событий, основанных на принципах бифуркации, стохастичности, нелинейности и неопределенности. С точки зрения А. Панарина, принципиальное предварительное осмысление альтернатив будущего государства необходимо для разработки и проведения собственной стратегической политики, что особенно важно для сохранения культуры в эпоху глобализационного сдвига во всех сферах социальной, экономической и политической реальности.*

Ключевые слова: *глобальное прогнозирование, философия политики, Александр Панарин.*

Aspects of the method of non-classical forecasting in Alexander Panarin's philosophy of politics

Serkova V. A.
Phd
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
E-mail: henrypooshel@rambler.ru
Lobastova V. A.
Phd
Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design
E-mail: beshent@bk.ru

Abstract: *A. Panarin belongs to the classics of modern Russian political science. His main achievement is the creation of a predictive program for nonlinear modeling of political events. He developed an integrated system of ontological, praxeological, epistemological, and cultural policy Analytics. Russia has always been at the center of his research interests. Analysis of the principles of social reform A. Panarina is based not only on the study of its immediate and remote consequences, but also on the modeling of alternatives as a description of multi-factor development of events based on the principles of bifurcation, stochasticity, nonlinearity and uncertainty. From the point of view of A. Panarin, a fundamental preliminary understanding of the alternatives of the future state is necessary for the development and implementation of its own strategic policy, which is especially important for preserving culture in the era of globalization shift in all spheres of social, economic and political reality.*

Keywords: *global forecasting, philosophy of politics, Alexander Panarin.*

В современной политической теории прогностические модели развития событий приобретают особое значение. Для их анализа необходимо учитывать окружающий горизонт и фон исторических событий, включать их в прогностическую программу аналитики в качестве коррелирующего механизма развития. В этом отношении ценным оказывается теоретический опыт исследователей, ориентированных на системный анализ политической реальности. Особенно ценен опыт ученых-гуманитариев, чей вклад в современную науку можно считать уже классическим. К таким столпам политической науки принадлежит Александр Сергеевич Панарин.

С позиции классического прогнозирования предполагается, что следует прояснить характер детерминации, связывающей события

настоящего и будущего, то есть определить, имеет ли она жесткую причинно-следственную основу, либо же события связаны вероятностными и нелинейными отношениями. Соотнесенность событий через вероятностные и нелинейные отношения показывает неклассический тип прогнозирования, который предложил Панарин. Он разработал основания и структуру нового типа современного прогнозирования, описывая механизмы аналитики прогноза в своем труде «Глобальное политическое прогнозирование». В 1998 г. за разработку геополитических сценариев развития России в XXI веке он был награжден Почетным знаком «Общественное признание».

В нелинейной прогностической модели А. Панарина события описываются с учетом принципов бифуркации, стохастичности, нелинейности и неопределенности. Суть новой прогностики состоит в том, что вместо отслеживания тенденций, связанных существующими моделями политической реальности, анализировать и «предвосхищать альтернативы» [1, с. 9]. Основное отличие неклассического прогнозирования от классического, по мнению Панарина, состоит в том, что «с одними будущее случается, другие его выбирают. Необходимо отметить, что в современном глобальном мире пребывание в состоянии объекта крайне опасно» [1, с. 13].

Другая проблема социального прогнозирования связана с практикой корпоративного присвоения права на осуществление социальных преобразований. Современные чиновники-реформаторы, как правило, инициируют изменения, которые оказываются непонятными для тех, кто должен быть в них мобилизован. Такое реформирование будет бесперспективным и неэффективным, прежде всего потому, что в его необходимости сомневаются именно те, кто должен его же осуществлять. Прескриптивный (предписывающий) стиль в таком важном деле, как, например, образовательная реформа, является во всех смыслах непродуктивной социальной тактикой. Безответственность в социальном экспериментировании нарушает единство социального действия и нравственной воли. Неэффективное реформирование вносит разлад во взаимодействие онтологических и аксиологических аспектов социальной жизни, выдвигая перед исследователем этих процессов ряд серьезных методологических и мировоззренческих вопросов. По остроумному замечанию Панарина, реформаторы живут во вселенной Виннера, хаотической по своему состоянию из-за разрыва между прошлым и будущим. Такое предостережение обосновывает здоровый консерватизм, прогностическую осторожность и здравый смысл, которые уравновешивают энергию разрушения, сопутствующую всякому реформированию.

Еще одна глобальная проблема реформаторской деятельности связана с доминированием таких моделей влияния, в которых экспансия динамического центра приводит к утрате периферией своей природной основы. Именно поэтому важно, чтобы при поиске ответа на вызов, последний должен быть интерпретирован стороной, которой он был получен. С точки зрения Панарина, только сохраняя собственную природу и собственное лицо, периферия экономического развития имеет возможность принимать геополитическое, экономическое, военное или технико-экономическое соперничество в соответствии с проектами собственного интереса.

В эпоху глобализации процессы неравномерного развития современных государств еще более усугубляются, что приводит к формированию «полюса роста и стагнифицирующей периферии» (Панарин). В результате этого страны могут оказаться в поле действия сил, неизбежно влияющих на их хозяйственно-экономическое состояние. Среди таких сил выделяются центростремительные силы, которые задают новый порядок глобалистского типа, и центробежные силы, отодвигающие большинство стран на периферию мирового развития.

Очевидно, что глобальная система мирового устройства не только является результатом совместных усилий в формировании единого (в пределе - планетарного) экономического пространства, но и порождает столь же масштабные структурные проблемы. И оборотной стороной глобализма является опасность глобальной нестабильности.

Связанные с глобализацией «риски» России были вызваны вступлением ее в мировую глобальную экономику в качестве «планетарного ресурса» сырья, пространства и недр. Основное содержание понятия «российского глобального фактора» (RGF) определялось как пространственно-природный потенциал России. Панарин утверждает, что «в глобальном мире перед каждым народом возникает жесткая дилемма: либо ему удастся выстроить собственную эффективную стратегию будущего, либо эту стратегию выработают за него другие в соответствии с собственными интересами» [1, с. 14]. С точки зрения Панарина, принципиальное предварительное осмысление альтернатив будущего государства необходимо для разработки и проведения собственной стратегической политики.

При этом необходимо иметь в виду тот факт, что в мировую систему государства вписываются с различным экономическим потенциалом и с различным культурным содержанием. Они в разной степени защищены от глубоких коллизий и резких потрясений глобального мира. Невозможно отказаться от стратегического проектирования будущего в глобальной проекции, так как необходимо

противостоять международному лидеру сегодняшнего дня, политические намерения которого характеризуются нарастающим агрессивным стремлением достичь абсолютного господства, что осуществляется благодаря защите своих национальных интересов в сфере «большой политики», охватывающей все зоны глобального мира. В этом, по мнению Панарина, состоит мировой вызов нашей стране, на который необходимо дать ответ.

Среди современных исследователей политического прогнозирования можно выделить В. Н. Расторгуева [3], А. В. Соловьева [4], О. А. Артюхина [5], Л. Т. Восканян [5, 6], которые поддерживают научную позицию Панарина и развивают его методологию.

Литература:

1. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. М., Алгоритм, 2002. 348 с.

2. Панарин А.С. Философия политики. М.,1996. 424 с.

3. Расторгуев В. Н. Политическая теория и аналитика Александра Панарина // Электронное научное издание «Альманах Пространство и Время». 2015. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-teoriya-i-analitika-aleksandra-panarina (дата обращения: 13.01.2020).

4. Соловьев А. В. А. С. Панарин: у истоков нового прочтения конфликтности // Электронное научное издание «Альманах Пространство и Время». 2015. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/a-s-panarin-u-istokov-novogo-prochteniya-konfliktnosti (дата обращения: 13.01.2020).

5. Артюхин О. А., Восканян Л. Т. Социально-политические основы политических воззрений А. С. Панарина // Государственное и муниципальное управление // Ученые записки СКАГС. 2013. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-politicheskie-osnovy-politicheskih-vozzreniy-a-s-panarina (дата обращения: 13.01.2020).

6. Восканян Л. Т. Политологическая концепция А. С. Панарина: актуализация гуманистического потенциала // Russian Journal of Education and Psychology. 2013. № 11 (31). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politologicheskaya-kontseptsiya-a-s-panarina-aktualizatsiya-gumanisticheskogo-potentsiala (дата обращения: 13.01.2020).

Причины и последствия этнорелигиозных и политических конфликтов в условиях стратегической нестабильности в XXI веке

Силаева З. В.
Кандидат политических наук
Казанский (Приволжский) федеральный университет, доцент
E-mail: Silaeva-zoya@mail.ru

Аннотация: *Статья посвящена изучению причин и последствий различного рода конфликтов в условиях стратегической нестабильности современности, их сущности и роли. Происходит переосмысление важности этих конфликтов и их влияния на политические процессы на мега- и макро- уровнях. Автор приходит к выводу о необходимости использования функциональной концепции конфликта Л. Козера при анализе информации в условиях роста стратегической нестабильности и при принятии решений в международных отношениях.*

Ключевые слова: *стратегическая нестабильность, этнические конфликты, религиозные конфликты, политические конфликты, информационно-коммуникативные технологии, международные отношения.*

Causes and consequences of ethno-religious and political conflicts in the conditions of strategic instability of the XXI century

Silayeva Z. V.
Kazan Federal University, associate professor
E-mail: Silaeva-zoya@mail.ru

Abstract: *The article is devoted to studying the causes and consequences of various conflicts in conditions of strategic instability, their essence and role. There is a rethinking of the importance of these conflicts and their impact on political processes at the mega and macro levels. The author comes to the conclusion that the functional concept of the conflict of L. Coser should be used in the analysis of information in conditions of strategic instability and in the way they discourse and take actions on international issues.*

Keywords: *strategic instability, ethnic strife, religious conflict, political conflict, information and communication technologies, international relations*

В XXI веке в международных отношениях вновь актуализируется проблема стратегической нестабильности, связанная не только с изменениями политической конъюнктуры, стремлением ведущих и региональных лидеров сохранить и приумножить свое влияние, но и с увеличением количества участников политических процессов на мировой арене. В связи с ускоренным развитием информационно-коммуникативных технологий, изменяются также тактики и стратегии, используемые ими как в национальной, так и международной политике.

В последнее время политические аналитики и ученые все чаще говорят о поддержании, укреплении и обеспечении стратегической безопасности, под которой в широком смысле понимается состояние мира, поддерживаемое даже в условиях постоянно возрастающих дестабилизирующих факторов в течение определенного периода времени. Это определение своими корнями уходит к Т. Парсонсу [1] и его последователям, которые анализировали общество с точки зрения гармонии и стабильности.

В центре внимания академических ученых и лиц, принимающих решения, по-прежнему остается «сохранение существующих структур, а также способы и средства обеспечения их спокойного функционирования. Дезадаптация и напряженность для них – промежуточный этап на пути к консенсусу» [2, с. 39]. Такое понимание ведет к тому, что конфликты начинают рассматриваться как фактор политической нестабильности, предотвратив или, разрешив который, можно было бы сохранить гармонию, в том числе и в международных отношениях. Однако до сих пор реакция на конфликты ситуационна, отсутствует понимание сущности конфликтов и их значения для современных политических процессов, в том числе для государственного образования.

В мире существует большое количество мест, регионов, для которых проблема политической напряженности, межконфессиональных, межэтнических и религиозных противоречий и конфликтов была и остается актуальной. Они характерны для Европы, Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии, Северной Африки, Балкан, постсоветского и постсоциалистического пространства и т.д. В настоящее время также наблюдается рост количества локальных войн и вооруженных конфликтов. И отношение к этим процессам отрицательное. Однако все ли конфликты можно сравнивать, как это делает Т. Парсонс, с болезнетворными организмами? Каковы их причины и последствия? Какое значение они играют в современных международных отношениях?

Для начала разберемся, что такое конфликт. Наибольший интерес в качестве отправной точки представляет определение социального

конфликта Л. Козера. «Социальный конфликт – это борьба за ценности и притязание на статус, власть и ресурсы, в ходе которой оппоненты нейтрализуют, наносят ущерб или устраняют своих соперников» [2, с. 32]. Очевидно, что конфликт не будет развязан, если хотя бы у одной из конфликтующих сторон не будет определенной заинтересованности, что приведет к противоречиям с интересами другой стороны. Поэтому конфликт – это не только борьба, но и острое противоречие, которое возникает между различными субъектами (индивидуумами, отдельными социальными, этническими, религиозными группами, государствами, их институтами или государственными системами), связанное с несовпадением или прямым противоречием интересов и взглядов относительно перечисленных в определении Л. Козера объектов конфликта.

Междисциплинарное многообразие взглядов ученых на происхождение конфликтов не позволяет обобщить причины их возникновения. В их основе лежит комплекс региональных противоречий исторического, территориального, политического, социального, этнокультурного и иного свойства, способного при определенных условиях реализоваться в форме конфликта с массированным применением насилия.

Исторические противоречия обычно выступают в виде глубоко укорененных в общественном сознании, пристрастных по форме и агрессивных по содержанию представлений об «исторических врагах».

Территориальные противоречия в виде устойчивых претензий на территорию.

Политические противоречия обычно выступают как отсутствие суверенной государственности или политико-правовая неполноценность статуса этнических, религиозных или политических меньшинств в государстве.

Экономические противоречия – в форме борьбы за «естественное право» на обладание ресурсами и собственностью.

Социальные противоречия – в виде противоречий, связанных с неравномерным социально-экономическим развитием территорий, неравной степенью свободы, доступа различных социальных групп к ресурсам и рынкам, с дискриминацией по расовому, этническому или религиозному признакам, с культурно-организационными различиями и т.д.

Как мы видим, данные противоречия не являются характерной особенностью какого-то отдельного конфликта, совокупность причин, которые его могут спровоцировать, есть в любой общности. И их формирование не связано с внешним вмешательством, как принято утверждать, когда надо найти, кого обвинить в проявлении

нежелательного сценария развития событий. Поэтому конфликты не совсем корректно было бы считать основой политической нестабильности на мировой арене. Но именно потенциал внутренней государственной нестабильности используется отдельными странами, как правило, для достижения собственных интересов.

Конфликты не хороши и не плохи сами по себе, они неотъемлемая часть развития общества. Однако акцентирование внимания на деструктивных функциях конфликта ведет к нарушению баланса в его исследовании и формированию, как следствие, негативных установок у населения по отношению к ним. Появляется страх, который легко используется для управления и манипулирования общественным сознанием, что лишь приводит к эскалации насилия и формирует замкнутый круг, снижая эффективность возможности управления ими с целью реализации конфликтом ряда позитивных функций. Например, поддержание групповых границ и предотвращение оттока членов группы.

Более того, когда многочисленные конфликты небольшой интенсивности переплетены между собой и обусловлены различными причинами, то они создают страховочную сеть, которая обеспечивает безопасность общества, государства и мирового сообщества и позволяет им стабильно развиваться и функционировать, так как не дает отдельным группам, государствам, сообществам сконцентрироваться только на одном конфликте и расколоть социальное единство на непримиримые и враждебные лагеря, для которых характерны постоянные насильственные действия или друг против друга борьба до победного конца [3, с. 34; 4, с.7-47, 70-76]. Это не только говорит о том, что бороться с конфликтами бесполезно, но и доказывает о необходимости пересмотра функциональной значимости конфликта при принятии политических решений.

«Конфликт нельзя исключить из социальной жизни… «Мир» - это не более, чем изменение формы конфликта или смена конфликтующих сторон, или смена предмета конфликта, или, наконец, возможностей выбора» [5, с. 26-27]. Поэтому конфликты не создают политической нестабильности, они, наоборот, являются частью политической стабильности. Однако с появлением новых информационных технологий на международной арене увеличивается количество субъектов, которые используют страх конфликта для демонстрации собственного могущества и достижения собственных целей. При этом, что интересно, конфликт не может развиваться вне определенных условий, а значит просто создать его на любой желаемой территории целенаправленно сложнее. Поэтому, в первую очередь, необходимо переосмыслить функциональную концепцию Л. Козера, которая

позволяет выработать механизмы для обеспечения баланса в развитии общества и противостоянию технологиям управления конфликтов извне.

Конфликты – всегда есть отражение внутренних проблем и противоречий государства и общества. Когда говорят о воздействии извне, прежде всего имеют ввиду внутреннюю неспособность сообщества к консолидации. И причина в этом далеко не внешняя. Чаще всего государство, вмешиваясь в управление конфликтом не на своей территории, решает свои внутренние проблемы. Чтобы успешно реализоваться, занять свое место на международной арене, увеличить свое влияние в мировой политике и предотвратить внешнее вмешательство во внутренние дела того или иного государства, этому самому государству, прежде всего необходимо решить внутри государственные, национальные проблемы, сплотить общество и сформировать институционализированные механизмы для предотвращения раскола общества, втягивания его не только в гражданскую войну, но и в нецелесообразные иррациональные, ложные конфликты под лозунгом борьбы за мировую безопасность.

В условиях глобализации в международных отношениях существует немало механизмов сдержек и противовесов, которые перестают действовать, когда нарушается баланс, что используется всеми игроками мировой политики. Особая роль для предотвращения негативных последствий, представляющих реальную угрозу в условиях стратегической нестабильности политических взаимоотношений, складывающихся между основными крупными игроками, стремящимися к увеличению своего регионального и международного влияния, отводится научному и экспертному обеспечению оперативного реагирования на конфликты, разворачивающихся на основе информационного манипулирования. Понимание этого очень важно, так как в настоящее время борьба идет за доминирование информационным пространством. А это значит, что суть конфликта не изменяется, изменяются технологии и стратегии. И поэтому необходимо переосмыслить имеющийся опыт, выработать свои стратегии и технологии управления конфликтом, работающие в современных реалиях.

Литература:

1. Parsons T. The Structure of Social Action. Gleencoe, Ill: The Free Press, 1949. 817 p.

2. Козер Л. Функции социального конфликта / Пер. с англ. О.А. Назаровой. М. Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 208 с.

3. Большаков А.Г. Возможности и издержки управления конфликтами в рамках реализации «Стратегии государственной национальной политики РФ» // Интегративная перспектива в гуманитарных науках. 2018. №1. С. 34-40.

4. Регулирование этнополитической конфликтности и поддержание гражданского согласия в условиях культурного многообразия: модели, подходы, практики: аналитический доклад / отв. ред. И.С. Семененко. М. ММЭМО РАН. 2017. 229 с.

5. Wever M. The Metodology of the Social Sciences, trans. and ed. Edward A. Shils and Henry A. Finch. Gleencoe, Ill: The Free Press, 1949.

Сотрудничество Красной армии и Народно-освободительной армии Югославии в Западно-Моравской долине осенью 1944 года

Симиянович Йован Д.
Доктор исторических наук,
Институт сербской культуры Приштина-Лепосавич, научный сотрудник
E-mail: jovan_simijanovic@yahoo.com

Аннотация: *Осенью 1944 года боевые единицы Красной Армии вошли на территорию Югославии и внесли решающий вклад в разгром и изгнание немецких оккупационных сил из Сербии. Во время их появления боевые единицы Красной Армии встретили братский прием и благодарность местных жителей. В Сербии к совместной борьбе присоединяются бойцы Национально-освободительной армии. Появлению Красной Армии также радовалось значительное число югославских военнослужащих на родине. В ходе ряда боевых действий вдоль долины Западной Моравы Красная Армия вместе с местными войсками и местными жителями понесла значительные потери. Настоящая статья основана на исторических источниках и соответствующей научной литературе. Мы старались представить российской научной общественности результаты сербской историографии и приблизить ей источники и литературу на сербском языке.*

Ключевые слова: *Красная Армия, 3-й Украинский фронт, Народно-освободительная армия Югославии, Югославская армия на родине, Сербия, СССР, Югославия, Западная Морава.*

Cooperation between the Red Army and the National Liberation Army of Yugoslavia in the West Moravian Valley during the autumn of 1944

Simijanovich Jovan D.
Doctor of Historical Sciences, Institute of Serbian Culture Pristina-Leposavich, researcher
Email: jovan_simijanovic@yahoo.com

Abstract: *In the autumn of 1944, the Red Army units entered the territory of Yugoslavia and made a decisive contribution to the crushing and expulsion of German occupation forces from Serbia. During their appearance, the Red Army units encountered the brotherly reception and appreciation of the local population. In Serbia, fighters of the National Liberation Army joint the fight. The appearance of the Red Army was also enjoyed by a significant number of Yugoslav Army in the homeland soldiers. In a series of combat operations along the West Morava valley, the Red Army, along with local troops and locals, has suffered significant casualties. This paper is based on historical sources and relevant scientific literature. We tried to present to the Russian scientific community the findings of the Serbian historiography and to bring the sources and literature in the Serbian language closer to them.*

Keywords: *Red Army, 3rd Ukrainian Front, Yugoslav People's Liberation Army, Yugoslav Army in the Fatherland, Serbia, USSR, Yugoslavia, West Morava.*

Значение Балкан в военно-стратегическом смысле развития военных событий в конце Второй мировой войны стало известно летом 1944 года. Красная Армия (в дальнейшем именуемая «КА») в своих летних наступлениях в этом году, особенно на своем левом южном крыле, проводила военные действия за пределами границ Советского Союза. Особое значение для Югославии, и особенно для Сербии, имела Ясско-Кишиневская операция, в ходе которой КА разгромила немецкую группу армий «Южная Украина». Это создало условия для быстрого проникновения через Румынию, которая капитулировала еще 23 августа, а вскоре после этого, 8 сентября, Болгария также капитулировала [1, с. 33]. В то время на территории тогдашней Югославии также происходило позитивное развитие событий. К июню было подготовлено более 20 сербских бригад и 5 сербских дивизий Национально-освободительной армии Югославии (далее по тексту - НОАЮ). Немцы больше не могли развить единого общего наступления. Приказ о проникновении оперативных групп НОАЮ в Сербию издал

И. Б. Тито 9-11 июля. Одной из основных целей этой операции было облегчить проникновение КА в Югославию путем разрезания и разрушения главных дорог, задержания и вмешательства в боевые действия [1, с. 34-36].

Второе, вооруженное движение на территории Сербии - Югославская армия на родине (далее именуемой ЮВуО) во главе с Драголюбом Дражой Михайловичем, стремилось устроить сотрудничество с КА. 10 сентября Михайлович отправил своего эмиссара подполковника Пилетича в Румынию, который привез с собой письменное распоряжение, разрешающее ему связаться с союзнической КА для заключения соглашения о содействии. Однако он был арестован в Крайове 1 октября. Несмотря на это, 5 октября Михайлович разослал всем подчиненным штабам циркулярное письмо, с рекомендацией соединиться с КА для совместной борьбы с немцами, заключив: «Мы считаем русских нашими союзниками. Борьба против сил Тито в Сербии продолжится ... » [1, с. 43]. Во время будущего прибытия боевых единиц КА, некоторые командиры ЮВуО стремились сотрудничать с ним. Сначала, вероятно, из-за незнания договоренностей на высшем уровне, некоторые полевые командиры КА принимают предложенное сотрудничество [1, с. 43]. Отношения между КА и ЮВуО в будущем перешли от радостных встреч и совместной борьбы к перестрелке (из-за ошибочной идентификации). Более подробная информация будет изложена ниже.

Тем временем, 19 сентября, президент Национального комитета освобождения Югославии (далее именуемый «НКОЮ»), И. Б. Тито путешествовал из Виса в Москву, чтобы встретиться со Сталиным, Верховным главнокомандованием Красной Армии и Советским правительством [2, с. 300]. В Москве 28 сентября было объявлено Соглашение между представителями правительства СССР и представителями НКОЮ о сотрудничестве. Соглашение разрешало законный въезд КА на территорию Югославии при условии, что СССР уважает суверенитет Югославии и НКОЮ как своего единственного официального представителя. С этим соглашением правительство СССР стремилось учесть новые обстоятельства, следующие за соглашением Тито-Шубашич на острове Вис 16 июня [1, с. 43]. На основании соглашения из Москвы и Крайовы планируется совместная атака. Подразделение КА (3-й Украинский фронт, которому подчинялась 2-я болгарская армия, как части 2-го Украинского фронта). Подразделение НОАЮ (1-я армейская группа, 13-й и 14-й корпуса). Общее количество составляет около 190 000. К моменту атаки 57-й армии 3-го Украинского фронта в КА было добавлено еще 23 400

человек. Армия была очень хорошо оснащена и вооружена [3, с. 64-65; 4, с. 87-102; 5, с. 45-62].

22 сентября подразделения 2-го Украинского фронта вошли на территорию северо-восточной Сербии, а 28-го числа того же месяца начались комплексные атаки подразделений 57-й армии 3-го Украинского фронта с направления Болгарии [3, с. 66, 87; 5, с. 55; 6, с. 289]. До 12 октября подразделения КА освободили всю восточную часть Сербии и объединились с подразделениями 1-й армейской группы НКОЮ [3, с. 68]. Затем последовала операция в Нише, начавшаяся 8 октября и закончившаяся 14 октября освобождением Ниша и пересечением основного отступления группы армий «Е» в долине Южной Моравы [3, с. 68; 7, с. 102-110; 8, с. 1152; 9, с. 173-183]. Освобождением Лапова 9 октября прервана самая значительная линия снабжения немецкой группы армий «Е» [10, с. 19]. Освобождением Тополы и Младеноваца 12 октября все движение между городами Кралево и Крагуевац в направлении Белграда было остановлено [3, с. 70]. Новый значительный маршрут отступления для немецких подразделений был установлен на маршруте Кралево-Чачак [10, с. 19].

Тем временем, уже 14 октября подразделения 64-го корпуса освободили Крушевац. По этому случаю состоялось краткосрочное сотрудничество между подразделениями КА и подразделениями ЮВуО. А именно, с учетом фактора неожиданности, Расинский корпус из ЮВуО под командованием полковника Драгутина Кесеровича сумел разоружить большое количество немецких солдат, после чего подразделения 52-й дивизии КА вошли в город без единой выстреленной пули. Несколько позже перед Крушевацем, с северо-восточного направления, прибыл передовой отряд 19-й дивизии КА. Силы Кесеровича открыли по ним огонь, ошибочно считая их НОАЮ отрядом. Тогда погибло 18 красноармейцев из 19-й дивизии КА, которая затем отвергнула членов ЮВуО и вошла в Крушевац. Потом все члены ЮВуО были разоружены. Согласно некоторым источникам, и 14 членов НОАЮ погибли во время освобождения Крушеваца [11; 12, с. 273]. Вскоре после освобождения Крушеваца 52-я стрелковая дивизия КА и 2-я пролетарская дивизия НОАЮ освободили Трстеник и до 19 октября заняли новую боевую линию недалеко от Кралева. Немецкое командование отправило 14-й полк 7-й дивизии СС на линию фронта до того же 19 октября. Затем был отправлен 749-й полк 117-ой охотничьей дивизии и боевая группа «Харт» [3, с. 70-73]. К этим и другим германским силам, действовали и: в районе Крагуевац, 17-я ударная дивизия НОАЮ на севере и западе и 113-я стрелковая дивизия КА к востоку от Крагуеваца; а в направлении Крушевац - Трстеник - Кралево действовали 2-я пролетарская дивизия НОАЮ и 52-я

стрелковая дивизия КА. Задача этих ангажированных сил состоялась в том, чтобы обеспечить проведение белградской операции с юга, а затем освободить Крагуевац, Кралево и Чачак. Подразделениям 68-го и 64-го корпусов КА было поручено овладеть немецкими опорными пунктами в Крагуеваце и Чачаке и пересечь связь Кралево-Сараево [3, с. 70-73; 5, с. 387].

Воспользовавшись хорошими позициями и полукругом, в которые были втянуты немецкие подразделения, объединенные подразделения КА и НОАЮ, тем временем, начали наступление на Крагуевац 14 октября. В городе тогда размещались различные немецкие подразделения общей численностью до 5 000 солдат. Именно 20 октября, в тот же день, когда был освобожден Белград, 68-й стрелковый корпус КА и 17-я дивизия НОАЮ начали атаку на Крагуевац, который был освобожден на следующий день. Только несколько немецких солдат и офицеров в сопровождении генерала Фишера смогли сбежать в сторону Кралево. По некоторым данным, в Крагуеваце осталось 2 127 мертвых немецких солдат [3, с. 70-73; 5, с. 388-392; 13, с. 217]. После освобождения Крагуеваца 21 октября подразделения КА и НОАЮ продолжили свои действия в направлении Книч [5, с. 391-392]. Там 113-я дивизия КА была заменена 93-й дивизией, которая продолжила свою деятельность в направлении Чачак в содействии с 17-й дивизией НОАЮ. До 25 октября Книч был занят [13, с. 635].

Немецкие позиции вокруг Кралево были очень хорошо установлены в конце октября, и силам, тогда доступным освободителям в этом районе, из движения было невозможно легко захватить город и пересечь важную линию отступления немецких войск. 2 октября 23-я дивизия и 1-я югославская бригада НОАЮ были отправлены на поле битвы для подкрепления [3, с. 74-75; 14, с. 499–501]. До 20 ноября на линии фронта от Кралево до Ужице на первой линии было пять дивизий НОАЮ и четыре отряда, общей численностью 52 186 солдат из подразделений 14-го корпуса НОАЮ. Точная численность бойцов 68-го корпуса КА автору неизвестна [14, с. 92-99]. В отличие от них, у германских сил обороны было четыре дивизии и семь боевых групп - силы полка, общей численностью
60 000 солдат, из которых около 20 000 были постоянно на позициях [8, с. 174]. Замыкающая часть немецких подразделений в отступлении проходила через Кралево 27 и 28 ноября. Сразу после этого в ночь с 27 на 28 ноября началось отступление немецких подразделений из Кралево [4, с. 378; 8, с. 1072, 1076]. Ранним утром 27 ноября началась атака 3-й сербской, 4-й пролетарской бригад и 1041-го полка КА на Кралево. В следующую ночь, с 28 на 29 ноября, город был полностью под контролем освободителей [4, с. 350; 8, с. 1087; 14, с. 245-247, 285;

15, с. 166]. О вкладе подразделений КА на поле битвы в Кралево свидетельствует, по меньшей мере, 340 погибших красноармейцев [16, с, 527]. Подразделения НОАЮ в операциях по освобождению Кралево и Чачака в период с 16 октября по 15 декабря имели 1 213 погибших и 3 118 раненых бойцов [17, с. 146].

Затем, в ночь с 2 на 3 декабря, 2-й пролетарской дивизии удалось проникнуть в Чачак и в сотрудничестве с 17-й и 23-й дивизиями, которые тем временем атаковали с севера. На следующий день город был освобожден. Действуя слева от 2-й пролетарской дивизии, 25-я дивизия вскоре освободила Каону, Иваницу и Гучу [3, с. 81; 7, с. 204]. Еще с 16 октября подразделения КА проводили операции в районе Чачака. В процессе освобождения Чачака ожесточенные бои вела 93-я стрелковая дивизия КА, которая состояла из 51-го и 129-го стрелкового, и 529-го минометного полка численностью около 5 000 солдат [18, с. 192]. Именно в районе Чачака подразделения КА сотрудничали в наибольшей степени с подразделениями ЮВуО. В соответствии с соглашением о сотрудничестве, подписанным Предрагом Раковичем, командиром местного подразделения ЮВуО, и полковником Саличевым, командиром 93-й дивизии КА, от 18 октября, подразделение Раковича находилось под командованием и защитой КА, и ему было поручено доставлять разведданные о передвижении немецких войск, проводить диверсии и атаковать немецкие колонны [1, с. 43; 20, с. 143-148]. Сразу после прибытия 1-й югославской бригады НОАЮ, согласно некоторым свидетельствам, 30 октября произошло нападение членов этого подразделения на членов ЮВуО. Это препятствовало будущему сотрудничеству между КА и ЮВуО. В остальном, 1-я югославская бригада состояла в основном из выживших хорватских фашистов - усташей и домобранов, которые ранее были взяты в плен в Сталинграде. Командующий этим отрядом подполковник Марко Месич был когда-то награжден железным крестом Гитлера. В плену некоторые «бывшие» фашисты согласились сменить сторону и присоединиться к вновь сформированному подразделению с заявлениями о раскаянии. На поле битвы в Сербии они практиковали свою прикрытую сербофобию и русофобию, начиная конфликты с идеологическим противником, хотя в тот момент он совместно с подразделениями КА нападал на немецкого оккупанта [6, с. 297; 20, с. 148-149]. Число жертв свидетельствует об ожесточенных боях вокруг Чачака. Общая численность погибших здесь составила 542 человека, 1 527 были ранены, а 192 исчезли из рядов НОАЮ. У нас нет соответствующих данных о потерях ЮВуО. У нас также нет официальных данных о потерях КА, но по индивидуальным и общим могилам было установлено, что, по меньшей мере, 393 солдата и

офицера КА отдали свои жизни за освобождение района Чачака от немецкого оккупанта [18, с. 192]. По некоторым дополнительным сведениям, 464 офицера и солдата КА пострадали в этом районе [19, с. 225].

Из Чачака освободители продолжили продвижение к Пожеге. Подразделения 2-й ударной пролетарской дивизии и части 18-й сербской бригады 25-й дивизии НОАЮ смогли освободить Пожегу 12 декабря после двух дней борьбы [14, с. 410]. В ночь с 15 на 16 декабря немцы начали отступление из места Ужице, а на следующее утро, 16 декабря, 2-я пролетарская дивизия вошла в Ужице. Немецкая армия отступила в Вышеград с потерями [3, с. 83].

Это положило конец операции по освобождению долины Западной Моравы. Немецкие войска в этом районе были вытеснены к западу от реки Дрины. Потери, которые понесла КА на той части поля битвы, свидетельствуют о том, что, помимо желания нанести большой урон немецким войскам, существовало искреннее желание освободить население, которое встречало красноармейцев с братской любовью и восторгом, с большой волей к борьбе с ними бок о бок.

Литература:

1. Јончић Н. «Војно-политичка ситуација у Србији у време борби за коначно ослобођење земље 1944. године», *Борбе са главнином немачке Групе армија "Е" на ибарско-западноморавском правцу у ослобађању Западне Србије 1944. Године*. Београд-Краљево-Чачак. 1990. С. 22-55.
2. Broz Josip - Tito, *Vojna djela*, tom V, VIZ. Beograd, 1977.
3. Цолић М. «Преглед борбених дејстава за ослобођење Србије са тежиштем на борбама за ослобођење подручја Краљева и Чачка и западне Србије у другој половини 1944. године», *Борбе са главнином немачке Групе армија "Е" на ибарско-западноморавском правцу у ослобађању Западне Србије 1944. године*. Београд-Краљево-Чачак, 1990, С. 56-90.
4. Група аутора. *Београдска операција*. Београд, 1964.
5. Вишњић П. *Битка за Србију* 2. Београд, 1984.
6. Николић К. *Историја Равногорског покрета*, кн. 2. Београд, 1999.
7. Grupa autora. *Završne operacije za oslobođenje Jugoslavije: 1944-1945*. Beograd, 1957.
8. *Zbornik dokumenata i podataka o narodnooslobodilačkom ratu naroda Jugoslavije*. 1979. Tom 12. Kn. 4.

9. Велојић Д. «Дејства јединица НОВЈ и Црвене армије у пресецању јужноморавског правца и њихов утицај на Нишку операцију октобра 1944», *Српско-руски односи у прошлости и садашњости: (међународни тематски зборник)*, Кн. 1, Лепосавић. 2018. С. 173-183.

10.Петровић Д. «Војно стратегијски положај Краљева и ширег западноморавско – ибарког подручја с посебним освртом на краљевачко – чачанску операцију 1944 год». *Борбе са главнином немачке Групе армија "Е" на ибарско-западноморавском правцу у ослобађању Западне Србије 1944. године*. Београд-Краљево-Чачак, 1990. С. 13–21.

11.*Zbornik dokumenata i podataka o narodnooslobodilačkom ratu naroda Jugoslavije*, 1981. Том 14. kn. 4.

12.Група аутора. *Ослобођење Крушевца 1944. године: зборник докумената, студија и сећања учесника и савременика*. Крушевац, 1997.

13.*Зборник докумената и података о народноослободилачком рату народа Југославије,*1957. Том 1. Кн. 14.

14.*Зборник докумената и података о народноослободилачком рату народа Југославије*,1957. Том 1. Кн. 15.

15.Урошевић С. «Друга пролетерска дивизија – операције у жупско – западноморавско – ибарском басену», *Борбе са главнином немачке Групе армија "Е" на ибарско-западноморавском правцу у ослобађању Западне Србије 1944. године*. Београд-Краљево-Чачак, 1990. С. 154–168.

16.Јоветић Р. «Борци Црвене армије пали у борбама за ослобођење Краљева», *Борбе са главнином немачке Групе армија "Е" на ибарско-западноморавском правцу у ослобађању Западне Србије 1944. године*. Београд-Краљево-Чачак, 1990. С. 526–529.

17.Вујичић Г. «Преглед јединица и обостраних губитака у борбама за ослобођење Краљева и Чачка», *Борбе са главнином немачке Групе армија "Е" на ибарско-западноморавском правцу у ослобађању Западне Србије 1944. године*. Београд-Краљево-Чачак, 1990. С. 129-153.

18.Маринковић Р. «Протоколи умрлих Чачана у 1944. години», *Зборник радова Народног музеја Чачак* XXXIII. Чачак, 2003.

19.Недовић Р., Васовић П. *Затамњена истина*. Чачак, 2006.

20.Давидовић Г., Тимотијевић М. *Затамљена прошлост*. Чачак-Краљево, 2004.

Роль российских консульств в Косово и Метохии

Симич Мирьяна
Институт сербской культуры Приштина – Лепосавич,
докторант, ассоциированный эксперт
E-mail: mirjana.bazic@gmail.com

Аннотация: *Образовательная жизнь в Косово и Метохии проходила в особых и нестабильных политических, экономических и культурных условиях. Однако, исходя из того, что образование в Косово и Метохии было обусловлено большой унаследованной культурной и образовательной отсталостью и смешанным населением на национальном уровне, усилия в области образовательной политики направлены на: улучшение образования, грамотности, улучшение школьного образования и вывод населения из многовековой культурной и образовательной отсталости. С этой точки зрения основная задача и содержание работы посвящены работе российских консульств, которые благодаря своей работе и деятельности смогли облегчить положение сербского народа на территории Косово и Метохии.*

Одной из задач консульства было участие в культурной, образовательной и национально-политической деятельности. Их главная обязанность состояла в том, чтобы достойно представлять свою страну и защищать своих соотечественников от арбанасов и турок, открывать школы и развивать образование и пропаганду в соответствии с указаниями Министерства иностранных дел Сербии и регулярно сообщать о ситуации в стране в область, в которой они работают и живут. Русские консулы и их представители в Призрене сделали все возможное, чтобы облегчить положение сербов под турками. Богословское управление могло переписываться только с Белградом через русского консула. Они предоставили учебники и политические документы из Сербии для всех наших школ, обогатив богословскую библиотеку некоторыми журналами и научными трудами, особенно Ястребова и Лисевича. Чтобы защитить сербов, Россия также открыла консульство в Митровице, а в мае 1901 года назначила Григория Щербину консулом.

Ключевые слова: *российские консулы, воспитательная работа, распространение просветительской пропаганды, национально-политическая деятельность, защита от арбанасов.*

The role of Russian consulates in Kosovo and Metohia

Simić M.
Expert associate,
Institute for Serbian culture Prishtina – Leposavic,
E-mail: mirjana.bazic@gmail.com

Abstract: *The educational life in Kosovo and Metohija took place in particular and unstable political, economic and cultural conditions.However, based on the fact that education in Kosovo and Metohija is caused in large part by the inherited cultural, educational backwardness, as well as by the mixed population at the national level,efforts in the field of education policy are focused on: improving it, then literacy, educational attainment and removing the population from centuries-old cultural and educational backwardness.From this point of view, the main task and content of this work is dedicated to the importance of the Russian consulates, who through their work and activities have succeeded in mitigating the position of the Serbian people in the territory of Kosovo and Metohija.One of the tasks of the consulate was their participation in cultural, educational and national-political activities. Their main duty was to represent their country with dignity and protect their compatriots from the ills of the Arbanas and Turks,they open schools and develop educational propaganda in accordance with the instructions of the Ministry of Foreign Affairs of Serbia and regularly report on the situation in the country and the area in which they work and live.*

The Russian consuls and their representatives in Prizren have done everything to alleviate the position of the Serbs under the Turks. The Prizren seminary corresponded with Belgrade through the Russian consulate.They provided textbooks and political documents from Serbia for all our schools, enriching the theological library with journals and scientific papers, especially Jastrebov and Lisevic.To protect the Serbs, Russia also opened a consulate in Mitrovica, and in May 1901 appointed Gligoria Scherbin as consul.

Keywords: *Russian consuls, educational work, dissemination of educational propaganda, national-political activity, protection against Arbanash.*

Присутствие как иностранных, так и сербских консулов в Косово имеет важное значение для сербского сообщества, которое находилось в одном из самых трудных времен для выживания. Под натиском насилия и злодеяний арбанасов и турок в консульстве и в самом консуле, сербы видели огромную поддержку, место и человека,

которому можно жаловаться. Сербия по праву в консулы давала достойных представителей, великих борцов за национальные и религиозные вопросы [2, с. 52]. Поэтому цель нашей статьи состоит в том, чтобы показать роль российского консульства как защитника сербских интересов в Косово и Метохии, на которого сербы больше всего надеялись, в то время как открытие других консульств по-разному отражалось на интересах сербского населения в Косово и Метохии.

Разрешение Восточного кризиса 1876-1878 гг. и оккупация Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией привела Старую Сербию в область прямого интереса великих сил. Будучи самой выдвинутой турецкой провинцией в Европе, Старая Сербия, благодаря своему очень выгодному геостратегическому положению, имела большое значение для отдельных европейских сил: она связывала Восток и Запад и была ключом к преимуществу на Балканах. Поэтому великие державы, каждая по-своему, пытались включить эту часть Турецкой империи в свои политические планы. Первым шагом к этому включению стало открытие их консульств в Старой Сербии. У России были свои консульства в Призрене, Митровице и Скадаре [1, с. 165]. Сложное положение христиан в европейской части Турции, и особенно сербского народа в Косово и Метохии, было хорошо известно русскому правительству. Через свое консульство в Константинополе Россия неоднократно вмешивалась в действия Порты. От Порты требовалось подавить анархию арбанасов в Старой Сербии и обеспечить общественную безопасность и защиту христианского населения. Россия открыла свои консульства в Старой Сербии для наблюдения за австро-венгерской деятельностью, тем самым сохранив свое влияние на Балканах, которое, начиная с Парижского мира до конца 19-го века, великие державы пытались подавить и ограничить. Поскольку в то время в этой области не было сформирована сербская консульская сеть, многие косовско-метохийские сербы обращались к русскому консульству и просили защиты и помощи.

Так, 1 июля 1866 года Россия открыла в Призрене консульство, которое имело большое значение для сербского народа, поскольку это было единственное учреждение, к которому сербы могли обращаться за помощью [1, с. 118]. Первым российским консулом в Призрене был Евгений Тимаев. Петар Костич, который больше всего занимался историей дипломатических миссий в Призрене во времена Турции, оценивает российских консулов до Ястребова бугарофилами. Однако такое мнение невозможно принять по той простой причине, что во время создания этого консульства и спустя несколько лет Сербия пользовалась привязанностью и поддержкой России. Такая оценка не могла бы относиться к первому российскому консулу Евгению

Тимаеву, великому покровителю сербов в Призрене и Призренском вилайете, а также к храброму и бесстрашному Евгению Тухолку, который в один кризисный момент принудительно открыл турецкие склады с оружием и вооружил им сербов в Призрене и окрестности. Этот поступок стоил ему перевода на другую должность. Тухолка это предвидел, но он пожертвовал своей дипломатической карьерой, чтобы защитить сербский народ в Призрене и окрестных деревнях [1, с. 57].

В защите сербов особенно выделялся русский консул Иван Ястребов, который был консулом в Призрене в течение двух месяцев (1870-1876 и 1879-1888) и ранее работал в российском консульстве в Скадаре [3, с. 119]. Ястребов завершил свое первое пребывание в Скадаре в качестве секретаря консульства и переводчика 1 апреля 1870 года. По служебной необходимостион он был переведен в качестве вице-консула в российское консульство в Призрене. В Призрене он успешно продолжил свою дипломатическую карьеру. Его работа также будет плодотворной в его занятиях по организации и легализации просветительской и культурной работы сербов в Призрене и Призренском вилайете. Сербы в Турции получат свою первую среднюю школу в Призрене благодаря Ястребову, который, с помощью российского консульства в Константинополе и усилиями графа Игнатьева, получил одобрение на открытие Призренской семинарии. Разумеется, что в открытии семинарии наибольшая заслуга принадлежит Симе Игуманову, но если бы не Ястребов, возник бы вопрос открытия семинарии, и ее сохранения в трудные времена, которые придут позже [1, с. 54-55]. Российское консульство в Призрене заботилось и о том, чтобы библиотека Призренской семинарии снабжалась недоступными кигами, а во время напряженных отношений между Турцией и Сербией, отправлялись книги в сербские школы и монастыри, а также обеспечивалась финансовая помощь. В отличие от заявленной деятельности некоторых российских консулов в Турции, официальное отношение российского правительства к европейской части Турции и, следовательно, к старой Сербии было обусловлено российскими политическими интересами. Они всегда были устремлены к сербам, и даже когда официальная российская дипломатия защищала и действовала в интересах Сан-Стефанской Болгарии. В остальном Ястребов пользовался большим уважением у турецких властей, а также у арбанасов из Призрена и его окрестностей. После колашинских событий, чтобы лучше отслеживать действия Австро-Венгерской империи в отношении арбанасов и чтобы защитить сербское населениеот от угнетения арбанасов, Россия 7 мая 1902 г. открыла консульство в Митровице [4, с. 168].

В качестве консула назначают опытного дипломата Григория Степановича Щербину. Это вызвало глубокое возмущение среди албанцев, и Иса Болетини решительно выступил против этого и пригрозил, что каждый сербский дом будет подожжен, если окажет помощь российскому консульству. Русский консул не мог приехать в Митровицу и вступить в должность, пока султан не вызвал Ису в Константинополь, после чего русский консул свободно прибыл в Митровицу. Султан сделал это из-за вмешательства России. Наряду с этим событием албанцы провели демонстрации в связи с требованием России провести реформы в европейской части Турции, все с целью улучшения положения сербов. Протесты превратились в сопротивление включению сербов в жандармерию и приезду российского консула [6, с. 281].

Щербину встретили торжественно с соответствующими воинскими почестями и при присутствии большого количества граждан. Его прибытие предводители арбанасов считали угрозой приобретенным привилегиям и из-за этого они организовали многочисленные собрания, крупнейшее из которых состоялось в Джяковице, известное как «Собрание Арбанасов», на котором было решено, среди прочего, выслать Щербину из Митровицы [5, с. 25]. Хорошо информированный Щербина о том, что возле Вучитрна собираются арбанасы, сообщает российскому консулу в Скопье, Машкову, и требует, чтобы он предотвратил нападение на Вучитрн через Порту (29.03.1903) [5, с. 26].

Последний протест 30 марта 1903 года перерос в нападение албанцев на Митровицу. По оценкам консула, в результате этого нападения погибло 200-300 албанцев. На следующий день последовало новое нападение на Митровицу, а русского консула при посещении сил обороны убил сзади албанец Ибрагим Халит, турецкий капрал. Гибель русского консула Щербины приобрела размер национального траура у сербов. Однако, с российской стороны поразило то, что ее реакция на гибель консула была очень мягкой, скорее протокольной, чем существенной [6, с. 281].

Возможно, это лучше всего описал один из наших консулов, который сказал: «Капля братской русской крови капнула в потоки сербской крови, которые веками текут в Косово. И в настоящее время, спустя 25 лет, благодарные сербы из Косово и всей Югославии отметили место, где великий Щербина положил свою жизнь, скромным памятником в виде пирамиды с его изображением, а на бронзовой доске написано: Григорий Степанович Щербина, русский консул, родился 1868 года и умер 28 марта 1903 года [5, с. 28]. После убийства русского консула в Косовскую Митровицу прибывает консул А. А. Орлов. Его

доклады показывают, что он ежедневно информировал свою страну о многочисленных проступках против сербского населения в Митровице [5, с. 29].

Учитывая, что Косово и Метохия находились под сильнейшим давлением австрийской пропаганды, и Призрен, который имел немного католического населения, был использован в качестве одного из пунктов для открытия консульства. Австрийцы открыли консульство в Призрене, так как это было самое выдвинутое место на востоке. Он должен был стать мощным центром религиозной, политической и культурной пропаганды для всего Призренского вилайета. Этот центр в Призрене должен был нейтрализовать влияние России, а также Сербии и Черногории. Он должен был создавать межнациональную и межрелигиозную нетерпимость и сеять ненависть среди жителей Призренского вилайета, и особенно распространять и развивать ненависть у албанцев по отношению к сербам, но также и турков. Фактически, Ястребов должен был действовать как российский консул для нейтрализации австрийской пропаганды в Призрене и на территории Призренского вилайета. Он мог успешно действовать в Призрене в этой области, потому что сербы, как и все православные на Балканах, видели в России своего защитника [1, с. 59]. В Призрене Ястребов был в должности с 1 апреля 1870 года до 18 августа 1874 года. Во время пребывания на своем посту он время от времени покидал Призрен, потому что ему пришлось заменять русского консула в Скадаре. Австрийское консульство использовало каждое отсутствие Ястребова для усиления давления на сербов через католическую церковь и верующих католиков, а также через мусульман, подстрекая их к насилию по отношению к сербскому населению [1, с. 60]. С тех пор, как в Призрене было открыто австрийское консульство, а оно было основано в 1856 году, некоторая защита могла быть найдена у австрийского консула, но даже тогда – дорогой ценой: путем перехода к католической вере. Сербское население в Косово и Метохии очень серьезно относилось к вопросу этнической принадлежности. Оно сохранило эти качества через свою православную веру, которую воспитывало и которое прочно соблюдало как национальную особенность [1, с. 63]. Он стремился заменить фанариотских владык в вилайете на сербских и послать добросовестных священников и желающих учителей в Косово и Метохию, которые были бы действительно полезны сербскому народу в этих краях. Он также действовал в целях отправления сербских молодых людей из Косово и Метохии в Сербию для получения образования [1, с. 64]. Учитывая то, что Ястребову принадлежала большая заслуга в открытии и функционировании Семинарии, австрийскому консульству Семинария

мешала, потому что это был образовательный и культурный центр, который создавал большой духовный потенциал и функционирование которого будет идти непосредственно и против интересов австрийской политики на Балканах [1, с. 69]. Семинария также послужит источником для обучения высокообразованных сербских кадров, которые не существовали под турецким правлением. Ястребов также очень ответственен за развитие печати на сербском языке в Призрене [1, с. 71]. Для сербов в Косово и Метохии, а также в других частях Турции, Берлинский конгресс принес разочарование, так как надежды и ожидания того, что они когда-то освободятся от турецкого рабства, не оправдались. Решениями Берлинского конгресса Австро-Венгрии было предоставлено доминирование на Балканах. После 1875 года российское консульство в Призрене было закрыто. Его существование имело большое значение для России, которая хотела присутствовать на всех территориях, которые оставались под Турцией на Балканах, чтобы сохранить, расширить и усилить свое влияние [1, с. 88]. В очень сложных условиях Ястребов продолжил свою консульскую работу в Призрене с повышенной активностью. Наибольшее внимание он уделил работе сербских школ. Он продолжал выполнять роль посредника между Белградом и Семинарией, через которую проходила вся помощь сербским начальным школам в этих краях. Через него проходило все, что было направлено в Семинарию и сербские школы, от денег до оплаты труда учителей теологии и начальной школы, до учебников и других книг и оборудования для Семинарии и начальных школ [1, с. 96]. Ястребов брал под защиту не только Семинарию и школы в Косово, но и монастыри и монахов. Роль защитника сербов в Косово и Метохии Ястребов осуществлял до своего ухода из Призрена в 1886 году. Он долгое время был единственным человеком, который мог помочь людям в отношениях с турецкими властями [1, с. 100]. В марте 1886 года Ястребов был переведен из Призрена на должность генерального консула русского консульства в Салониках. Этим переводом был положен конец многолетнему пребыванию Ястребова в Призрене. Самые тяжелые годы прошли в Призрене, уже после разрушения Призренской лиги весной 1881 года, и с тех пор наступило более спокойное время без особой опасности и спешки [1, с. 103].

В следующем 1880 году, Ястребов, с ему присущей настойчивостью, следил за развитием ситуации на косовском вилайете до 8 августа, когда он покинул Призрен и отправился в Янину, чтобы заменить там русского консула [1, с. 148].

Литература:

1. Бован В. Јастребов у Призрену. Графика. Призрен, 1996.

2. Денић С. Бранислав Нушић и СтојанКапетановићу Kocorusвском вилајету. Баштина, 1997. Тетр. 8.

3. Лекић Н. Просветно-културне прилике у Старој Србији од Берлинског конгреса до 1912. године. Баштина. 1995. Св. 6.

4. Недељковић С.Активности руских конзула у Старој Србији крајем 19. и почетко 20. века, Стара Србија од Берлинског конгреса до 1912. године. Посебан отисак из Баштине, 2001. Н.12.

5. Перуничић Б. Сведочанство о Косову. Научна књига. Београд,1988.

6. Словић С. Косово и Метохија од 1900. године до почетка Првог светског рата. Баштина. 2010. Тетр. 28.

Новая динамика глобальных трансформаций 21 века: переопределение европейской политики и формирование антинеолиберальной альтернативы

Слинько А.А.

Доктор политических наук

Воронежский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», заведующий кафедрой политологии и политического управления

E-mail: aleksandr_slinko@mail.ru

Слинько О.Л.

Воронежский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»», начальник отдела аспирантуры

E-mail: olga.slinko@mail.ru

Аннотация: *В статье говорится о том, что политические процессы в ряде европейских стран свидетельствуют о евразийском развороте в европейской политике. Антинеолиберализм приобрёл реалистические и прагматические черты. Неолиберальная реакция вылилась в тенденцию консолидации евразийского политического пространства. Прогрессистская альтернатива институализировалась в Европейском Союзе и вышла далеко за границы европейского континента.*

В этой ситуации сформировалась идеология глобального антипрогрессистского реванша. Она обосновывает необходимость сохранения неолиберальной экономической модели любыми методами,

от «мягкой силы» до интервенции и террора. Проявлением неолиберальной политики является стратегия реколонизации, поддержания выступлений оппозиции и локальных конфликтов. Гражданский конфликт в США только усугубляет ситуацию: и Европа, и Евразия, и весь остальной мир стремятся остаться за пределами этого противостояния. Россия своей гибкой международной политикой способствует формированию евразийской ориентации европейского политического пространства.

Ключевые слова: *евразийский разворот, неолиберальная реакция, антинеолиберальная альтернатива, прогрессистская альтернатива.*

The new dynamics of the global transformations of 21st century: the redefinition of the European policy and the formation of the anti-liberal alternative

Slinko A. A.
Doctor of political science
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Voronezh branch, head of the Department of political science and political management
E-mail: aleksandr_slinko@mail.ru

Slinko O. L.
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Voronezh branch, head of the post-graduate Department
E-mail: olga.slinko@mail.ru

Abstract: *it is reported in the article that the political processes in some European states highlight the fact of the pivot to Eurasia in their policy. Anti-liberalism has gained the realistic and pragmatic features. The neoliberal reaction has led to the tendency of the consolidation of the Eurasian political entity. The progressive alternative has been institutionalized in the European Union and has gone beyond the boundaries of the European continent. In this situation the ideology of the global anti-progressive revenge has been formed. It justifies the necessity of retaining the neoliberal economic model by all means, from the «soft power" to the intervention and terror. The strategy of recolonization, supporting the opposition's protests and local conflicts is the demonstration of the neoliberal policy. The civil conflict in the USA is only exacerbating the situation: Europe, as well as Eurasia and the rest of the world tend to be outside this confrontation. Russian flexible international policy fosters the establishment of the Eurasian orientation of the European political entity.*

Key words: *the pivot to Eurasia, the neoliberal reaction, the anti-liberal alternative, the progressive alternative*

Президент Франции Э. Макрон довольно точно охарактеризовал сущность современных глобальных мировых процессов: это конец господства Запада. Министр иностранных дел С. Лавров отметил окончание пятисотлетнего цикла европейского доминирования в мире. Конкретные черты современного мира довольно чётко фиксируются в работах и западных, и российских исследователей. Так, Г. Киссинджер в своём программном труде «Мировой порядок» отмечает возможность китаецентричного разворота мировой истории [1, с. 274-298]. При этом альтернативный взгляд на историческое пространство и время, в котором роль Европы практически незаметна, фиксируется в индийской традиции и отчасти начал реализовываться в современной политической практике [1, с. 247-269]. Современные исследователи подчёркивают вхождение Китая в систему глобального управления, которая во многом параллельна западным структурам и независима от них [2]. Центрами мирового соперничества оказались, с одной стороны, Индия и Китай, а с другой – США и, в меньшей степени, страны Европы. В этом противостоянии большинство специалистов отмечали необычную устойчивость неолиберальной идеологии, которая в 1990-2015 гг. практически непрерывно возрождалась, несмотря на многочисленные провалы и постоянные возвращения глобального кризиса [3].

Однако уже в 2016 г. Европа продемонстрировала пока робкое, но существенное политическое движение – формирование стабильного антинеолиберального прогрессистского правительства в Португалии. Несмотря на замалчивание этого феномена, он оказался чрезвычайно стойким и показательно успешным [4]. Основные черты этой «португальской модели»: допуск китайского капитала во все отрасли экономики, резкое сокращение безработицы и очевидный рост качества образования. Сокрушительная победа прогрессистского блока левых сил на парламентских выборах в 2019 г. продемонстрировала появление в Европе антинеолиберальной альтернативы. Антинеолиберализм приобрёл реалистические и прагматические черты. Закрепление этого тренда имело место в современной Испании, где сформировалось прогрессистское правительство Испанской социалистической рабочей партии и движения Подемос при поддержке левых республиканцев. Таким образом, прогрессистская альтернатива [15] институализировалась в Евросоюзе [5]. Между тем, прогрессистская альтернатива выходит далеко за границы европейского континента. Так, в Латинской Америке действовали устойчивые прогрессистские

правительства в Уругвае и Эквадоре. А ныне на территории Латинской Америки утвердился феномен «прогрессистских империй»: тенденции левого прогрессизма преобладают в правительствах Аргентины и Мексики.

В этой ситуации сформировалась идеология глобального антипрогрессистского реванша, основные постулаты которой были обозначены ещё в начале 10-х годов 21 века уже упомянутым Г. Киссинджером: «Стремление к балансу между уникальностью американского опыта и идеалистической уверенностью в его универсальности, между полюсами самоуверенности и самоанализа, по своей сути бесконечно. Чего он не позволяет, так это отступления» [1, с. 481]. Другими словами, был озвучен единственный фактор, который позволит сохранить мировое господство за западным миропорядком – это сила, которой должны утверждаться ценности неолиберальной экономической модели. Какими методами будет утверждаться неолиберальный политический порядок, то есть «мягкой силой» или интервенцией и террором, составляющими суть американской реалистической парадигмы, – неважно.

В итоге 21 век стал свидетелем появления неоимпериализма: политики и практики реколонизации [6], классическими примерами которой стали псевдореволюции в Ливии, Египте, Сирии и т.д. Имидж цветных революций, однако, никого не обманул: старые восточные цивилизации в силу специфики регионального пространства-времени помнят эпоху колониализма как вчерашний день. В итоге Евразия сформировала цивилизационный ответ, выразившийся в возникновении коалиционного политического мышления на Ближнем Востоке, да и на всём пространстве Евразии. В Сирии сложилась мощная антизападная коалиция, которая остановила развитие процесса реколонизации [7]. Однако, логика невозможности отступления, о которой говорилось выше, заставила либерально-консервативный консенсус США и Европы сформировать новую стратегию – стратегию всемирной гражданской войны. Недопущение тихой победы классической постмарксистской прогрессистской модели во всём мире стало идеологическим двигателем современной американской политики. Возникновение группы ALBA во главе с Венесуэлой, сети прогрессистских режимов, включая Бразилию и Чили, сохранение социалистических систем в Лаосе, Камбодже и Вьетнаме, невозможность сменить прокитайскую ориентацию в Мьянме, антиамериканский поворот на Филиппинах и в Индонезии побудили США к активизации силовой политики.

После денонсации соглашения о Транстихоокеанском партнёрстве начался системный проамериканский мятеж в Гонконге,

атакован один из самых экономически стабильных режимов в мире – чилийский. Далее последовал организованный США переворот в Боливии [8], принявший характер конфликта цивилизаций. С другой стороны последовали колоссальные выступления народных масс в Колумбии, поставившие под сомнение существование самого проамериканского режима в Латинской Америке. Реальная ситуация в Латинской Америке оказалась далёкой от каких-либо достижений США. Аргентина, Чили, Перу и Бразилия экономически перешли под контроль Китая [9], несмотря на проамериканский крен правительства Ж. Бальсонару. Только беспрерывные интриги в Венесуэле и квазигражданская война в Боливии составляют «актив» внешней политики США.

Теперь следует подробнее остановиться на ситуации в Европе. Брексит, рассмотренный как глобальный проект, может означать поворот англосаксонского мира, во всяком случае «старой» его части, к азиатскому миру, к евразийским моделям. Английские историки и политологи вдруг вспомнили о своих поражениях на Востоке, о всеобщем провале колониальной войны с Испанией, о своих катастрофических поражениях в войнах с Голландией на первых этапах становления колониальной системы, о приоритете Востока во многих мировых достижениях от книгопечатания до отмены крепостного права [10].

Э.Макрон, столкнувшись с провалом французских авантюр в Ливии и Сирии, а также с фактом присутствия российских военных в Центральноафриканской республике и китайских – в Демократической республике Конго, объявил о конце западного господства и наконец-то принёс официальные извинения за колониализм. В условиях кризиса и распада неолиберальной модели во Франции сложились феномены революции «жёлтых жилетов» и непрерывной забастовки профсоюзов. Президент Франции оказался перед практически неразрешимым для него выбором между прогрессизмом и неолиберальной моделью. И это в условиях, когда даже Д.Стиглиц признал социальную несостоятельность неолиберализма [11], а исчезновение среднего класса в Европе становится всё более общепризнанным феноменом [12].

Трансформации внутригерманской политики, а именно объявленный уход А. Меркель с поста руководителя ХДС, тотальный электоральный провал в регионах правящих партий, трансформация в СДПГ, институализация АдГ и Левых как возможных главных субъектов внутренней политики, – свидетельствуют о возможном дрейфе страны в направлении колебаний или даже перехода к

своеобразной форме прогрессизма. Отражением этих колебаний является формирование консервативно-зелёной коалиции в Австрии.

Военная агрессивность неолиберального глобализма оказалась направлена против Ирана [13], который является частью китайско-индийского глобального политического континуума. Цель – вернуть Евразию и Африку к состоянию абсолютной фрагментации эпохи колониализма. Однако государства Евразии полностью овладели системой корпоративной дисциплины и каскадом агрессивных приёмов информационной войны.

Агрессивная неолиберальная реакция вылилась в тенденцию консолидации евразийского политического пространства, которое начало своеобразно включать и интегрировать в свою среду некоторые части Европы, причём механизм этой интеграции оказался параллельным структурам Евросоюза. Гражданский конфликт в США только усугубляет ситуацию: и Европа, и Евразия, и весь остальной мир стремятся остаться за пределами этого противостояния.

В итоге основные субъекты международной политики утратили представление о Соединённых Штатах как о мировом лидере. Альтернативные силы включают фактически весь остальной мир. В этих условиях возврат к концепции Р. Каплана [14], то есть к выверенной теории постепенного отступления, является наиболее адекватной альтернативой для США. В противном случае ситуация глобальной неопределённости очень быстро сменится ситуацией «глобальной антиамериканской определённости» всего остального мира.

Россия своей гибкой международной политикой, с одной стороны, способствует формированию евразийской ориентации европейского политического пространства, а с другой – поддерживает консолидацию индоиранского мира в столкновении с однополярной неолиберальной агрессией.

Литература:

1. Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: Издательство АСТ, 2017. 512 с.

2. Лексютина Я. Китай как ответственная великая держава // Международные процессы. 2018. Т.16, №2 (53). С. 60-72.

3. Крауч К. Странная не-смерть неолиберализма. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 2012. 272 с.

4. Верников В. Португальские социалисты сохранили власть. // Аналитическая записка. 2019. № 31. (182). URL: www.instituteofeurope.ru/publications/analytics.

5. Слинько А.А., Дмитриева С.И., Морозова В.Н. Кризис партийно-политической системы в странах ЕС: квазиоднопартийность и поиск альтернативы //Среднерусский вестник общественных наук. 2019. №5. С. 52-64.

6. Calloni S. Prologo, Méndez Méndez J.L. Venezuela y la contrarrevolution cubana. La Habana, 2018. P. 5-13

7. Васильев А., Хайруллин Т., Коротаев А. Новый альянс в борьбе за лидерство в арабском регионе // Азия и Африка сегодня. 2019. №10. С. 2-9.; №11. С. 2-8.

8. Разумовский Д. Ловушка золотого десятилетия: почему народные волнения оказались сюрпризом для латиноамериканских элит // Валдай. Международный дискуссионный клуб. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/lovushka-zolotogo-desyatiletiya/.

9. El País. 2.02.2018.

10. Уезерфорд Д. Чингисхан и рождение современного мира. М.: Колибри, Азбука Аттикус. 2018. 384 с.; Перри Д. Эра великих географических открытий. М.: Центрополиграф. 2019. 447 с.

11. Петухов В.В., Петухов Р.В. Запрос на перемены: причины актуализации, ключевые слагаемые и потенциальные носители // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 119-133.

12. Сергеев В.Ф., Казанцев А.А., Петров К.Е. Политика «мейстрима», её альтернативы в современном западном мире: на пути от мирового экономического кризиса к «невозможной политике» // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 8-29.

13. Tehran Times. 8.01.2020.

14. Каплан Р. Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного. М.: Колибри, Азбука Аттикус. 2015. 384 с.

15. Прогрессизм – крайне аморфное политическое течение, главной особенностью которого является известный отход от неолиберальной экономической политики, декларируемая социальная ответственность бизнеса, определенное влияние левых и этатистских идей без отказа от национального суверенитета, признание прогрессивного значения глобализации.

Место неформального волонтёрства в деятельности гражданского общества

Слинько Е.А.
Кандидат политических наук
Воронежский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доцент
E-mail: elena.slinko@mail.ru

Дутов А.Н.

Воронежский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», выпускник аспирантуры
E-mail: oksion-vrn@mail.ru

Аннотация: *В статье освещается роль гражданского общества при преодолении последствий чрезвычайных ситуаций посредством волонтёрской деятельности. Участие волонтёров может быть намеренным или спонтанным, вовлекать отдельных индивидов или группы, быть краткосрочным или долгосрочным. Неформальные сообщества волонтёров возникают на основе гибких групп и организаций, которые начинают выполнять непредусмотренные задачи при возникновении чрезвычайных ситуаций.*

Волонтеры, помогающие при чрезвычайных ситуациях, прямо или опосредованно выполняют широкий спектр ролей. По сравнению с волонтёрами в других секторах, многие волонтеры, работающие с чрезвычайными службами, предпринимают сложные и потенциально опасные действия, которые требуют, помимо прочего, значительных временных затрат.

В статье выделяется официальное и неофициальное волонтёрство. Неофициальное волонтёрство в большей степени коррелирует с сущностью гражданского общества, так как предполагает самоорганизацию граждан, совершаемую без инициативы со стороны государства, но преследующую общественно значимые цели.

Ключевые слова: *гражданское общество, феномен волонтёрства, официальное волонтёрство, неофициальное волонтёрство, волонтёрство в чрезвычайных ситуациях.*

Place of informal volunteering in civil society activities

Slinko E. A.
Candidate of political science
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Voronezh branch, associate Professor of the Department of political science and political management
E-mail: elena.slinko@mail.ru

Dutov A.N.
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Voronezh branch, postgraduate student
E-mail: oksion-vrn@mail.ru

Abstract: *the article highlights the role of civil society in overcoming the consequences of emergency situations through volunteer activities. Volunteer participation can be intentional or spontaneous, involve individuals or groups, be short-term or long-term. Informal volunteer communities are formed by flexible groups and organizations that begin to perform unexpected tasks in the event of an emergency.*

Volunteers who help in emergencies perform a wide range of roles directly or indirectly. Compared to volunteers in other sectors, many volunteers working with emergency services take complex and potentially dangerous actions that require, among other things, significant time costs.

The article highlights official and unofficial volunteering. Informal volunteering is more correlated with the essence of civil society, as it involves self-organization of citizens, committed without the initiative of the state, but pursuing socially significant goals.

Keywords: *civil society, the phenomenon of volunteering, official volunteering, informal volunteering, volunteering in emergency situations.*

Одним из наиболее выраженных признаков формирования гражданского общества является образование сети общественных организаций, значимым звеном в которой являются добровольческие организации. Данное явление в XXI веке приняло массовый характер в странах Запада, в России же пока переживает своё становление. В США, Канаде, Европе, Австралии и Новой Зеландии проводились и проводятся исследования, характеризующие причины, виды и особенности волонтёрства, мотивацию волонтёров, выполняемые ими роли, а также специальную подготовку волонтёров, играющую ключевую роль при волонтёрстве в чрезвычайных службах. Также

исследуется трансформация феномена волонтёрства в условиях глобализации.

Феномен волонтёрства связан со степенью развития правосознания и общественной нравственности, поэтому часто рассматривается не в рамках политологии, а в рамках психологии и концепции социальной работы. Такой междисциплинарный подход представляется обоснованным, так как рассматривать общественные отношения вне связи с государственными институтами невозможно без понимания сущности и общественной значимости личности.

Волонтёрство при чрезвычайных ситуациях обычно имеет для людей важное эмоциональное значение, поэтому данная деятельность должна поощряться, но при этом изучаться и регулироваться, чтобы её осуществление было эффективным и приносило обществу и профессиональным чрезвычайным службам реальную пользу. В большинстве развитых стран помощь при чрезвычайных ситуациях оказывают профессиональные службы, поэтому волонтёры состоят при специальных ведомствах. Часто людей, работающих за пределами официальной системы, недооценивают или вовсе считают помехой при работе с последствиями чрезвычайных ситуаций.

Таким образом, можно выделить официальное волонтёрство и неофициальное волонтёрство. Последнее в большей степени коррелирует с сущностью гражданского общества, так как предполагает самоорганизацию граждан, совершаемую без инициативы со стороны государства, но преследующую общественно значимые цели.

Волонтёрство определяется, как любая активность, при которой время бесплатно затрачивается на помощь человеку, группе лиц или государству [1]. Данный термин часто характеризует действия, которые являются необязательными, приносят пользу обществу в целом или организации в частности, являются неоплачиваемыми, и при этом предпринимаются организованно [2].

Чрезвычайные ведомства обычно используют более формальные и удобные для практического использования определения. Например, в США в Федеральном агентстве по управлению в чрезвычайных ситуациях волонтёр определяется как «индивид, служащий определённому ведомству (которое имеет право использовать службу волонтёров) при отсутствии обещания, ожидания или получения компенсации со стороны службы [3]. В Австралии в Управлении по чрезвычайным ситуациям «работник-волонтёр в чрезвычайных ситуациях» имеет следующую дефиницию: «человек, который вовлечён в деятельность чрезвычайных служб по просьбе (прямо или косвенно) или с прямого или подразумеваемого согласия руководства

Управления и осуществляет деятельность, входящую в компетенцию Управления» [4]. Такое определение встраивает волонтёра в жесткую иерархическую систему ведомства, что предполагает неукоснительное следование данным волонтёром правилам, обозначенным в нормах и процедурах, в соответствии с которыми работает ведомство. Для официального волонтёрства необходимы также специальное обучение и аккредитация [5].

Несмотря на то, что многие ведомства продолжают придерживаться данных формальных определений волонтёрства, они также признают труд и не аффилированных неформальных волонтёров. Например, издание правительства Австралии, посвящённое управлению спонтанным волонтёрством, определяет спонтанных волонтёров как «индивидов или группы лиц, по собственному желанию или по приглашению вкладывают свою помощь во время или после чрезвычайной ситуации, которые при этом не аффилированы при какой-либо официальной чрезвычайной службе или программе по восстановлению, и могут обладать, а могут и не обладать необходимой подготовкой, навыками и опытом» [6]. Также и Федеральное агентство по управлению в чрезвычайных ситуациях США различает аффилированных и не аффилированных волонтёров, причём последним даёт такое определение как «индивиды, которые предлагают помочь или самовольно приступают к помощи при чрезвычайных ситуациях без полной координации действий между собой» [7]. Агентство также указывает, что, хотя не аффилированные волонтёры и могут оказывать значимую помощь, отсутствие официальных отношений с чрезвычайными службами вызывает затруднения при попытке достоверно определить уровень подготовки и сопоставить навыки с конкретными задачи. Тем самым делается акцент на том, что, несмотря на неофициальный статус волонтёров, агентство признаёт свою ответственность за их работу.

В контексте содействия при чрезвычайных ситуациях «неформальный волонтер» - это индивид, который бесплатно помогает тем, кто пострадал от чрезвычайной ситуации или катастрофы, и работает, по крайней мере, изначально, вне официальной системы по управлению чрезвычайными ситуациями. Данное широкое определение включает значительный спектр типов волонтёров и видов волонтёрской активности. В то же время, дефиниции официальных организаций игнорируют этот спектр, и объединяют различные типы волонтёров и волонтёрских групп под одним названием. Например, совершенно необязательно, что «спонтанные волонтёры» работают незапланированно, таким образом, данное название не совсем корректно. Аналогично, волонтёры, не аффилированные при

официальных агентствах и ведомствах, могут, тем не менее, работать скоординированно и представлять институты гражданского общества или группы интересов. Следовательно, при исследовании феномена неофициального волонтёрства не нужно напрямую полагаться на определения официальных организаций и учреждений.

Многие исследования добровольческой деятельности, инициированной гражданским обществом при чрезвычайных ситуациях и катастрофах, противоречат распространённому мнению, что катастрофы приводят к хаосу и дезорганизуют гражданское население, которое демонстрирует поведение пассивной жертвы и склонно к панике. Напротив, часто индивиды и группы индивидов действуют более согласованно, чем в обычное время, работая совместно и организованно, чтобы помочь пострадавшим и преодолеть последствия чрезвычайных ситуаций и катастроф [8].

Необходимость координировать спонтанных волонтёров становится международной задачей. Спонтанное волонтёрство является долгосрочным и практически универсальным ответом на чрезвычайные ситуации, однако с развитием информационных технологий масштабы данного явления необыкновенно возросли. Вследствие социально-политических, культурных и ценностных трансформаций граждане становятся всё более заинтересованы в краткосрочных волонтёрских проектах, которые им и позволяет осуществлять спонтанное волонтёрство [9]. Но управлением чрезвычайными ситуациями занимаются преимущественно государственные ведомства и квалифицированные профессионалы, а потому спонтанное волонтерство рассматривается как проблема в большей степени, нежели как полезный ресурс [10]. Компетенцию, мотивацию и надёжность волонтёров очень сложно оценить в разгар чрезвычайной ситуации. Следовательно, многие чрезвычайные службы обычно избегали привлечения спонтанных волонтёров и старались не допускать их на место происшествия.

Однако в последнее время чрезвычайные службы начали признавать, что спонтанные волонтёры могут быть ценным ресурсом. Природные катастрофы происходят всё чаще, в том числе, вследствие изменений климата, а потому ценность спонтанных волонтеров возрастает. Поэтому возникла необходимость обсуждать вопрос того, каким образом можно привлекать подобных волонтёров и какую помощь они могут оказать. Международную значимость подобной проблемы подчёркивает и доклад, озвученный ООН в японском городе Сендай в 2015 году, посвящённый необходимости снижения рисков катастроф, в котором ООН призывает более активно привлекать граждан к процессам ликвидации последствий катастроф.

В то же время, появление дискуссии по обозначенной проблеме в социальных СМИ позволяет гражданам получать более полную информацию по поводу чрезвычайных ситуаций, ещё более увеличивая масштабы спонтанного волонтёрства [11]. В глобализирующемся мире граждане желают принимать активное участие в социально-политических процессах, происходящих в обществе и государстве, а развитие Интернета и социальных СМИ позволяет им объединяться в сообщества для достижения данной цели.

Литература:

1. Wilson J. Volunteering // Annual Review of Sociology. 2000. № 26 (1). P. 215-240.
2. Dekker P, Halman, L. Volunteering and values: and introduction // Dekker P, Halman L. (eds) The values of volunteering: cross-cultural perspectives. Kluwer Academic / Plenum Publishers, New York, 2003. P. 1-17; Snyder M., Omoto A.M. Volunteerism: social issues perspectives and social policy implications // Social issues and Policy Review. 2008. № 2 (1). P. 1-36.
3. Federal Emergency Management Agency (FEMA) 2014. URL: http: // emilms.fema.gov/IS700aNEW/glossary.htm (last accessed: 04.06.2018)
4. Emergency Management Australia (EMA) // Australian Emergency Management Glossary. Manual 03. Attorney-General's Department, Australian Government, Canberra, 1998.
5. Britton, N.R. Permanent disaster volunteers: where do they fit? // Nonprofit and Voluntary Sector Quaterly. 1991. № 20. P. 395-414.
6. Australian Government. Spontaneous volunteer management resource kit: helping to manage spontaneous volunteers in emergencies. Commonwealth of Australia, Canberra, 2010.
7. Federal Emergency Management Agency (FEMA) // Volunteer and donations management support annex. 2013. URL: http: //www.fema.gov/media-library-data/20130726-1914-25045-9213/nrf_support_annex_volunteer_20130505.pdf (last accessed 06.06.2018).
8. Scanlon J., Helsloot I., Groenendaal J. Putting it all together: integrating ordinary people into emergency response // International Journal of Mass Emergencies and Disasters. 2014. № 32 (1). P. 43-63.
9. Mackwani Z. «Volunteers and the Alberta Flood Response: Insight into Voluntary Sector's Readiness and Surge Capacity," Voluntary Sector Working Group of Canada's Platform for Disaster Risk Reduction. Ottawa, 2015.

10.Fernandez L., Barbera J. A., Van Dorp J. R. Strategies for managing volunteers during incident response: a systems approach // Homeland Security Affairs. 2015. Vol. 2. URL: https://www.hsaj.org/articles/684.

11.Waldman S., Kaminska K. Connecting emergency management organizations with digitally enabled emergent volunteering // Defence Research and Development Canada, 2015.

The Enlightenment as the Spiritual Precursor of Post-modernism

Slović Srdjan

The Institute for Serbian culture, priština-Leposavić,
Senior Scientific officer
drsrdjans@gmail.com

Abstract: *Although the enlightenment (modernism) and post-modernism represent diametrically opposite orientations, there are some similarities among them due to the fact post-modernism arises from modernism. The enlightenment philosophers believed in reason and individuality, but Hume was the first who indicated to the limits of reason. Human nature based on experience will be the guiding idea, but not reason. Locke's idea of causal-consequential relationships loses its earlier importance. Due to ignorance and superstition someone could not see the importance of reason. Reason, from its part, made a great step, but among the elite „chez un petit nombre de sages", while other part of humanity does not deserve to be enlightened. The enlightenment philosophers wished a direct relationship between the God and people what would be precursor of direct democracy, which post-modernist were fond of.*

Key words: *the enlightenment era, post-modernism, Locke, Hume, Voltaire, reason, individuality, criticism.*

Просвещение как духовный предшественник постмодернизма

Слович Срджан

Институт сербской культуры Приштина-Лепосавич,
старший научный сотрудник
drsrdjans@gmail.com

Аннотация: *Хотя Просвещение (модернизм) и постмодернизм представляют диаметрально противоположные направления, между ними есть сходство, поскольку постмодернизм проистекает из модернизма. Философы Просвещения верили в разум и индивидуальность, но Юм первым указал на ограничения разума.*

Человеческая природа, основанная на опыте, будет руководящей идеей, а не разум. Идея Локка о причинно-следственной связи теряет свое прежнее значение. Вследствие невежества и суеверия кому-то невозможно понять значение разума. Разум, со своей стороны, совершил большой скачок, но среди элиты «у небольшого числа мудрых», в то время как другая часть человечества не заслуживает быть просвещенным. Философы Просвещения хотели прямой связи между богом и народом, которая стала предшественником непосредственной демократии, которую защищали постмодернисты.

Ключевые слова: *Просвещение, постмодернизм, Локк, Юм, Вольтер, разум, индивидуальность, критика.*

The enlightenment era with its emancipatory principles meant the establishment of the society made on social contract, freedom and equality. The form of legal state found its form in political revolutions of that time.

Modern thinkers start from nature instead of extra-natural which pre-modern philosophy relied on. The perception and reason are considered as the human means of nature knowledge by modernists, while pre-modernists see that in tradition, faith and mysticism. Someone's character is formed by human autonomy and capacities from the point of view of modernists, while pre-modernists put the accent on dependence and original sin. The individual is considered in the context of the whole reality, individual thinking is superstitious, while for pre-modernists the individual is subjugated to higher political, social and religious authority [3, p. 8].

Central themes which enlightenment favoured tackled a thorough progress of society. Man's images on the world were put at higher level, so as the existence itself to be improved largely. For Hobbes, the guiding idea was stable and safe society, for Bayle it was more tolerated society and for Descartes dominance of rationality in life. Generally speaking, it is created a new view on the world which Spinoza reduces to one substance – spirit and body, material and intellect. These are not distinctive subjects but individual substances viewed from different aspects. In such circumstances the society becomes more resistant to manipulations of church authorities, autocracy and powerful oligarchs, and from another side, more democratic and egalitarian. A clear distinction between philosophy and theology is made.

Post-modernism appears as the opposition to the enlightenment era. It criticises basic premises of modernism: reason and individuality. The object of attack are the consequences of the enlightenment philosophy embodied in capitalism, liberal form of government, science and technology. Instead of experience and reason with modernists, there are linguistic social subjectivism with post-modernists. Language speaks more on man than vice-versa. Derrida says that „there is nothing beyond the text"[2, p. 215].

Furthermore, individual identity is replaced by grouping and harmony's interaction by conflict. On the other hand, since post-modernism arises out of modernism, there are germs of similarities in the enlightenment philosophers' thoughts and post-modernists. Not all modernists believe in reason in the same way. Hume was the first one who cast doubt on reason and gave the advantage to experience.

Locke in his *An Essay Concerning Human Understanding* stated that „the objective of his research is some original, certain and enlarged human knowledge all incorporated with the degree of belief, thinking and sentiments"[6, p, 7]. Empirists supported the attitude the knowledge based upon reason was not sufficient and that it had to be supplemented by experience. Rationalist attitude on the denial of experience in the process of knowledge acquisition should be rejected, independently of the fact some ideas were in the thoughts from the birth. A common guiding idea of both orientations is the fact it should search for knowledge and enter the causal-consequential relationship of all existent. Reason still has got main role in cognitive process together with tradition, religion and imagination [5, p. 5]. Although opposes post-modernism, Locke did not want to exclude the importance of signs and language so that he explained these states with logic – science of signs, semiotics since some things were badly judged due to wrong nomenclature. The importance of reason will have been denied by Hume.

Descartes attacked scholastics by the attempt to apply methods and standards developed in natural sciences, while Locke wished to emancipate the philosophy from the same. Philosophy has not been attributed abstract meanings but it is the discipline based on the power of empiristic observation and common sense reasoning. Locke advocates the observation of natural world; he is not fond of deductive method of conclusion from premises taken *a priori*. True knowledge cannot be reached via theology and metaphysics, but via study of their nature which, reasonably led, can set it free of ignorance and vanity [1, p. 20].

Hume is considered as a great supporter of modern thought, but its critic as well. By his famous attitude that all ideas arise from experience, Hume indicates to the great limits of reason. Reason is not capable of responding to the question on the veracity of many things such as: our „self", which remains the same during the time, unavoidability of causal-consequential relationship, repetition of some regularities (sunrise or sunset), existence of material and spiritual substances (atom, god, individual thinking). Such ideas are not based on reason but on human nature.

Our „self" is not subject to change. If we take for example introspection, impressions and ideas are subject to change and less our „self". Its role is to unify impressions and ideas. We are not sure of the existence of

„self „since there is no a rational form of knowledge – there is a lack of evidence [5, p. 10]. This Hume's comprehensions are important for post-modernism since „self" is not based on direct introspection. It may be the consequence of private associations when the individual refers to past events. Since one event follows another, it is difficult to determine their connection; we are also not sure whether the first causes the second one. It is indispensable to possess experience so that the previous event causes the subsequent one [4, p. 11].

The experience from past events tells us that the nature is uniform including the fact our inductive conclusion from special toward individual one is based on that premises. In case the nature changed in the past, it will do it in the future as well. Despite rational evidences, we believe that there is a foundation of causal-consequential relationships, which means the sequence of some events from the past will be continued in the future. If two events are connected in our experience, it is natural we are connected by the ideas of those events. Such idea does not come from the outer world but from ourselves which the outer world has had the impact to. The key is in animal nature of man, but not in the reason. In order to reveal whether god or material exist, we have to get out of our thoughts on the world and encounter them directly since they are out of our thoughts.

Where ignorance and superstition are strong enough, there is less foundation the supreme value of reason to be accepted. The reason made a great step forward for Voltaire, but only among the elite „chez un petit nombre de sages", while other part of humanity does not deserve to be enlightened.

He exposed his ideas in accordance with the principles of deism, which were not far from atheism. Reason was breaking down all barriers coming from Christian dogmas since it had been a supreme instance in judgement. People, laden with delusions, could not see a real essence and importance of reason. Church opposed knowledge and it should have been destroyed [7, p. 25-50]. Voltaire criticised church, but he did not reject religion. He also glorified god not as a person but as transcendental principle of all existent. Where Voltaire is close to post-modernism is an immediate relationship between god and people, which was a precursor of immediate democracy which post-modernists were fond of. People are equal as individuals but not as per their social position. Equality is hard to be achieved so that Voltaire deviates from the principles of French revolution (egalité, fraternité, liberté).

References:

1. Berlin S. The Age of Elightnment. Second Ed., Edited by Henry Hardy. Oxford: Berlin Literary Trust, 2017. 239 p.

2. Derrida J. Of Grammatology. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1974. 355 p.
3. Hiks S. Explaining Postmodernism – Scepticism and Socialism from Rousseau to Foucault. New Berlin/Milwaukee: Scholargy Publishing, 2004. 230 p.
4. Hume D. A Treatise on Human Nature. Edited by L. A. Selby. Oxford: Clarendon, 1958. 1632 p.
5. Linn R. A Teacher's Introdution to Postmodernism. Reseda: California, 1996. 161 p.
6. Locke J. An Essay Concerning Human Understanding. Collated by Alexander Cambell Fraser. New York: Dover, 1959. 718 p.
7. Sunjakov G. Filozofija politike francuskih enciklopedista i njezin uticaj na francusku revoluciju // Studia lexicographica.2008 . Br. 2. S. 25-50.
8. Vindelband V. Istorija filozofije. Urednik, Vojin V. Ančić. Beograd: Marso, 2011. 576 s.

Условия формирования городских сообществ в виртуальном пространстве

Соколов А.В.
Доктор политических наук,
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
заведующий кафедрой социально-политических теорий
E-mail: alex8119@mail.ru

Беляков А.А.
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
магистрант
E-mail: belyakov.aleksey920@gmail.com

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00571, «Конфликты в процессе функционирования городских сообществ крупных региональных центров России: концептуальные основания исследования и политические методы снижения деструктивного потенциала».

Аннотация: *В статье рассматриваются условия и факторы, влияющие на формирование городских сообществ в виртуальном пространстве. Дается определение городскому сообществу в виртуальном пространстве. Приводятся примеры формирования новых сообществ, а также рассматриваются ситуации повышения*

активности сообщества в сети Интернет в связи с возникающими конфликтами. В рамках рассматриваемых в работе кейсов из общественно-политической сферы города Ярославля выделялись примеры, когда городские сообщества либо формировались как результат нарастающих разногласий между властью и определенными социальными группами, либо становились реакцией общества на развитие городских конфликтов, либо организовывались с нуля как инициатива по решению, обсуждению или обращению внимания пользователей на проблему, возникшую в городе. В ходе рассмотрения примеров уделяется внимание специфике организации взаимодействия в различных формах виртуальных городских сообществ.

Ключевые слова: *городские сообщества, гражданская активность, Интернет, социальные сети, виртуальное пространство, городские конфликты.*

Conditions for the formation of urban communities in the virtual space

Sokolov A.V.
Doctor of Political Sciences, Head, Department of Social and Political Theories, Demidov Yaroslavl State University
E-mail: alex8119@mail.ru

Belyakov A.A.
Demidov Yaroslavl State University
E-mail: belyakov.aleksey920@gmail.com

Abstract: *The article considers the conditions and factors that influence the formation of urban communities in the virtual space. The definition of the urban community in the virtual space is given. Examples of the formation of new communities are given, and situations of increasing community activity on the Internet in connection with emerging conflicts are considered. Within the framework of the cases considered in the work from the socio-political sphere of the city of Yaroslavl, examples were highlighted when urban communities were either formed as a result of growing disagreements between the government and certain social groups, or became a reaction of society to the development of urban conflicts, or were organized from scratch as an initiative to solve, discuss or draw users attention to the problem that arose in the city. In the course of*

consideration of examples, attention is paid to the specifics of the organization of interaction in various forms of virtual urban communities.
Keywords: *urban communities, civic engagement, Internet, social network sites, virtual space, urban conflicts.*

Развитие современного гражданского общества тесно связано с наличием доступа человека к современным средствам коммуникации. Интернет в значительной мере упростил процесс взаимодействия людей не только по вопросам межличностного взаимодействия, но и по вопросам решения общих проблем. Так, если два десятилетия назад для организации встречи активистов и обсуждения проблемы даже на местном уровне приходилось тратить значительное количество времени, в настоящее время организация занимает достаточно короткий промежуток времени благодаря социальным сетям и мессенджерам (либо не происходит вообще), а обсуждение проблем переходит в виртуальный формат переписок и интернет-звонков. В результате этого гражданская активность все больше переходит в виртуальное пространство, что означает появление новых форм организации сообществ. Городские сообщества не являются исключением. Городские сообщества и их активность – это форма коллективных действий граждан. По-иному городские сообщества можно назвать локальными т.е. характеризующимся высокой степенью самоорганизации и единства в достижении решения проблемы [1, с. 83], а также ограниченными какими-либо факторами: территориальными, социальными и др [2, с. 30]. Однако, при переходе в онлайн, данные факторы зачастую перестают быть жесткими, т.к. в Интернете не существует территориальных и иных ограничений для коммуникации между пользователями. Так, к факторам возникновения виртуального городского сообщества можно отнести наличие общей для территории или какой-либо социальной группы повестки, за развитием которой следит большое количество людей. К таким сообществам можно отнести группу пользователей социальной сети Facebook, активно участвующих в работе группы «Дороги Ярославля». Открытое сообщество «Дороги Ярославля» в социальной сети Facebook объединяет жителей города Ярославля (в отдельных случаях жителей региона) с целью информирования и обсуждения дорожно-транспортной ситуации города, а также сферы дорожного хозяйства и транспорта в целом. Проблемами, ставшими причиной создания данного сообщества, являются недостаточная информированность граждан о текущих дорожно-транспортных

происшествиях, о проблемах дорожного хозяйства. В группе сообщества также обозначена следующая цель его создания – «Группа посвященная состоянию дорог города Ярославль и Ярославской области, с целью гражданского контроля их состояния и борьбы за качество проводимых работ!» [3]. В настоящее время группу, созданную тремя активистами из Ярославля можно считать центром городского сообщества, неравнодушного к теме ремонта и содержания дорожного хозяйства.

Иным условием формирования гражданского сообщества в Интернете часто выступает возникновение либо обострение кризиса между какой-либо социальной группой и властью. Так, можно привести пример конфликт ярославской региональной общественной организации «Многодетные семьи Ярославской области» и действующим руководством города Ярославля. Гражданское движение против действующей власти начала небольшая группа, состоящая из нескольких представителей многодетных семей, недовольных качеством земли, предоставленной руководством города в рамках государственной программы поддержки многодетных семей. Участники протеста не смогли добиться реакции от местной власти, о чем и сообщили в социальных сетях с просьбой о помощи и поддержке. Инициативу проявила региональная организация «Многодетные семьи Ярославской области» в задачи которой входит, в том числе, защита прав многодетных семей.

Здесь стоит обратить внимание на тот факт, что до вовлечения организации, имеющей устойчивый состав и определенную поддержку в социальных сетях, протест был вялотекущим, т.к. о нем знал ограниченный круг лиц. Ситуация поменялась после активного распространения информации о бездействии главы города в социальных сетях. Это можно считать новым этапом в данной протестной кампании. На нем поддержка в социальных сетях все еще была недостаточно значительной. Следующим этапом стало активное общение членов организации между собой, велся поиск семей, попавших в подобную ситуацию, формулировались требования к власти. Итогом стала письменная петиция, направленная в мэрию города, но не возымевшая эффекта.

На данном этапе начинается новый этап в протестной кампании с активным использованием социальных сетей. Получив отказ в рассмотрении вопроса от местной власти, руководство организации «Многодетные семьи Ярославской области» приняли решения максимально распространить информацию о серьезности своих

намерений. Помимо увеличения подписчиков у организации в социальных сетях значительно увеличилось количество просмотров новостей о ходе протеста. Так, вместо 150 просмотров в первых новостях, последующие имели более двух тысяч просмотров. Помимо этого, можно было наблюдать укрупнение и усиление позиций самих многодетных семей в общении друг с другом: стало появляться больше комментариев, их настроение переходило в более радикальный тон. Все это повлияло на ситуацию, когда власть была вынуждена обратить внимание на проблему до того, как она переросла в полномасштабные выступления всех сочувствующих «Многодетным семьям Ярославии». Резюмируя результаты деятельности данного городского сообщества можно сделать вывод, что уже сформировавшиеся сообщества могут создавать вокруг себя новые виртуальные сообщества, участниками которых становятся люди, так или иначе вовлеченные в конфликт и заинтересованные в его разрешении.

Еще один вид городских сообществ в виртуальном пространстве возникает как ответ на возникновение городского конфликта, к которому приводят ситуации, в которых противоречия формируются в самом социальном пространстве города [4, с. 59]. Стоит отметить, что участниками подобных конфликтов могут являться как отдельные индивиды, так и социальные группы, и организации. Однако, в результате развития гражданского общества, а также увеличения роли коллективных действий в общественно-политических отношениях, все большую активность в данных конфликтах принимают сообщества, сформировавшиеся из людей, не согласных с текущим положением дел и имеющих активную жизненную позицию. Так, можно отметить сообщество градозащитников в Ярославле. Не имея общей площадки для взаимодействия, как это было в двух предыдущих случаях, данное сообщество сформировалось как сетевая структура взаимодействия активистов через социальные сети, мессенджеры и блоги. В частности, они приняли участие в таких конфликтах как замена чугунных ограждений в Ярославле на металлические, строительство кинотеатра в исторической части города, ввоз мусора из Москвы в Ярославль, строительство нового дебаркадера и др. Стоит отметить, что участие в данных конфликтах проходило, в большей степени, в социальных сетях через публикацию на личных страницах активистов информации о наличии проблемы, о несогласии с решением власти, о необходимости коллективного решения проблемы. Спецификой городского сообщества, в данном

случае, является его слабая выраженность и концентрация не в одном центральном ядре (сообществе в социальных сетях), а вокруг группы активистов, образуя своеобразную информационную сеть. Это ярко демонстрирует трансформацию лидерства в гражданской активности, трансформирующегося под воздействием ИКТ. Новое лидерство базируется на контроле коммуникаций и информации, способности формировать общественное мнение, а также характеризуется децентрализацией управления, культурой сотрудничества, личной ответственностью, частичной вовлеченностью, недоверием традиционным институтам. Естественным следствием формирования сетевых структур является переход от инструментов директивного управления к координационным моделям взаимодействия между акторами внутри протестных групп [5].

Подводя итог, следует отметить, что городские сообщества в виртуальном пространстве являются реакцией пользователей социальных сетей на какую-либо ситуацию в локальной офлайн среде. Условиями их формирования являются наличие доступа к сети Интернет, а также потребности в распространении информации о целях и деятельности сообщества, наличие общей проблемы или повестки, решение или обсуждение которой объединяет людей, а также различные виды конфликтов в которые вступают сообщества.

Литература:

1. Ореховская Е.В. Перспективы локальных сообществ в постиндустриальном обществе // Вестн. Том. гос. ун-та. 2018. №437. С. 82-87.

2. Сухарев М.В. Когнитивные процессы в локальном сообществе // Труды КарНЦ РАН. 2012. №6. С. 29-33.

3. «Дороги Ярославля» [Электронный ресурс] // URL: https://www.facebook.com/groups/yardorogi/ (дата обращения: 06.01.2020).

4. А. В. Соколов, Ю. И. Новикова. Городские конфликты: сущность и содержание // Актуальные вопросы науки в XXI веке: материалы конференции /отв. ред. Г. Л. Шаматонова. – Ярославль : ЯрГУ, 2018. С. 58-60.

5. Gerbaudo P. Tweets and the Streets. Social Media and Contemporary Activism. Pluto Books, London. 2012. P. 208.

Социальные медиа в политической мобилизации и демобилизации граждан в современной России

Соколов А.В.
Доктор политических наук
Ярославский государственный университет имени П.Г.Демидова, заведующий кафедрой социально-политических теорий.
E-mail: alex8119@mail.ru

Палагичева А.В.
Ярославский государственный университет имени П.Г.Демидова, ассистент кафедры социально-политических теорий
E-mail: fornightingale@gmail.com

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00571, «Конфликты в процессе функционирования городских сообществ крупных региональных центров России: концептуальные основания исследования и политические методы снижения деструктивного потенциала».

Аннотация: *В статье рассмотрены понятия политической мобилизации и демобилизации граждан, а также инструментов. Представлены ключевые коммуникативные инструменты мобилизации и демобилизации граждан, реализация которых осуществляется посредством социальных медиа. Социальные медиа, как совокупность интернет-площадок, предоставляют интернет-ресурсы, позволяющие обмен информацией любого формата. Разные площадки диктуют свои способы оказания воздействия на пользователя. Инструменты представлены на основе исследований следующих протестных кампаний: против повышения пенсионного возраста, «мусорные подмосковные протесты», против фан-зоны Чемпионата мира по футболу 2018, протест молодых семьи Югры против невыплат жилищных субсидий участникам программы «Доступное жильё — молодым», против блокировки мессенджера Telegram. Представлены такие инструменты, как управление различного рода контентом, в том числе видео, на лояльных и нелояльных площадках, привлечение к соучастию, гражданская журналистика, привлечение лидеров общественного мнения и использование блогов.*

Ключевые слова: *политическая мобилизации, политическая демобилизация, социальные медиа, инструменты, гражданская активность.*

Social media in political mobilization and demobilization of citizens in modern Russia

Sokolov A.V.
Doctor of political science
Yaroslavl state University named after P. G. Demidov, head of the Department of social and political theories
E-mail: alex8119@mail.ru

Palagicheva A.V.
Yaroslavl state University named after P. G. Demidov, assistant of the Department of social and political theories
E-mail: fornightingale@gmail.com

Abstract: *The article deals with the concepts of political mobilization and demobilization of citizens, as well as tools. The article presents key communication tools for the mobilization and demobilization of citizens, which are implemented through social media. Social media, as a set of Internet platforms, provide Internet resources that allow the exchange of information in any format. Different platforms dictate their own ways of influencing the user. The tools are presented based on studies of the following protest campaigns: against raising the retirement age, «garbage protests near Moscow», against the fan zone of the world Cup 2018, the protest of young families of Ugra against non-payment of housing subsidies to participants of the «Affordable housing for young» program, against blocking the telegram messenger. Tools such as managing various types of content, including videos, on loyal and disloyal platforms, engaging in complicity, citizen journalism, engaging public opinion leaders, and using blogs are presented.*

Keywords: *political mobilization, political demobilization, social media, tools, civic engagement.*

Социальные медиа, ставшие продолжением реальной жизни современного гражданина, утвердили социально-политическое действие в Интернете как значимое в целом для публичной политики государства, так и для взаимодействия власти и общества. Различные проявления гражданской активности, начиная от слактивизма до организации деятельности протестного движения, имеют

определенный вес и таким образом вносят вклад в развитие общественных процессов. Социальные медиа, главным образом, представляются как информационный ресурс и сетевые коммуникационные потоки. Они призваны не только доставлять информацию, но и устанавливать диалог между субъектом и объектом. На формирование общественного мнения влияет публичность всего процесса коммуникации, которая множится с каждым новым витком коммуникации, например, через репосты или личные сообщения.

Несмотря на то, что сложно сравнить и установить взаимосвязь между уровнями социально-политической активности отдельно взятого человека в реальности и в виртуальном мире, позиция социальных медиа как инструмента мобилизации граждан для участия в онлайн и офлайн активности закрепилась. Кроме того, использование широкого набора инструментов социальных медиа возможно для обеспечения политической демобилизации граждан.

Процессы мобилизации и демобилизации в том или ином виде непременно присутствуют рядом друг с другом и, одновременно, находятся в противоборстве. Мобилизация представляется, как коллективное действие, инициированное, как правило, социально-политическим конфликтом [1, с. 3]. При этом мобилизация является необходимым условием демократических обществ, где предполагается активное участие граждан в общественно-политических процессах.

Для демобилизации характерен процесс разобщения или отстранения индивидов и групп от разных форм политической активности. Процесс политической демобилизации является частью протестной кампании, отдельным её этапом. Он имеет циклы, этапы эскалации и деэскалации. В данном исследовании мы представляем демобилизацию как процесс управления, нацеленный на приведение активных социальных групп в состояние отстраненности от политической деятельности и чувства гражданственности.

Таким образом, под инструментами мы понимаем средство целевого воздействия на объект. Среди всего множества инструментов, используемых с целью мобилизовать или демобилизовать граждан, важнейшими являются коммуникативные. Их реализация осуществляется, в том числе, с помощью социальных медиа. Таким образом, в зависимости от целей мобилизационной и демобилизационной кампании, субъекты используют возможности, которые предоставляют им социальные медиа.

Социальные медиа, как совокупность интернет-площадок, предоставляют Интернет-ресурсы, позволяющие обмен информацией любого формата. Разные площадки диктуют свои наиболее результативные способы оказания воздействия на пользователя. Таким

образом, эти социальные сетевые медиа включают в себя контент, структурированную аудиторию и саму коммуникацию.

С этой точки зрения, следует отметить важность природы и формы различных социальных медиа. В связи с этим, Кейтцманн и др. разработали модель «The honeycomb framework». Данная модель состоит из 6 блоков, которыми можно охарактеризовать социальные медиа - идентичность, общение, обмен данными, присутствие, взаимоотношения, репутация и группы [2, с. 453]. Вышеперечисленные характеристики можно отнести и к особенностям инструментов воздействия на граждан в социальных сетях.

Поскольку одним из желаемых эффектов политической мобилизации и демобилизации является формирование того или иного убеждения, мировоззрения, установки граждан, то и инструментарий в рамках социальных медиа связан с донесением информации и установлением, поддержанием связи субъекта с объектом. Привлечение граждан к соучастию в виртуальном пространстве увеличивает шансы на достижение мобилизованного или демобилизованного состояния граждан. Инструментарий этих двух процессов в социальных медиа отчасти совпадает, отличаясь смысловым наполнением сообщений, с их разной направленностью.

Можно выделить ключевые актуальные инструменты политической мобилизации и демобилизации граждан в современной России на основе исследований, проведенных методом политического анализа кейс-стади, следующих протестных кампаний: против повышения пенсионного возраста, «мусорные подмосковные протесты», против фан-зоны Чемпионата мира по футболу 2018, протест молодых семьи Югры против невыплат жилищных субсидий участникам программы «Доступное жильё — молодым», против блокировки мессенджера Telegram.

Управление различного рода контентом, как например, генерирование и распространение, на различных лояльных и нелояльных площадках является одним из ведущих инструментов политической мобилизации и демобилизации граждан. При этом используются различные приемы и техники в зависимости от стратегии всей кампании и возможностей самой площадки.

Например, в рамках мобилизации с помощью социальных сетей транслируются: призывы к сплочению, самоорганизации и решению проблемы, то есть мотивирующий контент; разоблачающий контент, который подтверждает какими-либо данными несправедливость текущего положения дел и объясняющие необходимость мобилизации; подрывающий авторитет лидеров демобилизации. В рамках демобилизации используются такие приемы, как формирование

недоверия к лидерам мобилизации; запугивание, основанное на указании негативных последствий участия; отвлечение внимания граждан от повестки на другие.

Особенный эффект имеют такие инструменты, как привлечение к соучастию в различных событиях мобилизационного и в меньшей степени демобилизационного характера. Например, они выражаются через публикацию материалов с хештегом события. Таким образом происходит демонстрация личного присутствия и участия. В более развернутой форме это проявляется через гражданскую журналистику, которая относится к так называемым тактическим медиа, объявляющие себя неподконтрольными и альтернативными традиционным [3, с.144]. Однако, этот инструмент имеет ярко выраженную специфику, они небеспристрастны и ориентированы на мобилизацию.

Управляя контентом в социальных медиа, субъекты политической мобилизации и демобилизации используют, так называемые, технологии спиндокторинга, которые заключается в более выгодной подаче события, объекта, личности, чем есть на самом деле. Например, это сокрытие каких-либо сведений, их искажение или публикация лишь тех аспектов, акцент на которых необходим. Кроме того, стоит отметить важную особенность управления современным политическим дискурсом. Сегодня исследователи говорят о наступлении новой эпохи «постправды», которая стирает границы между ложью и правдой, где фактом выступает как истина, так и «фейк». Так некоторые государственные лидеры, дипломаты, чиновники, бизнесмены используют «фейки» в угоду своих интересов, маскируя их под достоверные факты. При этом, чем активнее в политический дискурс включают вместо фактов «фейки», тем успешнее и достовернее кажутся продвигаемые политиками заявления и утверждения [4, с. 130]. Таким образом, трансформируются не только инструменты управления общественным мнением, но и новая когнитивная среда между коммуникаторами.

Особого внимания для дальнейшего изучения инструментов мобилизации и демобилизации граждан в социальных медиа и их влияния заслуживают: видеоконтент, как формат, который воспринимается аудиторией более активно и качественно; блоггинг лидеров общественного мнения, в том числе видео блоггинг, которые имеют большое воздействие, особенно на молодежную среду; Telegram-каналы, как альтернативная площадка информирования.

Инструменты политической мобилизации и демобилизации граждан в социальных медиа во многом схожи в связи с тем, что преследуют цель повлиять на общественное мнение, которое может привести граждан в состояние действия или, наоборот, бездействия.

Однако, эти инструменты имеют свою специфику воздействия и в конечном итоге имеют разный психологический эффект – отстранения и разобщения или самоорганизацию и соучастие.

Литература:

1. Яницкий О. Н. Массовая мобилизация: проблемы теории // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 3–12.
2. Шигина Я. И., Фоменков Д. А. Социальные медиа: современные тенденции в маркетинге //Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т. 17. № 24. С. 453-456.
3. Мельник Г. С. Тактические медиа как протестный ресурс// Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов. 2017. № 2. С. 141-152.
4. Котова Н.С., Дукян С.С. Феномен «фейка» в политическом дискурсе эпохи «постправды»// Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 2. С. 130-135.

Общественные информационные кампании в российском сегменте Интернета в 2019 году: аналитический обзор СМИ

Соколов А.В.
Доктор политических наук
Ярославский государственный университет им.П.Г.Демидова, заведующий кафедрой социально-политических наук
E-mail: alex8119@mail.ru

Палачева Ю.А.
Ярославский государственный университет им.П.Г.Демидова, аспирант
E-mail: palacheva.yulya@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта №19-011-00268, «Трансформация гражданской активности в условиях развития информационно-коммуникативных технологий (на примере Ярославской области)», 2019-2021 гг.

Аннотация: *Современные технологии позволяют любому человеку, у которого есть доступ в Интернет, организовать информационную общественную кампанию для решения своей проблемы. Площадки различных социальных сетей позволяют*

населению объединяться в формальные и неформальные группы, которые открыто говорят о беспокоящих их проблемах. Для СМИ это становится информационным поводом и выводит общественную кампанию на новый уровень. В 2019 году в российском сегменте Интернета был проведен ряд общественных информационных кампаний, организованных как специалистами, так и простыми пользователями Интернета. В данной статье рассмотрена роль и позиция СМИ в освещении информационных кампаний в поддержку журналиста Ивана Голунова, а также кампании больных муковисцидозом и их родителей.

Ключевые слова: *информационная общественная кампания, Интернет, средства массовой информации.*

Public information campaigns in the Russian segment of Internet in 2019: analytical survey of mass media

Sokolov A.V.
Doctor of Political Science
P.G. Demidov Yaroslavl State University, Head of the Department of Social and Political Sciences
E-mail: alex8119@mail.ru

Palacheva Y.A.
P.G. Demidov Yaroslavl State University, post-graduate (student)
E-mail: palacheva.yulya@mail.ru

Abstract: *modern technologies let people who have Internet access organize a public information campaign in order to resolve their own problems. Different social network platforms allow the population to be formally or informally grouped. It helps people to speak openly about the issues that trouble them. Such events become a newsbreak for mass media, and take information campaigns to a new level. In 2019 a number of public information campaigns were carried out in the Russian segment of Internet. They were organized by specialists as well as common internet users. The role and the position of press in media coverage of the information campaigns in support of the journalist Ivan Golunov is considered in this article. Also the article reviews the campaigns of citizens suffering from cystic fibrosis and of their parents.*

Keywords: *social information campaigns, Internet, mass media.*

Современные информационные технологии дают возможность каждому человеку, у которого есть доступ в Интернет, провести

информационную кампанию для решения своей проблемы. С помощью современных достижений техники население может объединяться в различные формальные и неформальные группы и совместно работать над решением общей проблемы. В 2019 году в российском сегменте Интернета были проведены несколько крупных общественных кампаний. Как правило, на первых этапах общественной информационной кампании организаторы используют социальные сети, а позднее привлекают внимание средств массовой информации. Для обзора в настоящей работе были выбраны информационные общественные кампании в поддержку Ивана Голунова и общественная кампания больных муковисцидозом. В данной статье будет рассмотрена роль российских средств массовой информации в продвижении информационной кампании.

В первую очередь рассмотрим наиболее крупную общественную информационную кампанию, посвященную поддержке Ивана Голунова. По версии Google,Иван Голунов вошел в топ-10 самых быстрорастущих запросов в категории «Люди года» в рунете [1]. По версии Медиалогии, в июне Интернет-ресурс Mediza.io лидирует в рейтинге цитируемости соцмедиа [2]. Наиболее востребованными материалами портала стали «Мы призываем всех перепечатывать полные тексты расследований Ивана Голунова», «Прекращено уголовное дело Ивана Голунова». Среди журналов в том же месяце наиболее цитируемым стал Snob.ru, который опубликовал материалы «15 важных текстов Ивана Голунова» [3].

Иван Голунов, журналист Интернет-ресурса Mediza.io, был задержан в Москве 6 июня и обвинен в попытке сбыта наркотиков. Сам журналист заявлял, что ему их подбросили. Коллеги Ивана Голунова из ресурса Mediza.io были уверены в его невиновности и развернули общественную информационную кампанию в социальных сетях, которая известна под тегом #ямыиванголунов.

Основную роль в освещении информации о деле Голунова сыграли онлайн-издания, которые вели репортаж с 7 июня, когда стало известно о задержании Ивана и предъявленных ему обвинениях. В первую очередь это был портал Mediza.io, чьим сотрудником и являлся Иван Голунов.

10 июня наиболее крупные печатные издания России «Ведомости», «Коммерсантъ» и РБК, впервые в истории вышли с одинаковой первой полосой в поддержку Ивана Голунова. На первой полосе газет в корпоративных цветах изданий вышла надпись «#ямыиванголунов». Совокупная аудитория одного номера трех изданий составила приблизительного 650 000 человек [4].

Деятельность телеканалов в информировании населения о «деле Ивана Голунова» началась 7 июня. В этот день на телеканале «ВГТРК» вышел сюжет о задержании журналиста с наркотическими средствами [5]. При контент-анализе сюжетов в период с 7 по 11 июня выявлено, что канал придерживался позиции следствия и не выступал в поддержку журналиста. Напротив, Дмитрий Киселев, заместитель генерального директора ВГТРК, в своей авторской программе [6] также занимает позицию следствия и скорее говорит о необоснованном беспокойстве в журналистском сообществе. Сюжет, указывающий на фальсификацию дела, вышел в эфир телеканала только 11 июня после освобождения Голунова [7].

11 июня Иван Голунов был освобожден в зале суда в связи с недоказанностью его участия в совершении преступления [8].

Информационная общественная кампания в поддержку Ивана Голунова стала одной из самых крупных в российском сегменте Интернета за 2019 год. Об этом говорят и рейтинги аналитических кампаний, которые были нами приведены ранее, и конечный результат: дело было тщательно расследовано, невиновный человек на свободе, в настоящее время идет внутренняя проверка. Можно сделать вывод, что подобный кейс в настоящее время могут осуществить только специалисты (в случае Голунова – это были его коллеги из портала Mediza.io). Но в 2019 году была проведена еще одна информационная общественная кампания.

В ноябре 2019 году в российские аптеки прекращаются поставки «Фортума», антибиотика, который жизненно необходим больным муковисцидозом [9]. Российские аналоги (или «дженерики») подходят не всем пациентам, у некоторых из них проявляются побочные эффекты. Данная проблема объединяет родителей больных детей и взрослых, которые больны муковисцидозом.

21 ноября 2019 года Лейла Морозова, мама детей больных муковисцидозом, создает петицию на сайте www.change.org с просьбой о помощи [10]. В настоящее время ее подписали более 260 000 человек. Но петиция на данном этапе не выходит в большую аудиторию, ограничиваясь родительским сообществом.

23 ноября 2019 года Таисия Шеремт, которая больна муковисцидозом и ведет об этом свой блог в Instagram, написала пост о проблеме лекарств [11]. В нем она рассказала не только о трудностях, с которыми сталкиваются больные, и об отсутствии лекарств у пациентов, но и составила для желающих помочь инструкцию. Было предложено отметить под этим постом страницу новостного издания или медийное лицо для распространения информации, а также разместить этот пост на своих личных страницах.

Первыми на пост Шеремет откликнулись блогеры в Instagram, в том числе и с миллионной аудиторией. Начиная с 25 ноября в различных СМИ появляются статьи, посвященные проблеме нехватки лекарств. Например, порталы Lenta.ru [12],Правмир [13], МБХ [14], «Такие дела» [15], «Новые известия»[16],Meduza.io [17], BBC [18], телеканалы «Дождь» [19], Piter.tv [20] и многие другие.

27 ноября в пресс-службе Министерства здравоохранения сообщили, что после появления в ряде СМИ информации о проблемах с закупками оригинальных препаратов министр здравоохранения Вероника Скворцова поручила Росздравнадзору провести проверку обеспечения пациентов лекарствами [21].

Следующим информационным поводом в общественной кампании стала Дарья Семенова, которая вышла на одиночный пикет к Министерству здравоохранения в Москве. Девушка больна муковисцидозом и уже не может дышать без кислородного баллона [22]. Ее фотография у Министерства здравоохранения получила большой общественный резонанс и была опубликована во многих СМИ.

6 декабря в эфире Первого канала вышла программа «Время покажет», участниками которой стали Лейла Морозова и Таисия Шеремет [23]. В ней также обсуждалась нормативно-правовая база проблемы и возможные пути решения.

11 декабря в Общественной палате Российской Федерации был проведен круглый стол по проблеме лекарственной помощи пациентам с редкими болезнями на примере муковисцидоза [24]. На нем пациентов заверили, что будет подготовлена нормативная база для покупки препаратов по торговому наименованию, а также была достигнута договоренность с фармкомпанией «ГлаксоСмитКляйн» (GSK), которая готова безвозмездно в короткие сроки предоставить антибиотик экстренным пациентам.

19 декабря на своей пресс-конференции Президент РФ Владимир Путин упомянул об «аптечном кризисе», а также о мерах, которое в настоящее время принимает правительство для решения проблемы [25].

В настоящее время проблема лекарственного обеспечения оригинальными препаратами больных остается неразрешенной. Экстренные больные получили необходимые лекарства, но это не решает проблему в целом. В любом случае нельзя отрицать эффективность общественной информационной кампании, которую смогли провести больные муковисцидозом и их родители.

Данные кейсы подтверждают, что современные возможности российского Интернета позволяют организовывать масштабные общественные информационные кампании, которые в довольно

короткий срок достигают реальных результатов или создают общественный резонанс. В случае информационных кампаний, стартовой площадкой которых становятся социальные сети, подключение к проблеме СМИ является неким показателем успешности. Активная деятельность какой-либо группы людей в социальных сетях по определенной проблеме дает СМИ информационный повод для дальнейшей работы.

Литература:

1. Официальный блог Google Россия: Год в поиске: #2019СозданЛюдьми. URL: https://russia.googleblog.com/2019/12/2019.html (дата обращения 06.01.2020).

2. Компания «Медиалогия» подготовила рейтинг самых цитируемых СМИ за июнь 2019 года. URL: https://www.mlg.ru/ratings/media/socmedia/6788/ (дата обращения 06.01.2020).

3. Компания «Медиалогия» подготовила рейтинг самых цитируемых СМИ за июнь 2019 года. URL: https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/6787/(дата обращения 06.01.2020).

4. «Ведомости», «Коммерсантъ» и РБК впервые выйдут с одинаковой первой полосой. URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2019/06/09/803826-vedomosti-rbk-vpervie-viidut-pervoi-polosoi (дата обращения 06.01.2020).

5. В центре Москвы расследователя «Медузы» взяли с метилэфедроном. URL: https://www.vesti.ru/doc.html?id=3155649 (дата обращения 06.01.2020).

6. Киселёв рассказал о привилегированном положении Голунова – URL: https://www.vesti.ru/doc.html?id=3156301 (дата обращения 06.01.2020).

7. Фальшивое дело о сбыте наркотиков: журналист Голунов вышел на свободу по «недоказанности». URL: https://www.vesti.ru/videos/show/vid/800694/# (дата обращения 06.01.2020).

8. Иван Голунов вышел на свободу. URL: https://www.vesti.ru/doc.html?id=3157127 (дата обращения 06.01.2020).

9. Здесь жизни нет и не будет: Как главное лекарство от муковисцидоза пропало из аптек. URL: https://www.the-village.ru/village/city/situation/368347-lekarstv-net (дата обращения 06.01.2020).

10.Верните лекарства больным муковисцидозом. URL: https://www.change.org/p/владимир-владимирович-путин-верните-лекарства-больным-муковисцидозом (дата обращения 06.01.2020).

11.Блог Таисии Шеремет. URL: https://www.instagram.com/p/B5M4h6zlcBf/?igshid=1iyqcyn1v9px0 (дата 06.01.2020).

12.«Я отказываюсь молча хоронить детей». URL: https://lenta.ru/articles/2019/11/27/nettabletok/ (дата 06.01.2020).

13.«Государство вписывает тебя в сценарий с мучительной смертью от удушья». URL: https://www.pravmir.ru/gosudarstvo-vpisyvaet-tebya-v-sczenarij-s-muchitelnoj-smertyu-ot-udushya/ (дата 06.01.2020).

14.«Мы начнем хоронить детей пачками». URL: https://mbk-news.appspot.com/suzhet/my-nachnem-xoronit-detej/ (дата обращения 06.01.2020).

15.С рынка уходят иностранные антибиотики для людей с муковисцидозом. URL: https://takiedela.ru/news/2019/11/25/net-antibiotikov/ (дата обращения 06.01.2020).

16.Импортозамещение может убить страдающих муковисцидозом. URL: https://newizv.ru/news/society/27-11-2019/importozameschenie-mozhet-ubit-stradayuschih-mukovistsidozom?id=importozameschenie-mozhet-ubit-stradayuschih-mukovistsidozom&published_date=27-11-2019&rubric=society&type=NewsItem&utm_campaign=communities_1mi&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2F%3Futm_medium%3Dsocial&utm_source=facebook.com (дата обращения 06.01.2020).

17.«Я не знаю, чем лечить ребенка». URL: https://meduza.io/feature/2019/11/28/ya-ne-znayu-chem-lechit-rebenka?web_view=1&preload=1&audio_bridge=1&photo_view=1&can_infinite_scroll=1 (дата обращения 06.01.2020).

18.Россияне жалуются на нехватку лекарств от муковисцидоза. URL: https://www.bbc.com/russian/news-50589771 (дата обращения 06.01.2020).

19.В России дефицит оригинальных лекарств против муковисцидоза. URL: https://tvrain.ru/teleshow/vechernee_shou/mukovistsdoz-498078/ (дата обращения 06.01.2020).

20.Петербурженка с муковисцидозом: «Нас по факту заставляют довести себя до состояния смерти». URL: https://piter.tv/event/mukoviscidoz_kistoznij_fibroz/ (дата обращения 06.01.2020).

21. Минздрав проверит обеспечение лекарствами больных муковисцидозом. URL: https://ren.tv/news/v-rossii/630097-minzdrav-proverit-obespechenie-lekarstvami-bolnykh-mukovistsidozom (дата обращения 06.01.2020).
22. Монолог девушки с муковисцидозом, которая пикетировала с шариками у Минздрава. URL: https://daily.afisha.ru/relationship/13891-monolog-devushki-s-mukoviscidozom-kotoraya-piketirovala-s-sharikami-u-minzdrava/ (дата обращения 06.01.2020).
23. Время покажет. Выпуск от 06.12.2019. URL: https://www.1tv.ru/shows/vremya-pokazhet/vypuski/vremya-pokazhet-vypusk-ot-06-12-2019 (дата обращения 06.01.2020).
24. Лекарства для больных муковисцидозом: диалог начался. URL: https://oprf.ru/press/news/2019/newsitem/51859 (дата обращения 06.01.2020).
25. «Не должны лишать людей возможности использовать эти лекарства»: Путин — об аптечном кризисе. URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=1&v=cLg-5DLJffo&feature=emb_title (дата обращения 06.01.2020).

Социокультурный потенциал политической повестки дня современной России (по результатам экспертного опроса)

Сосунов Д.В.
Кандидат политических наук
Воронежский государственный университет, доцент.
E-mail: den_sosunov@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31293, «Внутриполитическая повестка дня как фактор единства современной России».

Аннотация: *Статья посвящена роли социокультурного потенциала политической повестки дня современной России в оценках экспертов. Рассматриваются представления экспертов о желаемом будущем для России и выделяются основные группы факторов, препятствующих его конструированию. В работе делается акцент на основаниях противоречивого ценностного консенсуса, сложностях его формирования и возможных консолидирующих ценностях, которые могут лечь в основу*

актуальной политической повестки дня. Автор констатирует, что накоплению социокультурного потенциала не придается ключевого значения со стороны органов государственной власти РФ в настоящее время.

Ключевые слова: *социокультурный потенциал, политическая повестка дня, образ будущего, ценностный консенсус, экспертный опрос.*

Sociocultural potential of the political agenda of modern Russia (based on an expert survey)

Sosunov D.V.
Candidate of political science
Voronezh state University, associate Professor.
E-mail: den_sosunov@mail.ru

Abstract: *The article is devoted to the role of the sociocultural potential of the political agenda of modern Russia in expert assessments. Experts' ideas about the desired future for Russia are examined and the main groups of factors that impede its construction are highlighted. The work focuses on the grounds of a contradictory value consensus, the difficulties of its formation and possible consolidating values that can form the basis of the current political agenda. The author states that the accumulation of sociocultural potential is not given key importance on the part of the state authorities of the Russian Federation at the present time.*

Keywords: *sociocultural potential, political agenda, vison of the future, value consensus, expert survey*

В политической риторике высших государственных руководителей современной России зачастую слышны призывы к кардинальным преобразованиям и качественным изменениям в различных сферах жизни общества. При этом активно декларируются принципы демократического развития, ценности научно-технического прогресса, социальной справедливости, гуманизма, патриотизма, сохранения «духовных скреп», человеческого капитала и т.д. По сути дела, обращение к таким тригерам, способным повысить социокультурный потенциал, не случайно, т.к. именно он определяет стабильность общества и его положение в системе международных координат, является основанием дальнейшего развития.

По мнению Т.И. Заславской, социокультурный потенциал – это «комплексная характеристика сравнительной силы и жизнеспособности крупных социальных общностей (государств, регионов, наций), их положения на глобальной шкале развития и их способности адаптироваться к вызовам внешней – экономической, геополитической и природной – среды и преобразовывать ее в собственных интересах» [1, с. 16].

Апеллируя к фундаментальным социокультурным ценностям, политические деятели пытаются наполнить новым смыслом содержание текущей политической повестки дня, от которой, в свою очередь, зависит формирование базовых оснований общественного согласия и солидарности, формирования стратегических целей и задач. Необходимо признать, что повестка дня является важным инструментом для формирования новых стандартов поведения, образов, идеалов и «правил игры» в политической системе общества. В частности, как указывает политолог Е.Б. Шестопал, «повестка дня связывается с теми идеями, целями и ценностями, которые власть (и прежде всего исполнительная – *отмечено Е.Б. Шестопал*) кладёт в основу своей текущей политики. Иногда под повесткой дня понимаются «скрытые мотивы, лежащие в основе проводимой политики» [2, с. 8].

В рамках данной работы мы сфокусируем внимание на таких аспектах социокультурного потенциала политической повестки дня как наличие ценностного консенсуса в обществе, проблемах его формирования и отношение к образу желаемого будущего России в оценках экспертов.

Летом 2019 г. исследовательской группой Воронежского госуниверситета (руководитель – проф. А.В. Глухова) был проведен экспертный опрос, в котором приняли участие 54 эксперта из 19 регионов России. 20 участников опроса представляли столичный и 34 - региональный уровень. Представительство по федеральным округам: Центральный – 27; Северо-Западный – 6; Южный – 6; Приволжский – 8; Уральский – 2; Сибирский – 2; Дальневосточный – 1. Экспертами выступили преимущественно работники академической сферы (46), а также консалтинговых структур (5) и органов государственной власти (3).

Итак, на вопрос о наличии в российском обществе ценностного консенсуса и его базовых основаниях, разделяемых россиянами, лишь каждый пятый эксперт дал положительный ответ. Степень устойчивости консенсуса по десятибалльной шкале оценена на 5,62 (простая средняя).

Подавляющее большинство экспертов не видят ценностного

консенсуса в российском обществе и называют факторы, препятствующие его формированию. Диапазон оценок весьма широк, от культурных факторов (*«раскол в обществе по идеологическому основанию; отсутствие гражданской идентичности; отсутствие понимания необходимости заключать своеобразный общественный договор, который бы предполагал наличие общих «правил игры»)* до политических *(«фрагментация правящих элит, имеющих диаметрально противоположные интересы и приоритеты», «различия интересов у разных элитных групп и органов госуправления»)* и т.д.

Очень важно для понимания общей картины выделить социокультурные факторы: *«высокий уровень социального расслоения, разрыв в понимании общественного развития между народом и элитой», «неравенство регионов»; «безответственность, патологическая жажда сверхприбылей, циничное отношение к рядовым гражданам»; «разрыв в образе жизни, мышлении и ценностях элиты и общества».*

Однако здесь возникает вопрос: какие ценности могут лечь в основу консенсуса и тем самым повысить социокультурный потенциал политической повестки дня России? Лидирующую позицию, по мнению экспертов, занимает ценность социальной справедливости, трактуемой не в уравнительном ключе, но как равенство прав и возможностей самореализации граждан; периодическую сменяемость власти на основе честных демократических выборов и т.д. «*Гипотетически это могут быть умеренные социал-демократические или социал-либеральные ценности: «свобода, справедливость, неприкосновенность частной собственности»; «равенство, солидарность, законность».*

Отсутствие консенсуса в базовых ценностях эксперты рассматривают как угрозу внутренней стабильности и внешней безопасности России**:** *«ценности развития и понимание общей опасности (страх) в случае краха выработки адекватной внутриполитической повестки»; «проблемы сохранения суверенитета страны и ее безопасности»; «прогресс, общее благосостояние», «доверие, равноправие, борьба с коррупцией»; «гуманистические, модернизационные ценности».*

На вопрос «Можно ли, по Вашему мнению, говорить о наличии сформированного образа будущего страны?» более 80% экспертов ответили отрицательно. Представляется, что подобная ситуация объясняется низким уровнем интереса со стороны органов власти к этой проблематике в официальной политической повестке дня современной России. Кроме того, можно увидеть довольно слабое

освещение в СМИ вопросов достижения общественного консенсуса и стратегического развития России.

Участники экспертного опроса, которые высказались утвердительно относительно сформированного образа будущего, постарались уточнить, насколько он проработан сегодня в нашей стране. С одной стороны, *«образ желаемого будущего страны существует, однако, в массовом сознании он пребывает в размытом, аморфном состоянии и связан преимущественно с ренессансом советского прошлого»*, - отмечает один из экспертов. С другой стороны, участники опроса говорят о том, что это определенный конструкт, созданный в интересах правящей элиты. В частности, можно встретить следующие ответы: *«образ сформирован политической элитой, представляющей правящую группировку. Он учитывает общественные настроения, в том числе расплывчатость желаемого образа самостоятельной и сильной России, идущей по особому пути»; «он является политтехнологическим полуфабрикатом, выражающим идеологемы господствующих групп (кланов) элит»*. Ответы на следующий вопрос о том, что препятствует формированию четкого образа будущего, можно разделить на три группы:

Во-первых, указывается незаинтересованность действующей власти и отсутствие консолидации общества по базовым ценностям. Например, *«отсутствие желания «смотреть вперед» у политического руководства страны», «внеидеологичность власти; отсутствие согласия по поводу базовых ценностей общества; инертность существующей власти; сиюминутный характер политики; стремление правящей элиты сохранить власть»*.

Во-вторых, среди ключевых причин рассматривались качество политической элиты, ее мотивация и действия, которые предпринимаются на сегодняшний день. Один из экспертов подчеркнул: *«элиты, чьим предназначением является формулирование желаемого будущего, и поиск ответов на вызовы времени, с одной стороны, не способны это делать по причине отсутствия ротации элит, с другой - опасаются этим заниматься в силу страха потерять свое высокое положение. Поэтому чаще отмалчиваются, или заняты ура-патриотической риторикой»*.

В-третьих, выделялись и проблемы, связанные с информационной политикой, слабой коммуникацией между властью и обществом, неразвитостью гражданского общества, а также созданием с помощью пропаганды псевдопатриотического консенсуса.

Таким образом, в современной России наблюдается разнородность и разнонаправленность интересов субъектов формирования политической повестки, усугубляемая фрагментацией общества, отсутствием диалога и культуры компромисса между различными общественно-политическими силами. Как отмечает А.И. Соловьев, «иерархическое строение общественной власти создает технологический конфликт в отношениях государства и общества, вызванный неспособностью населения непосредственно управлять общественным процессом» [3, с. 9]. Накоплению социокультурного потенциала не придается ключевого значения, хотя в официальной политической риторике артикулируются его базовые ценности и идеалы. В целях повышения доверия к институтам власти и развитию механизмов вовлечения конкретного гражданина, институтов и структур гражданского общества в процесс обсуждения общественно-политических проблем следует развивать различные процедуры и форматы прямых каналов коммуникации (не имитационных и не номинальных) между органами государственной власти и обществом для получения оперативной «обратной связи». Более того, учет «социокультурного портрета» населения и региональных различий позволит оценить перспективность и приоритетность возможных институциональных преобразований, степень их адаптационного потенциала к конкретному региону, а также характер отношения к ним со стороны населения.

Литература:

1. Заславская Т. И. О социально-трансформационной структуре современного российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перспективы. 2000. № 1. С. 15–19.

2. Шестопал Е.Б. Политическая повестка дня российской власти и её восприятие гражданами // Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С. 7–24.

3. Соловьев А.И. Политическая повестка правительства, или зачем государству общество // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 8–25.

Материальные ценности в контексте трансформации российского общества 1970–1980-х гг.: аспекты общественного мнения

Столетова А.С.
Кандидат исторических наук,
ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», доцент кафедры отечественной истории Института истории и филологии
E-mail: Stoletowa-A-S@yandex.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ «Трансформация российского общества 1950–1990-х гг.: классовый генезис и эволюция экономического устройства», проект № 19-18-00269

Аннотация: *Исследуется отношение советских граждан к материальным ценностям и в частности к собственности в контексте советской действительности второй половины XX в. Анализ изменения ценностных ориентиров населения проводится через рассмотрение писем в центральные органы власти и средства массовой информации, отложившихся в фондах Российского государственного архива новейшей истории. На основе цитируемых материалов приводятся сведения о накоплении материальных средств и их излишков в руках государственных деятелей, руководителей организаций и предприятий, вызывавших народное недовольство, возмущение. Автор приходит к выводу, что в 1970–1980-е гг. формирующаяся в советском социуме общественная дифференциация, а также изменения в поведенческих стереотипах представителей власти и управленцев волновали рабочий класс, пытавшийся отыскать справедливость через огласку вопиющих фактов жизни в корреспонденции, направленной в центральные периодические издания.*

Ключевые слова: *советский период, общественное мнение, социальная жизнь, материальные ценности.*

Material values in the context of the transformation of Russian society in the 1970–1980s: aspects of public opinion

Stoletova A.S.
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Department of Russian History, Institute of History and Philology, FSBEI HE «Vologda State University»
E-mail: Stoletowa-A-S@yandex.ru

Abstract: *The article examines the attitude of Soviet citizens to material values and, in particular, to property in the context of Soviet reality of the second half of the 20th century. The analysis of changes in the value orientations of the population is carried out through the consideration of letters to the authorities and the media deposited in the funds of the Russian State Archive of Recent History. Based on the materials cited, information is provided on the accumulation of material resources and their surpluses in the hands of statesmen, heads of organizations and enterprises that provoked popular discontent and indignation. The author concludes that in the 1970-1980s. The social differentiation that was forming in Soviet society, as well as changes in the behavioral stereotypes of government officials and executives, worried the working class, trying to find justice through the publication of the glaring facts of life in correspondence sent to central periodicals.*

Key words: *Soviet period, public opinion, social life, material values.*

Материальные ценности и отношение граждан СССР к ним, проблема реализации прав собственности – одни из ключевых исторических аспектов, связанных с исследованием динамики общества [1, 2].

Начало изучения общественного мнения в СССР было положено в 1950-е гг. Систематические социологические исследования в СССР начались с конца 1950-х – начала 1960-х гг. Институт общественного мнения при газете «Комсомольская правда», ИКСИ АН СССР, ВЦИОМ, Левада-центр в разное время проводили крупные соцобследования, ими были в частности обозначены динамика и проблемы уровня жизни населения. Была создана основа для исследований менталитета российского народа.

Проблема, связанная с рассмотрением понятия о материальных ценностях в контексте общественных трансформаций 1970–1980-х гг. неотъемлема от освещения вопроса смены жизненных ориентиров и идеалов советских граждан. Метаморфозы в ценностных установках и частных взглядах населения отражались в письмах во власть и средства массовой информации. В корреспонденции затрагивался весь спектр жизненных проблем, с которым столкнулось поколение людей второй половины XX в.

Первостепенными, волнующими и обсуждаемыми темами социальной жизни, являлись ситуации, связанные со злоупотреблением служебным положением. Ярким примером

данной проблематики послужит письмо от группы врачей г. Тамбова 1975 г. Оно направлялось в газету «Правда» и разоблачало деятельность первого секретаря Тамбовского обкома партии В.И. Черного и заведующего облздравотделом Рамазановича. Пояснялось, что «кого Рамазанович захочет того казнит, кого захочет – помилует, потому что он вхож в дом Черного. Жена Черного, не проработав 10 лет в качестве врача-стоматолога, уже получила звание заслуженного врача РСФСР. Вот так и моет рука руку. А сколько финансов, ассигнованных на строительство стоматполиклиники, пошло на «украшение» дворца Черного. Музейные хрустальные бра, ковры украшают виллу Черного. Никакие государственные ценности и почетные звания не жалеет Рамазанович для семьи Черного, а взамен получил право быть «Аракчеевым Тамбовского здравоохранения». Рамазанович взимает для себя «налоги» с руководителей. Назначение на заведывание отделением в больнице в зависимости от ранга обходится в 500–600 рублей, а ежегодные взносы составляют 200–300 рублей. Рамазанович позволяет грабить больных, совершать финансовые аферы на ремонтах. Ставленники Рамазановича – главврачи Первомайского и Жердевского районов нашли золотое дно и грабят государство по примеру своего благодетеля. Главврач Жердеевского района еженедельно на машине «скорой помощи» отправляет Рамазановичу туши баранины, птицу, клубнику и малину, и все то, что необходимо для «барона» или «короля» [3, л. 85–86].

Подобные письма были не единичны. Полагаем, что в обществе зрела и в 1970-е гг. активно транслировалась идея, связанная с гражданским осознанием нарастающей тенденции материального расслоения [4], изменения нравственного отношения к государственной собственности, трансформации мировоззренческих установок. Блага, достающиеся зачастую нечестным путем, вызывали чувство несправедливости, в свою очередь защиту и поддержку население искало у представителей государственной власти. Но именно в этой среде и зародилось стремление к обуржуазиванию. Следовательно, закономерны и старания руководства по проведению формальных проверок, закрытию расследований и оставлению без должного внимания наблюдений рядовых граждан. Одним из способов борьбы и придания огласке вопиющих фактов являлись письма в газеты и центральные органы власти, что тоже не всегда являлось действенным способом борьбы.

В последующем ответе ЦК КПСС от 27 мая 1975 г. за подписью заместителя заведующего отделом организационно-партийной работы Е. Разумова, отмечалось, что однотипные письма поступали ранее и проверялись на месте. Указывалось, что по заявлению Черного, в 1973 г. за счет средств облисполкома в городе Тамбове был построен дом, как филиал гостиницы «Тамбов», часть которого его семья заняла временно. Что касается фактов неподобающего поведения заведующего отделом здравоохранения области Рамазановича, то они представлялись ЦК КПСС вымышленными [3, л. 87]. Письмо без подписи, поступившее в редакцию журнала «Коммунист» и переданное в ЦК КПСС 10 сентября 1975 г., также касалось осуждения работы ответственного лица – первого секретаря Оренбургского обкома КПСС А.В. Коваленко. Сообщалось, что зять А.В. Коваленко был устроен в обком ВЛКСМ и незаконно получал различные привилегии. Эти факты также были признаны вымышленными [3, л. 165].

Таким образом, действия руководящих лиц, вызывающие недовольство народных масс, часто оправдывались, тем самым в среде управленцев создавались благоприятные условия для материального обогащения, накопления имущества и капитала.

Как видно из цитируемых материалов, служебное положение неразрывно связано с острейшим вопросом приобретения жилья. В извещениях от граждан страны фиксируется повсеместное недовольство эпизодами, связанными с недобросовестным личным обогащением и присвоением жилплощади руководителями, а также должностными лицами производств, предприятий и организаций. Так, редакцией «Правды» было получено и передано в ЦК КПСС 29 мая 1975 г. письмо, написанное 14 апреля 1975 г. А. Маремкуловым и М. Макуловым из Терского района Кабардино-Балкарской АССР, в котором указывалось, что в г. Терек на заводе алмазных инструментов работал директором гражданин Б. Татуев. Уходя на пенсию, он имел собственный дом в городе, но это не помешало ему получить после его продажи 3-х комнатную квартиру в г. Нальчике. Чтобы получить большую квартиру, он прописал в свою семью сына В. Татуева, проживавшего и работавшего 12 лет на опытной станции. Авторы гневно восклицали: «Попробуйте получить в Нальчике хорошую квартиру? Нужна протекция! Многие труженики, специалисты, работающие на фабриках, заводах годами ждут в очереди на получение квартиры, а Б. Татуев приехал в обком и без труда получил – это высокая протекция. Откуда у Б. Татуева

такой большой авторитет? Говорят, что перевести его на работу по специальности без разрешения секретаря Обкома было нельзя. Б. Татуев и Т. Мальбахов – близкие друзья. Вот отсюда у него большая сила». Составители письма просили помощи у высших партийных руководителей и газеты «Правда», а именно организации профилактических мер, торжества справедливости, «чтобы «авторитеты» не нарушали законов», но в ответе ЦК КПСС прописано: факты проверкой не подтвердились [3, л. 104–106].

Группа коммунистов из г. Иджевана (Армянская АССР) в 1979 г. обвиняла председателя Иджеванского горисполкома Д. Ананян, в том, что она, распределяя в продажу автомашины, с каждого покупателя брала 2000 рублей сверх стоимости покупки. Гражданин З. Гулакян (г. Иджеван) утверждал, что директор Иджеванского коврового комбината А. Исханян брал взятки, присвоил 135 ковров, в отчетности систематически делал приписки, но оставался безнаказанным, т.к. имел высокопоставленных покровителей. А. Оганесян из г. Ереван сообщал, что директор троллейбусного парка Э. Бахшян ввел в штатное расписание множество «мертвых душ», чью зарплату присваивал. Читатели «Правды» писали о махинациях на Араратском цементно-шиферном комбинате, в совхозах районов АССР и др. [5, л. 3–10]. С. Абилов (Азербайджанская ССР) в 1980 г. рассказывал: «Всех своих родственников первый секретарь Лерикского райкома Компартии Азербайджана Б. Агаев пристроил на ответственные должности. Для зятя секретарь воздвиг двухэтажный особняк из 8 комнат» [5, л. 24]. В 1980 г. подобные случаи описывались гражданами из Алтайского, Краснодарского края, Туркменской, Казахской ССР, Башкирской АССР [5, л. 25–31]. При соответствующих проверках чаще всего случаи злоупотреблений не подтверждались [5, л. 37].

В начале 1980-х гг. многие лица сообщали о невозможности получить квартиры взамен коммунальных в г. Москве [6, л. 64–65], о желаемой планировке домов с выделением помещений для проведения коллективного досуга [6, л. 106–107], об улучшении жилищных условий одиноких пенсионеров [6, л. 16–17, 31–32]. Высказывались предложения об установлении единой по всей стране нормы жилой площади в 15 кв. м на одного человека, взамен действующих в РСФСР – 9 кв. м, в республиках – 12–14 кв. м [6, л. 21, 22]. Более того, высказывались пожелания о том, чтобы каждой молодой семье с появлением ребенка выделялась отдельная квартира [6, л. 36].

Достаточно велико число писем в «Правду» за 1980 г., связанных с изложением точки зрения о недостаточности принимаемых мер после подтверждения фактов безнаказанности, бесхозяйственности, попустительства, показухи. Например, В.М. Овчинников из г. Бобруйск Могилевской области рассуждал: «Теперь в народе поют: «Воровал он миллион с опасением, а вдруг выговор дадут с занесением». Аналогичные возмущения приходили из Ленинграда, Минска, Свердловской, Ровенской, Гомельской области и т.д. [5, л. 47–54].

Таким образом, жилищный аспект занимал важную сторону повседневной жизни советского социума 1970–1980-х гг. Население в письмах во власть и органы печати высказывало недовольство формирующимся социальным расслоением. В народной среде велось наблюдение за изменениями в поведенческих стереотипах представителей власти и управленцев. Модернизировалось мировоззрение людей, утверждалась частнособственническая мораль.

Литература:

1. Столетова А.С. Особенности хищений государственной собственности в РСФСР 1960–1980-х годов // Научный диалог. 2019. № 12. С. 379–391. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-379-391.

2. Безнин М.А., Димони Т.М. Личное приусадебное хозяйство как индикатор отмирания аграрного общества в России // Вопросы истории. 2019. № 12. С. 84–96.

3. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 5. Д. 267.

4. Безнин М.А., Димони Т.М. Общественное мнение середины 1950-х гг. о социальном расслоении в советском обществе // История социальных процессов в России (XX век): сборник научных статей / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, ВоГУ; [главный редактор Т.М. Димони]. Вологда: ВоГУ, 2019. С. 102–120.

5. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 77. Д. 68.

6. РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 918.

Periods, needs, spaces in the production of collective memory: La Turquie Contemporaine and La Turquie Kemaliste

Mrs. Suda, E. Zeynep
Professor
Istanbul University,
Chair of the Division of Political Sciences,
Faculty of Political Sciences,
Department of Political Science and International Relations
ezeynepsuda@gmail.com

Abstract: *A great amount of theoretical arguments are produced and discussions made on times, conditions and construction of collective memory in academic circles in Turkey as in worldwide lately as a result of the centenary of the Great War. While doing this, it is accepted that in the production of collective memory in different historical contexts, specific conditions and spaces should be taken into consideration. That is to say there are theoretical generalities in the theory of construction, quality or the purpose of collective memory. In Ottoman-Turkish case there are lots of studies concentrated on the early Republican period. 1920 and 30s are the critical years that the governing elites tried to heal the wounds left from the collapse of the Ottoman State and the Great War period; and we must mention from the efforts for the construction of a new nation state with its economic, political and ideological needs, in short, the construction of the Turkish nation out of an Empire.*

In this paper we like to deal with the construction of the national identity while concentrating on a book published by the General Directorate of Press in 1935, namely La Turquie Contemporaine and a periodical published 49 issues in between 1933-1949, La Turquie Kemaliste.

Keywords*: collective memory, historical context in the construction of collective memory, construction of national identity, La Turquie Contemporaine, La Turquie Kemaliste.*

Периоды, потребности, пространства в производстве коллективной памяти: La Turquie Contemporaine и La Turquie Kemaliste

Суда Э. Зейнеп
Доктор политических наук,
Стамбульский университет,
профессор, заведующая кафедрой политических наук,
департамент политологии и международных отношений
ezeynepsuda@gmail.com

Аннотация: *В академических кругах Турции, как и во всем мире в последнее время в связи со столетием Великой войны, выдвигается большое количество теоретических аргументов и ведутся дискуссии о времени, условиях и формировании коллективной памяти. При этом принято считать, что при воспроизводстве коллективной памяти в различных исторических контекстах следует учитывать специфические условия и пространства. То есть существуют теоретические обобщения в теории построения, качества или назначения коллективной памяти. В Османско-турецком случае существует множество исследований, сосредоточенных на раннем Республиканском периоде. 1920-е и 30-е годы-это критические годы, когда правящие элиты пытались залечить раны, оставшиеся от распада Османского государства и периода Великой войны; и мы должны упомянуть усилия по строительству нового национального государства с его экономическими, политическими и идеологическими потребностями, короче говоря, строительство турецкой нации из Империи. В данной статье мы хотели бы заняться конструированием национальной идентичности, сосредоточившись на книге, опубликованной главным управлением печати в 1935 году, а именно La Turquie Contemporaine и периодическом издании, опубликовавшем 49 номеров в период с 1933 по 1949 год, La Turquie Kemaliste.*

Ключевые слова: *коллективная память, исторический контекст в конструировании коллективной памяти, конструирование национальной идентичности, La Turquie Contemporaine, La Turquie Kemaliste.*

Introduction

The formation of social memory takes different forms and contents depending on different historical and social contexts, needs and spaces. In related literature we can find certain themes and discussions on this. The thesis here we put forward leans on these premises: there are continuities in history whereas turning points and bottle necks, milestones, knots and great, decisive moments in history; there exist hubs, nodules, twists and momentums of resolution. Historians and social scientists related to history and memory studies underlined various periods in time such as Rennaissance, French Revolution, Cold War and so on [1, p. 245].

The contemporary literature on this searched and discussed mostly by historians. As an important example historian Jacques Le Goff discussed in his famous article Is it necessary to divide history in periods? mainly claims that historians and social scientists make a periodization separating the Middle Ages and Renaissance, underlying the differences among those periods to put history in order by which they create certain concepts and

premises on turning points, periods in history. According to him "Periodization states an action of man on time and emphasizes that division of time is not a spontaneous situation without any effect" [2].

Timing responds to the desire and need to dominate the time in which man travels. Dividing time into sections is not a simple chronological phenomenon. "Periods have a special meaning; they are a subject of inquiry in terms of historian with their sequential order, continuity over time or, on the contrary, the ruptures evoked by this order." Historical periodization was made by ages, periods defined by historical characters or leaders and then with centuries; as a matter of fact all of these fragmentations have problems for historians and social scientists [3]. When we think of social memory, we must consider personal or familial periodization as human life cycle is important for memory issues. There is not only a parallelism but also an interaction between the individual chronology of the ages of human life and the universal chronology of the ages of the world.

Another important point is what is highlighted by French Annales school historians, is the longue durée (long periods in history) within which there exist sub-divisions. As it is accepted by Marxist theoretical framework, social memory is generally integrated into the world historical events and periods, although there are interior partitions in different geograpic units, different historical and specific social contexts and examples. Finally the periodization of history is necessary and meaningful for historian and social scientits.

On the other hand the idea of radical epistemological breaks is not acceptable for social sciences. The given and famous example of this discussion is the "transition debate" in which passages from feodalism to capitalism is discussed in-depth. There is a valuable literature on this issue in social scinces. It is discussed that "the new" is emerged in incubation, grow and augment, deriving the power and dynamism to sweep away "the old", and change into something else. Whereas the old continues to live, exist in the new forms and processes for long time and try to survive. There appear new combinations of social formations grow out of this process and struggles. The rules of dialectics told us about this process. Historians and social scientists made lots of researches on history and the workings of the contemporary societies.

We can mention from different periods and paradigms that created the growth of various ways of thinking and living in modern world history related to our aim here. As an example we must think about the starting point of 1789, French Revolution. Each and every writer and history might mention from different stories but for French and world history we must consider the importance of 1793 and also the significance and turning point of 1870 for the world history for the beginning of imperialism, especially for

Alsace Lorraine as a region modern history of which was shaped with this period of time. Can we skip the importance of the year 1914 for the starting point of the Great War that played havoc with the world history in every inch? According to historian Eric Hobsbawm the short 20th century starts in 1914 while ending in 1991 whereas the long 19th century starts with 1789 and last 1914. On the other hand everyone in history and social sciences while as the common man 1917 is a year that changed the world forever, separates before and after, creates a new paradigm in history and made a critical turning point in history.

In studies on the collective memory we are dealing and focusing one or the other of these periods in history. And we must accept that there is no continuity in itself. In our research we are dealing with events in a specific period of time while discussing the historical determinants and formative political/ideological approaches gave shape to the social relations including socio-economic developments, and propaganda where the governing elites produced a representation of the new regime. Furthermore the style and the shape they tried to produce for new Turkey.

In our case, early Republican period in Ottoman/Turkish case has a continuity and ruptures, reforms and departure from the old and specificities. There are discussions among historians, social scientists and politicians a a great deal of literature on the issue of continuity or break from the Ottoman State to the Republic of Turkey. Historians and social scientists have various, sometimes diverge views on this. Some of them emphasize on the first and others sympathize with the other point of stand. The ideological/political preferences shape their views on this important issue.

On the world historical context French revolution is a critical turning point for all stand points if we don't accept the continuities in the structural features of the French society in the "Ancien Régime et la Révolution". Still the modern era is accepted to start with the French Revolution and industrial revolutions of the 19th century save that there are various phases and stages within the process. First step is between the Napoleonic wars and revolutions and the failure of the 1848 revolutions in Europe. The period following the 1848 revolutions come to the fore by its characteristics of the counter revolutions and authoritarian governments namely the Bonapartist regime in France and the efforts to reconciliation with the political remnants of the Ancien Régime. But it was at one and the same time when new technologies, growing enterprises and the opening of the Houssmann boulevards in Paris that symbolize the development and the loss of the urban memory once for all [4]. According to Harvey, "But while there were continuities between the revolutions of 1848 and 1871, there was much that separated them. The eighteen years of Empire had bitten as deep into the consciousness of

Parisians as Haussmann's works had cut open and reconstructed the physical fabric of the city" [5, p. 95].

In the memories of Houssmann, he mythicized the transformations in the city as a rupture from the previous period. The problem here is related to the memories of the new classes who gained out of these urban and industrial reforms of the period and who had lost their houses and the positions in the urban context and the uneasiness the epistemological and ontological break between the tradition and modernity. According to Harvey these are all closely related to the unequal development and referred the term creative destruction to explain these changes.

The last stage started with the 1870-71 French-Prussian war and ended with the Paris Commune, is accepted as the critical turning point of the last quarter of the 19th century as it was the starting point of the imperialist policies of the European great powers, increase of the nationalist political atmosphere, formation of the nation states and ended with the Great War and the collapse of the empires. Eric Hobsbawm's work gives an important insight to understand this period.

Hobsbawm and Ranger's stimulating work, "the invention of tradition" dedicated to the Third Republican period in France. According to Hobsbawm the things give impression of having deep roots in the past, the public representations in celebrations and commemorations, the roots of the traditions implying that they are related to the light years away, are in fact have roots in the recent past. These traditions are mostly invented in the last quarter of the 19th century, in modern times; they are mostly deliberative, political, and modern phenomenon. Invented traditions are closely related relatively new events, historical innovation of the nation, related nationalisms, nation-states, national symbols and histories and so on [6, p.1-18]. According to him, in the French 3rd Republic, between 1870 and 1940 the invented traditions kept the Republic alive, sustained and supported its very existence. Here for our limited purpose, for periodization and collective memory, the invention of tradition is a critical matter of question.

Another periodization is related to the development of the world capitalist system, its development and crisis dynamics. Development and crisis periods are effected the social structure and collective memory. Such a periodization gives us clues about the quality and content of the social memory for the winners and losers. In this context social movements are another important factor that effect and shape the collective memory. According to the history of the social struggles theory, different parties of the given society remembers past events differently as they produce different signs, symbols, codes, give importance to different events, gains and losses. To give an example, American New Deal policies or neo-liberal policies

effect different parts, different groups, classes of the society as they give differing meanings, memories, to given experiences.

Individual/state, urban/rural like dichotomies and dynamics also have effects on social memory. Social memory of individuals, families have differences from governmental or official histories. To give example for this loses and gains during wars have different connotations for individuals and families; whereas official state literature produce sometimes totally different narratives. Stories about migration are remembered and told by different agents, individuals, families and by states. For many migrant families tells us stories on leaving their mother land, but for same events official narrative mentions from returning homeland.

Another point here is that individuals have life cycles where each and every event takes another meaning for their various phases of their lives, or family histories are told by a main figure for the family. Researchers of social history are aware of the fact that micro histories of individuals and families somehow relates to the bigger, nationwide or worldwide events. But they give different meanings and remember different points in history. We must consider generations or to say collective life cycle or family histories instead of individuals, where each and every generation is effected deeply from national and international political, cultural and economic conditions. Different generations have different experiences effected by the conditions of the wider world, such as wars, peaces, unemployment, prosperity or poverty. and have actions, practices that effect collective experiences. It is important which significant events match to our life cycles, life experiences. For example the experience of the formation of the republic can coincide the youth or the mature part of our lives; this may affect our experiences and the set of given meaning or symbolism. In the context of the life cycle it is important to differentiate individual and group levels where there is a constant traffic in between. Thus we can depict family in individuals, and analyze individuals in family [7, p. 29-30].

At the turn of the 19th century with the growing industrialization peasant culture is faded creating a mythos of pastoral utopias and becoming a subject for conservative ideologies, created, shaped and constructed as a kind of lieux de mémoire. On the other hand they were also inspired socialist, egalitarian and participative politics and ways of thinking. This is an example of the past created and constructed by the needs, different ways of thinking and ideological positions of today. Where the past is disappearing, the living witnesses, sources of memory are lost, it goes to the reach of collective memory. Ancien Régime after the revolutions, colonial experiences after independence became the subject for the collective memory. What we remember and forget get within sight of the political culture and ideological struggles [8, p. 7].

Another mention from the periods of collective memory was made by Pierre Nora and friends in their great work, Les lieux de mémoire. There is a harsh conflict between the acceleration of history, the true recall that protects the secrets of primitive or ancient societies that have not been interfered with, and the modern society's effort to change and organize the past [9, p. 8]. Thereby new traditions are re-created, non-existent but needed elements and themes are created, commemorations and memory places are built; as a result remembering is erased by history. According to Nora, if we could live with our true memories, we didn't need memory places.

There is a wide literature including criticisms and fill the incompletes of this colossal work of Nora and friends. To give an example conceptualization noeuds de memoire offers a different sets of concepts related to remembering and forgetting of the colonial experiences and memories of the concentration camps. It has a critical woint of view towards Nora's dilemmas such as memory vs. history or community vs. nation, and offers a different research framework [10, p. 3-12].

Early republican period in Turkey

In case of Turkish Republic after 1923 the new cadres had great problems as to get away from the Ottoman past in politics, institutions and culture. As a symbolic act they moved the capital from Istanbul to Ankara and tried to create and construct a new city, a monument for Turkish Republic. They also needed to construct a legacy stemming from national land, namely Anatolia. A new task was defined: A modern city which was to be newly constructed in the middle of Anatolian land and an image of modern Turkish nation with urban and rural, agricultural landscape and modern human portraits. It was during the unsettled years of inter-war period, effected from the 1929 economic crisis that shook up especially the western, capitalist economies.

Ottoman modernization movements in general stood aside the class analysis, however accepted the postulate of an organic society; the society is a homogeneous and harmonious structure without class divisions. Kemalist ideology especially in its fully form in1930s denied the existence of class differences in society, whereas accepted the organic society model and applied these considerations in its populist principles where parts are integrated in the whole structure [11, p. 60]. Trying to build economic structure and foreign relations in turbulent interwar years despite the experiences of the Great War and following War of Independence, Ottoman intellectuals and bureaucratic elites believed in general the necessity of modernization and westernization having the same meaning. Kemalist cadres of the early republican period opted for a pragmatic stance and tried to benefit from the conflicts among Britain and the Soviet Union. In the historical

background of these pragmatic positions, there were political instincts and undercurrents of once to save the Ottoman Empire and then after 1923 maintain the continuity of the Republic.

In our paper we are mentioning from the intentional image making efforts of the Republic in 1930s and 40s, which were period-specific, searches to settle her political, economic and cultural existence in a changing political and economic environment. The context was set first by Mustafa Kemal, in his six day speech, called Nutuk in the 2nd National Congress in October 15-20, 1927. It is a "comprehensive account of one of the most remarkable events in the many centuries of Turkish history" [12], a personal account and a special reading of recent history by the leader himself. It was an official narrative of the fall of the Ottoman State, the Great War, War of Independence and formative years of Turkish Republic.

These efforts were elaborated during the celebrations of the 10th anniversary, in the speech of Mustafa Kemal Atatürk in Ankara. It is discussed that Ankara and modern Turkey took back the lost Anatolian hard soil inch by inch and the ideological setting claim that "this is our new life". The Republic claimed to lean on the western world and presented its ultimate aim to be a part of it as to reach to the level of contemporary civilization [13] meaning the western capitalist world, moreover to catch and overtake. Their effort was to make a comparison not with the past ages but the pace of the new age. It was the time of the empowerment, gaining depth and being settlement of Kemalist ideology attained in 1930's.

Kemalist regime although radical left was reduced to silence in 1920s benefited from the leftist intellectuals who belonged to leftist organizations of the time, who published a magazine called Kadro in the beginnings of 1930s [14]. To this aim the government tried hard to build a set of initiatives to strengthen the information and propaganda activities promoting the Kemalist new regime. Vedat Nedim Tör was assigned as the chief editor of la Turquie Kemaliste and government authorities used all kinds of intellectual sources, prominent Turkish writers and intellectuals, German professors, diplomats, artists, and professionals.

In this paper I like to discuss the content of a special superb publication during early Republican period published by the Ministry of Interior, Directorate General of Press (Matbuat Umum Müdürlüğü), La Turquie Kemaliste. The aim of this journal is to propagate the achievements of the Turkish Republic mainly to the western audience. They tried to construct the image and the memory of the Republic with respect to the old, the Ottoman Empire. The first 20 issues named as La Turquie Kamaliste, whereas after this, in a special issue No: 21-22, December 1937 the name changed as La Turquie Kemaliste, the special edition devoted to II Turkish History Congress organized by Turkish Historical Society.

The project

The political propaganda activities during the Single Party Regime of the Turkish Republic divided into two periods: The Revolution and the War Era Propaganda. While "Revolution Propaganda" was mainly based on Six Arrows [15], "War Era Propaganda" exploited features of patriotism and nationalism. In both periods, Directorate General of Press, one of the first institutions of the history of Republic was the official state institution was responsible from the works of propaganda [16].

Image building is not a newly created area in 1930s, since 19th century empires tried to remake and create popular images and invent traditions to restore and improve their legitimacy in the last part of the century as a response for their imperial power fell into danger. Nonetheless image building efforts of nation states as intertwined with the nationalist projects are differed from imperial situation in many ways. Ottoman-Turkish case had individual and distinctive characteristics. The collapse of the Ottoman Empire and the new construction had historical and political specific conditions. The crisis situation took relatively long time and the disengagement from the past created certain problems in various spheres such as religious issues, the separation between state and religion, the closure of dervish lodges, abolition of the caliphate whereas traumatic experiences such as 1915 deportation and population exchange especially in 1923, before and after, religious and ethnic uprisings and Thrace events of 1934. As a matter of fact radicalism of the revolutions and construction of the new faltered in the end of 1930s. Disengagement from the past, reforms and actual political disputes created certain problems in Turkish case in both material and ideological/political areas. What is interesting is that in the pages of La Turquie Kemaliste there are no traces of those disputed issues [17, p. 135]. In the meantime the new regime reconciled with the old and the new interest groups. In 1930s and 40s the past, the present and the future view of the society were exemplified and shown in the images and texts in La Turquie Kemaliste.

The project is well studied and actualized by a group of intellectuals affected from the leftist ideals of the period having in mind the model of socialist construction and central planning efforts well-tried in Soviet Russia in 1930s. Turkish governments in Ankara started planning in 1932 with the help of a group of Soviet experts, and then they prepared five year industrial plans that successfully applied until 1939 [18, p. 111]. This magazine shows that the lives of ordinary people, peasants and urban middle classes, men and women changed a lot with the help of Republican reforms and statist policies of the Kemalist regime.

La Turquie Kemaliste was a search for an international legitimacy for the new regime. As a matter of fact Turkish intellectuals of the time identified with the powerful western powers instead of socialist or quiet and suffering third world. So they accepted and supported the westernization efforts of the existing government and Turkish nationalism. As a result Kemalist cadres moved from Soviet friendship and support to cold war policies, as an early example of cold war position. After the Soviet friendship atmosphere in 1933, anti sovietism, even Nazi sympathy became a prominent political preference among official and civil circles especially in the beginning of 1940s [19, p. 30]. Anti-Sovietism realized in the second part of 1930s as a result of preferences of an emerging business circles and interest groups who developed close relations with official ranks. Nazi advocacy and hostility towards Soviet Russia come to a climax in between 1941-43 while German army gained ground in Soviet land.

In this backdrop Turkish elites felt the need to address the western audience. Editorial board of La Turquie Kemaliste was consisted of intellectuals such as Vedat Nedim Tör and Şevket Süreyya Aydemir who were the main figures of Kadro movement and publication that tried to systematize the principles of the Turkish Revolution. The need for such an initiative first mentioned by Şevket Süreyya in 1931 and elaborated in Revolution and Cadre (İnkılap ve Kadro) and in the issues of the monthly Kadro journal. There were others who contributed in La Turquie Kemalist issues who were the modern examples coming from the old system but well and western educated and engaged to the formation of the Republic, Kemalist reforms in Ankara. The editorial staff of the journal was consist of foreign and Turkish writers: Falih Rıfkı Atay, Burhan Asaf Belge, Yakup Kadri Karaosmanoğlu and Vedat Nedim Tör like permanent writers, and prominent Turkish or foreign figures like Sadri Ertem, R. O. Arık, Ercüment Ekrem Talu, H. E. Eldem, S. Batı, İ. H. Oygar, İ. H. Baltacıoğlu, Arif Dino, H. Z. Koşay or Friedrich Falke (the founding rector of Ankara higher institute for agriculture), Paolo Vietti-Violi (architect of İnönü Stadium at Dolmabahçe), agriculturalist Nihat İyiboz, Austrian diplomat Norbert-Von-Bischoff [20], market economy specialist Charles Gruére, Pierre Devambez or Ernst Egli, Albert Gabriel or Helmut Theodore Bossert like famous architects and archeologists, Thomas Wittemore like the founder of American Byzantium Institute or Othmar Pferschy, the famous photographer himself (Ein Marchenland-Cappadocia).

It was a bimonthly prestige journal published by Directorate General of Press that acted as an important material for the propaganda department of the Ministry of Interior [21]. La Turquie Kemaliste published 49 issues between June 1934 and 1948 following the period until June 1939 and then because of the deteriorating conditions of Second World War published once

a year; twice in 1941, was not published in 1942 and only once in 1943, 1947 and the last issue published in March 1948 under totally different intellectual climax.

It was mainly in French language especially in the first five years whereas including German and English articles published mainly during the Second World War years. French language was chosen as the diplomatic language in the Mediterranean basin and in Europe, in the Balkans was in French at that time [22]. All articles were written by prominent intellectuals of the age. The aim was defined as to introduce the Kemalist revolutions in Turkish Republic to the world public opinion. The publication was made by the state printing office with the best quality of equipment and technology of the time with the help of the well-trained staff in the direction of Vedat Nedim Tör as general editor. In 1938 in the book published by the state authorities dedicated to the 15th anniversary of Turkish Republic, it is written that in five years Directorate General of Press distributed 119.690 issues of La Turquie Kemaliste which is a great number for those years [23].

This publication lost its importance with the changing conditions in Turkish and world politics; when Vedat Nedim Tör asked to resign and left the job in 1937, because of a discussion on the process of publication of special issue related to the 2nd congress and exposition of Turkish history [24]. With the death of Mustafa Kemal and the effect of worsening conditions due to a coming war; during the Second World War years, gradually lost its importance but continued in an irregular mode until 1949.

Within this important period for the newly found Turkish Republic, authorities tried other means of information and propaganda to promote and illustrate, to harden the public recognition and gain acceptance especially in the Western audience. In this respect they published books, joined exhibitions in western countries along with this long lasting publication. Reflecting the political and cultural atmosphere of those years there is a propaganda film produced by Soviet cinematographers in the 10th anniversary of Turkish Republic in 1933. Film starts with the speech made by İsmet İnönü, Prime Minister where he talks about the achievements of the Republic in ten years, he also mentions from foreign relations, claiming that Turkish Republic is more powerful than ten years ago, her relations with neighbors are peaceful, the bases of foreign policy is friendship with Soviet Union [25, 26].

Another example for this we can glance at a book namely La Turquie Contemporaine, also published by the Directorate General of Press in 1935. In this specific book published in French language there is a wider description of the country, starting with its geographical conditions, situation and geological structure and land [27]. Bearing in mind the index of this book we can find a brief catalogue of the content of La Turquie Kemaliste issues

such as historical conditions and transformations took place in the turn of the century, from Ottoman Empire to Turkish Republic, birth of new Turkey, economic conditions, resources and economic activities, agriculture and emerging industries, sources of energy, mining, communication, roads and developments in traffic, motorways, domestic and foreign financial activities, credits and commerce, social and cultural transformations, changes in the moral principles of the society, developments in public health and social security system, and in the end, creation and construction of new Ankara as a capital city. As an appendix they give a comparison between 1927 and 1935 population censuses, claiming that the population in new Turkey reached 16.188.767 after a long period of wars [28, p. 303-304].

Pattern of the issues

"Images and photographs of La Turquie Kemaliste in the 1930s, the propaganda films of the 1950s, and countless other representations of the official history of modernization still offer the most powerful visual tropes of this ethos of the making of a thoroughly modern nation out of the ruins of an old empire. Unveiled women working next to clean-shaven men in educational and professional settings, healthy children and young people in school uniforms, the modern architecture of public buildings in republican Ankara and other major cities, the spectacular performances of the national theater, symphony orchestra, opera, and ballet, and proud scenes of agriculture, railroads, factories, and dams are among the most familiar images" [29, p. 8].

The publication of La Turquie Kemalist bared certain characteristics such as the form and the content, continued for more than ten years. The whole series until the last couple of issues of La Turquie Kemaliste followed more or the less the same pattern: In the first page which was not numbered there is a quality photograph of a miniature or objects mainly from the Ottoman art, claiming to be Turkish taken from the Topkapı Palace archive. Then there is an editorial article, mostly written by a prominent politician or a literary figure such as Burhan Asaf Belge, Ahmet Haşim and many others accorded with the timely subjects, political or literal.

La Turquie: Pays de soleil, de beaute et d'Histoire, mainly presenting images from the old city Istanbul and many other parts of Turkey. These are mostly historical and touristic snapshots having a special style which set the trend in this field for the following years. There are articles discussing on the publications of the foreign press mentioning and reviewing on Turkey without knowing and visiting, seeing the realities with their own eyes [30]. There are also dossiers on various issues related to the achievements of the Turkish Republic in industry, in education, in archeology etc. Such as İsmet İnönü School for young girls or horse husbandry in Karacabey, art and

growing industrial efforts and buildings in every part of the country [31]. There are articles and photographs reflecting the increasing and modernizing production in agriculture, in the countryside and developments in urban areas.

Photographs, visual material

In the illustrated pages of La Turquie Kemaliste the objective was the self-representation of new Turkey and visual and textual representation of the achievements of the Republic. Photographs were very important and play a significant role in these volumes when the Republic involved in a total social, economic and political transformation. All the visual material produced by an Austrian photographer Othmar Pferschy (1898-1984); in years 1935 to 1940 he was employed by the General Press Administration, by Vedat Nedim Tör. He worked as a professional photographer of Kemalist Turkey. He later wrote on this extraordinary experience saying that "This duty was an honor for me. You cannot know Turkey of those times. There was another atmosphere, embracing all of us, surrounding and prompting to forward… those were the golden years" [32, p.223-224]. With his technique and special talent he photographed mainly Ankara, Istanbul and many other Anatolian cities as well as rural landscapes and portraits [33]. As Vedat Nedim Tör narrates in his memories, he decides to publish a testing issue to prove the importance and possibility of such a publication for the Prime Minister and other prominent statesman. They asked to gather photographs from all over Turkey using official network. But as a result many worthless and amateur photographs were sent. But there was a series of photographs, artistic and beautiful, send from Istanbul by Othmar Pferschy. Then he calls the Governor of Istanbul, Muhittin Üstündağ to buy a first class train ticket and send Pferschy to Ankara [34]. They organized him to stay in Ankara and work as professional photographer for the General Press Administration.

In the visual art of Pferschy who photographed Turkey from 1930s to 1960s there is a kind of specific "modern orientalism". Pfercshy's art is a continuation of the orientalist artists, reflecting the far and mystified but he also reflected the modern view of the city and the country of the republican time. He was affected from modernist traditions of the western art. In his photographs he doesn't have a realistic point of view, on the contrary he created the image of the country, the new government wanted to show to the western audience. Most of his photographs published in La Turquie Kemaliste in 1930s and 1940s. In this journal, which is a Doomsday Book of Turkey they wanted to show the new, modern image of Turkey, of urban and rural parts, to the western elites and foreign eyes. In one of the selected photographs of Pfercshy published in La Turquie Kemaliste were the chimneys of Paşabahçe Glass Factory reaching up to sky representing the

development, productivity, industry, modernity and the riches of the new regime in 1930s [35, p. 30-34]. In the caption there are yearly production statistics and information about production.

Ankara construit: Ankara as the monument to Mustafa Kemal (Le Corbusier, 1925)

Ankara is the political space in the formation and construction of Turkish national identity. Ankara is constructed and framed by the powerful rivalry of Istanbul. At one point in the early Republican period, after 1927 Istanbul became of interest and focal point inevitably but under different historical and political conditions.

Ankara declared to be the capital city 16 days before the declaration of Turkish Republic in 29 October 1923. In the end of 1920s Ankara was getting enlarged with new construction facilities and growing population. Government decided to build old Ankara with a city plan and opened a contest, German city planner Prof.Dr. Hermann Jansen's project was selected [36, p.62-63]. The construction began in 1932 giving priority to building facilities for the workers and middle class families and followed modern urban planning principles with wide roads and boulevards for motored vehicles as well as city walkers and also created green areas with housing areas with gardens following the garden city model in new Ankara. It was built as a new capital out of nothing or a small Anatolian town with 25 thousand inhabitants in contrast to Istanbul for many aspects, the old capital of the Ottoman Empire. Constructing in almost empty space, from scratch created a free space for planners and made planning easier [37]. There is a dualism in the representations of Ankara and Istanbul, between the old and the new, the old capital and the new, the old images of the empire and the new; with the old, dusty towns of Anatolia and newly constructed Ankara, its buildings and its symbolism as a city. This represented and underlined the emergence of a new, modern life with a new way of living, with the roads, wide boulevards; modern buildings, squares with statues, avenues with a capacity to parade… In the pages of La Turquie Kemaliste Ankara was shown with schools, university buildings, research laboratories where women as well as men working, joining the production efforts to catch up with the modern western developed countries.

In related literature it is discussed that the reflections of Turkey and Ankara were the main line of Kemalist utopia. On the other hand when we follow the decisions, efforts and even the issues of La Turquie Kemaliste we can conclude that the concrete needs, realities, struggles and limitations shaped the form and presentation of this "utopia". This set of visual and textual representations used as a tool for propaganda and consolidation of

power of Kemalist leadership of the Republican Turkey, a justification of changing system and search for legitimacy for the new regime [38, p. 3].

In the first issue of La Turquie Kemaliste Falih Rıfkı wrote the editorial article: "You have to come to Ankara" which is a political invitation. He claims that despite the cultural richness and background, the heritage in Istanbul people should come to Ankara as it represents the future and the rebirth of a nation. He says that Ankara is an attractive touristic destination [39, p.10-15]. 1934 was too early to claim this but still the idea is consistent with the general purpose of this publication.

The newly constructed capital city Ankara was thought and designed to be a modern capital, a utopian place, as a "no place" and a "good place" in the middle of the Anatolian landscape. Ankara was a modest town when the founders of Turkish Republic came and decided to form the new political and administrative center. They constituted the first assembly in 1920 and declared Republic in 1923. Ankara thought to be an empty space constructed from the waste by the newcomers. In this example, it was constructed as a showcase of modernism, representing the philosophy of the Republic, planned by modern Turkish and European architects, scaled relatively to the greatness of the revolutions, so constructed with a kind of "grandiose". It was in the center of Anatolia, a safe haven for the birth of the Turkish nation, and nationalism in 1930s. As Istanbul thought to be the center of fallen and surrendered Ottoman Empire; which is a harbor city of the empire including many "foreign" inhabitants who are not seen as trustworthy; moreover seen as causes of the decline and traitors and collaborator of the occupying powers during the armistice years and war of independence.

We can see such examples of relocating capital cities in the process of fundamental changes form empires to nation states, into the inner parts of the country, to the center, to the heath of the nation where they define the nation, and start the foundation and progress, as a part of a new beginning, an effort of inventing new traditions. Moving from Istanbul to Ankara is such an example. While Istanbul defined as dirty, cosmopolitan, messy and confused port city; defeated and surrendered old capital of the Ottoman Empire, Ankara represent the new and clean start up of the Turkish nation. In pages of La Turquie Kemaliste we are not forgetting Istanbul as it is great and beautiful enough to remind itself. On the other hand we do this by another strategy, as to remember it with its historical and touristic beauties, with an oriental visor of Othmar Pferschy.

During the first years of the Republican period, the old architectural forms, called national architectural style were maintained. In 1920s national style adopted stemmed from the late Ottoman period, neo-Ottoman style and first national architectural movement started at 1908 with the second constitutional period and continued during the war. This style lost its weight

since 1927, with the opening towards western culture and politics and continued since the beginning of 1930s. This style was considered as a copy of Muslim religious architecture which belongs to the past. Writers such as Yakup Kadri and Ahmet Haşim wrote on this issue claiming that these are the continuation of the old Ottoman style [40].

As Bozdoğan discussed, in 1930s architectural preferences go parallel with the efforts of constructing the nation. It was consented with the modernism and the official ideology of the state that shaped the foundations and representations of Ankara [41]. Ankara was important as a capital city where huge construction projects started in public and private domains such as ministries, parliamentary building, Ankara Stadium and Hippodrome in 1934-36. In the end of 1930s Ankara was presented as a heaven in summer; it is claimed that most beautiful and modern spots of Istanbul exist in Ankara [42]. In the same issue there is a dossier concerning the construction of Atatürk Forest Farm in Ankara. Mustafa Kemal initiated a forest farm in Ankara with a group of agriculturalists in spring 1925, founded a suitable place in a wetland area. Over the years they created a modern agricultural and industrial institution which spanned 102.000 hectares. Ernst Reuter, one of the prominent German specialist on urban planning who worked as an alderman and mayor in cities in Berlin and Magdeburg, a social democrat member of parliament in Reichtag stayed in Turkey in 1939-1945 while running away from Nazis gave lectures on urban planning and municipal/local government at Ankara University. He wrote an article on garden city experience of Ankara [43].

There is a discussion in academic writing on the construction and presentation of Ankara: Ankara symbolically taken as an empty space, a tabula rasa [44, p.68]; and used as a means to get rid of the burden of the old, the cultural and political heritage of Ottoman Empire: the means of forgetting are clearing out and ‘otherising’ used as an image of an empty capital. Istanbul is the “other” of Ankara in this sense [45, p.10-18]. But still the place of Ankara in this whole collection was seen as a sacred place in the Turkish nation’s history by all means [46].

Ankara became a prominent figure presented to foreign audience as a utopia, architecture and urbanism as well as the powerful construction of the capital city of the Republic and a symbol of Kemalism as a formative nationalist ideology in 1930s. On the other hand the construction of public places spread all over Turkey: planning efforts, schools and public buildings in various cities, public parks in Ankara, İzmir, Antalya, Adana and Gaziantep to provide healthy living for the citizens of the Turkish Republic [47]. Those development plans and projects were also mentioned in various articles in La Turquie Kemaliste issues. But there is only a small note and one photograph on the Prost plan applied in Istanbul.

Issues and themes: constructing a memory for foreign audience

Progress.

Şevket Süreyya wrote the introductory article, he was the director of the business and commerce high school, Ankara. The subject of this article is the development of state public education which should be secular, obligatory and free of charge. The second article of the first issue is about Ankara, written by French Secretary of Interior, recommending coming and visiting, seeing Ankara. And there are lots of photographs showing the construction of new Ankara.

Then we have another article written by Édouard Herriot "From the old to the new Turkey" (De la Vieille a la Nouvelle Turque). He was a radical French politician who came to visit Turkey, first İzmir, İstanbul and Ankara, then and met Mustafa Kemal in Istanbul, Dolmabahçe Palace. He also visited Bergama and Troy ruins and he mentions his visits 25 years before and he makes a comparison between the old and new Turkey. He mentions modernization efforts of new Turkey while it is holding Asia [48].

In an article written by Vedat Nedim Tör himself on intellectuals in the Orient (Qu-attendons nous de l'intellectual Oriental?) where he summarizes the purpose of this publication presents the purpose of the publication. He addresses the western intellectuals and audience in general. He claims that he makes modest suggestions and asks them to consider Turkey as equally independent. He asks them to come to visit Turkey and see what is going on by their own eyes, to keep the ideas of foreign investors and Levantines ideas in mind, liberate their minds from the prejudgments and damaging and unhealthy microbes of romantic ideas and avoid having scenic and sensational ideas about what we are doing in Turkey. And Tör adds as a last point advising not to compare Turkish Republic with the ruins of the old Ottoman Empire but value the manifested efforts of development since 1923 [49].

This is a question of positioning yourself where a newly build Republic and as a nation in the turbulent years after the world economic crisis of 1929 and of 1930s while the world was going to a new war. There are other articles especially in the formative years of Kemalist ideology and the impending disaster of war, such as an article written by Falih Rıfkı in Fabruary 1936, "Who wants to understand" (Ceux qui veulent savoir) claiming that we have made a revolution with the Turkish people and we are trying to rebuild the country which have a strategic depth in Anatolia. He says that we have the power to react any kind of movement against our unity and progress; Anatolia as a block has the power to react any kind of aggression came from where and whom [50]. He also wrote an article "The basis of the reform" (la base de la reforme) discussing the principles of Turkish revolution and reforms following in education, laws and principle of laicism [51].

Orient-Occident

Peyami Sefa, a famous Turkish writer wrote an article on orientalism and Othmer Pferschy's photographs when he published an album called Turkey in Photographs. Sefa claimed that Pferschy has another point of view different than orientalist lenses. While they were reflecting the old, broken-down wooden houses of the old neighborhoods, Pferschy showing the new cement and steel Turkey. He claimed that those two worlds were different and it was time to reflect the new picture of Turkey: shaken, developed, fresh and living spring all over the country.. The beautiful country Turkey [52, p. 228]. Seyit Ali Ak claimed that Pferschy's photographs are the powerful examples of his belief to the Republic with a power of the youth, friendship and Atatürk's principles and revolutions; not the official visual history of modernization [53, p. 229].

There are differences in reflecting Ankara and Istanbul in the pages of La Turquie Kemalist, while Ankara, the new capital was shown as the newborn and modern, Istanbul was shown as the old, romantic and orientalist.. Othmar Pfercshy grasped one of the well known images of Istanbul, a classical view of the Sarayburnu and Maiden Tower. Under which there is a note by a famous orientalist Lamartine: "When I saw Istanbul, I cried involuntarily and cleared the magic of Napoli bay forever in my mind. It would be insulting to compare anything with this delicate and spectacular whole. If it was possible to watch the earth only once, it was to come and see right from this point of view" (Istanbul, 1950). As other orientalists Lamartine also divides the world into two, east and west and mystifies life, people and the geography of the city as other orientalists do.

There are many discussions related to orientalism in this publication. To give an example, we can mention an article written byVedat Nedim Tör. He proposes foreign visitors to photograph our camions instead of our donkeys. They are valuable for peasant life or used in the war of independence, but as we are a modern nation, we like to be seen by realist lenses, he says [54]. In another article by Ercümend Ekrem Talu, "Oculos Habent, Sed." (They have eyes, but cannot see) he discusses some foreign journalist came to Turkey but only stay in İstanbul and can't be able to grasp the realities in new Turkey [55]. In fact this is also a discussion on orientalism. Turkish government and writers of La Turquie Kemaliste wanted others to see the achievements of the Republic, avoiding the oriental view of the western journalists and visitors of the time.

On this same subject we can present the comments of M.Şürkü Hanioğlu, a prominent Turkish historian mentions from Kemalist Orientalism with regard to La Turquie Kemaliste collection [56]. He mentions from the work of Emmanuel Szurek who discusses the efforts to construct a conception of the East by the local elites in Japan, China, Egypt

and Turkey [57]. He talks about Falih Rıfkı and other writers and intellectuals of the publication who moved from leftist ideals to Kemalism and created an image of the "East". He claims that this image is the foundation of the Kemalist modernization project where westernization and orientalism mingled together. In this paper he discusses the Kemalist nationalism while refusing the East image of orientalism as idle, lazy, primitive and illiterate; whereas constructing another image of the modern "East", society and nation as a part of Western civilization with its institutions, education and production, women visible in the public space. And he calls this as Kemalist orientalism. This aim is well illustrated by one of the articles written by Falih Rıfkı Atay, on linguistic reform where the aim of language reform is summarized as to free Turkish culture and mentality from the obstacles that link it to Oriental and Islamic civilization, so that new Turkey can as rapidly as possible catch up with western culture to which they decidedly belong [58, p. 5].

Political issues

In the whole collection of La Turquie Kemaliste there are no traces of military power of the Turkish state. This absence can be interpreted as to stay in the civil side of the events or the unprepared conditions while a new war was approaching and also the motto "peace on earth" was emphasized in various political statements, a determination to stay outside of political and military conflicts reflected in editorial articles We can give an example from Burhan Belge's article on world peace, written in August 1936, which is a very important year when the traces of the Second World War were felt [59]. In some other issues there are subjects related to foreign policy, for example by the reason of the official visit of Romanian foreign minister, Mustafa Kemal made a long speech. The journal published the full text of this speech, three pages long, with pictures [60].

In December 1938 issue Mustafa Kemal was dead and Burhan Belge wrote an article namely "d'Atatürk a İnönü" (From Atatürk to İnönü) [61]. In 1939 Falih Rıfkı wrote an editorial article on the foundations of unity of Turkey [62]. It was the year when the Second World War started, so in the next issue İsmet İnönü's speech was published as editorial article [63].

Between April and August 1939 (No: 32-40) the publication gave a long break. In 1941 Selim Sarper an important figure in the Ministry of Foreign Affairs wrote an article "Cancan" (whisper) as an editorial in the middle of the turbulent years of war in which he warns the journalists and public listening and reading the world news in their radios and newspapers, not to believe everything they hear [64]. In 1942 Selim Sarper, wrote another article on foreign journalists in Turkey [65].

We should mention from one other editorial article which is important, written by Vedat Nedim Tör. In that article he argues that foreigners do not understand that since Lausanne Agreement they are founding new and powerful basis for a new order. In their critical geopolitics they are living in the crossroads of the three orders: Order of communist, proletarian represented by Soviet Russia; racist, totalitarian order of the Axis states and capitalist and democratic other states. Turkey does not accept either of them, accepting the motto of peace at home, peace in the world. Turkey does not accept or perform any kind of aggression he wrote while underlining the neutral position of the country during the hard days of the war [66].

Constructing the new industries all over Turkey

1930s and 40s are critical years when we think about development of Turkish economy as the crisis in 1929 effected especially the western capitalist economies. Crisis caused certain problems on developing economies and Turkey in the formative years. Boratav divides Turkish history into three sub categories with respect to economic policies. In his categorization 1923-39 considered as reconstruction under open economic conditions under which 1930-39 as protected-statist industrialization and the war years 1940-45 as a breaking years or Second World War [67]. Between 1929 and 1931 they took the first steps to the protective-interventionist policies and then between 1933 and 1939 they narrowed the foreign trade deficit. As a result they could manage a meaningful first capital accumulation, industrialization and development and gained speed in growth of economy. They decided statist policies during the nationwide tour of Mustafa Kemal that took three months in Anatolia [68, p. 100-101]. In this tour they noticed the internal tensions in the country, a great despair, and poverty of peasantry, working classes largely inherited from the years of war and being ignored afterwards, and complaint from the self interested and beneficiary upper middle classes in Anatolia.

With the effects of world economic crisis started in 1929, Republican People's Party (CHF) took new precautions, accepted six foundational principles in 1931 namely republicanism, nationalism, statism, populism, laicism, and reformism. Planned economy, industrialization, foundation of financial and public economic enterprises and urban planning was critical issues taken into consideration in 1930s to ensure self sufficiency in turbulent years. While doing that they wrote articles on making economy (waste not!) and the formations of new economic and financial institutions such as İş Bankası (Isbank) founded in 1924 for facilitating financial activities and solve state's economic problems, helping the formation of a national economy and banking system, backing up the newly founding industries after the First Economic Congress in Izmir [69].

In 1932 with the adopting various resolutions statism in economy started. In all 1930s state was the main investor and undertook the main productive function in non-agricultural industries. In 1934 first five year plan in industry was put into practice which included not all economic life but mainly textile, metallurgy, ceramics, cellulose and chemistry. State initiated and financed the 20 main factories in those sectors. As a result Turkey realized the first real accumulation in industry in between 1930-39 [70, p. 70].

Turkey get over the great economic crisis that hit the western world in 1929 with the help of closed economy; in this first period, the yearly growth rate of the economy was 10.3 percent which is an impressive amount for the whole history of Turkish Republic and especially for contemporary economies. Just before the Second World War, with 1938 fixed prices, the share of industry in national income increased from 11 percent to 18 percent from 1929 to 1939. This year the flour, sugar and weaving needs began to meet with largely domestic production; with the help of established first modern factories in the fields of iron and steel, paper and chemical industry, and realized big leaps in the construction material and cement production. Between 1930-39 yearly growth rate of economy was 5.8 percent that is also a great success as compared to world economy and other capitalist economies in crisis situation. Agriculture followed industries from behind with 5.1 percent [71, p. 70-72]. These protective and statist industrialization policies were interrupted necessarily with the great effect of the Second World War.

In most issues of La Turquie Kemaliste there are articles and dossiers related to new industries constructed all over Turkey. For example roads, health, textile, tobacco, glass industries in Beykoz, Nazilli, Kayseri (textiles), Bursa, and Gemlik [72]. In 1937 there is an article on the ten years of sugar industry in Turkey. There are articles concerning metallurgy in Karabük, mining industries, glass industry in Paşabahçe, Beykoz, paper industry in İzmit, Seka. In 1938 Izmir International fair took place in La Turquie Kemaliste.

Education and education of girls

Education, opening of new schools in different levels, especially education of girls and public education are popular issues in La Turquie Kemaliste. For example there are articles on the physical education of girls [73] or dramatic and lyric arts school, written by Prof.Carl Ebert, who is one of the founders of State Conservatory in Ankara. There are articles on the childhood in Turkey, for example written by famous German medical professor Albert Eckstein in 1937. There are dossiers on various schools and topics and content on developments in education [74].

In 1930s education and well being of villages became important issues. In the presentation of Museum of Painting and Sculpture we can see lots of representations of village life, still lives chosen from village context and peasantry [75]. In 1938 the cultural orientation is changing from modernism to Turkish cultural foundations: Ceilings of Turkish houses in Ankara, Turkish fountains and religious water fountains, or Bursa Gardens, mosques and museums took place in pages. They show typical Turkish houses from Anatolia, Kula, Safranbolu or Birgi. In 1941 issue the village in the revolutionary Turkey described as a rich and prosperous place to live with high level of production and a place to live happily [76].

Turkish literature and famous writers

In almost all issues of La Turquie Kemaliste there is a section of literature where a short story or a summary took place. For example we can read an extract of Yakup Kadri's Sodome and Gomorra translated to French language, Leila, Fille de Gomorra in the first issue [77]. Or there are articles on the new novels of the famous Turkish writers: Sadri Ertem's short stories, Falih Rıfkı's new novel Tuna Kıyıları (Les Bords de la Tamise) [78, p.6-8]. There is a Sabahattin Ali story in French: Le Camion in February 1937 issue. Ruşen Eşref Ünaydın and Sait Faik (Men who forgets the city, le baluchon, the samovar), Necip Fazıl Kısakürek (Les Hallucinations d'un Nuit de Solitude), extracts from Ahmet Haşim (Quelques essais d'Ahmed Haşim), and some other famous writers of the time.

Le visage Turque..

In most of the issues there are pages called "Le visage Turque" (Turkish faces) that reflect portraits of ordinary people especially young women and girls. In 1938 issue those pages reflected men and women [79]. Turkish faces include faces of children, young girls, village dwellers, and the new Turkish people. The characteristic of those photographs is that there is always a smiling, hopeful, cheerful faces weather they live in the city or in the countryside and they are looking at the future with hope. In some issues under this title there are photographs of women working in various workshops and factories, such as modern sciences, laboratories, agriculture, education etc. The concept is the same with the propaganda film of Yutkevich made for the 10th anniversary of the foundation of the Turkish Republic: happy faces of Turkish people weather young or old, living in the city or in the countryside looking for the future with great hope. These are the happy faces of the Turkish people without class, ethnic or religious differences having equal opportunities as in the liberal ideal; they are the citizens of Turkish Republic accepted equals with equal rights as in the famous motto of Turkish nationalism: "Happy is who says I'm a Turk" (Ne mutlu Türküm diyene).

In many reasons Turkish authorities tried to define and redefine the Turkishness of Turkish Republic. They tried to get away from the Ottoman past while Muslim Arab world while defining Turkish people for the context of Turkish nationalism. We can see traces of these efforts in pages of La Turquie Kemaliste. One important example is an article published in 1943. This political position emphasized once again in "Ankara-Istanbul" article where the writer claims that the average visitor who came to Turkey and went to Istanbul would rush from Aya Sophia to the walls and quickly round the old Hippodrome, when he goes back he would talk about the Sultans and the old Ottoman stories; he would probably eaten Russian food and heard news about the government from a Greek porter and his guide would be an Armenian courier. He would concentrate to the relics of the past now intentionally forgotten by the average Turk who looked ahead to better days [80].

Towards the end.. Sensations of the roots

In various issues of La Turquie Kemaliste collection there are subjects derived from old Ankara and other parts of Anatolia. For example articles on old Ankara houses, ceilings, Tarsus, Urfa, Mersin, Bolu, Hatay (Defne), Ağrıdağı like places [81]. In 1938 for the first time we see boy scouts, while the treads of war was perceived, we can see traces of a kind of 'tour de force'. Or we have small articles and photographs on Karagoz or sports in Anatolia such as hunting, shooting, horse breeding and skiing; or Kozak highlands.

In the final issue of the journal published in March 1948 we can see that the page layout and font type has changed drastically. Hasan Refik Ertuğ wrote an article "Turkey: The Citadel of Civilizations and Freedom East of Mediterranean" claiming that Turkey has always supported the democratic front during the war. He mentions from the communist thread towards Turkey, Asiatic, African and even American peoples; and Eastern Mediterranean countries and claiming that Turkey was and will be a part of the Western civilization, supporting allies of the democratic World [82]. The article represents Turkey's orientation towards the western world and the United States in the beginnings of the Cold War politics.

As a final assessment, this publication aimed at representing the foundation and progress of Turkish Republic in turbulent years of 1930s and 40s, presenting Anatolia as a tabula rasa on which they can build a nation, a modern life and culture with all facilities of production and industrialization, education, health and culture. It also aims at including all cultural heritages starting from ancient civilizations, Hitites, Troyans to Byzantium then to Ottoman period and a modern resurrection of the Turkish Republic. It acts as a Domesday Book of the new regime to show the modern face of new Turkey to western audience [83]. While doing this they presented the modernization,

construction, industrialization efforts in cities and in the countryside, in education, health, and science. In this collection we find modern, happy and healthy faces of men and women and happy robust children, happy mothers in cities and in small villages all over Turkey. We see arts, crafts, historical richness of Anatolia, natural beauties and resources. In all over Turkey we are happily ever living in a country without having any problems or contradictions of class, ethnic origin or religion in east and the west.

These are obviously not the representative images of the daily life in Turkey but they were chosen as selected symbols and images for western contemporaries [84, p. 10]. As it is claimed in Kemalist ideology, "we are without classes and privileges coherent body".

References

1. Ricoeur P. Memory, History, Forgetting. University of Chicago Press. 2009. p. 624.

2. Le Goff J. History and Memory / Trans. By S. Rendall and E. Claman. Columbia University Press. 1992. p. 288.

3. Periodization attempts to identify historical people continued in the 19th century: the Napoleon period, the Victorian era.

4. See, Harvey D. Paris,Capital of Modernity. Routledge. 2003. p. 384.

5. Harvey. ibid. p. 95.

6. Hobsbawm E. Introduction: Inventing Tradition // The Invention of Tradition / ed. E. Hobsbawm and T. Ranger. Cambridge University Press. 2014. p. 1-18.

7. Hareven T.K. Family History at the Crossroads // Journal of Family History, No. 12 (1-3), p.29-30, also see. Tilly C. Family History, Social History, and Social Change // Journal of Family History, No.12 (1-3). 1987. p.328-329.

8. Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Memoire // Representations, Vol.26. Spring 1989. p. 7.

9. Nora, ibid. p. 8.

10.Rothberg M. Introduction: Between Memory and Memory: From Lieux de mémoire to Noeuds de mémoire // Yale French Studies. 2010. No. 118/119, Noeuds de mémoire: Multidirectional Memory in Postwar French and Francophone Culture. p. 3-12.

11.Örnek C. Türkiye'nin Soğuk Savaş Düşünce Hayatı: Antikomünizm ve Amerikan Etkisi. İstanbul: Can Yayınları. 2015. 400 p. 60.

12.Nutuk, one of the most popular texts in Turkish history was first published in 1927 in Arabic alphabet and appeared in Latin alphabet in 1934. Ataöv T. The Principles of Kemalism // The Turkish Yearbook of International Relations, Vol. 20. 1981. URL:

http://dergiler.ankara.edu.tr/dergiler/44/1567/17013.pdf (accessed: 16.06.2019).

13.*Muasır medeniyetler seviyesine yükselmek.*

14.Kadro was published monthly in Ankara beetween January 1932 and December 1934 (36 issues) by Şevket Süreyya Aydemir, Yakup Kadri Karaosmanoğlu, Vedat Nedim Tör, İsmail Hüsrev Tökin and Burhan Asaf Belge, they all had the traumatic experiences of Balkan wars, the Great War and the fall of the Ottoman Empire; most of which had an education in Germany and in Moscow, effected from Marxist ideals. Then they supported the Anatolian movement, War of Independence and Mustafa Kemal, as a result moved to Ankara. Kadro had the pretention to make a radical but repudiated interpretation of Kemalism.

Kadro meant the intellectual and pioneering cadre of a political party. In various articles they defended planned economy and statist where it is defined not as an alternative to private capital accumulation but as a supplement. They defended that the Turkish intellectuals, like similar developing countries; don't need to resemble to western model which was defined as colonialist and imperialist, should try hard to find and build another path, a third way for development. They also conceived the Turkish society without class differences, in accordance with the Kemalist ideology; society that is a homogeneous, harmonious; "classless, unprivileged, coherent body".

15.Six arrows of Republican People's Party (CHF) represented the principle cannons of Kemalist ideology, Republicanism, Populism, Nationalism, Laicism, Statism and Reformism. These principles accepted and propagated first time in 1927, in the congress of CHF.

16.Akçalı Uzunhasan H. S. Political Propaganda during the Single-Party regime in Turkey (1931-1946), BÜ The Ataturk Institute of Modern Turkish History, Doctoral Dissertation. 2016.

17.Aykaç Ç.E. Kemalist Utopia: A Study of the Propaganda Magazine La Turquie Kemaliste 1934-1948. June 2003. (Unpublished MA Thesis, Submitted to the Atatürk Institute of Modern Turkish History, Bosphorus University). p. 135.

18.Boratav K. Türkiye'de Devletçilik. Ankara: Savaş Yayınevi. 1982. 367 p. 111.

19.Örnek, C. Türkiye'nin Soğuk Savaş Düşünce Hayatı: Antikomünizm ve Amerikan Etkisi. İstanbul: Can Yayınları. 2015. 400 p. 30.

20.He later wrote a book on the developments in Turkey and in Ankara. Norbert von Bischoff, Ankara 1935: Bir Yabancı Gözüyle Türkiye'deki Yeni Gelişimin Anlamı. İstanbul: Tarihçi Kitabevi. 2014.

21.Directorate General of the Press undertook many activities with regard to the press, publications, radio, photography, and cinema. Turkey in

Pictures, La Turquie Kémaliste and Radio magazine were the assertive products of the DGP. Othmar Pferschy worked at the DGP for the five years and traveled throughout Turkey taking some 16,000 photos. Besides Pferschy, the DGP's photography and film department employed such prominent people as Osman Darcan and Şinasi Barutçu. H.S. Political Propaganda during the Single-Party regime in Turkey (1931-1946)", BÜ The Ataturk Institute of Modern Turkish History, doctoral dissertation, 2016.

22.İnal T. and Kaya M. La Turquie Kamâliste : voie/voix francophone(s) pour une Turquie kémaliste // Le français langue des "élites" dans le bassin méditerranéen et les pays balkaniques (XVIIIe siècle-moitié du XXe siècle). Vol. 38/39. 2007. URL: https://journals.openedition.org/dhfles/336 (accessed: 27.06.2019).

23.Akçura G. La Turquie Kemaliste'in Öyküsü - The Story of La Turquie Kemaliste // Skylife. October 1999. URL: http://earsiv.sehir.edu.tr:8080/xmlui/bitstream/handle/11498/43981/001641373010.pdf?sequence=1 (accessed: 27.06.2019).

24.No: 20-21, December 1937, p.1-5. The congress was organized in Dolmabahçe Palace, Istanbul; and an exhibition was held presenting the findings of Alacahöyük and Boğazköy archeological excavations. In this issue there are information related to explorations in Pazarlı (Phrygia), Thrace (by Arif Nüfid Mansel) and Ankara (by Remzi Oğuz Arık). M.Eugene Pittard's speech in this event was presented. In many other issues in later years there are articles and photographs from different excavations, consisting of Anatolian cultures or sometimes from Central Europe, Hungary (Archeological findings from Huns and Avars). No: 42, April 1942.

25.In this documentary film produced for the 10th anniversary of the foundation of Turkish Republic they set the major formative propaganda elements copied and reproduced in *La Turquie Kemaliste*, both content and artistic qualities. Holding the major themes of the first ten years in foreign relations, friendship with the Soviet Union, underlined the peaceful existence of the Republic while comparing contemporary material achievements with that of 1918, conditions of the collapse of the Ottoman Empire during the First World War and Mondoros Armistice Agreement. In this documentary Ankara defined as the heart of Anatolia, poor people leave their villages and go to Ankara to join celebrations with ox carts and horses. Turkish people are happy welcoming the Soviet delegation led by General Voroshilov in Istanbul in their city tour and then moving to Ankara from Haydarpaşa Train Station. Then they are welcomed in Ankara, the new capital city of Turkey by boy scouts, İnönü and other high state officials, with the International and Turkish national anthem. A new memorial is opened emphasizing the friendship of both states celebrating the Soviet representatives. Then we read Ankara entry in Encyclopedia Britannica: Ankara is an old city with Greek,

Roman and Byzantium remnants, the new capital of Turkish Republic. Before and after conditions of Ankara is shown; from poor and dusty Anatolian village a new, modern capital is created with schools, universities, museums, conservatories, exercising ballet students in open air, new modern houses and modern ways of life. The new constructed capital is shown in the film with banks, scientific institutions, and schools with boys and girls, hospitals, pools, parks, happy mothers and children waving in İnönü's arms. In this film we follow the official ceremonies of the 10th year of the Republic where Mustafa Kemal makes his famous speech for this special occasion.

These are all filmed for this special occasion by a Soviet director and film crew because in those years there were no such specialized professionals of this capacity in Turkey.

"Türkiye'nin Kalbi: Ankara", Director: Sergei Yutkevich, Scenario by L. Arnştam and S.Yutkevich, produced by the collaboration of Ministery of Culture of the Turkish Republic and Leningrad Film Studios, Lenfilm, 1933. URL: https://www.imdb.com/title/tt0171070/?ref_=nv_sr_1?ref_=nv_sr_1: https://www.youtube.com/watch?v=DNGaZraH8e4.

26.This interesting welcoming party organized for the Soviet diplomats started in Istanbul narrated in the memories of Fritz Neumark, who just arrived at Istanbul as a German academician Fritz Neumark. After a couple of months they were invited to the party for the honor of General Voroshilov in Dolmabahçe Palace by Tevfik Rüştü Aras, the foreign secretary of the Turkish government with other invited professors where he was a little shocked to see Turkish flags with Soviet flags and listening International after the Turkish national anthem. Fritz Neumark, Boğaziçine Sığınanlar: Türkiye'ye İltica Eden Alman İlim Siyaset ve Sanat Adamları, 1933-1953, translated by Şefik Alp Bahadır, Istanbul Üniversitesi, Istanbul. 2006. p. 33-34.

27.La Turquie Contemporaine, Matbuat Umum Müdürlüğü, 1935.

28.La Turquie Contemporaine, Table des Matieres, p.303-304.

29.Bozdoğan S. Introduction // Rethinking Modernity and National Identity in Turkey / ed. by Sibel Bozdoğan and Reşat Kasaba. Seattle: University of Washington. 1997. p. 8.

30.Talu E. E. Oculos Habent, Sed. (They have eyes, but cannot see), *La Turquie Kemaliste*, No : 5, Fevrier, 1935, Revue paraissand tous les deux mois et publiée par la Direction Générale de la Presse au Ministère de l'Intérieur. BÜ Library, Periodicals : DR401T78.

31.No : 6, Avril, 1935.

32.Ak S. A. Erken Cumhuriyet Dönemi Türk Fotoğrafı : 1923-1960. İstanbul : Remzi Kitabevi. 2001. 336 p.223-224.

33.Photographs of Othmar Pferschy were used to expose the new era mainly to western audience. A special publication, "Turkey with

Photographs" was made in Munich in Turkish, French, English and German languages in 1936. Another exhibition was made in Bucharest, Belgrade, Athens and Montreux namely "Touristic Turkey". His photographs were used in stamps, card-postals, banknotes, books and booklets, calendars and many other publications. A list of publications during Vedat Nedim Tör was holding the position in General Press Administration given in Ak, *ibid.,* p. 226.

34.Tör V. N. Yıllar Böyle Geçti, Yaşantı. İstanbul: Yapı ve Kredi Yayınları 2nd Ed. 2010. 288 p.

35.Tör V. N. Türkiye'de Fotoğraf Sanatı ve Bir Anı, Sanat Dünyamız, Yapı ve Kredi Yayınları. 1980. p. 30-34.

36.Tekeli İ. Başkent Ankara'nın Öyküsü // Türkiye'de Kentleşme Yazıları / Ankara: Turhan Kitabevi. 1982. p.62-63.

37.İkiz S. U. Hermann Jansen'in Ankara Planı. URL: https://www.arkitektuel.com/hermann-jansenin-ankara-plani/ (accessed: 16.11.2019); Jansen stayed and worked in Ankara and many other Anatolian cities between 1932 and 1939.

38.Aykaç Ç. E. Kemalist Utopia: A Study of the Propaganda Magazine La Turquie Kemaliste 1934-1948. (Unpublished MA Thesis, Submitted to the Atatürk Institute of Modern Turkish History, Bosphorus University). June 2003. p. 3.

39.No : 1, "Il faut venir a Ankara" 1934. p. 10-15.

40.Aslanoğlu İ. Cumhuriyetin İlk Yıllarında Mimari. URL: https://www.tarihtarih.com/?Syf=26&Syz=355803&/Cumhuriyetin-%C4%B0lk-Y%C4%B1llar%C4%B1nda-Mimari-/-Prof.-Dr.-%C4%B0nci-Aslano%C4%9Flu- (accessed: 03.11.2018).

41.Bozdoğan S. Modernizm and Nation Building: Turkish Architectural Culture in the Early Republic. The University of Washington Press. 2001.

42.No: 32-40, August 1939.

43.No: 47, 1943.

44.Ankara symbolized as a pride and glory of construction of the capital out of nothing, a "tabula rasa" expressing the pride and hard work of nation building. Ed. by Bozdoğan-Kasaba. Architecture of revolution, *ibid*, p. 68.

45.Gür B.F. Unutmak, Öteki ve 'Boş Kent' Ankara. İdeal Kent. No: 4. September 2011. p. 10-18.

46. The Place of Ankara. M.Kemal, *LTK*, December 1937.

47.Aslanoğlu İ. Cumhuriyetin İlk Yıllarında Mimari. URL: https://www.tarihtarih.com/?Syf=26&Syz=355803&/Cumhuriyetin-%C4%B0lk-Y%C4%B1llar%C4%B1nda-Mimari-/-Prof.-Dr.-%C4%B0nci-Aslano%C4%9Flu- (accessed: 03.11.2018).

48.No: 1, 1 June 1934.

49.No: 11, February 1936.

50.No: 12, February 1936.

51.No: 16, December 1936.

52.Ak S. A. Erken Cumhuriyet Dönemi Türk Fotoğrafı: 1923-1960. İstanbul : Remzi Kitabevi. 2001. p. 228.

53.Ak. ibid. p. 229.

54.No: 15, October 1936.

55.No: 5, February 1935.

56.Hanioğlu M. Ş. Kemalist Oryantalizm.

57.http://www.sabah.com.tr/yazarlar/hanioglu/2012/02/12/kemalist-oryantalizm (accessed: 12.02.2012).

58.Pouillon F. and Vatin J.C. (edt.). Après l'orientalisme: L'orient créé par l'orient. Paris : IISMM, Kharthala. 2011.

59.Atay F. R. Notre Reforme Linguistique. La Turquie Kemaliste. June 1935. p. 5.

60.No: 14, August 1936.

61.No: 18, April 1937.

62.No: 28, December 1938.

63.No: 30, April 1939.

64.No: 31, June 1939.

65.No: 42, April 1941. "Cancan"

66.No: 42, April 1942. "Les Journalistes étrangers en Turquie".

67.No: 44, August 1941. "L'Ordre Turc, au Carrefour de trios ordres".

68.Boratav K. Türkiye İktisat Tarihi (1908-2002). Ankara: İmge. 2005.

69.Boratav K. Türkiye'de Devletçilik. Ankara: Savaş Yayınevi. 1982. p.100-101.

70.No: 10, December 1935.

71.Boratav. K. Türkiye'de Devletçilik. Ankara: Savaş Yayınevi. 1982. p.70.

72.Boratav. K. ibid., p.70-72.

73.No: 3, October 1934, No: 20, August 1937.

74.No: 7, June 1935.

75.After Nazi Party seized power in Germany and after they took hold of Austria, mainly after 1933 a group of German speaking scientists, professors and researchers moved to Turkey; with proper contracts found posts in universities in Ankara and Istanbul. Fritz Neumark, Boğaziçine Sığınanlar: Türkiye'ye İltica Eden Alman İlim, Siyaset ve Sanat Adamları 1933-1953, Translated by Şefik Alp Bahadır, İstanbul Üniversitesi Yayınları, 2006.

76.No: 23-24, April 1938.

77.No: 41, February 1941.

78.No: 1, 1 June 1934.
79.No: 2, August 1934, p.6-8.
80.No: 28, December 1938.
81.No: 47, 1943.
82.No: 27, October 1938, 15th anniversary of Turkish Republic.
83.No: 49, March 1948.
84.Domesday Book is an inventory record ordered by William the Conqueror in 1086 to count everything men and cattle in cities, villages and countryside in England.
85.Aykaç, Ç. E. Kemalist Utopia: A Study of the Propaganda Magazine La Turquie Kemaliste 1934-1948. (Unpublished MA Thesis, Submitted to the Atatürk Institute of Modern Turkish History, Bosphorus University). June 2003. p. 10.

Взаимодействие экспертного сообщества с гражданскими организациями и властью: российский опыт

Сунгуров А. Ю.
Доктор политических наук
Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики – Санкт-Петербург, профессор департамента политологии и международных отношений
E-mail: asungurov@hse.ru

Шамшура К. А.
Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики – Санкт-Петербург, аспирант департамента политологии и международных отношений
E-mail: kshamshura@hse.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00573.

Аннотация: *На основе анализа научных публикаций, посвященных формам и практикам участия экспертного сообщества во взаимодействии гражданских организаций и власти сделано заключение, что такое взаимодействие существует (или может существовать) на всех основных этапах процесса принятия политико-управленческих решений: этап выявления проблем, этап поиска решений и обсуждения проектов таких решений, этап реализации принятых решений и этап контроля за их исполнением. Во всех этих*

случаях именно участие экспертного сообщества позволяет гражданским активистам аргументированно отстаивать свою позицию перед представителями властных структур. В качестве примера такого взаимодействия приводится опыт программы СПб гуманитарно-политологического центра СТРАТЕГИЯ «Общественное участие в бюджетном процессе», деятельность ассоциации «Голос», проект МХГ по общественному контролю деятельности полиции.

Ключевые слова: *Гражданское общество, экспертное сообщество, политико-управленческие решения.*

Interaction of expert community, civil society and officials: Russian experience

Sungurov A. Yu.
Professor of Higher School of Economics, St.Petersburg
E-mail: asungurov@hse.ru

Shamshura K. A.
PhD student, Higher School of Economics, St.Petersburg
E-mail: kshamshura@hse.ru

Abstract: *The conclusion was made that collaboration of NGO groups and governmental bodies with participation of expert community exist (or can be exist) at the any main steps of policy process: step of agenda setting, step of research of problem and discussions of drafts of decision, step of decision's implementation and step of control for results. Participation of expert communities permit to NGO leasers to give argument for their position in disputes with officials at any steps of policy process. The experience of program of St. Petersburg STRATEGY center «Public participation in budgetary process', activities of association «Voice» (Golos) for public control of voting and project of Moscow Helsinki group for public control of police are analyzing as examples.*

Keywords: *Civil society. NGOs, Expert community, Policy process*

Проблема взаимодействия гражданских организаций и власти, в том числе с активным участие экспертного сообщества в процессе принятия политико-управленческих решений является предметом интересам многих исследователей из различных стран. Эта проблема достаточно актуальна и для стран со стабильной демократической системой, так как она лежит в основе противоречий между двумя основными существующими сегодня моделями демократии:

демократии электоральной, когда реальные процессы участия в принятии решений происходят внутри политических элит, а общество привлекается лишь в дни выборов (см. например, классические работы Йозефа Шумпетера [17] и демократии участия [22].

При этом участие экспертов подготовке властных решений, по мнению ряда авторов, может не вовлекать гражданские организации в процессы принятия решений, а наоборот, изолировать [18], создавая опасность возникновения экспертократии [21].

Ряд исследователей предполагают, что одним из путей разрешений этого противоречия может служить развитие делиберативной демократии, развиваемой Джеймсом Фишкиным [19], Дж.М. Бассетом [2] и другими исследователями. В соответствии с представлениями этой концепции, участвуя в совместных с приглашенными экспертами обсуждениях общественно-значимых проблем, представители гражданского общества становятся уже отчасти и экспертами, а эксперты могут усилить свой гражданский потенциал.

Близкой по сути является и предложенная Джоном Кином концепция мониторинговой демократии [13, с. 20]. Действительно, чтобы осуществлять грамотный мониторинг, иначе говоря, системный контроль деятельности властных структур, гражданские активисты должны как минимум разбираться как в сути решаемых властью проблем, так и в механизмах и закономерностях их деятельности. А это может произойти только в процессе постоянного и конструктивного взаимодействия гражданских активистов и представителей экспертного сообщества.

Анализ научных публикаций, посвященных формам и практикам участия экспертного сообщества во взаимодействии гражданских организаций и власти позволил сделать вывод, что такое взаимодействие существует (или может существовать) на всех основных этапах процесса принятия политико-управленческих решений: этап выявления проблем, этап поиска решений и обсуждения проектов таких решений, этап реализации принятых решений и этап контроля за их исполнением. Во всех этих случаях именно участие экспертного сообщества позволяет гражданским активистам аргументированно отстаивать свою позицию перед представителями властных структур.

Так, на этапе выявления проблем именно данные социологических исследований позволяют убеждать представителей властных структур, что конкретная проблема действительно заслуживает ее внесения в повестку дня. На этапах поиска решений и обсуждении проектов таких решений именно экспертное знание может

позволить предложить в инициативном порядке способ решения конкретной проблемы, что дает возможность превращения общественных слушаний в реальные делиберативные обсуждения, в том числе и альтернативных способов решения поставленных проблем. На тапе реализации принятых решений именно экспертное обеспечение может позволить ряду неправительственных организаций стать участником реализации принятых программ, в том числе и используя механизмы грантовой поддержки и субсидирования.

Наконец, экспертное обеспечение может позволить НКО грамотно и корректно реализовать функцию общественного контроля, который в этом случае может быть реализован в формате оценки регулирующего воздействия.

Примером такой деятельности была, например, программа СПб гуманитарно-политологического центра СТРАТЕГИЯ «Общественное участие в бюджетном процессе». В рамках этой программы реальные общественные слушания по проектам городских бюджетов проводились, во-первых, после серии образовательных семинаров для лидеров НКО по основам бюджетной политики, а, во-вторых, после становления и развития сообщества бюджетных аналитиков. Одним из итогов этой программы стало появление целого пласта экономистов, включившихся в процесс профессиональной экспертизы бюджетного анализа и разработку альтернативных предложений по бюджету для общественных слушаний [5; 12].

Тема участия гражданского общества в выработке политико-управленческих решений была достаточно актуальной в первой половине нулевых годов, в частности, после Московского гражданского форума 2001 года [1; 4]. Бесспорный интерес представляют также работы петербургского эколога А.С. Карпова, активно сотрудничающего в последние годы с Законодательным Собранием Санкт-Петербурга [10; 11]. Проблеме институционализации общественного контроля в системе правосудия и правоохранительной деятельности в современной России посвящена кандидатская диссертация по политологии, защищенная в 2015 году В.Е. Карастелевым и другие его работы [8; 9; 14].

В середине нулевых годов в России на основе объединения специалистов-экспертов и гражданских активистов в регионах возникла Ассоциация «В поддержку избирателей «Голос», которая вскоре стала ведущей российской организацией, системно ведущей мониторинг выборов, как на федеральном, так и на региональном уровне [5;6]. Позже, в период подъема общественно-политической активности в России в 2011-2012 годах, основным формальным

поводом для недовольства стали массовые фальсификации на выборах в Государственную Думу 2011 года.

В начале 2012 года в стране стали возникать массовые «движения наблюдателей», часть из них существовала только на региональном, а часть – и на федеральном уровнях. Так, в заявлении Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, принятом накануне президентских выборов и содержащим призыв ко всем избирательным комиссиям и органам власти России соблюдать права наблюдателей и журналистов, наряду с Ассоциацией «Голос» упоминаются и такие организации, ведущие мониторинг выборов, как «Гражданин наблюдатель», «Корпус наблюдателей» и «Лига избирателей» [15].

Оценивая современную российскую ситуацию, важно учитывать наличие важного нормативного акта, закрепившего разделение российских неправительственных организаций на отдельные когорты, - закона о поддержке «социально-ориентированных НКО», в соответствии с которым в закон «Об общественных организациях» вносилось понятие «социально-ориентированных НКО», к которым явно не попадали правозащитные и другие гражданские организации, готовые и контролировать и критиковать власть за допущенные ею ошибки. Далее, в 2016 г. принимается закон об организациях общественной пользы, который вновь делит уже «хорошие» СОНКО на «очень хорошие» (организации общественной пользы) и все остальные СОНКО. Организациям общественной пользы предоставляются серьезные преференции в финансировании услуг, которые они предоставляют населению.

Уже в 2017 году вышел в свет историографический обзор двух карельских политологов, в котором институт общественной экспертизы рассматривается в контексте практик зарождающейся в нашей стране публичной политики [7]. Авторы этого достаточно полного обзора приходят, в частности, к заключению, что большинство из исследователей, последовательно разрабатывающих тематику общественного контроля, являются представителями «фабрик мысли» в том или ином варианте.

Можно вполне согласиться с итоговым выводом этой обзорной статьи, что общественная экспертиза рассматривается как эффективное средство наращивания качества управленческих практик и как действенный инструмент артикуляции и лоббирования общественного интереса [7, с. 30].

Литература:

1. Алексеева Л.М. Гражданский Форум как отражение определенных надежд. // Россия в условиях трансформаций. Историко-политологический семинар. Материалы. Выпуск № 18-19. М.: ФРПЦ, 2002. С. 163-166;

2. Бассет Дж.М. Тихий голос разума. Делиберативная демократия и американская система государственной власти. М.: РОССПЭН, 2011.

3. Бюджет глазами экспертов. Прикладной бюджетный анализ в регионах России. / Под ред. В.А.Бескровной. СПб.: «ИК «Синтез», 2004.

4. Гражданский форум. Год спустя. М., 2003

5. Доклад Ассоциации «Голос» Выборы президента России 2008 (с приложениями). М.: «Голос», 2008.

6. Доклад по выборам депутатов Государственной думы Российской Федерации 5 созыва. Материалы межрегиональной конференции 11 декабря 2007 г. М.: «Голос», 2008.

7. Иноземцева В.А., Черенкова Е.И. Институт общественной экспертизы в практиках публично-властного взаимодействия: историографический обзор отечественной литературы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Исторические науки и археология. 2017. № 3 (164). С. 27–33.

8. Карастелев В.Е. Институционализация общественного контроля в системе правосудия и правоохранительной деятельности в современной России. Диссертация на соискание учёной степени кандидата политических наук. М.: НИУ ВШЭ. 2015

9. Карастелев В.Е. Институциализация форм организации общественного контроля. На примере судебной системы и правоохранительной деятельности // Право и политика. 2014. № 6. С.787-798.

10.Карпов А.С. Общественная экспертиза: практика против политики // Пчела. 2004. № 45. URL: http://www.pchela.ru/podshiv/45/oepp.htm.

11.Карпов А.С., Агаханянц П.Ф. Общественное участие: опыт Центра экспертиз ЭКОМ // Общественное участие в разработке и реализации экологической политики: региональный опыт. Пособие по региональной экологической политике / Под ред. В.М. Захарова, М.И. Васильевой. М., 2007. С. 60-70.

12.В.Клисторин Опыт участия независимых экспертов в работе органов власти как форма общественного участия в бюджетном процессе // На пути к публичной политике: 10 лет СТРАТЕГИИ. СПб: Норма, 2003.

13.Перегудов С.П. Мониторинговая демократия как новая модель отношений власти и общества: мировой опыт и российские реалии. // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального

развития: Научное издание. / Под ред. О.В.Гаман-Голутвиной. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. – С. 649-664.

14.Пособие по общественному контролю за деятельностью полиции / сост. В.Е. Карастелев. М.: МХГ, 2017.

15.Решение совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека №А60-9-209 от 29 февраля 2012 г.

16.Рубцова М. В., Д. С. Мартьянов, Н. А. Мартьянова Профессиональные и экспертные сообщества как субъекты управления в контексте общества знания // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2013. Вып. 1. С. 69-74.

17.Шумпетер И. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995

18.Baekkeskov Erik & Per Ola Öberg. Freezing deliberation through public expert advice, Journal of European Public Policy, 2017, 24:7, 1006-1026.

19.Fishkin James S. When the People Speak: Deliberative Democracy and Public Consultation – Oxford e.a., Oxford University Press, 2009.

20.Keane, John. Global Civil Society? Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

21.Oreskes Naomi. Science and public policy: what's proofgot to do with it? // Environmental Science & Policy. 2004. № 7. P. 369–383.

22.Putnam, Robert D. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1993.

Демократические институты в современном мире: кризис или необходимость переосмысления

Съедин Н.А.

кандидат политических наук

ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», доцент кафедры политических наук и международных отношений философского факультета Таврической академии КФУ им. В.И.Вернадского.

E-mail: nikolai.sedin@mail.ru

Аннотация: *В статье предпринята попытка проанализировать состояние демократических институтов в современном меняющемся и противоречивом мире. Высказывается предположение, что они переживают определенный кризис. Подтверждением этого являются факты неспособности демократических институтов к противостоянию новым вызовами и угрозам, низкой эффективности в системе управления общественными процессами. Институты демократии не вполне выполняют ту роль, которая ранее отводилась*

им в политической системе, уступая свое место новым политическим акторам. Заметно снижается привлекательность демократических ценностей в общественном мнении. Вместе с тем, автор считает, что кризисные явления в состоянии демократических институтов не приобрели всеобъемлющего характера, они не исчерпали своего потенциала, но требуют масштабного переосмысления своего предназначения в современном мире, наполнения новым содержанием, соответствующим изменяющимся реалиям. В статье изложены некоторые соображения относительно принципиальных моментов, необходимых для усиления роли демократических институтов в современном мире.

Ключевые слова: *демократия, демократические институты, современное мироустройство, политическая система, либеральные ценности, парламент, выборы, референдум, прямая демократия.*

Democratic Institutions in the Modern World: Crisis or the Need to Rethink?

Syedin N.A.
PhD of political science,
Associate Professor of Department of Political Sciences and International Relations, Faculty of Philosophy, Tauride Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University.
E-mail: nikolai.sedin@mail.ru

Abstract: *The article attempts to analyze the state of democratic institutions in a modern, changing and contradictory world. It is suggested that they are experiencing a certain crisis. This is confirmed by the facts of the inability of democratic institutions to confront new challenges and threats, low efficiency in the system of managing public processes. The democratic institutions are not fully perform the role previously assigned to them in the political system, giving place to new political actors. Markedly reduced the attractiveness of democratic values in the public opinion. At the same time, the author believes that the crisis in the state of democratic institutions has not acquired a comprehensive character, they have not exhausted their potential, but require a large-scale rethinking of their mission in the modern world, filling them with new content, corresponding to changing realities. The article outlines some considerations regarding the fundamental issues necessary to strengthen the role of democratic institutions in the modern world.*

Keywords: *democracy, democratic institutions, modern world order, political system, liberal values, parliament, elections, referendum, direct democracy.*

Очевидно, что мир в 21 веке переживает кардинальные изменения. Это проявляется во всех сферах – экономической, научной, социальной, духовной. Но, пожалуй, наиболее очевидно кризисные явления проявляются в сфере политики. Прежняя система, построенная в Ялте, разрушена. Новый миропорядок не выстроен. Его рождение происходит в острых и, кажется, порой несовместимых противоречиях. Каким будет мир через два-три десятилетия, не рискнет предположить никто. Меняются основные игроки. Меняется соотношение сил. Меняются правила игры. Меняются ценности. Те из них, что еще недавно преподносились как общечеловеческие, как главная цель и основной смысл общественного развития, сегодня отходят на второй план. Борьба за права человека сопровождается гибелью и страданиями миллионов людей при ханжеском молчании так называемого цивилизованного мира. Разрушаются традиционные уклады, культурные ценности, образ жизни миллионов людей. Человек лишается права иметь привычную для него среду обитания. Прекращают действовать устоявшиеся нормы сосуществования между людьми и между государствами. Лидер государства, позиционирующего себя как оплот демократии, единолично принимает решение об убийстве официального лица другого государства на территории третьей страны, и мировое сообщество молчаливо соглашается с этим. Декларации о социальной справедливости произносятся на фоне растущего разрыва в распределении доходов, который достигает критических величин.

Это и многое другое размывает основы демократии. Демократические процедуры приобретают характер театральных шоу. Равноправие и учет интересов нередко подменяется диктатом меньшинства. Мир привыкает к тому, что агрессивное меньшинство буквально навязывает обществу свои правила, а большинство покорно принимает их. При этом, в странах, считающихся вполне себе демократическими, часть людей лишаются основных прав и определяются как «не граждане», нарушается свобода слова журналистов. Политические права теряют смысл в условиях тотального контроля государства над всеми, и уже мало кого волнуют разоблачения о всеохватывающем контроле, незаконных прослушиваниях и слежках даже собственных союзников. В этой связи возникают закономерные вопросы относительно смысла и целесообразности существования в столь сложном и противоречивом

мире традиционных демократических институтов. С одной стороны, появляется сомнение: способны ли они решать возникающие перед миром новые вызовы и угрозы? С другой – смогут ли они сами выжить в новых условиях? Оснований для подобных сомнений и в первом, и во втором случае достаточно. По крайней мере, пока с главными угрозами, нависшими над человечеством, они справляются весьма плохо.

Успехи в борьбе с терроризмом, в том случае, когда о них действительно можно говорить, связаны вовсе не с продвижением демократии, а жестким противодействием этой чуме 21 века со стороны силовых структур государств. Причем, даже страны, определяющие себя в качестве цитадели демократии, взявшие на себя миссию продвижения демократии во всем мире, не брезгуют использовать в борьбе с террористическими организациями их же методы. Об этом красноречиво свидетельствуют тюрьма на острове Гуантанамо, многочисленные нарушения прав человека в Афганистане, Ираке и других странах, на чьих территориях ведется борьба с терроризмом. К этому следует добавить и то, что многие из террористических организаций были созданы под прикрытием заявлений о необходимости борьбы с диктаторскими режимами и продвижении демократии.

Этими же причинами во многом порождены волны миграции, захлестывающие западный мир. Попытки устранения авторитарных режимов и принуждения целых государств к демократии, в большинстве случаев сопровождаются тем, что миллионы людей покидают места постоянного проживания в поисках благополучной и безопасной жизни. В противодействии захлестывающим мир волнам миграции институты демократии оказываются также неэффективны, а порой и просто бессильны. Политикам же, исповедующим либеральные ценности, сталкиваясь с необходимостью решать проблемы мигрантов, приходится либо отказываться от своих принципов, либо уступать свои позиции на политической арене более радикальным силам.

Малоэффективными оказались институты демократии и в вопросах справедливого распределения ресурсов. Торжество либеральной демократии, объявленное как конец истории [1], не ознаменовалось ни исчезновением конфликтов, ни торжеством справедливости. Более того, неравенство в мире и внутри отдельных сообществ росло в геометрической прогрессии и достигло критических величин. Концепция социального государства уже ставится под сомнение. Идеи государства всеобщего благоденствия и соблюдения справедливости в распределении доходов нередко гораздо успешнее демонстрируют государства, не особо обременяющие себя условностями демократии. Парадоксальным и одновременно

показательным выглядит то, что в некоторых рейтингах демократии страны, фактически отрицающие демократические институты, занимают позиции выше, чем страны, их признающие [2]. Тот же парадокс наблюдается и в т.н. рейтингах счастья, где страны, чьи режимы отнесены к авторитарным, занимают строчки гораздо выше, чем некоторые из стран, декларирующих утверждение демократических ценностей в качестве главных своих завоеваний [3]. Борьба с целым рядом глобальных угроз снова же на поверку выглядит более успешной в странах, которые не принято относить к демократическим, чем в тех, что определяют демократию, как главное достижение своей внутренней политики. Примеров этому, связанных с природными и техногенными катастрофами, можно найти немало в современной истории.

Перед этими и другими вызовами современности демократические институты демонстрируют очевидную слабость. Более того, они не способны даже предложить рецепт их разрешения, ограничиваясь общими декларациями. Это относится не только к национальным, но и к международным демократическим институциям, в частности, таким, как ОЗХО, ВТО, ПА ОБСЕ и в определенной степени к ООН.

Столь же неочевидна и способность институтов демократии выполнять миссионерскую роль, уготованную им 20 веком, когда, придя на смену монархиям, диктаторским режимам, они смогли стать не только инструментом обустройства нового общества, но и его иконой, едва ли не главной целью человеческого развития. Ради них свершались революции, шли братоубийственные войны. Ими освящалось все или почти все, что происходило на планете. Ими объяснялась необходимость самого масштабного противостояния второй половины 20 века на планете, названного «холодной войной». Однако ее завершение со всей очевидностью продемонстрировало, что вовсе не они были тем призом, ради которого велись войны. Права людей самостоятельно решать свою судьбу легко бросались на алтарь интересов крупных игроков, считавших себя победителями в противостоянии названном «холодной войной». Со всей очевидностью это было продемонстрировано на примере новейшей истории нашей страны. Никто не счел необходимым считаться с итогами референдума о сохранении СССР. Никто не возмутился расстрелом законно избранного парламента России. Аналогичных примеров можно найти огромное множество на всем постсоветском и постсоциалистическом пространстве.

Во многом, всеми этими причинами обусловлено и очевидное снижение значимости демократии в системе общечеловеческих

ценностей. Сегодня на первый план выходят вопросы защиты окружающей среды, мнимые и реальные угрозы мировой экосистеме, дискуссии о современных трактовках исторических событий, социальной справедливости. При этом очевидные проблемы, связанные с состоянием демократических институтов, их функционированием в новом, меняющемся мире, замалчиваются. Между тем, даже перечисленное выше дает основание говорить об их серьезном кризисе. Наверное, сегодня он не приобрел всеобъемлющий характер. В разных странах он имеет специфические черты. Но, очевидно, что либеральная модель, положенная в основу западного обустройства мира, уже не имеет перспектив на доминирование в качестве главной и единственной. По всей видимости, и это имел в виду В.В. Путин, говоря о конце эпохи либерализма в известном интервью газете Financial Times [4]. Оснований для подобного утверждения достаточно. Зачастую, демократические институты перестают играть ранее присущую только им роль в современных политических системах. Это относится, в первую очередь, к институтам прямой демократии. Референдумы далеко не всегда отражают волю большинства. Их результаты иногда являются не обязательными для правительств, как это было в Греции. В некоторых случаях они и вовсе не признаются, как в Каталонии. Или просто игнорируются так называемым «мировым демократическим сообществом» как в случае с крымским референдумом в 2014 года. Нередко проведение референдумов ставится в зависимость от интересов политических сил, находящихся у власти, или их покровителей за рубежом. Для этого достаточно проанализировать некоторые сюжеты, связанные с принятием в НАТО постсоветских и постсоциалистических государств.

Аналогичная история с выборами. Нередко их итоги ставятся под сомнение, а то и вовсе подменяются в результате, пусть даже массовых выступлений отдельных групп населения, граждан, отнюдь не представляющих весь народ. Технологии подобной подмены итогов выборов в начале 21 века доведены до совершенства и апробированы в ходе так называемых «цветных революций», прокатившихся по целому ряду стран Европы, ближнего Востока и Латинской Америки. Сами выборы в этих случаях нередко превращались из цивилизованного способа разрешения конфликтов в источник острых противостояний. Сформированные на этой волне представительные органы весьма условно можно было считать легитимными, а зачастую их участь повторяла судьбу предшественников. Надо сказать, что и в относительно стабильных странах выборы иногда не способны разрешить политические противоречия и позволить сформировать устойчивое правительство. Подобное наблюдается в Израиле, где за

последний год должны пройти уже третьи парламентские выборы. То же самое наблюдается в Испании. И хотя объективно следует признать, что подобная ситуация становится возможной не как следствие выборов, а скорее в результате несовершенства применяемой на них избирательной системы, в целом это сказывается на отношении к ним в обществе.

Снижается и авторитет представительных, выборных органов публичной власти. Они становятся излишне бюрократическими, нередко преследующими исключительно узкогрупповые цели учреждениями. Постоянные скандалы, разоблачения, а иногда и конфликты между ними вызывают падение доверия к парламентам, президентам со стороны избирателей, и снижают эффективность деятельности этих демократических институтов. Со всей очевидностью это демонстрирует ситуация противостояния политических сил в США, которая определяет не только внутриполитическую повестку в стране, но и во многом влияет на международные отношения. Аналогичные примеры можно найти и в других странах, где с помощью институтов демократии осуществляется откровенное лоббирование финансовых и экономических интересов, достижение весьма эгоистичных, узкокорыстных целей. Этим, прежде всего, объясняется прослеживающееся на протяжении уже длительного периода падение авторитета института политических партий. Уход во многих странах с политической арены традиционных партий, потеря другими своего электората, так называемое «разделенное голосование», появление альтернативных партиям организаций и движений – эти и другие проявления являются убедительным подтверждением кризисных процессов партийных систем во многих странах, и, казалось бы, еще одним мазком в апокалиптическую картину демократического мироустройства. И все же, представляется, она не столь безысходна. Во-первых, потому что демократические институты не раз в своей истории переживали кризис. Достаточно вспомнить ленинские оценки перспектив «буржуазного парламентаризма» или установление в 30-е годы в Европе авторитарных режимов, пришедших на смену демократическим, а в ряде случаев благодаря демократическим институтам. Тем не менее, последние не сошли с политической арены, а спустя определенный период торжествовали свою победу, претерпев весьма существенную внутреннюю трансформацию и учтя происходящие в мире перемены. И это второе обстоятельство внушает оптимизм и одновременно определяет судьбу демократических институтов в современном мире. На наш взгляд, она будет зависеть от того, в какой мере нынешние институты готовы к переменам. В какой мере они способны учесть новые процессы, происходящие в мире,

такие как всеобщая информатизация, рост осведомленности и образованности населения, возрастающий запрос на социальную справедливость. Конечно, речь идет не о самих институтах, а о готовности правящих элит к наполнению существующих институтов действительно демократическим содержанием, соблюдению истинно демократических процедур, строгому следованию правил, отказу от манипулирования и практики двойных стандартов. Важным условием представляется отказ от идеи применения единой модели демократии по западному образцу во всем мире и признание возможности равноправного существования других моделей, учитывающих традиции, культуру, менталитет того или иного народа. Демократические институты должны, на наш взгляд, рассматриваться как инструмент достижения более совершенного общества, а не исключительно как главная цель его развития. С другой стороны, многое будет зависеть от самого общества, от того насколько им будут востребованы эти институты, а граждане будут готовы следовать мнению большинства, учитывая при этом интересы всех социальных групп.

Литература:

1.Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек; Пер. с англ. М.: АСТ, 2007. 588 с.

2.Рейтинг стран мира по уровню демократии. Гуманитарная энциклопедия: Исследования [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2006–2020 (последняя редакция: 08.02.2020). URL: https://gtmarket.ru/ratings/democracy-index/info (дата обращения: 23.02.2020).

3. Sustainable Development Solutions Network. Гуманитарная энциклопедия: Исследования [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2006–2020 (последняя редакция: 08.02.2020). URL: https://gtmarket.ru/ratings/world-happiness-report/info (дата обращения: 24.02.2020).

4. Vladimir Putin says liberalism has ‘become obsolete’ [Электронный ресурс] // The Financial Times. URL: https://www.ft.com/content/670039ec-98f3-11e9-9573-ee5cbb98ed36 (дата обращения: 25.02.2020).

Организационно-педагогическое обеспечение системы специального образования в крымском регионе

Тен Е. П.

Кандидат педагогических наук
ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», доцент кафедры специального (дефектологического) образования
E-mail Anna6619@mail.ru

Аннотация: *Данное исследование посвящено изучению проблемы определения структурных компонентов организационно-педагогического обеспечения системы специального образования Крыма. В работе актуализируется необходимость формирования системы специального образования, вопросы обучения детей с ограниченными возможностями здоровья. В статье изучены подходы к определению основных направлений специального образования в Крымском регионе.*

Ключевые слова*: специальное образование, инклюзивное образование, основные направления организационно-педагогического обеспечения, интегрированное образование.*

The main directions of organizational and pedagogical providing the system of vocational education in the crimean region

Тен Е. Р.
Candidate of pedagogical sciences, associate professor departments of vocational (defektologichesky) education, «Crimean engineering and pedagogical university»
E-mail Anna6619@mail.ru

Abstract: *This research is devoted to studying of a problem of definition of structural components of organizational and pedagogical providing a system of vocational education of the Crimea. In work need of formation of a system of vocational education, issues of training of children with limited opportunities of health is updated. In article approaches to definition of the main directions of vocational education in the Crimean region are studied.*

Key words: *special education, inclusive education, the main directions of organizational and pedagogical support, integrated education.*

Постановка проблемы. В настоящее время особую актуальность приобретает проблема образования детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). В настоящее время по отношению общества к детям с ОВЗ судят о социальной зрелости данного общества.

В соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 29.12.2012 №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», приказами Министерства образования и науки Российской Федерации от 30.08.2013 №1014 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по основным общеобразовательным программам – образовательным программам дошкольного образования», от 30.08.2013 №1015 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по основным общеобразовательным программам – образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования», приказом Министерства образования, науки и молодежи Республики Крым от 26.11.2014 №313 «Об утверждении Порядка организации инклюзивного обучения в образовательных организациях Республики Крым, реализующих основные образовательные программы» с целью организации качественного и доступного образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья, в том числе с инвалидностью в Крыму был утвержден порядок организации инклюзивного образования, который включал необходимую методическую помощь образовательным организациям в реализации инклюзивного образования, руководителями учебных заведений были утверждены планы по реализации инклюзивного образования.

В Законе Российской Федерации «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в связи с расширением полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации» № 199-фз от 31.12.2005 г. основная роль в организации предоставления общедоступного и бесплатного образования в специальных (коррекционных) образовательных учреждениях для обучающихся, воспитанников с отклонениями в развитии отводится регионам в соответствии с нормативами, установленными законами субъекта Российской Федерации .

В исследованиях И. А. Архип, М. Л. Барановой, О. А. Денисовой, Л. М. Кобриной, Е. Т. Логиновой, Л. Ф. Сербиной и др. рассматриваются проблемы совершенствования региональных систем специального образования в различных субъектах Российской Федерации. Вместе с тем роль регионального фактора в российской системе специального образования освещена лишь на уровне её становления, отдельных направлений развития и проектирования

(В. Н. Ахренов, М. Л. Баранова, Б. П. Брунов, И. А. Букина, О. А. Денисова, Т. И. Денисова, О. В. Курбанова, У. В. Косарева, Ф.Н. Костюкевич, Л. М. Кобрина, И. Г. Монхорова, И. Н. Шкутович.) в данных источниках проблема организационно-педагогического обеспечения региональной системы специального образования не является предметом целенаправленного специального научного исследования. Кроме того, в трудах современных учёных отсутствует толкование сущности организационно-педагогического обеспечения региональной системы специального образования как социально-педагогического феномена.

Цель статьи – рассмотреть основные направления организационно-педагогического обеспечения системы специального образования в Республике Крым на современном этапе**.**

Изложение основного материала. Организационно-педагогическое обеспечение выступает важным условием эффективной деятельности региональной системы специального образования. П. Е. Кондрашев в работе «Внедрение проектов Федеральной программы развития образования как исследование проблем региональных преобразований» отмечает, что оно необходимо для преобразования системы с целью её совершенствования, улучшения на основе сохранения исторических, социокультурных достижений, образовательных традиций [1, с. 14].

Особенностью педагогического обеспечения процессов организации учащихся, по мнению А. Ф. Гузаировой, является то, что социально-педагогические функции осуществляются при переходе от неконтролируемого объединения к общественной организации учащихся, которые становятся субъектом общественного действия [2, с. 18].

М. Г. Янова рассматривает обеспечение в сфере образования и реализацию педагогической стратегии как процесс, который происходит во времени, содержит в себе долговременные цели, этапы на пути к их достижению, субъектов реализации, совокупность рациональных форм и методов, организационно-педагогических условий [3, с. 134].

Г. Т. Минкина в своей работе «Управление инновационными процессами в муниципальной системе образования» подчеркивает, что в основе изучения предметной области организационно-педагогического обеспечения находится принцип целесообразности, который проявляется при необходимости соотнесения потребностей

и возможностей учебно-воспитательным учреждением их осуществить. Важным компонентом при реализации какой-либо деятельности является её обеспеченность ресурсами [4, с. 48].

По мнению О. В. Галкиной целесообразность создания и обеспечения ресурсами для наиболее эффективной деятельности педагогов и (или) учащихся в определенной педагогической деятельности заключается в том, чтобы задействовать уже имеющиеся и потенциальные ресурсы, определить их возможное количество и качество, отнести их к реальным потенциальным ресурсам: информационным; материально-техническим; методическим; кадровым [5, с.128].

В диссертационной работе Л. А. Волковой «Организационно-педагогическое обеспечение адаптации ребенка к изменению образовательной ситуации» обозначается, что директором специальной (коррекционной) школы организуется работа ученического и педагогического коллективов, медицинского, учебно-вспомогательного персонала с целью разрешения одной из ведущих задач – формирование коррекционно-развивающей среды, которая обеспечивает развитие системы компенсации недостатков в психическом и физическом развитии каждого учащегося, воспитанника и на этой основе решить вопросы по его социальной адаптации и реабилитации, интеграции в современное общество [6, с. 124].

Организационно-педагогическое обеспечение в социальном плане, как отмечает Я. Я. Малафеев, выступает как управление функционированием и развитием совокупности ресурсов, используемых для осуществления образовательного процесса [7, с. 25].

В Республике Крым одним из эффективных механизмов реализации государственной политики в отношении инвалидов являются федеральные и региональные программы, выполнение которых призвано обеспечить необходимые условия для индивидуального развития и реализации возможностей людей с ограниченными возможностями. К таким программам относятся: «Разработка и производство технических средств реабилитации для обеспечения инвалидов», «Социальная поддержка инвалидов», «Дети России», «Дети-инвалиды».

В Крымском регионе инклюзивное образование активно развивается в течение последнего десятилетия. Считаем, что этот процесс условно разделяется на такие периоды: стихийный, или

переходный (1991-2003), интеграционный (2003-2010), период «включения», или инклюзии (2010-2019).

В процессе модернизации и развития образования в Крымском регионе происходят позитивные системные изменения в области инклюзивного образования. Крымский инженерно-педагогический университет был участником проекта «Инклюзивное образование для детей с особыми образовательными потребностями в Украине» (срок реализации: 2007-2013 гг.), который осуществлялся при поддержке Канадского агентства международного развития. Организаторами данного проекта были Университет Грента Мак Юена, Едмонтон, Альберта;Университет Альберти, Едмонтон, Альберта; Школьний округ Пембина Хиллз, Баррхед, Альберта. Целью проекта являлось подготовить общественность, улучшить политику планирования, координации и предоставления социальных услуг в рамках концепции инклюзивного образования детей с особыми образовательными потребностями. Крымский инженерно-педагогический университет в ходе реализации проекта «Инклюзивное образование для детей с особыми образовательными потребностями в Украине» включил курс «Введение в инклюзию» в программы таких специальностей как «Практическая психология», «Дефектология», «Начальное образование», «Дошкольное воспитание» .

Пилотной школой проекта «Инклюзивное образование для детей с особыми образовательными потребностями в Украине» явилялась школа №3 им. А.С. Макаренко г. Симферополя. Гле были открыты первые в Крыму классы инклюзивного образования. В настоящее время в школе созданы необходимые материально-технические условия для обучения детей с ОВЗ и проводятся мероприятия направленные на организацию инклюзивного образования созданы системы комплексного психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья, детей – инвалидов. Для создания толерантной среды, были проведены следующие мероприятия: анкетирование участников образовательного процесса с целью проведения анализа их отношения к совместному обучению детей с ОВЗ и нормально развивающихся сверстников; мониторинг результатов работы по формированию толерантности в образовательной среде и взаимодействия участников проекта в условиях инклюзивного образования; участие и проведение детских мероприятий: акция милосердия, конкурсы творческих работ «Образование без барьеров».

Следует отметить, что проект положил начало необратимым процессам по внедрению новой образовательной модели в системе образования. И Крым, в этом отношении, явился тем регионом, где наиболее ярко и эффективно начал действовать механизм межведомственного и межсекторального сотрудничества, что позволило, начиная с нового 2012/13 учебного года начать процесс массового включения и поддержки детей с особыми потребностями в общеобразовательное пространство. В апреле 2013г. состоялся круглый стол «Внедрение инклюзивного образования: направления совместной деятельности» в Симферополе. Круглый стол был проведен в тесном сотрудничестве проекта, Министерства образования и науки, молодежи и спорта АР Крым. Участниками мероприятия стали представители различных министерств и ведомств, а также родители и представители крымских общественных организаций, отстаивающих интересы детей с особыми потребностями. Результатами данного проекта явилось внедрениее инклюзивного обучения детей с ОВЗ в образовательное пространство Крыма.

Министерство образования Республики Крым в 2016 году является ответственным исполнителем «Государственной программы развития образования в Республике Крым на 2016-2018 годы», утвержденной постановлением Совета министров Республики Крым от 16.05.2016 года № 204.

В третьей Подпрограмме «Государственной программы развития образования в Республике Крым на 2016-2018 годы» отражены вопросы Государственной поддержки детей с ограниченными возможностями здоровья, детей-инвалидов, детей, нуждающихся в длительном лечении, детей и подростков с девиантным поведением, детей - сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Как уже отмечалось, что с целью кадрового обеспечения реализации ФГОС ОВЗ на базе Крымского инженерно-педагогического университета создана кафедра специального (дефектологического) образования, которая выпускает педагогов-дефектологов для специальных (коррекционных) школ, на базе КРИППО проводятся курсы повышения квалификации для руководителей и педагогических работников в соответствии с планом-заказом ГБУДПО РК «КРИППО» на выполнение государственной услуги по реализации дополнительных профессиональных программ повышения квалификации руководящих и педагогических кадров организаций, в том числе

тьютеров, осуществляющих образовательную деятельность на территории Республики Крым в 2016 году, утвержденным Министерством образования, науки и молодежи Республики Крым от 17.12.2015 № 1323

В Гуманитарно-педагогической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского созданы все условия для того, чтобы высшее образование имели возможность получать лица с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья. Еще в 2003 году в университете был создан специализированный факультет для лиц с инвалидностью I-III группы с нарушениями опорно-двигательной, сердечно-сосудистой, дыхательной, зрительной и слуховой систем. Об успешности функционирования данного факультета свидетельствуют многочисленные премии и проекты: премия Автономной Республики Крым в номинации «Образование» за создание специализированного факультета (2005г); проект Посольства США «Высшее образование инвалидов: равные права-равные возможности»(2006 г.); проект Посольства Нидерландов МАТРА КАП «Социальная интеграция людей с особыми потребностями: вопросы обучения и трудоустройства» посольства Королевства Нидерландов (2007 г.); проект Посольства США «Интеграция людей с особыми потребностями в современное общество»(2007-2008 гг.); проект Темпус-Тасис «Центр высшего образования инвалидов» (2007-2009 гг.).

В 2015 году в Гуманитарно-педагогической академии было проведено научное исследование по государственному заданию Министерства образования и науки Российской Федерации «Разработка и внедрение системы реабилитации студентов с инвалидностью в игклюзивной образовательной среде Республики Крым».

С 2017года на базе Гуманитарно-педагогической академии в Ялте фукционирует единственный в Крыму Ресурсный учебно-методический центр по обучению лиц с ограниченными возможностями здоровья (РУМЦ), который занимается решением таких задач, как профориентационная работа с абитурентами, сопровождение и обучение студентов с ОВЗ .

Обобщение, представление и распространение богатого научно-практического опыта в системе инклюзивного образования молодежи с ограниченными возможностями здоровья было проведено 7-19 мая 2018 года на II Международной научно-практической конференции »Социально-педагогическая поддержка

лиц с ограниченными возможностями здоровья: теория и практика» в Гуманитарно-педагогической академии (г. Ялта) Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского [8].

Исходя из вышеизложенного, следует определить три основных направления организационно-педагогического обеспечения государственной системы специального образования в Республике Крым

Направление 1. Обеспечение государственных гарантий доступности дополнительного образования детей. Доступность дополнительного образования детей - неотъемлемая часть и важный фактор обеспечения социальной целостности и стабильности специального образования. Для обеспечения государственных гарантий доступности этого вида образования необходимо сохранить приоритет его бесплатности, равного доступа всех детей к специальному образованию. Предназначение системы специального образования - быть привлекательной и востребованной для населения. Его можно выполнить, только обеспечивая многообразие видов деятельности, мобильно реагируя на запросы потенциальных заказчиков. Предстоит расширить возможности получения специального образования детьми с ограниченными возможностями здоровья. Дополнительные образовательные программы для детей с ОВЗ должны содержать разные уровни сложности и позволять педагогу найти оптимальный вариант работы с той или иной группой детей или с отдельным ребенком. Они должны отличаться содержательностью, вариативностью, гибкостью использования.

Направление 2. Создание условий для повышения качества специального образования детей. Для наиболее полного удовлетворения социальных и образовательных запросов необходимо постоянно повышать качество специального образования детей. Специальное образование детей должно проходить в максимально комфортных, благоприятных для развития личности условиях. Это требует не только постоянного совершенствования образовательного процесса, но и его существенного обновления в соответствии с социокультурным, экономическим и политическим развитием региона, с изменениями, происходящими в мире, а также развитием теории и практики специального образования детей. Качество образовательных услуг (качество дополнительных образовательных программ, качество уровня их реализации, качество результата) и качество обслуживания (качество образовательного взаимодействия

педагогов специального образования и обучающихся, характера общения и отношений, благоприятной среды) создают авторитет в социуме, вызывают у ребенка желание получать дополнительное образование, а у родителей поддерживать его деятельность.

Направление 3. Методическое сопровождение. Методическое сопровождение направлено на развитие творческого потенциала педагогов, обеспечение высокого качества и глубины содержания учебно – воспитательного процесса в специальных образовательных учреждениях. Методическое сопровождение осуществляет свою деятельность по следующим направлениям:

- Методическое обеспечение образовательного процесса;
- Методическое сопровождение педагогических кадров ;
- Организация работы методического кабинета;
- Участие в городских мероприятиях;
- Участие в работе городского методического объединения по согласованному исследованию;
- Методическое сопровождение педагогических кадров.

Методическое сопровождение направлено на обновление содержания, повышение профессионального мастерства, оказание методической помощи педагогическим кадрам.

К факторам организационно-педагогическим, которые обеспечивают продуктивность функционирования региональной системы специального образования, относятся:

1) наличие организованной нормативно-правовой сферы специального(дефектологического) образования в регионе;
2) согласованность сети специальных учреждений, их доступность для всех детей с ограниченными возможностями здоровья;
3) качество управления региональной системой специального образования;
4) комплексность системы сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья;
5) мобилизация кадрового и материально-технического потенциала специальных учреждений;
6) необходимые условия для начальной профессионально-трудовой подготовки учащихся и развитие интеграционных процессов в регионе.

Выводы. Важнейшим условием успешного функционирования региональной системы специального образования является организационно-педагогическое обеспечение, выступающее как преобразование системы с целью её совершенствования, развития на

основе сохранения исторических социокультурных достижений и образовательных традиций.

Совершенствование организационно-педагогического обеспечения региональной системы специального образования строится на основе концептуальных подходов, предполагающих осуществление комплекса организационно-структурных преобразований, наследующих традиции специального образования региона и обеспечивающих новое качество и эффективность данной системы.

Литература:

1. Кондрашев П. Е. Внедрение проектов Федеральной программы развития образования как исследования проблем региональных преобразований // Теория и практика модернизации отечественного образования: Материалы Академических чтений. 2002. Вып. 3. С. 13-16.

2. Гузаирова А. Ф. Государственно-общественное управление развитием муниципальной системы образования: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Оренбург, 2007. 218 с.

3. Янова М. Г. Формирование педагогической культуры будущего учителя: организационный контекст // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2011. № 1. С. 134-139.

4. Минкина Г. Т. Управление инновационными процессами в муниципальной системе образования // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2010. № 2. С. 47-60

5. Галкина О. В. Роль и место понятия «организационно-педагогические условия» в терминологическом аппарате педагогической науки: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Самара, 2009. 187 с.

6. Волкова Л. А. Организационно-педагогическое обеспечение адаптации ребёнка к изменению образовательной ситуации : диссертация ... кандидата педагогических наук : 13.00.01. Кострома: Костром. гос. ун-т им. Н. А. Некрасова, 2011. 252 с.

7. Малафеев Я. Я. Основы управления специальным образованием: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб, заведений / Малафеев Я. Я. и др. / Под ред. Д. С. Шилова. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 336 с.

8. Материалы II Международной научно-практической конференции »Социально-педагогическая поддержка лиц с ограниченными возможностями здоровья: теория и практика» Ялта, 2018.

Формирование новой социальной субъектности в современной политике

Тимофеева Л. Н.
Доктор политических наук, профессор
Научный руководитель Школы политических исследований
Института общественных наук РАНХиГС (г.Москва)
E-mail: Timofeeva-lidiya@inbox.ru

Аннотация: *В тезисах раскрываются причины появления новых социальных субъектов в современной политике. Они становятся главными участниками политических протестов потому, что нарушаются «правила игры» в политике и экономике, заключенные еще два века назад, когда в большинстве государств было заявлено о победе демократии и идеи социального государства. Нарушителем спокойствия стал прекариат – класс с постоянной временной занятостью, слабой гарантией социальных и политических прав, с нестабильным доходом и депрофисонализацией. В некоторых странах он достигает четверть трудоспособного населения и выходит на улицы с политическим протестом.*

Ключевые слова: *социальные субъекты политики, демократия, социальное государство, прекариат, политика, игра.*

Formation of a new social subjectivity in modern politics

Timofeeva L. N.
Doctor of political science, Professor
Research Director Of the school of political studies
Institute of social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow)
E-mail: Timofeeva-lidiya@inbox.ru

Abstract: *The theses reveal the reasons for the emergence of new social actors in modern politics. They become the main participants in political processes because they violate the» rules of the game « in politics and Economics, which were concluded two centuries ago, when most States declared the victory of democracy and the idea of a social state. The troublemaker was the precariat-a class with permanent temporary employment, weak guarantees of social and political rights, unstable income and deprofisonalization. In some countries, it reaches a quarter of the working-age population and takes to the streets with political protest.*

Keywords: *social subjects of politics, democracy, social state, precariat, politics, game.*

Вначале следует пояснить, что мы понимаем под социальностью и социальным субъектами в политике. Социальность рассматривается нами как совокупность экзистенциональных потребностей человека в удовлетворении им гражданских прав и прав на достойное социальное существование. Социальные субъекты в политике - это граждане и их объединения, берущие на себя политические функции. Поскольку демократия сегодня заявлена как основная форма правления большинством стран, представленных в ООН, то мы будем рассматривать формирование новой социальной субъектности имено в условиях демократии. По словам крупнейшего политического социолога США С.М.Липсета «демократия в сложном обществе может быть определена как политическая система, предсталвляющая регулярные конституционные возможности для смены официально управляющих лиц, а также представляющая социальный механизм, который позволяет наибольшей части населения влиять на основные решения благодаря возможности делать выбор между соперниками, претендующими на занятие политических постов» [1, с. 27]. Процессы, которые происходят в условиях демократии, заключены в рамки определенных правил, и именуются «честной игрой». По мнению норвежского историка и культуролога Йохана Хейзинга «игра», присуща человечеству и предшествует появлению самой культуры, являющейся всеобъемлющим способом человеческой деятельности, универсальной категорией человеческого существования. Она распространяется буквально на всё, включая политику. Фундамент культуры закладывается в благородной, честной Игре, действующей на основе предписанных норм, разума, человечности [2, с. 137]. Эту мысль относительно человека политического, действующего в условиях «демократической игры», по-своему интерпретирует С.М.Липсет, вычленяя ряд специфических условий для устойчивой демократии. Если политическая система не характеризуется системой ценностей, позволяющей вести мирную «игру» властных сил, то демократия становится хаотичной, что характерно для многих латиноамерикапнских стран. Если исходом политической игры не будет периодическое присуждение справедливо победившей группе вознаграждения в виде эффективных властных полномочий, то результатом станет безответственное, нестабильное правление, а вовсе не демократия. Если не существует условий для воспроизведения действенной оппозиции, то полномочия и амбиции чиновников,

стоящих у власти, станут постоянно увеличиваться, а влияние народа на политику будет сводиться к минимуму.

Конечно, идея власти народа - демократия соотносится с состоянием экономического развития и с экономическими субъектами – теми, кто организует производство и продажу товаров и с идеей социального государства. Именно с ними и с государстом, которое занято распределении социальных благ, завязываются отношения у социальных субьектов, о которых в свое время говорил К.Маркс. В итоге борьбы трудящихся за свои права в конце XIX века родился проект социального государства в различных своих воплощениях, политика которого направлена на перераспределение материальных благ среди граждан, сглаживания социальных различий и помощи нуждающимся. Мы являемся свидетелями уже пятого этапа эволюции социального государства, если следовать цепочке: первичное социальное государство; государство социальных услуг; государство социального благоденствия; социальное государство.

Но что мы наблюдаем сегодня? Изменяются «правила политической и социальной игры» в нравственной и правовой основе. Идея власти народа – демократии – не умирает, но деформируется, идея социального государства пересматривается в сторону увеличения налогов, сокращения рабочих мест и гарантированной оплаты и т.д. Экономические отношения тоже не стоят на месте. Капитал разрывает договор со средним классом, выходит на другие национальные рынки, где производство товаров ему достается дешевле, у него появляется геополитический интерес. Возникают новые экономические субъекты - транснациональные компании, которые переводят производство в те места, где им выгодно получать прибыль. В результате появляется и новый социальный субъект политики – прекариат или как его назвал английский экономист Г.Стендинг «новый опасный класс» - с постонной временной занятостью и частичной занятостью. Это социально-экономическая группа (в некоторых странах она составляет четверть взрослого населения), характеризующаяся тремя особенностями: ее представители заранее не обеспечены рабочими местами; помимо непосредственной оплаты труда, они не получают дополнительных социальных гарантий в виде пенсий и пособий по безработице; люди, принадлежащие к этому классу, часто лишены определенных гражданских прав, которые есть у других членов общества. Прекариат растет за счет мигрантов, женщин, учащихся. Среди причин, ведущих к возникновению прекариата, Стэндинг называет переход к гибким трудовым отношениям, возникшим неизбежно в ходе формирования в 1975–2008 годах глобального трудового процесса. Ученый пишет: «Он еще не обрел собственного

голоса и не способен предъявить свою программу. Это не «ущемленный средний класс» (squeezed middle), не «низший класс» (underclass) и не «беднейший рабочий класс» (lower working class). Он уже осознает свою уязвимость по определенному ряду позиций и выдвинет столь же определенное число требований» [3, с. 7]. Его требования свободы миграции и универсального базового дохода имеют мало общего с традиционным тред-юнионизмом. Это пока класс с несформировашейся политической программой. Стендинг включает его в семь групп: крошечная *«элита»,* состоящая из невероятно богатых граждан мира, заправляющих и способных повлиять на любое правительство; *салариат (от англ. слова salary – зарплдата)*, все еще со стабильной полной трудовой занятостью; profitians-*«квалифицированные кадры»,* имеющих ряд навыков, которые они успешно выставляют на рынок и много зарабатывают в качестве консультантов или независимых специалистов по контракту, работая на себя; работники физического труда, костяк старого «*рабочего класса*», ряды которого поредели утратили чувство социальной солидарности;быстро растущий *прекариат*, рядом с которым - армия безработных и обособленная группа социально обездоленных, живущая подачками общества [3, с. 21, 22]. Классификация прекариата у российского социолога Ж.Тощенко такова: занятые постоянно на временной работе (30−40 % трудоспособного населения); работающие неполный рабочий день или перебивающиеся сезонными и случайными приработками; безработное население; самозанятые люди «творческих профессий»; работники наемного труда; часть мигрантов, подвергающиеся нередко дискриминации; стажеры и часть студентов, соглашающиеся на работу ниже своих возможностей в надежде занять устойчивое положение в обществе и профессии [4]. Именно они в ближайшие годы могут занять место того самого «революционного» класса, способного поменять правила игры в обществе. Все это объясняет, почему растет число социальных протестов в различных странах с заявленными демократическим устройством и социальным государством.

Вывод. Стабильной демократия может быть только тогда, когда ведется мирная «игра» властных сил; если исходом политической игры не будет исключительное присуждение какой-либо одной группе (политической и экономической элите) вознаграждения в виде эффективных властных полномочий; если существуют условия для систематичекого воспроизведения действенной оппозиции в лице ущемленных слоев общества и ее участия в принятии политических решений. Социальным государство с довольными гражданами останется тогда, когда экономическая элита в правилах своей игры

учтет приницп социальной справедливости для «обиженных и оскорбленных» - нового социального субъекта политики - прекариата.

Литература:

1. Липсет С.М. Политический человек: социальные основания политики/Пер. с англ. Е.Г.Генделя, В.П.Гайдамака, А.В.Матешук. М.: Мысль, 2016. С. 27

2. Хёйзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / Сост., предисл. Х 35 и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; Коммент., указатель Д. Э. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. С.138. Книга вышла в 1938, когда к власти в Европе в ряде стран пришли фашисты и стали утверждать идеи национального превосходства, упаковывая их во всевозможные игровые формы типа факельных шествий. Он публикует свою книгу как протест против лживой игры. Не смотря на то, что политика всеми своими корнями глубоко уходит в первобытную почву состязательно-игровой культуры, освободиться от «первобытности» и подняться над нею она может лишь через этос, который отвергает правомочность подхода «друг - или враг» и не принимает притязаний собственного народа за наивысшую норму – утверждает ученый. Он выступает против использования игровых форм в антигуманных целях.

3. Стендинг Гай. Прекариат: новый опасный класс / Пер. С англ. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. С. 21, 22, 88.

4. Тощенко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу: Монография / ФНИСЦ РАН, РГГУ. М. : Наука, 2018.

Политическая публичная сфера межнационального согласия в контексте развития средств виртуальной коммуникации

Товмасян Н.Т.
Сургутский Государственный Университет,
младший научный сотрудник
E-mail: tovnarine@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-411-860001\19, «Механизмы формирования межэтнического согласия в полиэтничном обществе».

Аннотация: *Предметом исследования в статье является политическая публичная сфера, рассматриваемая через призму межнационального согласия как основополагающего пункта на пути*

достижения гражданской консолидации. Автор раскрывает концептуальные основы и идейные истоки политической публичной сферы при этом, обращаясь к вопросам влияния общественного мнения на принятие политических решений. В статье говорится о возрастающем влиянии на формирование и функционирование публичной сферы развитие и распространение интерактивно-коммуникационных технологий. Так же в работе рассмотрены механизмы урегулирования актуальных социальных вопросов и зависимость принятия политических решений от общества в целом и общественной морали в частности, как совокупности укоренившихся социальных норм внутри конкретного общества. Актуальность рассматриваемой темы работы обусловлена наблюдаемой повсеместно растущей напряженностью во взаимоотношениях населения и властей, исследования связанные с пониманием проблематики кризиса публичной политики позволят урегулировать многие актуальные вопросы внутри обществ, в том числе вопросы, связанные с обострением межнациональных отношений.

Ключевые слова: *публичная сфера, политическая публичная сфера, межнациональные отношения, интерактивно-коммуникационные технологии.*

Political Public Sphere of Interethnic Harmony in the Context of the Development of Virtual Communication

Tovmasyan N.T.
Surgut State University, junior scientific researcher
E-mail: tovnarine@mail.ru

Abstract: *The subject of this article is the political public sphere, viewed through the prism of interethnic harmony as a fundamental point on the path to achieving civilian consolidation. The author reveals the conceptual foundations and ideological origins of the political public sphere while addressing the issues of the influence of public opinion on political decision-making. The article talks about the increasing influence on the formation and functioning of the public sphere the development and spread of interactive communication technologies. The work also discusses mechanisms for resolving pressing social issues and the dependence of political decision-making on society as a whole and public morality in particular, as a set of entrenched social norms within a particular society. The relevance of the topic of work is due to the observed widespread tension in relations between the population and the authorities, studies related to understanding the problems of public policy crisis will allow to resolve many*

pressing issues within societies, including issues related to the aggravation of interethnic relations.

Keywords: *public sphere, political public sphere, interethnic relations, interactive communication technologies.*

Очень часто ученые и исследователи общества упоминают о публичной сфере в контексте идей о гражданском обществе, при этом, отождествляя эти два понятия, или, включая их, в смысловые орбиты друг друга. Логично подойти к вопросу о возможности использования данного концепта в описании современных социально-политических реалий. В трудах Ю. Хабермаса уделяется особое место вопросам, отсылающим к политическому аспекту феномена публичной сферы. Он, в частности, описывал политическую публичную сферу как поле, в котором встречаются, как минимум, два таких процесса как: «коммуникативное производство законной власти» и «манипулятивное использование власти СМИ для создания массовой лояльности, спроса и уступчивости по отношению к системным императивам» [1, с. 40]. Очевидно, автор видел политическую публичную сферу через призму коммуникационного дискурса, который бы, при своей институционализации, сглаживал все возникающие острые углы между гражданами и государством и притворял бы в жизнь лучшие идеи философов и политологов о становлении идеального и гармоничного государства. Ю. Хабермас считал, что задача публичной политики должна сводиться к достижению общественного согласия путем равноправного диалога при полном «исключении обмана и иллюзии» [2, с. 56]. Именно в процессе такого обмена информацией вырабатывается то, что принято называть общественным мнением.

Говоря о важности установления общественного диалога, Ю. Хабермас приходит к идее о том, что без «политической публичности» в которой высвобождаются возможности коммуникации, при которой производится дискурсивное формирование отношений, и воли публики то есть граждан, и вовсе не представляется возможным воплощение идеалов делиберативной демократии.

В пользу идеи о том, что политические вопросы, имеющие моральную основу, должны и могут быть решены рациональным путем, высказывались такие ученые как Джон Ролз и Рональд Дворкин, Брюс Акерман, Пауль Лоренцен и Карл-Отто Апель. Упомянутые авторы истолковывали непредвзятое суждение как «моральную точку зрения» то есть как нечто отвечающее всеобщему интересу. Их продолжительная дискуссия по поводу обоснования и формулировки принципов универсализации и морали позволила прояснить, что обобщение интересов может иметь достаточно высокие шансы на

воплощение. Вместе с этим, Юрген Хабермас и Карл-Отто Апель совместно сформулировали дискурсивно-этический подход, который рассматривает аргументацию как подходящий способ решения морально-практических вопросов. Подобное понимание разрешения политических проблем, которые имеют моральную основу, находится в прямой зависимости от выработки публичной практики аргументации. Ю. Хабермас, в своем понимании морали склоняется к Кантовскому подходу, согласно которому философию морали интересуют, прежде всего, максимы, то есть принципы, на базе которых человек действует. Однако Ю. Хабермас расходится с ним во взглядах на обоснование морали. Кант считает, что каждый самостоятельно открывает для себя первоисточник того, чем является «человечество» через «самого себя и другого» как «самоцели», а Хабермас говорит о том, что мораль укоренена в правилах дискурса. Если содержание нормы будет одобрено всеми, к кому она имеет отношение, то посредством дискурса будет выработан принцип совместной деятельности в рамках существующих социальных институтов. А далее все будут действовать в соответствии с данной нормой, потому что это лежит в их интересах, и поэтому мы можем надеяться на моральный прогресс общества. Согласно такому толкованию, прояснение политических вопросов, затрагивающих мораль, зависит от формирования публичной практики аргументации.

В ходе таких дискурсов о фундаментальных принципах демократического правового государства, которые гарантируют вовлечение в политическую жизнь как можно большего количества заинтересованных граждан в качестве участников дискурсов, будут выработаны разумные нормы деятельности в рамках существующих социальных институтов, и весь порядок в государстве получит одобрение граждан. Возникает вопрос о том, каким образом вся эта теоретическая система может стать действенной на практике.

Ю. Хабермас даёт ответ на данный вопрос в своей книге «Структурное изменение публичной сферы», он говорит, что ядро гражданского общества образуют ассоциации, которые институционализируют разрешающие проблемы дискурсы по вопросам всеобщего интереса в рамках организационно оформленной общественности. То есть те представители общественности, которые могут донести мнения гражданского общества до политической элиты, являются самыми активными членами демократического правового государства. И вся система будет нормально функционировать в том случае, если эти представители общественности, с одной стороны, останутся в роли свободных от экономического интереса и логики борьбы за власть интеллектуалов, способных дискутировать по

принципиальным вопросам о целях и смыслах общественного развития и сохранять контакт с теми исходными гражданскими ассоциациями, из которых они вышли; с другой стороны, если он будут обладать таким высоким статусом в обществе, что к их мнениям будут прислушиваться политики и управленцы, принимающие подходящие для всего общества решения.

При этом важно понимать, что в современном мире становится все более актуальным способность поддерживать в здоровом балансе такие составные элементы общества как социальное, культурное и этническое разнообразие. Единственным ориентиром на этом пути становится способность общества достигать консолидации и межнационального согласия путем выстраивания институтов и механизмов, инициирующих рациональную дискуссию и позволяющих преодолевать проблемы возникающие в ней. Это и становится условием достижения национального согласия «как внутренне непротиворечивого состояния межнациональных отношений, возникающего в процессе деятельности политических акторов по интеграции национальных и этнических групп в новую общность на основе объективных общих интересов и гражданской (наднациональной) идентичности» [4]. Эта ответственность ложится как на политическую элиту, так и на обычных членов общества, задействованных в разработке и принятии общезначимых политических решений, объединенных вокруг идеи развития, а также нивелирования потенциальных рисков, способных оказать дезинтегрирующее воздействие.

В том числе и поэтому техноэнтузиасты приветствовали социальные медиа именно как инструмент, способный расширить вовлеченность в политическую жизнь и демократию всех слоев населения, в том числе и этнических меньшинств, голос которых ранее был неслышен. Правда определенным разочарованием для них стало то, какую цену за это приходится порой платить, ведь благодаря социальным медиа так же быстро и легко власти могут выявлять инакомыслящих. Например, в Иране социальные медиа стали использовать для подавления политических протестов. А в Китае весь интернет изначально сконструирован под руководством правительства и практически отгорожен от внешнего интренет-пространства. В ряде других стран таких, например как, Казахстан, Турция, Киргизия и т.д. практикуется частичное отключение наиболее популярных социальных сетей в периоды нестабильности внутри страны, когда оппозиционная активность и антиправительственная информация набирает популярность на тех или иных интернет –ресурсах. После спада пика

активности все проблемы в функционировании платформ на территории страны быстро сходят на нет.

Изменения в технологиях социальных коммуникаций в интернет-пространстве предопределили появление широких возможностей по агрегации, передаче и обмену информацией без ограничительных рамок по временным и пространственным характеристикам коммуникационного процесса. С учетом того, что многими исследователями отмечается крайне высокая роль коммуникаций в формировании ландшафта системы политического управления, необходимо так же попробовать подвергнуть анализу воздействие технологий интернет-коммуникации на процесс современного общественного и политического управления в целом.

Социальные медиа изменяют мир уже сейчас на наших глазах, и мы ощущаем на сколько сильно размывается грань между частной и публичной сферами, частная сфера становится все более тонкой и узкой при этом появляется особый язык соцмедиамемы, шеринг, скроллинг, селфи, хайп и т.д. и т.п. Нам лишь предстоит в дальнейшем осмыслить то чем же стали для нас социальные медиа на самом деле.

Чтобы в полной мере иметь возможность говорить о социальном государстве как о реальной возможности стоит понимать, что её проблема коренится не в теориях и концептах, предложенных философами, политологами и даже политиками, а в моральной зрелости и ответственности людей, которые составляют это самое государство, в их желании к позитивной консолидации и достижении межнационального согласия. Важна именно связь индивидов со своим сверхчувственным восприятием, понимание того, остается ли в таком обществе место для пассионарности, социальной ответственности и компромисса или оно поглощено проблемами материального характера, которые не дают возможности индивиду проявлять свою социальную сопричастность. Другими словами, есть ли шанс, что люди будут участвовать в общественных обсуждениях и вступать в дискурс для того, чтобы совместными усилиями обнаружить решение проблем или все же в обществе одержат верх иные токсичные модели взаимодействия.

Литература:

1. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. М.: Весь мир, 2016. 344 с.

2. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи. М.: Весь мир, 2011. 336 с.

3. Дробижева Л.М. Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контекст. М.: ФНИСЦ РАН, 2018. 552 с.

4. Мартынов М.Ю., Пуртова В.С. Концепт национального согласия в исследованиях состояния межэтнических отношений в регионе. // Вестник Московского государственного университета. Электронный журнал. 2019. № 4.

Интеграция как «постконфликтное миростроительство»

Толкачев В. В.
Кандидат исторических наук
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», кафедра мировой дипломатии международного права Института международных отношений и мировой истории, доцент
E-mail: tolkatchev_v@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00666, «Интеграционные процессы в Европе: сравнительный анализ».

Аннотация: *В статье рассматривается роль интеграции как тенденции мирового развития на укрепление внешнеполитического взаимодействия, как механизм, который уже помог добиться реальных результатов между государствами, воевавшими друг с другом не одно столетие. Практика различных кризисов в мире показала, что заложить основы для устойчивого развития и мира в дальнейшем как правило требует больше усилий, чем добиться перевода конфликта в некую неактивную стадию. На примере отношений Франции и Германии после Второй мировой войны показываются итоги преодоления противостояния между этими двумя странами через интеграционные проекты. На постсоветсвком пространстве рассматривается становление Евразийского экономического союза. На основе анализа макроэкономических показателей выявляется оценка текущих политико-экономических процессов в рамках союза России, Казахстана, Беларуси, Армении и Кыргызстана. Проводится сравнение развития интеграции в Западной Европе и на постсоветском пространстве, выявляются факторы, влияющие на интеграционные процессы, анализируются экономические показатели и перспективы интеграции на постсоветском пространстве.*

Ключевые слова: *интеграция, постконфликтное миростроительство, Европейский Союз, постсоветское*

пространство, торгово-экономические отношения, Евразийский экономический союз.

Integration as «post-conflict peacebuilding»

Tolkachev V. V.
Candidate of history sciences, associate professor at World diplomacy and international law chair, Institute of international relations and world history, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
E-mail: tolkatchev_v@mail.ru

Abstract: *The article considers the role of integration as a trend of world development to strengthen foreign policy interaction, as a mechanism that has already helped to achieve real results between States that have been at war with each other for centuries. The example of relations between France and Germany after the Second World War shows the results of overcoming the confrontation between these two countries through integration projects. The formation of the Eurasian economic Union is considered in the post-Soviet space. Based on the analysis of macroeconomic indicators, the assessment of current political and economic processes within the Union of Russia, Kazakhstan, Belarus, Armenia and Kyrgyzstan is revealed. The author compares the development of integration in Western Europe and the post-Soviet space, identifies factors that influence integration processes, analyzes economic indicators and prospects for integration in the post-Soviet space*

Keywords: *integration, post-conflict peacebuilding, the European Union, the post-Soviet space, trade and economic relations, the Eurasian Economic Union.*

Под словосочетанием постконфликтное миростроительство обычно понимается деятельность преимущественно Организации Объединенных Наций, направленной на оказание помощи выходящим из конфликта странам с целью снижения риска его возобновления.

Практика различных кризисов в мире показала, что урегулировать конфликт, добиться перевода его в некую замороженную стадию требует часто колоссальных усилий, причем всего международного сообщества, но иногда это удается сделать в относительно короткие сроки. Однако заложить прочные основы для устойчивого развития и мира в дальнейшем как правило требует годы и даже не одно десятилетие. Чем интенсивнее и глубже конфликт, тем сложнее убрать образ врага у противоположных сторон, научить воюющие стороны жить в мире, не руководствуясь образами прошлого, а налаживая

взаимодействие во имя будущего. Особенно сложно проводить постконфликтные программы в ситуации, когда одна из сторон чувствует себя проигравшей и не хочет мириться со сложившейся ситуацией.

В практике ООН есть достаточно много миссий по поддержке миростроительства в ряде стран Западной и Центральной Африки, Ближнего Востока, Центральной Азии и других регионах. Разная их результативность как раз и обусловлена сложностью добиться невозобновления конфликта после острой фазы.

Тем не менее, в международной практике есть механизм, который уже помог добиться реальных результатов между государствами, воевавшими друг с другом не одно столетие. Речь идет об интеграции, ставшей уже тенденцией мирового развития, ибо большинство стран участвуют в тех или иных интеграционных процессах в разных регионах мира, пытаясь строить зоны свободной торговли, таможенные союзы, формировать общие рынки, экономические и валютные союзы и даже политические союзы.

Самым ярким примером, показывающим, что идея интеграции может не только примирить, но и заложить фундамент отношений на новом уровне, несмотря на прошлое, служит взаимодействие Франции и Германии. Именно на их примирении удалось построить Европейские сообщества, достигшие наивысшего в истории интеграционных процессов уровня. На основе идей восстановления Европы в рамках структуры, обеспечивающей безопасность, а также примирения и партнерства Франции и Германии, выраженных У. Черчиллем в Цюрихе в 1946 г. и в декларации Р. Шумана в 1950 г., 18 апреля 1951 года шестью государствами-основателями был подписан Договор об учреждении Европейского объединения угля и стали, имеющему важное как экономическое (рационализация производства, расширение рынков, повышение уровня жизни), так и политическое значение (делегирование части суверенитета в соответствующей сфере наднациональному руководящему органу с полномочиями принимать решения в общих интересах, выбранному из представителей государств, но действующему независимо).

Принимая во внимание большой конфликтный период в отношениях двух стран и уровень их взаимодействия к современному этапу с заседаниями совместных советов и других органов в внешнеполитической, экономической, военной сферах, сферах образования, культуры и науки, молодежной политики и т.д., можно с уверенностью сказать, что интеграция здесь выступила именно как механизм постконфликтного миростроительства. Постепенно укрепление взаимодействия дало повод включить в научный и

публицистический оборот понятие «франко-германской пары» (le couple franco-allemand). А попытка создать общие учебники истории (вышло три тома в качестве дополнительных пособий для старших классов) является примером найти максимально возможное сближение взглядов в массовом сознании жителей двух стран.

Данный опыт можно рассматривать и применительно к другим регионам, в частности, к постсоветскому пространству. Распад Советского Союза привёл к распаду устоявшихся хозяйственных связей и, как следствие, спаду в национальных экономиках государств на территории постсоветского пространства.

Принимая во внимание достижения интеграции в Западной Европе во второй половине XX – начале XXI веков, на постсоветском пространстве среди логичных сценариев развития международных отношений следовало бы назвать, прежде всего, интеграционный, т.е. строительство действительно общего экономического пространства с республиками бывшего СССР, более или менее готовыми к этому. Тем не менее, показать хотя бы близкие примеры в рамках Содружества Независимых Государств пока нельзя.

Наиболее перспективным проектом пока видится организованный на базе Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) от 2000 года Евразийский экономический союз (ЕАЭС), договор о создании которого подписан 29 мая 2014 года и действующий с начала 2015 года. Сейчас в ЕАЭС входит Россия, Беларусь, Казахстан, Армения и Кыргызстан.

Современная ситуация с развитием союза усугубляется проблемами экономического характера, связанными с последствиями санкций зарубежных государств в отношении Росси из-за ситуации вокруг Украины, ответных российских санкций, возможного реэкспорта санкционных товаров, ослаблением курса рубля и т.д. Тем не менее, по статистике ЕАЭС, ситуация постепенно выправляется. Если в 2014 г. объем внешней торговли стран ЕАЭС составлял около 873 млрд. долл. США, в 2015 наблюдалось значительное сокращение – почти до 579 млрд., в 2016 еще больше – почти до 509 млрд., то в 2017 наблюдался уже рост до 634 млрд., а в 2018 – 753 млрд. Итоги за 2019 год покажут, смогут ли страны достичь уровня 2014 года. [1, с. 22] Следует отметить, что эта динамика относится как к экспорту, так и импорту. Примечательно, что аналогичная ситуация наблюдалась и во взаимной торговле стран ЕАЭС. В 2014 г. объем составлял около 61 млрд. долл. США, в 2015 – около 45 млрд., в 2016 – почти 43 млрд., в 2017 – около 54 млрд., в 2018 – около 60 млрд. [2, с.19]

Несмотря на положительную макроэкономическую динамику, конечно, прошло еще достаточно мало времени, чтобы делать

серьезные выводы о перспективах данного интеграционного объединения, не доказавшего пока устойчивость к кризисам финансово-экономического характера, решимости совместного решения трудностей конкретной страны (как в случае с решением долгового кризиса в Греции в рамках ЕС).

Как правило, эффективнее интеграция идет среди стран со сходным уровнем экономического развития, что можно было видеть на западе Европы в 1960-е годы. Сравнивая развитие европейской интеграции с интеграцией бывших советских союзных республик, необходимо так же констатировать, что интеграционные процессы среди частей некогда единого государства развиваются медленнее, а экономические отношения осложняются многими политическими факторами, мешающими привлечь максимальное количество соседних стран. В бывших союзных республиках уже сложились свои элиты, которые для национального самоутверждения будут опасаться интеграционных проектов, где по объективным экономическим причинам будет доминировать Россия, т.е. они будут характеризоваться как стремление к поглощению, имперскому реваншу и т.п. Российская Федерация не воспринимается политически, таким образом, центром интеграции в полном смысле слова.

Если брать торговлю, то действительно, сравнение России с соседями дает иную картину при сравнении, например, между собой Франции, Германии, Италии в интеграционном взаимодействии. Судя по официальной статистике, Россия во взаимной торговле стран ЕАЭС с 2014 по 2018 гг. составляла почти две трети объема, примерно диапазон 60-65%, доля Беларуси была в пределах 23-27%, Казахстана – 9-12%, Кыргызстана колебалась около 1% и доля Армении повысилась в этот период времени с 0,5 до 1,1% [2, с. 19]. Если взять внешнюю торговлю, то здесь за Российской Федерацией лидерство видно еще больше. Вклад государств-членов ЕАЭС в совокупный объем внешней торговли товарами за 2014-2018 годы распределялся следующим образом: доля России была около 83-84%, Беларуси – около 4-5%, Казахстана – 9-11%, а доля как Армении, так и Кыргызстана колебалась в диапазоне по 0,5-0,7% [1, с. 24].

Если же сравнивать торговый оборот в ЕАЭС с объемами торговли с третьими странами, то и тут показатели говорят не о самой высокой ориентированности российской торговли на партнеров по организации. Объем товарооборота России с Германией, например, за 2018 год составил около 60 млрд. долл. США, а товарооборот со всеми партнерами по масштабам показателей не изменилась по сравнению с периодом ЕврАзЭС [3]. ЕАЭС – около 58 млрд. долл. США [4, 5, 6]. Следует отметить, что картина по показателям Значительная разница в

показателях, соответственно, порождает и экономические опасения в соседних с Россией странах попасть от нее в зависимость, проиграть конкурентную борьбу и т.п.

Тем не менее, пример интеграции как средства решения проблем в отношениях между государствами имеется и на сегодняшний день пополняется новыми механизмами. В рамках пограничного взаимодействия развивается концепция еврорегионов, в ЕС давно действует как вспомогательный орган Комитет регионов, что может быть основой для разработки планов по свободному перемещению людей, формированию действительно общего рынка в проблемных регионах постсоветского пространства, для развития ограниченных экономических проектов, которые могут привести к позитивным политическим последствиям, как в случае с ЕОУС.

Франция и Германия подписали первый договор о сообществе (в рамках ЕОУС) спустя 6 лет после окончания Второй мировой войны и в современной ситуации уже не видится сценариев жесткого противостояния между этими бывшими противниками. Разница в восприятии друг друга пока не позволяет сказать о форсированном развитии интеграции на постсоветском пространстве, тормозимое, тем более, тяжелыми российско-украинскими отношениями, но при определенных условиях даже небольшие, но успешные проекты в торгово-экономических отношениях могут поменять подходы стран друг к другу и создать основу для формирования сообщества безопасности, где не будет места конфликтным методам разрешения противоречий даже при существовании разногласий.

Литература:

1. Внешняя торговля товарами. Статистика Евразийского экономического союза. 2018 год: Статистический сборник; Евразийская экономическая комиссия. М.: Издательство ООО «Сам Полиграфист», 2018. 556 с.

2. Взаимная торговля товарами. Статистика Евразийского экономического союза. 2018 год: Статистический сборник; Евразийская экономическая комиссия. М.: Издательство ООО «Сам Полиграфист», 2019. 258 с.

3. Толкачев В. В., Чалбаева А. А. Перспективы развития интеграционных объединений на постсоветском пространстве: опыт таможенного союза России, Беларуси, Казахстана // Молодой ученый. 2015. №2. С. 428-432.

4. Внешняя торговля Российской Федерации по странам за 2017 и 2018 годы. URL:

http://eec.eaeunion.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Documents/2018/12-102019/E201812_2_6.pdf.

5. Объем экспортных поставок Российской Федерации в государства-члены ЕАЭС за 2018 год. URL: http://eec.eaeunion.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Documents/2018/12-180/I201812_8_5.pdf.

6. Объем импортных поставок Российской Федерации из государств-членов ЕАЭС за 2018 год. URL: http://eec.eaeunion.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Documents/2018/12-180/I201812_9_5.pdf.

Крымский фактор в развитии российско-белорусских отношений (2014–2019 гг.)

Ускова О. С.
ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», студент.
E-mail: chistolinova71@mail.ru

Аннотация: *В данной статье рассматривается динамика интеграционной политики России и Беларуси после распада Союза Советских Социалистических Республик, анализируется состояние российско-белорусских отношений до и после перехода полуострова Крым в состав Российской Федерации. Определяется характер политики Республики Беларусь в отношении Российской Федерации. Автор предпринимает попытку выявить степень влияния геополитических изменений в политике Российской Федерации по отношению к Республике Беларусь, начиная с 2014 года.*

Ключевые слова: *Республика Крым, Республика Беларусь, Российская Федерация, Союзное государство, политика добрососедства, российско-белорусские отношения.*

Crimean factor in the development of Russian-Belarusian relations (2014–2019)

Uskova O. S.
V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
student
E-mail: chistolinova71@mail.ru

Abstract: *This article discusses the main course of the integration policy of Russia and Belarus after the collapse of the Union of Soviet*

Socialist Republics. It also examines the condition of Russian-Belarusian relations before and after the transfer of the Crimean peninsula to the Russian Federation. The article determines the nature of the policy of the Republic of Belarus in relation to the Russian \Federation. The author attempts to identify the degree of influence of the geopolitical changes of the Russian Federation in 2014 on foreign policy relations with the Republic of Belarus.

Keywords: *Republic of Crimea, Republic of Belarus, Russian Federation, Union State, Neighborhood Policy, Russian-Belarusian relations.*

В 90-е годы 20 века произошла серьёзная трансформация международной системы отношений. 8 декабря 1991 года высшие должностные лица и главы Российской Федерации (РСФСР), Республики Беларусь и Украины приняли решение подписать «Соглашение о создании Содружества Независимых Государств» [1]. В соглашении констатировалось прекращение существования Союза ССР как «субъекта международного права и геополитической реальности» и заявлялось о создании Содружества Независимых Государств. Распад СССР ознаменовал переход от биполярной системы международных отношений к однополярной.

На международной арене появилось 15 новых суверенных государств. Фрагментарность экономики и социокультурная дезинтеграция привели в упадок постсоветское общество, сократив ВВП стран вдвое, так же неизбежными стали межнациональные конфликты и локальные войны. Разрушение идеологических установок, закладываемых десятилетиями, стало причиной духовного кризиса. Ни внешняя, ни внутренняя политика новообразованных государств четко не были определены. В данной ситуации одной из приоритетных задач, которая встала перед постсоветскими государствами, являлось определение внешнеполитического вектора и выбор союзников. Решение данной задачи автоматически предопределяло развитие сфер политики, экономики, безопасности и других.

В 90-е годы всем постсоветским государствам необходимо было сделать собственный геополитический выбор. Страны Балтиии стремились стать членами Европейского Союза. России необходимо было обрести новых союзников, и, что более важно, сохранить старых. На современном этапе Российской Федерации удалось сохранить тесное сотрудничество с такими постсоветскими странами: Белоруссия, Армения, Казахстан, Киргизия, Таджикистан. Особое место среди них отводится Республике Беларусь.

Вопрос российско-белорусских отношений всегда являлся одним из приоритетных в сфере внешней политики Российской Федерации. Цивилизационная идентичность двух евразийских народов, общее советское прошлое способствовали появлению нового витка российско-белорусских отношений. Проводимая интеграционная политика была выгодна обеим сторонам. Беларуси были необходимы энергоресурсы по "дружеской" цене, рынок сбыта и политический союзник на мировой арене. Россия, в свою очередь, заручалась поддержкой важного геополитического союзника. Взаимовыгодное сотрудничество двух государств было подкреплено договором 1995 года "О дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Беларусь", а в апреле 1999 года договором о создании Союзного государства России и Беларуси [2, 3]. Важно учитывать тот факт, что государства-союзники выстраивали свои отношения с учётом незыблемости границ, определённых после распада Союза Советских Социалистических Республик.

Вопрос дальнейшей интеграции был поднят в начале 21 века. Союзное государство, безусловно, важно для обеих сторон, однако объединение носит формальный характер. Чтобы реализовать договор на практике в 2002 году Белоруссии поступило предложение подтвердить союз объединением двух равноправных государств. Глава Российской Федерации указал на целесообразность проведения референдума в обоих государствах с дальнейшим избранием единого центра управления. На данное предложение был получен отказ [4, с. 5].

В марте 2014 года состоялось важное геополитическое событие для Российской Федерации. В результате референдума, проведённого на полуострове Крым, большинство населения проголосовало за переход в состав Российской Федерации . Данное событие вызвало критику со стороны большинства зарубежных стран.

В октябре 2014 г. Александр Лукашенко провел пресс-конференцию, на которой принял двойственную позицию. С одной стороны, прозвучали явные опасения экспансии со стороны России, отражающиеся в следующих словах: «Меня пугают, что сегодня Украина, завтра - Беларусь, а послезавтра – Казахстан». С другой стороны, прозвучала апелляция к «братским отношениям» с главой Российской Федерации, в которых Владимир Путин − старший брат [5]. Неоднозначность такого рода зачастую объясняется принципом многовекторности, который является основным во внешней

политике Республики Беларусь. Данный принцип зафиксирован в законе «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» [6].

Белорусский нейтралитет обусловлен как географической позицией, так и политической, т.к. страна является буферной зоной между государствами ЕС и Россией. Дополнительные преимущества Белоруссия получает от того, что на современном этапе является переговорным пунктом для урегулирования конфликта на Донбассе. Так же важна роль экономического моста, через который проходят большие объемы продукции и энергоресурсов.

Непризнание Крыма в последующие годы не препятствовало Белоруссии открыто сотрудничать с Россией и проводить политику добрососедства. Более того, Александр Лукашенко на переговорах Владимиром Путиным 25 декабря 2018 года согласился на унификацию законодательства с РФ, создание единого парламента, кабинета министров и других органов власти, переход на общую символику и единую валюту, но в январе 2019 года Александр Лукашенко назвал разговоры о возможном объединении с Россией «глупыми и притянутыми за уши», а в феврале призвал «не верить и не читать заявления о возможной потере суверенитета Беларуси». В ноябре 2019 года было принято решение создать Высший государственный совет, парламент, Совет министров, суд, Счетную палату Союзного государства. Реализация планов 1999 года сошла на нет в связи с заявлением Александра Лукашенко о давлении со стороны Кремля. Такие политические качели в последние годы уместно связать с торговлей энергоресурсами − обещания о союзной интеграции в преддверии установления цен на нефть и газ, отрицание сказанного в начале следующего года. В новом, 2020 году вопрос цен стал более остро, вызвав негодование белорусской стороны. Цены были установлены того же уровня − 127 долларов за тыс. кубометров − только на первые два месяца. На данный момент вопрос остаётся открытым [7].

Вопрос энергоресурсов многомерен и не может в полной мере быть рассмотрен в рамках данной работы. Однако он исключительно важен в контексте российско-белорусских отношений, ведь в последние годы именно эта тема является камнем преткновения в переговорах. В этом смысле необходимо отметить тот факт, что глава МИД Беларуси Владимир Макей в октябре 2019 года определил основные условия, препятствующие углублению интеграции России и Беларуси: налоговый манёвр, цены на газ и нефть и вопрос поставки сельскохозяйственной и промышленной

продукции [8]. Важным является тот факт, что статус Республики Крым не входит в перечень спорных вопросов.

Таким образом, на современном этапе Российская Федерация и Республика Беларусь продолжают быть стратегическими союзниками и экономическими партнёрами. Изменение статуса Крыма подверглось критике со стороны белорусских властей и вызвало резонанс среди политических элит Республики Беларусь. Однако взаимодействие между государствами сохранилось. Из условий, представленных МИДом Беларуси, можно сделать вывод о том, что фактор Крыма не влияет на российско-белорусские отношения.

Литература:

1. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] / Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств. Режим доступа: http://cis.minsk.by/page/176 (дата обращения: 10.12.2019).

2. Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Беларусь [Электронный ресурс] / Посольство Республики Беларусь в Российской Федерации. Режим доступа: http://www.embassybel.ru/belarus-russia-relations/sojuz/ (дата обращения: 10.12.2019).

3. Договор о создании Союзного государства [Электронный ресурс] / Информационно-аналитический портал Союзного государства. Режим доступа: https://soyuz.by/dogovor-o-sozdanii-soyuznogo-gosudarstva (дата обращения: 09.12.2019).

4. Веревкина Ю. И. Интеграционные тенденции в белорусско-российских отношениях [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/integratsionnye-tendentsii-v-belorussko-rossiyskih-otnosheniyah/viewer (дата обращения: 10.12.2019).

5. Демидюк Н. Лукашенко обвинил Украину в потере Крыма: «Почему вы отдали его без единого выстрела?» [Электронный ресурс] / Сетевое издание «МК в Крыму». Режим доступа: https://www.mk.ru/politics/2014/10/17/lukashenko-obvinil-ukrainu-v-potere-kryma-pochemu-vy-otdali-ego-bez-edinogo-vystrela.html (дата обращения: 09.12.2019).

6. ЗАКОН РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ от 14 ноября 2005 г. № 60-З «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» [Электронный ресурс] / Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь.

Режим доступа: http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10500060 (дата обращения: 13.12.2019).

7. «Газпром» и Белоруссия договорились о ценах на газ на 2020 год [Электронный ресурс] / Газета.ru. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/business/news/2020/02/14/n_14036749.shtml (дата обращения:13.12.2019).

8. Белоруссия назвала цены на нефть и газ препятствиями для интеграции с Россией [Электронный ресурс] / Агентство нефтегазовой информации. (дата обращения: 13.12.2019).

Историческая память населения и современная миграционная ситуация (пример Сицилии)

Фаис-Леутская О. Д.
Кандидат истричеких наук
Центр Европейских Исследований
Института Этнологии и Антропологии РАН, Москва, с.н.с.
E-mail: oxana-fais@yandex.ru

***Аннотация**: Данная статья содержит результаты исследования некоторых аспектов исторической памяти населения одной из областей Италии – Сицилии, и той роли, которую историческая память играет во многих областях жизни сицилийцев и местного социума, в том числе и в сфере отношений «своих» и «чужих» в рамках современной миграционной ситуации. Автор анализирует конкретный пример обращения к этой памяти со стороны местного населения региона. Анализ подобной тематики в контексте данного региона Италии – первый в отечественной и зарубежной науке – базируется преимущественно на данных, полученных в ходе многолетних полевых исследовательских кампаний автора. Исследование показало, что историческая память местного населения Сицилии выступает в роли основного фактора оптимизации их взаимоотношений с мигрантами в регионе, пользующемся репутацией странноприимного, особенно в контексте современного «миграционного кризиса», переживаемого Европой.*

***Ключевые слова**: историческая память; Сицилия; мигранты; апелляция к прошлому; странноприимность; ксенофилия.*

Historical memory of the population and the current migration situation (example of Sicily)

Fais-Leutskaia O. D.
PhD History
Center of European Researches
Institute of Ethnology and Anthropology
Russian Academy of Sciences, Moscow
Senior Researcher
E-mail: oxana-fais@yandex.ru

Abstract: *The present article contains the results of the study of some components of the historical memory of the population of one of the regions of Italy – Sicily, and the role that historical memory plays in many areas of life of Sicilians and local society, including the sphere of relations between «their» and «others» in the modern migration situation. The author analyzes specific examples of the appeal to this memory from the local population of the region. The analysis of such topics in the context of this region of Italy-the first in domestic and foreign science-is based mainly on data obtained during the author's long-term field research campaigns. The study shows that the historical memory of the local population acts as the main factor in optimizing their relations with the migrants in the region, which has a reputation as a hospitable country, especially in the context of the current «migration crisis» experienced by Europe.*

Key words: *historical memory; Sicily; migrants; appeal to the past; hospitability; xenophilia.*

Понятие исторической памяти, или совокупности передаваемых из поколения в поколение исторических сообщений, мифов, субъективно преломленных рефлексий о событиях прошлого, негативного и позитивного опыта, находится в центре глобального междисциплинарного исследовательского поля – «historical memory studies», что актуализирует изучение всех кейсов проявления этого вида памяти.

Пример Сицилии весьма показателен. В этом регионе Италии тема исторической памяти особо значима, что обусловлено многими факторами (например, островным положением; спецификой истории; особой этнической принадлежностью населения, его культурно-лингвистической самобытностью и осознаваемой идентичностью; закрытостью локального социума, его исторической «отмеченностью» высокими индексами миграций [1, с. 12-13; 2, с. 114-116], и т.д.). Сегодня историческая память играет роль детерминанты и в сфере

взаимоотношений «местных» с мигрантами: именно ею обусловлен тот факт, что Сицилия пользуется репутацией странноприимного, толерантного к «пришлым» региона, что делает ее «исключением из правил» в контексте современной миграционной ситуации в Европе.

Мы опирались на исследования по данному вопросу (крайне малочисленные), а также на собственные, на основе полевого материала наработки [3; 4], в которых и была высказана гипотеза о связи исторической памяти сицилийцев с особой атмосферой ксенофилии, сложившейся в регионе.

Чтобы объяснить, к чему апеллируют сицилийцы в своей очевидной толерантности к «пришлым», необходимо совершить экскурс в прошлое области, а также осветить специфику современной миграционной ситуации в Сицилии.

История региона ввиду его географического положения предстает чередой разнообразных завоеваний, хотя не все из них оставили равноглубокий след в экономике, культуре, социальной жизни, а главное – в памяти и психологии жителей.

Согласно нашим опросам, 85% респондентов, независимо от культурно-образовательного уровня и социальной принадлежности, оценивают как наиболее «славные» эпохи арабского (IX – XI вв.) и норманнского государств (XI – XIII вв.) [4, с. 61].

Эти оценки показательны. Не идеализируя ни «арабскую» Сицилию, ставшую самостоятельной исламской державой, Эмиратом Сицилии, ни норманнское королевство, сохранившее присутствие арабов и ислама, отметим, что эти государства на практике воплощали принципы мультикультурализма и толерантности к любой «инаковости» (этнической, культурной, лингвистической, конфессиональной).

И в эпоху арабов, и при норманнах местное население, включавшее, помимо сицилийцев, и автохтонный греческий компонент, и евреев, и греко-византийцев, и выходцев из регионов Италии и Испании, без особых притеснений со стороны властей сосуществовало с мусульманами (берберами, критскими сарацинами, арабами, сирийцами, иранцами), а позже и с норманнами. Этнический состав населения стал необычайно пестрым; в обоих государствах проповедовалась веротерпимость и практиковалась свобода вероисповедания (невзирая на то, что в эпоху арабов господствовал ислам – его добровольно приняли 3/4 населения острова, – ни христианство, ни иудаизм не были запрещены и не подвергались гонениям). Официальными языками в обе эпохи были арабский, греческий и латынь, дополнявшиеся в повседневности ивритом и сицилийским языком.

Что до современности, то Сицилия обладает одним из наиболее высоких миграционных показателей в масштабе не только Италии, но и Европы.

Так, по данным Каритас и парламента Италии, на 2017-2018 гг. в Сицилии проживало 247 тыс. «пришлых», что составляет 5% от всего населения острова и 4,8% от числа мигрантов в Италии [7, с. 2,6; 8, с. 2-3; 6, с. 6].

Но та же Каритас признает, что реальное число «пришлых» в Сицилии за счет «нелегалов» достигает 850 -900 тыс. человек, т.е. около 20% населения острова – рекордный показатель, оставляющий далеко позади области Центра и Севера Италии [8, с. 2; 6, с. 3].

Столь высокая цифра детерминируется многими факторами, перечисление которых требует более пространного изложения. Но за ней стоит и сознательный выбор мигрантами именно этого региона ввиду толерантного к ним отношения – и это при том, что Сицилия не относится к числу экономически-развитых регионов. Фраза «В Сицилии нет расизма!» звучит в ответах 96,5% мигрантов-респондентов, независимо от их этно-конфессиональной принадлежности – в основном тех, у кого уже есть опыт пребывания в других частях Европы и Италии.

Но и при такой демографической «нагрузке» Сицилия остается регионом если не оптимальных, то практически неконфликтных взаимоотношений «своих» и «чужих».

Об этом говорят ответы 93% опрошенных сицилийцев, заявляющих о толерантности к «пришлым», а также низкие показатели «этнической» преступности: Сицилия занимает последнее место в Италии по проявлениям ксенофобии и конфликтам между «местными» и мигрантами [7, с. 4; 5, с. 41].

Индексом доверия сицилийцев к мигрантам является и тот факт, что регион, в которой чадолюбие относится к числу приоритетных ценностей, лидирует в Италии по найму нянь из числа мигрантов, не только «белых», но и «черных» или «цветных», что крайне редко практикуется в других областях Италии [7, с. 96-98].

Показательны ответы сицилийцев на вопрос о характере их отношения к мигрантам: «странноприимность у нас в ДНК»; «жить рядом с другими у нас заложено в генетике»; «это уже было в истории»; «мы привыкли к присутствию «пришлых»«; и т.д. Полагаем, что именно историческая память населения, восходящая к раннесредневековым эпохам мультиэтничности, и является фактором, детерминирующим сохраняющуюся и сегодня открытость сицилийцев к «инаковости».

Одновременно респонденты говорят о солидарности с теми, кому приходится переживать опыт эмиграции, затрагивая еще одну болезненную и значимую «веху» памяти сицилийцев. Приятие «чужих» мотивируется состраданием, сопереживанием их опыта, исторически знакомого сицилийцам [4, с. 293]. Увиденная в таком ключе, странноприимность в отношении мигрантов типична и универсальна как следствие «собственного опыта пребывания в ситуации меньшинства», проявляясь в «меньшем отторжении Другого и большей терпимости к инаковости» [9, с. 7].

Литература:

1. Alvarez Garcia G. Sicilia Spagna. Palermo: Nuova IPSA. 1997.
2. Isole. Minoranze, migrazioni, globalizzazione/ a cura di M.G.Giacomarra. Palermo: Fondazione I.Buttitta. 2007.
3. Фаис О.Д. Мигранты в Сицилии: восприятие их местных населением и проблемы толерантности//Очерки о европейской идентичности и многокультурности. М.: ИЭА РАН. 2013. С.390-417.
4. Фаис-Леутская О.Д. Мигранты и странноприимность Сицилии сегодня//Сибирские исторические исследования. 2019. №3. С.49 -71.
5. Dati statistici 23.01.2017. Commissione parlamentare di inchiesta sul sistema di accoglienza, di identificazione ed espulsione, nonché sulle condizioni di trattenimento dei migranti e sulle risorse pubbliche impegnate. URL: https://immigrazione.it/docs/2017/dati-statistici-23-gennaio-2017.pdf.
6. Archivio Normative// Immigrazione biz. Portale di riferimento per gli immigrati in Italia (б.д.). URL: http://www.immigrazione.biz/index.php.
7. XXVII Rapporto Immigrazioni Caritas e Migrantes 2017 -2018 (RICM): «Un nuovo linguaggio per le migrazioni». (Sintesi per i giornalisti). (б.д.). URL: http://www.caritasitaliana.it/caritasitaliana/allegati/7824/Sintesi%20per%20giornalisti.pdf.
8. Migrazioni in Sicilia 2017. Milano-Udine. 2018.
9. Филиппова Е., Ле Торривелек К. Введение // Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы. М: Горячая линия – Телеком. 2018.

Оценка современного состояния изученности проблемы этноконфессиональной идентичности населения Дальневосточного федерального округа

Федирко О.П.
Доктор исторических наук,
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток,
ведущий научный сотрудник
Отдела социально-политических исследований
E-mail: fedirko@ihaefe.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00496 А, «Религиозно-этническая самоиндификация населения Дальнего Востока в XXI в.».

Аннотация: *В статье приводится краткий обзор деятельности научных центров Дальнего Востока России, занимающихся изучением современного состояния этноконфессиональной идентичности. Актуальность обращения к данной теме обусловлена включением в 2018 г Дальневосточный федеральный округ Республики Бурятия и Забайкальского края и необходимостью выработки интеграционной модели российской идентичности и соответствующего ей социально-политического дискурса в рамках пограничного региона. Отмечается, что отдельные исследования проводятся научными коллективами на юге Дальнего Востока, на Северо-Востоке региона и в Забайкалье. Отмечается что комплексные исследования, посвященных проблеме этноконфессиональной самоидентификация населения Дальнего Востока, на сегодняшний день отсутствуют и перед современными исследователями стоит задача оценить степень выраженности полиэтничности и многоконфессиональности в Дальневосточном федеральном округе с целью предотвращения межнациональной и межконфессиональной напряжённости.*

Ключевые слова: *Россия, Дальний Восток, идентичность, этнос, религия, отношения, исследования*

Assessment of the current state of study of the problem of ethno-religious identity of the population of the Far Eastern Federal District

Fedirko O. P.
D.Phll. in History
Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences Institute of History, Archeology and Ethnography (FEB RAS IHAE), Vladivostok, Leading Researcher of the Social and Political Studies Department
E-mail: fedirko@ihaefe.ru

Abstract: *The article provides a brief overview of the activities of the scientific centers of the Russian Far East, which study the current state of ethno-confessional identity. The relevance of the address* to *this topic is due to* the *inclusion in 2018 of* the Far *Eastern Federal District* of the Republic *of Buryatia and the region and the need to* develop an integration model *of Russian identity and its corresponding social* and political discourse within the*border region. It is noted that individual studies are carried out by scientific teams in the south of the Far East, the North-East of the region and in the region. It is noted that comprehensive studies on the problem of ethno-confessional self-identification of the population of the Far East are absent today and modern researchers are faced with the task of assessing the severity of multi-ethnicity and multi-faith in the Far Eastern Federal District in order to prevent interethnic and inter-religious tensions.*

Keywords: *Russia, Far East, identity, ethnicity, religion, relationships, research*

В новейшей истории России на Дальнем Востоке сложилось оптимальное сочетание российской, региональной и этнокультурной идентичности, преобладание толерантности во взаимном восприятии представителей различных этнических групп и конфессий. Эти особенности дальневосточного региона исторически были связаны со слабой этнизацией и конфессионализацией общественнополитического общественного сознания населения, готовностью социокультурно и политически взаимодействовать вне этнического и конфессионального поля.

В соответствии с Указом Президент РФ от 3 ноября 2018 года «О внесении изменений в перечень федеральных округов», утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849, в состав Дальневосточного федерального округа были включены Республика Бурятия и Забайкальский край. Перед региональными властями встали задачи интеграции двух новых дальневосточных регионов в социально-экономическое пространство ДФО и выработке

интеграционной модели российской идентичности и соответствующего ей социально-политического дискурса в рамках пограничного региона. Т.к. идентичность характеризуется значительными мобилизационными возможностями, которые имеют как созидательные, так и разрушительные цели, то на фоне, роста национального самосознания народов и этнических групп, населяющих Дальний Восток, объемов миграционных процессов как внутри региона и страны, так и из-за границы необходимо использование механизмов, которые обеспечат консолидацию дальневосточного гражданского самосознания. Религиозная и этническая самоидентификации являются составными частями более общей социальной идентичности, анализ которых стал предметом современных дискуссий и носит междисциплинарный характер.

Для рассмотрения заявленной темы для нас представляет наибольший интерес работы З. Бауман [1]. Размышляя об идентичности в глобализирующемся мире, он отмечает: «...»идентичность» становится призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни». Изучению процессов глобализации, а также глокализации, характеризующих современный социум, также посвящено большое количество работ отечественных исследователей, которые под глобализацией понимают тесную связь социальных, культурных, информационных, экономических и политических процессов.

Последние 25 лет проблема региональной идентичности в социокультурном пространстве широко анализируется представителями различных отраслей российской науки. Особое место занимают публикации выполненные исследователи в рамках грантов, заявленных по теме идентификации населения в различных регионах России, диссертации, посвященные данной теме.

Сегодня мониторинг этноконфесиональной ситуации в регионах Дальнего Востока базируется на основе рекомендаций Федерального агентства по делам национальностей (письмо ФАДН от 13.12.2017 № 4155-01.1-23-144 «О социологических исследованиях», «Методические рекомендации по проведению социологических исследований в субъектах Российской Федерации»). Тематика научно-исследовательских работ формируется на основе потребностей региона, анализа проблем и перспектив социально-политического развития. Изучение проблемы этноконфессиональной идентификации населения Дальнего Востока ведется как в академическом, так и конкретно-социологических направлениях исследований.

В ДВФУ (Владивосток) с начала XXI в. ведутся социологические исследования в области изучения этнической идентичности и проблем

адаптации, социальной психологии (рук. С. Е. Ячин) [2]. В Отделе Социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН основными направлениями исследований стали местное самоуправление в регионе. Исследователями ведется постоянный мониторинг социально-политической ситуации в Приморском крае, доверия к местной власти, удовлетворенности качеством жизни населения [3].

Постоянные исследования религиозной динамики ДВФО ведут профессор д.и.н. Федирко О.П. [4] и профессор, д.и.н. Дударенок С.М. В области их научных интересов: государственно-конфессиональные отношения на Дальнем Востоке, тенденции маргинализации и маргинальные диаспоры, корейская диаспора и ее социально-политическая роль, китайские диаспоры, проблемы традиционных и нетрадиционных религий.

В Хабаровском крае этнорелигиозной проблематикой традиционно занимается Дальневосточный Институт Управления РАНХиГС. Руководитель КГКУ «Аппарат Общественной палаты Хабаровского края» Свищев М.И. является инициатором социологических исследований по проблемам этнических и религиозных процессов края [5].

В Благовещенске основной темой исследований являются русско-китайские отношения и специфика взаимодействия традиционных и нетрадиционных конфессий. Профессором, д.ф.н. Забияко А.П., специалистом в области философии религии и религиоведения, методологическим основам религиоведения, этнорелигиозным и этнокультурным традициям, создана школа религиоведческих исследований [6].

В Камчатском крае исследованиями в области религиозных отношений и анализом религиозной ситуации занимается Бюро социологических исследований Камчатского филиала Российского государственного университета туризма и сервиса (религиоведы Д. А Клячин [7] и Д. Л. Кульков).

В Магаданской области с конца 1990-х гг. работает Социологический центр при Северо-Восточном государственном университете (руководитель к.с.н., доцент Барбарук А.В.)[8; 9]. На основе социологических исследований разрабатывались этноконфессиональные программы Областной администрации. Лонгитюдные исследования на территориях традиционного проживания КМНС, которые позволяют выявить проблемы аккультурации. До 2017 г. центр осуществлял ежегодный мониторинг этно-религиозных отношений. Так, например, в целях укрепления межнационального мира и согласия, гармонизации межэтнических отношений, профилактики экстремистских проявлений в декабре 2017

г. было проведено ежегодное социологическое исследование. В ходе исследования был использован метод фокус-групп. Интервью проводилось с постоянно проживающими в муниципальных образованиях Магаданской области (г. Магадан, г. Сусуман, пос. Северо-Эвенск).

В Республике Бурятии исследования в области этноконфессиональных отношений проводятся на базе Бурятского государственного университета исследователями С.В. Васильевой, С.З. Ахмадулиной, Д.Ц. Будаевой [10]. Исследователи отмечают, что на фоне роста численности прихожан и приверженцев исторически сложившихся этноконфессиональных общин, идет процесс появление и постепенное распространение ранее не отмечавшихся в республике Бурятия конфессиональных объединений – мормоны, Свидетели Иеговы, кришнаиты, бахаи и др.

Проблемам религиозной безопасности и особенностям этнологических исследований в Забайкалье посвящены исследования А.В. Жукова [11] из Забайкальского государственного университета.

Однако, комплексные исследования, посвященные исследованиям этноконфессиональной самоидентификация населения Дальнего Востока, на сегодняшний день отсутствуют. В связи с этим перед современными исследователями стоит задача проведения широкомасштабного исследования для оценки степени выраженности полиэтничности и многоконфессиональности в Дальневосточном федеральном округе с целью предотвращения межнациональной и межконфессиональной напряжённости и разработки рекомендаций для комплексной программы «Гармонизации межнациональных и межнациональных отношений и профилактики религиозного и национального экстремизма в ДФО».

Литература:

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М: Логос, 2002. 390 с

2. Ячин С. Е. Возвращение к дару: контуры рефлексивной культуры дара в современном мире // Вопросы философии. 2014. № 9.

3. Ващук А. С., Чернолуцкая Е. Н. и др. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток, 2002.

4. Федирко О.П., Матиенко Н.В. Формирование толерантных межнациональных и межконфессиональных отношений в Еврейской автономной области в процессе совместной деятельности органов власти и общественных объединений // Теория и практика общественного развития. 2015. № 10. С. 115-118; Федирко О.П. Религия в системе общественных ценностей Российского Дальнего Востоке:

история и современность // Новая Европа — общество, культура, религия и право. Транва, Словения, 2016. С. 104-112 и др.

5. Отчет о проведенных исследованиях (результаты конфликтологического мониторинга этноконфессиональных и этнополитических отношений в Хабаровском крае, апрель 2018 г.) // Автономная некоммерческая организация «Краевой научно-практический центр мониторинга этноконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций. / [Электронный ресурс]. URL: 2http://dv-etnocenter.ru/index/(дата обращения: 8 июня 2018 г.); Ярулин И.Ф, Свищев М.П., Слонский Е.С., Ярулин К.И. Динамика межэтнических и межконфессиональных отношений в Хабаровском Крае // Регионалистика. 2015 Т.2. № 2. С.37-55 и др.

6. Забияко, А. П., Беляков А. О., Гаврилов С. С., Конталева Е. А., Родионова К. И. Этнокультурный атлас Приамурья. / Под ред. А. П. Забияко. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2016. 166 с. и др.

7. Анализ религиозной ситуации в Камчатском крае в 2012 году / [Электронный ресурс]. URL: www.kamchatka.gov.ru;www.minjustkam.ru (дата обращения: 16 августа 2019 г.)

8. Поспелова А.И., Поспелова С.В. Ценностные ориентации коренных малочисленных народов севера в условиях культурной адаптации (сравнительный анализ 1998 и 2011 гг.) / Социология религии в обществе позднего модерна сборник статей по материалам пятой юбилейной международной научной конференции. 2015. С. 221-229 и др.

9. Барбарук А.В., Поспелова А.И. Формирование образа нетрадиционных религиозных организаций в массовом сознании россиян (на примере Магаданской области / Свобода совести в России: исторический и современный аспекты сборник статей. 2018. С. 314-328; Барбарук А.В. Результаты социологического исследования «Межэтнические и межрелигиозные отношения в Магаданской области». Магадан, СВГУ, 2016 и др.

10. Ахмадулина С.З. Новые религиозные объединения в постсоветской Бурятии // Государство, общество, Церковь в истории России XX века Материалы XIII Международной научной конференции: в 2-х частях. А. А. Корников (ответственный редактор). 2014. С. 3-9; Будаева Д.Ц. Особенности голосования электората многонационального региона (на материалах Республики Бурятия) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2016. № 4 (35). С. 33-41 и др.

11. Жуков А.В., Зимин О.И., Жукова А.А. Влияние религиозного мифотворчества на этническую идентичность // Проблема соотношения

естественного и социального в обществе и человеке. 2015. № 6. С. 74-87 и др.

Пространственное развитие vs социальное время (на примере регионов Дальнего Востока России)

Фомин М.В.
Кандидат политических наук
Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ИСПИ ФНИСЦ РАН), ведущий научный сотрудник Отдела геоурбанистики и пространственного развития ИСПИ ФНИСЦ РАН
E-mail: mvfomin@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00836 А.

Аннотация: *В докладе рассматриваются вопросы пространственного развития Дальнего Востока России в контексте социального времени. Выводы, полученные в результате исследования, могут быть использованы как для территориального планирования на уровне федеральных округов, так и при проведении дальнейших изысканий на общегосударственном и межрегиональном уровне.*

Ключевые слова: *пространственное развитие, социальное время, территориальное планирование, федеральный округ, инфраструктура.*

Spatial development vs social time (on the example of the Russian Far East regions)

Fomin M.V.
Candidate of political science,
The Institute for Socio-Political Research of Federal Center of Theoretical, Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, leading researcherand
E-mail: mvfomin@mail.ru

Abstract: *The report examines the spatial development of the Russian Far East in the context of social time. The findings of the study can be used both for territorial planning at the Federal district level and for further research at the national and interregional level.*

Keywords: *spatial development, social time, territorial planning, Federal district, infrastructure.*

Как отметил Мишель Фуко в 1967 году, «нынешняя эпоха, будет, наверное, прежде всего, эпохой пространства», причём подчеркнув, что «пространство – это привилегированное место для понимания того, каким образом действует власть» [1].

Что же касается термина «пространственное развитие», то он утвердился в Европе, Канаде, а затем в США к началу 70-х годов XX в., хотя употреблялся с начала 1930-х годов (Округ Метрополии Торонто – Toronto Metropolitan Unit сформирован в 1934 г.). Термин излишне расширен по содержанию, но, во всяком случае, относится к «большому пространству» стратегического: от масштаба страны до масштаба крупнейшего города» [2].

Мы солидарны с подходом профессора В.Глазычева, акцентировавшего основу пространственного развития, как «формирование пространственного каркаса страны, включая узлы опережающего роста и связи между ними, планирование направлений развития узлов и связей, способного вовлечь в свою орбиту и депрессивные территории» [2]. Вместе с тем, под термином «пространственное развитие» мы понимаем системно-структурный подход к масштабируемым территориальным задачам управления целостным развитием [3]. Однако, учитывая фактически упущенные конец 1980-х и все 1990-е годы, невозможно считать даже мало-мальски приемлемым уровень и качество территориального планирования, в то время как весь цивилизованный мир утвердился на фундаменте пространственного развития. И, как уже отмечалось выше, социально-философский периметр проблемы («эпоха пространства») обозначил Мишель Фуко [1], то географический аспект обосновал Анри Лефевр в монографии «Производство пространства» [4, 5].

Но М. Фуко противопоставляет два типа пространств – утопию и гетеротопию: несмотря на то, что утопия представляет собой «местоположение без реального места», она поддерживает с реальным пространством отношения прямой или обратной аналогии. Утопия представляет собой образ усовершенствованного общества либо изнанку общества, но в любом случае «утопии суть пространства основополагающим образом нереальные». В отличие от утопий, пространств воображаемых, гетеротопии – это реальные пространства, характеризующиеся особыми взаимоотношениями между **пространством** и **временем** [6].

Предложив в 1937 г. концепцию «социального времени», американские социологи Питирим Сорокин и Роберт Мертон, уточнили, что (в отличие от астрономического) это «время выполнения общественных функций» и «каждый раз событие, считающееся

социально особо значимым». Одновременно с ними – в 1930-х годах – выдающийся русский мыслитель Михаил Бахтин ввёл в гуманитарную сферу понятие «хронотоп», объединившее время («когда») и пространство («где») – как координаты всех явлений и событий [7].

Уже в 1970-е годы канадский психолог и социолог Эллиот Джакс (соучредитель Тавистокского института человеческих отношений в Лондоне, автор терминов «корпоративная культура», «время свободы действий» и «кризис середины жизни») предложил разделять время на два измерения: собственно, астрономическое время или «ось последовательности событий» и социальное время или «намерение», с помощью которого «мы планируем, стремимся сделать что-либо». Также в 1970-х автор шведских реформ территориальной организации и региональной политики (и противник оптимизации жизни человека) профессор Торстен Хагерстранд в своих работах по распространению инноваций в пространстве сформулировал определение «география времени» [7].

Наконец, наш современник – польский социолог профессор Пётр Штомпка – рассматривающий время как «общественный конструкт», акцентирует ориентацию социального времени на прошлое или будущее: «Во времени выражается ритм социальной жизни, но при этом сам этот ритм обозначается, предопределяется временем. В своих связях с различными культурами время обретает различные ипостаси. Оно реализуется культурно, а, следовательно, и исторически» [7].

Причём, практически каждый раз, когда вставал вопрос перехода к новому измерению, упоминался факт, что для такого перехода сегодня требуется гораздо меньший срок, чем раньше. В силу вступают законы времени не столько календарного, сколько социального, которое характеризуется ускорением (или замедлением) частоты событий. Например, XIX век социально начался с Великой Французской революции (1789 г.), а завершился залпами Первой мировой войны (1914 г.), перекрыв календарь веков на целых 25 лет. Характерен и пример XXI века, который социально взял разбег в 1989 году – это и падение «берлинской стены», и Съезд народных депутатов СССР, и старт распада Союза ... В связи с этим, можно констатировать, что XX век социально «сжался» до трёх четвертей (1914-1989гг.). Соответственно, основным фактором социального времени можно считать деятельность человека, изменяющую политические, социальные, культурные и географические ландшафты [8].

Одним из первых это отметил ещё в начале XX века поэт Велимир Хлебников, для которого время было не только циклическим повторением событий («волной»), но и неким «динамизированным пространством». В своём трактате «Доски судьбы» он обосновывал

«законы времени» тем, что эпохальные события в России совершаются с повторяющимся лагом в 12 лет. Если разделить календарное время по Хлебникову на 12-летние циклы, то станет заметна следующая закономерность. В истории России, социальное время, политическая жизнь и экономическая парадигма меняются практически каждые 12 лет (+/– год-два) по одной и той же схеме: разрушение / изменение строя (1881-1893, 1917-1929, 1953-1965, 1989-2001), создание новой системы (1893-1905, 1929-1941, 1965-1977, 2001-2013), эксплуатация созданного (1905-1917, 1941-1953, 1977-1989, 2013- ...) – и снова изменение. Здесь для примера взят временной отрезок, начиная с конца XIX в. (1881 год – убийство императора Александра II) – до наших дней [8].

В частности, каждый раз при создании новой системы, власти обращались к идее новой промышленной политики. И каждый раз до конца её не доводили: или обрывали новой сменой, или возникали обстоятельства непреодолимой силы – революции, войны, крах государства…. Взять, к примеру, экономические реформы Сергея Витте. «Дедушка русской индустриализации» добился стабилизации рубля, обеспечил приток иностранных инвесторов, вывел Россию на 1-е место в мире по добыче нефти – и всё это застопорилось с началом русско-японской войны 1904-1905 гг. Или реформы Алексея Косыгина: расширение самостоятельности предприятий в части прибыли, введение системы хозрасчета для повышения производительности труда, повышение закупочных цен на сельхозпродукцию. Но все это вызвало опасения у консервативной части партийного аппарата – дескать, предприятия станут слишком самостоятельными, а люди смогут зарабатывать слишком много, – и реформы в 1971 году были торпедированы.

Подойдём к современному циклу. Как уже отмечалось выше, социальный старт XXI века – 1989 год. До 2001 года было разрушено многое из предыдущего наследия. Следующие 12 лет – до 2013 года – проходили под эгидой создания новой российской системы: построение, на фоне позитивного изменения нефтяной конъюнктуры, «вертикально-окружного» капитализма, сверхцентрализация управления и фактическая ликвидация политической конкуренции. 2013 год – последний в энергосбытовой эйфории – оказался знаковым не только как начало нового эксплуатационного этапа. Историческая параллель между близким к катастрофическому падением нефтяных цен в 2014-2015 гг. и коллапсирующим от сырьевого краха и гонки вооружений СССР, наглядно продемонстрировала необходимость срочных структурных и системных конфигураций. В то же время, перевод государства на траекторию современного пространственного

развития предполагает, прежде всего, наличие базиса качественной модернизации экономики – институциональных изменений и создание инфраструктуры [8].

В марте 2018 г. в президентском Послании Федеральному Собранию в качестве ключевого аспекта будущего страны было предложено развернуть масштабную программу пространственного развития, включая реновацию инфраструктуры городов и других населённых пунктов. Что и подкреплено после инаугурации новым майским Указом «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года».

В феврале 2019 г. была утверждена «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». Она призвана стать «проекцией» социально-экономических приоритетов развития на территорию, оценить сложившуюся систему расселения в стране, дать предложения по её гармонизации. Тем более что крайне острой является ситуация, стоящая перед Россией в XXI веке – обеспечить социальное, экономическое и культурное развитие Дальнего Востока в условиях депопуляции на среднесрочную перспективу. Особенно учитывая, что ключевыми проблемами здесь являются как низкий уровень заселённости, так и не всегда благоприятные природно-климатические условия для ведения хозяйственной деятельности.

Территории Дальнего Востока представляют – по нашему мнению – особый, даже беспощадный тип пространства – и декларативные утопии и реальные гетеротопии, где время борется с пространством…. И, ставя вопрос о перспективах всего дальневосточного макрорегиона, необходимо отдавать себе отчёт, что только территориальное развитие – это изменение функций, но пространственное – это уже эволюция системы. Другими словами, пространственное развитие неотделимо от увеличения реального жизненного пространства. При отсутствии необходимой современной инфраструктуры и транспортной связанности, изолированные территории постепенно становятся деструктивными рудиментами государства и сталкиваются как с дефицитом ресурсов, так и с массовым миграционным оттоком. Время останавливается, пространство не развивается.

Дальневосточный федеральный округ, с одной стороны, занимает более 40% территории России – причём это территории основного неразведанного шельфа нефти и газа и залежей полезных ископаемых, но, с другой, здесь проживают менее 6% граждан страны, при самой низкой плотности населения (1,18 чел./км^2). Наличествуют – по списку Минэкономразвития – 1 агломерация с вкладом свыше 1% ВВП (Владивостокская) и 1 агломерация с вкладом менее 1% (Хабаровская) [9]. Кроме собственно малоосвоенности пространств, Дальний Восток

России ярчайший пример последовательного (с конца 1980-х гг.) обезлюживания. Сахалинская область – единственный регион из 11, где удалось сохранить положительную динамику как естественного, так и миграционного прироста в 2016-2018гг. И только естественный прирост пока наличествует в Республиках Бурятия и Саха (Якутия); Забайкальском и Камчатском краях; Чукотском автономном округе [9]. Так же, одним из главных препятствий ДФО для устойчивого роста, являются пространственные диспропорции. Не является секретом, что в силу демографического сжатия территории ряда субъектов ДФО могут оказаться растянуты между крупнейшими узлами экономического тяготения, а в среднесрочной перспективе и утратить жизнеспособность.

Дальний Восток представляет собой геостратегическое пространство активного государственного регулирования, на котором необходимо проводить политику внешнего заселения и закрепления уже живущего населения. Поэтому модель пространственного развития должна предполагать стимулирование миграционного притока посредством бюджетных и внебюджетных инвестиций в производственную сферу, социальную и коммуникационную инфраструктуру, как на федеральном, так и на региональном уровне. И самое главное – в духе времени.

Литература:

1. Фуко М. Пространство, знание и власть / Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис. 2006. Ч. 3. С. 215–236.

2. Россия. Пространственное развитие: Докл. 2004. М.: Архитектура-С. 2004.

3. Фомин М.В. Проектные федеральные территории (ПФТ) как объекты пространственного развития / Миграционные процессы и их влияние на демографическое и социально-экономическое развитие Дальнего Востока. II Международная научно-практическая конференция. Сборник трудов. Владивосток: Изд-во ДВФУ. 2018[а]. С. 134-138.

4. Lefebvre H. La Production de L'Espace. Paris: Anthropos. 1974.

5. Lefebvre H. The Production of Space. Oxford, OX, UK; Cambridge, Mass.: Blackwell. 1991.

6. Беззубова О.В. «Другие пространства» Мишеля Фуко: современные стратегии интерпретации // Вестник гражданских инженеров. 2011. № 2 (27). С. 199–204.

7. Фомин М.В. Трансиндустриализм – предстоящая социальная реальность // Вопросы философии. 2018[б]. №1. С. 42-54.

8. Фомин М. Временной излом // Стратегия. 2017. №4 (29). С. 26-33.

9. Фомин М.В. Демографические прогнозы и корректность статистики пространственного развития Сибири и Дальнего Востока России // Народонаселение. 2019. № 3. С. 15-29. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-0024

Специфика и показатели информационного освещения органов власти в Ярославской области за 2018-2019 годы

Фролов А.А.
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, доцент кафедры социально-политических теорий
E-mail: a.a.froloff@gmail.com

Барский Я.В.
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, аспирант
E-mail: barski012@gmail.com

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-011-00268, «Трансформация гражданской активности в условиях развития информационно-коммуникативных технологий (на примере Ярославской области)».

Аннотация: *Информация, несомненно, играет решающую роль в процессе коммуникации в современном обществе: она не просто дает представление об общественно-политической действительности, но формирует к ней отношение и определяет характер взаимодействия граждан и органов власти. От специфики информационного освещения деятельности органов власти и их представителей зависит их качественное восприятие со стороны множества людей. С другой стороны, информационное освещение какого-либо общественного процесса, явления или управленческого решения способствует привлечению внимания людей, которое способствует их дальнейшему вовлечению в общественную жизнь. Также работа СМИ формирует «общественный запрос» на решение определенных проблем для органов власти.*

Ключевые слова: *гражданская активность, ивент-анализ, органы власти, медиаактивность, средства массовой информации.*

Specificity and indicators of information coverage of authorities in the Yaroslavl region in 2018-2019

Frolov A.A.
Associate Professor, Department of Socio-Political Theories
P.G. Demidova Yaroslavl State University
E-mail: a.a.froloff@gmail.com

Barsky Y.V.
P.G. Demidova Yaroslavl State University, postgraduate student
E-mail: barski012@gmail.com

Abstract: *Information undoubtedly plays a decisive role in the communication process in modern society: it not only gives an idea of the socio-political reality, but forms an attitude towards it and determines the nature of the interaction of citizens and authorities. The quality of perception by many people depends on the specifics of information coverage of the activities of authorities and their representatives. On the other hand, information coverage of any social process, phenomenon or managerial decision helps to attract people's attention, which contributes to their further involvement in public life. Also, the work of the media forms a «public request» to solve certain problems for authorities.*

Keywords: *civic activity, event analysis, authorities, media activity, mass media.*

Освещение различных сфер человеческой деятельности является ключевой задачей СМИ. Однако важно учитывать, что они не только доносят до людей определенную информацию, они также формируют тем самым общественное мнение, на основе которого они действуют в общественно-политическом пространстве. В связи с этим, теоретической основой приведенного в статье исследования стала теория коллективного действия. Одним из наиболее авторитетных современных теоретиков является М. Ван Зомерен, который предложил двухфакторную модель коллективных действий. Основными факторами теории являлись групповые эмоции и субъективная вероятность успешности коллективных действий группы [1, с. 652]. В условиях осознания социальной

несправедливости группой, её вероятное поведение может приобрести несколько векторов своего развития: поиск эмоциональной поддержки у членов группы относительно сложившейся ситуации и коллективная артикуляция оценочного суждения. В таком векторе деструктивные чувства, испытываемые членами группы, возрастают и обретают кумулятивный эффект. Второй вектор развития – оценка действий других членов группы и поиск удовлетворения потребности в инструментальной поддержке. При обнаружении индивидом схожести своих действий с действиями других членов группы, вероятность проявления коллективных протестных действий значительно увеличивается. Стоит отметить взаимодополняющий характер векторов развития событий. Таким образом, алгоритм проявления коллективного действия выглядит следующим образом: принятие решения индивидом о значимости для него несправедливого положения группы, затем следует вторичная оценка значимости, прогнозирование последствий невыгодного положения группы и генерация эффективных механизмов для совладания со сложившейся ситуации.

В связи с этим приобретает большое значение, каким именно образом происходит освещение ключевых для граждан проблем и деятельность органов власти по их решению, удовлетворению потребностей граждан. Учитывая темпы цифровизации российского общества, роста числа пользователей социальных сетей в Интернете и активную работу СМИ, в первую очередь, в электронном формате, научный интерес вызвала специфика информационного освещения органов власти в Ярославской области. В процессе изучения был использован метод политического анализа event-анализ, а также метод case-study. В уникальной созданной авторами кодировочной базе содержится информация более чем о 21 418 новостных публикациях за период с 1 декабря 2018 года по 31 декабря 2019 года. Для формирования источниковой базы был использован новостной агреготор «Яндекс.Новости», для поиска искомых новостных публикаций были использованы ключевые слова, которые позволили найти новостные сообщения с упоминанием председателя муниципалитета города Ярославля, мэра города, председателя областной Думы и председателя регионального правительства, а также информацию с упоминанием подведомственных им органов власти. Дальнейшая формализация полученного материала проходила путем присвоения кодируемому

событию порядкового номера, даты публикации, указания названия новостного агентства, сохранения гиперссылки на первоисточник, указания предмета и субъекта новостной публикации. Для проведения качественного анализа был применен метод case-study, с помощью которого удалось выявить сущностные характеристики исследуемых кейсов, определить границы политической ситуации, выявить основных субъектов общественно-политического процесса, изучить мотивации, цели и долгосрочные интересы.

В результате проведения исследования удалось выявить количественную и качественную специфику информационного освещения органов власти в Ярославской области. Большая часть новостных сообщений (68,85%) содержала упоминание об институтах власти. Причем из 14 790 сообщений о деятельности органов власти, 7 174 новостных сообщений (48,51%) касалось работы городской исполнительно-распорядительной власти, 4 117 новостных сообщений (27,84%) – работы исполнительной власти региона, 2 157 новостных сообщений (14,58%) – работы законодательной власти и 1 342 (9,07%) – представительной городской власти. Упоминания о деятельности представителей органов власти содержали 6 691 новостных сообщений (31,24% от общего объема сообщений). Из них 5 190 новостных сообщений (77,57%) касалось деятельности мэра города, в 549 сообщениях (8,21%) упоминался председатель муниципалитета города, в 511 сообщениях (7,64%) – председатель областной Думы и в 441 сообщении (6,59%) – председатель регионального правительства. В информационном освещении за указанный период участвовало 536 СМИИ и Интернет-источника, однако наиболее активными оказались следующие: «Ярославский регион. Северный край» – 1419 сообщений (6,63%), «Новости Ярославля 76.ru» – 1334 (6,23%), «ЯрNews» – 1227 (5,73%), «Яркуб» – 1151 (5.37%), «Ярновости» – 1147 (5,36%). Суммарно эти СМИ осветили 29,31% от общего количества новостных сообщений.

Говоря о предметах информационного освещения, стоит отметить значимую долю различных городских и региональных событий – 2614 сообщений (12,2%), под которыми понимаются государственные праздники, памятные дни, форумы, конференции и соревнования, а также юбилеи муниципальных и государственных учреждений. В большей части зафиксированных «событий» упоминается региональное правительство в качестве соорганизатора, а также комментарии руководителей структурных

подразделений исполнительной власти. Второй по значимости темой стала дорожная отрасль: исполнение национального проекта «Безопасные и качественные дороги», проведение ямочного ремонта и нанесение дорожной разметки было освещено в 1 869 сообщениях (8,73%). Причем подавляющее количество новостей было посвящено дорожному строительству в городе Ярославле и имело негативный эмоциональный окрас. Более 1 509 новостных сообщений СМИ было посвящено жилищно-коммунальному хозяйству, более трети сообщений (530) освещало процесс зимней уборки в Ярославле. Изменения внутри сферы пассажирских перевозок были освещены в 1 055 новостных сообщениях. Сфере благоустройства, главным источником финансирования которой является губернаторский проект «Решаем вместе!», было посвящено 946 сообщения. Кадровые решения мэра города Владимира Волкова были освещены в 789 новостных сообщениях, при этом большая часть из них носила ярко выраженный негативный эмоциональный окрас.

Специфика упоминаний в новостных статьях того или иного руководителя органа власти или подведомственного ему учреждения проявляется в предметах освещения, которые являются полномочиями разных властей. Например, хозяйственная повестка города имеет большее отношение к исполнительно-распорядительной городской власти – мэрии, в то время как глава города и руководители структурных подразделений упоминаются крайне часто. Напротив, в соответствии с российским законодательством, сфера здравоохранения относится к ведению исполнительной власти региона, и публикуемые на тему качества здравоохранения новости соотносятся с региональной властью. В исследовании также проведен анализ упоминаний субъектов и институтов общественно-политического процесса наиболее активными СМИ. По результатам анализа можно говорить о том, что портал «Ярославский регион. Северный край» посвятил им 1419 сообщений (важно отметить, что специфика СМИ заключается в преимущественно региональной повестке). В 545 новостных статьях содержится упоминание Правительства Ярославской области, деятельность председателя исполнительной власти региона также освещена широко – в 57 новостных сообщениях. Количество новостных сообщений с упоминанием представительного органа городского самоуправления составляет 32, в то время как деятельности председателя муниципалитета посвящено лишь 18.

Также СМИ широко освещает работу исполнительной власти Ярославля и главы города – 483 и 235 новостных сообщений соответственно. В СМИ «Ярославский регион. Северный край» было размещено 1419 сообщений, в которых редакция придерживается, скорее, информационной повестки города. Количество упоминаний в новостных статьях выглядит следующим образом: к деятельности председателя муниципалитета соотносится 60 новостных статей, к работе мэра – 363, к деятельности председателя областной Думы – 19, к деятельности председателя правительства области – всего 10 сообщений. Деятельность органов власти также освещена в разных пропорциях: работа муниципалитета освещена в 129 материале, мэрии – в 721, областной Думы – в 138 и правительства области – в 157 новостных сообщениях.

Резюмируя изложенное можно сказать, что доля информационного освещения органов власти существенно больше, чем руководителей этих органов. Однако среди новостных сообщений, в которых упоминались руководители органов государственной власти, существенно больше острых тем и критики. При этом наиболее злободневными темами для жителей Ярославской области является дорожное строительство, «хозяйственная повестка» власти (уборка города Ярославля в зимний период, подготовка к отопительному сезону и срыв сроков выполнения ремонтных работ в многоквартирных домах). Также СМИ проявили большой интерес к сфере общественных перевозок, обнажив ряд конфликтных ситуаций. Общественные интерес жителей сконцентрирован вокруг качества предоставляемых муниципальных услуг, таких как уборка города, работа уличного освещения, подготовка к отопительному сезону, исполнение нацпроектов и благоустройство. Значительное количество критики на этот счет со стороны жителей говорит об общественном недовольстве качеством муниципальных услуг.

Литература:

1. Van Zomeren, M., Spears, R., Fischer, AH., Leach, CW. (2004) Put Your Money Where Your Mouth Is! Explaining Collective Action. Tendencies Through Group-Based Anger and Group Efficacy // Journal of Personality and Social Psychology. Vol. 87.№ 5. pp. 649–664.

Брекзит и правый популизм в Великобритании

Хахалкина Е. В.
Доктор исторических наук
Национальный исследовательский Томский государственный университет, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений
E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-111-50244, «Новое лицо Европы: феномен правого популизма на примере отдельных стран Евросоюза».

Аннотация: *Всплеск правого популизма в Великобритании концептуализируется в статье как одна из причин Брекзита. Действия правопопулистской Партии независимости Соединенного Королевства во главе с Н. Фараджем сыграли определенную роль в итогах референдума 23 июня 2016 г. о продолжении членства Соединённого Королевства в Евросоюзе. Показано, что на фоне последовавших вслед за референдумом трудных продолжительных переговоров о бракоразводной сделке с Брюсселем, завершившихся отставкой Т. Мэй, произошло заметное поправение Консервативной партии во главе с уже нынешним премьер-министром Б. Джонсоном. На этом основании можно говорить о продолжающемся усилении правых настроений и трансформации системных партий в сторону партий гибридного типа, сочетающих в себе установки разновекторных политических сил.*

Ключевые слова: *Брекзит, правый популизм, Н. Фарадж, Б. Джонсон.*

Brexit and Right Populism in the UK

Khakhalkina E. V.
Doctor of Historical Sciences
National Research Tomsk State University, Professor, Department of Modern, Contemporary History and International Relations
E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

Abstract: *The surge of right-wing populism in the UK is conceptualized in the article as one of the reasons for Brexit. The actions of the right-populist United Kingdom Independence Party led by N. Farage played a role in the*

outcome of the referendum on June 23, 2016 on the continuation of the United Kingdom's membership in the European Union. It is shown that against the background of the difficult long negotiations following the referendum on a divorce deal with Brussels, which ended with the resignation of T. May, a conservative party led by the current Prime Minister B. Johnson led a noticeable amendment. On this basis, we can talk about the ongoing strengthening of the right-wing moods and the transformation of systemic parties towards hybrid parties, combining the attitudes of multidimensional political forces.

Keywords: *Brexit, right populism, N. Farage, B. Johnson*

23 июня 2016 г. уже разделило британскую историю XXI века на до и после. Состоявшийся в этот день референдум, вопреки прогнозам ведущих экспертов и социологических центров, принес победу, хотя и с небольшим перевесом, сторонникам выхода Великобритании из Европейского союза.

Одной из причин таких результатов стал подъем правого популизма в лице пребывавшей длительное время в маргинальном положении Партии независимости Соединенного Королевства (ПНСК) во главе с Н. Фараджем.

Партия с самого начала своего существования – 1993 г. – ставила задачу выхода страны из Евросоюза и сокращения иммиграции. Н. Фарадж, ставший лидером партии в 2006 г., в течение десяти лет призывал к выходу Великобритании из Европейского Союза, без оглядки на политкорректность озвучивая неудачи европейского проекта – от неконтролируемой иммиграции до всплеска радикального исламизма. Симптоматично, что другой маргинальный политик Д. Трамп, ставший президентом США на выборах 2016 г., всего через несколько дней после победы встретился именно с лидером ПНСК. С тех пор Н. Фарадж стал своего рода посланником «трампизма», выступая с речами о рассвете нового мирового порядка или разрушении старого. «Я не сомневаюсь, что европейский проект завершен», – сказал Фарадж в интервью изданию «Time» в конце ноября. – «Вопрос только в том, когда это произойдет официально» [1].

В июле 2016 г. После оглашения результатов референдума и формирования нового кабинета во главе с Т. Мэй, заявившей о своём согласии с итогами референдума, Н. Фарадж ушел с поста лидера ПНСК и весной 2019 г. накануне выборов в Европарламент (ЕП) создал новую партию – Партию Брекзита, получившую более 30 % голосов избирателей. По итогам выборов в Европарламент (ЕП) в мае 2019 г., примечательных высокой явкой избирателей (более 50 %), четверть голосов получили популистские силы, что на 5 % больше прошлых

выборов 2014 г [2]. Кроме «Партии Брекзита» Н. Фараджа, 11 % голосов получила «Альтернатива для Германии», 11,7 % - «Фламандский интерес» и другие [3]. Правопопулистские силы влились в такие партии как «Идентичность и демократия», «Европа свободы и прямой демократии» и другие. Во Франции на первое место в Европарламент вышло крайне правое «Национальное объединение» (бывший «Национальный фронт»), сформулировавшее задачу в сотрудничестве с другими странами не покинуть ЕС, а трансформировать его изнутри «в пользу Европы свободных наций». В общей сложности 10% членов парламента, избранных на майских выборах, представляют крайне правые партии [4].

При существующем в ЕС механизме принятия решений усиление влияния в ЕП таких правопопулистских сил как партии Н. Фараджа, создает ситуацию, при которой одобренные ими решения вынуждены выполнять национальные правительства. Такое положение дел провоцирует возникновение кризисов, подобных Брекзиту и побуждает традиционные партии практиковать прежде нехарактерные для них лозунги с целью привлечения электората и сохранения своих позиций. В результате привычное «разделение на «правых» и «левых» уже не отражает реального положения дел, когда программы разных политических сил в той или иной степени содержат популистские лозунги.

Следует заметить, что природа популизма в целом (в левом или правом его выражении) отличается подвижным характером. Справедливым представляется понимание популизма как вируса [5], охватившего разные слои населения практически всех стран Евросоюза и глубоко внедрившемся в партийно-политический ландшафт «Единой Европы». Популизм как явление находит жизнь в естественно возникающих лакунах – между обещаниями демократии и невозможностью их полной и постоянной реализации. Этот разрыв между ожидаемым и реальным в странах Евросоюза в последние годы только усиливается, приобретая непредсказуемые формы развития. Именно так произошло и в случае с Брекзитом – «Европейский проект» перестал удовлетворять большей части населения Великобритании, что обусловило подъем правых сил, особенно на фоне не до конца преодоленного миграционного кризиса 2014-2016 гг., связанного с наплывом беженцев, и проблемы передачи все больших полномочий национального правительства в разных сферах на уровень Евросоюза.

«Страсти» по Брекзиту, не прекращающиеся уже более трех лет, высветили глубокий раскол населения Соединенного Королевства по широкому спектру вопросов – от иммиграции до отношения к

Европейскому проекту в целом. Брекзит как явление обнажил шаткость партийно-политической системы Великобритании: отсутствие единства внутри ведущих партий и острую потребность в осмыслении самой роли премьер-министра, функции которого регулируются традицией и прецедентным правом, ставшими уже явно недостаточными в изменившихся условиях.

В конце мая 2019 г. Т. Мэй после отказа Палаты общин в третий раз одобрить план бракоразводной сделки с ЕС была вынуждена подать в отставку. Новым лидером Консервативной партии был избран Б. Джонсон, вслед за этим возглавивший кабинет министров. Джонсон известен как жесткий брекзитер и правый популист. Однако как и его предшественница, новый премьер не сумел заручиться поддержкой парламента. 19 октября 2019 г. Палата общин проголосовала против плана, разработанного уже под руководством нового главы кабинета (и предусматривавшего решение проблемы так называемого Бэкстопа – границы с Северной Ирландией), о выходе Великобритании из Европейского союза. Накануне премьер-министр получил одобрение своего проекта в Брюсселе и рассчитывал на утверждение в Палате общин с тем, чтобы страна смогла выйти из состава Евросоюза 31 октября. Именно эту дату удалось согласовать еще летом 2019 г. как отсрочку после провала выхода 31 марта 2019 г.

Премьер-министр распустил парламент и объявил о проведении досрочных выборов. На состоявшихся 12 декабря 2019 г. выборах убедительную (даже названную некоторыми СМИ «сокрушительной») победу одержали консерваторы во главе с Б. Джонсоном. В результате Консервативная партия обеспечила себе в Палате общин 364 мест (на 48 мест больше чем по итогам выборов 2017 г.) против 202 мест (снижение на 60 мест) Лейбористской партии [6].

Такое большинство дает тори возможность провести через Палату общин сделку о «Брекзите», которую накануне выборов презентовал Б. Джонсон парламентариям. Уже новый состав парламента, собравшийся на свое первое заседание 20 декабря 2019 г., одобрил план сделки Б. Джонсона и дату выхода страны из Европейского союза – 31 января 2020 г. За проект проголосовали 358 депутатов, против – 234 депутата [7].

Выход Великобритании из Евросоюза ставит вопросы как о будущем страны во внешнеполитическом разрезе, так и о контурах партийно-политического ландшафта и трансформации системных партий. Б. Джонсону предстоит либо вернуть Консервативную партию в прежнее идейно-политическое русло, пережив болезненные последствия Брекзита, либо утвердить ее в новом политическом спектре, качественно обновив программу партии и ее риторику.

Литература:

1. Shuster S. The Populists. URL: https://time.com/time-person-of-the-year-populism/ (дата обращения: 04.01.2020)
2. European Elections Results Show Growing Split Over [Электронный ресурс]. URL: https://www.nytimes.com/2019/05/26/world/europe/european-elections-results.html (дата обращения: 04.01.2020)
3. European Parliament 2019. Elections Results [Электронный ресурс]. URL: https://www.bloomberg.com/graphics/2019-european-parliament-elections/ (дата обращения: 07.01.2020)
4. Far-right parties form new group in European Parliament [Электронный ресурс]. URL: ttps://www.dw.com/en/far-right-parties-form-new-group-in-european-parliament/a-49189262 (дата обращения: 10.01.2020)
5. 'We the people': The Battle to define populism [Электронный ресурс]. URL: https://www.theguardian.com/news/2019/jan/10/we-the-people-the-battle-to-define-populism (дата обращения: 03.01.2020)
6. Выборы в Британии: убедительная победа партии Бориса Джонсона [Электронный ресурс]. URL: https://www.bbc.com/russian/news-50765298 (дата обращения: 03.01.2020).
7. Британия выйдет из ЕС 31 января. Палата общин одобрила план Бориса Джонсона. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bbc.com/russian/news-50871391 (дата обращения: 03.01.2020).

Технический прогресс и проблематизация традиционных этических норм

Черникова И.В.
Доктор философских наук
Национальный исследовательский Томский государственный университет, заведующая кафедрой
E-mail: chernic@mail.tsu.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00298.

Аннотация: *В статье рассматриваются версии экологической этики как возможные формы культурной регуляции в условиях вызовов техногенной цивилизации. Традиционная этика, построенная на дуалистической картезианской картине мира, представлена набором*

правил поведения, эти правила в основном формулировались утилитаристской или абсолютистской этическими доктринами, но в любом случае общество рассматривалось как автономная система. В современной научной картине мира, основывающейся на идее глобального эволюционизма, эволюция человека и общества регулируется нормами, вырабатываемыми с учетом глобальной динамики, к таковым относится экологическая этика. Показано, что выбор эволюционной способности в качестве основания экологической этики представляется возможным и что новая эволюционная парадигма может служить онтологическим основанием метафизики, удовлетворяющей требованиям эпохи экологического кризиса.

Ключевые слова: *экологическая этика, метафизика процесса, глобальный эволюционизм, технологические инновации, эпоха антропоцена.*

Technical advance and problematization of traditional ethical standards

Chernikova I.V.
Doctor of philosophy
National Research Tomsk State University,
chair of the department
E-mail: chernic@mail.tsu.ru

Abstract: *The paper covers versions of environmental ethics as possible forms of cultural regulation in the face of anthropogenic civilization challenges. Traditional ethics, built on a dualistic Cartesian worldview, is represented by a set of behavior rules, mainly formulated by utilitarian or absolutist ethical doctrines, although society was always considered an autonomous system. In the modern scientific worldview, based on the idea of the global evolutionism, the evolution of man and society is governed by norms developed taking into account global dynamics, such as environmental ethics. It is shown that the choice of evolutionary ability as the basis of environmental ethics appears possible and that a new evolutionary paradigm can serve as the ontological basis of metaphysics that meets the requirements of the ecological crisis era.*

Keywords: *ecological ethics, process metaphysics, global evolutionism, technological innovations, anthropocene.*

Вызовы современной науки и технологий приводят к необходимости глубинных трансформаций культуры, формирования новой метафизики, основанной на онтологии процесса, и

экологического сознания, как индивида, так и общества. Эти вызовы связывают с вступлением в эпоху антропоцена, с цифровизацией, с возможностью NBIC-технологий трансформировать природу человека. На данном этапе социоантропогенеза уже не природа, а человек становится главной мишенью технологических инноваций. В этих условиях возрастает необходимость в рефлексивной деятельности по выявлению точек роста столь необходимых форм культурной регуляции устойчивого цивилизационного развития. Одной из таких форм культурной регуляции могут быть ниже рассматриваемые версии экологической этики.

Экологическая этика выделилась из разряда прикладных наук, поднявшись с уровня, где вырабатывались этические теории адекватные тому или иному виду практики, на иной уровень, где задачей стала перестройка морали питавшей её метафизики. Изменение метафизической парадигмы означает изменение картины мира и характера мышления. Далее рассмотрим роль идеи глобального эволюционизма в формировании современной научной картины мира, обозначаемой терминами холистическая, системная, экологическая, в которой мир и человек понимаются как единая, саморазвивающаяся глобальная динамика. Обозначим также влияние идеи глобального эволюционизма на формирование экологического мышления.

Глобальный эволюционизм рассматриваем не только как методологически полезную регулятивную идею, но как модель реальности, манифестирующую холистический взгляд на мир и как основание философии процесса. Поскольку концепция универсального эволюционизма складывалась и разрабатывалась на материале естествознания, то включение этапов когнитивной и социальной эволюции, философско-методологический анализ возможности экстраполяции универсальных законов и механизмов эволюции на эти сферы бытия является важной новацией в области философской онтологии и междисциплинарных исследований. Новым аргументом в пользу глобального эволюционизма может служить интегративный анализ выявленных учеными общих законов в биологической, когнитивной и социальной эволюции, описание новых рекурсивных механизмов формирования сложности (эволюция «сверху»), обусловленных целенаправленными ментальными и социальными процессами. Уровень сложности социальных систем определяется транзицией в работе с информацией. Язык, мышление, коммуникации создают новую архитектуру, созидающую и сознание, и моральность, и свободу, которые коррелятивно связаны. Мораль и свобода, как метафизические сущности, характеризующие человеческое бытие, оказывается реальностью эволюционно обусловленной.

Традиционная этика, построенная на дуалистической картезианской картине мира, понимается как набор правил поведения. Эти правила в основном формулировались утилитаристской или абсолютистской этическими доктринами, но в любом случае общество рассматривалось как автономная система. Современная научная картина мира, основываясь на идее глобального эволюционизма, предполагает формирование новой метафизики и новой этики. Метафизика процесса включает представление о реальности как сложной саморазвивающейся глобальной системе сопряженных процессов. В этой картине мира эволюция человека и общества регулируется нормами, вырабатываемыми с учетом глобальной динамики, к таковым относится экологическая этика.

Экологическая этика, отмечает Б. Калликотт «начинается с той предпосылки, что традиционная метафизика и обусловленная ею мораль - это скорее источники современных экологических проблем, но никак не средство для их разрешения... Нынешняя экологическая ситуация нуждается не столько в практическом экспериментировании, сколько в радикальном пересмотре западных моральных и метафизических парадигм» [1, с. 309]. Этико-экологическая ориентация объединяет в поиске новой метафизики различные философские подходы, такие как акторно-сетевую концепцию Б. Латура, «витальный» материализм Дж. Беннетта, «новую» онтологию Т. Мортона, объектно-ориентированную философию Г. Хармана, экологическую макроэтику Л. Флориди, теорию индивидуации Ж. Симондона, глубинную экологию Б. Калликотта и А. Нэйса. Сторонники глубинной экологии путь к ее решению видят в формировании экологической чувствительности. Новая метафизика строится на объектно-ориентированной онтологии, в ней реализуется не-антропоцентрический подход к миру, стираются привычные границы между человеческим и нечеловеческим, вводятся понятия «материальная агентность» как действенности не толь человеческих вещей [3]; «актант» (Б. Латур) как источник действия, который может быть как человеческим, так и нечеловеческим [4]. Думается, этот перечень теорий, формирующих новую метафизику, далеко не полон.

Наряду с выше отмеченными контекстами, важную функцию в формировании новой метафизики выполняет современная научная картина мира, основанная на идее глобального (универсального) эволюционизма. В западной культуре формируется картина мира как глобального (универсального) процесса, включающего человека как составляющую и как фактор эволюции, это идея глобального эволюционизма. Современная естественнонаучная картина мира, основанная на идее глобального эволюционизма, служит мостиком к

экологической метафизике. На наш взгляд, путь к экологизации сознания связан с формированием метафизики основанной на онтологии процесса и идее глобального эволюционизма. Как отмечал один из создателей концепции глобальной эволюции Э. Янч, этика - это поведенческий код, настроенный эволюционно [2]. В его концепции мораль аккумулирует в себе жизненный опыт такой настройки. Сохранение эволюционной способности и повышение разнообразия могут рассматриваться и как основания экологической этики, и как закон эволюции.

Выполняющий роль неотъемлемого аспекта социокультурной эволюции, человек имеет возможность и обязанность брать на себя ответственность за эволюцию в своей области, то есть на планете Земля. Управление системой теперь выглядит как деятельность, которая помогает и ускоряет эволюцию. Э. Янч определяет определить этическое поведение как поведение, которое усиливает эволюцию. Но это подразумевает, что этика не дана априори, но возникает с развитием и следует за развитием, которое, в принципе, широко открыто. С каждым новым автопоэтическим уровнем в игру вступает новая этика, а также новый механизм, посредством которого эта этика действует как регуляторное устройство. В социобиологии этот механизм носит преимущественно химический характер, в человеческом мире оно состоит в основном из законов, правил поведения и табу, а также из морали как непосредственного внутреннего опыта. Задача в том, чтобы действовать в унисон с эволюцией, а не против нее. Прежде всего, это означает признание и применение многоуровневой этики, которая превосходит уровень отдельной личности. Такую этику Э. Янч называет эволюционной этикой и отмечает, что она будет выходить за рамки не только личности, но и всего человечества. Эволюционная этика сопрягается с характеристиками саморазвивающихся систем, таких как открытость, неравновесность, динамичность, когерентность [2, p. 263].

Сохранение разнообразия как экологическое требование и в тоже время как признание права на индивидуальность, как нравственный принцип, так переплетаются этический выбор и эволюционный закон. Баланс природы рассматривается не как источник всех наших ценностей, а как основа выбора, с которой все другие ценности должны быть согласованы. Утверждение баланса природы как основы ценностей фиксирует необходимую среду для этической активности. Нравственность выводима из целостного характера экосистемы, это означает, что хотя человек самостоятельно строит систему ценностей, их выбор координируется требованиями экосистемы. Следуя логике поисков оснований натуралистической этики (баланс, целостность

экосистем...), представляется возможным сделать еще шаг и признать в ряду ценностей, на основе которых могут строиться нормативные модели, эволюционную способность природных систем. Причем, эволюцию здесь следует понимать как коэволюцию, то есть, не только как изменчивость, но как систему взаимодействий (всякая эволюция есть коэволюция системы и её среды).

Выбор эволюционной способности в качестве основания экологической этики представляется возможным. Во-первых, экологическая и эволюционная проблемы по существу очень тесно связаны. Многие экологические механизмы и законы являются также эволюционными. С другой стороны, эволюция может быть экологически переосмыслена. Во-вторых, новая эволюционная парадигма может служить онтологическим основанием метафизики, удовлетворяющей требованиям эпохи экологического кризиса. Итак, рассмотрен один из возможных вариантов решения проблем этики науки, в частности экологической этики. При этом показано, что идея глобального эволюционизма действительно влияет на современное научное мировоззрение, кроме того она способна обострять формулировку, служить катализатором в обсуждении широкого круга проблем.

Литература:

1. Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М.: Прогресс, 1990. 495 с.

2. Iantsch E. The self-organizing Universe: Scientific and human implications of the emerging paradigm of evolution. Oxford etc.: Pergamon press, 1980. 343 p.

3. Беннетт Дж. Пульсирующая материя. Политическая экология вещей. М.: Xyle–Press, 2018. 380 с.

4. Игнатова Н.Ю. Новая метафизика как ответ на вызовы эпохи антропоцена // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе: Труды II Всероссийской научной конференции / Под общей ред. И.Т. Касавина, А.М. Фейгельмана.–Н. Новгород: Красная ласточка, 2019. С. 16-18. URL: http://www.philosconf.unn.ru/files/2019/11/SbornikNNGU2019.pdf.

Русско-украинский кризис гармонизации межнациональных отношений

Цахидис Р.
Кандидат теологических наук,
Республика Кипр,
Общество греков-понтийцев Пафоса «Святой Трифонас»,
президент
E-mail: agiostrifonas.pafos@gmail.com

Аннотация: *Статья посвящена вопросам межнациональных отношений. Автор рассматривает роль православного христианства в невидимой войне в историческом процессе гармонизации в условиях глобального общества.*

Ключевые слова: *гармонизация, глобализация, общество, конфликт, Византия, политические лидеры.*

Russian-Ukrainian harmonization crisis internetional relations

Tsahidis R.
Candidate of Theological Sciences
Paphos Greek Pontic Society Saint Trifonas President
E-mail: agiostrifonas.pafos@gmail.com

Abstract*: The article is devoted to issues of interethnic policy in the field of interethnic relations. The author considers the role of Orthodox Christianity in an invisible war in the historical process of harmonization in a global society.*

Keywords: *harmonization, globalization, society, conflict, Byzantium, political leaders.*

Гармонизация межнациональных отношений в современном мире сталкивается с новыми вызовами, так как глобальное общество все больше влияет на межличностные отношения. Глобализация стирает грани между нациями и народами, между разными религиозными конфессиями, призывая к толерантности. На самом же деле беззаконие декларируется законом. В подобных условиях человек не прогрессирует, как homo sapiens, а наоборот, деградирует, теряя божественное начало. Выражаясь предельно лаконично, можно сказать, что сегодня угроза глобализации обратно пропорциональна гармонизации в межнациональных отношениях. Гармонизация отношений является панацеей от проблем, которые несет в себе глобальное общество.

Либеральные ценности, созданные для укрепления мира между нациями, в реальности несут разрушительную функцию, как обратная реакция, сопротивление, тем самым порождая межнациональные войны, терроризм, межконфессиональные конфликты. «Гуманная» в своей основе теория несет муки и страдания людям. Почему это происходит?

На мой взгляд, ответ был дан впервые две тысячи лет назад, в священном писании, в Евангелии: «...в Христе нет ни иудея, ни эллина, ни скифа, ни варвара. Все остальное от лукавого». Глобальное общество, создавая социально-политические институты и тем самым пытаясь спасти человека от духовного рабства, не стремится к Богу, как Создателю, а ведет общество к антагонизму и в конечном итоге к разрушению человеческой самобытности.

Следовательно, для гармонизации межнациональных отношений необходимо найти внутренний консенсус в межконфессиональных конфликтах и противоречиях, и в первую очередь догматических. Это может произойти в том случае, если духовные народные лидеры прежде всего победят свой амбициозный эгоизм.

Ярким примером влияния глобализации на межнациональные отношения является русско-украинский кризис. Политический блеф национальных лидеров Западной Европы и Америки о мнимом вхождении Украины в Евросоюз и интеграции ее в европейскую семью, привел к гражданской войне в некогда бедной, но стабильно развивающейся Украине. Через религиозные секты Запад внедрил чуждую украинскому народу идеологию, воспитал лидеров, которые впоследствии совершили политический переворот в стране. Будучи адептами, они вели активную публичную работу, собирали голоса на выборах, получали экономическую помощь со стороны наставника-Запада и соответствующие инструкции к действию. И это называется демократизацией общества. Все свои действия Запад преподносит как бы «во имя справедливости». Технология очень проста: сперва внести в общество ересь, разделить его на группы и настроить их против друг друга. Известный принцип: «Разделяй и властвуй!» В результате так называемой глобализации общества мы видим абсолютно немотивированный раскол во власти, в духовенстве, в обществе и страдания простых людей. Какой же выход и где он? А он там, где начало!

Вспомним историю Византийской империи X века, когда православное христианство Византии объединило разрозненные славянские племена в единую нацию и тем самым способствовало образованию мощного Российского государства. А началось это объединение с принятия крещения равноапостольным князем Владимиром в Крыму в г. Херсонесе и впоследствии крещением

Киевской Руси. И сегодня, в период кризиса славянского мира, на мой взгляд, необходимо снова обратиться к духовному опыту Византии для примирения общества, во имя спасения будущих поколений православного мира.

Отдельно хочу отметить способность русского народа в судьбоносные исторические моменты выбирать неординарные решения и находить необходимые направления для борьбы. На мой взгляд, это – есть основа русского универсализма, которая служит для укрепления национального единства и создания иммунитета к внешним и внутренним угрозам. Движущей силой русского универсализма является сохранение национальной идеи личности и обогащения русского духа, смирения, как источника надежды на справедливость для прогрессивного общества. Наступило время вернуться к началу!

Литература:

1. Цахидис Р. Русско-украинский кризис гармонизации межнациональных отношений: греческий взгляд // Русский универсум в условиях глобализации: Сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции (26-28 октября 2016 г.) / Ред. Е.В.Валеев, С.В.Напалков; Арзамасский филиал ННГУ; Фонд «Русский мир». Саров: Интерконтакт, 2016. 461с.

2. Арш Г.Л. Тайное общество Филики Этерия. Из истории борьбы Греции за свержение османского ига. М.: Наука. 1965. 130 с.

3. Эссад Д. Константинополь от Византии до Стамбула. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых. 1919. 347 с.

Представления российской историографии о субъекте дезинтеграционного процесса в Югославии

Шахин Ю.В.
Кандидат исторических наук
Севастопольский государственный университет,
доцент кафедры «История»
E-mail: y-v-shahin@yandex.ru

Аннотация: *Данная статья посвящена проблеме распада Югославии, как ее объясняют российские историки. Особое внимание уделяется субъекту дезинтеграционных процессов. Среди российских ученых есть два основных направления: традиционно-консервативное и либеральное. Но для объяснения распада Югославии это разделение не является существенным. Большинство из них не имеют представлений, кто был субъектом процесса. Наиболее серьезной является концепция В.К.Волкова. Он писал об этнономенклатурных*

кланах превратившихся в этнические кланы. Эта идея оказала влияние на ряд российских историков, но они в большинстве своем имеют очень неясные представления об этом субъекте и предпочитают эмпирические исследования без глубокой теоретической основы. Но попутно российские историки накопили много исторических фактов важных для дальнейших объяснений.

Ключевые слова: *распад Югославии, российская историография, субъект дезинтеграции, югославская бюрократия.*

Ideas of Russian historiography about the subject of disintegration process in Yugoslavia

Shakhin Y.V.
Candidate of history,
Assistant professor at the department of History, Sevastopol State University
E-mail: y-v-shahin@yandex.ru

Abstract: *This article is devoted to the problem of collapse of Yugoslavia as Russian historians explain it. The special attention is paid for a subject of disintegrating process. There two main currents among Russian scientists here: traditional-conservative and liberal one. But in the explanation of Yugoslavian collapse this division is not decisive. Many of them have no idea who was the subject of process. The most serious view is the conception of V.K.Volkov. He wrote about ethnonomenclature clans turned into ethnocratic clans. This idea made influence at some Russian historians, but their majority still has very unclear ideas about this subject and prefer empiric researches without deep theoretical background. But meanwhile Russian historians accumulated many historical facts important for further explanations.*

Keywords: *collapse of Yugoslavia, Russian historiography, subject of disintegration, Yugoslavian bureaucracy.*

В то время как современная Европа демонстрирует тенденцию к стиранию границ и разделительных перегородок, в отдельных частях европейского континента наблюдаются прямо противоположные процессы. Прежде всего, это касается бывшей Югославии. В результате распада этого федеративного государства буквально по живому телу прошли новые линии раздела, которые оказались очень глубокими, болезненными и разрушительными. Вопрос, как это могло случиться, и кто является носителем этого процесса, все еще остается

дискуссионным в исторической науке. В настоящей статье будет дан критический анализ представлений российских ученых о субъекте дезинтеграционного процесса в СФРЮ.

В России первые попытки выяснить этот вопрос были предприняты уже в начале 1990-х гг., начиная с историка Е.П. Канделя. Он отметил, что рыночные реформы, начатые в 1964 г., создали к концу 1960-х гг. социально-экономический и общественно-политический кризис. «Авторитарный режим почувствовал себя неуютно и либерально-демократическому подъему югославского общества противопоставил политику национального возрождения, позволявшую раздробить оппозицию» [1]. Хотя режим уже в 1971 г. вступил в конфликт с националистами, «все основные их требования были удовлетворены в ходе конституционной реформы, завершившейся принятием конституции 1974 г.». Эти реформы середины 70-х гг. имели серьезные социальные и идеологические последствия: «Прежде единая партократия преобразовалась в коалицию «национратий», в конкурентной борьбе друг с другом отстаивающих национальные интересы своих республик». Это и погубило Югославию.

Кандель не объясняет, как мог в середине 1960-х гг. режим, который исповедовал идеологию братства и единства, переступить через себя и пойти не просто на заигрывания с национализмом, а буквально взрастить его? Ведь политику Югославии определяли в то время люди, которые подавили националистов с оружием в руках. Наконец, Кандель не смог определиться, кто же был субъектом этого процесса. Он совершенно хаотично писал о «партократии», «этнократии», «номенклатуре» и «бюрократии». Никакой последовательности в употреблении указанных терминов у него нет, и определений он им не дал.

В 1994-2000 гг. оформилась довольно основательная концепция В.К. Волкова - тогдашнего директора Института славяноведения РАН [2; 3]. Он четко поставил вопрос о социальном субъекте, который развалил Югославию. По его мнению, это этнократические кланы, сложившиеся в национальных республиках, и окончательно оформившиеся к моменту распада Югославии. Социальной базой этнократии стали трансформированные этнономенклатурные кланы. Этнономенклатурные кланы он сперва выделил на советском материале. «Они объединяли как партийных функционеров, так и руководящих деятелей местного государственного аппарата, управленческие кадры и верхушку национальной интеллигенции». Существование таких кланов было заметно уже в первые послевоенные годы, «но особенно стало очевидно в годы застоя» [3, с. 61]. В югославских республиках протекали те же процессы складывания

этноменклатурных кланов, что и в СССР. «Поскольку Югославия следовала советскому опыту, здесь на формирование принципов государственного устройства ушло меньше времени, чем в СССР». Эти процессы также ускорил советско-югославский конфликт. Под его влиянием в Югославии выработали идеологию самоуправленческого социализма. «Идеологические постулаты самоуправления и децентрализации привели к тому, что бюрократический централизм был опущен с общегосударственного уровня на республиканский. Помимо общего центра… возникли реальные политические центры во всех национально-территориальных образованиях, что ускорило созревание в них этноменклатуры и ее формирование по клановому принципу. Для многонациональной Югославии это имело далеко идущие последствия» [3, с. 62]. В первые послевоенные десятилетия в Югославии наблюдалось смягчение национального вопроса. Но после оформления этноменклатурных республиканских кланов национализм в стране получил новую социальную базу и в 1960-е гг. вновь оживился [3, с. 63]. Эти оценки очень хорошо согласуются с эмпирическими данными югославской истории.

По мнению Волкова в конце 1960-х гг. югославское руководство во главе с Й. Брозом-Тито не смогло правильно оценить обстановку. Оно увидело причины национализма и сепаратизма «не в социальных сдвигах и принципиальном несоответствии своих идейных установок политическим реалиям, а в незавершенности политических реформ» [2, с. 219]. И постаралось их завершить. В результате была принята конституция 1974 г., усугубившая децентрализацию Югославии. Она ускорила складывание республиканских этнократических кланов и привела к невиданной экономической и политической дезинтеграции страны [2, с. 219-220, 223]. «В таких условиях бюрократия нашла в национализме свою подлинную идеологию. Она служила им средством мобилизации масс и манипулирования ими с целью обеспечить себе поддержку в борьбе с другими бюрократическими кланами на федеральных форумах» [2, с. 224]. Так, Волков объясняет вторичный генезис национализма в югославских условиях.

Когда в конце 1980-х гг. началась смена политического режима, этноменклатура трансформировалась в этнократию. «Это было уже качественно новое социальное образование, решительно отказавшееся от марксистской идеологии и перешедшее на позиции национализма» [3, с. 72]. В ряды этнократических кланов «вливалась часть старой партократии, бюрократические слои, дельцы «теневой» экономики, националистическая интеллигенция. Для всех этих кланов было характерно стремление к национально-авторитарным формам правления, борьба за власть и собственность, за контроль над «своей

территорией», этнический протекционизм представителям своего национального бизнеса при полном игнорировании за другими народами тех прав, которых они добивались для себя» [Цит. по: 6, с. 67-68; 2, с. 218].

Идеи Волкова оказали влияние на экономистов Л.В. Тягуненко и В.М. Кудрова, на историков Е.Ю. Гуськову, Н.В. Васильеву, В.А. Гаврилова, Е.Г. Волкову. Л.В. Тягуненко объясняла распад Югославии на основе многофакторного подхода и усматривала истоки процесса в 1970-х гг. При этом она была уверена, что национальный вопрос в Югославии был всегда, просто в начале его придушила диктатура правящей партии, и именно она во всем виновата: «Нынешний взрыв национализма стал расплатой за долголетнюю диктатуру» [4, с. 28]. Тягуненко активно оперирует термином «этнократия», к которой она тоже относится негативно. Она определяет этнократию как «родное дитя партократии» [4, с. 29] и именно на ее аппетиты и амбиции возлагает ответственность за распад Югославии: «Выросшая под крылышком господствующей партии, этнократия сыграла трагическую роль в распаде многонационального государства. Представляется, что сегодня т. н. национальная идея, овладевшая умами руководства этих партий, это лишь знамя, за которым скрывается откровенная борьба за власть» [5, с. 175]. «Этнократы в борьбе за власть воспользовались недовольством народов, одинаково страдающих от экономического кризиса, встали под знамена сепаратизма и удачно (а иногда и неудачно) использовали чисто политические и национальные факторы» [5, с. 179]. Однако в отличие от Волкова термин этнократия не служит у Тягуненко инструментом исторического анализа длительных социальных процессов.

Е.Ю. Гуськова – известный специалист по истории Югославии. Она прямо признала большую научную значимость оценок Волкова, согласилась с ним, что вокруг республиканских и краевых центров власти «началось формирование этнократических (этнобюрократических) кланов» [6, с. 67], и повторила волковское определение этнократии. Сама Гуськова показала, что политические интересы правящих элит в 1980-е годы подогревали национализм [6, с. 65, 76-77]. Но в 1990-е гг. специальным изучением этого вопроса она не занималась, ограничившись лишь общими замечаниями. Отчасти это произошло потому, что внимание Гуськовой тогда было сконцентрировано на событиях 1990-х гг., а не на их причинах, и отчасти потому, что она отдавала приоритет внешним факторам распада Югославии перед внутренними.

Историки Н.В. Васильева и В.А. Гаврилов впервые изложили свое видение распада Югославии в 2000 г. в книге «Балканский тупик?» [7].

Этих авторов интересуют лишь советско-югославские отношения, поэтому концепцию распада Югославии они сформулировали тезисно. Корень зла они видят в рыночных реформах и децентрализации второй половины 1960-х гг. При отсутствии единого внутреннего рынка все это вместе вызвало рост национализма и формирование этнократии, а затем этнократы уничтожили Югославию [7, с. 281, 313-314]. Они относят складывание этнократии к периоду до 1990 г. В отличие от Волкова связь между децентрализацией и национализмом они замечают только с 1970-х гг. [7, с. 313].

Экономист В.М. Кудров в истории Югославии дилетант. О глубине его познаний ярко свидетельствует такое утверждение: в 1918 г. Югославия была создана как федерация [8, с. 90]. Он поддержал мнение Волкова о взаимосвязи политики децентрализации и формировании сепаратистских «этнопартократических» сил уже с начала 1950-х годов. Однако причины этого процесса ему так и остались непонятны. А обострение межреспубликанских трений он объясняет неравномерностью регионального развития [8, с. 93, 104].

Историк Е.Г. Волкова признаёт, что в Югославии сложилась этнократия, и время ее формирования относит к периоду после 1974 г. Правда, ей предпочтительней термины «республиканские кланы», «национальные элиты». Как и Волков она признаёт алчную природу этнократии, ее тягу к борьбе за собственность. Волкова считает, что аппетиты этнократов особенно подогрели рыночные реформы, проводившиеся в 1989-1990 гг. премьером Анте Марковичем. Эти реформы стимулировали приватизацию и тем самым войну за собственность. Последняя «не только похоронила саму экономическую реформу, но разрушила остатки экономического единства страны». Приватизация приобрела «ярко выраженный этнический характер» [9, с. 477]. Тем не менее, она сторонник многофакторного подхода. Причем деятельность этноменклатуры в число самостоятельных факторов у нее не попадает. Эта сила просто воспользовалась «автаркизацией» республик, экономическим и идеологическим кризисом, ставшим результатом реформ предшествующих десятилетий.

Из альтернативной Волкову точки зрения исходил в своих работах конца 1990-х гг. историк С.А. Романенко, хотя в осознанной теоретической форме проблему социального субъекта он никогда не ставил. Взгляды Романенко можно систематизировать следующим образом. На каждом витке своей истории этническая общность стремится к самоопределению в силу самой своей природы. Меняются только его формы [10, с. 148-149]. В этой связи Романенко активно развивает идею В.И. Фрейдзона о Югославии как инкубаторе вызревания наций. Этнические общности, вошедшие в единую

Югославию, созрели, возмужали и стали самоопределяться [10, с. 146, 149]. По мнению Романенко, эти центробежные тенденции могла смягчить только максимальная демократизация [11, с. 149]. Но Югославия была тоталитарным государством, и как только оно вошло в системный кризис, национальные противоречия и центробежные тенденции вышли на поверхность [10, с. 209]. Кризис осложнили неравномерное развитие регионов Югославии, а также порочная теория и практика югославизма. Югославизм «был основан всё на той же идее и психологии этнического родства, являлся по сути полиэтническим национализмом» [10, с. 147, 163-164]. Из-за этого он и вступил в противоречие с самоопределением этносов. Таким образом, субъект дезинтеграционного процесса для Романенко - этнические общности.

Ко времени написания работ Романенко еще не были опубликованы исследования Д. Йовича, который доказывает, что в 1970-е гг. югославизм лишился этнического содержания [12]. К тому же Сергею Романенко трудно объяснить, почему в 1950-е гг. межнациональные отношения улучшились, а в стремлении этносов к самоопределению был перерыв. Он заявляет в ответ, что национализм в конце 1940-х – начале 1960-х гг. был просто искусственно подавлен репрессивной политикой режима [11, с. 140].

Другие российские авторы специальной характеристики социального субъекта распада Югославии не давали. Впрочем, поверхностные, неявно сформулированные представления об этом субъекте у них были. Обычно такие авторы оперируют понятиями «народы», «республиканские руководители», «республиканские элиты», «политики». Это характерно для таких различных авторов, как этнолог М.Ю.Мартынова, историк В.И. Фрейдзон, А.Г. Задохин и А.Ю. Низовский, экономист Ю.К. Князев, историк К.В. Никифоров, историк Н.С. Пилько [13; 14; 15; 16; 17; 18]. Историк И.С. Груздев и вовсе изображает дезинтеграцию Югославии как бессубъектный процесс [19]. Тем не менее, эти работы дали значительный объем новых или малоизвестных исторических фактов, позволяющих осмыслить процесс распада Югославии. Из последних работ особое значение имеет в этой связи глава 7 коллективной монографии по истории Югославии в XX веке, которую написала Е.Ю. Гуськова [20]. По сути дела она начала там разрабатывать идеи Волкова о борьбе этнономенклатурных кланов на конкретном историческом материале 1960-х гг. с опорой на архивные документы. Однако проблему социального субъекта в открытой теоретической форме Гуськова там не сформулировала.

Таким образом, проблема генезиса и социальная природа

субъектов дезинтеграционного процесса поставлена в российской историографии, однако общепринятого решения не получила. Большинство исследователей предпочитает ее обходить, изучая процессы на эмпирическом уровне. В этой связи остается неясным даже то, был ли субъект дезинтеграционных процессов един, или можно говорить о нескольких независимо действующих субъектах. Между тем, выяснение природы субъекта дезинтеграционных процессов требует теоретических усилий, направленных на осмысление социальной структуры и общественной природы т.н. «социализма». Этот вопрос открывает благоприятную почву для научных дискуссий, однако большинство исследователей старается его обходить. Они совсем не касаются дискуссий в югославской социологии о социальной структуре «самоуправленческого социализма» даже несмотря на наличие работ, переведенных на русский язык, вроде того же «Нового класса» Джиласа. Среди тех теоретических наработок российских историков, которые можно применить для изучения субъекта дезинтеграционных процессов, наиболее перспективными нам представляются идеи В.К.Волкова, но они еще недостаточно востребованы.

Литература:

1. Кандель П. Е. Как развалилась Югославия // Обозреватель. 1992. № 3. Режим доступа: http://www.rau.su/observer/N03_92/3_18.HTM.

2. Волков В.К. Трагедия Югославии // Осмысление истории. М.: Просвещение, 1996. С. 214-254.

3. Волков В. Этнономенклатура и распад государства: СССР и Югославия // Свободная мысль-XXI. 2000. № 9. С. 57-73; № 10. С. 13-24.

4. Тягуненко Л.В. Природа югославского кризиса // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С.28-45.

5. Тягуненко Л.В. Распад федерации – причина и последствия // Межрасовые и межнациональные отношения в странах Европы и Америки XIX-XX вв. М.: Институт всеобщей истории, 1996. С. 172-184.

6. Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса. М.: Русское право / Русский национальный фонд, 2001. 720 с.

7. Васильева Н., Гаврилов В. Балканский тупик?... (Историческая судьба Югославии в XX веке). М.: Гея-Итэрум, 2000. 480 с.

8. Кудров В.М. Югославия: прощальный экономический и статистический портрет // Общественные науки и современность. 2002. № 1. С. 90-105.

9. Кирьяков Ю. С., Волкова Е. Г. Факторы распада СФРЮ и СССР: сравнительно-типологический анализ // Судьба России: вектор перемен: материалы международной научной конференции. Екатеринбург-М.: Академический проект, 2007. Т. 1. С. 466-486.

10.Романенко С.А. Югославия: история возникновения, кризис, распад, образование независимых государств (национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX-XX вв.). М.: Издательский центр научных и учебных программ, 2000. 500 с.

11.Романенко С. Югославский Рубикон // Новое литературное обозрение. 2007. № 83. С. 138-163.

12.Никифоров К.В. Рец: D. Jović Jugoslavija. Država koja odumrla. Uspon, kriza i pad Kardeljeve Jugoslavije (1974-1990). Zagreb, 2003. 531 s. // Славяноведение. 2007. № 3. С. 111-114.

13.Власть-общество-реформы: Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века. М.: Наука, 2006. 442 с.

14.Задохин А.Г., Низовский А.Ю. Пороховой погреб Европы. М.: Вече, 2000. 416 с.

15.Кирилина Л.А., Пилько Н.С., Чуркина И.В. История Словении. СПб.: Алетейя, 2011. 480 с.

16.Мартынова М.Ю. Балканский кризис: народы и политика. М.: Старый сад, 1998. 466 с. Режим доступа: http://miris.eurac.edu/mugs2/do/blob.pdf?type=pdf&serial=1150729550739.

17.Фрейдзон В.И. История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). СПб.: Алетейя, 2001. 318 с.

18.Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т.2. От стабилизации к кризису (1966-1989). М.: Наука, 2002. 516 с.

19.Груздев И.С. Предпосылки и причины распада Социалистической Федеративной Республики Югославии. М.: Б.и., 2001. Режим доступа: http://gruzdev.narod.ru/prichini.html.

20.Югославия в XX веке: Очерки политической истории. М.: Индрик, 2011. 888 с.

Место Молодежных парламентов в системе молодежного политического лидерства

Шашкова Я.Ю.
Доктор политических наук,
Алтайский государственный университет,
заведующая кафедрой политологии
E-mail: yashashkova@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01184, «Потенциал молодежного политического лидерства в ходе политической социализации и циркуляции элит в российских регионах в 2010-е годы (на примере Юго-Западной Сибири и Северо-Запада РФ)».

Аннотация: *Статья посвящена анализу лидерского потенциала Молодежных парламентов регионов РФ в молодежной среде. На материалах массовых и экспертных опросов показаны представления молодежи и депутатов Молодежных парламентов Алтайского края, Новосибирской и Ленинградской областей о качествах политических лидеров, их оценка условий формирования и рекрутирования молодежных политической лидеров, выявлена степень идентификации молодыми парламентариями себя как политических лидеров молодежной среды. Сделан вывод о том, что большинство молодежи не относит депутатов Молодежных парламентов к своим политическим лидерам и вообще мало информирована об их работе. Сами депутаты идентифицируют себя как лидеры групп, интересы которых они представляют, но в основном отрицают политический характер своей деятельности и политические аспекты своего лидерства.*

Ключевые слова: *молодежные парламенты, парламентаризм, политическое лидерство, политическая активность, молодежь, регионы РФ*

Place of Youth Parliaments in the System of Youth Political Leadership

Shashkova Ya.Yu.
Altai State University, Department of Political Science,
Head of Department
E-mail: yashashkova@mail.ru

Abstract: *The article is devoted to the analysis of the leadership potential of the Youth Parliaments of the Russian regions among the youth. The mass and expert polls show the views of the youth and deputies of the Youth Parliaments of the Altai Krai, Novosibirsk and Leningrad Regions on the qualities of political leaders, their views on the conditions of the youth political leaders' formation and recruitment, and the level young parliamentarians' self-identification as political leaders of the youth. The conclusion is that the majority of young people do not see deputies of the Youth Parliaments as their political leaders and are generally poorly informed about their work. The deputies identify themselves as leaders of the groups, interests of which they represent. Nevertheless, they mostly deny the political nature of their activities and political aspects of their leadership.*

Keywords: *youth parliaments, parliamentarism, political leadership, political activity, youth, regions of the Russian Federation.*

Второе десятилетие XXI в. вошло в политическую историю нашей страны как период превращения молодежи в постоянного и активного политического актора, использующего в своей деятельности различные он- и офф-лайн методы. В то же время, молодые люди, особенно школьного и студенческого возраста, еще не имеют серьезного жизненного опыта и устойчивого мировоззрения, но при этом становятся объектом активного воздействия различных политических сил. Как справедливо отмечает А.А. Русанова, «с точки зрения психологических особенностей представителей этого возраста, молодой человек подвержен влиянию не столько окружающей социальной среды, сколько отдельных личностей. Нередко яркая, харизматичная личность может стать не только примером для подражания, но и повлиять на жизненный, а в нашем случае, политический выбор молодого человека» [1, с. 145]. А потому большую значимость для интерпретации и прогнозирования политического поведения молодежи приобретает выявление лидеров молодежной среды, оценка способности представителей различных молодежных политических организаций выступить в данной роли.

Особое место среди молодежных организаций политической направленности занимают Молодежные парламенты (МП). Во-первых, они созданы по инициативе государства и функционируют при представительных органах государственной власти, что придает их работе, в отличие от молодежных объединений при политических партиях, регулярность и некоторую системность. Во-вторых, указанные причины обеспечивают массовость этого движения: по данным на 2018 г., в России функционируют 81 региональный и более

3000 муниципальных Молодежных парламентов, общая численность молодых парламентариев превышает 40 тысяч человек. В-третьих, МП последовательно позиционируют себя как апартийные структуры, основанные на принципах территориального и/или прямого представительства молодежи, что должно создавать основу консолидации вокруг них молодежи и ее организаций различной направленности, в том числе идеологической. И, наконец, Молодежные парламенты уже по декларируемым в их нормативных документах регионального уровня целях функционирования: содействие в приобщении наиболее активных и подготовленных граждан к парламентской деятельности, формирование их правовой и политической культуры, поддержка созидательной, гражданственно активной молодежи – выступают объединениями молодых активистов, способных направлять и канализировать сознание и поведение основной массы молодежи.

И хотя их функции в регионах могут варьироваться от узкого статуса «аккумулятора идей молодежи» и одного из субъектов «реализации молодежной политики на региональном и муниципальном уровнях» [2, с. 174] до более широкого списка, как то:

«- школа подготовки молодежи к политическому участию в решении социально-экономических проблем;

- возможность вовлечения потенциала молодежи в политическое, социально-экономическое, культурное развитие российских территорий;

- механизм развития электоральной активности молодежи, повышения гражданской культуры молодых людей;

- кадровый резерв для органов законодательной и исполнительной власти, органов местного самоуправления» [3, с. 11], все это в совокупности позволяет молодым парламентариям претендовать на статус лидеров молодежной среды, в том числе и в политической сфере.

Однако, как показывают исследования, депутаты МП редко воспринимаются молодежью в качестве политических лидеров. Так, согласно результатам опроса молодежи четырех российских регионов (опрос проводился в сентябре 2018 г. в Алтайском крае, Ленинградской, Новосибирской областях и Санкт-Петербурге, объем выборки – 1014 человек в возрасте от 14 до 30 лет; метод – личное стандартизованное интервью; выборка несвязанная квотная с контролем пола, возраста, региона и района проживания), депутаты МП не входят даже в тройку популярных статусов, оцениваемых молодыми респондентами как лидерские (табл. 1). При этом показатели по регионам, за исключением Ленинградской области, практически не отличаются. Также

необходимо учесть, что в Санкт-Петербурге Молодежный парламент отсутствует.

Таблица 1

Представление проживающей в 4-х регионах Северо-Запада и Юго-Западной Сибири молодежи о статусных характеристиках молодежных лидеров (%)

Кого, по Вашему мнению, можно назвать молодежным политическим лидером?	Всего по выборке	СПб	НСК	ЛО	АК
Руководитель молодежного общественно-политического объединения	29,7	32,0	29,6	27,6	29,5
Депутат молодежного парламент	18,2	17,6	18,4	19,6	17,4
Молодой депутат представительных органов	11,7	10,8	11,6	14,0	10,6
Молодой руководитель политической партии	16,7	16,4	17,2	18,0	15,2
Активный политический блогер	23,8	28,4	23,6	25,2	18,2
Активист общественно-политического объединения	19,0	22,4	17,2	17,6	18,9
Молодой активист политической партии	18,5	21,2	19,6	17,2	16,3
Затрудняюсь ответить	25,9	24,0	25,6	27,2	26,9

Большую роль в данной ситуации играет низкая степень информированности молодежи о деятельности МП. По результатам опроса 2019 г. (объем выборки – 1020 человек в возрасте от 14 до 30 лет, проживающих в Алтайском крае, Ленинградской, Новосибирской областях и Санкт-Петербурге; метод – личное стандартизованное интервью; выборка несвязанная квотная с контролем пола, возраста, региона и района проживания), 89,1% респондентов из Алтайского края, 80,5% из Новосибирской и 81,5% из Ленинградской областей не смогла назвать ни одной функции или направления деятельности Молодежных парламентов своих регионов.

Что же касается качеств и ресурсов, необходимых политическим лидерам в молодежной среде, то респонденты выделили реальное влияние на политику (45%), наличие большого числа единомышленников (33,9%) и политическую активность (31,3%) (табл. 2), что в принципе должно быть присуще молодежным парламентариям, исходя из сущности этого движения.

Представление молодежи о наиболее значимых ресурсах молодежных лидеров (%)

Что в первую очередь, с Вашей точки зрения, делает человека политическим лидером?	Всего по выборке	СПб	ЛО	НСК	АК
его статус, занимаемая должность	12,9	10,0	16,8	10,8	14,0
наличие большого числа единомышленников	33,9	46,8	34,4	25,5	29,5
реальное влияние на политику	45,0	48,0	44,4	35,6	51,5
политическая активность	31,3	36,8	34,0	17,2	36,7
наличие каких-то ресурсов, в том числе материальных, связей	15,9	18,0	20,8	6,0	18,6
известность	12,3	19,2	21,2	2,0	7,2

Но здесь возникает другой вопрос: а способны и готовы ли сами молодежные парламентарии стать лидерами совей аудитории?

Как показал экспертный опрос депутатов МП Алтайского края, Ленинградской и Новосибирской областей, большинство из них придерживается позиции, что статус молодежного парламентария не делает его носителя лидером. Молодые люди становятся депутатами Молодежных парламентов в силу разных причин и обстоятельств, и если до момента избрания они не проявляли активность или не хотят, став депутатом, брать на себя лидерские функции, считать их таковым не возможно.

В большей степени рекрутированию лидеров в МП способствует, конечно, система прямых выборов по мажоритарным округам,

существующая в Новосибирской области. Однако ее издержками становится фактически деполитизация деятельности депутатов, их ориентация на реализацию локальных проектов социальной направленности. Показательно, что и сами депутаты МП Новосибирской области на прямой вопрос о том, считают ли они себя политическими лидерами молодежи дали отрицательный ответ.

Политическая основа работы МП более четко осознается в Алтайском крае, в связи с чем большинство опрошенных депутатов идентифицируют себя как молодежные политические лидеры. Они же чаще отмечали, что работа в Молодежном парламенте может способствовать дальнейшей политической карьере, особенно в системе представительной власти.

Двойственную позицию занимают депутаты Молодежного парламента Ленинградской области. В его состав входят депутаты представительных органов местного самоуправления первого или второго уровня в возрасте от 18 до 35 лет, делегированные от соответствующих территорий. В связи с этим они идентифицируют себя как лидеры, но не молодежной среды, а своих избирателей в целом.

Модель лидерства у депутатов МП во многом совпала с представлениями основной массы молодежи. Они также отметили необходимость для лидера поддержки единомышленников, политической активности и эффективности в решении проблем. Кроме того, рядовые депутаты часто отмечали важность наличия ресурсов, в том числе материальных, а руководящие кадры Молодежных парламентов на первое место в лидерских качествах поставили готовность брать на себя ответственность за принимаемые решения и действия.

В целом можно констатировать, что в современных условиях Молодежные парламенты и их депутаты обладают ограниченным влиянием на молодежную среду. Реализация их лидерского потенциала в перспективе не возможна без решения нескольких ключевых проблем – оптимизации информационной политики, но главное – предоставления МП права законодательной инициативы, что сможет обеспечить их основным, по мнению молодежи, качеством лидера – способностью реально влиять на политику.

Литература:

1. Русанова А.А. Образ современного политического лидера глазами студенческой молодежи (на примере конкретного социологического исследования) // Власть и управление на востоке России. 2011. №4. С. 144–148.

2. Гукова И.Н. Роль молодежного парламентаризма в развитии общественно-политической активности современной российской молодежи // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. №1 (172). Вып. 29. С. 169–174.

3. Пастухова Л.С. Молодежный парламентаризм как фактор развития гражданского общества : автореф. дис. ... к. полит. наук: 23.00.02. М., 2007. 19 с.

Культурное значение участия политико-административной элиты Санкт-Петербурга в конфликте по поводу Исаакиевского собора

Швая А.Ю.

Социологический инситут РАН,
Филиал ФНИСЦ, г. Санкт-Петербург,
младший научный сотрудник

Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ «Культурно-политическая напряженность православных публичных акций в городском пространстве» 20-011-32264 опн_мол

Аннотация: *В данном докладе осуществляется разбор дискурса конфликта по поводу Исаакиевского собора, выявление основных смыслов и событий, придавших форму социальным перформансам, проведенным каждой из сторон. Наряду с анализом дискурса, осуществляется исследование социальной структуры конфликта, связывая тем самым отдельные высказывания с конкретными участниками (исполнителями социального перформанса). Наконец, выделив основные нарративы и значимых участников, которые привели их и были приведены ими в действие, делается вывод о том, какие диспозиции акторов (в первую очередь представителей политико-административной элиты) и какие дискурсивные фреймы приобретают культурное значение. Иными словами, организуют пространство консенсуса между сторонами конфликта.*

Ключевые слова: *Исаакиевский собор, Русская Православная Церковь, элита, культура, социальный перформанс, дискурс.*

Cultural significance of the participation of the political and administrative elite of St. Petersburg in the conflict over St. Isaac's Cathedral

Shvaya A. Yu.

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Branch FNESC, Saint-Petersburg,
junior researcher

Abstract*. In this report author analyzes discourse of conflict over the belongingness of Saint Isaac's Cathedral in Saint Petersburg. The main senses and events that shaped social performances made by each side were also indicated. Together with the analysis of discourse the social structure of the conflict was also investigated, it connected the utterance with the participants (actors of social performance). Finally, when the main narratives and significant actors (who move and was moved to action by narratives) was indicated, author concludes which dispositions of participants and discursive frames became culturally significant. In other words, which of them form a consensus space between the sides of the conflict.*

Key words: *Saint Isaac's Cathedral, Russian Orthodox Church, elite, culture, social performance, discourse.*

В проведенном исследовании предлагается рассматривать участие политико-административной элиты Санкт-Петербурга в конфликтных событиях, связанных с решением о передаче Исаакиевского собора в ведение РПЦ, через анализ дискурса длительного противостояния сторон. В этой связи представляется перспективным фокус на самом событии конфликта, внутренняя структура и динамика которого позволяет более точно определить значение действий представителей властных групп. Анализ дискурса участников публичного противостояния также дает возможность увидеть, в каких ролях и в каких контекстах представляют себя члены политико-административной элиты Санкт-Петербурга.

Таким образом, провозглашая автономию исследования дискурса от социальной структуры, удается проследить, как в самом дискурсе конструируются различия между сторонами конфликта. Наиболее стабильные и действенные элементы дискурса позволяют

выявить культурное значение противостояния и вместе с тем структуру участников конфликта.

Методологическая конструкция проводимого исследования имеет, пожалуй, три основных теоретических компонента. *Во-первых*, публичные акции и высказывания оппонентов интерпретируются как социальные перформансы, где ключевые акторы, комбинируя контексты и выразительные средства, пытаются убедить аудиторию в правдоподобности той или иной интерпретации события. Социальный перформанс, согласно Дж. Александеру, также позволяет эксплицировать культурный смысл события, обнаруживая, как уже отмечалось, наиболее стабильные дискурсивные формы, выражающие основные принципы политической культуры. *Вторым компонентом* является теория «культурных войн» (culture wars), которая в большей степени, чем теория социального перформанса, ориентирована на конфликтную установку, где зачастую исходные участники оказываются четко определены. Однако главное достоинство этой теории не в принятии этой установки, а скорее в идее редукции дискурса. Так, Дж. Хантер показывает, что события, ставшие значимыми в публичном пространстве, артикулируются благодаря отсылкам к другим, более фундаментальным дискурсам, «двум различным конкурирующим импульсам», которые конституируют «грамматику публичного дискурса». Вместе с тем Хантер отмечает, что модели идентичности, производимые представлениями каждой из противоборствующих сторон в негативной логике, создают общие тематические поля, в рамках которых оказывается допустимой и реалистичность позиции оппонента. Однако слабым местом теории культурных войн мне видится то, что основаниями структурирования дискурса становятся некоторые неистощимые по вариативности константы, предположение которых представляется излишней эссенциализацией в логике данного исследования. В этом смысле мне не представляется необходимым искать предельные дискурсивные формы культурных различий, более значимым, пожалуй, является их становление в ходе протекания социального перформанса. *Третья*, привлекаемая мною теоретическая конструкция, – определение идентичности А. Аппадураи как «конфигурации различий». Такой подход позволяет преодолеть недостаток теории «культурных войн» и исследовать динамику различий в поисках наиболее стабильных из них.

Приступая к работе с обширным дискурсом споров по поводу передачи Исаакиевского собора, мною было проведено

«насыщенное описание» по К. Гирцу, что позволило связать различную по интенсивности дискурсивную динамику с последовательностью событий. Сам же анализ дискурса проводился по логике, предложенной Р. Бенфордом и Д. Сноу и авторами теории общественных движений, с опорой на концепты теории Ш. Муфф и Э. Лакло.

В результате проведенного дискурс-анализа были сделаны следующие выводы.

В первую очередь следует отметить, что триггерной точкой дискурса о передаче собора, где социальный перформанс сторонников потерпел поражение, стало обнаружение дистанции между федеральной и региональной элитой. Для противников передачи первая становится обособленной инстанцией, используемой в качестве ресурса для легитимации.

Кроме того, в интерпретации, ставшей конвенциональной к концу 2017 г., удалось выделить несколько значимых нарративов. Во-первых, близость музея к власти в отличие от церкви, которая представлялась противниками передачи как частная организация со своими интересами. Во-вторых, демонстрирование некоторыми противниками передачи собора, как и сторонниками своей принадлежности к православной церкви. Наконец, в-третьих, консервативное устремление на сохранение и борьбу с нарушением и разрушением. Все эти нарративы исходят из позиции первостепенной роли властной инстанции (от региональной к более абстрактной и не проявлявшей себя – федеральной), значимости её наследия и православной идентичности. Именно такую смысловую конфигурацию, сложившуюся в следствие реакции на высказывания представителей Русской Православной Церкви и политико-административной элиты Санкт-Петербурга и в сжатом виде репрезентирующего спектр контекстов легитимации, следует считать экспликацией культурного содержания.

При этом установление данной конфигурации становится конституирующим событием для последующей идентификации обеих сторон конфликта. Так, для былых противников передачи собора РПЦ становится очевидной допустимость проведения служб в соборе наряду с работой музея; кроме того, продолжаются пикеты горожан за поддержку значимости музея Исаакиевского собора. Для сторонников передачи (в частности, представителей региональной административной элиты) характерно прекращение публичной активности и последующие кадровые трансформации.

Негативная идентичность как маркер и источник социальных конфликтов с участием современной российской молодежи

Шибанова Н.А.
Кандидат философских наук,
Казанский федеральный университет, доцент
E-mail:natikur@mail.ru

Галихузина Р.Г.
Кандидат исторических наук,
Казанский федеральный университет, доцент
E-mail: garezeda@yandex.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта №19-011-31001.

Аннотация: *В статье рассматривается феномен негативной идентичности современной российской молодежи. Эмпирической базой статьи выступает сочетание количественных и качественных методов (анализ контента интернет-сообществ и статистический анализ участников сообществ, в том числе закрытых групп, глубинные и экспертные интервью). Рассматривается структура и наполненность негативной идентичности молодежи. Интересы, нормы и ценности, пространственно-временной и символический компоненты проанализированы и иллюстрируются примерами жизненных траекторий молодых людей. Разбираются негативные и позитивные последствия функционирования негативной идентичности, ее влияния на характер социального взаимодействия молодого поколения, их включенность в социальную жизнь. Прослеживается взаимосвязь между негативной идентичностью и дерационализированным характером конфликтов, в которых участвует молодежь. Высказывается мнение, что внимание исследователей к данной проблематике имеет большое социальное значение, обеспечивает разработку наиболее актуальных и оптимальных технологий включения молодежи в конструктивное социальное взаимодействие.*

Ключевые слова: *конфликт, молодежь, негативная идентичность, доверие, Свои-Чужие, экстремизм*

Negative identity as a marker and source of social conflicts with the participation of modern Russian youth

Shibanova N.A.
Candidate of Philosophical Sciences
Kazan Federal University
E-mail:natikur@mail.ru

Galikhuzina R.G.
Candidate of historical sciences,
Associate Professor
Kazan Federal University
E-mail: garezeda@yandex.ru

Annotation: *The article considers the phenomenon of negative identity of modern Russian youth. The empirical base of the article is a combination of quantitative and qualitative methods (analysis of the content of online communities and statistical analysis of community members, including closed groups, in-depth and expert interviews). The structure and fullness of the negative identity of youth is considered. Interests, norms and values, space-time and symbolic components are analyzed and illustrated by examples. The negative and positive consequences of the functioning of a negative identity, its influence on the nature of the social interaction of the young generation, and its inclusion in social life are analyzed. The relationship between the negative identity and the de-rationalized nature of the conflicts in which youth is involved is traced. The opinion is expressed that the attention of researchers to this problem is of great social importance, ensures the development of the most relevant and optimal technologies for including young people in constructive social interaction.*

Keywords*: conflict, youth, negative identity, trust, self-others, extremism.*

Понятие «негативная идентичность» было введено впервые в научный оборот Эриком Эриксоном более 50 лет назад [1]. Согласно Эриксону, идентичность может быть коллективной или индивидуальной. Позитивная идентичность предполагает принятие индивидом или группой социальных норм и установок, при этом черты сходства с Чужими не отрицаются, а Свои рассматриваются как целостный и самостоятельный субъект, в т.ч. субъект власти. Как правило, носители позитивной идентичности (группа или индивид) стремятся к согласию с другой группой. В свою очередь, негативная идентичность актуализируется в ситуации кризиса в обществе, когда

позитивная идентичность не может выполнять свои функции, т.к. ее различные элементы подавляют друг друга, социальные нормы и установки не принимаются, т.к., по мнению ее носителей, не соответствуют действительности. При негативной идентичности общность/индивид ориентируются на навязывание своего интереса другим, провоцируют конфликты, воспринимая окружение как враждебное и подчеркивая свои отличия от него.

Современные исследователи продолжают исследование негативной идентичности, как в России [2, 3], так и за рубежом [4]. Общий момент этих исследований - фиксация отрицательного влияния негативной идентичности, как на индивида, так и на группу и общество в целом: враждебность по отношению к Другим, поддержка неадекватных лидеров, распространение двойных стандартов, необходимость актуализации внутреннего Врага или угрозы, распространение черно-белого мышления, цинизма, социального недоверия, что усложняет посторенние социального взаимодействия с обществом. Однако при определенных условиях негативная идентичность может способствовать становлению новой позитивной идентичности, являясь наиболее архаичным способом создания границ между Своими и Чужими. С точки зрения основателя конфликтологии Георга Зиммеля, агрессивность, «априорный инстинкт борьбы», первичная потребность людей во враждебности порождает конфликты [5, s. 196 f]. Наряду с потребностью во враждебности классик выделял потребность в мире, которая, перевешивает стремление к победе [6, с. 161]. Негативную идентичность с точки зрения конфликтологического анализа, можно рассматривать как проявление дисфункций семейной системы в которой игнорируются, подавляются базовые потребности молодых людей, низких навыков адаптивности и преодоления трудных жизненных ситуаций. В условиях отсутствия опыта конструктивного выражения сильных эмоций (гнев, страх, злость и др.), чувства отверженности и уязвимости молодые люди становятся подвержены влиянию деструктивных сообществ, получая опыт «принятия», тем самым преодолеть последствия фрустрированных потребностей в безопасности, привязанности, автономии. Конфликт, по мнению Зиммеля, обостряет чувство групповых границ и содействует возникновению чувства групповой идентичности, таким образом, является фактором ресоциализации и последующей радикализация сознания.

Анализ контента экстремистских молодежных групп в сети Интернет, данные экспертных и глубинных интервью, осуществлённых в рамках исследования, позволяют зафиксировать достаточную распространённость негативной идентичности у современной

российской молодежи. Отметим, что негативную идентичность демонстрируют представители разных течений молодежного экстремизма: гендерного, религиозного, политического, националистического экстремизма.

Структура негативной идентичности современной молодежи имеет ряд особенностей. Интересы - важнейший компонент идентичности. Для интересов современной молодежи характерна протестная форма выражения интересов («Мы против матриархата», «Мы против мигрантов»), часто отсутствует четко сформулированный интерес, хотя встречается и позитивная форма (например, «Мы за патриархальный уклад семьи и государства»). Кроме того, интересы группы экстраполируются на все общество, а интересы других групп девальвируются. В сообществах подавляется стремление к комплексному, всестороннему взгляду на проблемную ситуацию, стремление понять позицию и интересы другой стороны. Все это усложняет формирование и функционирование конструктивного взаимодействия с обществом, способствует дерационализации конфликта. Важно, что в процессе реализации идентичности интересы претерпевают изменения, изобретаются новые, отвергаются старые, и могут стать основанием для перехода социальных границ и смены идентичности. Именно в этой подвижности интересов заключается возможность для воздействия на носителей негативной идентичности, с целью рационализации конфликта, перевода его на конструктивную основу.

Нормы и ценности. Современные молодежные сообщества с разной степенью детализации прописывают и поддерживаю нормы и ценности. Некоторые сообщества приписывают необходимость «Идеологической грамотности» у своих членов, прописывают определенные, порой достаточно жесткие, правила поведения с Чужими (отказ от сотрудничества, компромиссов, консенсуса), «правильные» эмоции, мысли, поступки. Нарушение норм и правил ведет к наказанию – исключению из членов сообщества. При этом, конкретизация норм и ценностей привлекательна для молодежи, иными словами современная молодежь нуждается в принимаемых и понятных ею нормах и правилах. Не смотря на способность современной молодежи к усвоению и восприятию разных источников информации ей присущи стереотипы. Традиционно, фигура Чужого (для разных групп он разный, но часто это государство, власть, церковь, органы правопорядка, судебная система, СМИ, избирательная система, советское прошлое и др.)

становиться Врагом через очернение, гиперболизацию, демонизацию и дегуманизацию фигуры Врага.

Во многом именно интересы, нормы и ценности сообществ дают молодежи ощущение «услышанности», значимости, удовлетворяет потребность в принадлежности и принятии, культивирует коллективную ответственность, предлагает «простые решения», что достигается через дихотомичность мышления (Свои-Чужие, правильно-неправильно). Выход из под власти идеологического экстремизма происходит в результате сомнения в непогрешимости целей и интересов движения, получения дополнительной информации, расшатывающей стереотипы, осознания воздействия на себе манипулятивных практик.

Пространственно-временной элемент. Молодежные сообщества возводят четкие символические границы между Своими и Чужими, через систему маркеров настоящих Своих и Чужих, имеют представление о происхождении (наблюдаются тенденции к «удревлению», «аристократизации» и «истинности» Своих, часто функционируют фигуры Героя и мученика, которых большое общество не признает или преследует через закон), имеют представление о времени: бережно сохраняемые истории о прошлом и образ желаемого будущего. Негативный характер идентичности проявляется в том, что эти представления о пространственно-временном компоненте не совпадают с представлениями общества в целом, часто они выступают своеобразным негативом: что в обществе не признается, то в молодежных сообществах поддерживается и оценивается позитивно.

Символическая среда негативной идентичности молодежи имеет богатое содержание. Символический компонент включает ритуалы, обряды, обычаи (многие сообщества имеют свою символику, флаги и др.); внешний вид, телесность (например, популярность здорового образа жизни или «арийство»); язык и способы, нормы и правила коммуникации, средства обозначения Чужих и Своих (например, для групп гендерного экстремизма Чужие это «алени», «каблуки», «рабы», «челядь», «русачки» и т.д.). Символический компонент представляет бессознательный срез идентичности, что подчёркивает необходимость внимания к ней, т.к. именно этот компонент во многом обеспечивает дерационализированный характер конфликтов современной молодёжи.

Просвещение и вовлечение широких слоев молодежи в социальные, политические, религиозные, экономические процессы общества, создание и поддержка молодежных площадок для обсуждения социальных и политических проблем, высказывания различных точек зрения, распространение культуры уважения к иной точке зрения, к различным стилям жизни, преодоление межпоколенческого разрыва через актуализацию и поддержания общих ценностей: социальной справедливости, социального доверия, социальной ответственности, обеспечение эффективной коммуникации органов государственной и муниципальной власти с молодежью позволяют воздействовать на негативную идентичность молодёжи и обеспечивать ее конструктивное включение в социальные отношения. Таким образом, негативная идентичность современной молодежи с одной стороны, является маркером конфликта, с другой выступает одним из источников конфликта. Дальнейшее изучение данного феномена, его постоянный мониторинг и признание его неизбежности в определенном масштабе позволит разрабатывать наиболее эффективные технологии включения молодежи в общества в соответствии с конкретным социально-историческими контекстом.

Литература:

1. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис; Пер. с англ. – М.: Флинта, 2006. 342 с.

2. Ачкасов В.А. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т.5. №1. С.45-56.

3. Гудков Л. Негативная идентичность // Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 годов. М., 2004. С. 16, 150.

4. Shogo Hihara. Forming a Negative Identity in Contemporary Society: Shedding Light on the Most Problematic Identity Resolution // Identity. An International Journal of Theory and Research. Volume 18, 2018 - Issue 4: Fifty years since "Identity: Youth and Crisis": A renewed look at Erikson's writings on identity.

5. Simmel G. Soziologie: Untersuchungen ьber die Formen der Vergesellschaftung. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1908.

6. Степаненкова В.М. Борьба всех против всех: Теория конфликта Георга Зиммеля // Социологический журнал. 1999. № ¾. С. 149-165.

Роль патриотизма как ценности в формировании жизненного мира современного человека

Широкова М. А.
Доктор философских наук,
Алтайский государственный университет,
профессор кафедры политологии
E-mail: mshirokova1@rambler.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 12-03-14042.

Аннотация: *Рассматривается проблема места патриотизма как ценности в сознании современного человека, как на глобальном, так и на национальном уровне. На уровне глобальном патриотизм и гражданственность разрушаются и вытесняются ценностями рынка, что приводит к противоречию между политической и экономической ролью человека в обществе. В то же время, тема патриотизма активно обсуждается на национальном уровне, в современной России, в контексте поиска интегративной национальной идеи. Автор сопоставляет дискуссии о патриотизме в российской и зарубежной социологии и политической науке. Приводится классификация современного патриотизма в его соотношении с национализмом и демократией. Делается вывод о том, что патриотизм является гражданской добродетелью и одним из базисных свойств политического сознания.*

Ключевые слова: *патриотизм, гражданственность, жизненный мир, политическая этика, политическое сознание, славянофильство, западничество.*

The role of patriotism as a value in shaping the living world of modern man

Shirokova M.A.
Doctor of philosophy,
The Altay State University
Professor
E-mail: mshirokova1@rambler.ru

Abstract: *The problem of the place of patriotism as a value in the minds of modern man, both on a global and national level, is considered. At the global level, patriotism and citizenship are being destroyed and supplanted*

by market values, which leads to a contradiction between the political and economic role of man in society. At the same time, the topic of patriotism is actively discussed at the national level, in modern Russia, in the context of the search for an integrative national idea. The author compares the discussions on patriotism in Russian and foreign sociology and political science. The classification of modern patriotism in its correlation with nationalism and democracy is given. The conclusion is made that patriotism is a civic virtue and one of the basic properties of political consciousness.

Keywords: *patriotism, citizenship, living world, political ethics, political consciousness, Slavophilism, Westernism.*

Если говорить о жизненном мире современного человека вообще, как представителя глобальной цивилизации, то ценности патриотизма, очевидно, остается все меньше места в той сумме донаучных, дорефлексивных, обыденных элементов сознания, которые решающим образом задают формы социального и политического поведения. Социологические исследования все чаще приводят к констатации так называемого «постгражданского» и «постпатриотического» поколения и, возможно, уже не одного.

Причины редукции, изживания патриотизма в сознании значительной части человечества в немалой степени коренятся в трансформации самого представления о гражданине и гражданственности. Поскольку для массового человека современный мир представляет собой главным образом рынок, экономические интересы в такой реальности, очевидно, преобладают над интересами политическими и гражданскими. Капитал приобретает транснациональный характер, и поэтому он всегда свободен покинуть страну в поисках оптимального сочетания факторов производства и сбыта продукции. Попытки удержать капитал, сделать его национальным при помощи прямого политического насилия или идеологического воздействия, как правило, имеют обратный эффект и только ускоряют его бегство.

Вслед за капиталом, по миру начинают все более активно перемещаться и лица наемного труда, становящиеся экономическими мигрантами. Соответственно, в их сознании также доминируют космополитические установки. Дольше всех остаются приверженными патриотическим ценностям категории населения, занятые в сельском хозяйстве, поскольку они не могут свободно перемещать землю вместе с собой. Но такой патриотизм имеет оттенок безысходности и символизирует сжимающееся пространство традиционного общества. Глобальный мегасоциум «нивелирует массу различий, с ними вместе

упраздняет патриотизм и гражданственность» [1, с. 377], – пишет, в частности, Е.Л Дубко.

Что же касается непосредственно формального гражданства той или иной страны, то оно во многих случаях может быть приобретено, как любой другой товар, из соображений комфорта и улучшения качества потребления. В целом, современный тип потребления, преимущественно индивидуального, мешает интеграции в сознание индивида государственных и общественных интересов. Налицо принципиальное противоречие между человеком в политической и экономической сферах. Гражданин, в особенности патриот, не может руководствоваться в своих поступках этикой эгоизма. В то же время, потребитель не только может, но и должен быть последовательным эгоистом просто для того, чтобы выжить. Если гражданская позиция совпадает с личной выгодой, конфликта интересов не возникает. Если же гражданские ценности противоречат выгоде – ими необходимо пренебречь. Впрочем, современный «гражданин мира» открыт к сотрудничеству с другими индивидами, но только на взаимовыгодных равных условиях и в рамках закона. Подчинение личных интересов общественным уже не воспринимается как норма.

Переходя с глобального уровня на уровень национальный, необходимо подчеркнуть, что тема патриотизма чрезвычайно востребована в актуальном российском дискурсе, прежде всего, в контексте поиска интегративной национальной идеи, которая могла бы заполнить имеющийся «идеологический вакуум». Едва ли патриотизм сам по себе может составить некую идеологическую или мировоззренческую систему, но он, несомненно, является, с одной стороны, базовой ценностью, с другой стороны, моральным качеством, необходимым для того, чтобы такая система существовала в сознании общества. В наборе основных понятий политической этики такие качества называются «добродетелями».

В российской истории и культуре вопрос о том, является ли патриотизм добродетелью, сравнительно редко рассматривался как дискуссионная проблема. Например, в знаменитых спорах XIX века между славянофилами и западниками, необходимость укорененности в сознании каждого гражданина патриотизма (понимаемого как любовь к Родине и к народу) не вызывала сомнений у представителей обоих направлений. Впрочем, и те, и другие скептически относились к патриотизму официальному, активно насаждавшемуся тогда правительственными кругами с целью поддержания гражданского мира без каких-либо существенных социально-политических преобразований. Так, один из идеологов славянофильства, К.С. Аксаков в своих «Воспоминаниях студентства» писал о причинах,

побудивших его в ранней юности вступить в кружок Станкевича: «Искусственность российского классического патриотизма, претензии, наполнявшие нашу литературу, усилившаяся фабрикация стихов, неискренность печатного лиризма – все это породило справедливое желание простоты и искренности» [2, с. 47]. По словам Аксакова, именно простота и искренность были органически присущи «сообществу», которое представлял собой кружок. Но, к неудовольствию будущего славянофила, вместе с отрицанием всякой внешней напыщенной фразы и эффекта, «в этом кружке выработалось уже общее воззрение на Россию, на жизнь, на литературу, на мир, – воззрение большею частию отрицательное». Наиболее «односторонними» Аксаков считал «нападения на Россию, возбужденные казенными ей похвалами» [2, с. 47].

Для западников же объектом критики, помимо «казенного» патриотизма, выступал и так называемый «квасной патриотизм», противопоставлявшийся патриотизму истинному. Показательно в данной связи высказывание другого участника кружка Станкевича, В.Г. Белинского: «Терпеть не могу я восторженных патриотов, выезжающих вечно на междометиях или на квасу да каше» [3, с. 433].

В зарубежной социологии и политической науке обсуждение проблемы патриотизма как гражданской добродетели происходило достаточно интенсивно с начала Нового времени. Среди современных авторов, включившихся в дискурс о патриотизме, хотелось бы назвать профессора университета Манчестера Д. Костакопулу. Она предпринимает попытку классифицировать патриотизм и выделяет следующие его виды: «старый», националистический патриотизм, и «новый», антинационалистический. Антинационалистический патриотизм, в свою очередь, имеет три проявления: укорененный патриотизм, республиканский патриотизм и конституционный патриотизм. Первый, укорененный патриотизм, представляет собой просто любовь к Родине, естественным образом и часто неосознанно присущую человеку. Второй, республиканский патриотизм, – это уважение к государству, рассматриваемому и как социально-территориальная общность людей, и как политический институт, включая его символику (герб, гимн, флаг). Третий же, конституционный патриотизм, предполагает, что люди идентифицируют себя с определенным типом политической культуры, основанной на универсальных демократических конституционных ценностях [4].

Д. Костакопулу подчеркивает, что все три модификации антинационалистического патриотизма вполне совместимы с демократией. Более того, демократическое общество и государство

предполагает наличие патриотизма у граждан, их осознанное политическое участие. Отсюда – объективно необходимо формирование патриотического сознания граждан на базе ценностей и институтов демократии.

В решении вопроса о том, можно ли считать патриотизм добродетелью, мы присоединяемся к точке зрения исследователя из Санкт-Петербурга В.Ю. Сморгуновой, которая трактует патриотизм и как «наиболее значимую и энергетически заряженную гражданскую добродетель», и как «базисное свойство политического сознания» [5], наличие и укорененность которого в менталитете человека и общества формируют национальную и гражданскую идентичность, повышают жизнеспособность социума, дают ощущение социальной и психологической защищенности, расширяют индивидуальные возможности каждого гражданина.

Литература:

1. Дубко Е.Л. Политическая этика. М.: Трикста; Академический проект, 2005. 720 с.

2. Аксаков К. С. Государство и народ. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 608 с.

3. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13-ти т. Т. 12. Письма. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. 596 с.

4. Kostakopoulou D. Thick, Thin and Thinner Patriotism: Is This All There Is? // Oxford Journal of Legal Studies. 2006. Vol. 26. № 1. P. 73–106.

5. Сморгунова В.Ю. Патриотическое сознание и патриотическое воспитание: теоретический анализ и проблемы формирования // Политика и образование. Альманах по философии образования, эвристике, методологии и методике преподавания социогуманитарных дисциплин. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008, С. 31–54.

Влияние психоэмоционального состояния человека на его социальную активность

Шматова Ю.Е.
Кандидат экономических наук
Вологодский научный центр РАН, научный сотрудник
E-mail: ueshmatova@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-01077/19, «Разработка методологического подхода к оценке социального здоровья трансформирующегося общества».

Аннотация: *В статье представлены результаты исследования, проведенного ВолНЦ РАН в 2019 г. в трех субъектах СЗФО (Республике Карелия, Вологодской и Псковской областях). Было опрошено 1600 респондентов. В анкету были включены две психодиагностические методики. В результате было выявлено, что жители регионов, имеющие признаки тревожного, депрессивного или невротического расстройства, чаще «здоровых» несчастливы, не удовлетворены всеми сферами жизни, не уверены в своем будущем, острее ощущают конфликты в обществе, недовольны политической системой, не доверяют большинству властных структур. При этом у них понижена личная ответственность за происходящие события, и соответственно общественная, гражданская и политическая активность. Они рассчитывают на помощь государства и не желают влиять на общественные процессы.*

Ключевые слова: *психоэмоциональные расстройства, тревожное расстройство, депрессивное расстройство, социальная активность, доверие, удовлетворенность жизнью.*

Influence of a person's psychoemotional state on his social activity

Smatova Yu.E.
PhD in economics,
The Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences
E-mail: ueshmatova@mail.ru

Abstract: *The article presents the results of a study conducted by the RAS Wave in 2019 in three subjects of the northwestern Federal district (the Republic of Karelia, Vologda and Pskov regions). 1,600 respondents were interviewed. Two psychodiagnostic methods were included in the questionnaire. As a result, it was found that residents of regions with signs of anxiety, depression or neurotic disorder are more often» healthy « unhappy, not satisfied with all spheres of life, not confident in their future, more acutely aware of conflicts in society, dissatisfied with the political system, do not trust the majority of power structures. At the same time, they have reduced personal responsibility for the events taking place, and, accordingly, public, civil and political activity. They rely on the help of the state and do not want to influence public processes.*

Keywords*: psychoemotional disorders, anxiety disorder, depressive disorder, social activity, trust, life satisfaction.*

Термин «mental health» был введен Всемирной организацией здравоохранения в 1979 г. и понимается как «состояние благополучия,

в котором человек реализует свои способности, может противостоять обычным жизненным стрессам, продуктивно работать и вносить вклад в свое сообщество [1], что в свою очередь тесно переплетается с понятием «социальной активности».

Под ней мы понимаем способ существования и развития личности как субъекта общественной жизни, основанный на ее сознательном и бессознательном стремлении к изменению социальных условий и формировании собственных качеств.

В становлении социальной активности населения в настоящее время можно выделить определенные барьеры, в т.ч. личностного характера. К ним можно отнести также и состояние психического здоровья человека. Согласно нашей гипотезе, наличие психоэмоциональных расстройств существенно подавляет социальную активность граждан.

К наиболее часто встречающимся психическим расстройствам относятся депрессивные и тревожные [2], которые являются одной из основных проблем здравоохранения в современном мире. Они ежегодно наносят ущерб глобальной экономике в размере $1 трлн. долларов [3]. Депрессии становятся эпидемией в развитых странах, что вызвано огромной интеллектуально-эмоциональной нагрузкой [4, с. 81-82]. От нее страдает более 300 млн. человек в мире, а от тревожного расстройства – 264 млн. (преимущественно женщин) [3]. В Российской Федерации распространенность синдрома тревоги составляет 46%, а депрессии – 26% [5].

Цель представленной работы – оценить влияние психоэмоционального неблагополучия на социальную активность человека. Методы исследования – социологический опрос 1600 респондентов в трех регионах СЗФО старше 18 лет. Репрезентативность выборки обеспечивалась соблюдением пропорций между городским и сельским населением; между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения регионов. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. В анкету, помимо прочего, были включены две методики: Госпитальная шкала тревоги и депрессии (Zigmond A.S. и Snaith R.P.) и экспресс-диагностика невроза (Höck K. и Hess H.). Изначально они были разработаны в целях предварительной доврачебной диагностики, а позже и для эпидемиологических обследований массового характера. С их помощью можно оценить определенную предрасположенность респондента к каким-либо формам психической патологии (тревожного, депрессивного или невротического расстройства) на

основе субъективной самооценки своего состояния, что позволяет существенно повысить надежность эпидемиологических исследований.

В нашей работе мы выдели группу респондентов, у которых с помощью психодиагностических методик были обнаружены признаки психоэмоционального расстройства: тревожного, депрессивного или невротического (здесь и далее ТДН). Таковых оказалось 40%. По нескольким параметрам, характеризующим социальную активность, мы сравнили их с контрольной группой «здоровых» (тех, у кого не зафиксировано признаков ни одного расстройства).

Результаты исследования.

Было выявлено, что в группе ТДН четверть чувствуют себя несчастными (лишь 5% «здоровых») и не уверены в своем будущем (10% «здоровых»), треть – испытывают негативное настроение: напряжение, раздражение, страх, тоску (11% «здоровых»).

Неудовлетворенность различными сферами своей жизни отмечается в исследуемой группе также значительно чаще. Более чем в 2 раза по сравнению с контрольной группой они недовольны своей жизнью в целом, образом жизни, отношениями с друзьями, родителями и ближайшими знакомыми, проведением отдыха и досуга, условиями труда и учебы (табл. 1).

Таблица 1.

Удовлетворенность населения различными сферами жизни

(Вариант ответа «не удовлетворен»)

Сфера жизни	Нет ТДН	Есть ТДН	Сфера жизни	Нет ТДН	Есть ТДН
Обстановкой в обществе (государстве)	34,9 %	44,7 %	Содержанием своей работы в целом	14,0 %	22,4 %
Сферой медицинского обслуживания	30,8 %	40,8 %	Отношениями с супругом (супругой)	12,0 %	21,0 %
Материальным положением	28,8 %	38,4 %	Отношениями с субъектами своей проф. деятельности	11,2 %	17,3 %
Возможностью проводить отпуск	22,3 %	35,6 %	Отношениями с администрацией на работе	11,3 %	16,5 %
Сферой услуг и бытового обслуживания	26,4 %	34,9 %	Отношениями с родителями	7,5%	14,0 %

Возможность выбора места работы	23,2 %	33,7 %	Отношениями с коллегами по работе	6,3%	10,9 %
Повседневным проведением отдыха, досуга	16,8 %	30,6 %	Отношениями с ребёнком (детьми)	6,3%	7,8%
Своим положением в обществе	12,3 %	23,9 %	Отношениями с друзьями, ближайшими знакомыми	2,8%	6,0%
Условиями труда (учёбы)	12,6 %	22,6 %			

Лица с психоэмоциональным расстройством острее ощущают существующие в обществе противоречия. Они чаще «здоровых» отмечают конфликты между «богатыми и бедными» (40%), «Москвой и провинцией» (19%), «руководителями и подчиненными» (17%), «русскими и нерусскими» (16%), «старшим поколением и молодежью» (15%).

Уровень недоверия ко всем действующим в стране общественным структурам и институтам власти у респондентов с ТДН также превышает таковой в контрольной группе, особенно в отношении Президента, судебных и военизированных структур (табл. 2).

Таблица 2. **Доверие населения институтам власти и общественным структурам**

(Варианты ответа «Не доверяю полностью» или «скорее не доверяю, чем доверяю»)

Общественная структура, институт власти	**Нет ТДН**	**Есть ТДН**	**Общественная структура, институт власти**	**Нет ТДН**	**Есть ТДН**
Банковским, предпринимательским кругам	38,9%	43,5%	Правительству РФ	28,2%	32,1%
Политическим партиям, движениям	41,0%	42,9%	Профсоюзам	25,3%	32,1%
Средствам массовой информации	40,9%	42,3%	Суду	21,8%	30,7%
Директорам, руководителям предприятий	35,0%	41,0%	Полиции	21,6%	29,8%

Органам местного самоуправления	35,9%	40,9%	Церкви	21,8%	27,9%
Государственной Думе	32,1%	38,7%	Прокуратуре	18,3%	27,3%
Общественным организациям	29,5%	37,3%	Научным организациям	16,7%	26,5%
Руководству области	32,4%	37,2%	Федеральной службе безопасности	15,3%	25,7%
Общественной палате области	32,6%	36,2%	Президенту РФ	17,1%	24,3%
Общественной палате РФ	28,5%	34,1%	Армии	14,0%	23,8%
Совету Федерации	26,9%	33,5%	Никому не доверяю	18,9%	19,8%

Более трети «больных» (и лишь четверть «здоровых») не устраивает политическая система нашего общества, и они считают, что её необходимо радикально изменить.

Около 17% лиц с психоэмоциональными расстройствами испытывают негативное отношение к своему региону, что в три раза чаще, чем среди лиц, не страдающих ими.

В ответах респондентов с ТДН отмечается закономерно больший пессимизм. Оценивая свои успехи, они на порядок чаще выбирают вариант ответа «Хотелось бы, но вряд ли смогу добиться этого» в отношении всех жизненных приоритетов и целей (табл. 3)

Таблица 3.

Невозможность достижения жизненных целей в зависимости от психоэмоционального состояния человека

(вариант ответа «Хотелось бы, но вряд ли смогу добиться»)

Жизненная цель	**Нет ТДН**	**Есть ТДН**	**Жизненная цель**	**Нет ТДН**	**Есть ТДН**
Побывать в разных странах мира	30,7%	35,6%	Иметь интересную работу	6,7%	19,4%
Получить престижную работу	12,8%	28,0%	Жить не хуже других	5,1%	18,1%
Иметь много свободного времени и проводить его в своё удовольствие	19,1%	27,2%	Создать счастливую семью	3,4%	15,5%

Заниматься любимым делом	5,6 %	21,7 %	Иметь свою отдельную квартиру/дом	2,4 %	11,7 %
Получить хорошее образование	10, 7%	20,5 %	Воспитать хороших детей	2,3 %	11,0 %
Сделать карьеру	5,3 %	20,5 %	Иметь надёжных друзей	2,4 %	10,7 %
Стать хорошим профессионалом	12, 8%	20,5 %	Честно прожить свою жизнь	2,1 %	9,4 %
Занять высокое положение в обществе	17, 9%	20,2 %			

У изучаемой группы лиц развит внешний локус контроля. Они чаще «не чувствуют себя ответственным за состояние дел» в различных сферах жизни (табл. 4). Причем, чем ближе сфера (семья, работа), тем больше наблюдается разрыв со «здоровыми».

И соответственно, не ощущают возможность лично повлиять на события в своей семье, на работе и в доме (дворе). Однако отмечается, что с расширением сферы у «здоровых» неуверенность в собственном влиянии на события превосходит даже аналогичный показатель у «больных» (табл. 4).

Таблица 4.

Социальная ответственность и возможность влиять на события.

Вариант ответа	**Не чувствуют себя ответственным за состояние дел..?**		**Не могут лично повлиять на состояние дел..?**	
	нет ТДН	есть ТДН	нет ТДН	есть ТДН
В Вашей семье	1,5%	10,3%	4,7%	15,1%
У Вас на работе	16,8%	34,9%	24,4%	38,4%
В Вашем доме, дворе, где Вы живёте	32,1%	48,2%	35%	46,2%
В Вашем городе, районе	55,1%	59,4%	62,3%	60,5%
В Вашем регионе	60,1%	61,9%	66,9%	62,1%
В стране в целом	61,0%	59,9%	67,3%	61,1%

Несмотря на неуверенность в будущем, неудовлетворённость многими сферами жизни (в т.ч. и политической системой), недоверие институтам власти, социальная ответственность и гражданская активность лиц с пограничными психопатологическими расстройствами крайне низкая.

Две трети жителей с психоэмоциональными проблемами не участвуют лично и не интересуются политикой и не испытывают желания влиять на нее (что на 15-20% больше, чем среди «здоровых»), не готовы принимать участие в проектах, направленных на решение конкретных социальных задач. Более 40% не готовы объединяться для совместных действий (18% «здоровых»), никогда не принимали участие в мероприятиях, направленных на решение социально-значимых проблем и исключают для себя эту возможность в будущем (24%). Более четверти группы с ТДН «ничего не будут делать в защиту своих интересов» (в контрольной группе – в два раза меньше).

Среди причин такой пассивности изучаемой группы лидируют либо отсутствие интереса (28%), либо сил и здоровья (26%). Последний аргумент встречается в три раза чаще, чем у «здоровых», что подтверждает губительное влияние психоэмоционального состояния на физическое. Данный вывод также подтверждается нашим исследованием: по большинству параметров лица с ТДН гораздо чаще жалуются на соматические проблемы, испытывают боль, слабость и усталость. По-видимому, именно поэтому около 44% из них оправдывают пониженную социальную активность тем, что «нужно уметь приспосабливаться к реальности, а не тратить силы на борьбу с ней». Такая же доля считает, что «следует ограничивать личные интересы во имя интересов страны и общества». Они чуть больше надеются на поддержку государства, без которой «им не выжить» (57% против 49% «здоровых»).

Таким образом, можно подтвердить гипотезу о снижении социальной активности граждан, страдающих тем или иным психоэмоциональным расстройством, несмотря на повышенную по сравнению со «здоровыми» неудовлетворенность жизнью, недоверие власти и пессимизм в отношении своего будущего. В первую очередь это вызвано ухудшением параметров здоровья, когда человек не чувствует физических и душевных сил на борьбу, экономит их. В результате окружающая реальность и качество жизни не меняется, усугубляя психологическое состояние. Поэтому данная группа лиц требует повышенного внимания со стороны государства в области оказания своевременной медико-социально-психологической помощи с целью восстановления и повышения их социальной активности.

Литература:

1. Психическое здоровье Информационный бюллетень ВОЗ, 30 марта 2018 г. URL: http://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-strengthening-our-response (дата обращения: 15.01.2020).
2. Wittchen H. Mental health in primary care / H. Wittchen, St. Mühlig, K. Beesdo // Dialogues Clin Neurosci. 2003. Vol. 5(2). P.115-128.
3. Depression and Other Common Mental Disorders: Global Health Estimates. Geneva: World Health Organization; 2017. 24 p.
4. Андреев И.Л., Назарова Л.Н. Психическое здоровье населения России: что день грядущий нам готовит? // Психическое здоровье. 2013. № 9. С. 75-83.
5. Шальнова С.А. Распространенность тревоги и депрессии в различных регионах Российской Федерации и ее ассоциации с социально-демографическими факторами (по данным исследования ЭССЕ-РФ) / С.А. Шальнова, С.Е. Евстифеева, А.Д. Деев [и др.] // Терапевтический архив (архив до 2018 г.). 2014. № 86(12). С.53-60. https://doi.org/10.17116/terarkh2014861253-60.

Миграционный фактор в современной интеграционной модели Евросоюза

Шоджонов И.Ф.
ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
аспирант, ассистент кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории
E-mail: Shodzhonov@inbox.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00666, «Интеграционные процессы в Европе: сравнительный анализ».

Аннотация: *В современной системе международных отношений Европейский союз представляет собой одну из крупнейших величин, определяющих развитие мира в контексте глобальных изменений и кризисов. Тем не менее, возникает вопрос о стабильности столь неоднородной системы межгосударственного взаимодействия в условиях развития внутрисистемного разлада на фоне миграционного кризиса. Принимая во внимание сложившуюся на данный момент внутриполитическую ситуацию в европейском регионе, вопросы миграции выступают одними из наиболее актуальных. В статье*

дается анализ событий, произошедших в Европейском союзе с начала миграционного кризиса 2015 года по декабрь 2019 года. Выделяются ключевые игроки и факторы, влияющие на развитие ситуации. Рассматриваются точки противоречий между основными действующими игроками на европейской арене.

Ключевые слова: *Европейский союз, миграционный кризис, интеграция, акторы, стабильность, политические блоки.*

Migration Factor in the Modern Integration Model of The European Union

Shodzhonov I.F.
Lobachevsky state university of N. Novgorod, graduate student
E-mail: Shodzhonov@inbox.ru

Abstract: *In the modern system of international relations, the European Union is one of the largest variables that determine the development of the world in the context of global changes and crises. Nevertheless, the question arises about the stability of such a heterogeneous system of interstate interaction in the context of the development of intra-system discord against the background of the migration crisis. Taking into account the current internal political situation in the European region, migration issues are among the most urgent. The article analyzes the events that occurred in the European Union from the beginning of the migration crisis in 2015 to December 2019. The key players and factors that influence the development of the situation are highlighted. The points of contradictions between the main players in the European arena are considered.*

Keywords: *European Union, immigration crisis, integration, actors, stability, political blocs.*

В современном мире одним из движущих элементов развития является процесс глобализации, подразумевающий, в общем-то, процесс унификации всех сфер взаимодействия человека. Процесс, в рамках которого происходит размытие национальных границ, во многом благодаря прогрессу в области цифровых технологий, диктует нам новые тренды развития общества. Одним из таких трендов выступает феномен миграции.

Говорить об актуальности данного феномена не приходится ввиду того, что современное общество существует в рамках постоянного движения, и переселение людей из одной точки земного

шара в другую уже не является, чем-либо исключительным. Но стоит отметить, что миграция в своем структурном представлении имеет некоторые отличительные особенности, рассматривая которые, мы можем прийти к интересным выводам относительно роли и места данного процесса в изменении внутриполитического состояния государства или интеграционного образования на примере Европейского союза.

Сам термин миграция в общем представлении подразумевает собой процесс перемещения людей из одного региона в другой с целью перемены постоянного или временного места жительства [1]. В то же время стоит отметить, что кембриджский словарь дает несколько отличное от приведенного выше толкование термина. Согласно словарю, это процесс перемещения из одного региона в другой и зачастую обратно (что, собственно, зависит от времени года) [2].

Основа противоречия определений заключается в широкоформатности самого концепта миграции. Миграция подразумевает под собой различные типы и виды переселения. Основными видами миграции являются внутренняя и внешняя. Внутренняя подразумевает под собой миграцию внутри страны или другой территориальной единицы, в то время как внешняя напрямую связана с пересечением государственной границы (может быть как внутриконтинентальной, так и межконтинентальной) [3].

Стоит отметить, что сегодня миграция представляет собой некий связующий «мост» между нациями, позволяющий «глобальному обществу» развиваться в соответствии с парадигмой, исключающей роль государства как единственного актора международных отношений, открывая путь к межнациональному/международному сотрудничеству.

Из-за этого в XXI веке так сильно развивается социальная мобильность населения, реализуются различные академические, волонтерские программы, а также разрабатывается нормативно-правовой базис, обеспечивающий новые формы международных контактов. Тем не менее, мы не можем говорить о том, что миграция представляет собой исключительно позитивные сдвиги в общемировом развитии.

В данном вопросе, во избежание голословности, мы можем прибегнуть, к примеру, Европейского союза. Начиная с 2015 года, Евросоюз сталкивается с проблемой неконтролируемой миграции из стран преимущественного Ближнего Востока, вызванной, в первую

очередь, кризисными явлениями «Арабской весны» на территории большинства государств региона.

Согласно статистике, в 2015 году было подано около 995 000 новых заявлений о предоставлении убежища в страны ЕС, что более чем вдвое больше, чем в 2014 году. Германия стала основной страной назначения в Европе для лиц, ищущих убежища. Из почти 175 000 заявителей в Германии, 61% всех являются беженцами, впервые подающими на предоставление убежища. Италия заняла второе место с 22 300 заявителями (8% от общего числа ЕС), затем следует Франция (18 000, 6%), Австрия (13 900, 5%) и Великобритания (10 100, 4%). Вместе эти пять стран составляют 83 % всех заявителей в ЕС [4].

Несмотря на то, что к 2019 году наметились позитивные тренды в вопросе решения проблемы миграционного кризиса, согласно статистике, на 2019 год всего 139 тысяч нелегальных мигрантов прибыли в ЕС по сравнению с 1.8 млн человек в 2015 году [5]. Проблема остается актуальной и, что самое важное, вероятность повторения миграционного бума 2015 года остается относительно высокой ввиду сохранения нестабильной обстановки в регионе Ближнего Востока.

Выделяя угрозы миграционного кризиса относительно интеграционной модели Европейского союза, необходимо подчеркнуть не только такие проблемы, как угроза терроризма, роста уровня бандитизма и насилия в европейском обществе, но и, что кажется наиболее опасным, падение уровня взаимодействия государств внутри союза.

Несмотря на то, что общеевропейским трендом на начальных этапах миграционного кризиса выступала солидарность в необходимости предоставления убежищ ближневосточным мигрантам, что отражалось в комплексе мер реагирования на политический кризис, содержащий в себе конкретные методы координации политических ответных мер на кризисы путем объединения усилий основных участников [6].

Конечным, а во многом и закономерным, результатом стало то, что часть государств членов Шенгенской зоны сформировали блок, противодействующий общеевропейской концепции открытости относительно увеличивающегося числа мигрантов. Основополагающей проблемой выступает то, что такая «теплая» европейская политика вызовет в среде мигрантов чувство уверенности в возможности бесконтрольного пересечения границ и получении высоких европейских льгот, что негативно скажется на

уровне их морали и соответственно отразится на поведении внутри принимающего сообщества [7, с. 45].

Следовательно, сформированный блок противодействия миграционной политике ЕС выступал за если не закрытие границ для мигрантов, то, как минимум, за ужесточение контроля и снижения уровня затрат относительно содержания беженцев на своей территории. К таким государствам можно отнести Австрию, Венгрию, Польшу, Чехию, Италию, Данию и Словакию [8].

Анализируя данную ситуацию, мы можем заметить явное расхождение между идеями мультикультурализма, продвигаемыми одним из ведущих игроков на политической арене Европейского союза – Германией – и другими не менее влиятельными странами. Вряд ли сегодня мы можем утверждать, что проблема миграции может стать тем камнем преткновения, о который разобьется многолетняя история европейской интеграции. Тем не менее, вкупе с многочисленными внутренними проблемами и появлением прецедента выхода одного из государств союза из его состава (Brexit) можно заявить, что дальнейшая судьба Евросоюза представляется, как минимум неопределенной.

Литература:

1. Миграция // Академик. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/21421/МИГРАЦИЯ. - Pfrk/. Загл. с экрана.

2. Migration // Cambridge dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/migration

3. Потемкина О.Ю. Европейский Союз в борьбе с нелегальной иммиграцией: новые тенденции // Вся Европа.ru. 2009. № 5(33). – URL: Режим доступа: http://alleuropa.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1130. Загл. с экрана.

4. Juran, S, Niclas Broer, P. A Profile of Germany's Refugee Populations / S. Juran, P. Niclas Broer // Willey online library. 2017. 21 feb. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/padr.12042. Загл. с экрана.

5. Frontex. Поток нелегальных мигрантов снижен // Российская газета. 2020. 12 янв. URL: https://news.rambler.ru/europe/43483917-frontex-potok-nelegalnyh-migrantov-v-es-snizhaetsya//. Загл. с экрана.

6. Миграционная политика Европейского союза // Сайт Европейского союза. 2018. 21 нояб. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_ru

7. Потемкина О.Ю. Миграционный кризис и политика Европейского союза // Актуальные проблемы Европы. 2016. № 4. С. 38–60.

8. Европа против мигрантов: 9 стран, отказавшиеся принимать неучтенных беженецев // Кто в курсе. Просто об экономике. 2018. 18 июня. URL: https://ktovkurse.com/a-vy-kurse/evropa-protiv-migrantov-9-stran-otkazavshiesya-prinimat-neuchtennyh-bezhenetsev. Загл. с экрана.

Особенности социально-политической устойчивости как фактор моделирования сценариев пространственного развития Сибири и Дальнего Востока России

Шушпанова И.С.

Кандидат социологических наук

Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСПИ ФНИСЦ РАН), ведущий научный сотрудник Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН

E-mail: i.s.shushpanova@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00836 А.

Аннотация: *Знание особенностей социально-политической устойчивости позволит разработать модели наиболее жизнеспособных, приближенных к реальности и рациональных сценариев пространственного развития Сибири и Дальнего Востока России. В исследовании проанализированы показатели, заключающие в себе явные и латентные риски социально-политической устойчивости как фактора моделирования сценариев пространственного развития Сибири и Дальнего Востока.*

Ключевые слова*: пространственное развитие, общественное мнение, Сибирь, Дальний Восток, национальные проекты, социально-политическая устойчивость, уровень доверия, материальное положение, трудовая мотивация.*

Features of socio-political stability as a factor of modeling scenarios of spatial development of Siberia and the Russian Far East

Shushpanova I.S.
The Institute of Socio-Political Research of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
E-mail: i.s.shushpanova@mail.ru

Abstract: *Knowledge of features of social and political stability will allow to develop models of the most viable, close to reality and rational scenarios of spatial development of Siberia and the Far East of Russia. The study analyzes the indicators that contain obvious and latent risks of socio-political stability as a factor in modeling scenarios of spatial development of Siberia and the Far East.*

Keywords: *spatial development, public opinion, Siberia, far East, national projects, socio-political stability, level of trust, financial situation, labor motivation.*

В феврале 2019 года распоряжением Правительства Российской Федерации № 207-р утверждена «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». Под термином «пространственное развитие» понимается изменение территориальной организации и функционирования системы расселения и сферы экономики региона. Данный процесс предполагает применение системно-функционального подхода «к масштабируемым территориальным задачам управления целостным развитием» [1, с. 522]. В частности, пространственное развитие территорий представляет собой модернизацию и оптимизацию системы расселения и формирования экономической сферы регионов посредством реализации эффективной государственной политики в области регионального развития. Социально-политическая устойчивость является одним из факторов, способствующих успешному процессу пространственного развития регионов. В контексте данного исследования под социально-политической устойчивостью понимается совокупность социально-политических факторов, раскрывающих специфику общественного сознания и установок населения по отношению к ряду индикаторов, характеризующих уровни тревожности и поддержки региональной власти, материальное положение, трудовую мотивацию, влияющие на демографический потенциал и уровень демографической безопасности региона. Анализ специфики социально-политической устойчивости как фактора

моделирования пространственного развития проводится на примере Сибири и Дальнего Востока России.

Сибирский и Дальневосточный федеральные округа занимают 2/3 всей территории РФ. В совокупности данные регионы характеризуются следующими показателями: на их территории проживают 17,3% граждан России, плотность населения составляет от 1,0 до 3,7 чел/км^2, уровень концентрации городского населения достаточно высокий (73-75%), число городов небольшое (по состоянию на январь 2018 года зафиксировано 430 муниципальных районов, 137 городских округов, 369 городских поселений и 4398 сельских поселений) [2, с. 377]. Территориальные субъекты Сибири и Дальнего Востока высоко дифференцированы по уровню экономической активности. По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2018 году в Сибири и на Дальнем Востоке наблюдался отрицательный миграционный прирост: убыль вследствие миграции в Сибирском федеральном округе составила 28 966 человек, а в Дальневосточном – 33 145 человек.

Анализ особенностей специфики социально-политической устойчивости в контексте пространственного развития Сибири и Дальнего Востока России предполагает исследование ряда актуальных индикаторов. Первый показатель характеризует уровень тревожности населения исследуемых регионов. По данным Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН, в июне 2019 года большинство граждан Сибири и Дальнего Востока волновали проблемы, связанные с ростом цен на продукты питания (75,2%), дороговизной жизни (67,5%) и повышением тарифов на жилье и коммунальные услуги (59,9%) [3]. От трети до половины граждан данных регионов тревожили вопросы произвола чиновников и коррупции (42,7%), экологической обстановки (38,9%) и безработицы (36,9%). Данные социально-экономические проблемы, лежащие в основе структуры тревожности населения Сибири и Дальнего Востока, являются социально значимыми для общества и отражают реальное положение дел в регионах. Более того, показателями тревожности населения в исследуемых регионах, негативно влияющими на социально-политическую устойчивость, усиливая миграционные намерения, являются «рост цен на продукты питания» (75,2% граждан Сибири и Дальнего Востока волновала данная проблема против 68,7% респондентов по всей стране), «произвол чиновников» (42,7% против 37,4%) и «экологическая обстановка» (38,9% против 33,1%). Эти проблемы, актуальные в большей степени для жителей регионов, во многом уменьшают социально-экономическую привлекательность данных территорий, увеличивая миграционный отток рабочей силы,

снижают демографический потенциал, демографическую безопасность, а также эффективность процессов пространственного развития Сибири и Дальнего Востока.

В июне 2019 года наибольшее число респондентов Сибири и Дальнего Востока сказали, что за последние пять лет экологическая обстановка в месте их проживания не изменилась (45,9%). Однако достаточно большое число граждан данного региона заявили об ее ухудшении (41,4%). Противоположное мнение имели 1,3% жителей Сибири и Дальнего Востока. В целом за последние пять лет жители Сибири и Дальнего Востока наблюдали ухудшение экологической обстановки в месте их проживания: вариант ответа «улучшилась» чаще выбирали респонденты по всей России (11,8% против 1,3%), а вариант ответа «ухудшилась» чаще выбирали граждане Сибири и Дальнего Востока (41,4% против 34,3%). Индекс изменения экологической обстановки ниже в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах по сравнению с общим индексом, измеряющим уровень изменения экологической обстановки в регионах проживания респондентов за последние пять лет по всей России (-0,4 против -0,23). Таким образом, состояние экологической обстановки, сложившееся в исследуемых регионах, является негативным фактором, снижающим социально-политическую устойчивость.

Проблема социальной дискриминации также актуальна для граждан Сибири и Дальнего Востока. В июне 2019 года каждый четвертый гражданин данных регионов говорил о том, что за последние полгода чувствовал себя ущемленным по возрасту (26,8%), а каждый восьмой был дискриминирован по социальному положению (13,4%). В меньшей степени жители Сибири и Дальнего Востока были ущемлены по полу (5,7%), по политическим убеждениям (5,1%), по национальной принадлежности (2,5%), по отношению к их вере (1,9%). Затруднились ответить на вопрос 52,9% респондентов данных регионов. В целом взгляды жителей в Сибири и Дальнего Востока в отношении социальной дискриминации совпадают с мнением граждан по всей России. Однако население в исследуемых регионах в меньшей степени испытывали дискриминацию по социальному положению по сравнению с гражданами по всей России (13,4% против 20%). Таким образом, проблема социальной дискриминации, с одной стороны, может являться стабилизирующим фактором в системе социально-политической устойчивости: уровень социальной дискриминации населения Сибири и Дальнего Востока совпадает со средним уровнем по всей России. С другой стороны, наличие проблемных зон указывает на латентные риски снижения социально-политической устойчивости, усиливая миграционные намерения населения и снижая эффективность

мер, направленных на пространственное развитие Сибири и Дальнего Востока.

Вторая группа показателей описывает материальное благосостояние и характер трудовой мотивации населения регионов. По данным исследования, проведенного в июне 2019 года Центром стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН, большинство жителей Сибири и Дальнего Востока сказали, что их материальное положение «среднее» (66,9%). Варианты ответов «очень хорошее» и «в целом хорошее» материальное положение выбрали 0,7% и 8,9% респондентов, живущих в данных регионах. По категориям «плохое» и «очень плохое» материальное положение оценили 19,7% и 1,9% граждан Сибири и Дальнего Востока. В целом уровень материального благосостояния жителей Сибири и Дальнего Востока оценивается как средний и соответствует усредненному значению показателя, характеризующего уровень материального положения респондентов по всей России. Индекс уровня материального положения граждан Сибири и Дальнего Востока зафиксирован на отметке -0,1, (средний уровень). Индекс уровня материального положения граждан по всей России равен -0,12 (средний уровень). Более того, большинство граждан Сибири и Дальнего Востока сказали, что им «денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако на более крупные покупки не хватает» (68,8%) («ограниченные в средствах»). Численность «среднего класса» в данных регионах зафиксирована на уровне 18,5% (у них «покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает трудностей»). Каждый десятый житель Сибири и Дальнего Востока считал себя «бедным» (10,2%) (им «денег хватает только на приобретение продуктов питания»). Продукты питания не могут себе купить 1,9% граждан исследуемых регионов («нищие»). Менее 1% респондентов Сибири и Дальнего Востока считали себя «богатыми» (им «денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать») (0,6%). В целом в регионах Сибири и Дальнего Востока уровень доходов граждан немного выше, чем в целом России. Респонденты исследуемых регионов чаще считали себя «ограниченными в средствах» (68,8% против 60,4%), а граждане России в целом чаще идентифицировали себя с «бедными» (16,7% против 10,2%). Показатель, измеряющий уровень материального благосостояния граждан Сибири и Дальнего Востока, вносит положительный вклад в социально-политическую устойчивость регионов. Он несет в себе относительно стабилизирующий компонент, имеющий латентный потенциал к снижению миграционных намерений жителей данных территорий.

Однако в сочетании с уровнем трудовой мотивации влияние показателя, характеризующего уровень материального благосостояния граждан Сибири и Дальнего Востока, скорее носит дестабилизирующий характер, не позволяя раскрыть все возможности демографического потенциала регионов. В июне 2019 года большинство жителей Сибири и Дальнего Востока считали, что «сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь» (66,2%). Только 33,8% граждан данных регионов согласились с утверждением «сейчас каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить свое материальное благополучие». Уровень трудовой мотивации населения Сибири и Дальнего Востока немного ниже, чем по России в целом: граждане данных регионов чаще респондентов по всей России соглашались с утверждением «сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь» (66,2% против 61,2%).

Третий фактор, влияющий на социально-политическую устойчивость, характеризует уровень доверия населения Сибири и Дальнего Востока своим региональным руководителям. В июне 2019 года 32,5% граждан исследуемых территориальных образований доверяли своим главам. Противоположного мнения придерживались 39,5% респондентов. Затруднились высказать свое мнение 28% граждан Сибири и Дальнего Востока. В целом уровень доверия граждан Сибири и Дальнего Востока своим региональным руководителям немного ниже по сравнению с уровнем доверия респондентов по всей России. Индекс доверия жителей Сибири и Дальнего Востока главам регионов зафиксирован на уровне -0,07, а индекс доверия граждан по всей России своим региональным руководителям равен 0,01. Таким образом, показатель доверия граждан, живущих в Сибири и на Дальнем Востоке, своим региональным руководителям имеет потенциальную возможность дестабилизировать социально-политическую устойчивость, снизив эффективность государственной политики в отношении пространственного развития исследуемых регионов.

Моделируя сценарии пространственного развития Сибири и Дальнего Востока, необходимо учитывать первоочередные потребности граждан, живущих на данных территориях. В июне 2019 года большинство граждан Сибири и Дальнего Востока считали наиболее важными для них лично следующие национальные проекты: «Здравоохранение» (73,9%), «Жилье и городская среда» (68,8%), «Экология» (54,8%), «Образование» (49%). Меньшую приоритетность национальных проектов, по их мнению, имели национальные проекты «Безопасные и качественные автомобильные дороги» (37,6%), «Производительность труда и поддержка занятости» (28%), «Культура» (26,1%). А в рейтинге приоритетности граждан Сибири и

Дальнего Востока по степени важности для российского общества лидирующие позиции занимали национальные проекты «Здравоохранение» (70,7%), «Образование» (68,8%), «Экология» (65,6%), «Производительность труда и поддержка занятости» (61,8%), «Наука» (59,2%), «Культура» (58,6%), «Жилье и городская среда» (54,8%), «Цифровая экономика РФ» (51,6%), «Безопасные и качественные автомобильные дороги» (50,3%), «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры» (49%).

Подводя итог, отметим, что к показателям, скрывающим явные и латентные риски социально-политической устойчивости, относятся остро стоящие перед региональными обществами Сибири и Дальнего Востока проблемы, связанные с ростом цен на продукты питания, дороговизной жизни, повышением тарифов на жилье и коммунальные услуги, ухудшением экологической обстановки, социальной дискриминации, низкой трудовой мотивации. Также сложившийся в регионах уровень доверия граждан своим региональным руководителям носит дисфункциональный характер, потенциально снижая эффективность принимаемых мер в отношении пространственного развития Сибири и Дальнего Востока.

Литература:

1. Фомин М.В. Миграция и статистика пространственного развития // Национальные демографические приоритеты: новые подходы, тенденции. Сер. «Демография. Социология. Экономика». Под редакцией Рязанцева С.В., Ростовской Т.К. М.: Издательство «Экон-Информ», 2019. С. 521-529.

2. Фомин М.В., Рязанцев С.В., Безвербный В.А., Мирязов Т.Р. Геоинформационное моделирование тенденций пространственного развития Сибири и Дальнего Востока // ИнтерКарто. ИнтерГИС. Том 25. №1. 2019 г. С. 374-387. DOI: 10.35595/2414-9179-2019-1-25-374-387

3. В анализе использованы результаты вторичного анализа данных, полученных при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-31142 «Политическая культура российского общества в условиях перехода к новому технологическому укладу и реализации Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2018г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»». Социологическое исследование проведено Центром стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН (руководитель В.К. Левашов). Всероссийский опрос проведен в мае-июне 2019 года в 22 субъектах РФ. В исследовании использована

квотно-пропорциональная выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, образования, местожительства. В основу территориального размещения выборки легло экономико-географическое районирование страны. Объем выборочной совокупности составил 1800 респондентов. Эмпирическим объектом исследования выступает взрослое население России. В исследовании Сибирского и Дальневосточного федеральных округов использована квотно-пропорциональная выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности, выборка является репрезентативной.

Вызовы цифрового общества

Щербакова Л. Н.
Доктор экономических наук, доцент,
Кемеровский государственный университет
E-mail: ludmilashc@yandex.ru

Аннотация: *В данной статье ставится цель показать, что становление цифрового общества несет новые вызовы, чья природа еще не познана и не выработаны механизмы по их преодолению. Одним из вызовов выступает цифровое неравенство, которое рассматривается в двух формах (воспроизводственное и динамичное цифровое неравенство). Показано, что обе формы цифрового неравенства вызывают структурные деформации экономики и общества. Выявлено, что разбухание финансового сектора, концентрация цифровых технологий в рекламе, повышение степени асимметрии информации в производящем секторе, мошенничество в коммерческой виртуальной торговле, нарастание бюрократических тенденций, непроизводительный характер электронного персонального бизнеса, дополнительная основа для усиления потребительства, существенные изменения на рынке труда, выражающиеся в увеличении потенциальной опасности безработицы выступают новыми вызовами информационного общества.*

Ключевые слова: *вызовы, информационное общество, структурные деформации.*

Challenges to the digital society

Shcerbakova L. N.
Doctor of economics,
associate professor of the Economics Department, Kemerovo State University
E-mail: ludmilashc@yandex.ru

Abstract: *This article aims to show that the emergence of a digital society brings new challenges, whose nature is not yet known and mechanisms have not been developed to overcome them. One of the challenges is digital inequality, which is seen in two forms (reproductive and dynamic digital inequality). Both forms of digital inequality have been shown to cause structural distortions of the economy and society. It has been revealed that the swelling of the financial sector, the concentration of digital technologies in advertising, the increasing degree of asymmetry of information in the manufacturing sector, fraud in commercial virtual trade, the growth of bureaucratic trends, the unproductive nature of e-personal business, the additional basis for strengthening consumerism, significant changes in the labor market, expressed in the increased risk of job losses are new challenges of informational Society.*

Keywords: *challenges, information society, structural deformations.*

Сектор информационно-коммуникационных технологий является одним из самых динамичных сегментов экономики. Экономика и социум возлагают большие надежды на его помощь в решении задач мирового развития. По этой причине мировыми институтами реализуются фундаментальные программы, направленные на преодоление цифрового неравенства. Всемирный Банк, не отрицая сохранения цифрового неравенства, высказывает мнение, что оно значительно сократилось. Оценки исследователей информационного общества разделились, одни считают, что использование цифровых технологий стимулирует экономический рост. Другие оценивают растущую цифровизацию экономики и общества как основу аномальных тенденций мировой экономики последнего десятилетия. Так или иначе, достаточно закономерен вопрос о структурных деформациях, которые несет цифровое неравенство.

Думаем, что цифровое неравенство нельзя оценивать как таковое, оно выражается в двух формах: воспроизводственного и динамичного цифрового неравенства. Обе формы способны служить причиной новых структурных деформаций. Первая форма, воспроизводственное информационное неравенство, вызывает практически те же деформации, которые характерны социально-экономическому неравенству. Соответственно, к последствиям воспроизводственного цифрового неравенства можно отнести нежелательное для общества изменение структуры реального сектора экономики, выражающееся в падении доли инновационных отраслей, доли услуг, оказываемых секторами образования, культуры, здравоохранения, жилья, инфраструктуры, спорта и отдыха, бытовых услуг, предназначенных для массового потребителя. Объясняется это тем, что потребление лиц, имеющих высокие доходы, способствует либо утечке ресурсов за границу, либо концентрируются в производстве элитных благ и услуг.

Вторая форма информационного неравенства, динамичное цифровое неравенство заключается в том, что рынок вынуждает хозяйствующих субъектов к применению цифровых технологий как орудия в борьбе за экономическое превосходство, лидерство; «логика капитализма вступает в прямое и неразрывное противоречие с логикой информационных технологий» [1, с. 33]. Это означает, что цифровое неравенство ведет к информационному противоборству, информационным войнам, к агрессивным проявлениям конкуренции. Важно то, что информационное пространство, в соответствии со своей природой, отличается ярко выраженным иерархическим устройством, значительно превышающим материальное пространство. По этой причине цифровизация неизбежно порождает деформации материального мира, в частности, углубляет социально-экономическую дифференциацию в обществе.

Влияние динамичного цифрового неравенства выходит за пределы собственно цифрового сектора, оно существенно изменяет структуру экономики, действуя в так называемых «инфопотребляющих» отраслях. Развитые страны первыми применили цифровые технологии в тех сегментах экономики, которые в большей мере нуждаются в информационном обеспечении. Новое качество информации, порожденное возрастанием скорости перемещения информации, ее качества хранения и обработки было экономически реализовано, прежде всего, в отраслях непроизводственной сферы: денежно-кредитном

обращении, торговле товарами и услугами, рекламном секторе. Институты финансово-кредитной сферы экономики достаточно быстро отреагировали и сумели реализовать преимущества цифровых технологий, что нашло выражение в росте их прибыли. Было простимулировано разбухание долговых обязательств, фиктивного спекулятивного спроса, производных инструментов, электронных денег. Соединение финансовой сферы с цифровыми технологиями происходит с 1980 г., операции, совершаемые финансово-кредитными институтами, начинают осуществляться в режиме реального времени, пространство перестает быть барьером. В результате, все формы финансовых рынков обретают большую динамику по сравнению с товарными рынками, их оборот превышает оборот международной торговли в несколько десятков раз [2].

Цифровая революция стала основой формирования онлайновых валютных и фондовых бирж, соответственно, увеличиваются возможности включения в спекулятивные игры на биржах. Определенные электронные системы обеспечивают каждому человеку, владеющему компьютером и оплатившим Интернет, возможность играть на валютной бирже. Система электронных расчетов облегчила процесс перевода денег в оффшорные зоны. Следствием является сокращение поступлений от налогоплательщиков в бюджет государства, падение темпов экономического и социального роста.

Отношения в сфере торговли резко меняются под влиянием электронной коммерции. Мобильная связи и расширение социальных сетей способствуют ее развитию. Так, в России использование Интернета для заказов, услуг в 2016 году в России составило 48% от общей численности населения на рынках одежды, обуви; 29% - в приобретении финансовых услуг, 26% - в предметах домашнего обихода и т. д. [3].

Активное продвижение Интернет-торговли обусловлено наличием у нее преимуществ по сравнению с традиционными способами продажи товаров, например, устранение пространственных барьеров, падение уровня издержек, связанных с ведением документооборота, продвижения товаров, открытием предприятия, индивидуальное, адресное обслуживание покупателей. Однако электронной торговле характерны и отрицательные последствия. Ее реализация в киберпространстве служит основой для формирования оппортунистического поведения отдельных субъектов торговых сделок. Учащаются случаи не выполнения взятых ими обязательств, нарастает уровень электронного мошенничества путем посылок вирусов и вредоносных программ, взломов сайтов онлайновых

торговых точек. Показатель мошенничества, в частности, его мультипликатор увеличился с 2, 69 долл. в 2012 г. и 2,79 в 2013 г. до 3,08 в 2014 г. [4].

Цифровые технологии ведут к вытеснению рабочей силы из сферы управления, торговли, образования и т. д. [4]. Формирующуюся тенденцию к росту безработицы отчасти компенсирует явление электронного фрилансерства, то есть лиц, занятых деятельностью в Интернете. Они могут заниматься разработкой Интернет-сайтов, переводами, образовательными услугами, электронной торговлей и т. д., но Интернет-предпринимательство превращается в способ мошенничества, обмана, реализации некачественных благ, обучения зарабатыванию денег любым способом [5].

Литература:

1. Бродский Б. Е. Лекции по макроэкономике переходного периода. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 224 с. Brodskiy B. E. Lectures on Macroeconomics of transition. Mjscow: GU VSHE, 2005. 224 p.

2. Щербакова Л. Н. Противоречия становления информационной экономики. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2014. 182 с. Scherbakov L. N. Contradictions of the formation of the information economy. Kemerovo: Kemerovo State University, 2014. 182 p.

3. Индикаторы цифровой экономики: 2017. Статистический сборник ВШЭ. Национальный исследовательский университет «Высшей школы экономики». URL: https://www.hse.ru/primarydata/ice2017 (дата обращения: 13.10.2018). Digital economy indicators: 2017. HSE statistical compilation. National Research University «at the higher school of economics. URL: https://www.hse.ru/primarydata/ice2017 (accessed: 13.10.2018).

4. Во сколько обходится мошенничество. URL: http://newretail.ru/business/finansy/vo_skolko_obkhoditsya_moshennichestvo5322/ 2007 (дата обращения: 20.07.2015). How much costs the fraud]. RBC, available at: http://newretail.ru/business/finansy/vo_skolko_obkhoditsya_moshennichestvo5322/ 2007 (accessed: 20.07.2015).

5. Парабеллум А., Мрочковский Н. Коучинг как бизнес. Практическая модель для зарабатывания денег. СПб.: Питер, 2012. 192 с. Parabellum A., Mrochkovskij N. Coaching as a business. SPb: Piter, 2012. 192 p.

Социально-политические проблемы города в быстро меняющемся мире на границе исследовательских парадигм

Щербинин А.И.
доктор политических наук
Национальный исследовательский Томский государственный университет, заведующий кафедрой
E-mail: shai52@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке в рамках научного проекта № 19-011-31231 опн, «Политическая социализация молодежи в университетских городах».

Аннотация: *Разменяв третье десятилетие XXI века, мы можем констатировать, что новая эпоха, которая еще не обрела четкой дефиниции (информационная, общество знания, постиндустриальная и пр.), выдвигает на первый план изучение некогда маргинальных субъектов и подходов к их исследованию. В частности, города становятся самостоятельным предметом исследований целой группы наук, в том числе и политических. Университеты рассматриваются как экономические и социальные субъекты наравне (и прежде) с промышленными предприятиями, компаниями. «Сеть» отрывает больше исследовательских возможностей, чем идейно детерминированная «система». Конструктивизм как подход становится эвристически полезным и эффективным в быстро меняющемся мире знаний и феноменов. В этой связи данная статья включает в себя как характеристику прежней парадигмы, так новые возможности и образцы для применения политико-конструктивистского подхода в изучении (и моделировании) города на линии фронтира.*

Ключевые слова: *город, эпоха, изменения, постмодерн, фронтир, система, сеть, популизм.*

Socio-political problems of the city in a rapidly changing world on the border of research paradigms

Scherbinin A.I.,
Doctor in political sciences
National Research Tomsk State University, Head of Department
E-mail: shai52@mail.ru

Abstract: *With the beginning of the third decade of the 21st century, we can state that a new era that has not yet found a clear definition (information era, knowledge society, post-industrial era, etc.) is prioritizing the study of once-marginal subjects and approaches to their study. In particular, cities are becoming an independent subject of research of a whole group of sciences, including political ones. Universities are considered as economic and social entities on an equal basis with (and prior to) industrial enterprises and companies. The «network» opens up more research opportunities than the ideologically determined «system». Constructivism as an approach becomes heuristically useful and effective in the rapidly changing world of knowledge and phenomena. In this regard, the article includes both a characterization of the old paradigm and new opportunities and models for applying the political-constructivist approach in studying (and modeling) the city on the frontier line.*

Keywords: *city, age, changes, postmodern, frontier, system, network, populism.*

Ожидаемые или частично наблюдаемые социально-политические изменения наступающей эпохи были частично отражены уже в известных работах 90-х годов И. Валлерстайна («конец знакомого мира»), У. Бека (кризис как постоянная характеристика современной эпохи), Ф. Фукуямы (конец истории) и ряде других. Однако принципиальные ее характеристики были сформулированы З. Бауманом, М. Кастельсом (и им совместно с Э. Киселевой), Р. Инглхартом [См.: 1]. Темпоральному ускорению, изменению скорости и характера коммуникации новой эпохи посвящены работы Т.Х. Эриксена, П. Вирилио, Н. Больца и др. [См.: 2, 3, 4].

Особого внимания своим фронтирным характером заслуживает обширная литература по умным городам, прошедшая дистанцию от фиксации первых интернет коммуникаций в первых индустриальных городах до понимания новой эпохи как эры интеллектуальных городов [5]. Эта эпоха вначале виделась как цифровая: киберпространства и умные датчики, кибербезопасность и электронная демократия [5, p. 14]. В качестве симметричного ответа на технологический уклон в работах инвайроменталистов устойчивость представляется не в насыщении умными технологиями, а в гармонии человека, техники и природы [6]. Аналогичную тему возвращения природы в социальную жизнь поднимают на XIX Международном социологическом конгрессе, 2018 г., Торонто [7] и ряде других форумов по социальным и естественным наукам.

Таким образом, преодоление наследия индустриальной эпохи шло по ряду конфликтующих направлений, но цель осмысления нового

мира «в цифре» [8] или в гармонии с природой, без сомнения, была поставлена. И первые, и вторые выступали против паллиативов индустриальной эпохи в виде Гармоничного развития и Нового урбанизма пригородов. В целом современное состояние теоретических оценок можно характеризовать как констатацию столкновения двух эпох, более подробно эволюция взглядов и различных подходов к постсовременности с 90-х годов по настоящее время дана В. Кораб-Карповичем [9]. Неослабевающий интерес к оценке характера эпохи дает основания для детализации ее характеристик применительно к проблематике города.

Наиболее панорамно место города в меняющемся мире было показано в Докладе «Смарт-города и инфраструктура» Генерального секретаря Экономического и социального совета ООН на 19-й сессии Комиссии по науке и технике в целях развития (9-13 мая 2016 г., Женева). В нем отмечалось: «Согласно последним прогнозам, в течение первых трех десятилетий XXI века прирост населения в городских районах будет больше, чем совокупный прирост за всю историю человечества» [Цит. по: 10, с. 199]. И здесь важно замечать не только негативные эффекты. С точки зрения теории и практик «общества знания», города во всем мире развивают «горячие точки знаний»: физические концентрации наукоемкой или творческой деятельности. Эти горячие точки имеют много обликов: научные парки, технопарки, креативные районы, дизайнерские кварталы и так далее. Но одновременно возникают вопросы: Как можно интегрировать центры знания в ткани города и сделать их двигателями для инноваций? Как обустроено налаживание сотрудничества между различными участниками: разработчиками проектов, банками, местными органами власти, университетами, конечными потребителями на разных этапах развития? [See: 11].

Однако новая эпоха порождает не только «общество знания», но и новые условия жизни. Постсовременная жизнь — это жизнь в городе, «продолжающем свое существование во фрактальной форме». Город постмодерна (по Бодрийяру и Кларку) это большой гипермаркет, где любые формы товаров – фактически тесты со стороны системы [12]. Ф. Кук считает город пространственной моделью постмодерна (с одной стороны «средневековые замки» суперэлиты, с другой «гипертолпа»). В социальной структуре такого города сложилась конфигурация «песочных часов»: расширяющийся класс служащих, сужающийся класс рабочих и расширяющийся низший класс безработных, полузанятых и т.п. [13]. Не отделяет город от капитализма Уго Росси (Турин), поясняя, почему судьбы городов и капитализма (в эпоху городов, одновременно являющейся эпохой глобализации) стали

неразрывными [14]. Логическим завершением такого социального расклада, стала теория прекариата Г. Стэндинга [15]. Новое поколение горожан характеризует то, что структура, как гарантия долгосрочности, перспективы, относительной стабильности, не вписывается в «жизнь сегодняшним днем», воцаряются «постоянные чувства недовольства, аномии, беспокойства и отчуждения».

С массовыми терактами, практически неконтролируемой миграцией и превращением популизма в повсеместное и повседневное явление на город стали не просто обращать внимание, но сегодня целый ряд исследователей уже признает за ним роль одного из ключевых акторов новой политики. Так, в 2018 г. по проекту «PODESTA» (аббревиатура составлена из первых двух букв POpulismus, DEmokratie, STadt) исследовательским коллективом из Восточной Германии опубликованы рабочие тетради под названием «Городской популизм: потенциальная опасность» [16]. Именно города становятся и местами кризиса демократии и значительное количество исследований сегодня объединено темой постдемократии, нередко понимаемой в духе рассуждений по поводу философской позиции Жака Рансьера «народ против демократии» [17]. Именно в городах сгущается популизм, до сих пор не определяемый однозначно, но квалифицируемый нами как конкретное проявление «опасности прекариата», в развитие идей Стэндинга. Обратим внимание на теории, утверждающие, что популизм может процветать только при наличии политической идентичности против истеблишмента.

Если популизм нами трактуется как проявление сущности прекариата по Стэндингу, то альтернатива ему видится в более широком наделении горожан (на локальном уровне) гражданскими правами и возможностями широкого участия. В этом плане важны идеи Кржистофа Навратека. Нынешняя ситуация осложняется исключением из политики горожан, которые на уровне «пользователя благами» (образование, медицина, безопасность, пособия и т.п.) уже являются гражданами-потребителями, не обладая при этом политическими правами на национальном уровне. Однако, как заявляет Навратек, это не значит, что они автоматически должны быть исключены из локальной, городской политики. Кроме того, Навратек утверждает, что морфология города поменялась, но нынешняя городская политика игнорирует тот факт, что люди приходят и уходят, у нас огромное количество «пользователей» городов – таких как студенты, туристы, иммигранты – непостоянные жители. Сегодняшние городские пространства, за редким исключением, места, где люди живут годами. На примере своего города Плимута автор поднимает и проблему значительной доли студентов как полугорожан [18].

В презентуемой нами литературе нет знака финала, превращения в «большую теорию», но она имеет важное теоретико-методологическое значение. Это работы фронтирного характера, где еще нестабильный пласт литературы дает пока призрачный образ новой эпохи, критически оценивает возможности старых теорий и методологий. Миссия такого фронтира очевидна – будить творческую мысль, звать за собой к осмыслению настоящего и конструированию будущего.

Литература:

1. Щербинин А.И. Особенности политической социализации молодежи в университетском городе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. №51. С. 205-214.
2. Эриксен Т.Х. Тирания момента. Время в эпоху информации: пер. с норв. М.: Изд-во «Весь мир», 2003. 208 с.
3. Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана. М.: ИТДГК «Гнозис», Фонд «Прагматика культуры», 2002. 192 с.
4. Больц Норберт. Азбука медиа. М.: Издательство «Европа», 2011. 136 с.
5. Komninos N. The age of intelligent cities: smart environments and innovation-for-all strategies. L&NY: Routledge, 2015. 278 p.
6. Technonatures: environments, technologies, spaces, and places in the twenty-first century / ed. by Damian F. White and Chris Wilbert, Waterloo: Wilfrid Laurier University Press, 2009. 282 p.
7. Valley M. Becoming a Citizen Scientist // Global Dialogue. Vol. 8. № 1. April 2018. P. 18-19.
8. Шмидт Э., Коэн Дж. Новый цифровой мир. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 368 с.
9. Korab-Karpowicz W. Julian. The Clash of Epochs: Traditional, Modern, Postmodern, and Evolutionity // Perspectives on Political Science. Vol. 48, Issue 3. 2019. P. 170-182.
10. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г., Севостьянов А.В. Конструирование города-бренда. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. 240 с.
11. Knowledge creation Places in the cities: Innovation and Integration Issues/ Ed. by Willem van Winden, Luis de Carvalho, Erwin van Tuijl, Jeroen van Haaren and Leo van den Berg. NY: Routledge, 2012. 290 p.
12. Кларк Д. Б. Потребление и город, современность и постсовременность // Логос. 2002. № 3-4. [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/klark.html (дата обращения 5.01. 2020).

13.Кук Ф. Модерн, постмодерн и город // Логос. 2002. №3-4. [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/kuk.html (дата обращения 5.01. 2020).

14.Rossi U. Cities in Global Capitalism. Cambridge: Polity, 2017. Series: Urban Futures. 213 p.

15.Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.

16.Urbaner populismus? Das Gefahrenpotential der Stadtdentwicklung, Aug. 2018 [Электронный ресурс]. URL.: www.podesta-projekt.de (Дата обращения 9.01. 2020).

17.Mullis D., Schipper S. Die postdemokratische Stadt zwischen Politisierung und Kontinuität [Электронный ресурс]. URL: 2013, Heft 2, 79-100 zeitschrift-suburban.de (Дата обращения 9.01. 2020).

18. Nawratek K. City as Political Idea. Plymouth: Plymouth University Press, 2011. 168 p.; Nawratek K. Holes in the Whole. Introduction to the Urban Revolutions. Winchester-Washington: Zero Books, 2012. 119 p.

Семиосфера университетского города как пространство самокоммуникации молодежи на примере Томска

Щербинина Н.Г.

Доктор политических наук

Национальный исследовательский Томский государственный университет, профессор

E-mail: sapfir.19@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке в рамках научного проекта № 19-011-31231 опн, «Политическая социализация молодежи в университетских городах».

Аннотация: *В статье обосновывается взаимосвязь семиосферы университетского города с пространством самокоммуникации молодежи на примере Томска. Сущность устанавливающегося коммуникативного акта состоит в социализирующем эффекте, «программу» которому задает городская культура. При этом стихийно происходит и брендирование города как университетского. Со стороны же официальной власти наблюдается феномен умолчания (город и университеты в лице своих представителей не отсылают к значимости друг друга). В статье делаются выводы о том, что семиосфера города формируется с акцентом на периферии, а городская власть не продуцирует культурно-нормативные тексты и*

не руководит социализацией молодежи. Это чревато деконструктивными проблемами для бренда, когда город номинируется, но одновременно слабо репрезентирует как знак.

Ключевые слова: *семиосфера, университетский город, самокоммуникация, социализация, молодежь, власть.*

The semiosphere of a university city as a space for youth self-communication on the example of Tomsk

Scherbinina N.G.,
Doctor in political sciences
National Research Tomsk State University, Professor
E-mail: sapfir.19@mail.ru

Abstract: *The article substantiates the relationship of the semiosphere of a university city with the space of youth self-communication on the example of Tomsk. The nature of the establishing communicative act consists in the socializing effect, the «program» of which is set by urban culture. At the same time, branding of the city as a university spontaneously takes place. On the part of the official authorities, there is a phenomenon of silence (the city and universities in the form of their representatives do not refer to each other's significance). The article concludes that the semiosphere of the city is formed with an emphasis on the periphery, and the city government does not produce cultural and normative texts and does not direct the socialization of youth. This is fraught with deconstructive problems for the brand when the city is nominated, but at the same time poorly represented as a sign.*

Keywords: *semiosphere, university city, self-communication, socialization, youth, power.*

Семиосфера представляет собой некое семиотическое пространство и определяющим для нас является ее свойство контекстуально образовывать среду коммуникативного акта. Согласно Ю.М. Лотману, семиосфера обеспечивает наличие априорных чувственных форм и потому коммуникации предпослан семиотический опыт, «вне семиосферы нет ни коммуникации, ни языка» [1, с. 250]. Именно семиосфера задает пространство смыслов, а конфигурация смыслов образует культуру согласно интерпретативному подходу. Тогда получается, что в отношении города городская культура равна городской семиосфере.

Понятие самокоммуникации взято нами у М. Кастельса. «Социализирующая коммуникация» и «массовая самокоммуникация» осуществляются сегодня в форме сетевых коммуникаций [2, с. 21, 25].

Конкретным примером университетского города нам послужил Томск. И гипотеза исследования состояла в том, что его конституирование как особого смыслового мира происходит в пространстве самокоммуникации, т.е. стихийной социализации. Здесь имеется в виду, что вместо целенаправленно-вертикальной массовой коммуникации власти и молодежи превалирует самопроизвольная горизонтально-сетевая социализирующая коммуникация, разновидность массовой самокоммуникации. И «программистом» данного смыслонесущего социокультурного конструкта, полагаем мы, выступает городская культура, определяемая как семиосфера.

Томск для молодежи, входящей в политический и социальный мир в XXI веке, оказывается «университетским городом по умолчанию». Как известно, в коммуникации «слово» противостоит «молчанию», однако феномен многозначности молчания не срабатывает в случае самокоммуникации молодежи. Тем не менее, томские власти и ректоры университетов ограничивались обоюдным молчанием относительно значимости друг друга до тех пор, пока на уровне российской власти не было принято решение о строительстве кампуса для шести томских университетов. Можно привести лишь один иллюстративный пример: контент-анализ рубрики ректора Э. Галажинского на сайте НИ ТГУ «Слово – ректору» за 2018-2019 гг. показал рост упоминаний города Томска на 37, 3%. Интересно, что и в контексте культурной топонимики Томск ассоциировался с университетским городом лишь в отдельные эпохи университетской жизни [3].

Политическая социализация, по сути, является вторичным аспектом осмысления социокультурного мира. Потому все процессы политической идентификации заведомо не завершены и смыслы не вполне увязаны в единый знаковый универсум. В основе организованного процесса политической социализации обычно лежит властно смоделированный знаковый мир, представляемый для интернализации со стороны становящихся граждан. Но главное то, что политическая власть таким способом реализует свое легитимное право номинации социальной реальности. Если знаково определенный мир воспринимается и фиксируется в сознании адекватно его номинации, политическая социализация «срабатывает» в форме управляемой смыслонесущей коммуникации. И «социализирующая коммуникация» тогда приобретает вертикальный характер и «смысл в наших мозгах», по выражению М. Кастельса, будет порожден властной интенцией. Так городская (и региональная) власть способна внушать и номинацию «университетский город». Но городская власть может и не пользоваться присущим ей легитимным правом означивания. И тогда

коммуникация становится горизонтальной и неуправляемой самокоммуникацией. Но даже наличие информационного процесса между властью и молодежью не устраняет того существенного обстоятельства, что в основе успешной социализации лежит индивидуальная сигнификация. Означивание на индивидуальном уровне сводится к фиксации позиционируемых властью значений лишь тогда, когда практически полностью совпадают языки коммуникации. Именно в языке кодируется смысл знака и закладывается интерпретативная рамка понимания. То есть в успешной коммуникации должен быть интернализирован и сам язык.

Когда мы ведем речь о коммуникации в XXI веке, социальной или политической, то сущностным понятием в плане организации коммуникации выступает категория «пользователь». Пользователь не просто воспринимает готовое послание, но участвует в его создании. Потому массовая самокоммуникация претворяется в иную по смыслу коммуникационную реальность, созданную пользователями во взаимодействии. Данная реальность представляет собой и новую культуру коммуникации. Согласно М. Кастельсу, в месте пересечения двух параметров индивидуализма пользователей и общей тенденции к глобализации лежит «брендированный консьюмеризм». Это и есть культурная модель, с помощью которой придается смысл в особой коммуникации маркетингового типа. Модель рыночного обмена не только создает «культуру потребления», но и придает с помощью брендов смысл самому консьюмеризму [2, с. 144-145]. Потому реклама и брендинг являются основными «протоколами коммуникации», некими коммуникативными практиками, которые позволяют установить общее смысловое поле между культурами [2, с. 181].

Продолжая данные рассуждения, напомним, что бренды появились для нужд вертикальной массовой коммуникации, когда в рекламной коммуникации в сознание реципиента забивалась знаковая «позиция». Но старое позиционирование товара сегодня сочетается с новомодным обсуждением брендов в сети, что включает их в производство общего смыслового контента. Но главное – обсуждение создает эффект участия в обсуждении. А это значит, что создаются «протоколы коммуникации» данного бренда. Так, коммуникация брендов воспроизводит новые коммуникативные практики, и пользователи участвуют в дальнейшем поддержании их идентичности. Аналогичное «говорение» о бренде города меняет и городскую культуру, которая по-прежнему равна семиосфере, единице семиозиса. Так создается обновленный контекст коммуникации о городе-мире, релевантном для молодежи. Другими словами, город в самокоммуникации превращается в знак, а коммуникация о городе (у

нас – университетском) обретает когнитивный одноименный фрейм. Город становится реальностью, имеющей субъективное значение для человека вообще и особенно для молодежи. Молодежь в переменчивой постсовременности не мотивирована долгим проживанием в одном городе, но хотела бы ввести университетский город в сферу своего потребления.

Городская культура (семиосфера) в связи с осмысленными ценностями потребления включает в себя релевантные культурные модели. Если бренды придают ценность «потребительству» вообще, то бренд города может придать смысл конкретному «потреблению» города. Отсюда, вытекает не только значение бренда города как университетского, но и определяются его основные потребители. И здесь характерен пример Томска, который все более приобретает «лицо» интернационального и молодежного университетского центра. Потому бренд – «университетский город» сам становится культурным образцом. А брендинг города трансформируется в процесс создания новой городской культуры на основе данной модели. Это значит, что воссоздается и городская семиосфера. Здесь культуру города можно трактовать как коммуникацию индивидов, становящихся гражданами города. Город в своем семиотическом пространстве социализирует молодежь. В этом процессе молодежь в ходе самокоммуникации осуществляет, своего рода, самосоциализацию, приобретая гражданскую позицию.

Это идет в разрез с традиционной практикой, когда управление брендом города осуществляется политической властью, производящей и попутную социализирующую коммуникацию. Но если власть бездействует, тогда мы имеем «город по умолчанию». Язык подобной спонтанной коммуникации не создается как знаковая конструкция, носящая системное семиотическое значение. Язык этой новой коммуникации «оцифровывается» и город становится не текстом, а гипертекстом, сетевой коммуникацией, где понимание основано на интерфейсе. Таким образом, основная проблема социализации томской молодежи – это проблема языка, на котором могла бы «проговариваться» идентичность бренда города. Поскольку язык вообще конструирует реальность, то в нашем случае неизбежно проявляется деконструкция, заведомая незавершенность образа города. Потому случайно оформленный вербально знак «Томск – университетский город» не репрезентирует.

Что же более значимо для социализации, язык или коммуникация? Здесь мы исходим из тезиса Ю.М. Лотмана о первичности языка по отношению к динамике коммуникации. И сущность коммуникации, например о городе, заключается в его

ситуативном означивании, в этом и состоит «информация» о нем. Смысл вообще порождается на «границе» сложившейся семиосферы города, ведь молодежь в культурном смысле это «пограничная группа» общества. Но зато на границе царит семиотическое разнообразие в противоположность языковой унификации, которую мог бы задать бренд-менеджмент власти. Возникает, так называемый, парадокс. Центр семиосферы города в случае Томска не продуцирует брендинговые тексты и метаязык (семиосфера плохо структурирована). Но город стихийно номинируется «университетским» и это очевидно во многом связано с актуальным прагматическим мотивом социализации молодежи. А возросший контент официального «говорения» о городе как университетском не стимулирует даже явление официального ребрендинга Томска.

Литература:

1. Лотман Ю.М. Семиотическое пространство // Семиосфера. СПб: «Искусство – СПБ», 2001. С. 250-268.

2. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 568 с.

3. Суханов В.А., Щербинин А.И. Жизнь и смерть «сибирских Афин»: проблема жизненного цикла метафорического топонима в различных дискурсах XX – начала XXI в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 47. С. 149-170. DOI: 10.17223/19986645/47/11.

Перспективы развития электронной демократии в современном обществе

Щетинина Е.А.
Крымский Федеральный университет им. В.И. Вернадского, студентка
E-mail: Dmnp1994@mail.ru

Аннотация: *В данной работе исследуются перспективы развития института электронной демократии в условиях цифровизации государственного и муниципального управления. Дано определение понятия «электронная демократия», выявлены преимущества и недостатки электронной демократии, исследованы механизмы электронной демократии.*

Ключевые слова: *e-democracy, электронная демократия, цифровая трансформация, цифровизация.*

Prospects for the development of e-democracy in modern society

Schetinina E.A.
student,
Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky
E-mail: Dmnp1994@mail.ru

Abstract: *This paper explores the development prospects of the institution of e-democracy in the context of digitalization of state and municipal government. It also defines the concept of "e-democracy", identifies the advantages and disadvantages of e-democracy, explores the mechanisms of e-democracy.*

Keywords: e-*democracy, digital transformation, digitalization.*

С началом 21 века существенное влияние на мировое сообщество стали оказывать информационные технологии. С каждым последующим десятилетием происходит трансформация способов сбора, передачи, обработки и хранения данных. Одним из трендов последнего десятилетия, который оказывает значительное воздействие на преобразование различных сфер общественной жизни, является цифровизация или диджитализация. Правительства развитых и развивающихся стран взяли курс на цифровую трансформацию органов политической власти, так как от качественной работы с таким ресурсом как информация, напрямую зависит эффективность государственных структур. Первые попытки уже принесли свои плоды, повысив результативность процессов, а также сократив издержки организаций. Формирующаяся цифровая экосистема определила развитие новых явлений в политической жизни общества, одним из которых является электронная демократия.

Цель данного исследования заключается в выявлении перспектив развития института электронной демократии в условиях цифровизации государственного и муниципального управления. В соответствии с данной целью необходимо выполнить следующие задачи: дать определение понятию «электронной демократии», выявить преимущества и недостатки электронной демократии, исследовать механизмы электронной демократии. Проведенное исследование базируется на таких методах, как анализ и синтез, системный подход и сравнение.

В политологической литературе существует несколько определений понятия «электронная демократия». Д.С. Абрамова утверждает, что «электронная демократия – это форма демократии, характеризующаяся использованием информационно-

коммуникационных технологий как основного средства для коллективных когнитивных и административных процессов (информирования, принятия совместных решений – электронное голосование, контролирование исполнения решений и т. д.) на всех уровнях – начиная с уровня местного самоуправления и заканчивая международным» [1].

По мнению М.Н. Грачева, э-демократия – это «основанный на применении сетевых компьютерных технологий механизм обеспечения политической коммуникации, способствующий реализации принципов народовластия и позволяющий привести политическое устройство в соответствие с реальными потребностями становящегося информационного общества» [2, с. 269].

Я.В. Антонов под электронной демократией подразумевает то, что она предназначена для расширения и углубления традиционных форм народовластия (референдум и свободные выборы) как посредством модернизации существующих демократических процедур (например, упрощение порядка организации референдума, организация электронного референдума и электронных выборов), так и путем внедрения принципиально новых демократических процедур (например, «электронное правительство», «электронный парламент», принятие политических решений путем электронного голосования и пр.)» [3, с. 101].

М.С. Вершинин считает, что «электронная демократия – это демократическая политическая система, в которой компьютеры и компьютерные сети используются для выполнения функций демократического процесса, таких, как распространение информации и коммуникации, объединение интересов граждан и принятие решений (путем совещания и голосования) [4, с. 26].

Обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что суть электронной демократии заключается в применении информационно-коммуникационных технологий с целью повышения эффективности и результативности демократических процедур, увеличения количества граждан, участвующих в общественно-политической жизни.

В условиях цифровой трансформации неизбежным становится видоизменение характера и способов взаимоотношений общества и власти. Государство имеет возможности реализации механизмов электронной демократии, к числу которых относятся:

- электронное голосование;

- механизмы сетевой коммуникации граждан и коллективного обсуждения социально значимых проблем и вопросов общественно-политической тематики в режиме on-line;

- механизмы формирования онлайн-сообществ, включая механизмы планирования и реализации гражданских инициатив и проектов коллективных действий;

- механизмы сетевой коммуникации граждан с органами власти, включая инструменты воздействия на принятие решений и гражданский контроль за деятельностью органов власти;

- механизмы общественного онлайн-управления на муниципальном уровне [5].

Данные методы и способы взаимодействия граждан с властью имеют много очевидных преимуществ, к которым относят то, что повышается степень политического участия граждан в управленческих процессах на разных уровнях; упрощается доступ к данным, что ведет к информированности населения по политической повестке дня; деятельность органов власти становится более прозрачной и открытой; увеличивается коэффициент эффективности работы органов государственного и муниципального управления; уменьшаются издержки в работе организаций.

Но для того, чтобы реализовать данную идею, необходимо выполнение нескольких условий, при которых цифровое неравенство общества должно быть минимальным, инфраструктура развита, и степень доверия населения к механизмам электронной демократии высока [6]. Если данные факторы не соблюдаются, то концепция электронной демократии не будет эффективна.

Однако имеется ряд практических сложностей, к которым относится:

- обеспечение информационной безопасности, защита от несанкционированного доступа к данным;

- возможность для распространения различной информации деструктивного и экстремистского характера, а также манипуляции общественным мнением;

- наличие информационного неравенства;

- снижение ответственности за собственные решения среди граждан.

Говоря о перспективах развития электронной демократии необходимо помнить, что цифровизация процессов общественной жизни может привести не только к положительным результатам, но и создать новые проблемы для социума. При внедрении информационно-коммуникационных технологий в политический процесс нужно анализировать специфические особенности институтов власти, сложившиеся в том или ином государстве. Электронная демократия должна, в первую очередь, быть эффективной и результативной для построения диалога между гражданами страны и властными

структурами, создавая предпосылки для развития гражданского общества за счет реального обеспечения прав, свобод и обязанностей при помощи инклюзивного доступа к информационным ресурсам.

Литература:

1. Абрамова Д. С. Электронная демократия в России: проблемы политической коммуникации // Гуманитарные научные исследования. 2013. №1 [Электронный ресурс]. URL: http://human.snauka.ru/2013/01/2145 (дата обращения: 15.01.2020).

2. Грачев М. Н. «Электронная демократия» и «электронное правительство»: как это работает // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / Под ред. Л.Н. Тимофеевой. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 268-285.

3. Антонов Я. В. Электронная демократия и электронное голосование: конституционно-правовое измерение // Российский юридический журнал. 2016. №5. С. 101-113.

4. Башкарев А. А. Электронная демократия как форма политической коммуникации // Вестник Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008, №69. С. 25-29.

5. Чеботарева А. А. Механизмы электронной демократии: возможности и проблемы их реализации в Российской Федерации // Правовая информатика. 2012. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-elektronnoy-demokratii-vozmozhnosti-i-problemy-ih-realizatsii-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 10.01.2020).

6. Пермякова А.С., Платонов А.С., Юмаев Е.А. Особенности развития электронной демократии в Российской Федерации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2019. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-elektronnoy-demokratii-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 13.01.2020).

Политические технологии формирования пространства диалога в процессе урегулирования конфликтов

Юрченко И.В.

Доктор политических наук

ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН» (ЮНЦ РАН), главный научный сотрудник,

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», профессор кафедры политологии и политического управления.

E-mail: ivyurchenko@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-03-00802-ОГН, «Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов».

Аннотация: *В статье представлены некоторые теоретические и прикладные аспекты исследования, проведенного в период с 2017 по 2019 гг. в рамках проекта РФФИ «№ 17-03-00802 «Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов». В работе обосновывается значимость политико-технологических факторов урегулирования конфликтов в условиях обострения новых вызовов и угроз устойчивому развитию. Подчеркивается наличие специфических особенностей, которые необходимо учитывать при оценке экономической, демографической и политической среды регионов. Обосновывается проблема создания и совершенствования многоуровневой системы федерального и локально-регионального эффективного управления. Отмечается, что в ситуации возрастания опасности ценностно-культурного раскола, обострения конфликтов интересов и предпочтений, закономерно возникающих в полиэтничном и поликонфессиональном социуме, для проведения эффективной политики важно формировать пространство диалога в процессе урегулирования возникающих разногласий и профилактики конфронтации.*

Ключевые слова: *политические технологии, конфликтогенные факторы, геополитические вызовы, процессы регионализации, полиэтничный социум, урегулирование конфликтов, пространство диалога.*

Political technologies for creating a dialogue space in the process of conflict resolution

Yurchenko I.V.
Doctor of Political Sciences
Federal research center «Southern scientific center of RAS», chief research fellow.
Kuban State University, professor of the Department of Political Science and Political Management
E-mail: ivyurchenko@mail.ru

Abstract: *The article presents some theoretical and applied aspects of a study conducted in the period from 2017 to 2019 in the framework of the RFBR project «No. 17-03-00802» Conflictogenic and integration factors of human development in the South of Russia in the context of new geopolitical challenges «. The paper substantiates the importance of political and technological factors for conflict resolution in the context of exacerbation of new challenges and threats to sustainable development. The presence of specific features that must be taken into account when assessing the economic, demographic and political environment of the regions is emphasized. The problem of creating and improving a multi-level system of federal and local-regional effective management is substantiated. It is noted that in a situation of growing danger of a cultural-cultural split, aggravation of conflicts of interests and preferences that naturally arise in a multi-ethnic and multi-religious society, it is important to create a dialogue space in the process of resolving disagreements and preventing confrontation in order to conduct an effective policy.*

Keywords: *political technologies, conflictogenic factors, geopolitical challenges, regionalization processes, multi-ethnic society, conflict resolution, dialogue space.*

Актуальность исследуемой темы обусловлена серьезными конфликтогенными факторами, постоянно усиливающимися, в связи глобальными трендами процессов регионализации международного пространства. В этих условиях меняется морфология конфликтов, появляются модели развития социальных отношений по модели «спирали конфликта», в том числе и на субрегиональном уровне. Актуализируется концепция «негативного» и «позитивного» мира Й. Галтунга [1, с. 94-97]. Кроме того, в настоящее время распространяемые в информационно-коммуникативном пространстве картины мира структурируются новыми социальными медиа в непредсказуемом и неуправляемом контексте. На основе теории структурного насилия [2, с.167-191], которое Галтунг рассматривал, прежде всего, на макроуровне, как вред, наносимый человеку или какому-либо сообществу в результате деятельности определенной структуры в общественных отношениях, можно спроецировать политические технологии трансформаций этих структур в сторону гуманизации. На наш взгляд, изучать этот феномен можно и на уровне субрегиона, вплоть до малых социальных групп, где структурные конфликты могут проявляться как более уникальные, менее типичные и рассматривать их необходимо на основе принципов теории индивидуализации конфликтов. На региональном уровне стратегия управления конфликтами включает в себя и управление локальными конфликтами.

Однако, как правило, такая стратегия в ряде регионов отсутствует, а реакция власти остается по-прежнему ситуационной, спонтанной, бессистемной. Стремление этнических региональных элит прийти к власти и при этом использовать потенциал недовольства населения и межэтнические противоречия, может иметь серьезные последствия не только для стабильности в субрегионе, но и в целом для безопасности государства. В процессе разработки субрегиональных моделей управления конфликтами приоритет должна иметь кадровая политика, которая не может быть в современном обществе клановой или номенклатурной. Повышение структурной ответственности субрегиональной власти приведет к тому, что она станет более открытой, прозрачной и понятной для населения и тогда субрегиональная социальная общность будет иметь возможность реально влиять на принимаемые решения. Управленческая элита в субрегионах до сих пор не может избавиться от тактики «пожарной команды». Любая реформа, любые преобразования вызывают конфликт интересов и ценностей, которые имеют субрегиональную специфику. Важно в процессе исследования течения этих субрегиональных конфликтов выявить возможности перевода трудноразрешимых конфликтов ценностей и интересов в конфликты предпочтений, которые сами по себе являются факторами кооперации и интеграции. Построение моделей субрегионального конфликтного процесса направлено на определение такой стратегии управления конфликтами, которая строится на принципах творческой делиберции, позволяющей субрегиональной власти наиболее полно реагировать на импульсы, исходящие от разных политических акторов, на изменения в расстановке политических сил в мире и в пространстве макрорегиона. Таким образом, методологические аспекты изучения субрегиональных моделей конфликтного процесса акцентируют наше внимание на то, что в научном исследовании необходим постоянно возобновляемый процесс поиска эффективных методов и инструментом, их переоценки, учета альтернативных подходов с позиций рационального выбора. На основе наиболее эффективных исследовательских практик и вариантов обоснований новых парадигм можно реализовывать научно-управленческую модель исправления и творения новой, более справедливой реальности и обеспечивать социальной системе жизнеспособность и благоприятные перспективы развития.

Для более четкого обоснования всех нюансов корректировки политического курса, с учетом таких обстоятельств, что «в Российской Федерации имеются специфические особенности, которые необходимо учитывать при оценке экономической, демографической и политической среды регионов. К ним относятся теневая экономика,

неучтенные доходы и латентные отношения в сфере власти и администрации» [3, с. 168]. Безопасность политико-экономической структуры определяется степенью устойчивости её основных функциональных составляющих в кризисных ситуациях. Надежность функционирования такой структуры при наличии внешних и внутренних угроз и постоянного воздействия в сфере информационного пространства обусловлена многими факторами, но особенно следует выделить проблемы ценностно-культурного взаимодействия в полиэтническом пространстве Юга России. В условиях эскалации геополитических и социально-экономических конфликтов, роста миграционных потоков и информационного противоборства, а также воздействия самых разнообразных факторов локального и глобального характера регионы Юга России являются сложным конфликтогенным пространством, во многом определяющим состояние безопасности для всего государства. Так, например, о сложносоставном характере этничности на Юге России свидетельствует специфика менталитета не только различных народов, но и отдельных общностей внутри этноса. Об особенностях такой этнической группы как шапсуги, являющейся составной частью адыгского народа, свидетельствуют оценки В.Ю. Зорина, курировавшего национальную политику в Правительстве РФ в начале 2000 годов. По результатам длительных наблюдений и бесед с лидерами шапсугского движения он отмечал, что «есть что-то неуловимое в характере, в общении, в образе мышления, логике выводов, в оценке действительности, в глубоком знании истории племени, своего народа» [4, с. 431-432]. Обстановка в регионе проживания шапсугов отличалась своеобразием, в том числе и напряженностью, связанной с недостаточным присутствием представителей местного населения в органах государственной власти, и особенно на уровне края, города, района [4, с. 431-432]. В столь противоречивой среде конфликтогенные факторы проявлялись как в социокультурной, так и бытовой сфере.

Применительно к современным политико-информационным, экономическим и торговым отношениям все чаще стал использоваться термин «война», что свидетельствует о предельной жесткости конфликтов, возникающих в этих сферах. В характеристике информационных войн выделяют специфику их трех основных типов: ментальные (психологические), кибервойны и поведенческие войны. Современные исследователи отмечают [5, с.49-104], что ментальные и кибервойны разделяются по объектам и средствам воздействия и имеют целью изменение массового сознания и проникновение в компьютеры и сети конкурента для нанесения ему чувствительного ущерба. Все эти

разновидности информационных войн ведутся в сетевом электронном пространстве, имеют особый инструментарий, тактику и стратегию в совокупности с технологиями так называемых поведенческих войн. Возможности использования естественно-научных методов [6] в конфликтологических исследованиях региональных процессов обусловлены внутренней логикой применения научного инструментария в формате аналогий, метафор и статистических индикаторов и показателей пороговых значений вхождения системы в состояние турбулентности в результате раскручивания спирали конфликтности в зонах острой напряженности. Определенное значение имеет концепция, посвященная возможностям использования спилловер-эффекта в ассиметричных и гибридных конфликтах [5, с. 92]. Ценностно-культурный раскол особенно опасен для полиэтничного и поликонфессионального социума. Наметившееся погружение современного мирового сообщества в хаос непредсказуемости и неопределенности, который проявляется в этнополитических, религиозных, миграционных, ценностно-культурных, торгово-экономических и финансовых конфликтах, в научной и политико-публицистической литературе получило название «гибридной войны» [7]. Есть основания для утверждения того, что специфика этой войны определяется множеством факторов, из которых на первый план выступают региональные, этнотерриториальные и информационные. Непрерывно ведущаяся борьба за контроль над пространством особенно ярко проявляется в настоящее время: в процессе информационного противоборства и применения технологий экспорта нестабильности, информационно-психологического воздействия на массовое сознание. Рассматривая варианты смены политических режимов в геополитически и геоэкономически значимых для себя регионах, эти политические акторы делают ставку на недовольство предпринимателей, среднего класса, молодежи и так называемых «дискриминируемых этнических меньшинств». В этих целях применяются самые новые информационно-сетевые практики массированного охвата населения России и особенно Юга России, а также постсоветского пространства. Важнейшим инструментом вмешательства во внутренние дела той или иной страны в 21 веке стали социальные сети, которые, в частности, следует рассматривать как когнитивную технологию, информационное и организационное оружие, направленные на дезорганизацию и дезориентацию той или иной социальной общности с целью ослабления целостности государства-мишени [8, с. 173-174]. Они превращаются в информационное оружие или в технологии «мягкой силы», формируя виртуальную или «цифровую» толпу, специфическое социально-

политическое пространство эпохи Интернета. Таким образом, медийные стратегии современного мира являются частью политических стратегий государств, политических партий, негосударственных акторов политического процесса, лидеров общественного мнения, лиц, принимающих решения, то есть всех тех, кто стремится к доминированию в языке и коммуникации с целью достижения властных позиций или удержания политической власти, а поэтому они всегда несут в себе конфликтный потенциал и требуют глубокого теоретического анализа.

Ключевой момент в теоретико-методологическом анализе региональных конфликтологических процессов - это, конечно, возможности обогащения методов научного знания в современных условиях роста конфликтности. Условия резко, кардинально изменились во втором десятилетии XXI века, что привело к серьезному усложнению задач объяснения социальных феноменов, которые подвержены так называемому «созидательному разрушению» глобализацией (Шумпетер). Глобализация сопровождается усиливающейся регионализацией, появлением различных концепций этнорегионализма, а также усилением в условиях роста геополитической напряженности, изоляционизма, что проявлялось именно на фоне глубинного мирового экономического и миграционного кризиса. Лингвистическая, конфессиональная, этническая, идеологическая неоднородность региональных социальных общностей приводит к противоречивым, неоднозначным оценкам политических процессов, происходящих событий, что вызывает общий рост состояния конфликтности. Социально-политическая и психологическая природа экономических, этнических, конфессиональных и других региональных конфликтов, которые подогреваются внешними политическими и экономическими субъектами, имеющими свой интерес в данном регионе подвергается изучению с точки зрения поиска путей урегулирования различных конфликтов с помощью технологий медиации. Например, Жан Мириманофф, член Комитета по стандартам Международного института медиации (Гаага), сооснователь Европейского Объединения Судей за Медиацию (Женева, Швейцария), считает, что «как на внутреннем, так и на международном уровне одним из основополагающих условий, помогающих установить доверие между сторонами конфликта, является нейтралитет третьей стороны» [9, с. 404]. На основе идеи активного нейтралитета, которому следует Швейцария, остающаяся единственной страной с государственным нейтралитетом на европейском и северо-американском континентах, автор формулирует миссию этого государства по отношению к

международному сообществу, а именно, предоставление своего посредничества или осуществление функции медиации государствам, находящимся в состоянии конфликта, или даже войны друг с другом. Так, одним из основных подходов во втором десятилетии XXI века в конфликтологических исследованиях становится новая дисциплина – основы медиации, которая находит себе место и в образовательных программах ряда высших учебных заведений. В целом этот концепт не является абсолютно новым понятием в конфликтологических исследованиях, так как содержательно вписывается в проблематику теории и практики переговорного процесса и дипломатии, но, тем не менее, явно наметились тенденции в обосновании специального предмета и метода этой субдисциплины общей конфликтологии.

Литература:

1. Табухова Ж.Х. Теория структурного насилия Й. Галтунга // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2015. № 44. С. 94-97.

2. Galtung J. Violence, Peace and Peace Research // Journal of Peace Research. Vol. 6. No. 3 (1969). pp. 167-191. URL: http://www.jstor.org/stable/422690.

3. Ожиганов Э.Н. Стратегический анализ политики: теоретические основания и методы. – М.: Аспект-Пресс, 2006. С. 168.

4. Бугай Н.Ф., Штурба Е.В. Межэтническое согласие как фактор безопасности России: XX-XX1 вв. Очерки / Н.Ф. Бугай, Е.В. Штурба Е.В. М.: Де'Либри, 2018, 494 с.

5. Овчинский В., Ларина Е. Холодная война 2.0 //Холодная война 2.0. Стратегия русской победы. М.: Изборский клуб, Книжный мир. 2015.

6. Yurchenko I.V., Yurchenko N.N., Skorobogatov V.V., Telyatnik T.Y., Yermolenko O.A. Scientific Methods in Social and Humanitarian Researches. Indian Journal of Science and Technology: journal. - Vol 8 (S10). [Электронный ресурс]. URL: http://www.indjst.org/index.php/indjst/article/view/84866; Gandhi Nagar, Adyar, Chennai. Indian Society of Education and Environment. 2015. URL: http://www.indjst.org/index.php/ ... view/84866.

7. «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века. М., 2015.

8. Юрченко И.В. Проблемы сетевого анализа этнополитических процессов в сфере публичной политики // V Столыпинские чтения. Публичная политика и социальные науки: материалы науч.-практ. конф. с международным участием / Отв. ред. В.М. Юрченко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2016.

9. Мириманофф Ж.А. Конфликт и управление конфликтами: изменение парадигмы (Пер. с фр.) // Конфликт как проблема. Очерки современной теоретической и прикладной конфликтологии / Под ред. А. И. Стребкова, А.В. Алейникова, А.Г. Пинкевич. СПб: Фонд развития конфликтологии, 2015.

К вопросу о временных рамках отказа США от политики изоляционизма

Яковлева А.А.
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»
Таврическая академия, философский факультет, кафедра политических наук и международных отношений, студентка
E-mail: yakovleva-alexandra-26@mail.ru

Аннотация: *В статье рассматриваются история, условия и причины цикличной смены внешнеполитических курсов США, изучаются характерные особенности американской политики, её влияние на изменение конъюнктуры международных отношений, прогнозируются возможные последствия потери США мирового господства.*

Ключевые слова: *США, гегемония, изоляционизм, политический курс, конфронтация, международные отношения, американская исключительность.*

To the question of the time when US have abandoned the policy of isolationism

Yakovleva A. A.
V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Taurida Academy, Philosophical Department, The Chair of Political Science and International Relations,
Student
E-mail: yakovleva-alexandra-26@mail.ru

Abstract: *The article discusses the history, conditions and causes of cyclical changes in US foreign policy, which affect the changing situation in international relations, predict the possible consequences of the loss of US world domination.*

Keywords: *USA, hegemony, isolationism, political course, confrontation, international relationships, American exclusivity.*

Наблюдая за циклическим ходом развития Соединённых Штатов Америки, можно говорить о цикличности внешней политики этого государства. Данный феномен подразумевает собой смену активности США на международной арене: от изоляционизма, при котором вовлечение государства в мировую политику сведено к минимуму, до интеракционизма, при котором, соответственно, внешняя политика государства максимально активна, масштабна, влиятельна и диверсифицирована.

Внешняя и внутренняя политика США на сегодняшний день испытывает определённые затруднения. Кризис, возникший в Америке, в первую очередь, обусловлен внутренними разногласиями. Поляризация между республиканцами и демократами, – партийными титанами Америки, ещё никогда не была так сильна. Данная конфронтация заключается в непрерывном поиске различных способов по укреплению и удержанию своего лидерства [1].

Соединённые Штаты Америки постепенно утрачивают свои позиции на международной арене, при этом оставаясь, по-прежнему, сверхдержавой в основных компонентах силы. **Сверхдержавой является** могущественное государство с большим культурным, политическим, экономическим, военным и научно-техническим потенциалом, которое играет важную роль на международной арене [2]. Сегодня принято выделять, с определёнными оговорками, следующие государства, относящиеся к выше перечисленным характеристикам: США, Россию и Китай.

Вплоть до конца XV века о существовании Северной и Южной Америки, впоследствии получившей название «Новый Свет», восточному полушарию и цивилизованной Европе ничего не было известно. Само название «Новый свет» не случайно и в целом способно отразить основу политической культуры данной территории. В противовес «Старому свету» - Европе, погрязшей в войнах и множестве пороков, переселенцы старались построить нечто новое, совершенно лучшее, что культивировало веру в собственную исключительность и высокую миссию: изменить и спасти мир.

После обретения независимости в 1776 году изоляционный курс был, как мне кажется, вполне очевиден. Новообразованное государство нуждалось в определении решений внутренних проблем, принятии конституции и определении перспектив ведения внутренней и внешней политики. Доктрина Монро, принятая в 1823 году, ясно дала понять, что Американский континент находится под протекцией Штатов и никого извне впускать на эти территории они не позволят. Таким образом, США свою географическую дистанцированность стремились

закрепить и политически. Последующая гражданская война только подтвердила неспособность Америки, на тот момент, претендовать на роль серьёзного игрока в сфере международных отношений.

Победа США в ходе быстротечного испано-американского конфликта конца 19 века и заключение Парижского мирного договора позволили им обрести «внешнеполитическую уверенность», что, в свою очередь, способствовало американскому активному вмешательству в международные отношения в начале XX века.

Заявление Вашингтона о нейтралитете в начале Первой мировой войны ещё свидетельствовало о том, что изоляционистский курс продолжался, но последующие решения постепенно начинали обличать цели Америки. «США не могут пойти на то, чтобы союзники потерпели поражение. Нельзя допустить, чтобы Германия установила над всем миром своё военное господство. Мы, конечно, будем следующим объектом нападения, и доктрина Монро будет значить меньше, чем клочок бумаги» [3] - таковыми были американские лозунги и заявления тех лет.

В годы мировых войн США решали свои стратегические задачи. Во-первых, укрепляли свои позиции в Латинской Америке, которая должна была стать сырьевым придатком, рынком сбыта американских товаров. Во-вторых, США обогащались за счёт военных поставок, превратившись из мирового должника в кредитора. В-третьих, США постепенно обрели статус мощнейшей военно-морской державы.

Моментом, когда США становится сверхдержавой, одним из центров силы биполярного мира, является время после Второй мировой войны. Лидирующие положения и экономические успехи США были отражены и закреплены при установлении Бреттон-Вудской финансовой системы.

После 1945 года, в результате перехода США из разряда региональных держав в ранг глобальных [4], Америка сочла возможным проводить экспансионистскую политику в политической и экономической сферах интересующих её государств. Начавшаяся по инициативе Запада «холодная война», должна была, по замыслу США, ослабить СССР, а в перспективе устранить главного конкурента на пути к глобальному лидерству.

Конфронтация между США и СССР заключалась в первую очередь в экономических и идеологических расхождениях, подкреплённых гонкой вооружений и региональными конфликтами, которые активно поддерживались как СССР, так и США. Но их силы под предлогом помощи другим государствам были устремлены друг против друга, а воюющая страна, будь то Вьетнам, Ангола или Афганистан, являлись лишь точкой сосредоточения сил, местом

проведения боевых действий в постоянном соперничестве за расширение сфер влияния.

США свои национальные интересы ставили во главу угла вне зависимости от внешних обстоятельств. Единственным внешним фактором, который приходилось брать во внимание, выступал – Советский Союз, а после его распада Америка стала единственной сверхдержавой. Вследствие чего США начинают активно экстраполировать своё влияние в качестве мирового гегемона.

Абсолютизация собственных успехов после победы в «холодной войне» привела США к тезису – «the end of history». «Конец истории» в интерпретации американцев означал, что вселенская миссия по созданию и претворению в жизнь абсолютно нового, исключительного мироустройства выполнена. Истинный гегемон на своём месте и ничто не может этого изменить. США стали единственной сверхдержавой, которая могла диктовать свои условия, устанавливать универсальные ценности, однако, они не справилась с этой задачей. Нарушив нормы международного права, США начали вооружённую операцию в отношении Югославии и Ирака, и, тем самым, настроили против себя многие страны. В это время постепенно возвышались новые центры силы: Китай, Индия, Россия, что привело нас сегодня к формированию многополярного мира. Мир стал более сложным и ассиметричным, что породило нестабильность, напряженность и конфликтность. В контексте данных обстоятельств концепция американского абсолютизма изжила себя.

Сегодня у США нет необходимых ресурсов и кредита доверия, чтобы единолично устанавливать правила игры. Ни Россия, ни Китай не согласны находиться на второстепенных позициях и следовать курсу американской политики. Америка дискредитирует себя своими действиями и заявлениями на международной арене, попирая регулярно нормы международного права. Баланс сил меняется и смещается в Азиатско-Тихоокеанский регион. США больше не в состоянии игнорировать те изменения и процессы, которые происходят сегодня на международной арене, что непременно найдёт отражение во внутренней и внешней политике этого государства.

Как уже отмечалось в начале, сегодня США претерпевают кризис. Они ищут способ восстановления баланса между внутренней и внешней политикой, поэтому можно утверждать, что Америка последнее десятилетие находится в состоянии вынужденной смены курса – это та самая цикличность, о которой было сказано ранее. Но главное отличие заключается в том, что сегодняшний внешнеполитический курс является, скорее, вынужденным, чем необходимым. В нём нет чёткого преобладания изоляционизма или

интеракционизма, так как, если раньше США изменяли обстоятельства и внешние факторы, то сейчас им ничего не остаётся, как адаптироваться к ним.

Литература:

1. Особенности современной внешней политики США [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://we.hse.ru/interschool/news/234509023.html.

2. Универсальная энциклопедия Кирилла и Мефодия «MEGABOOK» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://megabook.ru/article/Сверхдержава.

3.Самсонов А. США и Первая мировая война[Электронный ресурс]. Режим доступа: https://topwar.ru/112862-ssha-i-pervaya-mirovaya-voyna.html.

4. Смит П. Времени больше нет: Американцы после американского века / Пер. с англ. И. Д. Голыбиной. М.: Кучково поле, 2015. 224 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Ananiev Jovan, Denkova Jadranka
PARTICIPATION OF PERSONS WITH DISABILITIES IN POLITICS: INTERNATIONAL AND NATIONAL STANDARDS AND EXPERIENCES 3

Лойко О. Т.
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ИННОВАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ГОРНОГО ИНЖЕНЕРА 8

Медведева С.А.
ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ – ПЕРВОКУРСНИКОВ 13

Мирязов Т.Р.
СОВРЕМЕННЫЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В МОНОГОРОДАХ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ 19

Михайлович В.
ВЛИЯНИЕ ПОЛИЭТНИЧНОСТИ НА ЭТНИЧЕСКУЮ ТРАДИЦИЮ КОСОВО И МЕТОХИИ - ВЛИЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ НА КУЛЬТУРНУЮ АССИМИЛЯЦИЮ И ДИССИМИЛЯЦИЮ 27

Миятович Марина Д.
СИЛА И МОЩЬ – МЕЖДУНАРОДНО - ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ 35

Мохов А.В., Сенюшкина Т.А.
ЯЗЫКОВАЯ И КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В КРЫМУ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ 40

Муза Д.Е.
«СТРАТЕГИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ» КАК АНАЛИТИЧЕСКИЙ СЦЕНАРИЙ ДЛЯ XXI ВЕКА: НЕКОТОРЫЕ ФИГУРЫ ВЕРИФИКАЦИИ 48

Мумович Анна М.
РЕЦЕПЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗА ВРОНСКОГО ПИСАТЕЛЯ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО В СЕРБИИ 53

Назаров Р.Р.
ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЕЕ ВАРИАЦИИ/АЛЬТЕРНАТИВЫ В ИСЛАМСКОМ СОЦИУМЕ 58

Наумова Н.И.
ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА: ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ И ВЫБОР СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ (1918-1920 ГГ.) 62

Неверов К.А.
ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В БРАЗИЛИИ 69

Некрасов Д.С.
НАСЛЕДИЕ СТАЛИНИЗМА КАК ОБЪЕКТ СПОРА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 75

Обрадович Ф.
ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ ГЕРАЛЬДИКИ НА СЕРБСКУЮ ГЕРАЛЬДИКУ В УСЛОВИЯХ СЕРБСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В XIX ВЕКЕ 80

Орех Е.А.
ОБРАЗ ЛЕНИНА В ВИЗУАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЕ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ: ОТ МЕДИА К АУДИТОРИИ 86

Орлова В.В.
ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДИАЛОГ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ПРОБЛЕМА ДОВЕРИЯ 92

Орлова В.В., Александрова Ю.К.
ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ
(НА ПРИМЕРЕ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ) 100

Оспанова А.О.
ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ НАУКИ КАЗАХСТАНА 107

Панькова В.В., Панькова Н.М.
ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ ТЕОРИИ ПОКОЛЕНИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ 113

Панькова Н.М.
АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПОКОЛЕНИЙ X И Z 118

Пашковский П. И.
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ МЕХАНИЗМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОСНОВНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ 122

Подшибякина Т.А.
КОГНИТИВНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТРИЦЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: КОНЦЕПТ И МНЕМОНИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ 129

Попова О.В.
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ПО ИТОГАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 134

Потапова Н. В.
ОСТРОВНОЙ МИР СЕВЕРНОЙ ПАЦИФИКИ, КАК «КОНТАКТНАЯ ЗОНА»: ЭТНО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ САХАЛИНА И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ) 141

Поцелуев С.П.
КРИЗИС КАК ПРОЕКЦИЯ КОГНИТИВНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ МАТРИЦЫ: ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЮГА РОССИИ 147

Пронина Е.Е.
ИНФОРМАЦИОННАЯ ПРОЗРАЧНОСТЬ И ЕЁ РОЛЬ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ 154

Пуртова В.С.
МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ 161

Расторгуев В.Н.
ВОССОЕДИНЕНИЕ КРЫМА С РОССИЕЙ И НОВЫЕ МОДЕЛИ ПОЛИТИКИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ РЕИНТЕГРАЦИИ 168

Рахматуллаев Ш.М.
ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН В 1991-2016 ГГ.: ОТ ПЛАНА К ПРОТЕКЦИОНИЗМУ 173

Римский В.Л.
СПРАВЕДЛИВОСТЬ И НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ В СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН 180

Романович Н. А.
НЕОДНОЗНАЧНОЕ ОТНОШЕНИЕ К САМОГОНУ И БОРЬБА ЗА ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ 186

Росенко М.И., Скребец Е.В.
ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН: ИНСТИТУТ ОТЗЫВА 192

Савин С. Д.
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА 204

Савич Мария М.
ДРЕВНЕЕ НАСЛЕДИЕ КОСОВО И МЕТОХИИ 210

Сантоцкая К.Э.
СОВРЕМЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В ТРАНЗИТИВНОМ ОБЩЕСТВЕ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ 216

Санфирова О.В.
ИНКЛЮЗИВНАЯ ЭКОНОМИКА, КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА..... 223

Свешникова И.П.
РОЛЬ ЮЖНОГО БЕРЕГА КРЫМА В ПОСТРОЕНИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ РОССИИ И ПОЛИКУЛЬТУРНОГО МИРА..... 228

Сенюшкин Е.А.
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИМИ РИСКАМИ 235

Сенюшкина М.А.
ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО КРИЗИСА КАПИТАЛИЗМА..... 239

Сенюшкина Т.А.
УПРАВЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИМ КОНФЛИКТОМ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА 243

Серкова В.А., Лобастова В.А.
АСПЕКТЫ МЕТОДА НЕКЛАССИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ В ФИЛОСОФИИ ПОЛИТИКИ АЛЕКСАНДРА ПАНАРИНА 248

Силаева З.В.
ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В УСЛОВИЯХ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ В XXI ВЕКЕ 253

Симиянович Йован Д.
СОТРУДНИЧЕСТВО КРАСНОЙ АРМИИ И НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ АРМИИ ЮГОСЛАВИИ В ЗАПАДНО-МОРАВСКОЙ ДОЛИНЕ ОСЕНЬЮ 1944 ГОДА..... 258

Симич М.
РОЛЬ РОССИЙСКИХ КОНСУЛЬСТВ В КОСОВО И МЕТОХИИ .. 266

Слинько А.А., Слинько О.Л.
НОВАЯ ДИНАМИКА ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ 21 ВЕКА: ПЕРЕОПРЕДЕЛЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ И ФОРМИРОВАНИЕ АНТИНЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ 273

Слинько Е.А., Дутов А.Н.
МЕСТО НЕФОРМАЛЬНОГО ВОЛОНТЁРСТВА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА 280

Slović Srdjan
THE ENLIGHTENMENT AS THE SPIRITUAL PRECURSOR OF POST-MODERNISM 286

Соколов А.В., Беляков А.А.
УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ 290

Соколов А.В., Палагичева А.В.
СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ И ДЕМОБИЛИЗАЦИИ ГРАЖДАН В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 296

Соколов А.В., Палачева Ю.А.
ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ КАМПАНИИ В РОССИЙСКОМ СЕГМЕНТЕ ИНТЕРНЕТА В 2019 ГОДУ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР СМИ 301

Сосунов Д.В.
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА) 308

Столетова А.С.
МАТЕРИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА 1970–1980-Х ГГ.: АСПЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ 314

Suda E. Zeynep
PERIODS, NEEDS, SPACES IN THE PRODUCTION OF COLLECTIVE MEMORY: LA TURQUIE CONTEMPORAINE AND LA TURQUIE KEMALISTE 320

Сунгуров А.Ю., К.А.Шамшура
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА С ГРАЖДАНСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ И ВЛАСТЬЮ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ 349

Съедин Н.А.
ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: КРИЗИС ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ 355

Тен Е. П.
ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СИСТЕМЫ СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КРЫМСКОМ РЕГИОНЕ 363

Тимофеева Л.Н.
ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ 373

Товмасян Н.Т.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СРЕДСТВ ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ 377

Толкачев В. В.
ИНТЕГРАЦИЯ КАК «ПОСТКОНФЛИКТНОЕ МИРОСТРОИТЕЛЬСТВО» 383

Ускова О. С.
КРЫМСКИЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКИХ ОТНОШЕНИЙ (2014-2019) 389

Фаис -Леутская О.Д.
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ НАСЕЛЕНИЯ И СОВРЕМЕННАЯ МИГРАЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ (ПРИМЕР СИЦИЛИИ) 394

Федирко О.П.
ОЦЕНКА СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ИЗУЧЕННОСТИ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА 399

Фомин М.В.
ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ VS СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ) 405

Фролов А.А., Барский Я.В.
СПЕЦИФИКА И ПОКАЗАТЕЛИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОСВЕЩЕНИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ ЗА 2018-2019 ГОДЫ..... 411

Хахалкина Е. В.
БРЕКЗИТ И ПРАВЫЙ ПОПУЛИЗМ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ 417

Черникова И.В.
ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЭТИЧЕСКИХ НОРМ 421

Цахидис Р.
РУССКО-УКРАИНСКИЙ КРИЗИС ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ 427

Шахин Ю.В.
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ О СУБЪЕКТЕ ДЕЗИНТЕГРАЦИОННОГО ПРОЦЕССА В ЮГОСЛАВИИ 429

Шашкова Я.Ю.
МЕСТО МОЛОДЕЖНЫХ ПАРЛАМЕНТОВ В СИСТЕМЕ МОЛОДЕЖНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА 438

Швая А.Ю.
КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ УЧАСТИЯ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЭЛИТЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В КОНФЛИКТЕ ПО ПОВОДУ ИСААКИЕВСКОГО СОБОРА 444

Шибанова Н.А., Галихузина Р.Г.
НЕГАТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК МАРКЕР И ИСТОЧНИК СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ С УЧАСТИЕМ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ 448

Широкова М. А.
РОЛЬ ПАТРИОТИЗМА КАК ЦЕННОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ЖИЗНЕННОГО МИРА СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА..... 454

Шматова Ю.Е.
ВЛИЯНИЕ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА НА ЕГО СОЦИАЛЬНУЮ АКТИВНОСТЬ 458

Шоджонов И.Ф.
МИГРАЦИОННЫЙ ФАКТОР В СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕГРАЦИОННОЙ МОДЕЛИ ЕВРОСОЮЗА 466

Шушпанова И.С.
ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ КАК ФАКТОР МОДЕЛИРОВАНИЯ СЦЕНАРИЕВ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ 471

Щербакова Л. Н.
ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА 478

Щербинин А.И.
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГОРОДА В БЫСТРО МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ НА ГРАНИЦЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПАРАДИГМ 483

Щербинина Н.Г.
СЕМИОСФЕРА УНИВЕРСИТЕТСКОГО ГОРОДА КАК ПРОСТРАНСТВО САМОКОММУНИКАЦИИ МОЛОДЕЖИ НА ПРИМЕРЕ ТОМСКА..... 488

Щетинина Е.А.
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ 493

Юрченко И.В.
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВА ДИАЛОГА В ПРОЦЕССЕ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ 497

Яковлева А.А.
К ВОПРОСУ О ВРЕМЕННЫХ РАМКАХ ОТКАЗА США ОТ ПОЛИТИКИ ИЗОЛЯЦИОНИЗМА 505

Для заметок

Научное издание

«ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОТВЕТЫ»

Сборник научных трудов
XXXVII Международного Харакского форума

(Симферополь, 5-7 ноября 2020 г.)

В двух томах

Том 2

Под общей редакцией *Т.А. Сенюшкиной*

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 30,23. Тираж 500 экз. Заказ № 07А/12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ»
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ИТ «АРИАЛ»
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru